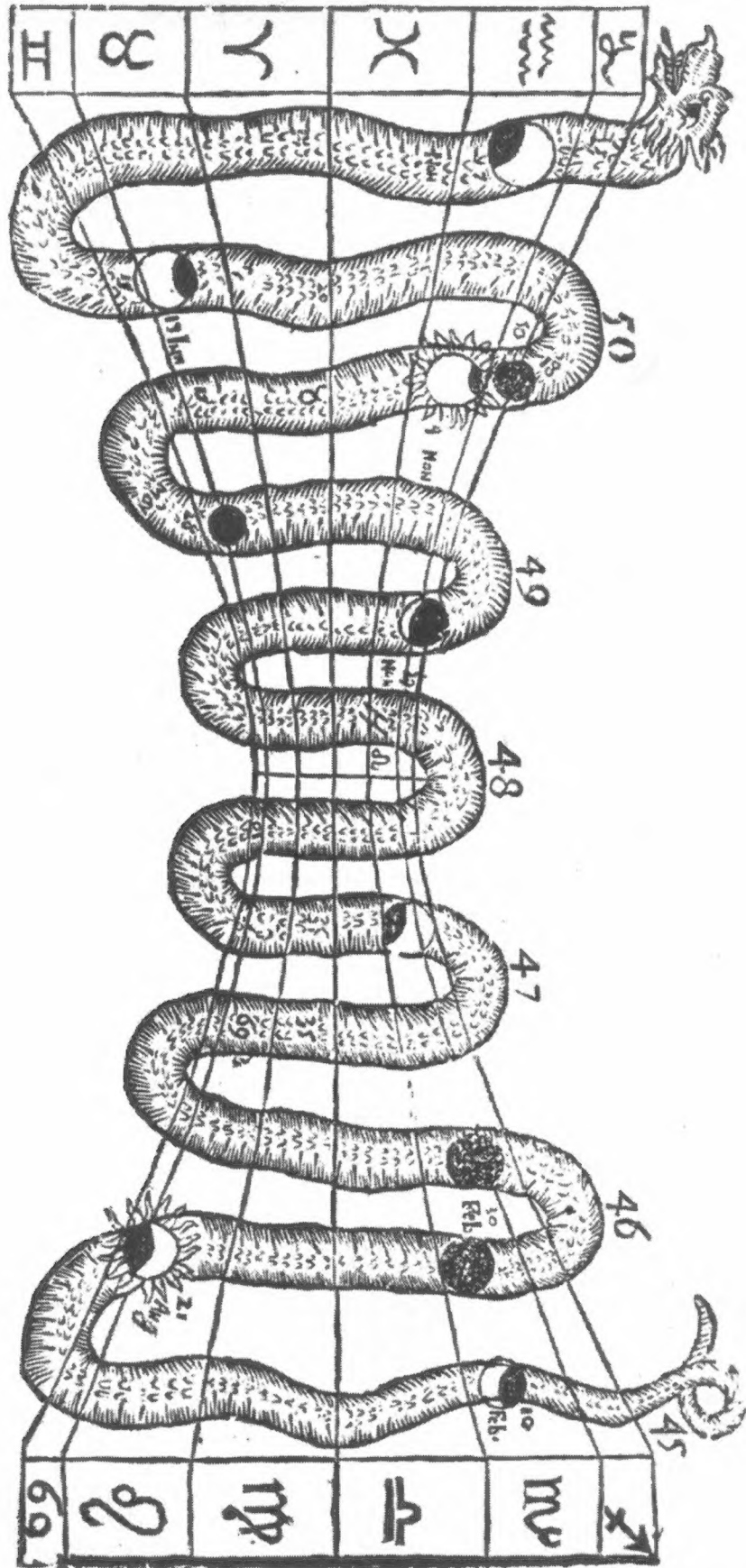

Станислас де
ГУАЙТА

ЗМЕЙ КНИГИ БЫТИЯ

Nox Microcosmica

Primum Mobile
Mentis Apollineæ mens
has mouet undiq. Musas

V R A N I A

P O L Y H Y N N I A

E V T E R P E

E R A T O

M E L P O M E N E

T E R P S I C H O R E

C A L L I O P E

C L I O

THALIA

חיתחקרש

παρμεσσύ

אופנים

μέδω

ארלים

λύχωνος μυσάων

שנפים

παρμεσσύ

השתלים

ύπναι μυσάων

כנופים

λύχωνος μυσάων

בני אלה

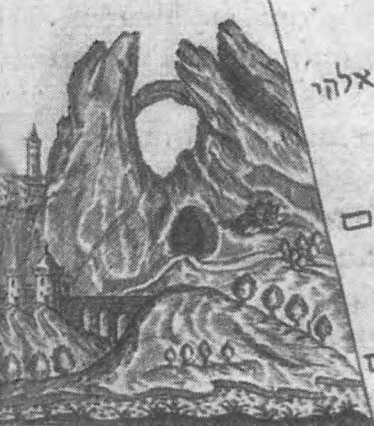
παρμεσσύ

אלהים

ύπναι μυσάων

המלאכים

παρμεσσύ

STANISLAS DE GUAITA

STANISLAS DE GUAITA
STANISLAS DE GUAITA
STANISLAS DE GUAITA

ESSAIS
DE
SCIENCES MAUDITES

AU
SEUIL DU MYSTÈRE

LE SERPENT DE LA GENÈSE

PREMIÈRE SEPTAINE

LE TEMPLE DE SATAN

PAR

STANISLAS DE GUAITA

Станислас де ГУАЙТА

ОЧЕРКИ О ПРОКЛЯТЫХ НАУКАХ

У ПОРОГА ТАЙНЫ

ЗМЕЙ КНИГИ БЫТИЯ

ПЕРВЫЙ СЕПТЕНЕР

(Книга I)

ХРАМ САТАНЫ

ТОМ I

Перевод с французского Валерия Нугатова

УДК 141.339+130.2

ББК 87.2 +86.42

Г 93

Г 93 **Станислас де Гуайта.**

Очерки о проклятых науках. У порога тайны. Храм Сатаны./ М. Ланселот, 2004. — 544 с.

Автор книги — знаменитый французский маг, оккультный философ, поэт и библиофил конца XIX в., создатель Каббалистического ордена Розы+Креста (руководителем российского отделения которого был известнейший оккультист Г.О.М.) — пользуется мрачной славой сатаниста, отравителя и колдуна; некоторые даже считают, что он играл в XIX в. такую же роль, какую Алистер Кроули — в XX в. Названия его книг всегда будут шокировать как «доброго христианина», так и устойчивого в своей благонамеренности неоспиритуалиста «правой руки». В настоящий сборник вошли его «Очерки о проклятых науках» и «Храм Сатаны» (первая часть трилогии «Змей Книги Бытия»). Недолгая жизнь (1861—1897) бесстрашного разоблачителя темных сторон оккультизма закончилась, по словам его ученика и соратника Папюса, в результате враждебной магической атаки. И весьма вероятно, что такая атака была вызвана содержанием его книг: ведь то, что описывал Гуайта, небезопасно предавать огласке. Мы впервые знакомим российского читателя с одной из ярчайших фигур французского эзотеризма и его невероятно глубокими и загадочными произведениями, приобретающими подчас почти детективную занимательность.

Часть i

ОЧЕРКИ О ПРОКЛЯТЫХ НАУКАХ

У ПОРОГА ТАЙНЫ

СОДЕРЖАНИЕ

ШЕПОТ ЧЕРНОЙ МУЗЫ	I–XVI
ПРЕДИСЛОВИЕ Мориса Барреса	33
УВЕДОМЛЕНИЕ ИЗДАТЕЛЕЙ для настоящего, пятого, издания	34
УВЕДОМЛЕНИЕ для третьего издания (1894)	35
ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ для второго издания (1890)	37

ВСТУПЛЕНИЕ

Магический синтез. — Закон Жизни, уравновешиваемый брачной борьбой противоположностей. — Причинность в Трех Мирах	38
Предмет данных эзотерических исследований. — Тождественность оккультных доктрин при различии символизма. — Гонения, направленные против адептов. — Царство Божие	39

У ПОРОГА ТАЙНЫ

Храм тайны. — Эмблематический сфинкс и его загадка. — Ответ Неведомого. — Змей из Книги Бытия и Дракон порога («Занони») символизируют одно и то же. — Опасности оккультизма: неблагоприятные обряды церемониальной магии. — Некрополь высших Наук	41
Основные качества Посвященного. — Шарлатаны и Лжеадепты. — Преследования магов и их причины. — Алхимия в оценке г-на Бертело из Института Франции	44
Различие между магией, «матерью» всех религий и «бабушкой» всех философий, и колдовством, «бичом» народов. — Колдуны и колдуньи древнего мира. — Приворотные зелья Канидии, Цирцеи и Медеи. — Эмпузы и Вампиры ...	46

Великолепие античной магии. — «Миссия евреев» Сент-Ива. — Цикл Рама и империя Овна. — Перечень ламических центров	48
Передача Магического Жречества. — Разрушение первоначальной иерархии и материализация эзотерического учения. — Пророчество Тота-Гермеса Трисмегиста. — Сочинения, приписываемые Гермесу. — Причины идолопоклонства. — Ортодоксальные святилища. — Махатмы, « <i>Theosophist</i> » и брошюра г-на Драмара ...	49
Общественный упадок во времена Моисея. — Несколькими столетиями ранее сыны Божьи Кришна, Зороастр и Фо-Хи пытались восстановить древний синтез	52
Тайны божественной Тетраграммы. — Дуализм Зороастра — лишь видимость: Митрас-Митра, принцип равновесия. — Печать Соломона и Пантакль Фо-Хи ...	52
Моисей и теократия Израиля. — Сочинения и гений Моисея. — Моисей и Соломон. — Иисус Христос приходит восстановить Моисеев закон; он заменяет обветшалый покров семитского откровения. — Личные оговорки автора ..	53
«Сеиды» язычества противопоставляют Христу Симона-Чудотворца и Аполлония Тианского. — Евангелие от Аполлония, написанное Филостратом. — Юлиан-Мудрец и агония старого мира	55
Магия в Греции; ее эстетический характер. — Орфей, современник Моисея. — Он проповедует евангелие Красоты. — Амфион. — Пифагор и Платон, каббалисты. — Неоплатоники: компромисс между Платонической философией и христианским эзотеризмом. — Порфирий и Ямвлих	56
Церковь утрачивает эзотерическую традицию. — Ключ Добра и Зла. — Лицемерие гностических диссидентов; их осуждение. — Церковь предаёт Магию анафеме. — Презрительные слова епископа Синезия. — Папы и Традиция. — Колдовство и Святой Престол: « <i>Энхиридион</i> » Льва III и « <i>Гримуар Гонофия</i> »	57
Первые еретики были колдунами: Монтан, Мани, Арий. — « <i>Золотой осел</i> » Апулея и миф о <i>Психее</i> . — Овидий и его « <i>Метаморфозы</i> ». — Вергилий. — Два посвященных монарха Древнего Рима: Нума Помпилий и Юлиан. — Галлы и их друиды	58
Волшебники и колдуны в средние века. — Карл Великий учреждает <i>Святой Вем</i> ; непреклонное правосудие Вольных Судей. — Казнь герцога Фридриха Брауншвейгского, осужденного вемским трибуналом	59
Колдуны и Шабаш. — Преступный Шабаш и Шабаш как предлог. — Злодеяния Жилья де Лавалья, маршала де Рэ. — Магнетизм и Колдовство. — Приворотные зелья и яды. — Одержимость тайной в средние века. — Тайные общества: Тамплиеры, Неизвестные Философы, Розенкрейцеры и Франкмасоны. — Новое Масонство, побочное и плохо привитое к старому: Эшмол ...	60
Великие инициатические коллегии исчезают, и появляются специалисты. — Разделение Магии на три ветви: метафизические, гадательные и герметические Науки. — Связность Античного синтеза	61
Окультизм в средние века; Седекия и искусство колдовских чар: Астральные фотоснимки. — Раввин Иехиал и его волшебный гвоздь: он наводит ужас на своих врагов, используя электричество. — Альберт Великий и « <i>Малый Альберт</i> ». — Алхимики Раймунд Луллий, Бернард Тревизанский и Василий Валентин. — Николай Фламель и существование Философского камня	62
Аббат Тритемий и его ученик Корнелий Агриппа; их труды. — Парацельс, универсальный магнетизм и симпатическая медицина. — « <i>Химический путь</i> ». — Пресловутый Месмер. — Ван Гельмонт и Магнетизм. — Кунрат и его книга, два человека в нем: позитивист и мистик. — Кунрат-алхимик. — Кардан. — Постель. — Освальд Кролл; Гаффарель делает заимствования из его Книги о сигнатурах. — Кнорр фон Розенрот и его бесценная « <i>Разоблаченная Каббала</i> »	63

Число адептов приумножается. — Сендивогий и Филалет. — Председатель д'Эспанье. — Якоб Бёме, посмертный учитель Сен-Мартена. — Публичное покаяние Сен-Мартену. — Труды этого теософа. — «Божественная философия» Келефа бен Натана	66
Загадочные личности XVIII столетия: Сен-Жермен, Месмер, Калиостро, Лафатер, Сведенборг. — «Влюбленный Дьявол» Жака Казота. — Смерть Казота. — Делормель казнен при таинственных обстоятельствах как клятвопреступник и разоблачитель	67
Фабр д'Оливе; его гений и его произведения. — Преследования, которым его подвергает Наполеон. — Он публикует одно за другим: «Представления о чувстве слуха». — «Золотые стихи Пифагора». — Что такое «Восстановленный древнееврейский язык»? — «Философическая история рода человеческого» и учение о трех принципах. — Общественное применение этой доктрины. — Неизданные Комментарии к «Космогонии Моисея»: «Каин» Фабра д'Оливе может восполнить это произведение, рукопись которого утеряна	67
Рестаuration и смешанный мистицизм Фурьеристов и Сен-Симонистов. — Отец Анфантен и Виктор Консидеран	68
Отважные исследователи XIX столетия. — Вронски, Рагон, Луи Люка, Лакуриа	69
Появление совершенного учителя. — Гений и труды Элифаса Леви; дань уважения этому величайшему, но непризнанному человеку	70
Сент-Ив д'Альвейдр и его синархия. — Объяснение трех советов. — Синархия в сопоставлении с доктриной Элифаса. — Обе теории носят в высшей степени каббалистический характер	71
Упадок философии в нашу эпоху. Раздробленность, свойственная аналитическому методу. — Оккультные романисты. — Жозефен Пеладан и его произведения; он формулирует на основе достоверного знания то, что Бальзак лишь интуитивно предчувствовал («Луи Ламбер», «Серафита»)	72
Небольшие труды герцогини де Помар	72
Всё изменилось со времени первого издания этой книги: число оккультистов приумножается; «проспекты» Высшей Науки расчищены	73
Теософское Общество и его распространение. — Похвальное слово г-же Блаватской как писателю; направленная против нее клевета. Ее произведения: «Разоблаченная Исида», «Тайная Доктрина». — Г-н Габорио и «Лотос». — Синнет и его «Эзотерический Буддизм». Гг. Субба Рао, Гартман и Амаравелла. — «Теософское обозрение» графини д'Адемар	73
Два новых Каббалиста: гг. Альбер Жуне и Папюс. — Произведения Папюса во многом способствовали распространению оккультизма. — Его «Трактат по основам Оккультной науки» — превосходная «грамматика» Магии. — Его монументальный труд о Таро обеспечил ему незыблемое место в ряду классиков оккультизма	74
Распространение Эзотеризма среди современных умов. — Теософ Ф.-Ш. Барле. — «Великие Посвященные» г-на Шюре. — Каноник Рока и Розенкрейцер, известный под именем «Альта», инициированные священники. — «Теория темпераментов» гг. Польти и Гари	75
Неортодоксальные «епархии» вульгаризированного оккультизма: Магнетизеры и Спириты. — Хотя среди магнетизеров часто встречаются подлинные ученые мужи, они так и не пришли к общему мнению относительно принципа их искусства. — Магнетизеры-психологи и магнетизеры-флюидисты, от Месмера до Дюпота	76

Раскроем скобки, ставшие неизбежными: общая теория Света. — Великие тайные общества: необходимость испытаний; ответ кандидата на вопрос, который ему поставлен: «Чего ты хочешь от нас?» — «Узреть Свет!» — Свет — уникальная субстанция, по словам мастеров. Четыре феноменальных проявления Света. — Свет — центральная точка космического синтеза. — Великий Аркан в природном, или позитивном, смысле — не что иное, как наука об управлении им. — Свет имеет андрогинную природу: Аод, Аоб и Аор. — Сера, Меркурий и Соль алхимиков. — Сгущение Света и образование материальных тел	77
Слепота ученых, отрицающих существование Света, равно как и универсального Флюида	80
Строение человека, согласно учителям: Тело, духовная душа и формирующий медиатор (посредник). — Природа этого медиатора, или <i>астрального тела</i> . — При соответствующем воздействии он становится орудием всех явлений, называемых «чудесными». Каким образом? — <i>Конфигуративный</i> характер астрального Света. — Призраки и сомнамбулический экстаз. — Что такое <i>элементарные Духи</i> ? — Как оккультист подчиняет их себе и руководит ими	81
Месмеристы лишь предчувствовали эту великую стержневую теорию Света. — Если бы они обратились к <i>Таро</i> , то, возможно, получили бы информацию по этому важному вопросу. — Единственный магнетизер, посвященный в эту теорию: г-жа Мон	81
Аббат Фариа, изобретатель <i>внушения</i> . — Англичанин Брейд ограничился тем, что переименовал <i>Магнетизм</i> в <i>Гипнотизм</i> . — Ученые корпорации, неустанно осыпавшие проклятиями Магнетизм, радушно принимают Гипнотизм. — Бесспорная ценность Школы Нанси, основанной д-ром Льебо	82
Порожден ли спиритизм превратным толкованием Каббалы в отношении элементарных духов? — Комические стороны спиритизма	83
Сверхъестественного не существует, — естественный Закон, управляющий явлениями астрального флюида, еще более грозен, чем все дьявольские фантазмагии	83
Мир, который коллективно использует во зло высшие секреты флюидической Магии, — это проклятый мир, который может очистить лишь вторжение варваров. Существуют роковые науки. Символы Эндимиона и Феба. — Искусительный плод из Книги Бытия	84
Эти страницы — своего рода введение к последующим работам	84
Sursum corda! Сильные должны подняться по лестнице Иакова, дабы пройти посвящение в сверхчувственном мире и снова спуститься оттуда в сиянии к своим непосвященным братьям, гражданам чувственного мира. — Хотя они и стали детьми Божьими, но эти избранные остались, тем не менее, Сынами Земли: пусть же не забывают об этом!	84

ПРИЛОЖЕНИЕ

I

ЗАМЕТКА ОБ «AMPHITHEATRUM SAPIENTIÆ ÆTERNÆ»
КУНРАТА

Значение этой книги. Она часто бывает неполной в отношении гравюр. — Деление произведения. — Библиофильское примечание Г.-Ф. де Бюра 87

II

ЗАМЕТКА О ПЕНТАГРАММАТИЧЕСКОЙ РОЗЕ-КРЕСТЕ КУНРАТА

- Тайны Пентаграммы. — Центральная точка, от которой расходится окружность. — Тожественность Слова и Адама Кадмона. — Всё проистекает от Него, и нет ничего вне Его 91
- Три сферы *Айн-Соф*, *Иешуа* и *Эмет*; оккультная природа Отца и Святого Духа. — Обращения *Иахоах*. — Эмблема голубки и кадуцей Гермеса 92
- Адам Кадмон* (или Слово) пронзает тучи *Ацилут* десятью сефиротическими лучами. — Умножение *Пентаграммы* на *Денер Сефир: Пятьдесят Врат Света* 93
- Эмблема Креста в центре пылающей Звезды. — Расщепление *Иахоах*, которое становится *Иешуа*: замена неблагоприятной 5 на благоприятную 4. — $4+5=9$. — 9 — число человека. — 9 сфер Розы-Креста 94
- Иерограмма *Адама*: 9 заключается в 10. — *Йод-Хеве* и *Адам-Хеве*. *И-ах* и *Адам-ах*. — Кватернер *Меркавы* и септенер *Берешит* (Примечание) 95
- Тайны *Шин*, вновь соединяющей две части расщепленного *Иахоах*. — Грехопадение и Искупление. — Числа 5 и 4, согласно Сен-Мартену. — 5, эмблема Грехопадения, символизирует также волю, фактор реинтеграции дольных единиц в божественное Единство. — Относительный и преходящий характер Зла 96
- Сефироты* и божественные имена, которые им соответствуют. — Средний эзотерический смысл этих различных иерограмм 97
- 1-я таблица каббалистических соответствий 99
- Сефироты и ангельские сферы. — Ангелы в Каббале. — Лестница *Иакова*. — Ангелы-правители, раскрывающие заповеди Закона 100
- Порождение символических букв и священного алфавита: они рождаются из контраста между тенью и светом 100
- 2-я таблица каббалистических соответствий 101
- Объяснение трех тернеров. — *Малкут*, обобщенный и совершенный синтез Сефир, зачаточным и потенциальным синтезом которых является *Кетер* 102

3-я каббалистическая таблица: распределение Сефир по трем тернерам	103
Догматическая насыщенность этой заметки. — В Каббале, как и в алгебре, есть свои уравнения; это язык, которому нужно научиться. — Практическая польза данного способа представления теософских тайн	103

III

АНАЛИЗ АНДРОГИНА КУНРАТА

Это герметический, или алхимический пантакль, который, однако, поддается истолкованию в психологическом и метафизическом смыслах. — Папюс демонстрирует нам чисто алхимический смысл	105
1. — Положительный смысл эмблемы (согласно Папюсу). — Философский камень — это не обман; он представляет доказательства его реальности. — «Темнота» языка Учителей; причина этой «темноты». Некоторые из них совершенно ясно описывают последовательность химических операций, но все скрывают название Первовещества и сущность тайного огня	107
Преобразования Вещества в «яйце» Атанора. — Последовательность цветов и солнечный спектр. — Чисто физические феномены	108
Три круга. — <i>Хаос</i> : первый круг символически изображает голову ворона. — <i>Ребис</i> : второй круг соответствует <i>покрытой листвой белой земле</i> ; онтологическое строение всего бытия. — <i>Азот</i> : третий круг относится к философскому огню. — Различные определения Пернети	108
Треугольник <i>Элохим</i> символизирует совершенный философский камень	109
2. — Сравнительный смысл эмблемы. — Андрогин обозначает человеческое Царство в его синтезе. — Деление Адама. — <i>Айша</i> , воля, приводит к <i>Хеве</i> , материализованной жизни, супругом которой становится Адам после своего грехопадения	111
<i>Круг, квадрат и треугольник</i> ; иероглифические соответствия. — Адамический тернер, заключенный в кватернер элементов. — Душа, раздираемая четырьмя расходящимися силами элементарной природы, воплощается в человеческой форме, если ей достается победа: в противном случае, она становится элементарной или впадает в низшие царства. — Сперматозоиды и врата объективного существования	112
Сфера <i>Гиля</i> ; царство хаоса; материальный генезис. — <i>Инволюция и эволюция</i> . — Искупление. — Примечание о минеральном, растительном и животном искуплениях. — Каким образом сознание постепенно пробуждается в процессе эволюции?	113
Земное синархическое Государство, Семья и Любовь. — Оккультное значение Любви по отношению к индивидам и коллективам. — Атавизм. — Милосердие, возвышенная форма Любви, способствует реинтеграции дольных единиц	115
Любовь, третий лик адамической троицы. — В божественном мире любовь — это <i>Святой Дух</i> ; в космическом — она проявляется в форме <i>притяжения</i> . — <i>Феникс</i> Кунрата символизирует любовь	115
Объяснение андрогинной фигуры. — Власть адепта над флюидическими силами. — <i>Нефеш-ха-хайя</i> , <i>Азот</i> и <i>Иона</i>	116
Треугольник <i>Аурум</i> — проявление божественного Огня, <i>Эш</i> , отправная точка инволюции и точка возврата вселенской эволюции	117

3. — Превосходный смысл эмблемы. — <i>Невыразимая Тетраграмма</i> . — <i>Айн-соф</i> и его сияющий покров, которым служит <i>Эш</i> . — Тайна Слова, слияние чистого духа и вселенской живой души. — <i>Йод, Иах и Иахо</i>	118
Применение иерогаммы <i>Агла</i> к пантакулярной фигуре <i>большого Андрогина</i>	119

IV

ИНИЦИАТИЧЕСКАЯ РЕЧЬ ДЛЯ ПРИЕМА В МАРТИНИСТСКУЮ ЛОЖУ (ПРИСУЖДЕНИЕ 3-Й СТЕПЕНИ)

Каждый <i>посвяtitель S.:I.:</i> может создать группу, интеллектуальным отцом которой он является. — Допускаются любые убеждения, поскольку всегда уважается свобода Мартинистов; любовь к ближнему — единственный закон, который им предписывается. — Все великие религии основаны на альтруизме и солидарности. — <i>Буква и Дух тайн</i>	120
Мартинистские наставления <i>точные</i> , но <i>элементарны</i> . — Оккультную науку невозможно передать посредством речи: каждый должен мысленно представить, создать и развить ее в самом себе	121
Несколько слов: Ключ к магическому синтезу. — <i>Абсолют</i> невыразим, непостижим и недоступен. — Андрогинная диада; тайна Слова. — Слово — это вселенский Адам до его грехопадения. — Грехопадение Адама; <i>Нахаш</i> и принцип инволюции. — Божественная искра постепенно меркнет и впадает в материю, которую она пронизывает, обрабатывает и наделяет силой. — Начинается эволюция, в восходящей форме: это отражение на физическом уровне инволюционного движения, осуществляемого на астральном уровне. — Почему эволюция служит вселенским искуплением духа? — <i>Великое дело человека</i>	123
Однородность вселенского Адама; обратимость счастья и страдания. — Возвращение дольных единиц в единство. — Всеведение в Боге: <i>Нирвана</i>	125

V

ЗАМЕТКИ ОБ ЭКСТАЗЕ

Одного размышления над оккультными трудами недостаточно для посвящения. — Необходимо самому отправиться в Незримое на завоевание Истины. — Несколько степеней ясновидения; несколько зон зрения. — Различные <i>ясновидящие</i> . — Инициатическая реинтеграция	126
Гениальный человек — не кто иной, как интуитивный и стихийный адепт, наделенный особыми способностями эстетического переноса: эти способности нельзя приобрести. — Искусственное становление гением. — Бог снисходит к гениальному человеку; адепт поднимается к Богу	127
Реинтеграция человеческих дольных единиц в божественное Единство. — Две формы: активная и пассивная. — Пассивная форма подразумевает отказ от воли; активная форма наделяет волю пылающим мечом. — Пример: Иисус Христос и Моисей. — Можно ли наслаждаться земными иллюзиями? Удовольствие	128

Только активная реинтеграция допускает относительность. — Опасности реинтеграции в пассивной форме. — Опасность монастырей; ее глубинный смысл. — «Камень преткновения» для созерцательного призвания	130
Реинтегрированный, <i>Йог</i> (единый с Богом); посвященный, <i>Двиджа</i> (дважды рожденный): определения. — Две степени активного Экстаза. — Выход в астральном теле. — Соответствующие степени в пассивной форме	131
Голос, говорящий внутри. — Как приобщиться к Абсолюту? — Пророческая Самость. — Духовное опьянение. — Дорога в Эдем. — Безличный Учитель; Бездна. — Голос головокружения	132
Различные способы вызывания Гуру высших инициаций. — Под каким символом произведения высшей науки обычно разъясняют этот великий аркан. — Вызывание небесных разумов. — Примеры. — Общение с высшими духами и прославленными душами: это не что иное, как инициация 2-й степени. — На 3-й ступени духи исчезают, уступая место чистому Духу. Все преграды рушатся. — Текст Авраама-иудея	133

VI

ПРЕДИСЛОВИЕ К «ЗАНОНИ»

<i>Предуведомление.</i> — «Занони» и Бульвер-Литтон, автор этой обширной эзотерической эпопеи	136
Предисловие, перевод с английского	140
<i>Примечания.</i> — Аверроэс и Парацельс. — Заметка о Розенкрейцерах; пророчества Парацельса; Илия-Художник и т. д. — Брингарет. — Глиндон, кандидат, лишенный звания адепта. — Реализм и Истина. — Аббат де Виллар, его посвящение, его трагическая и загадочная кончина. — Саламандры и Сильфы, Элементали. — Аполлоний. — Сновидение, экстаз и билочация: тайны астрала. — Четыре вида экстатического исступления Платоников, согласно Агриппе («Оккультная философия»): они посылаются — 1) Музами; — 2) Дионисом; — 3) Аполлоном; — 4) Венерой. — Комментарии. — Криптографические тайны	149

КОНЕЦ «ОЧЕРКОВ О ПРОКЛЯТЫХ НАУКАХ»

ЗМЕЙ КНИГИ БЫТИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Эзотерический план «Змея Книги Бытия». — Разделы произведения, установленные по образцу карт Таро	167
ВВЕДЕНИЕ	171
Состояние Умов в конце XIX столетия. — Великая интеллектуальная болезнь — Агностицизм: ее симптомы. — Отсутствие всякого синтеза; злоупотребление аналитическими методами. — Наряду с признаками упадка, некоторые предзнаменования позволяют предсказать восстановление. — Закон Становления. — Древние цивилизации, основанные на строгом синтезе: примиренные Знание и Вера; единство университетского и религиозного образования. — Цикл Рама; Фабр д'Оливе и Сент-Ив д'Альвейдр: героические времена	171
Параллель между античными цивилизациями и нашей. — Двойной поток интеллектуальной жизни в синархическом государстве, аналогичный двум кругам артериального и венозного кровообращения в человеческом организме. — Сравнительная характеристика нашего анархического государства и теократического, иерархического государства древних веков: гиганты или пигмеи? — Мир в Золотом веке	172
Система древнего синтеза рухнула; но можно заставить «говорить» ее обломки. — Необходимо, чтобы «душа» прошлого научила нас путям Будущего: эра Христа страждущего скоро закончится, и это будет пришествием Христа во славе. — Священные книги: <i>буква убивает, а дух животворит</i> . — Разбудим Спящую Красавицу, то есть эзотеризм, сокрытый внутри древних символов	175
<i>Змей Книги Бытия</i> . — Моисей предоставит нам текст для исследования, которое заполнит три последующие книги. — Одна строка на древнееврейском и ее перевод, согласно Вульгате и Фабру д'Оливе. — Моисеева легенда о первородном грехе, как представляют ее эзотерические теологи, верящие в «букву» Вульгаты	177
Три смысла, приписываемых мифу о Змее. Он означает: в вульгарном смысле — <i>Дьявола</i> ; в среднем эзотерическом смысле — <i>Астральный свет</i> ; в высшем эзотерическом смысле — <i>Первоначальный эгоизм</i> , подтолкнувший к эдемскому грехопадению. — Это тройное толкование определяет три части нашего произведения и главенствует над ними: <i>Змей Книги Бытия</i> : — Книга I, <i>Храм Сатаны</i> (факты); — книга II, <i>Ключ к черной магии</i> (теории); — книга III, <i>Проблема зла</i> (метафизический синтез произведения). — Сдержанность автора в вопросах веры; он не стремится догматизировать	180

ПЕРВЫЙ СЕПТЕНЕР

(Книга I)

ХРАМ САТАНЫ

КАТАЛОГ основных произведений, к которым мы отсылаем читателя на страницах «Храма Сатаны»	185
N. В. Предуведомление, относящееся к первому септенеру	211

Глава I. — ДЬЯВОЛ

Существует ли он? — В интеллектуальном мире он называется Заблуждением; в нравственном мире он носит имя Эгоизма, наконец, в физическом мире он воплощается во всех формах Уродства. — Благоразумие наставляющей Церкви, никогда не дававшей определения Дьяволу. — Общепринятое представление о Князе преисподней; комизм и противоречивость, присущие этому верованию. — Дилемма Бейля и сонет Сулари	213
Догмат о падении Ангелов. — Этот догмат, неизвестный Моисею и завезенный из Вавилона раввинами, является заимствованием из теогонии Зороастра. — Экзотерический и эзотерический маздеизм. — «Побочная дочь» непонятого Маздеизма, чудовищная ересь Мани по-прежнему отравляет христианскую догматику. — Одна страница из Апокалипсиса и один фрагмент из св. Хильдегарды, истолкованные в смысле падения Ангелов. — Поразительное сопоставление маркиза де Мирвиля. — Догмат о двух враждующих началах восходит к первым космогоническим циклам Индии: Асуры и Дэвы; война между гениями Зла и Добра. — Возможно, Добро побеждено?	217
Мифологические инкарнации Сатаны. — Тифон и Чутгур. — Зло наделено лишь исключаящим существованием; будучи отрицанием, оно лишено собственной сущности. — Противопоставлять Богу обожествленное зло — значит выдвигать абсурдную гипотезу о двух противоречащих друг другу бесконечностях. — Дьявольский характер многих языческих божеств: любой религиозный символ, достаиваемый гнусных ритуалов, становится идолом, в котором воплощается Сатана. — Аватары Сатаны: Тор, Тевтад, Молох, Бельфегор, Адрамелех, Меликерт, Вельзевул, Мендес, Приап и т. д. — Мистерии доброй Богини. — Omnes dii gentium daemonia. — Отвратительное поклонение идолам, изображающим обожествленные пороки. — Шива и богиня Кали. — Религиозное самоубийство в Индии. Thuggs, братство Душителей. — Признания одного Душителя перед английским правосудием: рассказ об одной гекатомбе в Джунглях.....	221

Какопневматика Талмудистов и адептов Каббалы. — Искушение Адама и Евы, согласно Талмуду и «Зогар Хадаш». — Ева-женщина и Хева-уж. — Левиафан; его мужская инкарнация — Самаэль и его женская инкарнация — Лилит. — <i>Sepher Attmude-Schib-a</i> и <i>Sepher Emck-Atmeleh</i> . Другие супруги Самаэля: <i>Аггарат</i> , <i>Нахема</i> , и <i>Мохлат</i> . — Цитата из <i>Элифаса Леви</i>	225
Легенды о любви между богами и смертными. — Необычное предание о рождении Октавиана, сообщаемое <i>Светонием</i> . — Приключение Паулины и всадника Мундуса, согласно <i>Иосифу</i>	227
Дьявол в средние века. — Мессии света и тьмы: <i>Христос</i> и <i>Антихрист</i> . Текст из <i>Апокалипсиса</i> , касающийся Антихриста. — Миф об Антихристе и мнение св. <i>Григория Великого</i> . — Два пришествия Антихриста; реинкарнация Илии и Еноха; пришествие Христа во славе. — Глава и тело дракона; глубокий эзотеризм этого символа. — Мистическое определение Дьявола и его мессии. — Различные пророчества. — « <i>Сорат</i> », поэма <i>Альбера Жуне</i> . — Исторические персонажи, в которых видели Антихриста. — « <i>Тысячелетие</i> » доктора <i>Зимпеля</i> ; Наполеон III верхом на апокалиптическом Звере	229
Позитивные инкарнации Антихриста: <i>демонограф</i> , <i>экзорцист</i> и <i>инквизитор</i> . Мнение <i>Пьера де Ланкра</i> и <i>Анри Боге</i> о колдовстве. Сцены <i>одержимости</i> или (в терминологии д-ра <i>Кальмеля</i>) <i>истеро-демонопатии</i>	233
Урсулинки из Лудена. — Подробный рассказ о процессе <i>Юрбена Грандые</i> . — Обращение господина де <i>Кериоле</i> . — Ожесточение <i>Лобардемона</i> и кардинала <i>Ришелье</i> . — <i>Экзорцизмы</i> . — <i>Лобардемон</i> — <i>рогоносец</i> , под чем он собственноручно подписался. — Казнь <i>Грандые</i> . — Резонанс от этого процесса; « <i>История луденских демонов</i> ». — Строфы того времени, в которых доказывается невиновность <i>Грандые</i> . — Плачевный финал всех его преследователей. — Средневековая юриспруденция: Дьяволу позволено давать показания в суде	235
Современные сторонники Инквизиции и костров. — <i>Бербигье</i> и книга о <i>Барабашках</i> . — Этот несчастный — жертва множества ларв. — Отступление об <i>Астральном Мифе</i> и населяющих его лемурических существах. — Арсенал <i>Бербигье</i> : стальные острия, курения и т. д... — Стиль <i>Бербигье</i> ; его диатриба против кошек; его научные притязания. — <i>Жозеф-Прюдом-визионер</i>	245
<i>Сатана в стиле fin de siècle</i> ; он рядится джентльменом. Современные демонографы: маркиз де <i>Мирвиль</i> и шевалье <i>Гужено де Муссо</i> ; их произведения. — Формальные одобрения церковных властей: цитаты из Кардиналов-архиепископов <i>Бордо</i> и <i>Безансона</i> , генерала <i>Ордена Театинцев</i> , п. о. <i>Вуазена</i> и т. д... — История одной несчастной, соблазненной Дьяволом в черном фраке; рассказ одного епископа шевалье де <i>Муссо</i> . «Подвиги» медиумов и их «духов»: нескромные дуновения под юбками дам, китовый ус, вырванный из корсета, замогильные ласки и т. д... — Несмотря на то, что медиумы невиновны в этих непристойностях, они вполне могли бы нести ответственность за проделки Дьявола. — Стиль г-на <i>Гужено де Муссо</i>	248
Отличительные черты Дьявола: Небытие, ничтожество, бессилие, глупость, зависть. — У порога несправедливой тайны. — Презрительный девиз <i>Генриха Кунрата</i>	254

Глава II. — КОЛДУН

- Амбиции неуправляемого деспотизма, подкрепляемые монополией на знания, запретные для толпы — вот что погубило стольких людей, «скатившихся» к колдовству. — Определение колдуна; его моральное вырождение. — Современные колдуны — медиумы. — Почему мы видим, как лучшие медиумы в некоторых случаях мошенничают? — Медиум и посредник. — Являясь, подобно ему, марионеткой незримого, современный колдун отличается от старого тем, что он обычно отрицает существование Дьявола. — *Джеттаторе*. — Любой колдун несет на себе печать Сатаны: в этом и состоит безошибочный критерий. — Колдуны существовали во все времена и во всех странах. — Опасность колдунов для нашей эпохи, которая их отрицает 257
- Колдун у разных народов. — Прорицатели и чародеи *Атлантов*. — Древняя и современная *Индия*. — Позорные суеверия. — *Факиры* и *Пурохиты*. — *Мантры* и культ *Питрисов*. — Произведения *Жаколио* и старая книга *Авраама Роджера* об Индии. — У древних евреев черная магия ограничивается призыванием *Аобот*. — Колдовство *финнов* и *аккадцев*: злой человек, смертельное слово и вещь. — *Шиваизм* на *Цейлоне* вырождается в колдовство 261
- Досадное смешение жреца-теурга с колдуном, поддерживаемое этнографами. — Черная магия, в сущности, носит скрытый и антижреческий характер. — Отступление о кровавых жертвоприношениях и их происхождении; наиболее противоречивые культы единодушно их предписывают. — Великий аркан и его адамическое следствие, в равной степени непризнанные. — *Цикл Бхарата* и *Цикл Ассура*. — Человеческие жертвоприношения в Индии (*Кали* и *Шива*), в различных *Финикийских государствах* (*Рутрем* и *Молох*), в *Кельтиде* (*Тор* и *Тевтад*), в *Греции* (принесение в жертву *Ифигении*), на *Крите* (*Минотавр*), в *Риме* (галльские пленники) и даже в *Израиле* (жертвоприношения *Авраама* и *Иеффая*, заклание царя *Агага* и т. д.). — Инквизиция и костры 263
- Колдовство в постоянной вражде с официальным жречеством. — *Гоэтия* в *Греции*. — Волшебные снадобья, вызывающие любовь или смерть. — *Офиогены* с *Гелеспонта*. — *Эрато* сделалась колдуньей: заклятья *фессалиек*. — *Ядовитые цветы* (*Rosa Mystica*). — *Ликантропы* и *вампиры*; *инфернальные заклинания*. — Древнее предание гласит, что призраки заимствуют светящееся тело у вещества лунных лучей: это объясняет, почему эти двусмысленные искусства связаны с культом кровавой *Гекаты*. — Текст заклинания, взятого из *Philosophumena*. — Колдовство в произведениях *Феокрита*, *Горация* и *Лукиана* 265
- Колдовство проникает в Рим, особенно, в конце периода Республики. — «Ларвы» ложного оккультизма. — *Фригийцы* торгуют приворотными зельями; а так называемые «халдеи» продают гороскопы. — Знаменитые сивиллические свитки. — Магия становится отравительной в Риме во времена *Локусты*. — Смерть *Британника*, согласно *Тациту* и *Светонию*. — Почему яд, подлитый по приказу *Нерона*, не мог быть, как полагали, синильной кислотой? 267
- Теургическая школа Александрии подозревается в черной магии. — Гностики еще более явно увлекаются этими запретными обрядами. — (Оговорка по поводу *Маркиона* и *Валентина*, не говоря уже об ортодоксальных гностиках.) — *Симон-Волхв* обожествляет свою сожительницу *Елену*. — Негр *Монтан* и его истерические *Голубки*, *Максимилла* и *Присцилла*. — *Маркион* и грозный аркан флюидического змея. — *Маркос* рукополагает на Христовом алтаре юных девственниц, посвящая их своим дыханием в пророчицы. — Аскетический мистицизм часто приводит к разврату. — «Человек — не ангел и не зверь» (*Паскаль*) 269

Почему все ереси более или менее родственны Черной магии? — Ранние протестанты. <i>Манихейство и Арианство. — Альбигойцы, Катары, Вальденсы, Севернские трясуны и Колдуны из Лабура</i> — всё это едва замаскированные манихейские секты	270
Лжеколдуны. — Все великие гении обвинялись в колдовстве: <i>Альберт Великий, Раймунд Луллий, Тритемий, Агриппа</i> и даже папы <i>Сильвестр II</i> и <i>Григорий VII</i> . — Мужественное выступление <i>Габриеля Ноде</i> в защиту великих людей, обвиненных в Магии, и нелепая реплика <i>Жака д'Отена</i> . — Нелепые легенды об <i>Агриппе</i> : он велит Дьяволу войти в труп и прогуляться в этом теле по городу; проклинает своего домашнего Демона, который в облике собаки бросается в Сону. — Противоречивые рассказы <i>Поля Жова</i> и <i>Жана Бодена</i> . — Легенды о св. <i>Фоме Аквинском</i> : допотопный трактат по астрологии, заключенный в камень и найденный <i>Гермесом</i> , позволяет этому доброму Отцу Церкви вырезать талисман, с помощью которого он творит чудеса, и т. д... — Необычный способ, которым Ноде вынужден защищать такого человека, как <i>Агриппа</i> . — Судья <i>Ремигий</i> , опечаленный тем, что никто не хочет верить, что все люди — колдуны, доносит на себя самого и погибает на костре	272
Тридцать тысяч колдунов во Франции в правление Карла IX. — Обвинениями в колдовстве, несомненно, злоупотребляли, но современные открытия способны смутить скептиков, отрицающих грозную действенность порчи. — Средневековый колдун — обычный, классический образ. — Мишле приносит его «в жертву» ведьме. — Давайте воскресим колдуна и ведьму в фантастической обстановке легендарного <i>Шабаша</i>	274
ШАБАШ. — Полоски густой травы на лугах, или <i>круги фей</i> ; они там водили хороводы. — На песчаной равнине <i>Шабаша</i> , наоборот, трава подстриженная и редкая. — Друидический дольмен посередине. — Закат солнца. — Сумеречный эффект. — Фантомы. — Ведьма читает заклинания. — Кувшин, откуда выскакивает <i>Леонард</i> . — <i>Леонард</i> вырос, теперь он чудовищных размеров. Блуждающий огонек опускается между его рогами, и <i>Шабаш</i> начинается; прибытие волшебников и ведьм. — <i>Хар! Шабат!</i> — Разноцветные костры и мелодии. — Знаки уважения <i>Леонарду</i> ; каждый участник целует его в зад. — Проверка меток. — Галопом прискакал черный баран; прекрасная обнаженная девственница рыдает, сидя верхом на этом баране. — Ее шумно приветствуют; <i>Леонард</i> встречает ее, спускаясь со своего трона. — Черная месса. — Эликсир из <i>Кропила</i> . — Волшебная мазь. — Перед входной молитвой удаляют детей, которые идут пасти поодаль жаб, одетых в бархат. — Жертвоприношение; <i>Леонард</i> совершает на алтаре грязные развратные действия над девственницей, которую тотчас провозглашают <i>Королевой Шабаша</i> . — Хоровод и оргия. — Принудительное кровосмешение. — <i>Смрадный козел</i> священнодействует над окровавленным телом жрицы. — Приношение зерна <i>Духу Земли</i> и птицы — <i>Демону свободы</i> . — <i>Confarreatio</i> , гостия нечестивой любви; всё сборище причащается. — Дети призваны к братской агапе. — Братаются сеньор и крестьянка, прелат, кастелян и мужлан. — « <i>Отомстите, или умрете!</i> » — Дары <i>Леонарда</i> ; их использование. — « <i>Гром Божий, разрази меня, если посмеешь!</i> » — Козел превращается в черного петуха с огненным гребешком. — <i>Кукареку!</i> Всё исчезло	276
Детали, опущенные при сводном описании <i>Шабаша</i> . — Вызывание; необходимые ритуалы; обязательны ли они? — Классическая сцена вызывания; как подписывают договор; что в нем говорится. — Развязка приключений подобного рода; легенда о <i>Фаусте</i> . — <i>Формальный</i> и <i>молчаливый</i> договор. — Перевозка колдунов на <i>Шабаш</i> ; ее разнообразные способы. — Пресловутое помело. — Волшебные мази. — Электуарии. — <i>Высокая Охота</i> : рассказ крестьянина. — «Воздушная» мелодия. — Град падали. — Вера колдуна; в ней заключена вся его оккультная сила	282

Глава III. — КОЛДОВСКИЕ РАБОТЫ

- Колдовство*, его определение; подробности его обрядов. — Пока что мы отказываемся от любых комментариев. — Предупреждение читателю. — Дьявол — «обезьяна» Бога; колдовство — религия наоборот; что же такое религия? — Теория *таинства*, идентичная в религии, черной и высшей магии. — Колдовские чары, их сакраментальный характер; в них различают *материю* и *форму*. — Развитие этой идеи. — Три категории колдунов. — *Пятнадцать преступлений* колдуна, по Бодену; порочная классификация 289
- О *Порче* в собственном смысле слова. — Пример эффективной и должным образом удостоверенной порчи: процесс пастуха *Ока* и его сообщников. — *Царь небесный*: «отравленный груз» для скота. — Предательство Беатриса; снятие Чар. — Смерть *Ока*, пораженного возвратным ударом. — Закон отражения в гоэтии. — Разоблачения перед судьями; различные приговоры 293
- Чары*. — *Заклинание*. — Причудливый и кощунственный состав зелий. — Действенность непонятных слов в черной магии; мнение *Пико делла Мирандоллы* и *Ямвлиха*. — «Манихейство» колдунов. — Признания Мадлен Баван; зелье, зарытое под розовым кустом (отрывок из книги отца Демаре, духовника Мадлен). — *Приворотные зелья*. — «Грузы». — *Колдовские чары*. — *Порча*; ее материя и ее форма: *вольт* и *магическое проклятие*. — Любопытные детали. — Наведение порчи с помощью восковой фигурки. — С помощью *окрещенной жабы*. — Колдовские чары на кладбище Сен-Сюльпис в 1619 году. — Как разрушить чары, со слов Элифаса: жаба в роговой шкатулке. — Использование жабы в отравительной Магии; необычный рецепт от Порты. Наведение порчи с помощью «пригвожденных» следов 296
- Мандигос-оби*; колдовские чары негров-вуду. — *Обеа* и *Об* Моисея. — Шабаш Вуду; пример, приведенный г-ном Лондом. — Сакральный змей, его жрецы и его верные. — Змей у древних египтян: заклинание *Тифона-Сета* (Папирус Анастаса и Салье). — Отступление о великом *Агенте* всех темных деяний. Магнетизм и электричество — лишь косвенные разновидности его энергии. — *Посвященный* и *Адепт*. — Для того чтобы стать *Магом*, одних знаний недостаточно; истинные маги встречаются редко. — Колдун — раб, перенимающий манеры хозяина. — Он погружается в гибельный Океан и становится его волной 300
- Колдовские чары для усиления и подавления любовного влечения. — Капризы полового чувства. — Афродизиаки и анафродизиаки. — Рецепт из гримуара: костный мозг из левой волчьей ноги; скелет лягушки; заячьи тестикулы и т. д. — Нелепый рецепт из «*Большого Альберта*» для исцеления любовных недугов. — Внутренний и тайный *Магнес* Парацельса. — Цитата из Корнелия Агриппы. — *Узелок шнурка*: это преступление принадлежало к числу тех, за которые чаще и суровее всего наказывали. — Перевозбуждение тоже может «завязать шнурок». — Безосновательные суждения. — Необдуманно вынесенные приговоры. — Мнение *Пьера де Ланкра* и *Анри Боге*. — Привычные ритуалы для «завязывания шнурка»; точные подробности. — Другие способы этой лигатуры. — Еще один рецепт из «*Большого Альберта*». — Аббат Тьер и его «*Трактат о суевериях*» 304
- Чары оцепенения*. — *Сияющая десница* (отрывок из «*Большого Альберта*»). — Ее изготовление, рука и жир повешенного. — Использование обезболивающих чар для похищения детей в Китае. — Пример из «*Индокитайского сборника колосьев*»: экзорцизм буддийских жрецов. — Отступление об экзорцизмах: все представители черного духовенства сведущи в нем; эзотерическая *Причина* этой осведомленности. — *Причащение Святых* и *Причащение Извращен-*

ных. — Чары молчания. — Как обвиняемые, подвергнутые пыткам, скрывали обезболивающую диаграмму. — Судебные традиции: обыск, допрос. — <i>Допрос с пристрастием</i> ; аксиома: колдуны кричат, но никогда не плачут. — Улики, которые извлекали из их поведения во время пыток. — <i>Истерическая анестезия и Внушение</i>	306
Другие деяния колдуна: <i>Вредить</i> — его удел. — <i>Дурной глаз</i> . — Наведение порчи на земные блага. — Колдун в своей лаборатории. — Порошок для разведения вредных насекомых (<i>Боге</i>). — Чары для вызывания дождя (пример, взятый у <i>Дельрио</i>). — Девочка собирает свою мочу в ямке; результаты этой операции. — Чары для вызывания града, бури, урагана и т. д. — Огонь небесный и нечистая сила; отступление о языческих богах. — Разумность молнии: тревожные признания физика Жобара. — «Подвиги» духа-молнии. — <i>Великий огонь, гром и молния Небесная, низвергнутые на Кафедральную церковь Кемперкорантен</i> и т. д. (воспроизведение одного любопытного документа). — Другие анекдоты: «оракулы» и «изречения» молнии. — <i>Caesar, Aesar</i> . — Демоны, вызывающие ненастье, экзорцизмы для их усмирения; <i>Тулльский служебник</i> . — Наши предки грешили излишней доверчивостью, мы же грешим излишним недоверием	309
<i>Вызывание мертвых</i> . — <i>Гомер</i> и « <i>Одиссея</i> ». — Подробности обрядов, совершенных Одиссеем для вызывания тени Тиресия. — Вызывания с помощью крови и меча относятся к гоэтии	316
<i>Инкуб и Суккуб</i> . — <i>Эфиальты</i> древних греков и кошмар. — Эротические феномены во время сна. — Характерные черты инкуба; его грубость. — Легенда о чудище-инкубе, рассказанная <i>Пьером Лелуайе</i> : забеременевшая девушка рождает уродца. — <i>Суккуб</i> ; подлинная история (рассказанная <i>Герфесом</i> и удостоверенная <i>Барнельтом</i>) о восьмидесятилетнем суккубе. — Сластолюбивые призраки: <i>наваждения</i>	318
<i>Вампиризм</i> — посмертная болезнь: как становятся вампиром. — Наследственный вампиризм; достоверные факты. — Жертвы вампира: все подробности, описание трупа. — Ему протыкают сердце и сжигают его тело дотла. — Достоверность явлений вампиризма. — Аналогичные факты, в равной степени доказанные и неопровержимые. — Погребение <i>Факиров</i> заживо; их летаргия, эксгумация и пробуждение спустя несколько месяцев. — Меры предосторожности, принятые для того, чтобы эксперимент был убедительным. — Неоспоримые свидетельства. — Отрывок из книги <i>д-ра Жибье «Анализ вещей»</i> ; история <i>йога Харидеса</i>	320
<i>Ликантропия</i> ; кто такой <i>Оборотень</i> ; чем он, с магической точки зрения, отличается от Вампира. — <i>Метаморфозы</i> колдуна, принимающего облик различных животных. — Отражательные явления, наблюдаемые в реальных случаях <i>псевдоморфной биллокации</i> . — Примеры: истории, заимствованные у <i>Вальдефамы, Боге, Бодена</i> и <i>Ланкра</i> . — Волчья лапка и рука кастелянши; апокрифический характер последнего анекдота	324
<i>Антропофагия</i> колдунов; легенды о детях, убиваемых на <i>Шабаше</i> . — Тексты из « <i>Салических законов</i> ». — <i>Снова Шабаш</i> : <i>Шабаш</i> реальный и <i>Шабаш</i> в <i>Астрале</i> . — Чем ограничено могущество колдунов	326

Глава IV. — ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ПРАВОСУДИЕ

- Колдун, единодушно приговариваемый к смерти законодателями. — Три безжалостных текста Моисея. Мнение Бодена, требующего для колдуна *лютой смерти на медленном огне*. — В эту эпоху раздаются лишь два голоса, взывающие к состраданию: медик Вир, во имя физиологии (XVI в.), и пастор Беккер, во имя христианского милосердия (XVII в.), выступают против костров. — Негодование Бодена на Вира; он отправляет его к *«ипостаси мочи»*. — Реальная виновность колдуна; находится ли она в компетенции человеческих судов? — Каким бы жестоким ни было средневековое к наводнявшим его колдунам, история признает смягчающие его вину обстоятельства. — Законодательство и юриспруденция, некомпетентные в вопросе колдовства. — Магия — исключительное преступление. — Кодекс Боге 329
- Колдуны, преследуемые во все времена и во всех странах. — *«Вендидад-Саде»*. — *Папирус Гарриса*; египетский пастух, приговоренный к смерти за наведение порчи. — В Израиле: *Книга Царств*; *Саул у Аэндорской волшебницы*. *Аобот*; зловещее явление вызванного *Самуила*. — Законы против чародеев в Греции (см. *Платона, Демосфена и Павсания*). — В Риме *«Законы XII Таблиц»* не менее суровы: в консульство Клавдия Марцелла казнено 170 колдуний. — Меры, предпринимаемые *Августом, Тиберием, Нероном, Констанцием* и христианскими Императорами. — У франков *«Салические законы»* карают *Стрейг*. — Средние века и новое время; ордонансы *Карла VIII, Карла IX, Генриха III, Людовика XIII и Людовика XIV* 333
- Соперничество между церковной и гражданской властями; смешанные суды для борьбы с преступной Магией. — Для рассмотрения дел вновь привлекаются светские суды. — Неслыханная булла *Иннокентия VIII*; никогда не применялась. — Отступление о бесполезности мер, способных возмутить общественное сознание; два примера уклонения от подобных предписаний: *Римско-католический служебник* и запрет на лечение нераскаившихся больных; ордонанс Луи-Филиппа, приказывающий доносить на раненых повстанцев 337
- Исключительные преступления. — Особые «кутюмы» для преступной магии: множество любопытных подробностей. — *«Добрый умысел»* иезуита Дельрио. — пытки: *пытка огнем и водой; сапог, дыба, кнут, шевалет, хомут* и т. д. — Книга д-ра *Реньяра*: *«Колдовство, магнетизм и т. д.»* — Стихи Никола Реми. Демонологи; их характерные черты: *Ремигий, Шпренгер, Боден, Ланкр, Боге, Дельрио* и т. д. — Инквизиция и ее аутодафе. — Труды *Деллона, Марсолле и Льоренте* 338
- Некоторые знаменитые процессы. — Жанна д'Арк. — *Жиль де Лаваль*, господин де Рэ, и легенда о *Синей Бороде*. Скандальная роскошь маршала; он разоряется, несмотря на свое колоссальное состояние. Дети из хора Тиффожской часовни. *Меффрэ*; похищения маленьких мальчиков. Хористы исчезают один за другим. Таинственные манеры господина де Рэ; сомнительные нравы. Магия, алхимия и ростовщичество; *Прелати* и священник из Сен-Мало. Общественное мнение считает маршала душегубом, содомитом и колдуном. Герцог Жан V осаждает Машкуль, где он укрывается. Рэ арестован; расследование и процесс. Обыск во всех замках; эксгумация двухсот изуродованных детских трупов. Неожиданные разоблачения; жуткие детали. Смешанный суд под председательством Сенешаля Ренна приговаривает Жюля де Рэ к смерти на костре. Его казнь у ворот Нанта (1440). — Выставление у позорного столба и публичное покаяние *Мастера Гильома Эделина*, участвовавшего в шабаше. — Полоумная крестьянка,

обвиненная в колдовстве Инквизицией и спасенная <i>Агриппой</i> , генеральным адвокатом г. Меца. — <i>Сент-Бомское</i> дело: процесс <i>Гоффриди</i> ; текст приговора, обрекающего его на мучительную смерть (1611). Признания <i>Гоффриди</i> , опубликованные после его смерти экзорцистами. Невероятные подробности: <i>Мадлен де ла Палюд</i> и пятеро ее бесенят; <i>Луиза Каппо</i> , одержимая <i>Веррином</i> , <i>Грезилем</i> и <i>Сонельоном</i> . Душеспасительные проповеди демона <i>Веррина</i> . Экзорцизмы <i>о. Домпса</i> и <i>о. Михаэлиса</i> . Омерзительная книга последнего. — Рост числа процессов и казней на рубеже XVII в. — Процесс <i>Элеоноры Галигай</i> (1617), найденные у нее вещественные доказательства; ее гордый ответ президенту <i>Куртену</i> . — Снова <i>Юрбен Грандье</i> : великий кардинал и волшебная палочка. — Дело монахинь из <i>Лувье</i> : в этой общине <i>Давид</i> учредил непрерывный Шабаш. Процесс его последователей <i>Пикара</i> и <i>Булле</i> ; решение Парламента Руана (1647), который приговаривает живого и мертвого к сожжению на одном и том же костре. — Число случаев одержимости растет. — Скандальное дело иезуита <i>Жирафа</i> и красавицы <i>Кадьер</i> . Влияние иезуитов разделяет Парламент г. Экса; явно виновный <i>Жирар</i> извлекает выгоду из разделения голосов (1731). Его дело передается в Церковный суд, который его оправдывает. — Мнение <i>Жюля Гарине</i> об одержимых и экзорцистах	344
ПРОЦЕСС И МЕСТЬ ТАМПЛИЕРОВ. — <i>Орден Храма</i> и иоаннитская традиция. <i>Левитикон</i> и список иоаннитских понтификов, начиная с Иисуса и св. Иоанна. — Богатство и властолюбие Тамплиеров. — Обвинения, предъявленные Тамплиерам: <i>Бафомет</i> , <i>Отречение от распятия</i> , <i>Содомия</i> , <i>сатанизм</i> ; Дьявол в облике кота; <i>Суккубы</i> . — Гностические оргии. — Миссия Тамплиеров, согласно маркизу де <i>Сент-Ив д'Альвейдру</i> ; им ли мы обязаны учреждением <i>Генеральных штатов</i> ? — «Манихейство» Тамплиеров; доказательства, сопоставленные <i>Миньяром</i> ; каменная шкатулка из <i>Эссафуа</i> . — Несовместимость манихейского догмата с ордотоксальной традицией	353
Заговор папы и короля Франции против ордена Храма. — Исторические подробности. — Государственный переворот 1307 г. — Арест Тамплиеров по всей Франции. — Позиция зарубежных правительств: Тамплиеры в <i>Германии</i> , <i>Италии</i> , на <i>Сицилии</i> , в <i>Англии</i> , <i>Фландрии</i> , <i>Испании</i> и на <i>Кипре</i> . — Процесс затягивается. — Окончательный вердикт. — Часть Тамплиеров избегает смерти, сознавшись в преступлениях, в которых их обвиняют: другие, объявленные вероотступниками, поднимаются на костер. — Великий Магистр отказывается от своих показаний, полученных под пыткой; его сжигают заживо вместе с принцем-Дофином (1313). — Шевалье <i>Омон</i> и семеро Тамплиеров, переодетых каменщиками, собирают их прах: зарождение Ордена <i>Франкмасонов</i> . — В 1311 г. Венский собор выносит решение об упразднении Ордена. — Что произошло с несметными богатствами Ордена? — Были ли Тамплиеры колдунами? И да, и нет; отступление об опасности наклеивания категоричных ярлыков. — Почему Климент V и Филипп Красивый ожесточились против Ордена, глубоко преданного интересам Церкви и монархии?	357
Закон отражения в истории: 1793 г. — «возвратный удар» событий 1312 г. — Грозное тайное общество было создано на обломках Храма. — В ожидании часа расплаты оно истребляет кинжалом и ядом доносчиков и палачей. — В течение четырех столетий исполнитель высших тамплиерских деяний растет и трудится в тени; наконец, он выходит на свет, сначала под именем <i>Иллюминатов</i> , а затем неожиданно принимает имя <i>Французской революции</i>	361
Тайные общества во 2-й половине XVIII в. — Всеобщее брожение. Германия — «сборный пункт» всех сект. — <i>Вейсхаупт</i> и его <i>Ареопагиты</i> . — <i>Сведенборг</i> ,	

- Шрепфер, Юнг-Штиллинг, Эккартсхаузен, Лафатер.* — Мистерии Северной школы. — Государственный спиритизм в Берлине и Копенгагене. — Оккультное масонство. — Пророческий пасквиль маркиза де Люше: «Очерк о секте Иллюминатов» (1789); анализ книги, цитаты, свидетельствующие о поразительном предведении 363
- Материнские ложи; международные миссионеры. — *Сен-Жермен* и *Калиостро*; удивительная мода на этих авантюристов, обожаемых народом и поддерживаемых самыми знатными вельможами. — Невероятные истории. — Наваждение... или внушение? — *Великий Копт* и его Египетское Масонство; посвящение *принцессы де Ламбаль*. — *L. P. D.* Тройное значение этой зловещей иерогаммы. — Пророческая медаль, отчеканенная в 1642 г. и представленная в Конвент *Грегуаром*. — *Предсказание Парацельса* и пророчества *Иоахима Флорского*. — Зашифрованный масонский циркуляр. — Смертельная борьба между адептами двух соперничающих посвящений. — «*Крокодил*» *Сен-Мартена*, или «*Война Добра и Зла*». — *Нечистый Бинер* приносит свои плоды: эпоха *Террора*. — Цитата из *Элифаса Леви*. — Важные отрывки из книги, опубликованной в 1819 г.: «*Тайные общества в Германии*». — Станные сближения. — *Жак, Жан-Жак, Жак Молэ* и *Якобинство*. — *Якобинцы* — *Неотамплиеры*; синонимичные термины. — *Иахин, Воаз, Мак-Бенак, Адонай*, 1314 г. — «*Гробница Жака Молэ*» *Каде де Гасикура*. — Восстание 10 мая 1792 г.; Ассамблея принимает решение, что король должен быть размещен в Люксембургском дворце. Неотамплиеры решают по-другому: короля — в *Тамплъ*. — Новые знаменательные сближения. — *Людовик XVI* заплатит за *Филиппа Красивого*, а позднее *Пий VII* — за *Климента V*. — Двойной план Французской революции, давным-давно принятый в ложах *Оккультного масонства*, этого потомка Храма. Неоспоримое вещественное доказательство: пророческие признания *Калиостро* в 1790 г. Его процесс в римском суде. Поразительные откровения. — *Бонапарт* и *Пий VII*; папа в *Фонтенбло*. — Новые отрывки из *Элифаса Леви*. — «*Вечный Жид*» *Убийства* и *Мести*. — *Паскуалис-Мартинес* и посвящение *Казотта*. — Два хроматических синтеза, согласно «*Зогару*». — Пророчество *Казотта*, пересказанное *Лагарпом*, очевидцем события 366
- Процесс *Жака Казотта* и его «*Мистическая переписка с Лапортом и Путо*». — Неизвестные подробности. — *Казотт* перед судьями, он заранее обречен. — Столкнулись две соперничающие секты. — *Казотт* и *Мартинисты*. — «Вы не посвященный? Радуйтесь же этому!» — Заговор *Казотта*. — Речь *Реаля*, общественного обвинителя. — *Non bis in idem*. — *Казотт* приговорен к смерти. — Речь *in extenso* *Лаво*, *Неотамплиера*, председателя *Революционного Трибунала*. Перед тем как убить своего врага, этот сектант хотел обратить его в свою веру! — *Казнь Казотта*. — Заключение 379

Глава V. — АРСЕНАЛ КОЛДУНА

- После Храма — *Ризница*. — Составим опись 389
- Опись Арсенала Колдуна (материал сгруппирован в алфавитном порядке) 391
- А. — *Аватары*. — *Адрамелех*. — *Аггарат*. — «*Альберт Большой*» («*Большой*» и «*Малый Альберт*». Содержание этих нелепых гримуаров). — *Альманахи Дьявола*. — *Амулеты*. (Амулет и Талисман, *Agnus Dei*, Фетиш и Брелок). — *Андро-дамас*. — *Андроид* (Андроид *Альберта Великого*, смысл легенды. Гомункул; сперма в яйце и т. д.). — *Антихрист*. — *Анчар* (Яд дикарей; *Цеттик* и *Кураре*. *Анчар*, рожденный из земли *Явы* в результате проклятия *Магомета*). — *Астролябия* (Гороскоп, суждение *Фабра д'Оливе* об Астрологии) 391

- Б. — *Барабашки* (*Бербигье*, его магический арсенал, все подробности. Бычье сердце; булавки, соль, сера, табак, перец и уксус. Образ действия. Сосуд откровений. Многочисленные цитаты. Письма Ротомага; угрозы Моро и Ван-деваля). — *Бафомет*. — *Беельзевуб*. — *Белая кувшинка* (анафродизиаки и деяния Луны и Сатурна. Лотос и нимфея-падма). — *Белые мыши* (вскормленные освященными гостиями). — *Бельфегор*. — *Бессмертие* (Эликсир Бессмертия; «Занони». «Лотос»). — *Благовония* (оккультные куренья). — *Бородатый демон* (*Бафомет* Алхимиков). — *Бруколаки*. 394
- В. — *Вампиры*. — *Василиск* (рожденный от петуха и жабы. *Петушиное яйцо*. Истинный Василиск). — *Веревки ветров* (Цитата из Олауса Магнуса). — *Вертящиеся и говорящие столы* (Спиритизм и ларвы. Возможно ли вызывать мертвых?). — *Вещий таз* (Подробный рассказ Аммиана Марцеллина и Созима о теургической операции, совершенной магом Палладом). — *Вицлипуцли*. — *Вода* (Битье по воде: чары, вызывающие дождь. Испытания холодной и кипящей водой). — *Волшебная палочка* (Описание, изготовление; «Оккультная физика» де Вальмона и ее опровержение п. о. Лебреном). — *Волшебный жезл* (Его изготовление; «сокрушительный жезл»). — *Вольт*. — *Вуду*. — «*Высокая Охота*». 399
- Г. — *Гадание* (книга Пекера). — *Гамагес* («Невероятные диковины» Гаффареля; теория астральных сигнатур, возрожденная Кроллиусом и Парацельсом). — *Гашиш* (его изготовление; кейф; жирный экстракт. Свойства. «Искусственный рай» Бодлера. Проявление бессознательного; оккультные свойства. Адам до грехопадения. «В болезни будешь рождать детей»). — *Гвоздь*. — *Гиппоманы*. — *Глазная мазь* («Непримиримый гном» и вызывание Магнамары). — *Гномы*. — *Голи*. — *Голубка*. — *Графин* (Инструмент для гадания, использовавшийся Калиостро. Его «голубки» — пассивные ясновидящие. Калиостро показывает Марии-Антуанетте гильотину, обгавленную королевской кровью). — *Гримуары* (*Гримуар Гонория*, любопытные подробности, объяснение Элифаса. Дьявольские сигнатуры, нарисованные кровью. *Диалектическая и потенциальная Шестая сущность*). — *Гром*. — «*Груз магической отравы*». 403
- Д. — *Демоны* (инфернальные иерархии, согласно Виру). — *Договор*. — *Допрос с пристрастием*. — *Дьявол*. 409
- Ж. — *Жаба* (Магнетическая сила жабы). — *Жертвоприношение*. 410
- З. — *Заклинание* (Подробные предписания для этого ритуала, по Элифасу). — *Зверь Апокалипсиса*. — *Зелье*. — *Знаки* (Знак и означаемое). — *Зубы*. 410
- И. — *Идолы*. — *Иллюминаты*. — *Инкубы* (Эфиальт). 411
- К. — *Кали*. — *Катоблепас*. — «*Ключик*» («*Ключики царя Соломона*», печатные и рукописные. Подробности для библиофилов. Большой пантакль). — *Козел Шабаша*. — *Колдовские чары*. — *Колокол* (Способность отгонять молнию; колокольчики, освященные св. Отцом). — *Кольца* (Кольцо Соломона. Обручальные кольца; относящиеся к ним суеверия. Слишком широкое или слишком узкое кольцо...). — *Кометы*. — *Королева Шабаша*. — *Котел Шабаша*. — *Кошка*. — «*Красный Дракон*» (Подробно об этом Гримуаре). — *Крест*. — *Кровь* (Конфигуративные свойства крови; страница из Элифаса Леви). — *Крот*. — *Курения*. 412
- Л. — *Ларвы*. — *Левиафан*. — *Лемуры*. — *Леонард*. — *Летающий пистоль*. — *Летучие мыши* (летающие пенаты, суеверие жителей Карибских островов). — *Лилит*. — *Лишайник* (*Парацельс* и черепа повешенных). 417
- М. — *Магическая трещотка* (магический музыкальный волчок и оракулы Зороастра). — *Магические растения* (22 растения и 22 аркана. Утрата традиции; 16 оккультных растений, по Цезарю Лонгину). — *Магические слова*. — *Магический бубен* (Дьявол в Сибири). — *Магический круг* (Эзотерическая теория круга; Демоны вдоль его

- окружности. Круги фей). — *Магический пирожок*. — *Магический кинжал*. — *Магическое зеркало* (Зеркало в древнегреческих сказаниях, теория «второго зрения». Зеркало *Дюпоте*. Вогнутые зеркала). — *Магнетизм* (Определения: Внушение и Подчинение. Мягкий воск и отпечаток). — *Магнит*. — *Мази*. — *Мандрагора* (Атропа Мандрагора. Ядовитые пасленовые. Человек-мандрагора и мечта Алхимиков — витальное господство и Архей. *Терафим* и *Гомункул*. Заклинание ларвы в мандрагоре. Душа собаки и душа повешенного). — *Меликерт*. — *Мендес* (и его козел). — *Метки* (контролеры Леонарда; клеймение колдунов. Хирурги и *Stigma Diaboli*; *Ланкр* и *Мюрги*). — *Меч* (Изготовление магического Меча, тайные знаки). — *Молох*. — *Молчание*. — *Мохлат*. — *Моча*. 419
- Н. — *Нагваль* (Нагвализм и Ликантропия. *Alter ego* мексиканского колдуна. Феномены отражения. Крокодил и отец Диего; поединок на берегу озера). — *Нахема*. — *Неверность* (Испытательные напитки: *Потир подозрения*; *Горькая вода*). 425
- О. — *Оби*. — *Оборотень*. — *Омела на дубе* (Оккультные свойства омелы; друиды и золотой садовый нож. Что говорят об этом *Фабр д'Оливе*, *Сент-Ив* и *Элифас*). 426
- П. — *Палочка* (Палочка магов. Палочка колдуна и круг для вызывания; изготовление палочки из орешника. Моча и кровь; обряды эльзасских раввинов-колдунов). — *Перевозка*. — *Перуанская кока* (Все подробности. Анестезирующие и тонизирующие свойства. Кокаин. Опасность этих веществ. Губительные последствия в Перу; решение собора в Лиме (1567). Кока — магическое дерево. Почему? Предупреждение неблагоприятным. Преграда сверхфизического мира; как она рушится. Молчаливый договор с помощью крови). — *Письменные знаки* (Иерогаммы, иероглифы, эмблемы, пантакли: определения. Знаки гримуаров; ключ к ним. Апокрифические знаки отбрасываются с первого же взгляда. «*Chymica Vanpnis*» и ключ Розы+Креста. Анализ и синтез знаков. — «*Monas hieroglyphica*» *Джона Ди*). — *Пифоны*. — *Порча*. — *Приворотные зелья*. — *Притягивающее растение ван Гельмонта* (Текст этого адепта; традиция Розы+Креста. Вербена и астрономический час, когда ее нужно собирать). — *Птицы* (Предсказания: священные иероглифические птицы: голубка, ворон, феникс, орел. Птицы колдунов). 427
- С. — *Саламандра*. — *Самаэль*. — *Сатана*. — *Сатиры* (Книга *Ф. Геделена*). — *Светильники* (Вечный светильник в гробнице Туллии). — *Свечи* (Сияющая десница. Магическая света *Кардана* для обнаружения кладов). — «*Секреты*» (Исцеление с помощью «секретов»: нелепые формулы, творящие чудеса в руках некоторых пастухов. Пикантные подробности. «Секрет» от поноса). — *Сильфы*. — *Сияющая десница*. — *Сорочка на случай нужды* (Цитата из *Иоганна Вира*). — *Спиритизм* (Определение, царство лемуров). — *Стучащие духи*. — *Суккуб*. 433
- Т. — *Тавроболий* (Интересные подробности. Юлиан-Мудрец и боги древнегреческого Олимпа). — *Таинства Дьявола*. — *Талисман* (Определение; чем он отличается от амулета. Наплечники Дьявола). — *Тарантул*. — *Таро* (Происхождение Таро. Книга *Курта де Жебелена*. Индия, Египет и цыгане. Эзотерические соответствия. Движение Таро и книга *Папюса*. Искаженное Таро. XII ключа, восстановленные г-ном *Виртом*. Маг и Колдун). — *Тевтад*. — *Терафим* (*Урим* и *Туммим*; «орел» или «решка»). — *Труп* (Магическая теория *Порфирия*). 436
- У. — *Удод*. — *Ундины*. — *Уроды* («человеческое семя» в «животной земле»). 439
- Ф. — *Фантомы* (Оккультное определение). — *Филактерии*. — *Флюидическая форма*. 439

Ц. — «Царь Небесный.	440
Ч. — Чары. — Череп младенца (Чары невидимости; колдун перед судом присяжных в 1857 г.). — Черная месса. — Черный бамбук (Приворотное зелье негритянских колдунов). — Черный петух (Принесение в жертву Черного петуха в Гримуаре Гонория. Китайские колдуны: Хун-де). — Числа.	440
Ш. — Шабаш. — Шнурки. — «Шнурок». — Шпанская мушка.	441
Э. — Эльфы. — «Энхиридион» (Библиографические подробности: Карл Великий и Лев III). — Эфиальт.	442
Я. — Яйца змеиные (Друиды и «меркуриальный целеброт» герметиков). — Яйцо (Гадание по яичному белку).	443
Nota bene	443

Глава VI. — СОВРЕМЕННЫЕ АВАТАРЫ КОЛДУНА

Колдуны в XIX веке? — Я отвечаю «да», имея на руках множество доказательств. — Досье на Вентра и его неогностическую секту. — Магнетизеры, спириты и медиумы занимаются колдовством так же, как г-н Журден говорит прозой — неведомо для себя. — Эти утверждению я скоро докажу	445
Процесс по колдовству во Франции в 1851 г. — Йервильский трибунал: пастух Торель подает в суд на кюре Сидевилля, трижды ударившего его дубиной. — Истоки дела: оно восходит к некоему Г***, деревенскому колдуну, арестованному по доносу кюре за незаконные занятия медициной. Торель — лишь исполнитель деяний Г***, пообещавшего отомстить за себя. — Два молодых семинариста, ученики священника. — «Вихрь» феноменов; стуки в стены, попадающие в ритм некоторых мелодий. — Беседа с помощью стуков; потрясающие откровения. — Пюпитры бросаются на людей; предметы летают; совок с каминными щипцами пляшут по комнате. — Один из семинаристов замечает позади себя тень человека в блузе; это Торель. — Извивающееся флюидическое тело. — Черная рука и пощечина. — Церковнослужители наносят удары шпагой по невидимке. — «Простите!» — «Вот человек, который преследует меня!» — Торель в доме священника; он касается ребенка; феномены возобновляются с удвоенной силой. — Сцена между кюре и Торелем; удары дубиной. — Вердикт мирового судьи; подлинность феноменов	446
Что такое Магнетизм? — Подчинение человека чужой воле. — Что такое Спиритизм? — Вызывание мертвых. — Спириты и магнетизеры — сознательно или нет — колдуны. — Отступление о даймоне внушения; оккультные теории Магнетизма и Спиритизма. — Аллан Кардек и госпожа Блаватская. — Почему я против спиритизма: душевный промискуитет и духовная анархия. — Вызывание мертвых: культ предков	451
Спиритизм в древности. — На Востоке. — В Риме: Тертуллиан говорит о гадательных столах и пророческих козах. — Проникновение спиритизма в Европу ок. 1853 г. — <i>Knockings, rappings</i> . — Заколдованные карандаши, светящиеся руки, привидения. — Обязательное условие производства феноменов: медиум. — Кто такой медиум? — Идентичность спиритических феноменов и феноменов, наблюдавшихся в Сидевиле. — Описание феноменов; любопытные подробности. — Объективации существ или предметов; эти эксперименты истощают медиума. — Салонный вампиризм. — Ледяные дуновения. — Взаимосвязь медиума с фантомом. — Отражательные феномены; оккультные тео-	

рии. — Пуля попала в фантом; медиум при смерти. — Возвращение к фактам, наблюдавшимся в Сидевиле: у Тореля шрамы от дробинки, попавших в его астральную форму. — Несколько разновидностей медиумов; т. н. медиумы *физических эффектов, материализаций и воплощений*. — Исследование спиритического воплощения: изменения, происходящие на глазах; «*одалживание тела*». — Незабываемое, но иллюзорное зрелище. — Эзотерическое объяснение феномена. — Инкубическая пропасть и спиритизм. — Развращенность некоторых медиумов. — Сексуальные отклонения. — Андрогин. — Опасности спиритизма: мнение г-на Бонжана из Шамбери 453

Опасности магнетизма. — Безрассудные опыты. — «Саломея умрет от него»; отравление путем внушения. — Обнаженная девочка, исполняющая ригодон. — Вещественное доказательство. — Молодой человек наносит своей матери удар кинжалом. — Гипотеза о ловком преступнике, посвященном в тайны магнетизма. — Внушение в суде присяжных. — Средства укрыться от всех подозрений. — Воспитание ребенка — система внушений. — Человеческая душа — мягкий воск, затвердевающий под пальцами месильщика. — Цепная логика внушений. — Эксперимент со сжатой ладонью 460

Месмер преподнес человечеству скверный подарок? — Магнетизм в крипте древних мистерий: *Шехина; Айн-Соф-Аор*. — Дракон *Асии* и мистический круг Завета. — Кадуцей Гермеса и чудодейственная палочка, попавшая в невежественные и извращенные руки. Магнетизм должен был оставаться скрытым; но раз уж его разглашение началось, то нужно идти до конца. — Иерархическое посвящение 464

Делез, Пюисегюр, Дюпонт; смутные интуитивные прозрения. — Школа *Брейда*; Внушение: очень поверхностная, но необычайно строгая теория. — Смешные стороны *Брейдистов*: гипотеза *флюида*. В этом нужно разобраться. — Г-н *Шарко* и Школа *Сальпетриер*. — Мизансцена; бубны, гонги и тамтамы; много шума и мало дела. — Школа *Нанси*; менее театральная, но более серьезная: д-ра *Льебо, Бернхейм, Бони и Льежуа*. — Глава Школы *Нанси, Льебо*, и вопрос о *флюиде*; его скепсис поколеблен лечением грудных младенцев. — Эксперимент г-на *Фокашона*: наложение нарывного пластыря путем внушения. — *Стигматизация*: механизм самовнушения при этом мнимом «чуде». — Попытка *передачи мыслей*. — *Протокол, в котором приводятся три факта мысленного внушения, полученные гг. Льебо и де Гуайта*; «превращение» шляпы 465

Чародеи, ворожеи, костоправы и гадалки — «статисты» низшего колдовства. — Сомнительные мистики. — Мы вынуждены ограничиться единственным примером: один из идолов мистического Содома 472

КАРМЕЛЬ ЭЖЕНА ВЕНТРА И НЫНЕШНИЙ ВЕЛИКИЙ ПОНТИФИК СЕКТЫ

Мошенничество — традиционная «добродетель» в Кармеле: *Вентра* приговорен к пяти годам тюрьмы как мошенник; его последователь, *Креститель* — к трем годам. — Тайны *Тилли-сюр-Сель*: откровения *Гоццоли* и *Жоффруа*; непристойные и кощунственные обряды. — Секретная молебеня. — Обрывки двусмысленной переписки *Вентра* с верующими: *Иегоразлем, Аззолетаэлем* (ангелом тропиков) и *Доцедоэлем*. — Возлюбленный в Боге. — *Вентра* — могущественный медиум; его сила симпатического притяжения. — Его труды — любопытный «*винегрет*». — Чудеса *Вентра*; кровоточащие гости, разукрашенные секретными знаками; чудесное вино; колокола, звонящие без посторонней помощи. — Дело *Розетты Тамизье*: поразительные феномены; супрефект *Апта* и нотабли *Сен-Сатюрнена* подписывают протокол о них. — Великое стечение народа. Епископ приказывает арестовать *Розу*

Тамизье; <i>святая</i> в исправительном суде; заявление о неправомотности. Логика прокурора. — Суждение Элифаса Леви о Вентра	474
Визит Элифаса Леви к пророку Вентра; мнимое раскаяние мага, отныне <i>привлеченного</i> на сторону Кармеля. — Один друг просит нас проверить это событие, удостоверенное протоколом. — Протокол — явная фальшивка; обилие доказательств: сопоставление дат; недвусмысленный отрывок из « <i>Науки духов</i> »; факсимильное воспроизведение стихов, написанных собственноручно Элифасом в 1864 г. на форзаце одной из книг пророка; весьма пикантные и категоричные заметки на полях, из которых явствует, что <i>аббат Констан</i> всегда осуждал Кармель	480
Ересь Вентра; шумные отступничества в католическом лагере: аббат Байяр и др. — Книга <i>аббата Андре</i> ; показательные отрывки. — Общие замечания о Кармеле: <i>Наундорф</i> и использование <i>Великого Монарха</i> ; <i>Ангельские имена</i> ; <i>Министерства</i> ; три мистических <i>Жанны</i> и три <i>Жозефины</i> ; <i>понтифики</i> ; ангельское происхождение душ: <i>Мечники</i> , <i>Богородичники</i> , <i>Обетники</i> , <i>Одаряемые</i> и т. д.	482
Преемник Вентра. — Орден Розы+Креста и колдуны: почему мы хотим сорвать маску с <i>Иоанна-Крестителя</i> и смутить постыдную секту, которую он возглавляет. — Аналогичные мистические мерзости; отрывок из д-ра Жибье об <i>Общине онанистического Приана</i> . — Вентра и его духовный наследник: <i>Илия</i> и <i>Иоанн-Креститель</i> . — Целая «консистерия» в одном человеке. — Осуждение Иоанна-Крестителя трибуналом чести; приговор объявлен ему немедленно (24 мая 1887 г.). — Подробности досье, собранных на Кармель Крестителя. — Кто этот человек?	483
Секретная доктрина Крестителя: неправедная тайна. — Учение Вентра; эволюция душ. — Дело спасения: индивидуальное и коллективное искупление. — Адаптация этих правильных взглядов. — « <i>Каждый может дать только то, что у него есть</i> »; значит, прежде чем дать, нужно сначала приобрести. — Великий Аркан Кармеля: грехопадение осуществилось путем акта греховной любви; <i>поэтому Искупление должно производиться путем актов религиозной любви</i> . — Этот догмат основан на талмудической традиции. Андрогинат; соитие полов; ключ к вознесению и падению. — <i>Небесная и инфернальная форма</i> . — <i>Право Прокреации</i> . — <i>Святая Свобода чад Божьих</i> . — <i>Без соитий — нет спасения</i> . — Любовное соитие со всеми существами творения: <i>Соития мудрости</i> и <i>Соития милосердия</i> . — К чему приводит эта доктрина. — <i>Блаженные тела</i>	485
Как мы познакомились с Крестителем. — <i>Ортодоксальная традиция Божественных наук</i> . — Честен ли Креститель? Оговорки по этому вопросу. — <i>Посланник Неба</i> и его недомолвки: пикантный анекдот о духовном и божественном смыслах символов. — Как у нас проснулись первые подозрения; серьезные признания. — Стечение непредвиденных обстоятельств раскрывает недостойность Крестителя	491
Проведено расследование: г-н Вирт передает нам досье; первоначальные отношения Крестителя и г-на Вирта. — Он открывает глаза мадемуазель Марии М***, участнице Кармеля. — С ее помощью он разыгрывает из себя ревностного последователя Крестителя и подводит его к тому, что он сам выдает себя в своих письмах	493
<i>Отрывки из писем Крестителя</i> . — Передача знаний, необходимых для вознесения существ. — Рассуждение о потребности в физической любви. — Брак ничего не решает. Только посвящение приносит решение загадки. — Существенное различие между <i>правом прокреации</i> и <i>правом размножения</i> . — <i>Осуществление права прокреации</i> дозволено посвященным; никто не может вменять в вину осуществле-	

- ние этого права. — Знать средства прокреации и не применять их — значит совершать *непростительное преступление перед Святым Духом*, о котором говорится в Писании. — Опасения Крестителя: не следует форсировать посвящение. — Подготовка неопита. — Письмо к мадемуазель Марии М***: «*Не подвергайте себя превратным суждениям!*» Право неопитов есть право избранных. — Каким образом Креститель хочет подготовить г-на Вирта: *небесные матушки (sic)* запрещают соития; отчаяние Крестителя; «гомерическое» письмо на эту тему. — Умножение на десять 494
- Письма Крестителя (продолжение). — Г-н Вирт открыто задает главный вопрос. — Решительный ответ понтифика; его восторг и похвалы. — Посвященный — царь, который может вступать в брак со всеми. — «*Вы больше не мой ученик, дорогой избранный, вы — мое второе «я»*». — Письмо трех девушек, посвященных в Кармель, скрепленное подписью их матушки и снабженное припиской Крестителя: г-н Вирт приглашен для совершения *прокреации* в Кармеле г. Л..., согласно обряду. — Кармель означает «плоть, возвышенная в Боге». — Внезапное потрясение Крестителя, узнавшего, что г-н Вирт издевается над ним; с тех пор «второе «я» становится непосвященным, ничего не понявшим в учении Кармеля. — Лицемерие Крестителя, аналогичные примеры. — Последний обмен письмами 498
- Другие документы: Досье, предоставленное Рене Калье. — Дословные откровения аббата З***. — Секретная молебеня Крестителя. — Ласки *человекоживотных*; госпожа Т***, оплодотворенная ими, разрешается ветрами: это *блаженные тела* для вознесения низших существ. — Креститель и «Граф де Габалис» 503
- Г-н Вирт отправлен в Шалон для сбора показаний мадемуазель Марии М***. — Вручение важных досье. — Осуждение Крестителя. — Беглое изучение досье. — *Соития на расстоянии*. — Понтифик в сорочке. — Снова *блаженные тела*. — Внутренние скандалы в Кармеле. — Слишком точные описания, которые мы были вынуждены привести по-латыни. — Магическая атака; *скрепление подписью*. — Путешествие Крестителя во Фросдорф; «пришествие» Генриха V и воскрешение госпожи Л***. — Белые мыши, вскормленные гостями. — Припарка из экскрементов и другие способы лечения того же рода. — Наведение порчи с помощью статуэток святых; с помощью сердец, пронзенных булавками. — *Высшие повеления*. — Эликсир для *Жизненного соития*. — Смертный приговор, вынесенный Крестителем, и его исполнение 505
- Декларация о семи тайнах. — Блаженное тело и формирующая способность. — Необычная молитва для того, чтобы стать *Христами* и *Мариями-Христами (sic)*. — Империамаэлическая гостия и *жизненный дуэт*. — Увеселения вчетвером. — *Жертвоприношение божественной славы*: евхаристическая плоть. — «А ну, преисподняя! А ну, Сатана, кто кого?» — *Иосифическое жертвоприношение славы*. — Некоторые заглавия произведений 510
- Последний анекдот: Путешествие понтифика в Париж. — Период его *скрытой жизни* завершен, открывается период его *публичной жизни*. — Параллель между Крестителем и его коллегой Иоанном-и-Петром. — Сложные махинации Крестителя с целью проникнуть в дом теософа Х***. — Встреча Крестителя с *ученым брамином*. — Магико-комическое представление. — *Мертвая голова* и *змеиная кожа*. — Театральное заклинание; ужас Крестителя, он поспешно уходит. — Колдуны и Дугпа. — *Сын Азиатских Солнц*. — *Брамин-буддист (sic)*. — Медальон в подарок: что в нем заключено? — Визит ученого Х*** к Крестителю: что из этого последовало. — Израильтянин с того света. — *Erudimini, qui judicatis lupanar!* 513

Глава VII. — ЦВЕТЫ БЕЗДНЫ

Поэзия Зла. — Опасность дальних отступлений от проторенных путей. — Чары колдовского искусства; некоторые довольствуются внешней яркостью гримуаров. — Другие проникаются страстью к лирической стороне Зла. — Пропасть бессознательного. — Бессознательное — личная сфера <i>Сатаны-Пантея</i> . — «Чистый» сатанизм — довольно редкое явление: каноник Докр и «Там, внизу» г-на Гюисманса; клеветнические обвинения в адрес современных Окультистов. — Г-н Гюисманс — жертва обмана Крестителя. — «Буржуа» и «патриции» современного колдовства. — Эксцентричные художники и мыслители; «Икары» идеала. — Испарения бездны. — Сатана, преображенный в ангела света. — Голос среды. — «Я» и «Не-я». — Всеобъемлющее сомнение; душевная скверна; мистическая судорога Зла. — Голос Сатаны-Пантея: проклятое и лживое посвящение	523
КАББАЛА САТАНЫ-ПАНТЕЯ. — Меч Херувима. — Проститутка Небытия. — Ласки Супостата: Земля порождает богохульных призраков. — Три септенера богохульств. — Провидение и Богиня Разума. — Мятужный храм, пораженный молнией. — Человек отрицает Бога, и Бог отрекается от человека. — «Вернись в бессознательное!» — Поток безличной жизни, универсальный растворитель искусственных существ. — Греза или реальность	525
Голос <i>Сатаны-Пантея</i> обращается к каждому на знакомом ему языке; но, о чем бы он ни говорил, его цель — подтолкнуть к возвращению к Инстинкту. — Два вида Бессознательного. — Самоубийство истинной личности; в этом самоубийстве — <i>альфа</i> и <i>омега</i> колдовства. — Сатана-Пантей, переодетый <i>Христом во славе</i> . — И даже <i>Буддой</i> : <i>Теософское общество</i> и атеистический синтез. — <i>Парабрахма</i> и <i>Нирвана</i>	534
Повсюду, где проявляется деятельность человека, Сатана может сеять опустошения, подобно тому как Провидение расточает благодеяния. — Почему? Демиургическая природа человека. — <i>Человеческий глагол</i> в его взаимоотношениях с <i>Абсолютной Истиной</i> <i>Случайной реальностью</i> . — <i>Вера</i> и <i>Наука</i> . — <i>Человеческий глагол</i> может сообщаться с <i>Глаголом божественным</i> посредством <i>Сознания</i> . — Почему <i>Рассудок</i> , компетентный в вопросах <i>Науки</i> , некомпетентен в вопросах <i>Веры</i> ? — <i>Магия Искусства</i> , благотворная и пагубная. — Производство искусства, воплощение живой мысли; мысль воплощается (подобно душе) лишь для того, чтобы действовать на новом плане. — Любой художник — маг или колдун. — Набросок синтетической схемы Искусства; четыре первичных типа: <i>Аполлон</i> , <i>Геката</i> , <i>Эрос</i> , <i>Атронос</i> . Сочетания, взаимодействия	534
Волшебные сказки и чудесное в Искусстве. — Царство Гениев	538
NOTA BENE	541

СПИСОК ГРАВЮР К «ХРАМУ САТАНЫ»

Фронтиспис: <i>Ева и Змей</i> (оригинальный рисунок г-на Вирта)	164
<i>Портрет маркиза де Сент-Ив д'Альвейдра</i>	173
<i>Козел Гоэтии</i> (по Элифасу Леви)	212
<i>Портреты Юрбена Грандье и Корнелия Агриппы</i> (репродукции старинных эстампов)	237
<i>Колдун в плену четырех стихийных сил</i> (оригинальный рисунок г-на Вирта)	256
<i>Д-р Фауст в магическом круге, окруженный демонами</i> (фронтиспис старинной книги)	284
<i>Вызывание Дьявола</i> (оригинальный рисунок г-на Вирта)	288
<i>Сияющая десница</i> (из старинного гримуара)	307
<i>Портреты Бальтазара Беккера и Иоганна Вира</i> (репродукции с двух старинных эстампов)	328
<i>Портрет Калиостро</i> (репродукция с изящной гравюры того времени)	367
<i>Пророчество Парацельса о Бурбонах</i> (факсимиле старинной гравюры, взятой из «Paracelsi Prognosticatio»)	369
<i>Пророчество Иоахима Флорского</i> (факсимиле старинной гравюры)	370
<i>Портреты Сен-Мартена</i> (репродукция очень редкого портрета au physionotrace, выгравированного в 1801 г.) и <i>Жака Казотта</i> (графюра Массона, воспроизведенная с любезного разрешения издателя, г-на Кантена)	383
<i>Урок из гримуара</i> (уменьшенная репродукция старинного немецкого эстампа) ..	388
<i>Подвиги Бербизье</i> (факсимиле одной иллюстрации из «Книги о Барабашках»)	395
<i>Дьявольские сигнатуры</i>	408
<i>Круг для вызываний</i>	414
<i>Красный Дракон</i> (факсимильное воспроизведение фронтисписа гримуара с тем же названием)	415
<i>Магические знаки</i> (факсимильное воспроизведение знаков, взятых из одной рукописи «Ключиков Соломона»)	424
<i>Распределитель высших благословений Света и Жизни</i>	473
<i>Портрет Розы Тамизье, вместе с эскизом Чудотворной картины из Сен-Сатюрнена</i> (2 рисунка из книги аббата Андре)	477
<i>Десятистишие Элифаса Леви</i> (автографированное неизданное произведение) ...	481
<i>Сатана-Пантей, переодетый ангелом света</i> (оригинальный рисунок г-на Вирта) ..	522

КОНЕЦ «ХРАМА САТАНЫ»

ШЕПОТ ЧЕРНОЙ МУЗЫ

«Храм Сатаны», «Ключ к черной магии», «Очерки о проклятых науках» — кем мог быть автор произведений со столь грозными, «инфернальными» названиями? Злокозненным чернокнижником, таинственным каббалистом, колдуном в пурпурной мантии, управляющим целой армией низших духов (или, в крайнем случае, одним домашним бесом, что обитает в стенном шкафу), мастером убийственных энвольтаций, обезумевшим от сатанинской злобы отравителем и некромантом? На излете «трезвого» девятнадцатого столетия? Помилуйте! И откуда столь диковинное имя — маркиз Станислас де Гуайта? Быть может, это псевдоним? В самом титуле уже сквозит нечто извращенное и в то же время притягательное — в диапазоне от пресловутого маркиза де Сада до... Карабаса-Барабаса. Добавьте к этому славянское имя, итальянскую фамилию и лотарингское происхождение, и перед чарами этого необычайного персонажа не устоит ни один любитель тайного и сокровенного — или «оккультного», как повелось говорить со времен знаменитого Элифаса Леви.

Жизнь и творчество французского аристократа, действительно, давали и по-прежнему дают обильную пищу для самых невероятных слухов и домыслов. Имелись ли для них реальные основания?

Станислас де Гуайта родился 6 апреля 1861 г. в своем семейном замке д'Альтевиль в аннексированной Лотарингии. Его род вел свое

происхождение от некоего вождя из долины Менаджио, боровшегося против ломбардцев. На местном диалекте *guaita* означает «засада», вождя так и прозвали — *Гуайта*. В 772 г. один из франкских вождей по имени *Макко* женился на наследнице Гуайта. Так появилась фамилия *Массогуайта*, которая затем путем перестановки превратилась в *Гуайта-макко* и была сокращена до Гуайта. Фридрих Барбаросса пожаловал одному из Гуайта, герою осады Милана, титул маркграфа, и к трем лазурным шевронам вольных сеньоров долины Менаджио добавил императорский орел. В 1189 г. Пьетро Гуайта вместе со своими сыновьями освободил город Комо. При этом погибли двое представителей рода. Соперничество вынудило Гуайта покинуть Комо. Их замки Прано и Порлецца были разрушены. Третий замок, Кадонья, пал в 1515 г. под натиском швейцарцев. Гуайта недолго любили Австрию, но храбро сражались против турок. По совету императрицы Марии-Терезии, Франциск де Гуайта открыл ткацкую фабрику рядом с Комо, и швабского орла на его родовом гербе сменил двуглавый орел Габсбургов. Иннокентий Гуайта уехал во Франкфурт в 1712 г. Антон Гуайта женился там на Катрин-Кларе Резель, стал тайным советником принца Лёвенштейнского и умер в 1808 г. Его сын Георг, родившийся в 1750 г., умер в Сен-Кирене в 1831 г. Сын Георга, Антон, служил капитаном кавалерии во Франции и умер в Иври в 1834 г. Его сын Франц, родившийся в Сире в апреле 1825 г., стал генеральным советником Мерта. Он жил в Нанси и Альтевиле и умер в Нанси в 1880 г. от лимфатического расстройства. От его брака с Мари-Амели, дочерью барона Гранжана д'Альтевиля, родились Антуан де Гуайта, офицер кавалерий, скончавшийся в Аннаме в 1887 г., и Станислас. Род Гуайта был издавна связан с литературой. Его франкфуртский представитель женился в 1809 г. на Марии-Магдалене-Франциске Брентано. Их дочь Беттина поддерживала пылкую переписку со стариком Гёте. Что же касается предков Станисласа де Гуайта по материнской линии, то польский король Станислав (не в память ли о нем родители нарекли нашего героя?) пожаловал им дворянство, вступая на лотарингский престол.

«Воспитание чувств» юного Станисласа проходило в лицее Нанси, где он учился с 1878 г. вместе с Морисом Барресом — другом всей жизни. «Какой благородный товарищ, восхищавший своей верностью и богатым воображением! — писал Баррес о Гуайта, — Позднее мы видели его полным, немного церемонным, с властным взглядом: но тогда это был милейший ребенок, опьяненный сочувствием ко всему живому и к самой жизни, невероятно подвижный, среднего роста, со светлым лицом, белокурыми волосами и очень красивыми руками». Портрет будущего колдуна? Друзья-лицеисты ночами напролет декламируют

друг другу стихи вошедшего в моду Бодлера или вирши собственного сочинения и умиляются всем на свете. Гуайта считает себя поэтом. Его строфы проникнуты глубоким религиозным чувством. Он дебютирует тремя стихотворными сборниками: «Перелетные птицы» (1881), «Черная муза» (1883) и «Rosa Mystica» (1885). Большинство критиков согласно в том, что поэтом он был посредственным. Принадлежал к парнасской школе, по мнению Анри Боклера — к декадентам. В предисловии к сборнику «Упадок Адоре Флупет» читаем: «Какая разница? — сказал, растянувшись на диване, очень молодой человек с невероятно умным и интересным лицом, который до этого хранил молчание. — Какая разница? Что толку? Разве всё не тщетно? Созерцание и экстаз навсегда заменили для нас тоскливую реальность. Не лучше ли воображать, нежели знать? Истинны только Ангелы, потому что их нет. И, возможно, нас самих тоже нет. Возможно, нас никогда и не было. Поистине, всё тщетно». Молодой провинциал Гуайта уже приехал в Париж, окунулся в столичную жизнь и успел перенять броские штампы будущих фельетонистов и «сочинителей водевилей»... Но поэзия, равно как и женщины, были лишь мимолетным увлечением.

Всё началось с того, что в 1883 г. Гуайта познакомился с Катуллом Мендесом, который предложил ему прочитать «*Догму и ритуал высшей магии*» Элифаса Леви. Книга явилась откровением. Поэзия автоматически отошла на задний план, точнее, сошла на нет. Отныне и на всю жизнь самыми авторитетными учителями и источником вдохновения стали для него Леви, Фабр д'Оливе и Сент-Ив д'Альвейдр. В 1884 г. Гуайта уже писал своему другу Барресу — «величайшему уму, отравленному неизлечимым скептицизмом»: «Почитай книги Элифаса Леви (аббата Констана) и увидишь, что нет ничего прекраснее каббалы. Я довольно хорошо подкован в химии и с удивлением вижу, что алхимики были истинными учеными; вне всякого сомнения, *философский камень* — это не обман. Самая современная и просвещенная наука склонна подтверждать сегодня гениальные гипотезы магов, выдвинутые шесть тысяч лет назад. Разве это не удивительно? Они предсказали, что всё происходит от света. И что же говорит наука? Свет, тепло, движение (вибрация), магнетизм, электричество, мышление... всё это одно и то же! А еще маги предсказали единство материи, которое наука тоже недавно подтвердила».

Книга «У порога Тайны», первый том «Очерков о проклятых науках», впервые вышла в 1886 г. В 1890 г. Гуайта опубликовал второе, расширенное издание, с двумя пантаклями лейпцигского теософа Генриха Кунрата. А в сентябре 1894 г. появилось третье издание.

«Высшая Магия — вовсе не компендиум более или менее связанных со спиритизмом бредней, произвольно возведенных в абсолютную догму; это общий синтез — гипотетический, но рациональный — основанный как на позитивном наблюдении, так и на индукции по аналогии», — пишет Гуайта во вступлении к первому тому. Основа Высшей Магии — еврейская каббала, провозглашающая единство бытия. В *«Инициатической речи для приема в мартинистскую ложу с присуждением 3-й степени»* Гуайта кратко излагает философскую основу своей доктрины: *«В начале, в основе Бытия, лежит Абсолют. Абсолют, который религии называют Богом, не может быть постигнут, и тот, кто пытается дать ему определение, искажает представление о нем, приписывая ему границы: «Определенный Бог — это конечный Бог»¹*, — писал Элифас Леви. Но из этого непостижимого Абсолюта вечно эманурует андрогинная Диада, образованная двумя неразрывно связанными принципами: животворящим Духом и вселенской живой Душой. Тайна их союза представляет собой Великий Аркан Слова. Итак, Слово — это коллективный Человек, рассматриваемый в его божественном синтезе, до его распада. Это Небесный Адам до его грехопадения; до того, как это Универсальное Существо модализировалось, перейдя от Единства к Числу, от Абсолютного к Относительному, от Коллективности к Индивидуализму, от Бесконечности к Пространству и от Вечности ко Времени. О грехопадении Адама традиция учит, что большое количество фрагментарных Слов, побуждаемое эгоистической жаждой индивидуального существования, отделилось от заключавшего их в себе Слова. Они оторвались от породившей их Матери-единства и до бесконечности устремляли во тьму свою зарождающуюся индивидуальность, которую желали сделать независимой от любого предшествующего принципа. Но эти относительные Слова померкли по мере своего удаления от абсолютного Слова. Они пали в материю, этот обман субстанции в бреду объективности; в материю, которая для Небытия то же, что Дух — для Бытия; они опустились до самого элементарного существования: животного, растительного и минерального. Но конкретная Вселенная получила восходящую жизнь, которая поднимается от камня, подверженного кристаллизации, до человека. Это чувственное отражение плененного Духа Наука изучает под названием Эволюции. Эволюция — вселенское Искушение Духа. Эволюционируя, Дух возвышается. Но каким образом он остановился в одной из точек падения? Традиционное учение этого не объясняет. Это тайна».

Свое учение Гуайта называет «каббалистическим», хотя данное обозначение можно применять к нему лишь с существенными оговор-

¹ Un Dieu défini est un Dieu fini.

ками. Как видим, в основе доктрины лежит Евангелие от Иоанна, и она несет на себе явственный отпечаток христианского Гнозиса. Автором учения о «реинтеграции существ», которое проповедовали мартинисты и развивал в своих произведениях Станислас де Гуайта, был человек по имени Мартинес де Паскуалли. Эта таинственная личность появилась во Франции в 1754 г. и основала Орден Рыцарей-Каменщиков, Избранных Жрецов Вселенной. Членами его были «неизвестный философ» и фактический основатель Ордена мартинистов Л.-К. де Сен-Мартен, Ж.-Б. Виллермоз, П. Фурнье и др. С тех пор мартинистская концепция играла и продолжает играть огромную роль в эзотерической жизни Франции. Станислас де Гуайта стремился очистить ее от того, что считал «извращениями» истинного учения, в частности, от вентрасизма, позднее развитого и доведенного до «логического абсурда» аббатом Ж.-А. Булланом — главным оппонентом маркиза. По мнению Гуайта, Буллан был опасной пародией на знакового персонажа французской эзотерической литературы — графа де Габалиса, вышедшего из-под пера Монфокона де Виллара.

Основой магического Синтеза Гуайта считал Свет — уникальную субстанцию, обуславливающую движение, неувядаемую и вечную, которая породила всё и в которую всё возвращается. Одновременно божественный и интеллектуальный, в феноменальном мире Свет служит «спермой» материи и «маткой» форм, андрогинным агентом Вечного Становления. Это универсальный, невесомый флюид, который проявляется в тепле, ясности, электричестве и магнетизме: *Акаша* индусов, *Аор* древних евреев, *Говорящий флюид* Зороастра, *Телесм* Гермеса, *Азот* алхимиков, *Астральный Свет* Мартинеса де Паскуалли и *Элифаса* Леви, *Спектральный Свет* доктора Пассавана и *Психическая Сила* английского химика Крукса.

«Храм Сатаны» (1891) — первый том «Змея Книги Бытия». Когда этот монументальный труд вышел в свет, Гуайта было тридцать лет. Свое произведение он посвятил концепции Дьявола, или Сатаны, разоблачению манихейской ереси, а также старых и новых приспешников Князя Тьмы, четко отличая их от «лжеколдунов», то есть магов, ложно обвиняемых в колдовстве. К последним он относит Альберта Великого, аббата Тритемия, Корнелия Агриппу, Фому Аквинского, Раймунда Луллия... Имя самого Станисласа де Гуайта органично вписывается в этот ряд.

Итак, что же такое колдовство? — Использование во зло оккультных, или сокровенных, сил природы. У колдовства есть свои негативные догматы, ложные символы, мерзостные обряды и таинства. Его материя — осязаемый предмет, а форма — знак, выражающий дья-

вольское влияние. Теоретическая основа религии, черной и высшей магии одинакова. При порче, или энвольтации, материя получает название *вольт* (от лат. *vultus*, изображение), а форма называется *магическим проклятием*. Вольт классической энвольтации — вылепленная из воска фигурка жертвы. При изготовлении вольта колдун использует священный елей или кусочки освященной гостии, обрезки ногтей, зуб (отсюда просторечное выражение: *иметь на кого-нибудь зуб*) или волосы своей будущей жертвы, а также обрывки ее старой одежды. По традиции куклу посвящают во все таинства, которые прошла жертва: крещение, евхаристия, конфирмация, рукоположение, миропомазание. Затем объект колют отравленными булавами, осыпают градом ругательств и царапают в предначертанные часы осколками стекла или ядовитыми шипами, покрытыми разложившейся кровью. Вольт иногда заменяет жаба, которую связывают волосами жертвы и зарывают под порогом ее дома... Гуайта с повышенным интересом и отвращением, смешанным с удовольствием (или с удовольствием, смешанным с отвращением), перечисляет различные колдовские рецепты. Чем омерзительнее, тем лучше, но главное — эффективнее. В заключение он приводит пространную алфавитную опись — «Арсенал колдуна». Предостережение или... руководство к действию? На одной из страниц Гуайта воспроизводит «самые откровенно сатанинские и богохульные иероглифы» из «Гримуара Гонория», которые видел в своей жизни. Произведя анализ красящего вещества красно-коричневого цвета, с помощью которого они нарисованы, автор установил, что это кровь. «Бумага вокруг пожелтела или, скорее, опалилась, словно от пламени свечи. Воздерживаясь от дальнейших выводов, я заключил, что этот Гримуар принадлежал адепту колдовства». Подобные образцы «двусмысленного мистицизма» вызывают у Гуайта жгучее (научное или все-таки нездоровое?) любопытство.

Такова теория, а практика?

В 1887 г. Гуайта познакомился с Освальдом Виртом, изучавшим масонскую символику и таро. В том же году Вирт провел расследование по делу аббата Ж.-А. Буллана, доктора богословия, в Шалоне-на-Марне. Буллан называл себя преемником пророка Илии, перевоплотившегося под именем известного самозванца и ересиарха Эжена Вентра. Буллан видел свою задачу в великой религиозной реставрации, утверждал, что обладает сверхъестественными способностями, и показывал медальон с окровавленной гостией. Вирту удалось вывести тайны так называемого Кармеля², возглавляемого Булланом. В доктрине Кармеля говорилось об искуплении любовью, обрядах, вызывающих

² От Кармильской горы, одного из сакральных католических символов.

«восхождение существ», и весьма похвальных «жизненных соитиях», оказывающих трансцендентное воздействие. Все это переходило в сексуальный мистицизм и грозило закончиться чистой физиологией. Ознакомившись с перепиской Вирта и Буллана, двадцатипятилетний Гуайта решил созвать трибунал чести и осудить аббата как «колдуна и создателя нечестивой секты». Так возник Каббалистический Орден Розы+Креста, состоявший из двенадцати членов. В него входили знаменитый вульгаризатор тайного знания Папюс (доктор Жерар Анкос), Шарль Барле, Жозефен Пеладан, Поль Адан, Жюльен Леже, Альта, Вирт, Шабозо, А. Каброль, Г. Торион, Марк Авен и др. Новоиспеченные розенкрейцеры объявили приговор Булану 23 мая 1887 г., но привели его в исполнение лишь четыре года спустя. После вынесения приговора великий магистр ордена Гуайта вернулся в Альтевиль, а члены Верховного Совета заняли выжидательную позицию.

Истории с Буланом посвящена глава VI «Храма Сатаны», озаглавленная «Современные аватары колдуна». Гуайта начинает с торжественного вступления: «Задача, которую я беру на себя как член Ордена Розы+Креста, столь же печальна, сколь и омерзительна; но я считаю ее выполнение своим долгом. Не провозгласил ли Каббалистический орден Розы+Креста в начале своего конкордата миссию по борьбе с колдовством повсюду, где встретит его на своем пути, по разрушению его деяний и уничтожению его результатов? Братья клятвенно обязуются преследовать адептов Гоэтии, так называемых магов, чьи невежество, злоба и смешные черты позорят наши тайны и чья двусмысленная позиция, равно как и возмутительные доктрины, порочат всемирное Братство высшей и божественной Магии, на славную принадлежность к которому они бесстыдно претендуют... Мы приговорили их ко крещению светом... Наша цель не в том, чтобы заклеить позором некоего человека, каким бы подлым и преступным он ни был. Наша цель — изобличить перед инквизицией общественного презрения мерзостную доктрину, соблазнившую, увы, слишком многих простодушных людей. Наша цель — смутить постыдную секту, которая насчитывает сегодня слишком большое число, как правило, заблудших прозелитов и почти всегда безответственных приверженцев...»

В своей книге Гуайта великодушно именует Буллана «доктором Иоанном Крестителем», не указывая его настоящего имени. «Кармельская доктрина», которой учил Буллан, судя по его письмам, состояла в следующем. Илийский кармель признавал искупительное восхождение существ и налагал на каждого обязанность трудиться ради собственного восхождения, индивидуально или в коллективе. Согласно абсолютному правилу, каждый может дать только то, что у него есть. Прежде чем отдать, нужно сначала приобрести, то есть «онебеситься».

Коллективное восхождение подчиняется индивидуальному. Эдемское грехопадение осуществилось путем акта любви, механизм которого раскрывает «*Зогаф*». Поэтому искупление должно производиться через любовь религиозную. Вечным символом соития полов, восстанавливающего андрогинат, служит Древо Познания Добра и Зла. Это ключ к восхождению, равно как и к вырождению. Правильное или извращенное намерение обожествляет это соитие или же отмечает его адским стигматом. Его последствия — жизнь или смерть, *Таинство таинств*. Следовательно, сексуальное сближение может осуществляться в inferнальной или же в небесной форме. Для того чтобы «онебеситься», Буллан и его последователи соединялись на всех планах с сущностями всех иерархий: высшими духами, избранными земли, а также с низшими, стихийными и животными духами — с целью «онебесить» эти бедные падшие создания и заставить их подняться по восходящей лестнице жизни. Буллан называл это «Правом прокреации», возвышенной привилегией посвящения в Святой Кармель. «Без соитий — нет спасения». В секте все мужчины обладали всеми женщинами, и наоборот. Задача ставилась следующим образом: 1) сочетаться любовью с высшими существами; 2) сочетаться со стихийными духами, чтобы поднять их за собой. Главное — поднимая их по лестнице, не спуститься по ней самому... По утверждению Гуайта, подобная доктрина приводила ко всеобщему бесстыдству, прелюбодеянию, инцесту, скотоложеству, инкубизму и онанизму, возведенным в похвальные и сакральные акты.

«Храм Сатаны» был опубликован в 1891 г. во исполнение приговора, который Каббалистический орден Розы+Креста вынес Буллану в 1887 г. Когда приговор розенкрейцеров был доведен до сведения аббата, тот затрясся от негодования. Облачившись в красную вентрассистскую рясу с перевернутым крестом на спине, с непокрытой головой и босыми ногами Буллан совершил «приношение Мелхиседека». Он принял свою участь трагически и приготовился к обороне от возможных энвольтаций злобных «каббалистов».

Два года спустя Булланом заинтересовался Ж.-К. Гюисманс. Вирт убеждал его, что аббат не был сатанистом, а просто страдал мегаломанией и эротоманией. Но Гюисманс все же поехал в Лион к сектанту. Буллан жаловался ему, что получает из Парижа флюидические удары. Однажды его ногу пронзили флюиды, а его алтарь чуть было не опрокинулся загадочным образом. В атмосфере всеобщей истерии Гюисманс готов был поверить в то, что сам стал жертвой магических атак. По его приглашению Буллан прибыл в Париж, где заявил редактору «Фигаро», что нашел средство защиты от энвольтаций. Через несколько дней, 3 января 1893 г., он скоропостижно скончался. После того,

как в парижской «Молнии» появилась статья под названием «Смерть священнослужителя, совершавшего черные мессы», журналист Жюль Буа написал: «Маркиз де Гуайта живет один и ни с кем не общается, он пользуется ядами со знанием дела и в полной уверенности, выпаривая их и направляя в пространстве...» Гюисманс тоже подлил масла в огонь: «Не вызывает сомнений, что Гуайта и Пеладан ежедневно занимаются черной магией. Бедняга Булан постоянно боролся со злобными духами, которых они на протяжении двух лет непрерывно отправляли к нему из Парижа. В вопросах магии много неясностей, но вполне возможно, что мой бедный друг Булан умер в результате смертельной энвольтации». После этих выпадов в прессе взбешенный Гуайта отправил секундантов, Барреса и В.-Э. Мишле, к Гюисмансу и Буа. С первым из них удалось договориться, но второй возобновил свои нападки, и дуэль была неизбежна. Выезжая на место поединка, Буа рассказал секунданту о своих дурных предчувствиях. На версальской дороге ему, действительно, пришлось заменить трех лошадей, с которыми творилось что-то неладное. Буа прибыл на место весь в синяках и крови. Противники выстрелили друг в друга, но, как и было условлено, промахнулись.

Можно ли считать эти настойчивые обвинения хоть в некоторой степени обоснованными или следует признать их клеветническими измышлениями нравственно нечистоплотных охочих до сенсаций газетчиков? В статье Папюса, посвященной Гуайта и его роли во французском спиритуалистическом движении, читаем: «Ни один просвещенный собрат Р+К никогда никого не энвольтовал. Когда принималось решение о приведении приговора в исполнение, оно состояло исключительно в том, чтобы предать гласности проделки и гнусные деяния некромантов. Именно так поступили с той отвратительной особой, которую Гуайта, со свойственным ему благородством, назвал «Иоанном Крестителем»... Поэтому все истории о «летучих духах» и «контрэнвольтации», появившиеся в прессе в связи с кончиной этого «Иоанна Крестителя» и переизданные в настоящее время, — дело рук невежд, не прошедших начального экзамена оккультных школ...» Тем не менее, в своем «Трактате по практической магии» Папюс обсуждал возможность энвольтации и даже предлагал методы защиты от вредоносных магических воздействий. По его словам, существовал секрет превращения фотографии в истинный астральный образ, но этот секрет был известен лишь «каббалистам-розенкрейцерам», то есть Гуайта и его группе. Кроме того, в письмах к Пеладану упоминается о крайне интенсивной флюидической атаке, которой якобы подвергся Гуайта. Магу удалось отослать отравленный поток обратно в центр

излучения, поразив незадачливого энвольтера. Он заключал: «Я обладаю невиданной силой и делаю все, что хочу, с флюидами и Духами, с помощью методов высшей и божественной магии, в которые я тебя посвящу... Думаю, что никогда не увлеку тебя в сферу Дракона». По утверждению же Вирта, несмотря на то, что Гуайта провозглашал себя магом, ему никогда не приходило в голову совершить хотя бы малейшую магическую операцию. Он глубоко изучил теорию, но презирал практику. Гуайта рассчитывал образумить Буллана, разъяснив ему его ошибки, а не путем оккультного воздействия. Как ни крути, а все эти противоречивые факты и свидетельства не складываются в связную и однозначную картину. Слишком много в ней недоговоренностей и кругового «укрывательства». Понятно, что если бы Гуайта и Папюс действительно затеяли магическую дуэль и энвольтовали своего оппонента Буллана, то они никогда не признались бы в этом. Поэтому было бы слишком самонадеянно отрицать возможность подобной магической схватки. Ведь человек, уверовавший в свое всемогущество и непогрешимость, неизбежно подвергается сильнейшим соблазнам и искушениям, перед которыми мало кто способен устоять.

Цель «Ключа к черной магии» (1897) — разъяснить и научно истолковать факты и легенды, приведенные в «Храме Сатаны». Гуайта разрабатывает общую теорию оккультных сил. Колдовство, или черная Магия, отличается от высшей, божественной Магии своими намерениями, степенью осведомленности и получаемыми противоположными результатами. «Ключ к черной магии» открывает доступ не только к системе проклятых наук, но и к храму высшей Магии, и поэтому он представляет интерес как для «иерофантов света», так и для адептов тьмы. «Вот Древо Познания Добра и Зла; его раздвоенный ствол высится на единственном корне. Вот символическая дева, встреченная Аполлоном на берегах Гифасиса: тело ее наполовину черное, а наполовину белое. Вот таинственный ромб на пантакле Тритемия: в верхнем треугольнике сияет божественная схема, неизреченная Тетраграмма, а образ Сатаны ухмыляется во тьме нижнего треугольника».

Гуайта утверждает, что «сверхъестественного не существует», поскольку даже самые необычайные явления обусловлены незыблемыми природными законами. Провидение никогда не ниспровергает механизм великих законов, изначально введенных в качестве «неподкупных свидетелей Вечной Мудрости». Тайная причина этого кроется в природе самого Бога, который, будучи сознательным Абсолютом, не подвержен ошибкам или колебаниям.

«Ключ к черной магии» включает в себя семь глав: «Равновесие и его агент», «Тайны одиночества», «Колесо Становления», «Сила Воли»,

«Магическое рабство», «Смерть и ее арканы» и «Магия трансмутаций». Одна из самых захватывающих — глава о смерти, где Гуайта подробно рассматривает процесс отделения души и астрального тела от физического организма, который совершается через макушку головы, последующего разложения трупа и нового рождения души. В человеке наличествует четыре различных вида жизни: «Во-первых, универсальная жизнь, он связан с ней посредством жизни людского рода; затем его собственная жизнь, присущая его индивидуальному бытию; далее — отдельная (преломленная) жизнь каждой клетки, органическое скопление которых составляет его тело; наконец, на низшей ступени, химическая жизнь атомов материи, которые группируются для образования клетки». Гуайта пишет о смерти как о разрыве симпатической связи между жизнями. Связующее звено — астральное тело, оболочка человеческой души. Предположим, смерть наступила. Вместе со своей тройной жизнью, инстинктивной, страстной и умственной, и со своей волевой жизнью, душа отошла, ее здесь нет. Астральное тело, эта связующая «узда» троичного и четвертичного жизненного динамизма в его взаимоотношениях с материальным организмом, или агломератом клеток, каждая из которых живет благодаря отраженной искре жизни, — астральное тело изшло, его здесь нет. Остается физическое тело. Составляющие его клетки напоминают маленькие лейденские баночки, в которых собран *отраженный* биологический флюид. Стало быть, спинномозговая, нервная и лимфатическая системы, где физиологически локализовалась ныне исчезнувшая астральная форма, лишены своего циркулирующего светящегося флюида. Эти системы мертвы, словно аппараты, и молекулярная жизнь лишь временно пребывает в них, как и во всех других частях трупа. Однако химическое сродство вовсе не является единственным виновником телесного распада. Отвратительные ларвы также приходят принять в нем участие, и каббалисты знают о них и обозначают их именем *Masikim*. Сразу же после смерти они, подобно смерчу, набрасываются на труп и часто скапливаются, как говорит Исаак Лурия, в том месте, где он лежит, «на высоте до пятнадцати локтей над ним». *Masikim* — специальные ферменты разложения. Это черви, вороны и гиены Незримого. Между тем ногти и волосы настолько невосприимчивы к разрушению, что нередко можно видеть, как они продолжают расти. Но, в конечном счете, тягостное влияние Эреба, конструктивного принципа Времени, приводит к тому, что повсюду торжествует химическая игра атомного сродства, которая склонна разрушать все конструкции, архитектором которых была жизнь.

Последнее, незаконченное, произведение Гуайта носит весьма показательное название — «Проблема зла». В отличие от богословов, отрицавших проблему зла, для Гуайта зло действительно *было* проблемой, и речь здесь, по-видимому, идет не только о гениальном предчувствии грядущего сатанинского разгула в XX в., но и о тех «темных корнях», которые Гуайта сумел прозорливо разглядеть в собственной человеческой природе. В «Храме Сатаны» он пишет, что третья часть трилогии «станет философским синтезом нашей Книги: мы подойдем в ней к великой загадке Зла и приподнимем, *насколько нам это позволяют наша совесть и наше посвящение*, грозный и благотворный покров, скрывающий от глаз *profanum vulgus*³ Великий Аркан Магии. Мы продвинемся дальше, чем считает себя обязанным двигаться любой адепт, до того крайнего предела, который *так страшно пересекать*, где эмблематический Керуб с пылающим мечом в руке угрожает слепотой дерзким созерцателям самого ослепительного из солнц...» (Курсив мой. — В. Н.) «Проблема зла» была дописана и опубликована в 1949 г. (спустя полстолетия!) другом и секретарем Гуайта Освальдом Виртом и издателем Мариусом Лепажем. Гуайта пишет в ней: «Подобно тому, как ночь — это “яйцо” дня, зло — это “яйцо” добра. Стоит проломить хрупкую перегородку, и прольется божественный свет, а от предшествующего зла останутся лишь осколки скорлупы... Добро и Зло — две ветви одного дерева, но дерево это не обладает автономной божественной сущностью. Вносить подобную путаницу — значит воссоздавать чудовищную манихейскую ересь. И, тем не менее, гностические ученые подошли ближе всех остальных к решению этой громадной проблемы; тонкая преграда сделана из алмаза, и сквозь нее никогда нельзя будет проникнуть». Сатана — «не самостоятельное существо, но проявляется в других существах и посредством них; он обладает лишь тем бытием, которым его наделяют. Его нет, и тем не менее, он вредит... Для его определения я отважусь на самый смелый парадокс: поскольку он — лишь полное отрицание строгого и полного абсолюта, можно было бы назвать его самого *абсолютной Относительностью*... В просторечии, дьявол живет лишь заемной жизнью. Сатаны нет, Зла нет, Холода нет, Тьмы нет, потому что эти четыре чисто негативные абстракции обозначают, в общем и целом, лишь отсутствие Бога, отсутствие Добра, отсутствие тепла и света». При этом Гуайта на протяжении всей трилогии подспудно внушает мысль об «амбивалентном» характере магии, о зыбкости границ между добром и злом, с легкостью перетекающих одно в другое. От этой страшной легкости порой захватывает дух и кружится голова. Оказывается, маг вправе бороться с колдуном его

³ непосвященной толпы (лат.).

же собственным оружием, и, таким образом, граница между первым и вторым неуклонно размывается по мере приближения к Истине. Возникает ощущение, сходное с наваждением, что тот «крайний предел», та «великая загадка», о которой постоянно твердит Гуайта, заключается в постижении полной тождественности «высшей» и «черной» магии и *абсолютной относительности* нравственных категорий. Таким образом, Гуайта можно считать предтечей этического релятивизма и «постмодернизма», которые будут подняты на щит многими магами XX в. То, что для Гуайта еще оставалось «неизреченной тайной», для некоторых более поздних оккультистов становится постулатом. Так, тень Гуайта маячит за спиной широко известного теоретика и практика магии Алистера Кроули, какими бы внешне несхожими и даже противоположными ни казались два этих деятеля оккультного движения. Мы никогда не узнаем, о чем нашептывала Станисласу де Гуайта его неотвязная Черная Муза, но, наверное, у доброй католички, какой была его мать, волосы от этих откровений встали бы дыбом.

Еще немного о слухах и реальности. Известный французский писатель Поль Адан рассказывал о привидении, которое якобы обитало в парижской квартире Гуайта. «Указанный фантом появлялся, пока мы сидели за столом. Его неясная форма оставалась в углу столовой, но когда однажды один из гостей встал, чтобы предложить ему эскалоп, оскорбленный фантом больше не появлялся». Гюстав Кан также оставил свидетельство о домашнем призраке Гуайта. «После обеда Гуайта предложил шартреза и сначала выпил его чистым, а затем разбавленным водой. Мы последовали его примеру и к середине вечера поневоле заговорили о фантоме, который начинал завоевывать довольно широкую известность. Некоторые видели его своими глазами. Поль Адан говорил немного уклончиво; у него было скорее ощущение мимолетного, скрытого, но несомненного присутствия». Поэт Эдуард Дюбю отчетливо видел сероватое, ритмично двигавшееся тело, которому не доставало одной ноги. Видимая же (или почти видимая) нога была похожа на деревянную. «Поскольку я утверждал, что видел призрака только в “Гамлете”, — рассказывал Гюстав Кан, — и не верю во все это, Гуайта настоял на том, чтобы я пришел посмотреть на фантом. В конце концов, мы не торопясь отправились к нему. Чтобы не испугнуть фантом, он велел мне ждать одному, сидя в кресле или, если мне так больше нравится, лежа на диване (призрак не любил многолюдных собраний). Но с самого начала мне открыли жилище, избранное фантомом, — стенной шкаф, и я с удивлением увидел там метлу и висящую на ней серую тряпку. Это была утварь служанки Гуайта, предназначенная для уборки квартиры. Подобная простота

доказывала, что никаких инсценировок с участием фантома не было, а палка метлы напомнила Дюбю деревянную ногу, так как он мог видеть фантом, предрасположенный к этому предварительной затяжкой возбуждающего средства. Я ждал призрака, листая книги. Излишне говорить, что шкаф сохранил свою тайну и я не увидел никакой тени, блуждавшей вокруг рабочего стола Гуайта». По словам Вирта, фантом считали домашним духом, которого выпускали из стенного шкафа для исполнения приговоров Ордена Розы+Креста. В действительности, в шкафу хранились химикаты, ведь Гуайта был ученым. Из осторожности он пригрозил своей старой служанке катастрофой, которая произойдет, если та откроет шкаф. Охваченная ужасом, служанка решила, что в шкафу живет привидение, откуда и возникли сплетни, попавшие в прессу. Таково «прозаическое» объяснение Вирта. Поверим ему на слово?

В письме к матери, которую он обожал, Гуайта говорил о себе так: «Я прирожденный художник или, если хотите, человек разумеющий; я — солдат армии слов... Я жажду Справедливости и Истины, ищу их там, где, как мне кажется, вижу их. Насколько я не способен вести активную жизнь, настолько же страстно и неутомимо стремлюсь к Истине и Красоте... Я могу глубоко и тщательно изучить вопрос, который меня пленил, раскрыть последние тайны одной главной науки, все другие секреты которой — лишь слабые проблески. Я могу быть тем, кого большинство людей называет утопистом, а некоторые величают мыслителем. Я могу накапливать в своей голове самые абстрактные метафизические познания, интеллектуально питаюсь “костным мозгом львов”, как говорит Боссюэ; могу медленно создавать теоретическое произведение, куда вложу весь свой ум, энтузиазм и душу, а затем, в один прекрасный момент, смогу, наверное, пожертвовать собой ради того, что считаю Истиной, Красотой и Справедливостью. У меня можно будет почерпнуть лишь прекрасные формы и возвышенные мысли...» Мать не желала видеть в нем такого человека. Очевидно, знала о чем-то или же интуитивно догадывалась. Гуайта же отчаянно пытался доказать ей свою «ортодоксальность»: «Я верю в Бога и Провидение и по несколько раз в день обращаю свою душу к абсолютному Благу, а свой дух — к абсолютной Истине. Чего же более?»

Последние годы жизни Гуайта прошли в Альтевиле. Баррес великолепно описал их одинокую обстановку: «Хмурое чаще всего небо, неподвижный горизонт, тишина, нарушаемая лишь криками павлинов, всегда пустынный дубовый лес, старый парк с несколькими удобно расставленными скамьями, комнаты, сохранившие спокойствие жизней, которые здесь протекли, — всё это окружение, в котором он

вырос, благоприятствовало его глубоким, однообразным раздумьям. Они преследовали его ночи напролет. Быть может, продлевая таким образом свои размышления, он хотел возместить краткость собственной жизни? Ему нравилось наблюдать во время своих бдений, как занимался день, как заря торжествовала над плотными портьерами, — обещания, которые давала этому искателю абсолюта природа и которые сдержала смерть». В округе считали, что Гуайта, заперевшись в своем печальном, мрачном замке, занимается колдовством. Говорят, он рядился в красные одежды, а его парижская квартира была обита кумачом. «В действительности, — пишет Вирт, — он считал красный цветом Розы+Креста». Впрочем, в конце XIX в. кумач, благодаря своей дешевизне, был модной стеной обивкой у художников.

Незадолго до смерти Гуайта сказал Папюсу: «Всё, Судьба не позволит мне больше ничего сказать. Если я увижу появление своей книги, то не смогу двигаться дальше». Папюс был вызван в Альтевиль. Гуайта геройски переносил почти нечеловеческие физические страдания. «Затем симптомы, загадочные и при этом настойчивые предупреждения, наполнили мое сердце печалью, возвещая о том, что наверху готовится прекрасное рождение, и это означало, что здесь близится печальный уход. Через три дня всё было кончено». Возможно, Гуайта страдал от уремии или отравления крови. Он умер 19 декабря после ужасной агонии, сменившейся, говорят, неопишуемым экстазом. Философ был похоронен рядом со своим отцом, матерью и братом Антуаном, на кладбище Таркемполья. Альтевиль был продан сестрой Гуайта, а книги и бумаги, хранившиеся в замке, сожжены его новыми владельцами, которые считали их колдовскими. Ходили слухи о том, что Гуайта скончался от передозировки наркотиков. Действительно, в его письмах мы встречаем частые упоминания кокаина и морфия. Не следует забывать, что в конце девятнадцатого столетия эти препараты широко использовались в лечебных целях (кокаин, например, применяли в качестве обезболивающего средства дантисты). Гуайта тщетно пытался снизить дозу и во время болезни употреблял наркотики ежедневно и в больших количествах. В «Храме Сатаны» помещены две статьи, посвященные перуанской коке и гашишу и включенные в «Арсенал колдуна». Там он, в частности, пишет: «Кока, подобно гашишу, но по другим причинам, оказывает на астральное тело непосредственное и мощное воздействие; ее использование развязывает в человеке определенные узы, сковывающие его сверхфизическую природу, — узы, прочность которых служит для огромного большинства залогом здоровья... Если вы дорожите своей жизнью, своим рассудком и здоровьем своей души, избегайте, как чумы, подкожных инъекций Кокаина. Не

говоря уже о привычке, формирующейся очень быстро... при этом возникает особое состояние. Дверь пройдена; преграда рухнула. Внезапно очутившись в незнакомом мире, мы вступаем в связь с сущностями, о которых даже не догадывались. Одним словом, заключен *молчаливый договор*». В то же время Гуайта положительно отзывается о магическом воздействии гашиша. Мы, естественно, не располагаем свидетельствами самого Гуайта о том, что он готовил и применял на практике «магические яды», однако автор «Храма Сатаны» внимательно и досконально изучал всевозможные рецепты колдовских снадобий и «грузов магической отравы». С какой целью? Из «голового» научного интереса? Желаящие оправдать Гуайта удовлетворятся подобным объяснением, стремящиеся очернить его — выскажут обоснованные сомнения, но никто не вправе вынести окончательный вердикт. Всякому здравомыслящему человеку понятно, что невозможно употреблять наркотики и при этом не *злоупотреблять* ими. Несмотря на некоторые благоприятные аспекты «расширения сознания» и т. п., алкалоиды, в конечном счете, разрушают современного человека, какой бы силой воли он ни обладал. Порабощая его физическую природу, они наносят непоправимый урон духу. Однако этот процесс неизбежен и, очевидно, имеет некий глубокий смысл.

В «Посвящении» за январь 1898 г., вышедшем после смерти Гуайта, В.-Э. Мишле писал: «Станислас де Гуайта — одно из самых блестящих звеньев магической цепи сыновей Гермеса на Западе. И если он преждевременно поднял покров, под которым таилась Исида черная, если его спокойная дерзость вызвала гнев Эгрегоров, значит, такова судьба первооткрывателя». Не беремся судить, поднял ли Гуайта заветный покров Исиды или же Черная Муза сама пришла к нему, чтобы вдохновить и погубить. В любом случае, его жизнь завидной и счастливой не назовешь. Но отблеск величия все же ложится на страницы его загадочных и порой мучительных произведений, отзываясь в душе невыразимой метафизической тоской.

Валерий Нугатов

ESSAIS
DE
SCIENCES MAUDITES

AU
SEUIL DU MYSTÈRE

CINQUIÈME ÉDITION

CORRIGÉE, AVEC DEUX BELLES FIGURES MAGIQUES
D'APRÈS HENRY KHUNRATH
ET UN APPENDICE ENTIÈREMENT REMANIÉ

PAR

Stanislas de GUAITA

PRÉFACE DE MAURICE BARRÈS
de l'Académie Française

HECTOR & HENRI DURVILLE

:: :: Imprimeurs - Éditeurs :: ::

23, RUE SAINT-MERRI — PARIS

1915

Станислас де Гуайта

ОЧЕРКИ О ПРОКЛЯТЫХ НАУКАХ

У ПОРОГА ТАЙНЫ

Пятое, исправленное, издание с двумя прекрасными
магическими рисунками Генриха Кунрата
и полностью переработанным приложением

ПРЕДИСЛОВИЕ
члена Французской академии
МОРИСА БАРРЕСА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я ни в коем случае не мог пропустить переиздание книги Станисла-са де Гуайта, не воспользовавшись удобной возможностью вспомнить о человеке, который мне дорог. Прошло уже тридцать пять лет с тех пор, как я вместе со своим другом гулял по берегам Лендрского пруда и по дубовым рощам, беседуя об оккультных науках и проблемах гнозиса, которые с необычайной силой волновали его. Я хотел вернуться туда и привезти с собой разнообразные воспоминания нашей юности, но эта Лотарингия с ее прудами стала сегодня недоступной, трагической страной августовских боев. Да и как проникнуть в грезу или мечту в эту годину? Ведь куда бы ни обратился духовный взор, к нему повсюду вызывают, его насильно захватывают сцены и мысли о великой войне.

Однако родственники, любовно хранящие память о Станисласе де Гуайта — Станисе, как мы его называли, справедливо считают эти обстоятельства вполне благоприятными. «Его произведения, — говорили они мне, — оказывали, даже в кругах, чуждых герметическим исследованиям, влияние, многочисленными доказательствами которого мы располагали. Смятенные души обретали в них свет и силу. Переиздавая их, мы стремимся сделать эту же помощь доступной тем, кому она, возможно, понадобится».

Очень часто мы с друзьями Гуайта, в особенности с доктором То-рионом, этим «Фаустом из Вуавра», спорили, гуляя по берегам Мёза, о том, какие шансы оказаться полезной есть у «*Проблемы зла*», знаменитой книги, над которой работал в последнее время наш друг, когда его настигла смерть. Данный вопрос теперь решен. Этот заключительный аккорд его мысли и жизни включен в последний сборник его произведений.

Хотелось бы, чтобы в ближайшее время у меня появилась возможность вернуться, на свежую голову, к этой *сумме каббалы* и записать на ее полях свой дружеский комментарий и свои фантазии.

Морис БАРРЕС.

22 июня 1915 года.

УВЕДОМЛЕНИЕ ИЗДАТЕЛЕЙ ДЛЯ ПЯТОГО ИЗДАНИЯ

Поистине замечательные произведения Станисласа де Гуайта пользуются большим спросом в книжных магазинах, поскольку почитатели этого Автора становятся всё более и более многочисленными по мере того, как он приобретает всё большую известность и уважение. Предыдущие издания были полностью распроданы; в то же время редкие экземпляры, которые всё ещё иногда встречаются у букинистов, отличаются крайне высокими ценами.

По этой тройной причине общий интерес к Науке о душе требует публикации нового издания этих произведений.

Настоящее издание полностью идентично предыдущему в том, что касается формата книги, качества бумаги и печатных знаков в тексте, который был выверен самым тщательным образом и откорректирован г-ном Освальдом Виртом.

Наше издание дополнено *Предисловием* г-на Мориса БАРРЕСА и добавлением, в виде отдельного тома, неизданных примечаний, составленных автором к «Проблеме зла». Г-н Освальд Вирт завершает текст этого последнего произведения «Комментарием к Арканам Таро», вдохновленным теми идеями, которыми он обменивался на эту тему с самим г-ном де Гуайта.

Гектор и Анри ДЮРВИЛЬ,
издатели.

Париж, 20 июля 1915 года.

УВЕДОМЛЕНИЕ

ДЛЯ ТРЕТЬЕГО ИЗДАНИЯ

(1894)

Переиздавая эту книгу, второе издание которой было так быстро распродано, мы идем навстречу настойчивому желанию любопытствующей публики.

В течение двух лет после того, как «*У порога тайны*» исчезла с витрин, наше издательство получало сотни заказов, которые мы, к сожалению, не могли удовлетворить. Что же касается случайных экземпляров, то они обычно оценивались в специальных каталогах по ценам, в половину и даже на три четверти превышающим изначальную стоимость.

Кроме того, желая предложить нашим покупателям издание, которое представляло бы для них новый интерес, мы добились от автора большего, чем мы у него просили: так что мы с радостью публикуем в некотором роде обновленное произведение.

Г-н Станислас де Гуайта не только переработал основной текст; он также видоизменил *Приложение*, сократив часть материала, чтобы освободить место для важных добавлений.

«*Заметка о двух тайных обществах в 1890-м году*», а также рецензия на тогда еще новое произведение г-на Альбера Жуне «*Царство Божье*», четыре года назад носили актуальный характер, который они сегодня утратили. Автор заменил их двумя неизданными статьями, одна из которых в прошлом не представляла столь насущного интереса: «*Заметки об Экстазе*», важность которых по достоинству оценят все адепты практической магии, и перевод *Предисловия* (до сих пор неизвестного во Франции) к «*Занони*», великому эзотерическому роману сэра Бульвер-Литтона.

Пропуск этого предисловия в начале превосходного перевода, опубликованного издательством «Ашет» (2 vol. in-12), был тем более достоин сожаления, что эти несколько страниц представляют не что иное, как ключ, необходимый для оккультного понимания шедевра Бульвер-Литтона. Любопытные примечания на полях, принадлежа-

щие перу г-на де Гуайта, еще больше подчеркивают ценность и интерес этого важнейшего текста.

Таким образом, материалы, составляющие *Приложение* к настоящему изданию, распределяются так:

1. Описание «*Amphitheatrum Sapientiae aeternae*» Генриха Кунрата, откуда были взяты две гравюры, воспроизведенные в начале нашего тома;

2. Анализ *Розы-Креста*, по Кунрату;

3. Анализ большого *Андрогина* Кунрата;

4. *Инициатическая речь* для приема в *мартинистскую* ложу;

5. *Заметки об Экстазе*;

6. *Предисловие* к «*Занони*», переведенное с английского и снабженное примечаниями.

Прежде чем отложить перо, мы хотели бы высказать пожелание, чтобы наша Публика оказала этому третьему, переработанному, изданию столь же теплый прием, каким она изволила почтить два предыдущих.

Сентябрь 1894 года.

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

ДЛЯ ВТОРОГО ИЗДАНИЯ (1890)

Читатель нашего небольшого труда 1886 года должен быть нам признателен: ведь мы взяли на себя труд дополнить этот первый опыт, полностью переделав и улучшив его во всех отношениях для нового издания, которое лежит перед вами.

Мы публикуем работу, завершенную в 1890 году и, по крайней мере, в три раза увеличившуюся в объеме. Не считая постоянных исправлений, очень частых добавлений и нескольких старательно переработанных мест, она пополнилась за счет новой, неизданной части: прежде всего, две чудесные гравюры лейпцигского теософа Генриха Кунрата, уменьшенные в пять раз с помощью новых фототипических методов дома Пуарель и воспроизведенные в виде эстампов, иллюстрируют это второе издание. С другой стороны, мы поместили после первоначального текста еще не издававшееся полностью *Приложение*.

Это *Приложение* состоит из: 1) подробного описания любопытной книги, откуда взяты две мистические гравюры: «*Amphitheatrum Sapientiae aeternae, solius verae*» Генриха Кунрата; 2) обширного и очень точного комментария, который тщательно анализирует иероглифическое слово, где изображены эти пантакли, и должен способствовать его методическому чтению; 3) нескольких сведений, столь же интересных, сколь и неизвестных большинству, о действительном устройстве двух тайных обществ, *мартинистов* и *розенкрейцеров*: таинственных орденов, связанных с древнейшими центрами западного эзотеризма и обладающих традиционной сокровищницей божественных Наук во всей ее чистоте (в особенности розенкрейцеры); 4) инициатической речи, произнесенной самим автором на мартинистском приеме в высшую степень (S.: I.), которым он руководил в июне 1889 года; 5) наконец, заметки об одном из самых глубоких произведений о Каббале, которые появились в последнее время: «*Царстве Божьем*» нашего собрата Альбера Жуне.

Такова основательно обновленная книга, которую мы переиздаем под ее прежним названием: мы считаем ее более достойной того благосклонного приема, которым публика почтила ее первое появление четыре года назад.

ВСТУПЛЕНИЕ

Слова Герметизм или Каббала в наше время вызывают бурю возмущения. Встретившиеся взгляды окрашиваются снисходительной иронией, а язвительные улыбки подчеркивают презрительные гримасы профилей. В действительности, эти привычные насмешки во все времена распространялись среди лучших умов лишь вследствие недоразумения. Высшая Магия — вовсе не компендиум более или менее связанных со спиритизмом бредней, произвольно возведенных в абсолютную догму; это общий синтез — гипотетический, но рациональный — основанный как на позитивном наблюдении, так и на индукции по аналогии. Среди бесконечного разнообразия переходных стадий и эфемерных форм Каббала выделяет и провозглашает Единство Бытия, поднимается к основной причине и обретает закон своих соответствий в относительно уравновешенном антагонизме противоположных сил. Стремящиеся к равновесию природные силы никогда не реализуют его целиком; абсолютное равновесие явилось бы бесплодным покоем и подлинной смертью. Ибо на деле невозможно отрицать Жизнь, отрицать движение. Поочередное преобладание одной из двух внешне враждебных сил, которые, стремясь к равновесию, непрестанно колеблются из стороны в сторону, — такова действующая причина Движения и Жизни. Действие и ответное действие! Борьба противоположностей так же плодоносна, как и соитие полов; ведь любовь — тоже борьба.

Магия признает три мира, или сферы, деятельности: божественный мир причин, интеллектуальный мир мыслей, и чувственный мир явлений¹. Единое в своей сущности и троичное в своих проявлениях, Бытие обладает логикой, и вещи вверху аналогичны и соразмерны вещам внизу: так что одна и та же причина порождает в каждом из трех миров цепочки соответствующих следствий, строго определяемых логическими вычислениями. Вот где расположен отправной пункт Высшей Магии — этой алгебры идей. Всякая аксиома, обозначенная своим родовым числом, представляется в Каббале

¹ Или, точнее, по очень правильной терминологии Фабра д'Оливе: три универсальные сферы *natura naturans* (натуры творящей, провиденциальной), *натуры* душевной, или волевой (промежуточной), и *natura naturata* (натуры сотворенной, предначертанной).

буквой еврейского алфавита, соответствующей этому числу: таким образом, понятия классифицируются по мере того, как они порождают друг друга; они разворачиваются нескончаемыми цепочками в порядке своего происхождения. От первопричин до самых дальних следствий, от наиболее простых и ясных принципов до бесчисленных результатов, которые из них проистекают, — какой великолепный процесс, разворачивающийся во всей области возможного и поднимающийся до того Невыразимого, которое Герберт Спенсер зовет Непознаваемым!

«De omni re scibili et quibusdam aliis...»² Науки известные и оккультные — священный синтез одновременно охватывает все эти отрасли универсального знания, которые имеют общий корень. В силу одинакового принципа моллюск вырабатывает перламутр, а сердце человеческое — любовь; и один и тот же закон управляет соединением полов и притяжением светил. Но воскресить цельную Науку — задача, превосходящая наши силы: вскользя коснувшись слишком уж бесспорных результатов и повсеместно обнародованных теорий, мы должны будем ограничиться в этих Очерках рассмотрением всё еще таинственных явлений, а также изучением специфических проблем, которые официальная наука игнорирует, искажает или пренебрегает ими. Прежде всего, мы попытаемся в этой серии небольших эзотерических произведений вновь согласовать те волнующие вопросы, которых пугается современный скептицизм, с великими принципами, которые неизменно исповедовали адепты всех эпох. Возможно, когда-нибудь нам будет дано изложить в виде связной доктрины эту возвышенную философию мастеров.

То, что в глазах читателя представляет собой лишь гипотезу (вероятно, экстравагантную), для нас служит несомненной догмой: и да извинят нас за то, что мы говорим с твердой уверенностью человека, который верует. Мы имеем отношение преимущественно к герметической и каббалистической Инициации; но мы знаем, что в святилищах Индии, храмах Персии, Эллады и Этрурии, равно как у египтян и евреев, один и тот же синтез облакался в различные формы и внешне самые противоречивые символы переводят для Избранного вечно Единую Истину на неизменный, в сущности, язык Мифов и Эмблем.

Начиная с гностического раскола и вплоть до XVIII века жизнь адептов представляется нам непрерывным мученичеством: отлученные праведники, патриархи в изгнании, «помолвленные» с виселицей и кострами, они сохраняли в испытаниях героическую безмятежность, которой Идеал вооружал и вознаграждал своих последователей; они прошли через эти муки, поскольку считали своим Долгом передать наследникам своей запрещенной

² Обо всех вещах, которые можно знать, и о некоторых других (лат.). *De omni re scibili* — девиз итальянского гуманиста Пико делла Мирандолы; *et quibusdam aliis* — вероятно, позднее добавление какого-то шутника. (Прим. перев.)

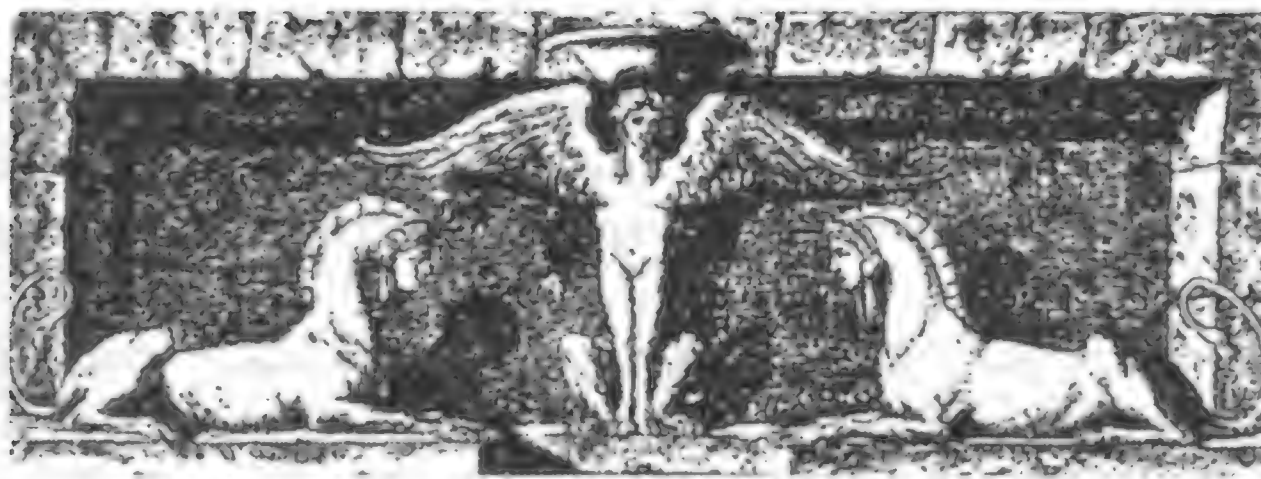
веры сокровище священного знания; они записывали свои символы, которые мы сегодня расшифровываем... Эпоха официального фанатизма и народных суеверий прошла, но эпоха бездоказательных суждений и глупости все еще продолжается: если Посвященных больше не сжигают, то их все равно высмеивают и порочат. Они смирились с оскорблениями, подобно своим мученикам-отцам.

Возможно, когда-нибудь люди поймут, что древние иерофанты не были ни шарлатанами, ни слабоумными... Тогда, Христос, Твои служители вспомнят, что волхвы пали ниц перед Твоей царской колыбелью, и, распространившись повсюду, Милосердие громко заявит о том, что Твое Царствие пришло: Adveniat regnum tuum!..³ И в ожидании этого часа Справедливости и Гнозиса мы предаем шумному осмеянию большинства и предлагаем беспристрастному суду немногих эти Очерки о Проклятых науках.

С. де Т.

³ Да приидет Царствие Твое! (лат.) (Мат. 6:10).

I

У ПОРОГА ТАЙНЫ

Устав тщетно искать сущность под покровом форм, которые она принимает, и непрестанно упираться в стену формальных видимостей, но сознавая, что по ту сторону находится нечто огромное, наименее мистический из мыслителей захотел однажды проникнуть в тайны сверхчувственного мира. Взобравшись на гору, он очутился в храме мистерий; он ударился о его порог своим лбом и своим мышлением. Что говорить! Целые поколения осаждали до него это святилище, но так и не отыскали входа и, отказавшись от этого внутреннего солнца, которое расцветчивает витражи световыми розетками, они сохранили для себя лишь ослепление этим вечным миражем. Поднимающиеся ступени храма подводят к негостеприимному граниту стен. А на фронтоне выгравированы два слова, вызывающие дрожь перед неведомым: «SCIRE NEFAS⁴».

Где-то в долине открывается склеп, ключ от которого потерян. Говорят, что в течение веков редким смельчакам удавалось проникнуть в тайну этого подземелья, где переплетаются между собой бесчисленные ходы: там помещается неумолимый исполнитель закона, от которого нельзя уклониться. Древний хранитель тайн, символический Сфинкс, стоящий на пороге, задает оккультную загадку: «Трепещи, Сын Земли, если твои руки не белы перед Господом! Йод-Хеве дает советы только своим и подводит адепта за руку к шатру своей славы;

⁴ Знание — грех (лат.).

но дерзкий непосвященный неизбежно сбивается с пути и находит смерть во тьме пучины. Чего же ты ждешь? Отступить невозможно. Тебе нужно выбрать свою дорогу сквозь лабиринт; ты должен разгадать загадку или умереть...»

Не следует видеть в этих страшных символах лишь оболочку пустой угрозы. Высшая наука не может быть объектом праздного любопытства; проблема священна, над ней склонялось немало возвышенных лбов, и вопрошать Сфинкса по своей прихоти — святотатство, которое никогда не остается безнаказанным, ибо подобный язык несет в себе самом глагол своего же собственного осуждения. По вашей легкомысленной просьбе, Неведомое формулирует неожиданный и столь волнующий ответ, что одержимость им навсегда остается внутри вас. Покров тайны возбуждает ваше любопытство? Горе же вам, если вы его приподнимете! Он тотчас же выпадет из ваших дрожащих рук, и вас охватит смятение от того, что, как вам показалось, вы увидели. При всем желании вам не удастся отличить божественный луч от отражения, тысячу раз преломленного в плотных средах земной иллюзии, и эта тайна будет разъяснена позже. Как бы то ни было, фантомы галлюцинаций блуждают у порога тайны, и вы можете узнать из книги доктора Бриера де Буамона⁵, как близко галлюцинация граничит с безумием.

Как мы увидим, существует дверь, через которую невозможно пройти, не вступая в контакт с некими силами, владыкой или рабом, повелителем или игрушкой которых мы неизбежно становимся. Силами, которые христианская Мистика символизировала в образе змея, приводящего человека к рабству, если человек сначала не подчинит его себе, попирая ногой его главу. Читатели «Занони»⁶ — прекрасного романа сэра Бульвер-Литтона — возможно, разгадали в «отвратительном монстре», которого так некстати вызывает Глиндон, миф, аналогичный истории из Книги Бытия. «Ужасная, скрытая Вещь», «страж порога» — это флюидическая душа Земли, бессознательный гений рождения и смерти, слепой агент Вечного Становления; это двойной поток меркуриального света, о котором мы будем вскоре говорить. Английский автор чудесно показывает ту обратимость, которая превращает в жертв астрального света людей, не сумевших им управлять; Глиндон волен бежать, бороться с наваждением; но пагубное влияние привязано к нему, несмотря на то, что он им обладает, и заставит его метаться между неизбежностью и терзаниями, вплоть до дня послед-

⁵ *Des Hallucinations*, par le Dr Briere de Boismont, 2^e edit. Refondue. Paris, Germer-Bailliere, 1852, in-8°.

⁶ *Zanoni*, par Bulwer Lytton. Hachette, 2 vol. in-12°.

ней катастрофы; того дня, когда Занони, в бредовом упоении добровольной жертвой, обречет себя, спасая его.

Проникнем же в экзотерический смысл этих аллегорий, пока не касаясь другого смысла. Помимо сердечных заболеваний, обычно служащих результатом сильных эмоций, помимо неминуемой смерти от кровоизлияния в мозг, помимо опасностей более странной природы, о которых мы сообщим в свое время, неблагоразумная практика гипнотизма, *a fortiori*⁷ церемониальной магии, неизбежно вызывает у экспериментатора непреодолимое отвращение к жизни. Сам Элифас⁸ — несмотря на то что он был адептом высшего порядка — признается, что почувствовал, вследствие любопытного опыта по некромантии, который он произвел в Лондоне в 1854 г., глубокое и меланхолическое влечение к смерти, хотя и без попыток самоубийства. Что уж говорить о невеждах, очертя голову занимающихся магнетизмом, законов которого они не знают, или спиритизмом, который сам по себе является извращением и безумием? «Блаженны те, — восклицает знаменитый Дюпотте⁹, — кто умирает скоропостижно, тою смертью, которую осуждает Церковь! Все великодушное убивает себя...»

История изобилует примерами подобных фактов. Пророчески предсказав день своей смерти, Жером Кардан покончил с собой (1576), дабы не опровергнуть астрологию. Шрепфер из Лейпцига, в довершение своей славы некроманта, вышиб себе мозги (1774). Спирит Лафатер умер при загадочных обстоятельствах (1801). Что же касается саркастического аббата Монфокона де Виллара, который поднял на смех графа де Габалиса¹⁰, то мы, возможно, даже не знаем, каков был скрытый смысл его трагического конца (1673).

Итак, над энтузиастами чудесного и дерзкими любителями загробных откровений веет ветер гибели и смерти. Нам не составило бы труда продолжить этот некрологический список! Но он не имеет значения. Чуждые безумному любопытству, равно как и невосприимчивые к нездоровым эмоциям, лишь те из нас могут безнаказанно сталкиваться с операциями науки, кто способен отличить явление от наваждения и закаляет свой разум от любых иллюзий. Экспериментатор, который спокойно говорит себе: «У моего сердца нет причин бить-

⁷ тем более (лат.)

⁸ Eliphas Levi, *Dogme et Rituel de la Haute Magie*. Germer-Bailliere, 1861. 2^e edition, 2 vol. in-8°. *Dogme*, page 271.

⁹ Baron Dupotet, *La Magie Devoilee*, in-4°. Saint-Germain, Eugene Heutte, 1875 (prix: 100 fr.). Это необычное произведение, которое г-н Дюпотте опубликовал лишь под клятвой хранить молчание, подписанной рукой лица, получившего удовлетворение своей просьбы, в настоящее время поступило в продажу.

¹⁰ См. Приложение, Раздел VI, Предисловие к «Занони», примеч. 6, стр. 157.

ся чаще: невидимая сила, с грохотом передвигающая мебель, — это одический поток, подчиняющийся моей воле; человеческая форма, которая сгущается и скапливается в парах этих благовоний, — всего лишь флюидическая коагуляция, красочное отражение сна из моего мозга, азотное творение глагола моей воли...» Тот, кто говорит так спокойно, наверняка не подвергается никакой опасности; он заслуживает звания адепта.

Но крайне редко встречаются те, кому можно по праву присвоить подобное звание. Таких людей, всегда немногочисленных, сегодня труднее отыскать, чем когда-либо: к тому же не очень склонные к тому, чтобы иметь вес в обществе, они живут и умирают в неизвестности. Зеваки же сбегаются к самым шумным ораторам, и популярность приходит к откровенным позерам. Слава улыбается ярмарочным чудотворцам и болезненным чудакам, по очереди освящая их: таким был колдун Симон во времена св. Петра; в прошлом столетии — карточный гадалщик Эттейлла и исступленный Теот; а еще вчера — медиум Хоум и прорицатель Вентра!.. Некоторые другие — на сей раз подлинные ученые — тоже произвели фурор, однако благодаря сомнительным и шарлатанским сторонам своего характера: таковы были граф де Сен-Жермен и *божественный* Калиостро; прорицатель-бенедиктинец Пьер-Клирик и архидуховный хиромант Дебароль.

Всякий раз, когда шарлатан выступал в сиянии магического балагана с гротескным жезлом в руке, вся его гнусность отражалась на подлинных адептах; последние поистине получали насмешки, а первые — деньги. Именно здесь, несомненно, кроется главная причина той клеветы, от которой — прежде всего в средние века — так жестоко страдали ученики Гермеса, Зороастра и Соломона: магов обвиняли в тех преступных, непристойных и богохульных обрядах, которые совершали на шабаше колдуны и колдуньи; все злодеяния этих изуверов обоих полов: — изнасилования, порча, отравления и кощунства — вменялись в вину высшим посвященным; об их частной жизни ходили самые отвратительные слухи — и их учение, считавшееся набором несусветных нелепостей и грубых оскорблений в адрес Христа и Богоматери, превращалось в жупел для благочестивых душ и предмет насмешек для остряков.

Впрочем, нужно признать, что эзотерический символизм книг по Герметизму и Каббале в немалой степени способствовал той опале, которой поверхностные умы подвергали высшие науки. Положение усугублял общий вид книг: крючковатые знаки планет, еврейские буквы иероглифам, арабские значки гримуаров, возвышенная внешняя фантазия пантаклей и мистическая причудливость притч — все эти вещи в высшей степени дьявольские, по представлениям глупцов и

невежд, на первый взгляд, наивные, по мнению логических умов; но, в любом случае, возбуждающие любопытство как у тех, так и у других. Во все времена мудрецы писали и говорили на языке мифов и аллегорий, но никогда еще темнота формы так таинственно не сгущалась, как в средние века и вплоть до прошлого столетия; нетерпимость инквизиторов, постоянная угроза костра и фанатическое безумие толпы при одном упоминании о колдуне вполне оправдывают осторожность адептов. Оккультная наука подобна тем сочным плодам, которые защищает толстая и твердая кожура: нам нравится старательно счищать эту кожуру; мясистая мякоть плода, несомненно, вознаградит наши труды.

Как жестоко поносили алхимию, от всей души смеясь над трансмутацией металлов! Здесь не место для апологии и даже для изложения спагирического искусства; но мы с радостью приведем, с целью смутить слабоумных клеветников, недавнее суждение, возможно, крупнейшего химика современной Франции. Г-н Бертело, в *«Истоках алхимии»*, пишет: «Я обнаружил не только родство идей, которые привели их (алхимиков) к занятиям трансмутацией металлов, но также теорию, философию природы, которая служила им руководством, *теорию, основанную на гипотезе о единстве материи* И СТОЛЬ ЖЕ ПРАВДОПОДОБНУЮ, В СУЩНОСТИ, КАК И НАИБОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ... Удивительный факт! Мнения, к которым ученые склонны приходить относительно строения материи, обладают некоторым сходством с глубинными взглядами первых алхимиков»¹¹.

Мы видим, какое большое значение наш славный современник придает герметической философии. Насколько же сильнее, возможно, было бы его восхищение, если бы, пройдя полное посвящение в эзотерическую спагирию, он постиг бы тройной смысл его особых выражений, о котором гений ученого позволял ему лишь частично догадываться!¹²

¹¹ Berthelot, *Les Origines de l'Alchimie*, 1 vol. in-8°, Paris, Steinheil, 1885 (preface, pages XIV et XV).

¹² Здесь необходимо с прискорбием упомянуть о недавней кончине молодого ученого очень высоких достоинств, который, будучи химиком и медиком, полностью посвятил себя современному возрождению герметической философии. Из многочисленных опубликованных им трудов приведем два объемных произведения, которые были высоко оценены в компетентных кругах: *Theories et Symboles des Alchimistes, Histoire de l'Alchimie au moyen age: Nicolas Flamel* (2 vol. in-16, figures).

Альбер Пуассон умер от чахотки в июле 1894 г. Мы уже давно не питали никаких иллюзий насчет его состояния; но этот неутомимый труженик, не выпускавший из рук перо в течение всего дня и даже части ночи, оспаривал свои последние часы у неотвратимой Гибели, дабы посвятить их Науке. В промежутках между страшными приступами кашля, когда он считал себя обреченным, Пуассон создавал спокойные и ясные страницы химической философии или записывал результаты своих последних экспериментов.

Но алхимия — лишь малая толика универсальной науки, преподававшейся в святилищах древности. Не вызывает ли возмущения мысль о том, что самые беспристрастные умы нашего времени еще не научились различать между кровавыми оргиями пресловутого шабаша, чудовищными приапями черной магии, с одной стороны, и празднествами этой традиционной науки посвященных Востока, с другой — самым величественным и роскошным синтезом, который претворяет в грандиозные образы высочайшие истины, о которых смутно догадывались мыслители всех времен, и блестящие гипотезы, выведенные по аналогии, которые наиболее просвещенная и рациональная наука склонна сегодня подтверждать?

Какой европейский Вальмики воспоеет титанические цивилизации первобытного мира, великие интеллектуальные циклы, о которых свидетельствует Высшая Магия? И, дабы достойно прославить эту мать всех философий, кто поведаст нам эпопею ее лучезарного сияния над древними народами и недавнюю драму мученичества ее адептов во время преследований со стороны Церкви и клеветнических измышлений всего мира?.. Такой представляется нам высшая Наука в истории человечества — проклятой и непризнанной со времен отступничества гностических диссидентов; смешиваемой в воображении запуганных масс с нечестивой гоэтейей; очерненной лжеучеными, пустые мечты которых она подрывает и бредовую схоластику которых она приводит в смятение; наконец, осыпанной анафемами самонадеянного духовенства, утратившего свое первоначальное посвящение!.. Такой представляется нам эта наука на протяжении, по крайней мере, пятнадцати столетий, и, погружаясь в глубь прошлого, мы с трудом распознаем ее, сияющую и священную, в святилищах древнего мира и позднее — озаряющую чистым светом тайное христианство первых Отцов Церкви.

Мы вовсе не хотим сказать, что в древности не было колдунов и, в особенности, колдуний. Благодаря своей отравляющей магии мегеры Фессалии и Колхиды приобрели печальную известность. Ночные посетительницы могил и нечистые весталки пустынных мест, они подмешивали к усыпляюще-горькому соку белены и цикуты едкое молочко молочая и настаивали вытяжки аконита-ликоктона и манд-

(продолжение прим. 12)

Впрочем, этот каббалист и розенкрейцер хорошо знал о том, что смерть не в силах поразить сущностное бытие человека; что она сводится лишь к перемене состояния. Наибольшее сожаление — не считая необходимости покинуть людей, которых он любил — у Альбера Пуассона вызывало то, что он не успел закончить свои любимые труды, в которых ему до самого конца удавалось находить ежедневное забвение и утешение в страданиях... Царство ему Небесное! Его братья сохраняют его память и позаботятся о том, чтобы его драгоценные рукописи увидели свет.

рагоры на омерзительных ядах и непристойных гуморах. Затем их заклинания насыщали эти смеси ещё более убийственным флюидом, который их давно сдерживаемая ненависть мучительно вырабатывала и извергала в злобной, безмолвной ярости. Кухни Канидии (столь мерзкие, что при виде их Луна, говорят, закрывалась кровавым облаком) имели честь вызвать лирическое отвращение Горация, и вовсе нет нужды воспроизводить здесь их детали, которые живы в памяти всех поклонников поэта.

Не менее известна поэтизированная Гомером легенда о заколдованных спутниках Улисса — поросятах, скачущих по мановению жезла Цирцеи. Все отведали напиток и претерпели метаморфозу: двойной символ вырождения, на которое обречены пассивные натуры в жизненной борьбе, и рабства, к которому приводят нас физические страсти, не уравновешенные всегда бдительной инициативой (ведь страсть [*passion*] выражает пассивное состояние). Отведали все; и только Улисс отказался омочить уста в заколдованном кубке и — спокойным тоном, привычным для сознающей самое себя силы, — подняв меч в угрожающем жесте, он повелел волшебнице разрушить флюидические чары. Царь представляет здесь Адепта, владыку флюидов, поскольку, умея расстроить козни, он способен наделять отдаваемые им приказы властным глаголом своей воли. В нем Цирцея признает человека, который сильнее всех колдовских чар, и со склоненной головой подчиняется ему.

Еще более кровожадная и извращенная Медея также обязана поэтам плачевной привилегией своей славы; многие воспевали ее бродячую жизнь. Медея отравила своих близких, сожгла и убила своих детей. Укрывшись в Афинах у царя Эгея, который сделал ее матерью, она дает волю своим инстинктам хищной развращенности и похоти, твердо веря в свою безнаказанность: до тех пор, пока ее злодеяния не вызывают негодования целого города, — побледнев под свистом толпы и градом камней, несчастная вынуждена бежать с горящей во взоре лютой ненавистью, прижимая к груди единственного ребенка, которого она пощадила, подобно дважды священному плоду адюльтера и мести.

Для нас не имеет значения, реальны или легендарны истории этих двух «сестер» по колдовству. Мифические личности — это типы нравственного синтеза, в которых воплощается «средний» дух расы или касты, и нечестивый «куст» эллинских саг позволил Медее распуститься в высшем цветении соков. Да, мерзости, о которых народ рассказывает в связи с *эмпузами* и *вампирами*, были в точности осуществлены колдуньями древнего мира, которых общественный гнев клеймил также именами *стрейг* и *ламий*.

Но не будем больше останавливаться на этих ужасах. Если в средние века когда-либо смешивали образчики такого рода с подлинными посвященными, то причина в том — и я это повторяю, — что, неизбежно обреченные на костер, отлученные от церкви *ipso facto*¹³ и преследуемые, подобно диким зверям, они были вынуждены скрывать во тьме тайну своего горестного существования. С тех пор клеветники не испытывали никаких затруднений. Но подобные вещи, слава Богу, были невозможны в те времена, когда теургия наполняла храмы чудесами; когда, спокойный и благодетельный в своем безграничном могуществе, маг восседал на троне, неприкосновенный, словно монарх, и почитаемый, словно Бог...

Поразмыслите над превосходной книгой г-на де Сент-Ива д'Альвейдра «Миссия евреев»¹⁴. Будучи скрупулезным исследователем некрополей прошлого, изучающим малейшие детали восточных рас и религий, этот выдающийся оккультист установил на основе самых неопровержимых доказательств ту истину, которую Фабр д'Оливе¹⁵, а за ним Элифас Леви¹⁶ уже позволяли прозревать в своих превосходных сочинениях: о том, что Книга Бытия — это трансцендентная космогония, в которой символически и иероглифически раскрываются самые глубокие арканы святой Каббалы. Но первоначальная Каббала — «дочь» египетского герметизма, исконные мифы которого были почерпнуты в великом индуистском источнике. Однако г-н де Сент-Ив не останавливается на Моисее; подобно мореплавателю, он исследует «поток» прошедших времен; снимая все покровы, он поднимается по течению веков вплоть до истоков цикла Рама.

Таково было огромное третейское царство Овна. Его «синархическое» правление, троичная организация которого соответствует законам науки и гармонии, позволила золотому веку, воспетому Овидием, цвести на земле в течение двух тысяч лет. Из трех советов, которым было поручено ведение дел, два первых набирались среди иерофантов, допущенных к высшей инициации, и среди светских адептов. Рам завоевал треть мира лишь для того, чтобы его усмирить; достигнув этой цели, он отрекся от своего меча, венца и знамени — одним словом, от исполнительной и военной власти, от которой он отказался, став первым индийским царем; и, надев тиару всеобщего Верховного Понтифика, он поднял орифламму Агнца — иероглиф жречества. Осуществив наиболее широкий синтез, который только мог вообразить

¹³ в силу самого факта (лат.)

¹⁴ *La Mission des Juifs*, par le marquis de Saint-Yves d'Alveydre, 1 vol. grand in-8. Calmann-Levy, 1884.

¹⁵ *La langue hebraïque restituée*, 1816, 2 vol. in-4°.

¹⁶ *La Clef des Grands Mysteres*, par Eliphas Levi. Germer-Baillière, in-8, 1861.

себе человеческий мозг, этот монарх самой гигантской цивилизованной империи, о которой отваживался мечтать Цезарь, обменял императорскую корону на жезл первого из магов и божественность на земле; ибо эти иерофанты оказывали тогда, можно сказать, божественное воздействие на микрокосм.

Более тридцати столетий, вплоть до раскола, учиненного Иршу, великое творение Рама процветало в порядке и мире. Мы хотим привести здесь перечень религиозных центров Империи, согласно г-ну Сент-Иву.

«Самыми знаменитыми святилищами этого древнего ламического культа в *Индии* были святилища Ланка, Айодхья, Гуйя, Метра и Деваркаш; в *Иране* — Вахр, Бальк и Бамиян; в *Тибете* — гора Бутала и Лхаса; в *Татарии* — Астрахань, Гангавас и Бахрейн; в *Халдее* — Ниневия, Хан и Хун; в *Сирии* и *Аравии* — Аскала, Бальбек, Мамбис, Салем, Рама, Мекка и Сана; в *Египте* — Фивы, Мемфис и Аммон; в *Эфиопии* — Рапта и Мероэ; во *Фракии* — Гемус, Балкан и Конкайон, или Гой-Хайюн; в *Греции* — Парнас и Дельфы; в *Этрурии* — Больсена; в *Оск-тане*, древней Окситании — Ним; у *испанских иберов*, братьев древних евреев и *кавказских иберов* — Уэска и Гадес; у *голаков (галлов)* — Бибракт, Перигё, Шартр и т. д...»

Данный отрывок может дать представление о том, каковы были размеры империи Рама. Но это не исторический очерк; и любознательные читатели, которые обратятся к книге г-на Сент-Ива за полной картиной этой «третейской синархии», получают полную информацию о ее организации, законах и судьбах от ее зарождения до ее расцвета и от ее упадка до ее распада: о расколе позитивиста Иршу, который хотел разделить идею Бога и, умаляя активный отцовский, воскурял фимиами пассивному производящему принципу; о вавилонско-ниневийской тирании и ложном истолковании дуализма Зороастра; о династиях фараонов Египта; о Китае императора Фо-Хи; переселении евреев, возглавляемых Моисеем, и т. д. ...

Чтобы проследить до наших дней — хотя бы бегло — преемство магического жречества, нам понадобились бы целые тома. Не стремясь даже набросать общую картину, мы ограничимся лишь некоторыми ее чертами.

По ходу истории мы наблюдаем, как вселенская иерархия раздробляется; множественные расколы пробивают все больше брешей в первоначальном единстве; и на руинах великих коллегий магов — этих официальных центров высшей психоментальной инициации, откуда в былые времена распространялись тепло и свет на умиротворенный мир, — появляются индивидуальные адепты. На смену всеобщему обучению в оккультных университетах приходят частные школы не-

зависимых учителей. Впрочем, некоторые прославленные святилища составляют исключение — Дельфы, Мемфис, Пренест, Элевсин и т. д., неизбежное крушение которых надолго задерживается, однако уровень наглядного обучения в них мало-помалу понижается.

Разрушенная падением вселенского Верховного Понтификата, иерархическая централизация более не выставляла перед наплывом страстей свою охранительную плотину: жрецы вновь стали людьми. Худшая из рутин — интеллектуальная — поселилась в храмах; дух заменила буква. Вскоре понтифики утратили даже традиционный ключ к священным иероглифам; дабы сбылось во всем известном мире пророчество Тота-Трисмегиста: «Египет, Египет, от твоих религий останутся лишь смутные рассказы, которым потомки перестанут верить, слова, высеченные в камне и повествующие о твоём благочестии... Божественное вознесется на небеса, покинутое человечество полностью вымрет, а Египет станет необитаемым и осиротеет без людей и богов!.. Некогда *святая земля*, возлюбленная богами за преданность их культу, она станет извращением святости, школой безбожия, образцом всякого насилия. Тогда, исполненный отвращения к вещам, человек больше не будет испытывать восхищения и любви к миру...»¹⁷

Неужели эти проникновенные слова принадлежат легендарному персонажу по имени Гермес-Тот, который считается трижды основателем египетской религии, философии и науки? Современная критика склонна оспаривать подлинность «*Поймандра*», «*Асклепия*» и «*Коры Косму*» («*Minerva mundi*»), равно как и других герметических фрагментов. В самом деле, не ошибаемся ли мы в определении личности? Известно, что иерофанты вместе с тиарой присваивали себе имя *Гермес* и прозвище *Трисмегист*. К тому же подобные догмы, близкие к христианскому учению, сдается, выдают перо неоплатоника... Но не будем столь опрометчивыми! Если христианство — лишь новая форма универсальной древней ортодоксии, то эти сходства нельзя объяснить чистым плагиатом. Кроме того, мы с трудом узнаем в александрийских философах авторов этой «*Изумрудной скрижали*», носящей наставительно-инициатический характер, и, со своей стороны, мы верим в древность фрагментов Гермеса. [Форма могла, несомненно, меняться или обновляться под пером переводчиков или переписчиков, но сама суть восходит к глубокой древности и остается неизменной.]¹⁸ Это был, конечно же, иерофант прекрасной эпохи, который, погружаясь в

¹⁷ Hermes Trismegiste, traduction Louis Menard, in-12. Didier, editeur, 1867. *Asclepios*, pages 147, 148, *passim*.

¹⁸ [Предупреждаем читателя, что мы заключаем в квадратные скобки ([]) отрывки и замечания, вставленные в 3-е издание, когда нам представляется важным подчеркнуть недавнюю дату этих добавлений (1894)].

дали грядущего, оплакивал беды земли фараонов, подобно тому, как Иеремия оплакивал вечный город иудеев. Мы сожалеем о том, что нам пришлось слегка исказить эту великую страницу, но каждый желающий может прочесть ее в «Асклепии».

Никогда еще предсказание не сбывалось столь удивительным образом. Оно настолько правдиво, что, по словам «серьезных мужей» этого века, древние египтяне *поклонялись* сфинксам и другим фантастическим животным, изображения которых мы обнаруживаем на обломках их памятников. Несомненно, наступит день, как полагает Элифас, когда какой-нибудь *западовед* точно опишет объект нашего культа: тройного бога, состоящего из старика, распятого и голубя. Ах, иконоборцы, вы вовсе не глупцы!.. Разобьем же все символические изображения, если им суждено когда-нибудь выродиться в идолов!.. Как бы то ни было, мыслители могли ожидать этой материализации культа: предписывая передачу высших тайн только осознанно и путем устного обучения, магический закон подвергал нерадивых адептов опасности утратить понимание священных мифов. «Это подлинная справедливость, — возразил бы, возможно, на эту жалобу иерофант древности. — Лучше пусть наука погибнет, чем попадет в недостойные руки!..»

Если все ортодоксальные святилища действительно должны были разрушиться после агонии различной длительности, то некоторые сообщества мирских адептов дожили, по крайней мере, до наших дней. Мы имеем в виду не франкмасонство, так называемое хирамическое, или соломоновское, происхождение которого только сознательно дурачит людей, очарованных самим фактом этого одурачивания: речь идет о редкостных коллегиях — например, о союзе Махатм, которых упоминает г-н Луи Драмар в своей брошюре, озаглавленной «*Оккультная наука и эзотерическое учение*»¹⁹. Увлеченные пантеистическим аскетизмом, возможно, ошибочным, но привлекающие внимание своим космическим синтезом и удивительной наукой реализации, Махатмы сменяют друг друга, пишет он, с незапамятных времен на высоких плато Гималаев. Там они живут в уединении и исследованиях. Теософское общество, процветающее в Английской Индии и по всей Британской империи, несколько ответвлений которого достигли самой Франции, ссылается на этих восточных учителей — непосредственных вдохновителей интересного обзора («*The Theosophist*»), которое было основано в Мадрасе под их покровительством.

Но вернемся к древнему миру. Когда Моисей, жрец Осириса, покинул Египет, увлекая за собой толпу довольно смешанного происхожде-

¹⁹ In-8°. 1885. Carre, editeur.

ния, которую он повел через пустыню к Ханаану, упадок жречества, едва заметный в стране Мицраим, усилился у других народов, где схизматическая узурпация разрушила третейскую власть. Моральный бич поразил прежде всего страну Ашшура, которую тиранизировала, начиная с прихода к власти Нина (2200 г. до Р. Х.), непрерывная череда деспотов-завоевателей.

Несколькими столетиями ранее появилось три человека — Кришна в Индии (3150 г.), Зороастр в Персии (3200 г.) и Фо-Хи в Китае (2950 г.), призванные подавить кровавый немродизм и частично восстановить древнюю теократию Овна. Мы не будем останавливаться на работе по общественному возрождению, которую совершили на Востоке эти благодетели человечества; читатель, интересующийся подробностями, может обратиться к книге г-на де Сент-Ива, ученой хронологии из которой мы обязаны несколькими заимствованиями. Отметим только, с герметической точки зрения, ту заметную реформу, которой Зороастр, царь Персии, подверг эзотерическую теологию. Те, кто занимается восточными религиями, знают об иероглифическом значении четырех букв божественной тетраграммы. Символ не только абсолютного Существа (которое человек не в силах определить), но также представления, которое человек о нем составляет²⁰, слово יְהוָה *Йод-хеве*, или *Иегова*, которое каббалисты читают по буквам: *йод, хе, вав, хе*, анализируется следующим образом:

י *Йод*: Мужской дух; активный творящий принцип; *Бог в себе*; Добро. Соответствует знаку фаллоса, жезлу в таро и колонне Иахин в храме Соломона. (В алхимии — это Сера $\triangleleft$.)

ה *Хе*: пассивная субстанция; женский производящий принцип; формирующая вселенская душа; живая Психея, потенциальность Зла. Изображается в виде ктеиса, чаши для возлияний в таро и колонны Воаз. (В алхимии — это Ртуть ♀ .)

ו *Вав*, или *Вау*: плодотворный союз обоих принципов; божественное соитие; вечное становление. Представляется в виде лингама, кадуцея и меча в таро. (В алхимии — это Азот мудрецов ♁ .)

ה *Хе*: плодородие Натуры в чувственном мире; последние реализации мысли, воплощенной в формах; сикль в таро. (В алхимии — это Соль ⊖ .) Эта последняя буква связывает с идеей Бога идею вселенной

²⁰ И он может составить о нем представление, только встретившись с ним в его первом проявлении, то есть в *Слове*. Так, пробуждая божественную искру, заключенную в самой его глубине, человек учится познавать себя, называя имя Бога.

как конечного: поэтому тетраграмма Йеве (*Йод-хеве*), замечательная в других отношениях, обладает, в данном смысле, менее точным значением, чем тетраграмма אֵלֶּה (*Агла*), четвертая буква которой, выражая абсолютный синтез Бытия, мощно утверждает единство в Боге.

Итак, Зороастр сократил, ради понимания толпы, эти термины до двух: активное и пассивное, добро и зло. Упразднив, таким образом (по крайней мере, внешне), уравнивающий принцип, он, похоже, создал демоническую империю. Посвященные, несомненно, знали, как к этому отнестись; они называли Митраса-Митру третьим принципом, который поддерживает гармоническое равновесие между Ормуздом и Ариманом. Но с того дня, когда Зороастр, возможно, неведомо для себя, по-видимому, одобрил веру в нечистый Бинер, этот символ вечной вражды, царство Сатаны установилось в воображении народа, и манихейский ад, наводивший ужас на средние века, не может иметь никакого иного происхождения.

Тем не менее, не столько желая разделить Бога, но и выступая против Иршу, который в Сущем обожествил женское, Зороастр маскулинизировал второй принцип. На самом деле, ничего пассивного нельзя вообразить себе в атрибутах в высшей степени активного и творящего Сущего. Точно так же в глазах Отцов Церкви (и по той же самой причине) вторая личность в Боге — это *сын*, а не *мать*, которую существование сына предполагает в качестве условия. Как видим, было бы неверно подозревать Зороастра в анархическом дуализме, но в глазах непосвященных зло было создано, и ошибочное учение второго Зороастра неспособно было сгладить последствия этого.

Что же касается Фо-Хи, то мы увидим, как точно его Триграммы соответствуют макрокосмическому пантаклю Соломона: шестиконечной звезде, образованной двумя пересекающимися треугольниками с параллельными основаниями, которые представляют тайны вселенского равновесия.

Но, закрывая эти длинные «скобки», вернемся к основателю *Бене-Израэль*.

Исполненный принципов дорической ортодоксии и утвержденный в этой доктрине арабским иерофантом Йетро, своим тестем, Моисей построил управление собственным народом по древнему синархическому образцу. *Совет Божий*, или священники Израиля, набирались из отныне священнического колена Левитов; а из собрания посвященных мирян, или *совета Богов*, появлялись позднее наби и пророки, напоминавшие монархам и верховным жрецам об их забытом долге.

Тем не менее, эпопт-законодатель на протяжении всей своей жизни затмевал членов советов, созданным им самим. Великий чудотворец — подобных которому Израиль не знал вплоть до пришествия

Христа, — Моисей прославился множеством чудес, свидетельствующих о его абсолютной власти над флюидическими и таинственными силами. Даже непревзойденный маг Соломон не совершил деяний, сопоставимых с его делами. Но именно в Моисеевых книгах (*Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие*) мы встречаем самое ослепительное и бессмертное из его чудес. Рядом с *Пятикнижием*, этим тройным шедевром поэзии, науки и мудрости, книги Соломона немного бледнеют. Ничто в Ветхом Завете не достигает вершины Моисеева откровения, если не считать пронизанных эпическим герметизмом страниц, обозначенных именем Иезекииля. Несомненно возвышенные памятники восточной поэзии, *Экклезиаст* и *Песнь песней*²¹ — исполненные глубокого чувства, хотя и по совершенно другим причинам — по-видимому, отмечены всё же менее глубоким знанием и менее проясненным вдохновением.

В Израиле, как и повсюду, эзотерический смысл изначальных аллегорий постепенно утрачивался, и верховные жрецы больше не понимали самого символизма культа, когда Иисус Христос пришел воскресить вечную догму, дремавшую под уже обветшалым покровом Моисеева откровения, и облечь ее в новые одежды, более соответствующие мистической душе обновленного мира. Мы считаем благоразумным не касаться здесь этой божественной миссии: там, где начинается вера, возможно, науке следовало бы всегда останавливаться во избежание досадных недоразумений. Воздержимся же от темы Евангелий; откажемся пока что от проникновения в их символику, и всякий раз, когда во время этого беглого обзора нам придется коснуться религиозных верований, заявляем раз и навсегда, что, будучи абсолютно некомпетентными в вопросах веры, мы будем рассматривать людей и факты единственно с точки зрения человеческого интеллекта и разума, нисколько не претендуя на догматизацию.

Прошло каких-то сто лет после смерти Христа. Его учение постепенно распространялось, и уже — во имя грядущего мира — кровь его мучеников окрестила три части света; когда язычники, смущенные успехами христианской веры, решили противопоставить Мессии другого Мессию и воздвигнуть напротив алтаря другой алтарь. Ветхие старые культы настоятельно нуждались в новом откровении. Напрасно Симон-чудотворец добросовестно трудился над обожествлением своей сожительницы Елены и собственной персоны; похоже, только один человек был достоин того, чтобы выступить в качестве соперни-

²¹ Еще Жакколио доказал, что *Песнь песней* является лишь слабым подражанием «*Индусской брачной песне из Нурвади*». — См.: *Les Fils de Dieu*, par L. Jaccoliot, Lacroix, 1873, pages 169-173.

ка Иисуса из Назарета... Посвященный в мистерии всех храмов мира, Аполлоний Тианский творил чудеса на каждом шагу, и на основе воспоминаний Дамиса Ассирийца, одного из его приверженцев, Филострат (193) написал по-гречески евангелие этого мага²² — «*Spiritus flat ubi vult...*»²³. Над хитроумным сборником ученых аллегорий, искусно изложенных наилучшим слогом, так и не пронесся животворящий дух; толпа не пошла за магом Аполлонием. И два столетия спустя (363 г.), став жертвой аналогичной попытки теократической реставрации, умирающий император Юлиан мог вознести к небу свои слабеющие руки, обогранные невинно пролитой кровью верующих, и воскликнуть — он, адепт и мудрец! — скорее устало, чем озлобленно: «Ты победил, Галилеянин!..»

Но прежде чем проследить за посвященными нашей эпохи под градом более или менее действенных проклятий торжествующего христианства, посвятим несколько строк Древней Греции. Рамки этого очерка не позволяют нам обратиться здесь к великой мифической эпосе, поэтические легенды которой воспевали Гомер, Эсхил и Гесиод. Ограничимся тем, что признаем в персонаже, существование которого ставит под сомнение современная негативная критика, великого посвятителя эллинических рас.

Современник Моисея, воспитанный вместе с ним в святилище Фив, Орфей еще в молодости вернулся в Элладу, где он родился. Пока Моисей и его последователи под строгим оком Йод-хеве блуждали среди безводных песков Азии, он, жрец-оракул великого Зевса, вновь узрел лазурный архипелаг и родной полуостров, сплошь зеленеющий от миртов и олив. Своей дорогой отчизне, павшей жертвой смуты, он принес абсолютную Науку, почерпнутую в самих источниках Мудрости — вечную Науку о Невыразимом Существо, которое называют то Осирисом, то Зевсом, то Йод-хеве.

Когда, высадившись на берег, он вложил в игру на семиструнной лютне свою широкую, звонкую душу апостола и рапсода, вся обетованная земля содрогнулась, внимая этим звукам. Он проповедовал благовестие Красоты и обращал народы чарами священной лиры; теократическая реставрация была закреплена. Отныне открывшийся самому себе греческий Гений постиг гармонический Идеал, который делает его бессмертным среди всех народов.

²² Умер в 79 г. от Р. Х. — При жизни Аполлоний, наверняка, стыдился того, что ему пришлось играть роль Антихриста. Несмотря ни на что, восторженным глупцам так и не удалось поднять его на смех.

Г-н Шассанг представил (Paris, Didier, 1876, in-12) справедливо оцененный французский перевод «Жизни Аполлония», написанной Филостратом.

²³ «Дух дышит, где хочет...» (лат.)

Гармония просвещает: так, посвященный Вергилий показывает нам этого аэда в экстазе, вызывающим слезы у диких зверей, послушных магнетизму его голоса, и любовную дрожь у дубов, которые, склоняясь, внимают ему:

*Mulcentem tigres et agentem carmine quercus*²⁴.

Гармония творит: Амфионовы Фивы, построенные под звуки лиры, отмечены аналогичной символикой. Все эти мифы имеют глубокий смысл, который прекрасно свидетельствует об эстетическом характере, который магия приобрела в Греции.

Учение Пифагора родственно учению Орфея, подобно тому, как терпеливые математики родственны вдохновенной музыке, аккорды которой они анализируют и вибрации которой исчисляют. В Египте Пифагор изучал уже пришедшую в упадок Науку магов; он получил в Иудее, от наби Иезекииля и Даниила, скупое, но искреннее посвящение²⁵. Его гений должен был интуитивно заполнить пробелы. Как бы то ни было, его *Тетрактис* и *Триада* строго соответствуют каббалистическим *Тетраграмме* и *Тернеру*.

Что же касается эзотеризма Платона, развившегося позднее и усложненного александрийскими теургами, то он слился у гностиков с тайным христианством, непосредственно проистекающим из доктрины ессеев. Труды св. Климента Александрийского, Оригена, св. Дионисия Ареопагита и епископа Синезия, несомненно, свидетельствуют об этом «обмене догмами»; похоже, наследники древнего мира неосознанно вели «международные» переговоры с основателями нового, дабы с обоюдного согласия прийти к философскому компромиссу. У св. Иоанна мы находим тайную, но цельную традицию древних учителей Израиля; таким образом, *Апокалипсис* образует вместе с «*Зогаром*», «*Сефер Йецира*»²⁶ и некоторыми страницами из Иезекииля чистейший теоретический и «ключевой» свод Каббалы в собственном смысле слова.

В конечном счете, и совершенные язычники, каковыми они себя объявляли, Порфирии и Ямвлихи проповедовали христианство, сами того не ведая, когда набрасывали лоскуты поблекшего мифического покрывала на те же самые великие принципы, которые христианский символизм столь великолепно облек в новые аллегории, более соответствующие духу зарождающейся эпохи.

²⁴ «Песнями тигров смирял и сдвигал дубы всковые». — «Георгики», кн. IV, ст. 510. Перевод С. Шервинского.

²⁵ Eliphas Levi, *Histoire de la Magie*, 1 vol. in-8. Germer-Bailliere, 1861, page 67.

²⁶ Папюс сделал превосходный французский перевод «*Сефер Йецира*», снабженный ученым каббалистическим комментарием (Carre, 1888, gr. in-8°).

Церковь, увы, не смогла долго удерживать у себя ключ к бесценному сокровищу, отданному на хранение ее высшим прелатам. Подобный ключ — гарантия иерархического единства в руках Верховного Понтифика (отныне столь же необходимого, как и обладатель откровения); залог непогрешимой ортодоксии в руках Князей духовенства (получивших отныне возможность управлять всем в свете фундаментального синтеза); подобный ключ — а это был ключ Добра и Зла — мог открыть для толпы лишь царство теней. Трансцендентная причина догмы намного превосходит интеллектуальный уровень масс, и самые худшие ереси — это дурно понятые истины.

Некоторые посвященные в Гнозис, завидуя иерархической власти, решили отнять у нее сокровище оккультной традиции; полные злобы, они старались тайком снять все покровы. И вот настал день, когда, обнаженная в своих самых секретных формулах, эзотерическая догма была брошена на растерзание слабоумным толпам. Яркий свет ослепил слабые глаза: при виде высшей мудрости невежды сочли себя оскорбленными в своей глупости; они устроили скандал. Поэтому Церковь была *вынуждена* предать анафеме возвышенную надпись на храме, положительную причину и действительное основание догмы: этот священный Гнозис адептов, который, будучи дерзко переведенным на язык толп, превратился для их скудоумия в предмет величайшего возмущения — в ложь!

У епископа Синезия было достаточно оснований, чтобы написать: «Народ всегда глумится над простыми истинами; ему нужен обман... Дух, стремящийся к мудрости и созерцающий истину без покровов, вынужден прикрывать ее, дабы сделать ее приемлемой для масс... Истина становится роковой для слишком слабых глаз, не способных выдержать ее сияния. Если канонические законы оправдывают осторожность суждений и аллегорию в речах, то я приму епископский сан, который мне предлагают; но только при условии, что мне будет дозволено философствовать у себя дома и рассказывать на улице сдержанные притчи. Воистину, что может быть общего между низменной толпой и возвышенной мудростью? Истину необходимо скрывать; народу можно преподавать лишь учение, соразмерное с его ограниченным интеллектом...»²⁷

Анархисты и трибуны не поймут этого никогда.

Несмотря на то что жреческий эзотеризм был осужден под названием Магии, говорят, что папы, вплоть до Льва III, в тайне сохраняли его ключи. Благие умы могли подтвердить подлинность «*Энхиридиона*», каббалистического сборника, опубликованного под именем этого

²⁷ Sinesius, *Lettres*.

понтифика; что же касается «Гримуара Гонория», то это совсем другое дело: из искусного расследования Элифаса Леви явствует, что этот богохульный требник был злобно-макиавеллиевским сочинением антипапы Кадалуса.

Монтан, Мани, Валентин, Маркос, Арий — все ересиархи раннего христианства представляются нам в большей или меньшей степени колдунами; но — если не считать александрийских теософов — один лишь Апулей (114—190), который был, подобно им, платоником, заслуживает в эту эпоху звания адепта. Его «Золотой осел», в котором бурлеск сочетается с возвышенным, скрывает под изобретательными эмблемами высочайшие истины науки, а легенда о *Психее*, которая в него включена, ни в чем не уступает самым прекрасным мифам Эсхила или Гомера: к тому же все произведение наводит на мысль, что Апулей решил просто со вкусом перефразировать аллегорию египетского происхождения. Рожденный в африканской Мадавре, Апулей был римлянином только по праву завоевания и аннексии. Этот позволяет нам заметить, что Рим, столь богатый нечестивыми некромантами, не дал ни одного истинного ученика Гермеса. Не следует приводить в качестве возражения Овидия; его «*Метаморфозы*», столь привлекательные во всех отношениях, свидетельствуют о довольно ошибочном, если не сказать наивном, эзотеризме. А Вергилий, хоть и был посвященным, но заботился прежде всего о том, чтобы подарить Италии эпический шедевр, и позволял лучам своей мудрости сиять лишь между строк и чисто случайно.

Беспрерывно анархический и немвродовский характер, который проявляли при каждом удобном случае Римская Республика и Империя, противился гипотезе правительственного посвящения. Единственным царем и подлинным «магом», которым могут гордиться сыны Волчицы, был Нума Помпилий (714—671), назареянин из храмов Этрурии²⁸, религию которых окрестные народы навязывали зарождающемуся Риму. Позднее Юлиан-Философ (360—363) тоже значился в качестве адепта в анналах Империи; но, рожденный в Константинополе и провозглашенный Цезарем галлами Лютеции (360), он также был в меньшей степени римлянином, чем это возможно. Так что посвященных монархов вечного города насчитывается всего двое: на его заре — царь Нума Помпилий, а на его закате — император Юлиан-Мудрец. И в промежутке между ними — гражданская война, разбой и произвол.

Эти галлы, которых Рим заклеил именем «варваров», на самом деле были более свободными и цивилизованными людьми. Их друиды,

²⁸ Saint-Yves d'Alveydre, *Mission des Juifs*, page 738.

прямые наследники окситанских иерофантов теократии Овна, увековечивали традицию и в точности передавали друг другу кладезь священного знания. Некоторые предписания их ритуала истолковываются, правда, в ошибочном, антропоморфном, смысле; но понимание догмы, по-видимому, полностью сохранялось жрецами, удаленными, однако, от крупных центров цивилизации и ортодоксии. Тем не менее, в Галлии, как и повсюду, Гоэтейя вербовала своих кощунственных весталок. Гоэтейя существует во все времена и во всех странах.

При первых королях Франция кишела волшебниками и колдунами. Только и говорили, что о некромантах, гостеприимно предоставлявших дьяволу свои тела, о клириках, изгонявших дьявола, и о палачах, сжигавших или вешавших некромантов. Именно «в честь» колдунов Карл Великий учредил грозное тайное общество под названием *Святой Вем* (772), которое было вновь утверждено королем Робером (1404) и наводило ужас более чем на три поколения людей²⁹. Вначале в Вестфалии, а затем и по всей Центральной Европе вскоре размножились вольные суды. Приговоры выносились в недоступных пещерах, куда окольными тропами приводили подсудимого с завязанными глазами и непокрытой головой. Никаких промежуточных вердиктов между смертью и оправданием, с выговором или без оного... Как боялись вилланы и сеньоры прочесть однажды утром у себя на двери приказ предстать перед судом, прибитый ударом кинжала! Поистине, горе тому, кто не подчинится вызову вольных судей! Будь он хоть кардиналом или принцем крови, да будь он хоть императором Германии, ему не избежать вынесенного заочно смертного приговора, и рано или поздно он будет покаран. Следующий отрывок позволяет судить о той тайной мести, которая неотступно преследовала заочно осужденного, — мести всегда терпеливой, ибо она была гарантирована: «Герцог Фридрих Брауншвейгский, который одно время был императором, отказался явиться по вызову вольных судей; он всегда выходил из дому, вооруженный с головы до пят и в окружении стражи. Но однажды он немного отошел от своей свиты и был вынужден снять с себя часть своих доспехов; он больше не возвратился. Стража вошла в небольшой лесок, где герцог хотел побыть некоторое время один; несчастный умирал с кинжалом Святого Вема в боку и приговором, подвешенным к кинжалу. Стража посмотрела по сторонам и увидела человека в маске, который удалялся степенным шагом; никто не посмел его преследовать»³⁰.

²⁹ Святой Вем действовал еще в начале XVIII столетия.

³⁰ Eliphas Levi, *Histoire de la Magie*, pages 261–262.

В средние века у Зла, как и у Добра, были свои таинственные союзники, устраивавшие секретные сборища. Я далек от того, чтобы живописать здесь — после стольких предшественников! — приапические и садистские оргии преступного шабаша: места встречи отравителей и разбойников, которые, под защитой чар суеверного страха, изо всех сил старались окутать свои неблагоприятные деяния самой фантастической тьмой. Когда читаешь судебное дело Жилья де Лавалья, сеньора де Рэ, волосы на голове становятся дыбом и к горлу подступает тошнота; но мы запросто входим в этот роковой мир черной магии, где кощунственные обряды служат для прикрытия более действенных злодеяний, при которых убийца рядится в колдуна: под челом одного только маршала Бретани зарождались, цвели и созревали все извращения и злодейства, привычные для посетителей шабаша³¹; к тому же последние порой забывали приправить сатанинским «перчиком» презренное рагу из своих утоленных желаний. Возможно, роль магнетизма и оккультных воздействий в деяниях преступного шабаша немного преувеличена; подлинные адепты, вне всякого сомнения, оставляли за собой разумное использование этого великолепного агента. Что же касается торговцев приворотными зельями, то они были, по большей части, обыкновенными отравителями.

Но — помимо тайных скрещений Преисподней и Преступления и не менее тайных рыцарей Справедливости и Возмездия: помимо некромантов и вольных судей — мирные вилланы и безобидные буржуа также участвовали в качестве актеров в тогдашней великой трагикомедии. Подавляемая деспотизмом государств и нетерпимостью духовенства, жизненная активность, в самом деле, должна была разворачиваться в средние века в тени. Люди принимали заговорщический вид. Во всех слоях общества свирепствовала одна и та же болезнь — одержимость тайной, и секретные собрания устраивались повсюду. Сказочность (а люди так ее жаждали!) во много раз усиливала чары так называемого «шабаша», на котором бедняки странным образом братались с самыми крупными сеньорами, которых сильнее зачаровывало любопытство, нежели гордыня. На ночных сборищах, впрочем, довольно невинных, для которых странные церемонии служили лишь предлогом, люди испытывали несказанную радость от того, что ходили на цыпочках, произносили пароль замогильным голосом и подвергались большому риску очутиться на виселице.

Между тем, вовсе не беспокоясь о том, чтобы сеять страх или изумление; презирая, когда им не грозила опасность, все это изоби-

³¹ [См. судебное дело и смерть потрясающего злодея и висельника, каким был Жиль де Рэ: *le Serpent de la Genese*, I, *le Temple de Satan*, pp. 262–266]. См стр. 344–353 этой книги.

лие мизансцен, подлинные посвященные тоже собирались вместе, и великая Исида восседала среди них. Были основаны герметические сообщества, которые были обязаны заимствованным названиям привилегией относительной безопасности. Напомним об ордене *Тамплиеров* (всем хорошо известны его происхождение и трагический финал)³²; братствах *Розы и Креста* и *Неизвестных философов*, о которых история, наоборот, почти ничего не сообщает; и *оккультном франкмасонстве*, более или менее прямом продолжении ордена Тамплиеров, первые заседания которого, говорят, проводил Жак де Моле, перед тем как взойти на костер. Но современное франкмасонство — бредовая мечта какого-нибудь Эшмола — побочная и плохо привитая ветвь на древнем стволе — более не осознает даже наименее значительных из своих тайн; старые символы, которые оно почитает и передает с благоговейным формализмом, стали для него «мертвой буквой»: это язык, алфавит которого оно утратило, так что его тайные последователи даже не подозревают, откуда они идут, и не ведают, куда держат путь³³.

В целом же, если великие инициатические коллегии были оккультными семинариями древнего мира, то этого нельзя сказать о таинственных сообществах средних веков, сколь бы мощно ни подтверждалась их жизнеспособность. Ибо случилось так, что в Европе после крушения последних святилищ, этих очагов герметического синтеза, универсальная наука распалась на три ветви, и появились *специалисты*. Каждому — своя отрасль. Адепты страстно увлеклись: кто — каббалой, кто — астрологией и гадательными науками, кто — алхимией и оккультной медициной. Несколько исключительных гениев, мозг которых был создан для синтеза, по правде говоря, возрождают учение магов в его целостности: таковы Раймунд Луллий, Парацельс, Генрих Кунрат, Кнорр фон Розенрот, Элифас Леви; но большинство оккультистов, следуя своему особому темпераменту или господствующим влияниям своей среды, замыкаются в одной из трех наук Гермеса, каждая из которых соответствует одному из трех миров. Каббалисты, замороженные великими метафизическими проблемами, стремятся к познанию *Божественного мира*. Преимущественно склонные к психологии авгуры (я отношу к ним прорицателей,

³² См. *Le Serpent de la Genese, I, le Temple de Satan*, pages 278–330: Процесс и месть Тамплиеров. См. стр. 353–366 этой книги.

³³ Масоны начинают понимать всю смехотворность своих суетных инициаций. Одни из них хотят упразднить символизм; другие, более дальновидные, стремятся к его рациональному объяснению. Одна группа по изучению инициаций, недавно возникшая под влиянием масона, связанного с подлинным братством Розы и Креста, г-на Освальда Вирта, поставила перед собой цель отыскать *утраченное слово* древних мистерий.

астрологов, хиромантов, физиогномистов, гадалщиков на картах и френологов) решают проблемы *Нравственного мира*. Что же касается алхимиков, более предрасположенных к изучению законов материальной физики, то они пристально всматриваются в *Естественный, или чувственно постигаемый, мир*.

Но изначальный синтез отличается таким единством и связностью, что все эти ученые, каковы бы ни были их предпочтения, ссылаясь на одни и те же аксиомы, всегда приходят к одним и тем же принципам: и для того, чтобы проникнуть в тайны науки, которую они специально избрали, им необходимо вначале составить аналогическую шкалу соответствий в трех мирах и, следовательно, полностью восстановить — по крайней мере, в период их ученичества — герметическую систему древних учителей.

Расскажем вкратце о самых знаменитых посвященных средних веков и нового времени.

При Пипине Коротком это был каббалист Седекия, колдовской силе которого люди той эпохи приписывали явления, наводившие на них ужас, как сообщают хроники. «Воздух был наполнен человеческими ликами; в небесах отражались дворцы, сады, бурные валы, корабли с надутыми парусами и армии, выстроившиеся в боевом порядке. Общая атмосфера походила на один большой сон. Считалось, что в воздухе можно различить колдунов, рассыпающих полными пригоршнями зловерные порошки и яды»³⁴. Те, кто читал аббата де Виллара, имеют представление об этой оргии причудливых видений, *сфотографированных* при солнечном свете: в результате каких флюидических пертурбаций сменяют друг друга эти миражи, то ослепительные, то ужасные, подобные цветным отражениям огромного волшебного фонаря?.. Недаром Гермес написал свою аксиому: «*Quod superius, sicut et quod inferius*»³⁵. Вполне закономерно, что небеса смутной эпохи отражают противоречивость земных вещей.

В правление Людовика Святого это был раввин Иехиил, замечательный электротехник, ненавидимый глупцами как за свой гений, так и за поразительное доверие, которым он пользовался у короля Франции. Вечером — когда таинственная лампа мага светилась³⁶ в окне, словно звезда первой величины, — если его враги, которым придавало смелости любопытство, шумно осаждали его дверь, он касался гвоздя, вбитого в стену его кабинета: и оттуда вылетала яркая потрескиваю-

³⁴ Eliphas, *Hist. de la Magie*, p. 250.

³⁵ Как вверху, так и внизу (лат.).

³⁶ Свечение этой лампы тем труднее было объяснить, что люди видели, как она самопроизвольно загоралась, и знали, что в ней не было ни масла, ни фитиля.

щая, голубоватая искра — и горе тому бесцеремонному бедняге, который в этот момент тряс молоточек у его порога! Он начинал с воплями извиваться, сраженный неведомой силой; в его жилах бродила молния; казалось, что почва, внезапно разверзшись, наполовину поглощала его... и как только он вставал на ноги, то, наверное, удирает со всех ног, не допытываясь у земли, каким чудом она его извергла.

Легендарным «королем» магов, решившим, по слухам, проблему андроида, был современник Иехиила, знаменитый Альберт Великий (1193—1280), под именем которого все еще распространяются в наших деревнях сборники неслыханных нелепостей³⁷. Примерно в это же время появляется другой универсальный гений — монах Раймунд Луллий из Пальмы (1235—1315). Ученик алхимика Арнольда из Виллановы (который сам был наследником арабской традиции, восходящей к Джабиру, *magister magistrorum*³⁸ VIII века), Луллий блестяще развил в своих сочинениях (прежде всего в «Завещании» и «Новом завещании») ту прекрасную герметическую теорию, принципы которой столетие спустя должны были быть вплетены в запутанную символическую «тарбарщину» двух немецких адептов: графа Бернара Тревизанского и монаха Василия Валентина (1394)³⁹. «*Arbor Scientiae*»⁴⁰ и «*Ars Magna*»⁴¹, в которых Раймунд Луллий сжато изложил все знания своего времени, сведенные к принципам эзотеризма, свидетельствуют о том, что он был также большим знатоком каббалы, теологии и философии.

Спагирия Николая Фламелья (ум. в 1413), несомненно, относится к луллианской системе, но более непосредственно восходит к учению Авраама-Иудея, произведение которого («*Asch Mezareph*») Элифас перевел в конце своего «Ключа великих Мистерий». Наряду с Луллием, А. Сетон, Филалетом, Ласкарисом и несколькими другими, Фламель был одним из абсолютных реализаторов науки, у которого невозможно оспаривать — не признавая недействительными все критерии исторической достоверности — фактические трансмутации и реальное искусство философской проекции.

Мы возвращаемся к магии в собственном смысле слова в лице аббата Тритемия (1462—1516), знаменитого автора «Стеганографии» и «Трактата о вторичных причинах», который был учителем и покровителем «Архиколдуна» Корнелия Агриппы (1486—1535). Агриппа!

³⁷ В том числе «Большой Альберт» и «Малый Альберт».

³⁸ величайший из учителей (лат.)

³⁹ См., в частности, «Двенадцать ключей» Василия Валентина, с приложением «Азота», французский перевод 1660 г. (Paris, in-8, с любопытными рисунками).

⁴⁰ «Древо знания» (лат.)

⁴¹ «Великое искусство» (лат.)

Этот бесстрашный авантюрист, приводивший в негодование свой век и распространявший вслед за собой запах костра, был вынужден провести за решеткой две трети своей жизни! Взбалмошный ученый, так и не обретший покоя *Томального Знания*⁴² и отрекшийся в своей одноименной книге от «*Vanitate Scientiarum*»⁴³ — этой великой наперснице, которой ему не удалось передать свое последнее слово!..

Парацельса (1493—1541) можно причислить к тем всеведущим, кому достается в удел ключ ко всем арканам и кто шагает по жизни во всем сиянии славы и в постоянном сопровождении чудес: когда они умирают — молодыми, как и все возлюбленные богами, — народ, который они восхищали, не верит в их смерть и надеется, что они внезапно появятся и скажут: «А вот и я!..» Но поколения сменяют друг друга, события стремительно развиваются, и традиция полубога угасает в памяти забывчивых людей. Минуло три столетия: кто помнит сейчас о Парацельсе?.. Один только Мишле воздал ему должное... Что же касается магнетизма, то в один прекрасный день, когда люди лучше разберутся в его сущности, миру откроется Симпатическая Медицина, и умы, ознакомившись с трудами учителя, поразятся той немилости, в которую впал столь чудесный адепт. Его «*Оккультная философия*» раскроет внимательному читателю последние секреты научной Магии; а его «*Химический путь*», копию которого распространял из-под полы Сендивогий⁴⁴, покажется подлинным герметическим шедевром нового времени. Наконец, его терапия (которая является искусством уравнивания флюидических излучений, находящихся в симпатических отношениях с астральным током, или многократного увеличения лечебного воздействия человеческого магнетизма, при регуляции его использования сообразно с непреложными законами универсального магнетизма), его терапия будет понята, и мы увидим, как ореол Месмера поблекнет. Как только ни расхваливали оккультную медицину этого вульгаризатора — полную неясности и блужданий во тьме, — не говоря уже о том, что Я.-Б. ван Гельмонт (если привести только одно имя) публиковал, начиная с 1621 г., свой ученый трактат о «*Magnetica vulnerum curatione*»!⁴⁵ Но чье имя получила Америка — Колумба или Веспуччи? Не так ли всегда и происходит?

⁴² Его главное произведение — «*Оккультная философия*», переведенная на французский язык А. Левассером в начале XVIII в. (La Haye, 1727, 2 volumes in-8, figures).

⁴³ «Тщета наук» (лат.). Переведена на французский язык г-ном де Гедвилем (Leyde, 1726, 3 volumes in-12, portrait).

⁴⁴ Оригинальный манускрипт хранится в Ватиканской библиотеке. Полное собрание сочинений Парацельса опубликовано в Женеве (1658, 3 vol. in-folio, fig...).

⁴⁵ «О магнетическом лечении болезней» (лат.)

Столь же универсальный, как Парацельс, Генрих Кунрат (1560—1605) сжато изложил синтетическую науку магов в небольшом ин-фолио, великолепно изданном в 1609 году⁴⁶. Мы не знаем ничего более индивидуального и более захватывающего, нежели «*Amphitheatrum Sapientiae aeternae*»⁴⁷. Посреди совершенно ясных мыслей прихотливо «извивается» шероховатый, экзальтированный, почти варварский стиль, выразительность которого отсвечивает, однако, тертуллиановским слогом. Какой поразительный контраст! Кажется, будто яростное Слово берет идею приступом; но нас не останавливает мелкий «щебень» формы: оккультная идея внезапно вспыхивает для того, кто способен ее уловить, и над невероятным смятением слов потоками света струится неизреченный идеал. Под видом парафраза изречений Соломона этот мистический текст комментирует наиболее возвышенные доктрины умозрительной Каббалы, и девять изумительных пантаклей символизируют, по обыкновению учителей, самые последние арканы. Если на практике Кунрат руководствуется светочем теории, то он неустанно поверяет — большая редкость в его эпоху — теорию опытом: так, он на каждом шагу твердит: «*Theosophice in oratorio, physico-chemice in laboratorio, uti philosophum decet, REM tractavi, examinavi, triturai...*»⁴⁸ Два небольших посмертных труда Кунрата: «*Confessio de Chao Chemicorum*»⁴⁹ и «*Signatura Magnesia*» (Agentorati, 1649)⁵⁰ служат необходимыми пособиями для всех начинающих суфлеров.

Не останавливаясь на астрологе Жероме Кардане (1501—1576), известном своим достойным трактатом «*De Subtilitate*»⁵¹; не говоря, к великому нашему сожалению, об ученом монахе Гийоме Постеле (1510—1581), чей «*Clavis absconditorum a constitutione mundi*»⁵² открывает дверь синтетической ортодоксии, навсегда закрытую для «*profanum vulgus*»⁵³; не восхваляя, как надлежало бы, «*Basilica chemica*»⁵⁴ и «*Книгу сигнатур*»⁵⁵, где Освальд Кролл (15...—1609) создает великолепную тео-

⁴⁶ Королевское одобрение, которое к нему прилагается, датировано 1598 г.

⁴⁷ «Амфитеатр вечной науки» (лат.). См. в «Приложении», стр. 103—151, подробное описание этого важного сочинения и объяснение двух пантаклей, воспроизведенных в начале нашей брошюры. См. стр. 87—119 в этой книге.

⁴⁸ «Теософ в речи, физик и химик в труде, как и подобает философу, исследовал, изучал, доискивался...» (лат.)

⁴⁹ «Признание о химическом хаосе» (лат.).

⁵⁰ «Сигнатура магнезии» (лат.).

⁵¹ «О тонкости» (лат.). Перевод на французский Ришара ле Блана (Paris, 1578, in-8, figures).

⁵² «Скрытый ключ мироздания». Amsterdam, 1646, petit in-12, figures.

⁵³ «непосвященной черни» (лат.)

⁵⁴ «Химическая базилика» (лат.)

⁵⁵ Обе переведены на французский Франсуа-Марселем де Буленом (Rouen, 1634, in-12).

рию мира, откуда Гаффарель, астролог Ришелье, почерпнул несколько «обрывков» для своей компиляции «*Небывалые диковины*»; мы обходим молчанием даже лучших — но следует поприветствовать здесь великого посвященного Кнорра фон Розенрота (1636—1689), которому потомки обязаны каббалистическим сборником — его почти не отыскать в наши дни и можно назвать бесценным и уникальным. Толкование «Зогара», антологии наиболее редкостных и возвышенных творений древней Традиции, и блестящий комментарий к этому теоретическому сокровищу, «*Kabbala Denudata*»⁵⁶ (Sulzbaci, 1677, Francofurti 1684, 3 vol., in-4°) образует, наряду с собранием Пистория и аналогичными древнееврейскими манускриптами, поистине классический компендиум «ключевой» Каббалы.

К этому времени adeпты размножились настолько, что перечисление их всех вывело бы нас далеко за рамки нашего сочинения.

Мы не станем упоминать ни о чистых алхимиках, хотя некоторые из них, например, Сендивогий (1566—1646) и Филалет (1612—1680), как полагают, получили философский камень; ни об английских и немецких мистиках, которыми в особенности изобилует XVIII век. Однако сохраним в памяти имена Председателя д'Эспанье, чей «*Enchiridion physicae restitutae*»⁵⁷, переведенный на французский язык в 1651 году⁵⁸, излагает в очень сжатом виде синтетическую философию Гермеса; а также сапожника из Гёрлица Якоба Бёме (1575—1625), который стал посмертным учителем Клода де Сен-Мартена.

Мы были несправедливы к Сен-Мартену (1743—1803) в первом издании этого очерка: тогда мы судили о нем по беглому и слишком поверхностному чтению «*Заблуждений и истины*» (1775), дебютной книги, скучной и путаной, где отдельные превосходные страницы скомпрометированы намеренной «темнотой» и ореолом таинственности, от которых автор сумел впоследствии избавиться. Его «*Картина естества*» (1782) и, особенно, его последние произведения: «*Дух вещей*» (1800) и «*Служение человекодуха*» (1802), где влияние Бёме решительно берет верх над менее чистым влиянием его первого учителя⁵⁹, свидетельствуют о посвящении маркиза де Сен-Мартена в наивысшие арканы Традиции.

⁵⁶ «Разоблаченная Каббала» (лат.)

⁵⁷ «Энхиридион восстановленной природы» (лат.)

⁵⁸ [Под названием: «*La Philosophie naturelle restablie en sa purete, avec le traicte de l'ouvrage secret de la philosophie d'Hermez*» («Естественная философия, восстановленная в своей чистоте, с трактатом о тайном труде философии Гермеса»), «*Spes mea est in agno*» («На Агнца уповаю», лат.). (Paris, 1651, in-12).]

⁵⁹ Мартинес Пасквалли, автор неизданного трактата о «*Реинтеграции*», первую главу которого г-н Адольф Франк опубликовал в конце своей превосходной книги о «*Мистической философии во Франции*». (Paris, 1865, in-12).

Почти в это же время еще один адепт, женевский пастор Дютуа-Мамбрини, опубликовал под псевдонимом «Келеф бен Натан» книгу, несомненно, сотканную из заблуждений, одно название которой, в сочетании с датой ее появления, довольно красноречиво требует внимательного уважения всех исследователей, интересующихся оккультными вещами: *«Божественная философия в применении к свету природному, магическому, астральному, сверхприродному, небесному и божественному; и к незыблемым истинам, которые открыл Господь в тройном аналогическом зеркале вселенной, человека и письменного откровения»* (1793, 3 vol. in-8°).

За несколько лет до великой Революции по Европе разъезжали загадочные личности, подозрительный характер которых мы уже отмечали в другом месте⁶⁰: такие, как Сен-Жермен, Месмер и Калиостро. Необыкновенный «комбинатор», но причудливый, экстравагантный, сумасбродный, равно как эрудированный и оригинальный ум, Жозеф Бальзамо, граф Калиостро, не более двух других заслуживает звания высшего адепта. Ни цюрихский пророк Лафатер (1741—1801), реставратор физиогномики и тайный корреспондент русской императрицы Марии; ни визионер Сведенборг (1688—1772), часто гениальный, но своенравный и дерзкий, также не могут претендовать на большее.

То же самое можно сказать о посвященном поэте Жаке Казоте (1720—1792). Его *«Влюбленного дьявола»*, где страсть подвергается кабалистическому анализу, достаточно для того, чтобы обеспечить ему уважение и симпатию, но только не восхищение адептов. Гораздо более, чем своими произведениями и даже своими знаменитыми пророчествами, Казот принадлежит истории магии благодаря удивительным обстоятельствам его судебного процесса и его смерти, которые мы подробно рассмотрели в № 7 *«Инициации»*⁶¹.

На пороге Империи возникает загадочная фигура Делормеля, которому его книга о *«Великом периоде»* (Paris, 1805, in-8°), замечательная во всех отношениях, стоила насильственной смерти, уготованной клятвопреступникам и разоблачителям.

Давно известный несколькими вполне посредственными литературными и поэтическими опытами, Фабр д'Оливе (1767—1825) вступает к этому времени на философское поприще, где его ждет бессмертие. Пифагорейское посвящение, полученное им в Германии во времена якобинского Террора, определило этот новый подъем его мысли. Напрасно Наполеон, лучше, чем кто-либо другой, осведомленный о той опасности, которую может представлять для деспотизма распростра-

⁶⁰ «Змей Книги Бытия», «Храм Сатаны», стр. 366–379 настоящего издания.

⁶¹ *La vengeance des Templiers et le proces de Jacques Cazotte*, par Stanislas de Guaita (*Ibid.*, pp. 278–330). См. стр. 366–389 настоящего издания.

нение оккультных истин, напрасно Наполеон, личный враг этого теософа, достаивал его непрерывными преследованиями: Фабр д'Оливе расстраивал злобные планы Цезаря и сумел избежать всех его ловушек. Он отыскал средство обойти даже императорскую цензуру и одно за другим опубликовал свои *«Представления о чувстве слуха»* (1811, in-8°), свой чудесный комментарий к *«Золотым стихам Пифагора»* (1813, in-8°) и, наконец, в 1815 году, свой бессмертный шедевр: *«Восстановленный древнееврейский язык»* (2 vol. in-4°). Опираясь на предшествующие исследования Вольнея, Дюпюи, д'Эрбело и, в особенности, прославленного графа де Жебелена, он поднимается к истокам речи и, на основе поистине колоссальной эрудиции, отстраивает здание — рухнувшее более трех тысяч лет назад — первоначального, иероглифического древнееврейского языка. Затем, применив к Космогонии Моисея (в просторечии — Книге Бытия) ключ, найденный им в святилищах Египта, он проникает в самое сердце этого некрополя, где покоятся, погребенные под пылью веков, цельная мудрость и наука древнего Востока. Переводя Моисея, он подкрепляет каждое слово научным, историческим и грамматическим комментарием, чтобы «высечь» из него три смысла: буквальный, переносный и иероглифический, соответственно трем мирам древней магии: естественному, психическому и божественному.

Но этим не ограничиваются его работы по теософии и ученые труды. Его *«Философическая история рода человеческого»*, вышедшая в 1822 году (2 vol. in-8°), раскрывает перед читателем арканы Отца, Сына и Святого Духа⁶² в их взаимоотношениях со всеобщей общественно-политической эволюцией. Он очерчивает для себя рамки, четко ограниченное поле применения, где могут действовать эти Принципы и проявляться их последствия; эти рамки — история белой, или борейской, — нашей расы: на 700 страницах он сжато излагает судьбы этой расы демонстрируя ее поступательное, нормальное развитие во Времени и Пространстве. Произведения маркиза Сент-Ива д'Альвейдра, которым мы, впрочем, всегда воздаем справедливую дань восхищения и похвал, являются великолепным парафразом и как бы уточнением трудов Фабра д'Оливе. Смерть настигла реставратора *древнееврейского языка*, когда он подготавливал, в качестве необходимого дополнения к самому гигантскому из своих сочинений, *«Комментарии к Космогонии Моисея»*. Уверяют, что драгоценный манускрипт не утерян. В остальном же критические замечания, помещенные Фабром д'Оливе в конце его последней опубликованной работы — перевода эвмолпическими сти-

⁶² Д'Оливе обнаруживает эти три Принципа, раскрывая свойства, соответствующие им в универсальной Натуре: *Провидение, Человеческая воля и Судьба*.

хами⁶³ «Каина» лорда Байрона (Paris, 1823, in-8°), — могут восполнить неизданные комментарии, обнародовав сокровенные мысли теософа по некоторым непоясненным вопросам.

Не напрасно Фабр д'Оливе явил нашему веку пример возвращения к возвышенным размышлениям оккультизма. В эпоху Реставрации уже появилось несколько мистических школ, проповедовавших эзотеризм, правда, довольно смешанного типа... но в середине века положение улучшается. Между тем, как отец Анфантен придавал угасающему сенсимонизму лучезарный, но мимолетный блеск, а Виктор Консидеран обновлял теорию Фурье — и эти попытки не лишены интереса, — неутомимые исследователи рыли, с другой стороны, подземные ходы во всех направлениях, через обрушившиеся катакомбы древней магии. Приведем имена Гене Вронского, апостола *мессианизма* и реставратора *Абсолютной философии*; Лакуриа, гениального метафизика «*Соответствий бытия*»; и Рагона, наиболее глубокого из мистагогов франкмасонства. Другие же, подобно Луи Люка⁶⁴, самому смелому представителю современной науки, были подведены самим опытом к проверке тех великих законов, которые спекулятивные алхимики сформулировали, возможно, исключительно путем индукции.

Но все эти философы, эрудиты и ученые, нагруженные, по большей части, целыми «снопами» ослепительных открытий, группируются, на мой взгляд, вокруг великого «жнеца» света; я вижу, как они сопровождают адепта, который на голову выше их и кажется среди этих высочайших «баронов» возрожденного Эзотеризма *Сказочным Принцем*, супругом по праву завоевателя той *Спящей Красавицы*, что носит имя традиционной Истины!

В самом деле, в наши дни появился гений, восстановивший храм царя Соломона, сделав его пышным и грандиозным, как никогда. Благодаря своему всеобъемлющему синтетическому мышлению, ясному и богатому стилю, невозмутимой логике и уверенному в себе знанию, Элифас Леви⁶⁵ может считаться совершенным магом. «Концентрические круги» от его трудов охватывают все области науки, и каждая из его книг, свидетельствуя о точном значении, вправе претендовать на абсолютность. Его «*Догма*» учит; его «*Ритуал*» предписывает; его «*История*» согласует; его «*Ключ великих мистерий*» объясняет; его «*Ми-*

⁶³ В эвмолпических (др.-греч. «сладкозвучный») стихах необходимо избегать двух созвучных конечных слогов, вследствие чего в них отсутствует рифма. (Прим. перев.)

⁶⁴ *Acoustique nouvelle* (Paris, l'auteur, 1854, in-12°); *La Chimie nouvelle* (1854, in-12°); *Le Roman alchimique* (1857, in-12°) и, наконец, *La Medecine nouvelle* (1862, 2 vol. in-12°).

⁶⁵ Альфонс-Луи Констан (1810—1875).

фы и символы» раскрывают (*revelent*)⁶⁶; его «Медонский колдун» служит примером; и, наконец, его «Наука Духов» предлагает решение наиболее возвышенных метафизических проблем. Так, под пером Элифаса, магия оказывается рассмотренной во всех точек зрения: все трактаты в целом, каждый из которых служит лишь одной из граней, образуют самый последовательный, пленительный и безупречный синтез, о котором только может мечтать оккультист... И этот великолепный мыслитель позволяет себе «прихоть» быть еще и большим художником! С помощью своего пылкого, щедрого, выразительного слога — точного до скрупулезности и смелого до вольности — он выражает еще более щедрые и смелые мысли. Речь изобилует «суггестивными» словами: там, где головокружительные рассуждения «сбивают с пути» словесное выражение и ускользающие нюансы бросают вызов абстрактному языку, строгая точность новой метафоры фиксирует неустойчивое, уточняет неопределенное, измеряет безмерное и исчисляет неисчислимое.

Но, двигаясь во всех направлениях по трем мирам: метафизическому, нравственному и естественному, Элифас Леви нигде не останавливается; его увлекает великий централизирующий поток, и множество вопросов, которых он вскользь касается, заслуживают того, чтобы их развили. Таковы история об азиатских истоках оккультизма и теория общественного развития, которые лишь едва обозначены.

Однако эти два основных момента, уже хорошо проясненные Фабром д'Оливе, освещаются глубоко осведомленным современным магом — маркизом Сент-Ивом д'Альвейдром⁶⁷; так что сочинения этих трех адептов удачно дополняют и комментируют друг друга. Тем не менее, социальный синтез, который слегка намечает Элифас на нескольких страницах своих произведений, похоже, отличается от того, который г-н де Сент-Ив храбро отстаивает на протяжении десяти лет и который станет, возможно, преобладающим: идеальной формой правления, по мнению последнего, является *синархическая*, то есть соответствующая вечным принципам. Управление каждой страной должно быть поручено трем коллегиям специалистов: обучающим Теоретикам (совет Церквей), Юристам-законодателям (совет Государств) и Нотаблям-экономистам (совет Общин). Таково устройство национальной синархии. С другой стороны, трем иерархическим высшим советам, которые, в сущности, соответствуют данным, должно быть доверено центральное управление европейской синархией. Таким образом, каждая нация, сохраняя свою автономию, будет вести

⁶⁶ В подлинном этимологическом смысле: *re-velare* — *revoiler*, «заново покрывать», символизировать по-новому.

⁶⁷ Родился в 1842 г.

свои собственные дела, и большая ассамблея всей цивилизации будет следить за справедливым руководством общими интересами. Тогда Европейское Равновесие, эта химера прошлого, станет реальностью в будущем — и это будет наступлением мессианского правления на земле. Такова вкратце эта великолепная каббалистическая теория; ведь согласно закону Гермеса, вещи внизу должны быть аналогичны тем, что вверху, а *микрокосм* — воспроизводить *макрокосм* в миниатюре: итак, зеркало самого божества — триединое человечество — будет управляться тернером и будет отмечено, в результате добавления его специфического единства, знаком кватернера.

Внешне совершенно иная, теория Элифаса ссылается на закон противоположностей. На земле, как и на небесах, Милосердие должно поставить преграду избытку Любви. Таковы два полюса нравственного мира, таковы две противоположные и взаимодополняющие тенденции Управления людьми. Строгая, словно точная Наука, Справедливость будет воплощена в верховном носителе гражданской Власти; но Любовь, милосердная, подобно чувствам, внушаемым подлинной верой, обретет свой орган в верховном Понтифике Религии. Основываясь на этих сведениях, представим себе мировое правительство: это Лев III и Карл Великий, Папа и Император: алтарь, освящающий престол, и престол, поддерживающий алтарь. Положительный полюс и отрицательный полюс... в этом, на первый взгляд, выражается закон Бинера. Тем не менее, для тех, кто верит в божественное вмешательство в земные дела, дело обстоит иначе. Бинер, под угрозой превращения в анархию, должен разрешиться Тернером: вверху *Кетер* (высший Разум), отраженный в *Тиферет* (гармонический, идеальный Адам), будет поддерживать равновесие между *Гебура* (Справедливость: *Империя*) и *Хесед* (Милосердие: *Папство*). И если система г-на Сент-Ива предлагает прекрасный синтез триединого человечества, то Элифас Леви, называя Невыразимое Существо высшим агентом равновесия, представляет себе, возможно, еще более широкий синтез: он поверяет землю небом, и человечество образует одно целое со своим Богом!

В конце этого намеченного в общих чертах наброска можно сделать один смелый вывод: доктрины обоих учителей, в сущности, носят герметический характер, поскольку они реализуют, по правде говоря, священное число три, которое дает четыре при добавлении синтетического единства.

Как бы то ни было, труды маркиза де Сент-Ива отличаются мужеством, а их своевременность вполне достойна ясновидения *Энопта*. Его «*Миссии*»⁶⁸ действительно необходимо проповедовать детям расы,

⁶⁸ *Mission des Souverains par l'un d'eux; Mission des ouvriers; Mission des Juifs; par le marquis de Saint-Yves d'Alveydre; 3 vol. gr. in-8°. — La France vraie, 1887, 2 vol. in-12°.*

утратившей чувство Иерархии, культ Традиции и даже уважение к чистой Идее. Упадочнический век, падшая раса: задержанные исключительной озабоченностью лишь накопившимися грубыми фактами, даже сами Эгрегоры, ставшие близорукими вследствие анализа, не способны ничего разглядеть по ту сторону случайного; у Идеализма не осталось более защитников, помимо неумелых и робких — скажем прямо — посредственностей. Что же касается Оккультизма, который извращается под видом вульгаризации в руках фантазеров и шарлатанов, то редкие писатели придерживаются логики его ортодоксии⁶⁹. Среди них, в первую очередь, следует назвать г-на Жозефена Пеладана; в своих смелых исследованиях⁷⁰, которые предлагают нам «Этопею (Ethoree) латинского Упадка», он, не колеблясь, излагает великие каббалистические теории — и все исполнено значения, вплоть до интриги, где символизируется в новой, драматической форме вечная борьба между Эдипом и Сфинксом: человек в схватке с Тайной. Меродак (из «Высшего порока») — это деятельный Луи Ламбер, а «Собираательница» напоминает «Серафиту»; но эту тайну, которую Бальзак только интуитивно нащупывал, г-н Пеладан формулирует со смелостью и спокойной уверенностью того, кто знает, а не с лихорадочным воодушевлением того, кто догадывается: так что уже можно различить сквозь современные эмблемы синтетического романа оккультную доктрину, техническое и рациональное изложение которой юный адепт предлагает нам в своем «Амфитеатре мертвых наук»⁷¹. Г-на Пеладана, имеющего отношение к каббалистической инициации, следует отличать от английских или французских магов — впрочем, весьма достойных и эрудированных, — которые обращаются к менее чистому источнику индуистского Эзотеризма: мы уже называли г-на Луи Драмара и должны особо упомянуть президента Теософского общества Востока и Запада⁷² леди Кейтнес, герцогиню де Помар, которой принадлежит честь четкого объяснения в содержательных заметках⁷³ фундаментальных догм религии, которую богатое воображение наследников Шакьямуни излишне запутало столь сложными мифами.

⁶⁹ [Мы оставляем эту фразу в том виде, как мы ее написали в 1886 г.; однако мы увидим, что с тех пор все сильно изменилось.]

⁷⁰ *La Vice Supreme; Curieuse*; par Josephin Peladan. 2 vol. in-12°, Laurent, editeur. — *L'Initiation sentimentale, A coeur perdu, Istar*, 4 vol. in-12°, Edinger, editeur. — *La Victoire du Mari*, in-12°, Dentu.

⁷¹ [Написано в 1886 г.]

⁷² Несмотря на свое помпезное название, это всего лишь французский филиал, принадлежащий, как и все остальные, главному обществу Адьяр-Мадраса.

⁷³ *La Theosophie Universelle et la Theosophie Bouddhiste*; — *Fragments glanes dans la Theosophie Occulte*, par Lady Kaithness, duchesse de Pomar, 2 vol. in-8°. Carre, editeur, 1886.

Со времени первого издания настоящего труда, вышедшего в 1886 году, заметно усилился поток, приводящий любопытных к изучению оккультизма. Несмотря на священную древность и редких современных апостолов, имена которых мы упомянули, магия оставалась тогда почти неизвестной широкой публике.

Казалось, будто настоящий девственный лес закрывал доступ к разрушенным храмам, покрытым иероглифами утраченной науки. И если какой-нибудь отважный археолог, разыскивающий тайны, отправлялся на их поиски, то ему приходилось прокладывать себе дорогу через переплетение лиан и на каждом шагу сталкиваться с упорством негостеприимных шипов...

В настоящее время общая ситуация кардинально изменилась — и благодаря многочисленным «целинникам», расчищавшим эти запутанные подступы, там, где еще вчера сгущались сумерки, сегодня пересекаются светлые проспекты!

Тем не менее, вследствие вульгаризации, Франция значительно отстает от других стран Европы и даже от Нового Света: в Германии, Англии, Соединенных Штатах и в самой Южной Америке, равно как в Индии и других странах Востока, *Теософское общество* уже в течение многих лет распространяет учение обновленного Буддизма. Непосредственная хранительница тибетских традиций, госпожа Е.П. Блаватская, основательница этого процветающего общества, в различных местах демонстрировала масштабы своей реальной осведомленности: ее поразительная эрудиция, почерпнутая из неизвестных источников, вызывала одновременно изумление и возмущение ученой Европы, а легкость, с которой ее фантазия, по-видимому, играла оккультными силами при показе самых необычных феноменов⁷⁴, вызывала вокруг нее как бурю клеветы, так и всеобщие похвалы. Разнообразные легенды, одна невероятнее другой, распространялись тогда по поводу этой волнующей личности. Она обладала даром будоражить умы: все страстно выступали за или против нее. К тому же оскорбительным подозрениям клеветников и глумлению критики она всегда противопоставляла решающий ответ, привычный для могучих умов: она возражала своими произведениями.

Десять лет назад «Разоблаченная Исида» госпожи Блаватской преподнесла англоязычной публике первые откровения высшей ти-

⁷⁴ Госпожа Блаватская производит по своему желанию (или почти по желанию) все феномены спиритов и их медиумов. Она командует теми силами, которым они подчиняются: там, где они остаются рабами, она кажется повелительницей. Как мыслитель госпожа Блаватская обращает на себя внимание прежде всего своими психическими и интеллектуальными способностями усвоения, которые навсегда превратили ее в неразрешимую загадку для непосвященных. В то же время она представляет для оккультистов весьма ценный и интересный предмет изучения.

бетской науки; «*Эзотерический буддизм*» ее ученика Синнета снабдил эту прекрасную книгу достойным ее комментарием. Сейчас госпожа Блаватская завершает свое наставление поступательным выходом в свет произведения внушительных размеров: «*Тайная доктрина*» (5 томов in-8°)⁷⁵.

Мы глубоко сожалеем, что эти книги, которыми можно насладиться в английском оригинале, заказаны для тех, кому не знаком этот язык. Говорят, что г-н Габорио — некогда умелый главный редактор французского обозрения «*Лотос*» — желает заполнить этот пробел и добавить к своему уже вышедшему хорошему переводу «*Оккультного мира*» Синнета перевод «*Эзотерического буддизма*» того же автора⁷⁶ и, возможно, затем он приступит к главному труду госпожи Блаватской. Он увидит, насколько возрастет благодарность всех тех, кого всецело занимают эти серьезные вопросы, — благодарность, которую он уже снискал по различным поводам. Его «*Лотос*», который в течение двух лет был органом лучших французских последователей индуизма, выявил целый ряд в высшей степени выдающихся оккультистов: там, в частности, получили высокую оценку статьи гг. Суббы Рао, ученого брамина, Гартмана и Амаравеллы, метафизиков самого крупного масштаба. Все мы с большой радостью узнали о том, что активное сотрудничество последнего было обеспечено «*Теософскому обозрению*», парижскому органу, недавно основанному заслуженным оккультистом, графиней д'Адемар⁷⁷.

Тогда как необуддийские учения процветали подобным образом, появилось два новых Каббалиста, которые заслуживали восхищения благодаря различным качествам и добились превосходства в разных областях. [Один из них — Альбер Жуне, главный редактор обозрения «*Звезда*» и выдающийся автор «*Царства Божьего*» (Carré, 1887, in-8°); эзотерический поэт «*Черных лилий*» (1888) и «*Книги Страшного суда*» (1891—92). Другой — один из самых эрудированных и красноречивых молодых докторов — создал для себя две личности: он добился

⁷⁵ [Это суждение о госпоже Блаватской датируется 1890 годом.

Несмотря на то что госпожа Блаватская уже умерла, мы считаем полезным сохранить две немого резкие критические страницы, которые мы должны были посвятить ей в нашем 2-м издании (1890). Эта критика была направлена только на ее позицию и полемические приемы; но можно заметить, что мы никогда не оспаривали ее интеллектуальных достоинств. Сегодня следует больше вспоминать о ее таланте и помощи, оказанной ею делу теософии.]

⁷⁶ [Написано в 1889 г. «*Эзотерический буддизм*» был с тех пор переведен г-жой Леметр (Paris, 1890, in-12°.)]

⁷⁷ [К сожалению, «*Теософское обозрение*» просуществовало всего лишь год. В двенадцати вышедших номерах встречаются превосходные статьи.]

известности под двумя различными именами. Его труды по анатомии и физиологии подписаны: Жерар Анкос. А его магические трактаты носят другое имя.]

Энциклопедический ум и неутомимый писатель — поприветствуем же этого молодого посвященного, которого скрывает (я бы даже сказал: уродует) досадный псевдоним «Папюс». Его книги, несомненно, свидетельствуют об огромном превосходстве, для того чтобы можно было простить наличие этого «ярлыка»! На деле же любители теософии произносят имя Папюс не только без тени улыбки, но с уважением и восхищением. Перебирая уже довольно значительное число брошюр, внесших весомый вклад в распространение эзотерических наук — мы упомянем лишь «Современный оккультизм» (Carre, 1887, in-12°), «Сефер Йецира» (Carre, 1888, in-8°) и «Философский камень» (Carre, 1889, in-12°, фронтиспис), — важно напомнить, что Папюс публиковал, начиная с 1888 г., «Трактат по основам Оккультной науки» (Carre, fort in-12°, рисунки). Это первый систематический труд, где ясно изложены, собраны и уверенно обобщены все основные сведения по эзотеризму. Эта превосходная книга, в которой мы наблюдаем применение экспериментальных методов наших наук к изучению магических феноменов, служит, к тому же, хорошим и похвальным поступком: даже продвинутые исследователи могут смело обращаться к нему, как к наиболее ученой из «грамматик». Но Папюс навсегда утвердил свою репутацию адепта, выпустив в свет монументальный труд по *Таро*⁷⁸. Мы ничего не преувеличиваем, полагая, что эта книга, где раскрываются самые глубины стержневого закона универсального Тернера, представляет собой, в полном смысле этого слова, *абсолютный Ключ к оккультным наукам*.

Серия статей г-на Барле, опубликованных сначала в «Лотосе», а затем в «Инициации», может быть с пользой прочитана теми, кто уже размышлял над «Основами» Папюса. Всем хорошо известно, что под псевдонимом Ф.-Шарля Барле с излишней скромностью скрывается выдающийся посвященный.

Впрочем, Эзотеризм распространяется повсеместно.

Мы с утешением видим, как наши идеи просачиваются по все сферы, без шума и трагедий, медленно, но верно. Превосходная книга г-на Эдуарда Шюре «Великие посвященные» (Paris, 1889, grand in-8°) служит для нас порукой того, что уже затронуты общественные слои филосо-

⁷⁸ *Le Tarot de Bohemiens. Le plus ancien livre du monde, par Papus. Paris, Carre, 1889, grand in-8° de 400 pages, figures.*

[Со времени выхода 2-го издания «У порога тайны», Папюс опубликовал два внушительных тома, где самое возвышенное учение излагается ясным и четким языком: «Систематический трактат по оккультной науке» (Paris, 1891, gr. in-8°, figures) и «Трактат по основам практической Магии» (Paris, 1894, gr. in-8°, figures)].

фии и искусства. Даже старый клерикальный «туф» пропитывается, в свою очередь, этими идеями, и не стоит утверждать, будто он поражен лишь поверхностно! Один из самых прекрасных людей и самых светлых умов французского духовенства, г-н каноник Рока уже давно стал ревностнейшим последователем Святой Каббалы; он высоко и крепко держит трубу древнееврейских пророков, дабы возвестить дряхлому миру уже скорое наступление эры, когда новые небеса засияют над возрожденной землей⁷⁹. Тайнственное братство Розы и Креста предоставляет убежище многим католическим священникам: один из них, доктор Сорбонны и элитарный проповедник, под псевдонимом «Альта» входит в высший *Совет двенадцати*.

Назовем, наконец, в качестве последнего плода оккультизма, недавнюю брошюру гг. Польти и Гари «*Теория темпераментов*» (Carre, 1889, in-12°). Этот замечательный очерк по физиогномическому синтезу — основанный, с одной стороны и *a priori*, на законе Тетраграммы⁸⁰, а с другой стороны и *a posteriori*, на внушительном ворохе психических документов и тщательно отобранных наблюдений, поздних плодов упорных исследований, — этот очерк, повторяем, позволяет сразу же выносить почти непогрешимое суждение о характере существ, призванных сталкиваться друг с другом в плане материального существования.

По поводу этих трудов Высшая Наука признает, что она отстаивает свое право на адаптации собственного скрытого принципа, подобные отголоскам оккультного Слова или лучам отраженного света!..

В остальном же, помимо совершенно независимых и несерьезных «посвященных», которые полагают, будто они создают из различных обрывков абсолютный синтез и интуитивно изрекают непременно окончательную формулу вечных принципов, вульгаризированный оккультизм можно свести к двум неортодоксальным «епархиям»: магнетизеры и спириты.

Эти страстные сторонники магнетизма были уважаемыми исследователями, часто подлинными людьми науки, которые, хотя и не искали позитивную причину сомнамбулических явлений в великих законах

⁷⁹ *Les Nouveaux Cieux et la Nouvelle Terre*, par l'abbé Roca, Paris, Jules Levi, 1889, 2 vol. in-8°. [В прошлом году мы с прискорбием узнали о безвременной кончине нашего мужественного друга, самой благородной апостольской души, которую нам, возможно, дано было понимать и любить! Достаточно сказать тем, кто знает, какая безжалостная неприязнь, какие лицемерно-беспоощадные преследования загнали аббата Рока в могилу, что его великодушное сердце простило без разбору всех тех, кто был к нему несправедлив. Воистину, этим все сказано.]

⁸⁰ Неизреченное $\aleph^4$, отражающее свое четверное расширение в зеркале форм, или *Малкут*.

универсальной аналогии и гармонии, вызванной борьбой противоположностей, тем не менее, вынудили официальную науку, с недавних пор ставшую менее упрямой, сделать поистине гигантские шаги вперед. Их собственная сфера — это, конечно же, та *огромная область Свободной Мысли*, о которой говорил Сент-Бёв сенаторам империи: ведь каждый из них выдвигает свой собственный метод, и они никогда не приходят к общему мнению по поводу Натуры и последней причины тех явлений, которые они рассматривают. И все же их можно разбить на две довольно четкие группы, отличая *психологов* (брейдистов) от *флюидистов* (месмеристов). Гипотеза о существовании флюида — наиболее древняя: не вдаваясь в подробности истории ее трансформаций — от Месмера до Дюпоте, минуя Эслона, Делёза и Пюисегюра — отметим, что все эти практики более или менее смутно догадывались об обширной герметической теории универсального флюида, несмотря на свое неумение воссоздать ее во всей ее очевидности и величественном синтезе.

Мы по-прежнему стоим у *Порога Тайны*. Задавать вопросы, не отвечая ни на один из них — вот наша задача; более того: исключительные рамки вынуждают нас ограничиться очень поверхностным и беглым описанием тех метаморфоз, через которые этот неуловимый Протей, «Оккультное», проходит на протяжении веков. Поэтому нам следует приберечь для других трактатов подробности феноменов и объясняющих их теорий. Но такова природа света, которым каббалистическое учение о флюиде должно озарить проблемы магнетизма и спиритизма, что, открывая, в виде исключения, новые «скобки», мы считаем отныне полезным представить краткое его изложение.

Не возвращаясь к тем временам, когда жречество, этот носитель священного Знания, переводило его доктрины на язык притч для народа; временам, когда *цивилизованные* нации гордились своими коллегиями Магов или Теургов, вспомним все же о тех великих тайных обществах, для которых нынешнее франкмасонство является лишь безжизненным подобием или, точнее, выродившимся отпрыском. Поскольку твердая Воля — высшее качество адепта — способна укрепиться только посредством решительной борьбы и стойкости перед лицом неудач, каждый, кто стремился получить оккультную степень, должен был во время предварительных, устрашающих испытаний⁸¹ продемонстрировать все свое мужество. Но Великий Магистр спрашивал его вначале: «Сын Земли, чего ты хочешь от нас?» — «Узреть Свет», — должен был он ответить. Слово *Свет* служит здесь лишь

⁸¹ За подробностями этих испытаний, возобновленных египтянами, отсылаем читателя к Ямвлиху, не опасаясь, что он спутает их с оскорбительным фарсом современных лож, где царит аллегорическое торжественное слабоумие.

символом Мудрости и Разума, и кандидат (думая, что совершает обычную формальность), определял на абстрактном языке, неведомо для себя самого, цель своих действий. «Ты хочешь, Сын Глины⁸², узреть подлинный Свет и познать его гармонические законы; ты говоришь разумно». Ибо если существует обозначение, одновременно синтетическое и суггестивное, которое охватывает все отрасли Высшей Науки, приспособляясь к каждой из них, то оно, конечно же, звучит так: *Знание Света*.

Свет, согласно Каббалистам — это уникальная субстанция, обуславливающая движение, неувядаемая и вечная, которая породила всё и в которую всё возвращается в свое время: общее вместилище флюидической жизни и смерти, где, среди остатков вчерашнего, возникает зародыш завтрашнего! Соответствуя *Слову* (божественному свету) и *Мысли* (интеллектуальному свету), в феноменальном мире (и в результате лишь кажущегося противоречия) он является одновременно «спермой» материи и «маткой» форм: гермафродитическим агентом Вечного Становления. Он представляет собой тот универсальный, невесомый флюид, четыре чувственных проявления которого называются *Тепло*, *Ясность*, *Электричество* и *Магнетизм*. Это *Акаша* индусов, *Аор* древних евреев, *Говорящий флюид* Зороастра, *Телесм* Гермеса, *Азот* алхимиков, *Астральный Свет* Паскуалли де Мартинеса и *Элифаса* Леви, *Спектральный Свет* доктора Пассавана и *Психическая Сила* знаменитого английского химика Крукса.

Это центральный пункт великого магического Синтеза. Невидимый или различимый для глаза благодаря теплу, свет формирует тот двойной флюидический поток, на способ циркуляции которого, определяемый математически, может воздействовать тот, кто его рассчитал. Таков высший агент магнетических и теургических действий, это многоликое Существо, которое олицетворяет библейский змей, как мы это видели выше. Познать закон флюидических приливов и универсальных потоков значит, как говорит Элифас, обладать секретом человеческого всемогущества: открыть практическую формулу невыразимого Великого Аркана.

Этот свет имеет андрогинную природу, говорят адепты; его двойное движение осуществляется непрерывно, определяемое его двойной полярностью. **𐤅𐤍** — это позитивный, или *проецируемый*, поток, а **𐤅𐤍** — негативный, или *абсорбирующий*; в определенной точке своей строго неизменной эволюции Астральный Свет сгущается — и

⁸² Поскольку от слова **אדם** (Адам) происходят сложные слова: **אדום** Адом («красный, покрасневший») и **אדמה** Адама (в значении: «земля, глина»), то излишне «тонкие» толкователи извлекли отсюда удивительный вывод: Господь вылепил человека из комка красной глины!.. Отсюда расхожее выражение: «Человек, Сын Глины».

из флюидического становится телесным; это материя, или *коагулированная смесь*. Другие выражения принадлежат алхимикам: они называют *Аод* своей *Серой*, *сухим огнем*, или *врожденным теплом*; *Аоб* — своим *Меркурием*, *универсальным растворителем*, или *предельной влажностью*; коагулированная смесь — это их *Соль*, или *Красная земля*⁸³. Как видим, несмотря на различия в терминологии, доктрина остается одинаковой, и поскольку все родилось из Света, то можно сказать, что знание этого первоначального агента раскрывает абсолютный генезис материи и форм.

Несколько слов из этой теории в применении к зоомagnetизму дадут нам ключ к искусственному Сомнамбулизму, Второму Зрению, сгущенным Миражам (привидениям) и преступным Чарам — одним словом, ко всем тем поразительным феноменам, реальность которых оспаривает рутинная наука в постепенно сужающихся границах возможного: ведь само изложение подобных *фактов*, как она это слишком хорошо чувствует, *a priori* опровергло бы многие «фундаментальные законы», которые она провозгласила с высоты своей извечной непогрешимости.

В человеке, утверждает магия, существует три основных элемента: *Душа* (духовный элемент), *Тело* (материальный элемент) и *Перисприт*, или *Медиатор* (флюидический элемент); так что творение Божье, Троиное, подобно Ему, создано по Его образу и подобию⁸⁴. *Духовная душа*,

⁸³ Посмотрите и сравните с этим объяснением то, которое мы дали выше по поводу тетраграммы *Йод-хе-вау-хе*. Это сопоставление может пролить некоторый свет.

⁸⁴ Эти три большие части сами подвержены дальнейшему делению.

Тогда мы получаем *Семь Принципов* традиционной восточной школы, которые подробно рассмотрел Синнет в своем «*Эзотерическом буддизме*». Но нам представляется излишним, по крайней мере здесь, выводить анализ за пределы тройной группы, которой вполне достаточно для понимания общих идей, кратко изложенных в этом небольшом произведении.

Тем не менее, по причине недоразумений, которым могли бы способствовать наши слишком лаконичные объяснения (даже в области тройной классификации), нам хотелось бы их дополнить, поместив в этом примечании последние уточнения.

Помимо грубых и осязаемых материалов, образующих физическое тело человека, ортодоксальная Каббала насчитывает три более тонких элемента:

נפש *Нефеш*: формирующий медиатор, или астральное тело;

נאות *Руах*: женская, или страстная, душа;

נשמה *Нешама*: мужской, или чистый, дух.

Тело, говорится в «Зогаре» — это оболочка *Нефеш*; *Нефеш* — оболочка *Руах*; и, наконец, *Руах* — оболочка *Нешама*.

Означает ли это, что Каббала различает в человеке четыре основных элемента? Вовсе нет; ведь *Нефеш*, с земной точки зрения — всего лишь *связующее звено*, посредник, который необходимо рассматривать либо как животную силу *физического Тела*, либо как формирующий инструмент *страстной Души*.

к тому же, не может подчиняться *материальному* телу без вмешательства *формирующего Медиатора*, проистекающего как из той, так и из другого, который непосредственно приводит в действие спинномозговую систему, обязанную, в свою очередь, передавать физическим органам повеления Воли. Этого посредника называют также *астральным Телом*, состоящим наполовину из стойкого, или *специфицированного*, света (нервного флюида), а наполовину — из летучего (магнетического флюида); нервный флюид управляет жизненным строением; а магнетический флюид, который является не чем иным, как окружающим светом, поочередно *вдыхаемым* по аналогии с легочным дыханием, непосредственно связывает периспирит с внешним миром. Итак, поскольку этот формирующий Медиатор способен, если воздействовать на него должным образом, коагулировать или растворять по собственной воле и проецировать или притягивать к себе некоторую порцию универсального флюида, адепт получает возможность влиять на всю массу астрального света, создавать в нем потоки и, наконец, производить в нем — даже на расстоянии — поразительные феномены, которые всеобщее невежество называет «чудесами» или «злыми проделками дьявола», если только попросту упрямо их не отрицает.

(продолжение прим. 84)

Нефеш не имеет, по крайней мере на этом свете, независимого, абсолютного существования; его можно рассматривать только *относительно*, по отношению либо к телу, которым он движет, либо к душе, которая приводит его в движение.

Именно в этом последнем смысле в «*Пороге тайны*» понимается *Нефеш*. Дабы не усложнять нашу теорию *формирующего Медиатора*, мы решили не уточнять значение женской, страстной души (*Руах* «Зогара»), объединив под общим наименованием *Медиатора* саму эту душу и астральное тело.

Коснемся, с другой стороны, недоразумения, возникновения которого мы опасаемся. Сохраняя верность привычной терминологии современных теологов, мы ошибочно называли *чистый Дух* духовной *Душой*.

Эти слова способствуют смешению с другими: *страстная Душа*.

Страстная Душа — подлинная *Медиатрисса* между *Телом* и *чистым Духом*. Она верная (или неверная) «супруга» последнего, который наделяет ее бессмертием, принимая его вместе с ней, или вынуждает ее погрузить свою личность в универсальную коллективную душу, если он один поднимается к своему божественному источнику.

Первые Отцы Церкви, подобно авторам Ветхого Завета, всегда отличали *Душу* от *Духа*; и только современные доктора их путают. У Исайи Иегова говорит: «*Духи вышли из моей груди, и я сотворил души*».

Как бы то ни было, эти разъяснения позволяют нам оставить тот спорный текст, который можно прочесть на стр. 28—29 нашего первого издания. Но для того, чтобы устранить впредь саму возможность путаницы, мы позаботимся о том, чтобы включить в наши последующие публикации следующее ученое разделение из «Зогара»:

Тройное строение человека	{	1. <i>Тело</i> , жизненная сила которого — <i>Нефеш</i>
		2. <i>Душа</i> , субстанция которой — <i>Руах</i>
		3. <i>Дух</i> , человеческое выражение которого — <i>Нешама</i>

Во время магнетического сна в особенности периспирит действует с большей силой и эффективностью: *конфигуративный флюид*⁸⁵, проецируемый им в определенную точку пространства, он возвращает обратно к себе, перегруженный образами. Таким образом, Натура открывает *ясновидящему* субъекту, спящему в кресле, свои последние секреты: до такой степени, что он одинаково воспринимает пережитки прошлого, миражи настоящего и зачатки будущего — формы и отражения, рассеянные в астральном Свете.

Суеверные люди, которые видят призраков, и вообще все подверженные галлюцинациям находятся в момент видения в состоянии, близком к сомнамбулическому экстазу; их *полупрозрачное*, непосредственно связанное с окружающим флюидом, воспринимает те из бесчисленных отражений, которые несет этот поток. Впрочем, каббалисты признают позитивное существование одушевленных миражей, своего рода живых коагуляций астрального света, о различных способах порождения (или, если угодно, производства) которых мы выскажем свои предположения в другом месте... Неустойчивые, но реальные — это *Ларвы* в собственном смысле слова. (Другие, полуразумные, креатуры носят в магии название *стихийных Духов* и *элементалей*⁸⁶.) В *ларвах* можно увидеть рудименты формирующего медиатора, лишенные как сознательной души, так материального тела, но способные, путем сгущения, становиться видимыми и даже осязаемыми: тогда они принимают формы существ, к которым приближаются. Окультист (который притягивает, подчиняет и руководит ими посредством своего собственного астрального тела) может придать им, по своему желанию, вид какого-либо предмета, если только он мысленно определяет природу указанного объекта и с силой «высекает» его контуры в своем воображении.

Прервем это изложение единой теории универсального флюида: мы сказали уже достаточно для того, чтобы читатель догадался о рациональном объяснении самых волнующих магнетических или спиритических феноменов, не имея надобности звать на помощь души предков и тем более Сатану с его «сернистыми» легионами.

Эта теория света — едва намеченная здесь в ее основных чертах и едва обозначенная в ее самых элементарных применениях — тра-

⁸⁵ Иными словами, способный принимать длительный отпечаток, подобный фотографии объектов, которые он омывает своей волной.

⁸⁶ Некоторые маги отличают *Элементалей*, стихийных духов (Сильфов, Гномов, Ундин или Саламандр), от *элементарных Духов*, невоплощенных человеческих существ. Но большинство учителей используют оба эти обозначения, не различая их, и всегда в первом смысле.

диционна для адептов. Месмеристы интуитивно предчувствовали ее, не сумев установить ее общие принципы, хотя и определив ее огромное и решающее значение: об этом свидетельствует их страстное провозглашение всемогущества магнетического флюида, наряду с их неспособностью обосновать его существование. Припертые к стенке, они отделяются чрезвычайно расплывчатой формулировкой: «Я испускаю флюид, и феномены проявляются; я втягиваю его в себя, и они исчезают». Этого недостаточно. Если бы эти господа не смешивали ученую Древность и Традицию в едином высокомерном презрении, то они обнаружили бы в иероглифах *Таро* — этой восхитительной инициатической книге, с давних пор обесчещенной самым презренным использованием — точное указание на, возможно, более удовлетворительную доктрину... Среди авторов, специально занимающихся магнетизмом, только госпожа Луи Мон, последний адепт *Ионийских Мистерий*, смогла на ученый манер связать подлинные правила спровоцированного сомнамбулизма с первичными законами Света⁸⁷. Эта ученица Элифаса знала, по какой причине следует верить в реальное существование агента, *изомерного* электричеству. Что же касается других флюидистов — этих сборщиков так называемых метафизических облаков, — то они еще менее созданы для демонстрации Истины, чем магнетизеры-позитивисты, неуязвимые в той области, которую они избрали.

Никто уже больше не вспоминает аббата Фариа, который первым поставил под сомнение гипотезу о флюиде и обнародовал принципы внушения. Тем не менее, психологи, или *брейдисты*, должны были бы считать его своим предтечей; ведь неоспоримой заслугой англичанина Брейда было, конечно же, переименование науки Месмера ради новых, более академических целей: официальные ученые неустанно осыпали проклятиями магнетизм, но *гипнотизм* пришелся им по душе. «Не всяк монах, на ком клобук...» Эта пословица оказалась настолько справедливой, что как только оскорбительный ярлык был сорван, буквально все — химики, медики и профессора — начали без стеснения предаваться столько лет запрещавшимся занятиям. Институт Франции снял «вето», некогда наложенное на «ортодоксальную» науку, и, готовый одобрить науку «анабаптистскую», радушно принял внушение. Несмотря на то что эта гипотеза не способна объяснить ничего по ту сторону видимого, она представляет определенную научную ценность, как мы увидим в дальнейшем. Школа Нанси, недавно основанная по инициативе первоклассного ученого доктора Льебо, свела экспериментальный и позитивный магнетизм к его самым четким формулам — и

⁸⁷ *Cours de Magnetisme*, par Louis Mond, 1 vol. in-32 (Petite Bibliotheque universelle, Paris, 1886).

мы отдаем гораздо большее предпочтение науке, рассматриваемой с этой немного односторонней и узкой точки зрения, чем бессвязным бредням «месмеризирующих» прихвостней, пристрастившихся к убогому псевдофлюидизму.

Не обязаны ли мы заблуждениями современного *спиритизма* дурно понятому разглашению каббалистических доктрин, касающихся стихийных духов? Возможно. Суеверные дети средних веков трепетали при рассказах о таинственных видениях: могильщик различал над могилами неясные формы в полупрозрачных покрывалах; убийца чувствовал, как его хватает за руку — уже занесенную для преступления — чья-то невидимая длань; клирик, вызвавший Вельзевула, лицезрел его появление в клубах рыжевато-го дима; призрак казненной матери предстал перед очами ее сына и умолял прочесть «Отче наш». Но никому не приходило в голову подсчитывать толчки шапоклёя или круглого столика, чтобы с их помощью получить загробные откровения! Ходили слухи о замках с привидениями; но какой глупец мог бы поверить в то, что привидения «посещают» столик или шляпу? Подобные убеждения были оставлены для XIX столетия... Зачем подробно останавливаться на пустых грезах какого-нибудь Алана Кардека? Мы не оспариваем физической реальности манифестаций, но здесь не место для комментариев на эту тему: ведь то, что мы говорили об астральном свете, должно объяснить читателю действующую причину и способы производства необыкновенных феноменов, в которых нашим духовидцам хочется видеть «длань бесплотных духов»⁸⁸. Какими бы причудливыми ни были наблюдаемые факты, в них нет ничего сверхъестественного, поскольку — в том смысле, в каком обычно понимают это слово, — *Сверхъестественного* не существует. Но последняя причина этих аномальных творений флюида, *коагулированного под высоким давлением*, коренится в тайне еще более грозной, чем те дьявольские фантасмагории, которых пугались наши наивные предки.

Если были разглашены все секреты, так или иначе касающиеся животного магнетизма, и если в мире оказалось достаточно развращенных людей, которые коллективно ими злоупотребили, — это очень печально сознавать, но таковы уж плоды злосчастной цивилизации, и остается лишь надеяться на вторжение варваров, как на избавление! Они придут, эти несущие благо звери, и повалят зараженное дерево, дабы уничтожить его нездоровые плоды... И да будут они благословенны, ибо расчистят гнусные останки того, что должно было стать великой европейской цивилизацией...

Существуют роковые науки. Подобно целомудренной Диане, Натура поражает смертью или вырождением смельчака, который засти-

⁸⁸ Образец спиритического стиля.

гает ее без покрова; но она дарит украдкой свой поцелуй или свою озаряющую ласку простому и трудолюбивому человеку, который не желает оккультной власти ради мелких, эгоистических деяний: так Феб улыбался пастуху Эндимиону, который даже не догадывался об этой улыбке, и целовал его во сне. В этом кроется столь же глубокий символизм, как и в Библии, и искустельный плод вечно висит на Древе познания Добра и Зла. Подойди, если ты чист; трогай и рассматривай это яблоко, сколько тебе угодно; если отважишься, то вкуси его мягкости, пощадив семя; но не срывай его для толпы: в ее руках плод Знания станет плодом Смерти.

Эти страницы, Читатель — своего рода введение к тем, которые мы публикуем дальше. Прогуливаясь среди людей, проводших свою жизнь под ветвями символической яблони, мы приближались к этому дереву лишь случайно — и словно подталкиваемые толпой. Осмелев с тех пор, мы поднимаем голову и протягиваем руки, чтобы добраться до его плодов; а затем мы устремимся к тайне всем сердцем.

*Sursum corda*⁸⁹! Это возглас душ, жаждущих бессмертия; это девиз иерархов, совершающих восхождение; это слово Званных, которые станут Избранными! Божественный треугольник сияет на вершинах; к нему поднимается двойная лестница Иакова, верхние ступени которой исчезают среди туч. Неуклонно взбираются по ней те, кто пока еще — просто люди, но «их бока из низменного праха источены Божьими желаниями»⁹⁰; растворяясь в тумане, те, что внизу, теряют их из виду, в то время как они вверху получают посвящение. Затем они спустятся; но, подобно Моисею, свет, узренный лицом к лицу, оставит на них свой отблеск: они спустятся архангелами, чтобы пригласить отважные души к подъему на небеса: «*Violenti rapiunt illud*»⁹¹. Если Абсолют не может открыться чадам человеческим, пускай же сильные поднимутся к нему, дабы завладеть им. Когда они вернутся к своим более робким собратьям, для того чтобы воздать должное Свету⁹², те смогут узнать по нимбам над их головами, что, по-прежнему оставаясь Сынами Земли, они получили права Детей Неба.

⁸⁹ Воспряньте духом! (лат., досл.: Возвысьте сердца!). Слова, которые католический священник произносит перед возношением даров. (Прим. перев.)

⁹⁰ Josephin Peladan, *Curieuse*, page 150.

⁹¹ Цитата из Вульгаты. В русском синодальном переводе: «[Царство Небесное силою берется,] и употребляющие усилие восхищают его» (Мат. 11:12).

⁹² Евангелие от св. Иоанна, гл. I.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ
ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ
ПРИЛОЖЕНИЕ

I

«AMPHITHEATRUM SAPIENTIAE ÆTERNÆ» КУНРАТА

Два каббалистических рисунка, воспроизведенных в начале этой брошюры, взяты из редкого и необычного небольшого ин-фолио, хорошо известного коллекционерам старинных книг с гравюрами и пользующегося большим спросом у всех, кого занимают, по разным причинам, религиозный эзотеризм, традиция тайной доктрины под символическими покровами христианства и, наконец, *преемство магического жречества на Западе*.

«AMPHITHEATRUM SAPIENTIAE ÆTERNÆ, SOLIVS VERÆ, *christiano-kabalisticum, divino-magicum, necnon physico-chemicum, tertriunum, katholikon: instructore HENRICO KHUNRATH, etc., HANOVIAE, 1609, in-folio*».

Уникальная по своему жанру и бесценная, в особенности для любознательных исследователей, которые стремятся глубже вникнуть в эти волнующие вопросы, эта книга, к сожалению, остается неполной в большом количестве своих экземпляров. Возможно, читатели будут благодарны нам за то, что мы поместили здесь несколько кратких сведений, благодаря которым покупатель сможет предвидеть и предотвратить обман.

Гравюры-эстампы, в количестве двенадцати штук, обычно помещают в начале произведения. Они составлены в произвольном порядке, поскольку автор забыл — возможно, преднамеренно, — указать их последовательность. Главное — располагать их полным комплектом, поскольку их распределение варьирует от одного экземпляра к другому.

Три из них — простого формата: 1) аллегорический фронтиспис, обрамляющий выгравированное название; 2) портрет автора, окруженный столь же аллегорическими атрибутами; и, наконец, 3) орлан в очках, важно восседающий между двумя зажженными канделябрами с двумя пылающими факелами, расположенными крест-накрест. Внизу — рифмованная надпись на сомнительном немецком, которую можно перевести следующим образом:

Зачем тому очки, и факелы, и свечи,
Кто очи рад сомкнуть, чтоб ничего не зреть?

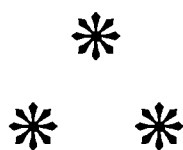
Затем идут девять великолепных магических рисунков двойного формата, старательно выгравированных и помещенных в виде вклеек. Это: 1) *большой герметический андрогин**; 2) *лаборатория Кунрата**; 3) *Адам-Ева* в словесном треугольнике; 4) *пентаграмматическая Роза-Крест**⁹³; 5) *семь ступеней святилища и семь лучей*; 6) *алхимическая Цитадель* с двадцатью воротами и без выхода*; 7) *Gymnasium naturæ*, синтетический и весьма ученый рисунок под видом довольно бесхитростного пейзажа; 8) *Изумрудная Скрижаль*, выгравированная на вулканическом и меркуриальном камне; наконец, 9) *Пантакль Кунрата**, украшенный сатирической карикатурой во вкусе Калло; это, в некотором роде, предвосхищение Калло. (См., что пишет об этом Элифас Леви, *Histoire de la Magie*, p. 368.)

Этот последний рисунок, исполненный едкой иронии и поистине пикантного, «беззаконного» мастерства, отсутствует почти во всех экземплярах. Многочисленные враги теософа, которые узнавали в ри-

⁹³ Далее мы представляем более детальный анализ гравюр 1 и 4, уменьшенные эстампы которых помещены в этом новом издании.

сунке самих себя, язвительно представленных в карикатурном виде, и которые, как без труда можно догадаться, были глубоко обеспокоены этим сходством, изо всех сил старались уничтожить гравюры столь возмутительного содержания.

Что же касается остальных пантаклей, те, которые мы пометили звездочкой *, тоже отсутствуют в некоторых экземплярах.

Займемся теперь текстом, разделенным на две части. Первые шестьдесят страниц, отдельно пронумерованные, включают в себя императорское разрешение на публикацию (датированное 1598 годом) и различные разделы: вступительное слово, посвящение, стихи, пролог, краткое содержание. Наконец, текст Книги Притчей Соломоновых, эзотерическим комментарием к которому служит оставшаяся часть «*Amphitheatrum*».

Затем идет этот комментарий, представляющий собой собственно само произведение в шести главах, за которыми тоже следуют весьма любопытные разъяснения под названием: *Interpretationes et annotationes Heirici Khunrath*. Общая сумма страниц этой второй части — 222. На последнем листке помещено имя владельца типографии: G. Antonius, место печати и дата: Hanoviæ, M.DC.IX.

Это описание мы заканчиваем важным замечанием ученого библиофила Г.-Ф. де Бюра, который пишет во II томе своей «Библиографии»: «Следует отметить, что в первой части этого произведения, состоящей из 60-ти страниц, между 18-й и 19-й страницами, должна находиться своего рода отдельная таблица, напечатанная на целом вклеенном листе и озаглавленная: *Summa Amphitheatri Sapientiae* и т. д., а во второй части, состоящей из двухсот двадцати двух страниц, должна находиться другая таблица, точно так же напечатанная на целом вклеенном листе, которая должна быть помещена после 151-й страницы, на что указывают две звездочки, проставленные в напечатанном тексте. Мы отмечаем, что эти две таблицы отсутствовали в экземплярах, которые мы видели; посему советуем принять это во внимание...» (стр. 248)

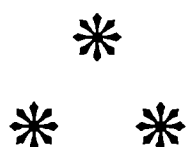
Перейдем к детальному изучению каббалистических рисунков, репродукции которых предлагает вниманию публики данное издание нашего сочинения.

II

АНАЛИЗ РОЗЫ-КРЕСТА ПО ГЕНРИХУ КУНРАТУ

Этот рисунок представляет собой чудесный пантакль, то есть иероглифическое изображение целой доктрины; в нем скрыты все пентаграмматические тайны Розы-Креста адептов, соединенные в ученом синтезе.

В первую очередь, это центральная точка, от которой расходятся окружности на трех различных ступенях, что дает нам три кругообразных, концентрических области, изображающих процесс *Эманации* в собственном смысле слова.

В центре — распятый Христос в световой розетке: это сияние Слова или *Адама Кадмона* **יְהוָה אֱלֹהִים**; это эмблема Большого Аркана: никогда еще не была так смело раскрыта сущностная тождественность Человека-синтеза и проявленного Бога.

Руководствуясь самыми глубокими мотивами, иерограф поместил в центре своего пантакля символ, изображающий воплощение вечно-го Слова. В самом деле, все вещи, как духовные, так и телесные, были

сотворены *посредством* Слова, в Слове и *через* Слово (неразрывно связанное Жизнью). «*In principio erat Verbum* (пишет св. Иоанн) *et Verbum erat apud Deum, et Deus erat Verbum... Omnia per ipsum facta sunt et sine ipso factum est nihil quod factum est. In ipso vita erat...*»⁹⁴ Если мы обратим внимание на то, в какой части человеческой фигуры поставлена центральная точка, от которой расходится окружность, то мы, возможно, поймем, с какой иероглифической силой Инициатору удалось выразить эту фундаментальную тайну.

Вокруг сияют яркие лучи; это распустившаяся роза с пятью лепестками — пятиконечная звезда *каббалистического Микрокосма*, *пылающая Звезда Масонства*, символ всемогущей Воли, вооруженной огненным мечом Херувимов.

Говоря языком экзотерического Христианства, это сфера *Бога-Сына*, расположенная между сферой *Бога-Отца* (темная Сфера вверху, где светящимися буквами написано *Айн-Соф* אֵין סוֹף) и сферой *Бога-Святого Духа*, *Руах Хаккадош* רוּחַ הַקֹּדֶשׁ (светящаяся сфера внизу, где черными буквами написана иерограмма *Эмет* אֱמֶת).

Эти две сферы словно бы растворяются в облаках *Ацилут* אֲצִילוּת, что указывает на оккультную природу первого и третьего лиц Святой Троицы: древнееврейские слова, которые их выражают, ярко выделяются: здесь — светлое на темном фоне, а там — темное на светлом, чтобы дать нам понять, что наш дух, неспособный проникнуть в эти Принципы в их сущности, может только смутно догадываться об их антитетических отношениях в силу аналогии противоположностей.

Над сферой *Айн-Соф* священное слово *Иегова*, или *Иахоах*, разлагается на части в пылающем треугольнике следующим образом:

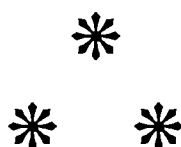

⁹⁴ Цитата из Вульгаты. В русском синодальном переводе: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог... Всё чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь...» (Ин. 1:1–4).

Не вдаваясь в иероглифический анализ этого священного слова и, в особенности, не претендуя на изложение арканов его происхождения — что потребовало бы нескончаемых подробностей, — мы можем сказать, что с этой специальной точки зрения, *Йод* ם символизирует Отца, *Иах* ך — Сына, *Иахо* ם — Святой Дух, а *Иахоах* ם — живую Вселенную: и этот мистический треугольник приписан к сфере невыразимого *Айн-Соф*, или Бога-Отца. Каббалисты хотели показать этим, что Отец является источником всей Троицы в целом и, более того, содержит в оккультной возможности все, что есть, было или будет.

Над сферой *Эмет* (Истины), или Святого Духа, в самих лучах Розы-Креста и под ногами Христа, голубка в папской тиаре совершает свой пламенный полет: эмблема двойного потока любви и света, который нисходит от Отца к Сыну — от Бога к Человеку — и восходит от Сына к Отцу — от Человека к Богу; ее распростертые крылья в точности соответствуют языческому символу двух змей, переплетающихся вокруг кадуцея Гермеса.

Понимание этого таинственного сходства доступно лишь посвященным.

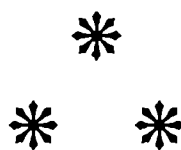
Вернемся к сфере Сына, которая требует более пространных комментариев. Выше мы уже отмечали непостижимый характер *Отца* и *Святого Духа*, рассматриваемых в их сущности.

Лишь *второй лик* Троицы — представленный центральной Розой-Крестом — пронзает облака *Ацилут*, устремляя к ним десять сефиротических лучей.

Это как бы десять окон, открывающихся на великий аркан Слова, через которые можно созерцать его сияние с десяти разных точек зрения. В самом деле, «Зогар» сравнивает десять *Сефир* с таким же количеством прозрачных сосудов различного цвета, через которые сияет, с десяти разных сторон, центральный очаг Единства-синтеза.

Представим себе также башню с десятью окнами, в центре которой горит канделябр с пятью свечами; этот светящийся квинер будет виден в каждом из окон; и тот, кто остановится по очереди у каждого из них, сможет насчитать десять горящих канделябров с пятью свечами... (Умножьте эту пентаграмму на десять, представив, что в каждом из десяти проемов сияет по пять точек, и вы получите *Пятьдесят Врат Света*, или *Понимания*.)

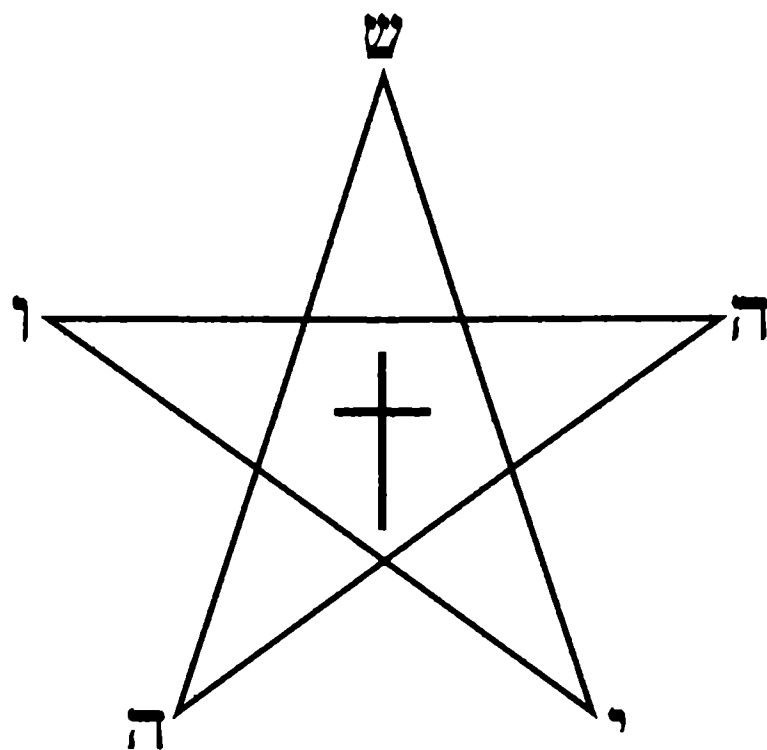
Тот, кто стремится к синтезу, должен войти внутрь башни. Он может лишь обойти ее кругом? Тогда он чистый аналитик. Мы видим, каким оптическим иллюзиям он подвержен, когда он пытается судить о целом.

Дальше мы еще скажем несколько слов о сефиротической системе: необходимо закончить с центральной эмблемой. Сведенная к геометрическим пропорциям схемы, она может быть начерчена следующим образом:

Крест, заключенный в пылающей звезде. Это кватернер, находящий свое расширение в квинере.

Это чистая субстанция, которая умножается, спускаясь в клоаку материи, где она увязает на некоторое время; но ее цель — обрести даже в собственном падении раскрытие своей личности, и она уже чувствует — предвестие спасения! — на последней ступени своего упадка, как в ней инстинктивно зарождается великая искупительная сила Воли.

Это — Слово, $\aleph\aleph$, которое воплощается и становится *страждущим Христом*, или телесным человеком, $\aleph\psi\aleph$, вплоть до того дня, когда, приняв вместе с ним свою возроденную человеческую природу, оно вернется во славе.

Именно это подразумевает адепт Сен-Мартен в первом томе «Заблуждений и Истины», когда он разъясняет, что грехопадение человека проистекает оттого, что он изменил порядок листов в Большой Книге

Жизни и заменил четвертую страницу (бессмертие и духовное бытие) на пятую (разложение и упадок).

Сложением коренного кватернера и звездообразной пентаграммы мы получаем 9 — таинственную цифру, полное описание которой вынудило бы нас выйти за рамки, которые мы сами себе установили. В другом месте (*Lotus*, tome II, n° 12, pp. 327–328) мы уже рассмотрели во всех деталях и доказали путем вычислений нумерологической каббалы, почему 9 является *аналитическим* числом человека. Отсылаем читателя к этому изложению...⁹⁵

Отметим также — поскольку в Высшей Науке все взаимосвязано и аналогические соответствия абсолютны, — что в геометрических фигурах *Розенкрейцеров* роза традиционно образуется *девятью* переплетающимися окружностями, наподобие колец бесконечной цепи. Снова аналитическое число человека — 9!

⁹⁵ Поскольку экземпляры «*Лотоса*» стали крайне редкими, читатель будет благодарен нам за то, что мы воспроизведем здесь это важное доказательство.

ИЕРОГРАММА АДАМА

Утверждая, что иерограмма *Адама* таит в себе самые глубокие арканы живой вселенной, мы вовсе не удивим тех, кто серьезно изучал «*Сефер Берешит*». Сопоставив замечательный перевод Фабра д'Оливе с пантакюлярными откровениями Книги Тота, вполне возможно высечь высшую «искру» истины. Вот несколько сведений, которые помогут этого достичь.

Адам **Ⲕⲓⲕ** пишется по-еврейски: *Алеф, Далет, Мем*.

ⲕ (*Алеф*. — Первый ключ Таро: *Фокусник*.) Бог и человек; Принцип и Цель, уравновешивающее Единство.

ⲓ (*Далет*. — Четвертый ключ Таро: *Император*.) Сила и Царство. Словесный кватернер. Умножение куба.

ⲙ (*Мем*. — Тринадцатый ключ: *Смерть*.) Разрушение и Восстановление. Нравственные и физические ночь и день. Вечность эфемерного. Женская Пассивность, бездна прошлого и одновременно «матрица» будущего.

Тройной анализ Принципа, который Йод проявляет в своем непостижимом и синтетическом единстве; в сущности, иерограмма *Адам* очень похожа на иерограмму *Аум*, хорошо известную в святилищах Индии.

В **Ⲕⲓⲕ** *Алеф* соответствует *Отцу*, истоку Троицы; *Далет* — *Сыну* (которого Каббала именует также Царем), а *Мем* — *Святому Духу*, эфирное тело которого, одновременно поглощающее и оплодотворяющее преходящие формы, способствует цветению жизни (неиссякаемой и неизменной в своей сущности) на изменчивом «навозе» Становления.

Мы уже говорили, что **Ⲕⲓⲕ** — это циклический анализ Принципа, непостижимым синтезом которого служит **ⲓ**. Простые вычисления нумерологической Каббалы подтвердят наше утверждение: переведем буквы в числа (по методике Таро):

$$\begin{array}{ccc} \mathbf{k}=1 & \mathbf{i}=4 & \mathbf{m}=13 \\ 1+4+13=18. & & \text{В } 18, 1+8=9 \end{array}$$

Стало быть, в абсолютной нумерологической Каббале аналитическое число *Адама* — 9. Но мы получаем 10, прибавляя к 9 специфическое единство, приводящее

Напрашивается показательное замечание, которое станет новым подтверждением нашей теории. Для всех, кто обладает какими-либо эзотерическими представлениями, очевидно, что четыре части внутреннего креста (представленные Христом с раскинутыми руками) должны быть обозначены буквами тетраграммы: *Йод, хе, вав, хе*. Мы не можем возвращаться здесь к тому, что мы уже говорили в другом месте⁹⁶ об иероглифическом и грамматическом строении этого священного слова: наиболее пространные и полные комментарии обычно имеются в произведениях всех каббалистов. (См., в первую очередь: РОЗЕНРОТ, «*Kabbala Denudata*»; ЛЕНЕН, «*Каббалистическая наука*»; ФАБР д'ОЛИВЕ, «*Восстановленный древнееврейский язык*»; ЭЛИФАС ЛЕВИ, «*Догма и ритуал*», «*История магии*», «*Ключ к великим тайнам*»; ПАПЮС, «*Систематический трактат по оккультной науке*» и, в особенности, «*Тафо*».) Но рассмотрим пока иерограмму Иешуа יְהוֹשֻׁעַ : из каких элементов она состоит? Каждый может увидеть в ней знаменитую тетраграмму יהוה , разделенную посередине יה , а затем вновь соединенную еврейской буквой ש , *шин*. Итак, יהוה выражает здесь *Адама Кадмона*, Человека в его целостном синтезе, одним словом, божество, проявленное посредством своего

цикл к отправной точке и заключающее анализ синтезом. А число 10 соответствует *Йод*: что и требовалось доказать.

Следовательно, иерограмматическое слово אדם представляет нонерную эволюцию цикла, который эмануирует из י и завершается в 10, возвращаясь к своей отправной точке, Принципу и Цели всего, вечному *Йод*, раскрытому в форму *троединого* расширения.

Идем дальше.

Таким образом, мы имеем право (заметив, впрочем, что *Адам* отличается от *Йод*, или *Вод*, подобно тому, как множество дольных единиц отличается от Единства), мы имеем право сказать, следуя нашим аналогиям:

Если *Адам* равен *И* (י),
то *Адам-ах* = *И-ах*, а *Адам-еве* = *И-еве*

Хе ה представляет универсальную Жизнь, *Natura naturans*; следовательно, יה представляет י , объединенный с жизнью, а אדם — принцип Адама, объединенный с жизнью. Это союз универсального Духа и универсальной Души на двух различных ступенях (учитывая различие, отмеченное выше).

Наконец, в יהוה , равно как и в אדם-יהוה , *Вав* ו обозначает плодотворность этого союза, а последняя ה символизирует *Natura naturata* (произошедшую от *Natura naturans*, оплодотворенной мужским Принципом).

Четыре буквы יהוה обозначают *квартирнер Меркавы*, а шесть букв אדם-יהוה — *сенер Берешит*.

С. де Г.

⁹⁶ «У порога тайны», стр. 52 этого издания. *Lotus*, tome II, n° 12, pages 321–347, *passim*.

Слова и представляющее плодотворный союз универсального Духа и универсальной Души. Разделение этого слова символизирует расщепление его единства и разделительное умножение, которое проистекает отсюда для порождения дольных единиц. *Шин*, Ψ , соединяющая обе части, обозначает (Аркан Таро 21 или 0) порождающий, тонкий огонь, носитель недифференцированной Жизни, *универсальный формирующий Медиатор*, задача которого — осуществлять воплощения, позволяя Духу спускаться в материю, проникать в нее, наделять ее силой (*evertuer*) и, наконец, перерабатывать ее на свой лад. Стало быть, Ψ , связующее звено поврежденной тетраграммы, служит символом дробления и фиксации, в элементарном и материальном мире, $\Pi\Pi'$ в стадии умножения.

Наконец, эта Ψ , прибавление которой к словесному *кватернеру*, таким образом, как мы уже говорили, порождает *квинер*, или число упадка. Сен-Мартен очень хорошо это понимал. Но 5, число грехопадения — это также число воли, а воля — инструмент реинтеграции.

Посвященные знают, почему замена 5 на 4 влечет за собой лишь временную катастрофу; почему в грязи, где она погрязла при падении, человеческая дольная единица учится завоевывать поистине свободную и сознательную личность. *Felix culpa!*⁹⁷ После своего грехопадения она поднимается более сильной и возвышенной; так, зло всегда сменяет добро лишь на время и для того, чтобы реализовать лучшее!

Это число 5 скрывает в себе самые глубокие тайны; но нам необходимо ограничить свой комментарий, а не то мы можем запутаться в нескончаемых отступлениях. Того, что мы сказали о 4 и 5 в их отношениях с Розой-Крестом, будет достаточно для тех, кто может быть посвящен. А пишем мы только для них.

Скажем теперь несколько слов о десяти лучах, пронзающих область облаков, или *Ацилут*. Это денер Пифагора, который в Каббале называют *сефиротической эманацией*. Прежде чем представить нашим читателям самую ясную классификацию каббалистических Сефир, мы составим небольшую таблицу традиционных соответствий между десятью сефирота-

⁹⁷ Блаженная вина! (лат.). Слова, перешедшие из проповеди Августина Блаженного в католический гимн «*Exullet jam angelica turba caelorum*», который поется в страстную субботу во время освящения свечей: «*O felix culpa, quae talem ac tantum meruit habere redemptorem!*» («Блаженная вина, заслужившая столь великого искупителя!»). Августин называл «блаженной виной» первородный грех, благодаря которому человечество было искуплено Сыном Божиим. (Прим. перев.)

ми и десятью основными именами, данными божеству древнееврейскими теологами: каждая из этих иерогамм, которые Кунрат выгравировал по кругу на распустившихся лепестках пылающей розы, соответствует одной из десяти Сефиротов (см. таблицу на следующей странице).

Что же касается божественных имен, то, снабдив их переводом на разговорный язык, мы (кратко, насколько это возможно) попытаемся вывести из иероглифического рассмотрения каждого из них среднее эзотерическое значение, которое может быть им приписано:

יהי. — Тот, кто составляет неувядающую сущность абсолютного Бытия, где «бродит» жизнь.

יה. — Нерасторжимый союз универсального Духа и универсальной Души⁹⁸.

יהוה. — Совокупление мужского и женского Принципов, которые вечно порождают живую Вселенную. (Большой Аркан Слова.)

א. — Развертывание принципа Единства. Его рассеивание в Пространстве и во Времени.

אלהים גבור. — Бог-боги гигантов или людей-богов.

אלוה. — Бог, отраженный в одном из богов.

יהוה צבאות. — *Йод-хеве* (см. выше) Септенера, или торжества.

אלהים צבאות. — Бог-боги Септенера, или торжества.

שדי. — Оплодотворяющий астральным Светом в четверном расширении; затем возвращение этого Света к вечно скрытому принципу, откуда он эманурует. (Мужской род от **שדש**, Оплодотворенная, Натура.)

אדני. — Четверное, или кубическое, умножение принципа Единства для создания непрерывно меняющегося Становления (*πάντα ρεῖ*⁹⁹ Гераклита); затем окончательное сокрытие объективно-конкретного в результате возвращения субъективно-потенциального.

⁹⁸ Те, кто умеет читать перевернутые иерогаммы, разбирая их по частям (согласно тем же основным принципам, которые Фабр д'Оливе установил для этимологии в прямом и нормальном смысле), без труда удостоятся, что этот дополняющий метод еще раз подтверждает эзотерические толкования, которые мы здесь предлагаем.

Несколько примеров: **יה** (перевернутое *Иах* **יה**) выражает *Жизнь вечную*.

אל (перевернутое *Эль* **אל**) означает *беспредельное, безграничное Расширение*.

שד-א, два корня, слияние которых образует **שדי** (перевернутое *Шаддай*, **שדי**), можно перевести как *Огненная десница, Пылающая десница*. Тайное значение становится очевидным.

כלם (перевернутое *Мелек* **מלך**) — слияние корней **כל-לם**. Идеи обобщения и совершенствования, с одной стороны, сочетаются с идеей *симпатической взаимосвязи*, с другой... (См. «Словарь корней» Фабра д'Оливе.)

Новый смысл проверяет и чудесно дополняет тот, который уже эзотерически проявляет нормальная иерогамма, открытая необходимыми ключами.

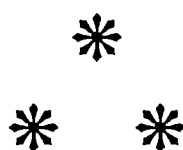
⁹⁹ «все вещи» (др.-гр.).

СЕФИРОТ			БОЖЕСТВЕННЫЕ ИМЕНА, СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ИМ		
כתר	Кетер		אֱלֹהִים	Аейе	Бытие
חכמה	Хокма		יְהוָה	Иах	Иах
בִּינָה	Бина		יְהוָה	Ихоах	Иегова. Вечный
חסד	Хесед		אֱלֹהִים	Эль	Эль
גְּבוּרָה	Гебура		אֱלֹהִים גְּבוּרָה	Элохим Гиббор	Элохим Гиббор
תפארת	Тифферет	...	אֱלֹהִים	Элоха	Элоха
נצח	Нецах		יְהוָה צְבָאוֹת	Ихоах Цебаот	Иегова Саваоф
הוד	Ход		אֱלֹהִים צְבָאוֹת	Элохим Цебаот	Элохим Саваоф
יסוד	Йесод		שְׁדַי	Шаддаи	Вседоушый
מלכות	Малкут		אֲדֹנָי מֶלֶךְ	Адонай Мелек	Господь-Царь

Господь сил

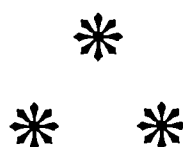
מלך. — Материнская Смерть, чреватая жизнью: фатальный закон, разворачивающийся во Вселенной, который прерывает с внезапной силой свое вечно изменчивое движение всякий раз, когда объективируется какое-либо существо¹⁰⁰.

Таковы эти иерогаммы в одном из своих секретных значений.

Отметим также, что каждая из десяти Сефир (аспектов Слова) соответствует в пантакле Кунрата одному из ангельских ликов; возвышенная идея, если нам удастся глубоко в нее вникнуть. Ангелы, согласно первоначальной каббале, не являются какими-то особенными, неизменными существами: всё движется, развивается и преобразуется в живой Вселенной! Применяя к небесным иерархиям прекрасное сравнение, с помощью которого авторы «Зогара» пытаются выразить природу Сефир, мы можем сравнить ангельские лики с прозрачными разноцветными оболочками, откуда по очереди сияют всё более ярким и чистым светом Духи, которые, окончательно освободившись от временных форм, поднимаются по верхним ступеням лестницы Иакова, вершину которой занимает таинственный יהוה.

Каждый из ангельских ликов Кунрат приводит также в соответствие с одним из стихов десятисловия: так, словно бы ангел, управляющий каждой ступенью, открывает уста, дабы изречь одну из заповедей божественного закона. Но это кажется нам несколько произвольным и менее заслуживающим внимания.

Более глубокая идея лейпцигского теософа заключается в том, что буквы еврейского алфавита внезапно появляются из грозовых туч Ацилут, пронзенных сефиротическими лучами.

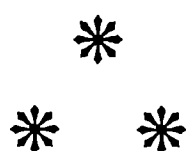
Показать, как двадцать две буквы священного иероглифического алфавита рождаются из контраста между Светом и Тьмой — буквы, соответствующие, как известно, двадцати двум арканам Абсолютной Доктрины,

¹⁰⁰ Этот оккультный смысл исходит от слова *Малкут*, מלכות, Царство (10-я сефира), производного от *Мелек*, מלך, Царь.

В Каббале *Малкут* выражает Царство Астрального, опору физических творений, осуществляющее объективации.

СЕФИРОТ			СООТВЕТСТВУЮТ		
כתר	Кетер		הי"ת הקדוש	Хайот Хаккадош	Провиденциальные Разумы
הכמה	Хокма	...	אופנים	Офаним	Двигатели звездообразных колес
בינה	Бина		ארלים	Аралим	Сильные
חסד	Хесед		השפלים	Хашмалим	Ясные
גבורה	Гебура	...	שרפים	Серафим	Ангелы, горящие усердием
תפארת	Тиферет		פלאכים	Малахим	Цари сияния
נצח	Нецах		אלהים	Элохим	Боги (посланники Бога)
הוד	Ход		בני אלהים	Бени-Элохим	Сыны Бога
יסוד	Йесод		כרכים	Керубим	Служители астрального огня
מלכות	Малкут		אישים	Ишим	Прославленные Души

выраженным в пантаклях двадцати двух ключей *Цыганского Тафо*, — не означает ли это кратко изложить в одном поразительном образе все учение «*Книги становления*», «*Сефир Йецифа*» (ספיר יציפה)? В самом деле, Генрих Кунрат показывает, как эти эмблемы, то лучезарные, то мрачные, таинственные фигуры, символизирующие как *Fas*, так и *Nefas*¹⁰¹ вечного Рока, рождаются из плодотворного соединения Тени и Света, Заблуждения и Истины, Зла и Добра, Бытия и Небытия! Так на горизонте внезапно возникают неожиданные фантомы с улыбающимися или скорбными, сияющими или грозными лицами, когда Феб, в очередной раз побеждая Пифона, мечет золотые стрелы в нагромождение плотных, темных туч.

Помещенная здесь таблица должна показать, наряду с реальным смыслом Сефир, те соответствия, которые устанавливает каббала между ними и духовными иерархиями (см. таблицу на предыдущей странице).

Чтобы дополнить те элементарные представления, которые нам удалось высказать по поводу сефиротической системы, мы завершим данную работу хорошо известной схемой тройного тернера, приводимого к Единству посредством декады; на наш взгляд, эта классификация отличается наибольшей ясностью и наиболее богата ценными следствиями (см. следующую страницу).

Три тернера отображают троичность, проявленную в трех мирах.

Только первый тернер — интеллектуальный мир — служит абсолютным выражением Святой Троицы: *Провидение* уравнивает здесь две чаши весов, *Мудрость* и *Понимание*, в божественном порядке.

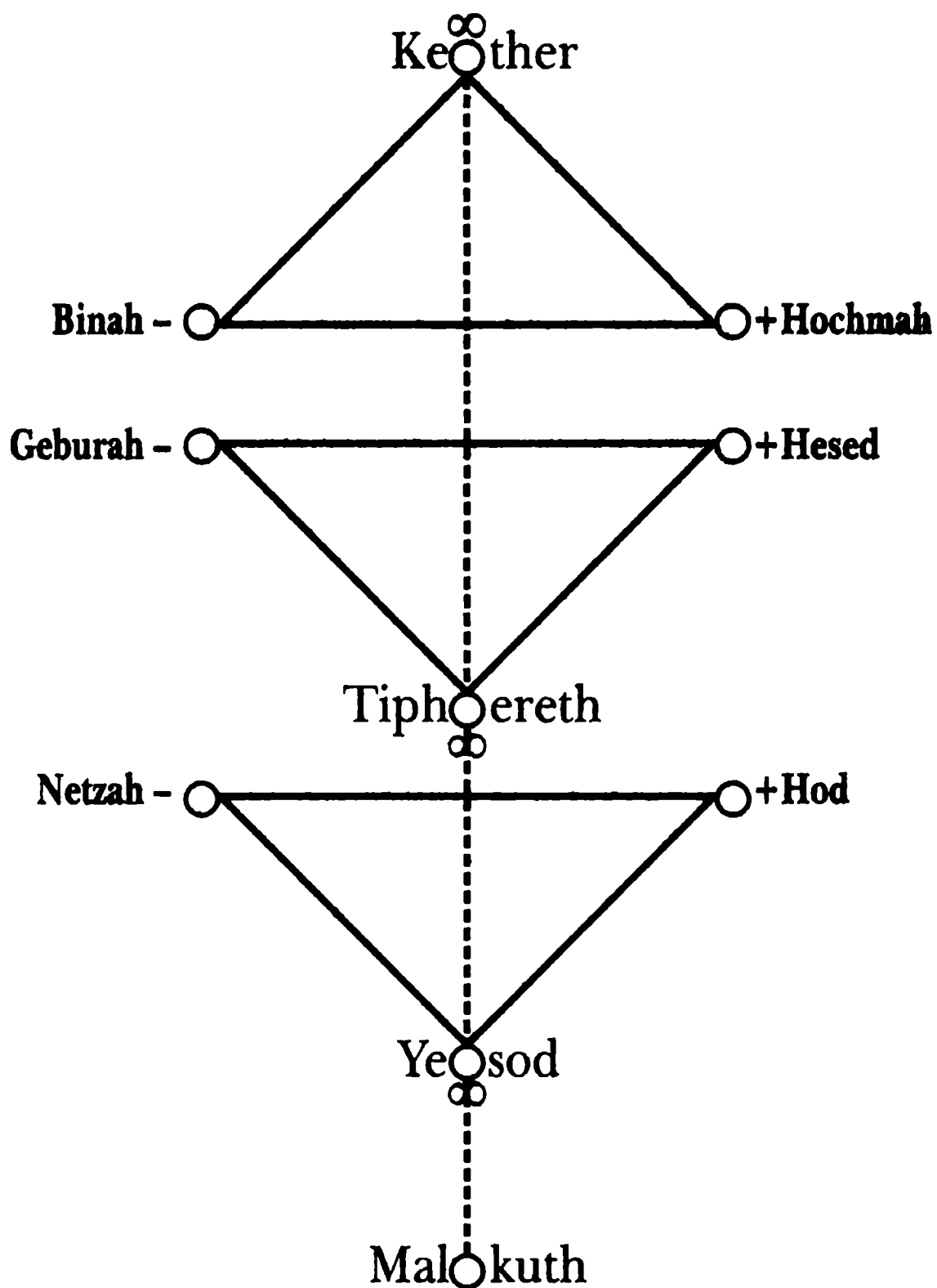
Два нижних тернера — лишь отражения первого в более плотных средах нравственного и астрального миров. Поэтому они *перевернуты*, подобно изображению предмета, отражающегося на поверхности жидкости.

В нравственном мире *Красота*¹⁰² (Гармония, или Правильность) уравнивает чаши весов *Милосердие* и *Справедливость*.

В астральном мире *Порождение*, орудие стабильности существ, обеспечивает *Победу* над смертью и небытием, питая *Вечность* неиссякаемой вереницей эфемерных существ. Наконец, Малкут, *Царство* форм, осуществляет внизу всеобъемлющий, развернутый, совершенный синтез Сефир, предшествующий, потенциальный синтез которых заключает в себе Кетер, *Провидение* (или Корона), вверху.

¹⁰¹ [природный] Закон и Беззаконие (лат.)

¹⁰² «Magnus Adam est Tiphereth» (лат., «Большой Адам есть Тиферет»). (Conclus. Kabb.)

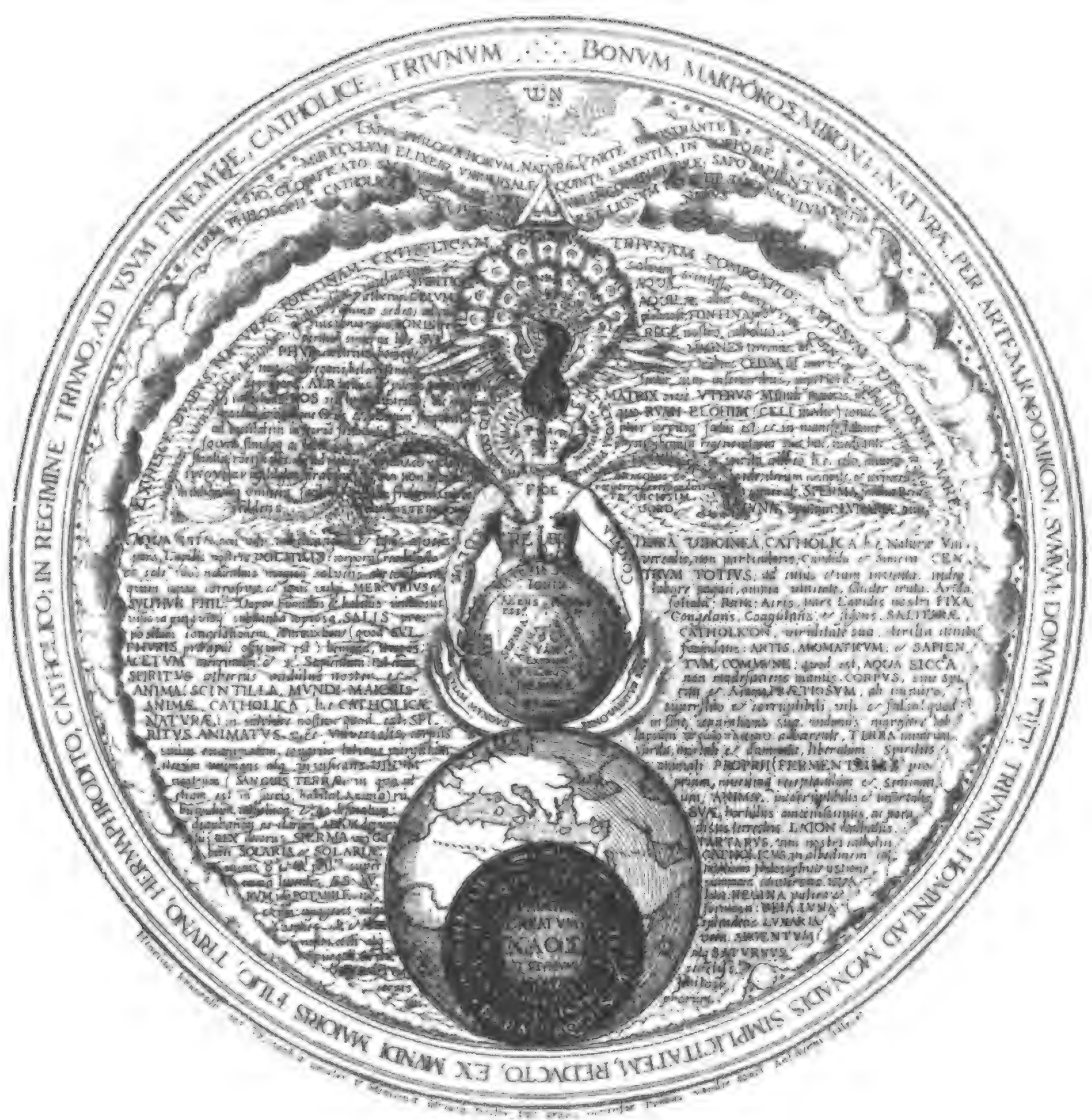

Многое можно было бы еще сказать о символической Розе-Кресте Генриха Кунрата. Но нам придется этим и ограничиться.

К тому же нормальное, логическое изложение вопросов, на которые мы бегло указали в этих заметках, заняло бы целую книгу; поэтому читатель неизбежно сочтет наш комментарий слишком абстрактным и даже «темным». Мы приносим ему здесь свои глубокие извинения.

Быть может, если он возьмет на себя труд изучить Каббалу по ее первоисточникам, то ему приятно будет обнаружить в процессе этого тяжеловесного изложения и столь утомительного чтения, точное указание и даже объяснение на инициатическом языке довольно большого числа трансцендентных арканов.

Так же, как в алгебре, в Каббале есть свои уравнения и свой технический словарь. Читатель, этому языку необходимо научиться, и его удивительная точность и привычное использование сполна вознаградят тебя впоследствии за те усилия, которые твой дух, возможно, приложит в период его изучения.

III

АНАЛИЗ АНДРОГИНА

ПО ГЕНРИХУ КУНРАТУ

Поясное изображение *большого Андрогина*, на первый взгляд, представляет собой герметический, или хризопеический, пантакль.

Это, конечно же, непосредственный и основной смысл эмблемы, в чем легко убедиться, рассмотрев второстепенные детали, размещенные вокруг центральной фигуры, и если только мы отважимся прочесть весьма подробные латинские тексты, покрывающие весь рисунок, то у нас исчезнут любые сомнения относительно предмета неослабного интереса теософа, которым была, в первую очередь, алхимия.

Но поскольку в Магии аналогические соответствия между мирами абсолютны, отсюда вытекает, что любое оккультное слово, произнесенное в одной из трех сфер, естественно пробуждает отклик в двух других: это всегда одна и та же нота, октавой выше или октавой ниже. Следовательно, смысл символов отличается множественностью и может быть установлен по строго определяемой *a priori* шкале.

Герметическое объяснение нашей гравюры соответствует естественному, или положительному, смыслу. Нравственный, или сравнительный, смысл требует психологического объяснения, а духовный, или превосходный — метафизического объяснения.

В нашем комментарии к Розе-Кресту Кунрата мы поставили перед собой задачу в некотором роде совместить все три значения: но на сей раз мы попытаемся указать их по отдельности.

Впрочем, здесь наши интересы сосредоточены главным образом на алхимическом толковании, поскольку оно явно преобладает над двумя другими в замысле автора.

Нам представляется логичным изложить его в самом начале — и мы полагаем, что приятно удивим публику, уступив перо своему собрату, хорошо известному и любимому ею. Папюс, еще до нас приступивший к практическому изучению спагирии (и добившийся успеха в различных опытах весьма своеобразного рода), соблаговолил подарить нам несколько страниц, на которых только ему, возможно, удастся с отменным мастерством сочетать глубину идей и чистоту стиля.

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ, ИЛИ ЕСТЕСТВЕННЫЙ, СМЫСЛ ЭМБЛЕМЫ

В изложении Папюса

УСТУПАЯ желанию нашего друга и собрата Станисласа де Гуайта, мы изложим в нескольких строках сугубо алхимический смысл пантакулярного рисунка Кунрата.

Таким образом, рамки, которые мы для себя установили, строго определены, и нам придется ограничить свое честолубие изложением самых общих понятий, которые раскрывает этот великолепный символический синтез.

Философский Камень «предоставил» неопровержимые доказательства своего существования: однажды мы попытались это показать, опираясь на исторические факты¹⁰³.

Боже мой! Да, скептический читатель, напрасно ты смеешься над всеми этими легендами о старинных алхимиках, посвятивших всю свою жизнь и растративших всё свое состояние, занимаясь Великим Деланием; это не блестящие химеры; в основе всего этого скрывается сверкающий луч истины, и десять тысяч томов, в которых обсуждаются эти вопросы — вовсе не творения недостойных шарлатанов или бесстыдных фальсификаторов.

Книги по алхимии написаны таким образом, чтобы вы могли очень просто представить себе все те феномены, которые следуют один за другим при изготовлении Философского Камня, но вам самим так никогда и не удалось бы его изготовить.

Причина этого совершенно проста. Мастера всегда скрывали название первовещества, необходимого для делания, а также способ обработки и надделения силой этого первовещества путем использования философского огня, или очеловеченного астрального света. Стало быть, необходимо сказать пару слов о тех явлениях, которыми отмечено изготовление Философского Камня, а иначе вы никогда не поймете нашего объяснения символической гравюры Кунрата, рассмотренной с алхимической точки зрения.

Когда вы поместите два продукта, о происхождении которых алхимики благоразумно умалчивают, в стеклянное яйцо атанора и позволите тайному

¹⁰³ *La Pierre philosophale, preuves irrefutables de son existence par Papus, Carre editeur.*

огню воздействовать на эту смесь, то у вас на глазах начнут происходить различные весьма интересные феномены.

Вещество, содержащееся в атаноре, в самом начале становится абсолютно черным. Оно кажется гниющим и полностью испорченным, но именно тогда алхимик радуется, ибо он узнает первую стадию эволюции Великого Делания, именуемую Головой Ворона, или Хаосом.

Этот цвет сохраняется в течение нескольких дней или часов, в зависимости от мастерства алхимика — и вслед за этим, почти без перехода, вещество приобретает довольно яркую белую окраску. Этот цвет указывает на то, что соединение двух продуктов, помещенных в атанор, осуществилось и половина работы завершена.

За этим белым цветом следуют разнообразные цвета, согласно восходящей последовательности по отношению к солнечному спектру, то есть начиная с фиолетового и поднимаясь через различные нюансы к пурпурно-красному, который указывает на конец Делания.

С этими явлениями окрашивания связаны другие, чисто физические факты: чередования летучести и устойчивости, отвердевания и полурасплавления вещества; факты, которые вынудили алхимиков сравнить создание Философского Камня человеком с творением Вселенной Богом (говоря феноменально). Великий закон оккультной науки, Аналогия, оправдывает все эти заключения, но останавливаться дольше на этих вещах означало бы выйти за рамки нашей темы.

Запомним просто три великих состояния, через которые проходит вещество — черное, белое и красное, — и, вооружившись этими сведениями, приступим к объяснению нашего рисунка.

С первого же взгляда мы замечаем три больших круга, каждый из которых разделен на три других.

В центре нижнего круга большими греческими буквами написано слово **ΧΑΟΣ** (Хаос).

В среднем круге выделяется слово **REBIS** (Ребис).

И, наконец, верхний круг представляет слово **AZOTH** (Азот).

Хаос — Ребис — Азот: таковы три термина, которые позволят нам понять общий смысл нашего рисунка.

ΧΑΟΣ (1-й круг)

Нижний круг указывает на создание Первовещества и являет нам образ Вселенной. Он символизирует, в частности, **ЧЕРНЫЙ ЦВЕТ** делания, или **Голову Ворона**.

Мы не собираемся вдаваться во все подробности приготовления, раскрытые в словах, содержащихся в этом круге; мы просто докажем истинность

нашего объяснения с помощью отрывка из «Мифо-герметического словаря» Пернети:

«Этот хаос, возникающий в результате улетучивания, эта водная бездна постепенно позволяет рассмотреть землю, по мере того, как влага возгоняется в верхнюю часть сосуда. Поэтому герметические химики считали себя вправе сравнивать свое делание, или то, что происходит во время этих операций, с развертыванием Вселенной во время творения».

(Пернети)

РЕБИС (2-й круг)

Второй круг представляет нам таинственную фигуру герметического Андрогина (Солнце и Луна). Наш ученый собрат де Гуайта покажет каббалистический смысл этой важной фигуры. Нам же достаточно сказать, что, с алхимической точки зрения, она выражает БЕЛЫЙ ЦВЕТ делания, проистекающий из соединения двух принципов — положительного и отрицательного.

Изречение Etiam Mundus Renovabitur Igne¹⁰⁴, соответствующее знаменитому Igne Natura Renovatur Integra¹⁰⁵ (INRI оккультного франкмасонства), указывает на то, что в этот момент начинается приложение к веществу философского огня.

Квадрат элементов, или стихий (Ignis, Aqua, Terra, Aer¹⁰⁶), заключающий в себе треугольник строения всех существ (Anima, Spiritus, Corpus¹⁰⁷), указывает на теорию 2-й ступени Делания.

Треугольник Separa, Dissolve, Depura¹⁰⁸, заключенный в четырехугольник Solve, Fige, Coagula, Comprime¹⁰⁹, указывает на практику этой второй ступени герметического делания.

Наконец, все эти операции приводят к созданию одной-единственной вещи — Ребиса, который Пернети описывает так:

«Минеральный дух, грубый, как вода, говорит добрый Тревизанец, смешивается со своим телом в первом декокте, растворяя его. Поэтому его называют Ребисом, поскольку он состоит из двух вещей, а именно — мужского и женского, то есть растворителя и растворяемого тела, несмотря на то, что, в сущности, это одна и та же вещь и одно и то же вещество».

(Пернети)

¹⁰⁴ Так мир обновился огнем (лат.)

¹⁰⁵ Вся природа обновляется огнем (лат.)

¹⁰⁶ Огонь, Вода, Земля, Воздух (лат.)

¹⁰⁷ Душа, Дух, Тело (лат.)

¹⁰⁸ Отдели, Раствори, Очисти (лат.)

¹⁰⁹ Раствори, Закрепи, Сгусти, Соедини (лат.)

АЗОТ (3-й круг)

Символом третьего круга выступает алхимический Феникс. Эта чудесная фигура ясно указывает на астральный Огонь со всеми его тайнами. Павлиньи перья символизируют разнообразные цвета, которые приобретает вещество под воздействием этого философского огня, который нагревает, не сжигая, этого влажного и тонкого огня, обозначенного крыльями Феникса.

Впрочем, само слово Азот указывает на смысл всей фигуры:

«Азот, по словам Планискампи, означает средство соединения и сохранения, или универсальное лекарство. Планискампи отмечает также, что термин Азот следует рассматривать как принцип и цель всех тел и что он скрывает в себе все каббалистические свойства, подобно тому, как он содержит первые и последние буквы трех материнских языков: Алеф и Тау древнееврейского, Альфу и Омегу древнегреческого и А и Z латинского».

(Пернети)

ЭЛОХИМ

Над этими тремя кругами сияет в мистическом треугольнике священное имя ОН-БОГИ, Элохим, символ совершенного Философского Камня.

Здесь мы непосредственно вступаем в область каббалы; поэтому мы вынуждены завершить это, и так уже затянувшееся, изложение, чтобы читатель мог развить его по своему усмотрению, с помощью тех основных сведений, которые мы ему предоставили.

ПАПЮС

Мы мало что можем добавить к этому щедрому и точному герметическому объяснению. Мы ограничимся лишь тем, что как можно более кратко наметим два каббалистических смысла центральной фигуры.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ, ИЛИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ, СМЫСЛ ЭМБЛЕМЫ

Андрогин — самый поразительный образ *человеческого Царства*, сведенного к своему сверхчувственному принципу.

На чисто иероглифическом языке это абсолютный символ того *Скрытого Существа*, которое *проявляется вовне* посредством того, что Фабр д'Оливе называет его «действующей волевой способностью»; того *Вселенского Существа*, которое *индивидуализируется* путем неограниченного деления во времени и пространстве; наконец, того, *Духовного Существа*, которое *воплощается в теле* и *впадает в материю* за то, что оно *вознамерилось стать центром* и *отдалилось от божественного Единства* — центрального принципа и важнейшего источника всякой духовности.

Согласно эзотерическому толкованию Моисея¹¹⁰, этапы грехопадения таковы: Универсальный Адам, אָדָם, проявляет Айша, אִישָׁא; с тех пор он сам становится Айш אִישׁ; это *потенциальный Интеллект* человека, который *реализуется*, проявляя *Волю*. Но неправильное использование этой воли приводит к падению их обоих (мужчины и женщины: Интеллекта и Воли) в элементарный мир: Айша преобразуется в Хева, חַוָּה, материализованную Жизнь, супругом которой становится Адам.

Как вы знаете, мы уже давали в другом месте объяснение Хева, или Хеве, חַוָּה. Дабы не усложнять и без того слишком длинное примечание по поводу И-еве и Адам-еве¹¹¹, мы забыли тогда отметить преобразование в ח, Хет, первого ה, Хе, в חַוָּה (Гева), которое становится חַוָּה (Хава). Это отверждение начального гласного иероглифически обозначает грехопадение Адама и его последствие: материализацию в нем универсальной Жизни.

Так вот, Андрогин Кунрата представляет собой *Адама-Еву*, или Универсального человека, рассеянного в материи и погрязшего в ста-

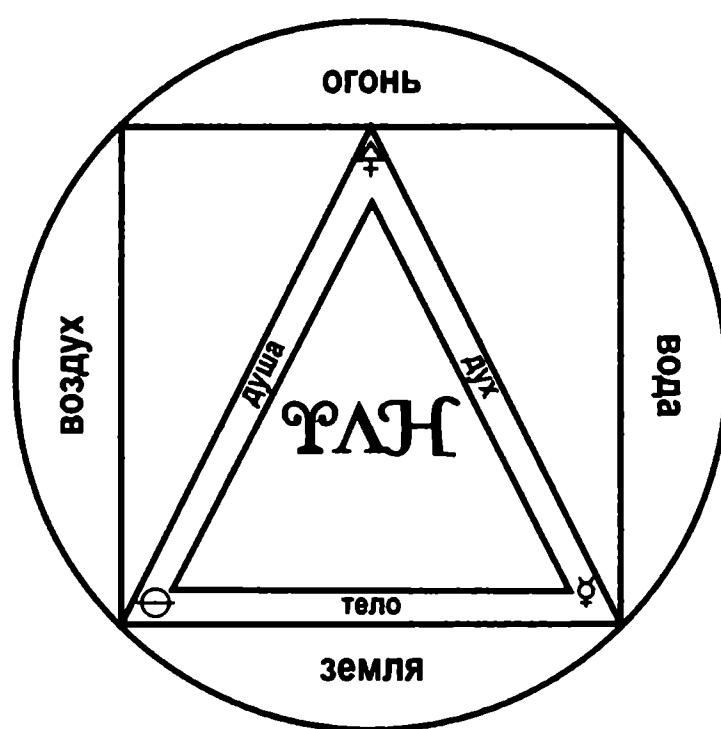
¹¹⁰ См. Fabre d'Olivet, *Langue hebraïque restituée*, t. II.

¹¹¹ Стр. 95—96.

новлении: это выражает сфера стихий Гиля (УЛН)¹¹², который Андрогин держит в руках.

В эту сферу вписан *квадрат стихий*, а в этот квадрат — *адамический треугольник*: тело, душа, дух.

Эта геометрическая схема тождественна и строго соответствует иероглифу, который используют алхимики в качестве эмблемы завершенного герметического делания, полученного философского камня: . В самом деле, Великое Делание заключается в том, чтобы сжать Дух (символизируемый треугольником) под гнетом материи (символизируемой крестом из 4-х элементов). *Се́ра* же алхимиков — это, наоборот, Материя, подчиненная Духу; поэтому адепты, которые всегда последовательны, обозначают ее тем же знаком, но только перевернутым: ¹¹³.

Возвращаясь к треугольнику, который заключен в квадрат, вписанный в круг: можно ли более точно изобразить падение человека, заточенного в четырех стенах своей зловещей тюрьмы?.. И если мы перейдем от общего к частностям, то не увидят ли посвященные в этом *живом тернере*, подавляющем и удерживающем в плену *кватернер стихий*, эмблему грозного аркана? Не подумают ли они об индивидуальной адамической душе, вначале увлеченной головокружительным вихрем перерождений, а затем барахтающейся посреди четырех стихийных потоков, которые за нее борются? Бедная душа, раздираемая между этими четырьмя гибельными силами, отчаянно пытается достичь и завладеть центральной, сбалансированной точкой; узловым, един-

¹¹² В центре шара и треугольника — моя надпись.

¹¹³ Клод де Сен-Мартен в своей «*Картине естества*» (стр. 261—262 первого тома) дает глубоко ошибочное объяснение этих двух знаков. То, что он говорит об одном, непременно распространяется и на другой, и наоборот. Нет ничего более поразительного, чем подобное смешение у столь достойного теософа.

ственным в своем роде пересечением; спасительным местом, где ее воплощение сможет осуществиться, по крайней мере, в гармоничной, уравновешенной и *синтетической* форме человека!

Если, к несчастью, она позволит увлечь себя в сторону одному из потоков, то какой будет ее участь? Во что она превратится? В нечто элементарное в природе или, если ей удастся воплотиться, в бедное бессознательное, надолго померкшую божественную искру и пленницу одной из *аналитических*, крайних, анархических форм животного мира!¹¹⁴

Обратимся к магическому рисунку, к этой субстанциальной сфере Гиля, которую вечно перерабатывает и обновляет тайный Свет вселенной: *Etiam mundus renovabitur igne...* От принципа инкарнации, соответствующего указанной сфере, перейдем к реализации, приведению в действие этого принципа. Нам нужно спуститься к нижней сфере, где Кунрат изобразил континенты и моря, и остановить свой взгляд на земном шаре, рассматриваемом как образец всех центров материального сжатия, где вселенский Адам-Ева рассеивает свои долговые единицы.

Здесь находится царство того ХАОС, или первозданной субстанции; того *Тоху ва-боху* **תהו ובהו**; той потенциальной бездны (*Том* **תהום**), порождающей двойные воды (*Маим* **מים**), на поверхности которых порождающее дыхание (*Руах Элохим*, **רוח אלהים**) проявляет свою оплодотворяющую способность. Лейпцигский теософ раскрывает здесь для тех, кто умеет читать, несколько арканов, касающихся материального генезиса миров. К тому же начертанные формулы вполне «прозрачны», и с ними следует внимательно ознакомиться...

Вселенский Адам, возжаждав распада, скатился на самое дно «канавы»; он погряз в клоаке дифференцированной субстанции, продукте самого его грехопадения; он дробится, не в силах никогда себя исчерпать, сея в изобилии всё более разумные, нравственные и сознательные живые души даже в самые скромные формы бытия и становления. Но это еще не всё: ему предначертано судьбой, чтобы, *разделившись* до бесконечности, он восстановился в своем *онтологическом единстве*; чтобы, *спустившись*, он *поднялся*; и, наконец, чтобы, пройдя *инволюцию*, он прошел *эволюцию*.

¹¹⁴ И дабы охватить единым взглядом два взаимодополняющих генезиса: генезис *принципов умопостижаемого порядка* и генезис *истоков чувственного порядка*, представим себе на миг тысячи сперматозоидов, борющихся за существование в капле человеческой спермы! Какие скачки с препятствиями!.. Ах, не смейтесь, ведь это почти кощунство, преступление против человечества. Каждое из этих крошечных существ представляет человеческую жизнь в потенции или, как сказал бы Фабр д'Оливе, в возможной способности существовать в некой способности существования. Ибо тот, кто, первым достигнув цели, оплодотворяет яйцеклетку, в буквальном смысле открывает врата земной жизни, дабы впустить одну из этих адамических душ, жадно стремящихся получить физическое тело и толпящихся у порога объективного бытия.

Мы не будем касаться проблемы — столь волнующей в своей оккультной глубине — искупления минерального, растительного и животного царств: эта тайна никогда не будет полностью раскрыта¹¹⁵. Но, когда адамическое существо совершит две трети своего обратного пути и, уже частично избавившись от тесных и деспотических пут, надеваемых на него судьбой физической природы, оно сможет эволюционировать до самой человечности, нам позволено высказать некоторые предположения о его возвращении к словесному синтезу — небесному Адаму.

С помощью каких усилий человек во плоти может вновь обрести Эдем своей коллективной божественности? Прежде всего, путем установления уже на этом свете *синархического Государства*¹¹⁶.

¹¹⁵ Лишь несколько слов; послушайте все те, кто способен уловить дух аркана под покровом грубого, материального образа. Мы скажем лишь *несколько слов*.

Если духовная душа полностью омрачается в камне — последней точке или, скорее, *конечном результате инволюции*, то как Сознание может постепенно пробуждаться в процессе эволюции развивающихся форм, проходя через минеральное, растительное и животное царства?..

Какой *Deus ex machina* (лат. букв., «Бог из машины») приходит ей на помощь? Одним словом, как Сознание избавляется от абсолютной Бессознательности по мере эволюции?

Мы спросим вас: не положила ли Вечная Мудрость предел падению Адама и не установила ли, поставив непреодолимую преграду, его *нисхождение в преисподнюю небытия*?

Эта провиденциальная стена носит название *Материи*. Как только дух полностью завладевает ею, он *не может спускаться дальше*. Сам Бог сказал ему: «Дальше ты не пойдешь».

Подобно расплавленному металлу, который вдали от центрального очага внезапно застывает, становясь рабом своей собственной природы, состоящей в том, чтобы затвердевать на холоде, точно так же и духовная душа, удаленная от божественного источника, уплотняется, объективируясь; таково происхождение материи, своего рода «средней позиции», компромисса между бытием и небытием; пассивной конкретизации, в которую дух способен проникнуть и переработать ее, но не может выйти за ее пределы!

И когда, увлекаемый своим падением, дух наталкивается на это непреодолимое препятствие, он неизбежно должен отскочить; вот откуда берется это искупительное движение: *возвратная эволюция*!

Сам импульс адамического грехопадения определяет обратное восхождение. В силу вступает закон *пропорциональной Реакции*.

Вечно несовместимая с *Небытием*, в котором она увязает, падшая духовная душа обретает в глубине своей оккультной природы случайный принцип резкой остановки, который отбрасывает ее назад.

Инволюция упирается в свой неопровержимый, фатальный, или провиденциальный предел. Полученное движение не может исчезнуть или пропасть... оно отражается и обращается вспять.

Инволюционное падение приостанавливается; сама сила вещей требует реакции: начинается *искупительная Эволюция*.

¹¹⁶ В оригинале используется термин *Etat social* (букв. «социальное государство»). Поскольку в современной социологии он имеет совершенно иной смысл, мы решили заменить его при переводе практически равнозначным термином «синархическое государство». (Прим. перев.)

На чем же зиждется такое *синархическое Государство*? Прежде всего на *Семье*.

А на чем держится *Семья*? Прежде всего на *Любви*.

Любовь представляется нам во всех ее различных формах важнейшим принципом искупления и основным инструментом реинтеграции.

По отношению к индивидам Любовь, действительно, служит нравственным «узлом», связывающим мужчину и женщину; относительно душ — она еще и магнетический призыв к объективной жизни: именно она, наполняя души сладостным беспокойством, настойчиво побуждает их воплощаться и кружит их, побежденные, в роковом вихре перерождений. Наконец, по отношению к синархическому Государству, любовь служит неумолимым «прокуратором» рас: она одолевает влюбленных, овладевает ими, не дает им покоя — и, внушая им страсть, которую они сами способны утолить лишь путем соединения полов, она непрестанно открывает бедным душам узкие врата физического и земного существования.

И это еще не всё: странное размножение индивидуальных типов вдоль всей цепи родственных связей; этот феномен, весьма расплывчатое название которого, «атавизм», привлекает внимание стольких мыслителей лишь в качестве непостижимой тайны, так вот, ключами от этого явления владеет Любовь!.. В другом месте мы увидим, что в своей возвышенной форме Милосердия Любовь также способствует вначале индивидуальному восхождению душ, а затем их брачному соединению в виде двуполых и взаимодополняющих групп, гармоничное слияние которых в математической прогрессии скрепляет относительный синтез, обретающий свой абсолютный предел только в Боге.

Любовь — *третий лик адамической троицы*; поскольку, образуя общее звено между двумя супругами, их чувственное отношение, одним словом, их «среднюю позицию», она исходит как от мужчины, так и от женщины, подобно тому, как Святой Дух исходит от Отца и от Сына¹¹⁷. Не является ли Любовь также подлинным *агентом* инкарнации? Агентом, на самом деле, *зачинающим* ребенка? Ведь нам мистически поведано, что несмотря на то, что Христос был *порожден* Отцом, *зачат* Он был Святым Духом. Все эти аналогии предельно точны.

К тому же сам *Святой Дух* — это не что иное, как *божественная Любовь*, то есть Любовь, *вознесшаяся в духовный мир*, тогда как *притяжение* — не что иное, как *космическая Любовь*, то есть любовь, *преломленная в элементарном мире*.

¹¹⁷ Поэтому *Азот Мудрецов*, принцип *притяжения*, образует третье лицо герметической троицы: ♁, ⊖ и ☿ *Сера*, *Соль* и *Меркурий* (или *Азот*).

Все, что верно для божественного, или превосходного, и естественно-го, или положительного, миров, не менее верно для нравственного, или сравнительного, мира. Любовь — третий член человеческой Троицы, поскольку именно она, как мы видели, зачинает ребенка, рожденного от Отца и Матери; и поэтому феникс, возрождающийся из пепла, распрямляет крылья и машет ими между мужской и женской головами. Эмблема вечной плодовитости, феникс представляет, с каббалистической точки зрения, Любовь в пантакле Кунрата.

Само собой разумеется, при рассмотрении большого андрогина, мужская голова оказывается солярной, а женская — селенической. Из правой груди, обозначенной знаком серы, ☿, и левой груди, обозначенной знаком соли, ☽, бьют два вечных источника: символ двух энергий, активной и пассивной, взаимно воздействующих друг на друга, для того чтобы оживить и привести в действие порождающую субстанцию философского Компоста. Знак Меркурия, помещенный на пупке, указывает на среднее деление ☽ посредством ☿.

Две руки, на которых написаны два таинственных предписания: *Coagula, Solve*, поддерживают сферу оккультных элементов. Тем самым Кунрат наставляет нас, что Маг, или совершенный человек, обозначенный Андрогинном, способен властвовать над всем элементарным миром в целом и воздействовать на порожденную Натуру со своеобразным всемогуществом, проецируя или притягивая к себе астральный Свет, этот субстрат квинтэссенции.

Рассматриваемый в качестве орудия универсальных трансмутаций, владыкой и регулятором которого человек может стать, астральный Свет раскрывается во всем объеме своего действия посредством формулы, написанной темными буквами на тройном и шестикратном снопе пламени, которое вырывается и пылает у основания центральной сферы.

Но рассматриваемый в качестве самой субстанции вселенской живой Души (*Нефеш-ха-Хайа נִפְשׁ הַחַיָּה*), которая различается и специфицируется в бесчисленных формах, чтобы породить существа четырех царств¹¹⁸, астральный Свет становится *Азотом Мудрецов*, и Кунрат изображает его с помощью иероглифа феникса, помещенного, подобно диковинной диадеме, на двойном лбу андрогина. Павлиний хвост, которым эта странная птица вдобавок украшена, служит в алхимии, как указал Папюс, эмблемой великого делания в данной точке его спагирической эволюции. Множество переменчивых цветов, появляющихся тогда перед глазами, отсвечивают и словно бы отливают тысячей обманчивых отблесков. В сравнительном смысле павлиний

¹¹⁸ Минерального, растительного, животного и человеческого.

хвост, богатый и многоцветный, представляет бесчисленные формы и бесконечно разнообразные нюансы, в которые материя — проникнутая, переработанная и усиленная духом — облачается в восходящем движении всех существ к Существу. Это царство Ионы (יֹנָתַן), та неиссякаемая *плодовитость*, которую проявляет, согласно четверному умножению, живая душа, распределенная безо всяких различий среди всех существ вселенной¹¹⁹. Иерограф очень точно выражается по этому поводу: *«Птица Гермеса — это блаженный принцип растительной жизни, который, действуя в духовной глубине телесных вещей, является самой душой Естества, или квинтэссенцией, способной привести к зарождению всех вещей»*.

Наконец, верхний треугольник, изображающий совершенный философский камень, этот треугольник, в котором Папюс прочитал слово Элохим (אֱלֹהִים, *Он-Боги*) и где мы склонны видеть скорее слово Аорим (אֹרִים, *Светы*, (т. е. принцип всех светов: естественного, сверхфизического и духовного), — это тройное проявление *божественного огня*, исходящего свыше: שֵׁן, *Эш*. Этот огонь навсегда скрывает под покровом непроницаемого сияния саму сущность невыразимого Единства: причинный принцип, откуда эманерирует универсальный Адам в начале инволюции, и целевой принцип, куда, завершая общую эволюцию существ, он должен, наконец, реинтегрироваться и скрыться.

¹¹⁹ См. в *Lotus*, n° 12, pages 338—343, что мы говорим об *Ионе*.

Чтобы выявить значение нашего пантакля с чисто метафизической точки зрения, следовало бы раскрыть все тайны невыразимой Тетраграммы (Йод-хе-вау-хе), этого божественного синтеза живой Вселенной.

Но, с одной стороны, было бы напрасно повторять здесь довольно подробные и окончательные объяснения, уже приведенные на различных страницах этой книги; а с другой стороны, неизреченный характер Абсолюта, этого Неназываемого, проявленного в имени יהוה , противостоит любым усилиям наших аналитических и относительных языков.

Так что мы будем чрезвычайно скупыми на разъяснения: следует ограничить эту заметку несколькими очень краткими указаниями.

Нам достаточно отметить, что *Эш*, שׁ представляет чистый, универсальный, принципирующий Дух, ткущий оболочку из сверхчувственного света для мистического *Айн-Соф*, אין סוף , *бытия-небытия*: абсолютного Бытия по отношению к самому себе, поскольку оно *есть* одно в первоначальном смысле¹²⁰; и небытия по отношению к нам, конечным и случайным, поскольку Относительное не может постичь Абсолютного.

Треугольник *Аорим*, אורים , представляет Слово, нерушимое соединение универсального Духа и универсальной Души: подобно тому, как *Адам-принцип* порождает *Еву-способность* и составляет с ней одно целое; и подобно тому, как *Огонь*, שׁ , порождает *Свет*, אור , и составляет с ним одно целое, точно так же *Универсальный Дух* порождает *коллективную Душу* и отныне составляет с ней одну и ту же вещь: Слово.

¹²⁰ *Эйе ашер Эйе*, איה אשר איה : *Бытие есть Бытие*. Фундаментальная аксиома каббалистической теологии. Ее неизбежное следствие, имеющее неисчерпаемое значение, можно сформулировать так: *Sum, ergo Esse*.

Этот аркан, похоже, еще полнее выражает центральная фигура большого Андрогина. Из мужского ' эманурует женская ׀. Их синтез Иах, ׀', представляет собой однородную, логичную ассимиляцию: вечный символ *Отца*, порождающего *Сына* (посредством небесной *Матери*, или *Natura naturans*) и воспроизводящего самого себя в лице этого Сына. Что же касается птицы Гермеса, парящей над Андрогинном, то в ней следует усматривать *Святой Дух* ', исходящий от Отца и от Сына, от Бога и от Человечества. Наконец, шары внизу обозначают *Царство* (*Малкут*, מלכות), сферу действия второй ׀, где проявляется неистощимая плодовитость Тетраграммы в области *natura naturata* — в мире формирующей субстанции, чувственных форм и подобий.

В той же степени, что и кватернер *Йод-хеве*, ׀׀׀', кватернер *Агла*, אלה может служить ключом к нашей эмблеме:

Первый *Алеф* (א=1) будет тогда обозначать принципиирующее Единство Вселенной; *Гимель* (ג=3) — тернер ипостасей в Боге; *Ламед* (ל=12) — развертывание духовного тернера, помноженного на чувственный кватернер (3×4=12), и рассеивание Универсального Бытия во Времени и Пространстве. Наконец, последний *Алеф* — принципиирующее и целевое Единство, точку отправления и прибытия; высшее единство, куда всё возвращается после двойного полукружного движения Спуска и Подъема¹²¹, Дезинтеграции и Реинтеграции, Грехопадения и Искупления.

Сопоставив это с ранее высказанными представлениями, находчивый читатель волен развить и дополнить с пользой для себя превосходный, или божественный, смысл каббалистического Большого Андрогина.

Мы не забыли сказать ничего существенного; но, провозгласив принципы, мы вовсе не стремились их доказать и еще менее — разъяснить те выводы, которые можно из них извлечь.

¹²¹ По лестнице Иакова.

IV

ИНИЦИАТИЧЕСКАЯ РЕЧЬ ДЛЯ ПРИЕМА В МАРТИНИСТСКУЮ ЛОЖУ ПРИСУЖДЕНИЕ 3-Й СТЕПЕНИ

Ты принял одну за другой три иерархических степени нашего Ордена; мы приветствуем тебя в качестве S.:I.:¹²², и когда ты перепишешь наши тетради и поразмыслишь над ними, то сам, в свою очередь, станешь Посвятителем. Твоим верным рукам будет поручена важная миссия: на тебя будет возложена обязанность, но тебе также выпадет честь создать группу, для которой ты станешь, перед своей совестью и перед Божественным Человечеством, интеллектуальным Отцом и, при необходимости, моральным Опекуном.

Тебе вовсе не собираются навязывать догматические убеждения. Считаешь ли ты себя *материалистом, спиритуалистом или идеалистом*; исповедуешь ли ты *христианство или буддизм*; объявляешь ли себя *вольнодумцем* или предпочитаешь абсолютный скептицизм, в конечном счете, это для нас совершенно безразлично: и мы не станем задевать твое сердце, досаждавая твоему духу проблемами, которые ты должен решать только наедине со своей совестью и в торжественной тишине своих усмирённых страстей.

¹²² S.:I.: — Supérieur Inconnu (фр.), Высший Неизвестный.

Если только ты воспламенен настоящей любовью к своим людским собратьям, то никогда не пытаешься расторгнуть узы солидарности, которые тесно связывают тебя с Человеческим Царством, рассматриваемым в его синтезе, ты принадлежишь к высшей и поистине универсальной¹²³ религии, поскольку именно она проявляется и навязывает себя (многообразная, но в сущности тождественная самой себе) под покровом всевозможных экзотерических культов Запада и Востока.

Психолог, дай этому чувству название, какое тебе будет угодно: любовь, солидарность, альтруизм, братство, милосердие.

Экономист или философ, назови его тенденцией к социализму, если хочешь... к коллективизму, к коммунизму... Слова не важны!

Мистик, почитай его под словами Богоматерь или Святой Дух.

Но кем бы ты ни был, никогда не забывай о том, что во всех действительно подлинных и глубоких религиях, то есть основанных на эзотеризме, претворение в жизнь этого чувства является первой, основной, главнейшей заповедью самого этого эзотеризма.

Искренние и бескорыстные поиски Истины — вот долг твоего Духа по отношению к самому себе; братская снисходительность к другим людям — вот долг твоего Сердца по отношению к ближнему.

За исключением этих двух обязанностей, наш Орден не намерен предписывать тебе других, по крайней мере в повелительной форме.

Твоей вере не навязывается более никаких философских или религиозных догм. Что же касается доктрины, важнейшие принципы которой мы вкратце для тебя изложили, то мы просим тебя лишь беспристрастно обдумать ее на досуге. Традиционная Истина желает завоевать твое расположение путем одного лишь убеждения!

Мы открыли твоим глазам печати Книги; но тебе предстоит научиться вначале *читать* ее по *Буквам*, а затем постигать *Дух* тайн, которые эта книга в себе скрывает.

¹²³ Таков исконный смысл слова *католический*.

Мы дали тебе *первые уроки*: роль твоих *Посвятителей* должна этим ограничиться. Если ты *самостоятельно* придешь к пониманию Арканов, то заслужишь звание *Адепта*; но хорошо усвой: тщетно самые ученые мастера пытались бы открыть тебе высшие формулы магической науки и власти; Окультистную Истину невозможно передать посредством речи: *каждый должен мысленно представить, создать и развить ее в самом себе.*

Ты — *Initiatus*: тот, кого другие наставили на путь; постарайся стать *Adeptus*: тем, кто самостоятельно освоил Науку; одним словом, *всем обязан себе самому.*

Наш Орден, как я уже говорил тебе, ограничивает свои притязания надеждой оплодотворить благодатную почву, сея повсюду доброе зерно: наставления S.:I.: *точны, но элементарны.*

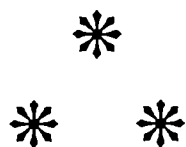
Независимо от того, удовлетворится ли твое честолюбие этой второстепенной программой или же судьба подтолкнет тебя однажды к порогу таинственного храма, где в течение многих веков сияет светлая сокровищница *Западного Эзотеризма*, послушай последние слова твоих незнакомых Братьев: и пусть они пустят ростки в твоем духе и принесут плоды в твоей душе.

Я заверяю тебя, что ты можешь найти в них *непогрешимый критерий Окультизма* и что именно здесь, а не в каком-нибудь другом месте, находится главный ключ к эзотерическому синтезу. Но зачем настаивать, если ты можешь понять и если ты хочешь верить? В противном случае тем более, для чего настаивать?

Ты волен принимать то, что мне осталось сказать, за *мистическую аллегорию, легковесный литературный вымысел* или даже *дерзкую ложь...*

Ты свободен; но Послушай; — прорастет ли зерно или сгниет — я буду сеять!

В начале, в основе Бытия, лежит Абсолют.

Абсолют — который религии называют Богом — не может быть постигнут, и тот, кто пытается дать ему определение, искажает представление о нем, приписывая ему границы: «Определенный Бог — это конечный Бог»¹²⁴.

Но из этого непостижимого Абсолюта вечно эманурует андрогинная Диада, образованная двумя неразрывно связанными принципами: животворящим Духом, ♂, и вселенской живой Душой, ♀.

Тайна их союза представляет собой Великий Аркан Слова.

Итак, Слово — это коллективный Человек, рассматриваемый в его божественном синтезе, до его распада. Это Небесный Адам до его грехопадения; до того, как это Вселенское Существо модализировалось, перейдя от Единства к Числу; от Абсолютного к Относительному; от Коллективности к Индивидуализму; от Бесконечности к Пространству и от Вечности ко Времени.

Вот несколько представлений традиционной доктрины о Грехопадении Адама:

Побуждаемые внутренней движущей силой, о сущностной природе которой мы должны здесь умолчать, силой, которую Моисей называет שפן, Нахаш¹²⁵, и которой мы, если тебе угодно, дадим определение эгоистическая жажда индивидуального существования, огромное количество фрагментарных Слов, потенциальных сознаний, смутно пробужденных в форме эманации в лоне Абсолютного Слова, отделились от этого Слова, которое их в себе заключало.

Они оторвались — ничтожные дольные единицы — от Матери-единства, которая их породила. Простые лучи этого оккультного солнца, они до бесконечности устремляли во тьму свою зарождающуюся индивидуальность, которую они желали сделать независимой от любого предшествующего принципа, одним словом, автономной.

Но подобно тому, как световой луч обладает лишь относительным существованием сравнительно с породившим его источником, эти в равной степени относительные Слова, лишённые самобожественного принципа и подлинного света, померкли по мере своего удаления от абсолютного Слова.

¹²⁴ «Un Dieu défini est un Dieu fini». Элифас Леви.

¹²⁵ змея (др.-евр.).

Они пали в материю, этот обман субстанции в бреду объективности; в материю, которая для *Небытия* то же, что *Дух* — для *Бытия*; они опустились до самого элементарного существования: *животного, растительного и минерального...*¹²⁶ Так родилась материя, которую вскоре обработал *Дух*, и конкретная *Вселенная* получила восходящую жизнь, которая поднимается от камня, подверженного кристаллизации, до человека, способного мыслить, молиться, приобщаться к сверхчувственному и посвящать себя своему ближнему!

Это чувственное отражение плененного *Духа*, который возвышает развивающиеся формы *Материи* и *Жизни* с целью выйти из своей темницы, современная *Наука* констатирует и изучает под названием *Эволюции*.

Эволюция — вселенское *Искушение Духа*. Эволюционируя, *Дух* возвышается.

Но прежде чем подняться, *Дух* опустился: и это мы называем *Инволюцией*.

Каким образом словесная дольная единица остановилась в данной точке падения? Какая *Сила* позволила ей повернуть вспять? Как в ней, наконец, пробудилось притупленное сознание своей коллективной божественности в еще весьма несовершенной форме *Социальности*? Так много глубоких тайн, к которым мы не можем здесь даже подступить и понимание которых ты сумеешь обрести, если *Провидение* пребудет с тобой.

Я останавливаюсь. Мы довольно далеко провели тебя по дороге; теперь ты вооружен оккультным компасом, который позволит тебе, если даже ты сойдешь с пути, по крайней мере, всегда находить правильную дорогу.

¹²⁶ Они спустились до потенциальностей этих всцей, разумеется, в астральном плане, который является обычным планом *Инволюции*, тогда как физический план — обычный план *Эволюции*.

В силу этого восходящего и отраженного движения, которое носит название *Эволюции*, существа поочередно и постепенно появляются на сцене материального мира, начиная с наиболее элементарных.

Эти сведения о «великом деле»¹²⁷ человеческой судьбы предельно точны: ты должен позаботиться о том, чтобы извлечь из них остальное и предложить решение проблемы.

Но хорошо пойми, мой Брат, в третий и последний раз закликаю тебя, пойми хорошо, что *Альтруизм* — единственный путь, ведущий к единственной и конечной цели; я имею в виду *реинтеграцию дольных единиц в божественное Единство*; единственная доктрина, предоставляющая средство для этого, которым является *разрыв материальных пут* для восхождения сквозь *высшие иерархии* к центральному светилу возрождения и покоя.

Никогда не забывай о том, что *Вселенский Адам* — это *однородное Целое, живое Существо*, органическими атомами и составными элементами которого мы являемся. Все мы живем *в других и посредством других*; и если бы мы даже *индивидуально спаслись* (если воспользоваться христианским языком), то мы не перестали бы страдать и бороться за то, чтобы однажды все наши собратья были спасены, подобно нам!

Таким образом, *разумный Эгоизм* приходит к тому же выводу, что и *традиционная Наука*: всеобщее братство — это не иллюзия, а *фактическая реальность*.

Тот, кто работает для другого, работает для себя; тот, кто убивает или ранит своего ближнего, ранит или убивает себя; тот, кто его обижает, оскорбляет самого себя.

Пусть не пугают тебя эти мистические термины; в высшей доктрине нет ничего произвольного: мы — математики онтологии, алгебраисты метафизики.

Запомни, сын Земли, что ты должен стремиться к тому, чтобы вновь завладеть *зодиакальным Эдемом*, откуда ты больше никогда не должен будешь спускаться, и вернуться, наконец, в *Невыразимое Единство*, вне которого ты — ничто и в лоне которого ты обретешь, после стольких трудов и мучений, тот *небесный покой*, тот *осознанный сон*, известный Индусам под названием *Нирваны*: *высшее блаженство Всеведения в Боге*.

С. де Г.
S.:I.:

¹²⁷ Сен-Мартен.

ЗАМЕТКИ ОБ ЭКСТАЗЕ

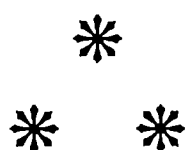
В РАЗМЫШЛЕНИЯ над Оккультными трудами погружается лишь та большая часть исследователей, что всецело поглощена мистическими проблемами; мы говорим о наиболее серьезных из них (а наиболее пустые, эти рыночные зеваки, охотно переходят от одного балагана к другому в поисках «феноменов»). Можно подумать, что работа по посвящению ограничивается лишь усилиями по усвоению теории! Письменными трудами учителей нельзя пренебрегать безнаказанно — кто же в этом сомневается? И мы не придаем большого значения самонадеянным новаторам, которые кичатся тем, будто восполнили избытком собственного воображения углубленное изучение классиков Эзотеризма.

Но одного этого изучения недостаточно. Нужно еще «заплатить» собственной персоной и решительно отправиться на завоевание Истины сквозь мрак неведомого мира. Таким способом, отличаясь от простого эрудита, который думает лишь о том, чтобы вступить в битву мнений, оккультист стремится проникнуть в суть вещей и даже расшифровать великую стелу Натуры, исписанную как снаружи, так и изнутри.

Представьте себе лист пергамента, покрытый иероглифами с обеих сторон, но прикрепленный к доске одной из них. Буквы на лицевой стороне — независимо от того, сможем ли мы расшифровать их или нет — останутся видимыми для наших телесных глаз; в то время как знаки, начертанные на оборотной стороне, будут восприниматься лишь зрительным органом души, а это означает, что их мог бы различить лишь хороший ясновидящий.

Это всего лишь метафора — и неопит пошел бы неверным путем, если бы заключил отсюда, что магнетическое ясновидение — главная способность, которую необходимо у себя развить, и высшая прерогатива адепта. Существует несколько степеней ясновидения, подобно тому, как существует несколько зон зрения. Сколько знаменитых ясновидцев вовсе не были таковыми в физическом плане! И точно так же встречаются чудесные «ясновидящие» в демотическом, обиходном смысле слова, которые, тем не менее, являются законченными идиомами; эти два качества несколько друг друга не исключают, и опыт неоднократно это доказывал.

Что же, в таком случае, имеет значение, если мы хотим завершить свою инициацию? Важно реинтегрироваться уже на этом свете в божественное Единство (насколько это позволяют гилические барьеры), дабы приобщиться, вместе со всеми Посвященными и Избранными мира, к тайнам Абсолюта.

Гениальный человек — это, в конечном счете, не кто иной, как интуитивный и стихийный адепт, поразительно несовершенный, но богатый столь редкими дарованиями, которых слишком часто недостает самым возвышенным мистикам: способностями эстетического перехода от умопостигаемого к чувственному и обращения божественного Слова в человеческое.

Подобные способности выражения нельзя приобрести; они наделяют гениального человека божественным правом и предшествующей благодатью; между тем как адепт характеризуется человеческим правом и последующим завоеванием, и таким его сделали усилия его свободной воли. Установив это фундаментальное различие, мы можем и должны продолжить аналогию.

Гений состоит в способности самопроизвольной реинтеграции (более или менее осознанной и прерывистой) человеческой дольной единицы в небесную отчизну единства — Адаму. Вот почему поэты, живописцы, музыканты, скульпторы и вообще все художники, считающие себя — будь то справедливо или ошибочно — *гениями*, пользуются тем же выражением, что и мистики, для определения периодов способности творить. Они испытывают (или не испытывают) *вдохновение*. Это весьма примечательно...

Таким образом, главная задача Инициации сводится, если хотите, к умению искусственно становиться гением; с тою лишь разницей, что

природный гений дарит вдохновение в определенные часы, более или менее часто, когда Дух пожелает снизойти; в то время как приобретенный гений, на своей наивысшей стадии, служит способностью силой вызывать вдохновение и общаться с Великим Неизвестным всякий раз, когда мы этого пожелаем.

У этого различия есть вполне простое объяснение: Бог снисходит к гениальному человеку, в то время как Маг восходит к Богу.

Гениальный человек — своего рода магнит, притягивающий к себе с перерывами. Адепт же — обращаемая сила, сознательное связующее звено между землей и небом: существо, которое может по своей воле оставаться на земле, наслаждаться ее преимуществами и собирать ее плоды — или подниматься на Небо, сливаться с божественной природой и пить большими глотками небесную амброзию.

Гений, природная притягательная сила, временами устанавливает более или менее эфемерную связь с Единством. *Адептам* же, этот неограниченный пропуск в Бесконечность, предполагает право реинтеграции *ad libitum*¹²⁸. Поэтому совершенный адепт принимает в Индии имя *Йога* — единого в Боге.

Реинтеграция человеческой дольной единицы в божественное Единство: такова главная задача адепта. В чем же состоит эта реинтеграция?

Нам известно два ее вида: *Пассивная* и *Активная*. И та, и другая имеют несколько степеней.

Первой достигают посредством Святости, или сурового очищения своей душевной сущности, соединенной любовью с чистым Духом небес; а второй — с помощью свободной и сознательной воли или реализации мистической пентаграммы.

Первая (реинтеграция в пассивной форме) требует отречения от Я, которое растворяется, без остатка и надежды на возвращение, в божественной Самости. Вы больше не действуете сами по себе; сам Бог действует в вас. Это заставило Апостола сказать: «отныне не я живу, но Христос живет во мне».

Вторая (реинтеграция в активной форме) равносильна позитивному завоеванию Неба, захвату небесного элемента и его коллективного Духа — Руах Хашамаим.

¹²⁸ по желанию (лат.).

Обе формы, в их наивысшей степени, возвращают душе изначальное состояние Эдема, наслаждение Аор айн-софом. Но Пассивная реинтеграция предполагает отказ от индивидуальной воли и презрение ко всякой профанной науке: «Блаженны, — говорил Христос, — нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное»¹²⁹. Активная же, наоборот, позволяет в некоторых случаях, даже на этом свете, проявлять относительное всемогущество, представляющее могущество Божье. Она кладет вам в руку Эш, пылающий меч Иахоах Элохим. Это овладение, по праву завоевания, мистическим Небом, о котором Христос говорил, что неистовые Духи берут его силой: *«violenti rapiunt illud»*.

Несказанное милосердие Г. Н. Иисуса Христа привело к тому, что он взял на себя лишь Пассивную реинтеграцию и умер на кресте, сомневаясь в Самом Себе и Своем Отце: «Или, или, ламма савахфани!»¹³⁰ (Конечно, это был вопль плоти, проявившей слабость во время наивысшего испытания, но воспоминание об этом вопле сомнения всегда повергало нас в ужас!)

Благодаря своей смелости, Моисей предпочел преимущества активной реинтеграции: поэтому, после того, как он проявил на земле небесное всемогущество, крепко сжимая в руке огненный меч Херувима, Моисей вознесся к Богу (подобно тому, как после него это должен был сделать Илия), не затронутый «поцелуем» смерти; предоставив своему народу имя Богоизбранного и свободный вход на землю Ханаана, из которой евреи вышли только по видимости, но где они продолжают править, как и прежде¹³¹.

Пассивная реинтеграция — возможно, более божественна и более достойна похвалы; это способ Святых и Помазанников. Активная же реинтеграция, наверное, более выгодна и наделяет большими преимуществами: это способ Магов и Титанов.

Именно к ней должны стремиться люди, которые, не сказав последнего «прощай!» жизни и мирским радостям, всё же ощущают желание собрать то хорошее, что может быть в ее иллюзиях и миражах.

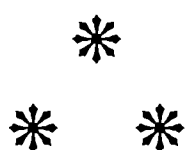
Вечная жизнь так долга! Даже если мы решили неуклонно подниматься, никогда не сходя с дороги, ведущей к Отцу, неужели нам нельзя будет делать остановок? Бог, который так добр, специально для этого сотворил (или, точнее, позволил сотворить) — в самой этой упадочной природе и на этой земле, полной испытаний — мягкую травку и приятную тень Иллюзий...

¹²⁹ Мат. 5:3.

¹³⁰ Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил? (Мат. 27:46)

¹³¹ В наиболее материальном смысле Ханаан означает негоцианта и финансиста: Ханаанская земля современных евреев — это Ростовщичество, Ажиотаж, Повышение и Понижение.

Удовольствие, включенное и принятое в нормальную форму честного сердца — разве это, в конечном счете, не модализация и не адаптация в земной, преходящей среде вечной радости Избранных?.. Коль скоро мы спустились в этот низший мир, то не естественно и не логично ли, что наши утешения, удовольствия и временные радости, неизбежно соразмерные нашей падшей (то есть менее совершенной) природе, и сами менее совершенны и не столь ангельские? «Homo sum (говорил Катон, один из святых стоического язычества) et humani nil a me alienum puto»¹³².

Лучше не скажешь, и, по-видимому, Паскаль сам комментировал эти прекрасные слова Катона, когда писал в своих «Мыслях», что человек — не ангел и не зверь и так далее. Вероятно, Катон и Паскаль, если бы они были посвященными и если бы им суждено было выбирать между пассивной Реинтеграцией Святых и активной Реинтеграцией Титанов, предпочли бы последнюю.

К тому же никакого выбора не существует, если мы стремимся к каббалистической власти G.:A.: или только к проникновению в тайны Потустороннего, не желая оставлять мир и заточать себя в монастырь, физический либо моральный... только Реинтеграция в деятельной форме допускает относительность.

В этом глубинная причина опасности, которую представляют монастыри для некоторых душ, не готовых к полному принесению в жертву, без оговорок и ограничений, самих себя и своей воли. Они отдаются *в пассивной форме*: ищут ли они окольные пути? Предпринимают ли какие-либо усилия для того, чтобы снова овладеть собой? Супруг оставляет их (поскольку в пассивной форме они позволяют обладать собой, но сами не обладают ничем), и они оказываются во власти Супостата. В конце их сдержанного призвания их ждет гибель.

Поэтому никогда не следует колебаться — под предлогом уважения к свободной воле — перед тем, как расстроить мирскими испытаниями призвание монахов в целом, но в особенности юных девушек, которые ощущают себя призванными к созерцательной жизни. Если их Призвание подлинное, то оно окажется нерушимым, и невеста Неба выйдет невредимой из этих испытаний и с успехом преодолеет

¹³² «Я — человек, и ничто человеческое мне не чуждо» (лат.). Стих принадлежит Теренцию, но сама мысль — Катону.

эти препятствия; любые искусственные трудности приведут лишь к новому подтверждению ее изначальной воли.

А если речь идет, например, о светских девушках? Мы считаем преступлением, если их родители позволяют им постригаться в монахини, не выводя их насильно в свет — и не просто на вечерний прием, а на бал!.. Если зов этих душ будет слышаться после такого отвлечения, если их склонность к религиозной жизни устоит перед этим растворителем, значит, они сделаны из металла, не разъедаемого временными кислотами, и ни один другой *Алкагест* — будь то *Алкагест* Парацельса или Ван Гельмонта, — ни один другой растворитель, каким бы едким он ни был, ничего не сможет с ними поделать. Если же, наоборот, какие-нибудь земные «дрожжи», какая-нибудь мирская «закваска» скрыта в потаенных глубинах их бессознательного Я, то они будут *затронуты*, и шаловливый Эрот, несомненно, заденет их рано или поздно своей стрелой — в потенции, — если только не ранит их в действительности.

Но вернемся к формам Реинтеграции.

Мы называем *реинтегрированным* (Йогом мистической ортодоксальной Школы Индии) того, кто может всякий раз, когда он того пожелает, полностью овладевать своим внешним чувственным Я, для того чтобы абстрагироваться в духе и погрузиться, через отверстие внутреннего сверхчувственного Я, в океан коллективной божественной Самости; где он вновь осознает взаимодополняющие арканы Вечной Натуры и Божественности.

Мы называем *дважды рожденным* (Двиджа мистической школы Индии) того, кто может покидать свое земное подобие в астральном или эфирном теле, для того чтобы черпать в астральном океане решение тайн, которые он в себе таит.

Внутреннюю духовную реинтеграцию можно назвать активным Экстазом. А проекцию сидеральной формы принято называть Выходом во флюидическом (или астральном) теле...

Активный экстаз бывает двух степеней. В первом случае Адепт проникает в самую сущность вечной Натуры, которая непосредственным образом, без символов, сообщает ему Истину-свет. Во второй степени он может общаться с самим чистым Духом, который «восхищает» его на неизреченное Небо божественных архетипов; в данном случае происходит «переливание» Божества-мысли, которое делается чело-

вечески-мыслящим в своем разуме, под воздействием сокровенной алхимии — грозной и необъяснимой трансмутации.

Выход в астральном теле отличается от активного Экстаза, поскольку физическое тело находится тогда в состоянии каталепсии, движимое лишь в некотором роде растительной жизненной силой; в то время как астральное тело, или формирующий медиатор (блуждающая оболочка духовной души), плавает в бескрайних просторах сидерального эфира, или универсального света, и может направиться, куда пожелает, будучи соединенным с материальным телом посредством своеобразной флюидической «пуповины».

Таким образом, сознательная личность движется в астральной форме туда, где ей больше нравится, и сама по себе осознает те далекие реалии, которые могут ее заинтересовать. Но тогда — если она хочет получить сведения сверхчувственного порядка — эти сведения передаются ей только символически, через посредство астрального света, который обладает, прежде всего, конфигуративной природой и вещает, предлагая проницательному духу ряд образов, которые тот должен затем перевести, подобно иероглифам Незримого. Стало быть, конкретный и эмблематический способ является единственным, который Истина может использовать, для того чтобы выразить себя посредством Астрального.

В пассивной форме высший экстаз также бывает двух степеней: первая, общение с Натурой-сущностью в свете славы; и вторая, общение с чистым Духом.

Что касается пассивного астрального, или низшего, экстаза, то это не что иное, как состояние ясновидения, будь то естественного или магнетического. Большую часть блаженных видений можно с определенностью приписать ему.

...Для адепта прежде всего важно вступить в духовное общение с божественным Единством; культивировать одну из степеней активного Экстаза и заставить говорить внутри себя, этого ничтожного атома, пророческий Голос Универсального, Абсолюта.

Но способно ли Относительное *вместить* Абсолют? Конечно, нет, но приобщиться к нему — да, путем соединения с Ним. Не отражает

ли осколок выпуклого зеркала всё Небо? Не звучит ли мощный голос Океана внутри самой скромной раковины, которой посчастливилось (как гласит легенда) испытать, хотя бы в течение часа, его безмерный, гулкий поцелуй.

Так и Экстаз оставляет душе, погруженной в него (хотя бы на час), проникновение Бесконечности, пережитое представление об Абсолюте — неиссякающий шепот пророческой Самости, которая содержит все Я, не содержась ни в одном из них. Какое наслаждение! Погрузить свою индивидуальную жизнь в коллективный океан необусловленной жизни или вдохнуть духовную силу прямо из чистого Духа — и напиться ею! Это окончательное посвящение: окно, раскрытое в необъятность сверхчувственного Света и божественной Любви, небесной Истины и образцовой Красоты.

Вновь отыскать дорогу к изначальному Эдему!.. Многие проходят мимо двери, возвышающейся над этой тропой, даже не замечая ее; или же, видя дверь, не снисходят до того, чтобы в нее постучать. Возможно даже, какой-нибудь любопытный постучит в нее, не умея извлекать звук из порога тремя мистическими ударами: он стучит как непосвященный — и ему не открывают.

Христос говорил: «Petite et accipietis, pulsate et aperietur vobis»¹³³, но Он говорил также: «multi vocati, pauci vero electi»¹³⁴. Как примирить оба эти текста? Ах! Иногда в дверь стучат те, кто еще не был зван; и часто те, кто был зван, не стучат в нее или чаще — плохо стучат...

Если же ты стремишься стать Адептом, то призови того Пророка, который вещает внутри твоего существа; принуди Я к самому благоговейному молчанию, чтобы можно было услышать Самость, — и тогда, еще глубже погрузившись в свой разум, внемли голосу Универсального, Безличного, того, что гностики именуют Бездной...

Но необходимо подготовиться — и роль человека-Посвятителя как раз и заключается в том, чтобы наблюдать за этой подготовкой; в противном же случае, Бездна обратится к тому, кто безрассудно ее вызывает, страшным голосом, носящим имя Головокружение.

¹³³ Контаминация двух цитат: «Просите и получите, [чтобы радость ваша была совершенна]» (Иоан. 16:24) и «[Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете;] стучите, и отворят вам» (Мат. 7:7; Лук. 11:9).

¹³⁴ Ибо много званых, а мало избранных (Мат. 20:16; 22:14).

Одним словом, великий и возвышенный Аркан состоит в следующем: *Никто не может завершить свою инициацию, кроме как через прямое откровение вселенского, коллективного Духа, который есть Глас, глаголющий изнутри.*

Это — единственный Учитель, неизбежный Гуру высших инициаций. Мы знаем различные способы вступления с Ним в связь: отправиться на его поиски — заставить его прийти — позволить ему прийти — отдаться ему — или приобщиться к его верховной власти...¹³⁵

Известно, каким двусмысленным образом некоторые произведения высшей науки скрывают тайны — до такой степени, что эти произведения, часто весьма глубокие, на первый взгляд кажутся сборниками постыдных суеверий. Под каким же покровом авторы преподносили этот великий аркан, мистическую скинию которого мы только что приоткрыли?

Под каким покровом? Вот что в высшей степени любопытно. Ведь именно из-за смешения «мертвящей буквы» и «животворящего духа» такое множество исследователей оккультизма предаются в наше время чистому и простому Спиритизму.

Почти единодушно иерографы отмечают, что необходимо вызывать небесные Разумы, единственно способные разъяснить теософу последние тайны. Моисей на горе Синай и Г. Н. Иисус Христос в оливковом саду, посещаемые ангелами; Сократ и Плотин, совещающиеся со своими гениями; Парацельс и его Дух, заключенный в головке эфеса Шпаги; Занони, вопрошающий Адонаи, и т. д... Все эти легенды, согласно их наивысшему значению, символизируют то, что нам теперь известно.

¹³⁵ Согласно другой точке зрения, розенкрейцеры распределили различные формы Экстаза по четырем категориям, в зависимости от свойств, на которые он воздействует, и результатов, которые он вызывает: 1. Музыкальный Экстаз; 2. Мистический Экстаз; 3. Сивиллический Экстаз; 4. Любовный Экстаз. (См. Приложение VI, Примечания к Предисловию к «Занони», примечание 11, стр. 159—162).

Мы вовсе не отрицаем возможность вступать в связь с Высшими Разумами, блаженными душами: но всё это лишь вторичная Магия, инициация второй степени.

На третьей ступени духи исчезают... остается один только Дух, лучезарный, безличный, бурлящий в вечных глубинах Бесконечности, которая не есть Пространство; преисполненный божественной Любви, божественной Жизни, Света, Надежды и Красоты; одаривающий душу невыразимым всеведением, которое опьяняет ее и которым она никогда не сможет пресытиться.

Эгоистическая личность растворяется, исчезает и угасает на горизонте Конечного, который оставила душа. В Боге, как и в Натуре-сущности (вечной Натуре Бёме), всё прекрасно, приятно, явно, возвышенно — и грозно, как поцелуй, от которого словно бы умираешь, утопая в жизни!..

Посмотрите, как *Авраам-иудей* описывает, под эмблемой, обманчивость которой мы обнаружили, свершение этой тайны: «Тогда ты увидишь, что хорошо использовал прошедшие месяцы; ибо, если ты искал подлинную Мудрость Господа, то твой Ангел-хранитель, Избранник Господень, появится *внутри тебя* и обратится к тебе со словами столь нежными и дружескими, что ни один человеческий язык никогда не сможет выразить эту нежность...» (*La Sagesse divine d'Abraham le Juif, dediee a son fils Lamech*, mss. XVIII siecle, traduit de l'Allemand (1432), 2 vol. petit in-8°, tome II, page 76).

VI

ПРЕДИСЛОВИЕ К «ЗАНОНИ»

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

С первых же страниц настоящей книги мы упоминали «Занони» Бульвер-Литтона — произведение исключительной важности, которое под современной формой романа скрывает великую эзотерическую и идеалистическую эпопею.

«Занони», напечатанный по-английски в 1842 году, был переложен на наш язык благодаря заботам одного искусного переводчика¹³⁶, а затем изящно опубликован издательством «Ашет» (1867, 2 тт. in-12). К сожалению, по причинам, которые нам неизвестны, создатели французского издания сочли возможным опустить *Предисловие*, представляющее собой не только литературное введение, но и магический ключ ко всему произведению.

Мы придаем этим нескольким пропущенным листкам такое огромное значение, что, не задумываясь и с согласия *правопреемников*, исправляем ошибку первого переводчика. Каким бы странным ни могло показаться представление Публике предисловия отдельно от текста, который его обосновывает, вот перед вами эти предварительные страницы, поясняемые несколькими существенными примечаниями.

¹³⁶ Г-н Шелдон.

Определение соответствующих частей истины, символизма и вымысла, как в пределах самого Предисловия, так и в перипетиях романа — вопрос личного мнения; мы не позволяем себе никаких догадок на этот счет.

Как бы то ни было, Бульвер-Литтон неоднократно предупреждает вас, Читатели, интересующиеся оракулами Магии, «вы, до кого дойдут эти сивиллические страницы, отягощенные множеством мрачных и таинственных загадок»¹³⁷: не стоит верить слишком буйному разгулу воображения. Внешность бывает обманчивой...

Непосвященная Публика питает отвращение к обнаженной Истине или презирает ее. Истина возмущает Тартюфов, которые, истово крестясь, закрывают лица, и вызывает смех у скептиков, которые позволяют себе в ее присутствии неподобающие шутки или преступные взгляды. И если наивысшая Мудрость порой вынуждена надевать маску и шутовской колпак Безумия, то не для того ли, чтобы лучше укрыться от ядовитых плевков всевозможных фанатиков, равно как и от оскорбления непристойным безразличием?

«Занони» — книга, полная откровений и тайн. Под покровом ослепительной фантазии автор скрывает секретные традиции Розенкрейцеров, вплоть до далекой сокровищницы наиболее древних и при этом оккультных братств, последним продолжением которых служит Орден, учрежденный Розенкрейцем:

«Почтенное общество, столь священное и столь мало известное, вы, чьи секретные и ценные архивы предоставили материалы для этого рассказа: вы, хранившие из века в век всё то, что пощадило время от почтенной и величественной Науки; именно благодаря вам сегодня мир впервые узнает, пускай не полностью, о мыслях и поступках одного из членов вашего Ордена, титулы которого не являются ни фальшивыми, ни заимствованными. Немало самозванцев приписывало себе честь принадлежать к вам; немало лживых претендентов числилось в ваших рядах в силу педантского невежества, которое до сих пор вынуждено из-за своего бессилия признавать, что ему ничего неизвестно о вашем происхождении, обрядах и доктринах и даже то, существует ли еще на земле место, где вы обитаете.

Только благодаря вам — я, единственный сын своей страны, которому в этом веке позволено было войти недостойной стопой в вашу таинственную академию, я получил от вас власть и наказ сделать доступными непосвященным умам некоторые лучезарные истины, которые сверкали в великой *Шемайе* халдейской мудрости и даже отбрасывали

¹³⁷ *Zanoni*, tome I, page 50.

яркие отблески сквозь затемненную Науку ваших новых учеников, когда они пытались, подобно Пселлу и Ямвлиху, вновь разжечь огонь, горевший в *Гамарим* Востока. Правда, с нами больше нет граждан старого, остывшего мира и секрета того имени, которое, согласно древним оракулам Земли, *устремляется в миры бесконечности*; но мы можем и должны сообщить о возрождении прежних истин в каждом новом открытии астрономов и химиков. Законы притяжения, электричества и еще более таинственной Силы великого жизненного Принципа — который оставил бы могилу вместо вселенной, если бы он из нее исчез: все эти законы были кодексом, где древняя Теургия черпала правила, из которых она составляла собственные законодательство и науку.

Когда я пытаюсь воссоздать с помощью несовершенных слов фрагменты этой истории, мне кажется, будто я в торжественной ночи прохожу по развалинам огромного города, от которого остались лишь могилы. Из урн и саркофагов я призываю духа *угасшего Факела*, и этот призрак так разительно напоминает Эроса, что временами я не знаю, кто из вас двоих меня вдохновляет... О любовь!.. О смерть!..»¹³⁸

Тщетно мы пытались установить, с какой ветвью Братства Розенкрейцеров был связан Бульвер-Литтон; его очень близкое знакомство с секретными традициями Ордена позволяет нам, однако, утверждать, что эти связи были прямыми. Желая получить как можно более полные сведения по этому вопросу, мы обратились к особе, которая, как мы знали, жила в самом тесном контакте с романистом-каббалистом; но этот очевидец повседневной жизни Учителя не смог удовлетворить наше любопытство по главному пункту нашего запроса. Тем не менее, он пожелал указать нам на некоторые детали, представляющие основной интерес — и наилучшим завершением данного *Предуведомления* будет несколько строк из его ответа, которые мы здесь приводим: «...Я уже отмечал с сожалением пропуск Предисловия во французском переводе «*Занони*», опубликованном «Ашет», и с радостью узнал, что вы намереваетесь исправить это упущение... Я не могу сказать вам с уверенностью, в какой степени Бульвер-Литтон был знаком с адептами Розы† Креста и какое значение он придавал их доктрине. Над мистической стороной его ума, впрочем, весьма сильной, всегда преобладала его практическая сторона и простой здравый смысл, который делал его столь несходным, если можно так выразиться, с мистиками его эпохи, что мне было бы

¹³⁸ *Zanoni*, tome I, page 130—131.

трудно определить его отношение к ним и их учениям. Его личность также была очень сложной. Я мог бы сказать, что в нем уживалось несколько людей (мистик, резонер, художник, светский человек), мало похожих друг на друга. Полагаю, что его занятия астрологией оставили его довольно безразличным, если не сказать скептически настроенным, по отношению к этой науке, в том виде, как она существует сегодня...

По причинам, которые слишком долго объяснять, он больше доверял Геомантии.

Порой я слышал, как он посмеивался над некоторыми современными каббалистами. С другой стороны, он, несомненно, был хорошо осведомлен в литературе и традициях всех оккультных наук и всех мистических философий.

Он глубоко изучал некоторые области Магии, и я могу сказать, что *он обладал некоторыми природными дарованиями, настолько необходимыми для занятий магией, что без них любые формулы не приносят никакой пользы...* (24 января 1891 года)»

С. де Г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

К

«ЗАНОНИ»

НЕКОТОРЫЕ из моих читателей, возможно, знакомы со старой книжной лавкой, еще несколько лет назад существовавшей в окрестностях «Ковент-Гардена». Я говорю «некоторые», ибо в этих драгоценных книгах, которые упорно скапливались в течение целой жизни на пыльных полках моего старого друга Д***, разумеется, не было ничего такого, что могло бы привлечь множество посетителей. Там не нашлось бы ни популярных трактатов, ни занимательных романов, ни историй или рассказов о путешествиях, ни «Библиотеки для народа», ни «Развлечений для миллионов». Но ни в одном другом месте во всей Европе любопытные не могли бы найти более удивительной коллекции произведений алхимиков, каббалистов и астрологов, когда-либо собранной энтузиастом. На покупку этих непроданных сокровищ хозяин дома потратил целое состояние. Впрочем, старик Д*** вовсе не собирався их продавать... У него сжималось сердце, когда какой-нибудь посетитель заходил в его лавку. Он следил за движениями самонадеянного и непрошеного гостя своим мстительным взглядом; он бегал вокруг него, сохраняя бдительность, полную беспокойства; и когда невежественные руки вынимали его идолов из их ниш, он стонал и хмурился. Когда какая-нибудь из «султанш» этого волшебного «гарема» привлекала вас и обозначенная цена не казалась вам непомерной, он часто удваивал сумму. Если вы колебались, то он с внезапным наслаждением вырывал древнюю «прелестницу» из ваших рук. Если же вы уступали, то он становился олицетворением отчаяния. И часто в глухую полночь он стучался в вашу дверь, умоляя вас продать ему обратно, на ваших условиях, книгу, которую вы купили у него по столь фантастической цене. Ярый последователь Аверроэса и Парацельса(1), он не менее ревностно, чем философы, которых он изучал, стремился скрыть от непосвященных накопленные им знания.

Так уж случилось, что несколько лет назад, в пору моих первых шагов в литературе и в жизни, меня охватило желание познакомиться с подлинными истоками и принципами необычной секты, известной под названием Розенкрейцеры(2). Поскольку я был не удовлетворен скудными и поверхностными сообщениями, которые можно найти в соответствующих трудах, мне представлялось вполне возможным, что библиотека г-на Д***, столь богатая готическими инкунабулами и манускриптами, могла включать в себя более точные и подлинные документы этого знаменитого братства, написанные — кто знает? — одним из членов Ордена и подтверждающие, авторитетно и детально, те притязания на мудрость и добродетель, которые Брингарет (3) приписывал этим преемникам Халдеев и Гимнософистов. Поэтому я отправился в то место, которое, как я со стыдом должен признаться, было одним из моих любимых. Но нет ли в летописях наших дней заблуждений и ошибок, столь же нелепых, как заблуждения и ошибки алхимиков древности? Наши газеты покажутся нашим потомкам столь же исполненными иллюзий, какими представляются нам книги алхимиков; и, тем не менее, пресса служит самым воздухом, которым мы дышим, к тому же весьма мглистым воздухом!

Войдя в лавку, я был поражен почтенной внешностью посетителя, которого я никогда раньше здесь не встречал. Но еще больше меня поразили те знаки уважения, которые расточал ему презрительный коллекционер.

— Сэр! — наконец, воскликнул он выспренным голосом, пока я листал страницы каталога. — Вот уже сорок пять лет я занимаюсь этими изысканиями, но из всех людей, которых я встречал, вы — единственный, кто действительно достоин быть моим посетителем. Но где и как в этот легкомысленный век вам удалось приобрести столь глубокие познания? И это величественное Братство, доктрины которого, едва намеченные древнейшими философами, остаются тайной для новейших; скажите мне, существует ли на земле книга или манускрипт, откуда можно узнать их открытия и догматы?

Едва ли нужно говорить, что слова «величественное братство» пробудили мое внимание, и я стал жадно прислушиваться к ответу незнакомца.

— Я не думаю, — произнес пожилой Господин, — что Учителя Школы когда-либо раскрывали миру свои подлинные доктрины, если не считать темных намеков и мистических притч. И я не стану осуждать их за эту скрытность.

Он умолк и, похоже, собрался уйти, и тогда я внезапно обратился к коллекционеру:

— Господин Д***, я не вижу в этом каталоге ничего связанного с Розенкрейцерами.

— Розенкрейцерами! — воскликнул пожилой Господин, и теперь уже он сам посмотрел на меня с нарочитым удивлением: — Кто другой, кроме Розенкрей-

цера, мог бы объяснить розенкрейцеровские тайны? Не думаете ли вы, что член этого Братства, самого ревностного из всех тайных обществ, когда-либо согласился бы поднять покров, скрывающий от мира Исиду их Мудрости?

«Ага! — сказал я самому себе. — Значит, это и есть то «величественное Братство», о котором вы только что говорили? Хвала небу!.. Я, несомненно, наткнулся на одного из членов братства!»

— Но, сэр, — возразил я, повысив голос, — где же я смогу почерпнуть сведения, если не в книгах? В наши дни нельзя опубликовать ничего, не сославшись на авторитетный источник; невозможно даже цитировать Шекспира, не указывая на полях главу и стих. Мы живем в век фактов — фактов, сэр!

— Что ж, — ответил старик с вежливой улыбкой, — если нам доведется встретиться вновь, возможно, я смогу направить ваши поиски к подлинному источнику информации.

И с этими словами он застегнул свой длинный сюртук, свистнул своего пса и вышел.

Ровно четыре дня спустя после этой краткой беседы в лавке г-на Д*** я опять повстречал пожилого джентльмена. Я спокойно скакал в сторону Хайгейта, как вдруг у подножия классического холма увидел незнакомца; он ехал на черном пони, и впереди бежал его пес, который тоже был черным.

Если вы встречаете человека, с которым хотите познакомиться, едущего верхом в самом начале длинной дороги, ведущей в гору, где, если только он не одолжил любимую клячу своего друга, он не может, из приличествующей гуманности по отношению к грубому созданию, ускакать от вас далеко, то боюсь, вы сами будете виноваты, если не продвинетесь в достижении своей цели, прежде чем взберетесь на вершину холма. Одним словом, я добился такого успеха, что, добравшись до Хайгейта, старик предложил мне остановиться в его доме, который находился немного в стороне от деревни; и это был превосходный дом — маленький, но удобный, с большим садом и окнами, откуда открывался вид, который Лукреций рекомендовал Мудрецам: шпили и купола Лондона, отчетливо различимые в ясную погоду; здесь — Приют Отшельника, а там — Mare Magnum¹³⁹ мира.

Стены главных покоев были украшены картинами редкостного достоинства, принадлежавшими к той высокой школе искусства, которую так плохо понимают за пределами Италии. Я с удивлением узнал, что все эти полотна принадлежали кисти их владельца (4). Мое нескрываемое восхищение пришлось по душе моему новому приятелю и склонило его к разговору, который показал, что он был столь же возвышенным теоретиком, как и практиком. Нам не хотелось бы утомлять читателя неуместной критикой, но необходимо сообщить в двух словах об одном наблюдении, которое может пролить свет на замысел и характер того произведения, введением

¹³⁹ Великое Море (лат.)

к которому служат эти страницы. Мой хозяин точно так же настаивал на взаимосвязи искусств, как один выдающийся автор настаивал на синтезе наук; он утверждал, что в любом плоде воображения, выраженном словами или красками, художник, принадлежащий к самым возвышенным школам, обязан проводить четкое различие между Реализмом и Истиной (5); другими словами, между подражанием действительной жизни и облагораживанием Природы в Идеале.

— Первый характерен для голландской школы; другая — для греческой.

— Сэр, — сказал я, — голландская школа сейчас в моде.

— Да, возможно, в живописи, — ответил мой хозяин, — но в литературе...

— О литературе я и говорил. Все наши молодые поэты выступают за простоту и Бетти Фой; и наивысшая похвала, которой наши критики могут удостоить плод воображения, состоит в том, что его характеры в точности соответствуют обыденной жизни. Даже в скульптуре...

— В скульптуре! Нет, нет! ЗДЕСЬ-ТО, по крайней мере, возвышенный Идеал необходим!

— Извините, но я боюсь, вы не видели Саутера Джонни и Тэма О'Шэнтера.

— Ах! — вздохнул пожилой Господин, качая головой. — По-моему, я слишком отстал от жизни. Полагаю, и Шекспиром перестали восторгаться?

— Напротив, восхищение Шекспиром служит оправданием для нападок на любого другого художника... Но наши критики обнаружили, что Шекспир — подлинный РЕАЛИСТ!..

— Реалист? Поэт, не изобразивший ни одного характера, который встречается в действительной жизни, и никогда не снисходивший до описания страсти, которая была бы фальшивой, или персонажа, который был бы реальным!

Я собирался очень строго возразить на этот парадокс, как вдруг заметил, что мой спутник теряет самообладание. Если хочешь «поймать» Розенкрейцера, не следует мутить воду. Поэтому я решил перевести разговор на другую тему.

— Вернемся к нашим баранам, — сказал я. — Вы обещали просветить меня относительно Розенкрейцеров.

— Хорошо! — ответил он довольно сурово. — Но с какой целью? Быть может, вы хотите проникнуть в храм лишь для того, чтобы поглумиться над его обрядами?

— За кого вы меня принимаете? Если бы даже я был склонен к этому, участь аббата де Виллара служит достаточным предостережением для всех, кто праздно рассуждает о царствах Саламандр и Сильфов. Кто не знает о таинственном конце этого изобретательного человека, заплатившего жизнью за остроумные насмешки (6) своего «Графа де Габалиса»?

— Саламандры и Сильфы! Я вижу, вы впадаете во вульгарное заблуждение (7), буквально переводя аллегорический язык адептов мистицизма.

И пожилой джентльмен удостоил меня одним из самых любопытных и, на мой взгляд, самых ученых рассказов о догматах Розенкрейцеров. По его словам, некоторые из них дожили до сего дня и в величайшей тайне продолжали свои глубокие изыскания в области естественных наук и оккультной философии.

— Но это Братство, — заключил он, — каким бы почтенным и добродетельным оно ни было (я говорю «добродетельным», поскольку нет ни одного монашеского Ордена, где христианская вера была бы более пламенной и где нравственные заповеди исполнялись бы более строго), это Братство служит лишь ответвлением других братств, еще более трансцендентных с точки зрения способностей, которыми они обладают, и еще более славных с точки зрения их происхождения. Вы знакомы с Платониками?

— Однажды, — ответил я, — я заблудился в их лабиринте. Признаюсь, эти джентльмены довольно трудны для понимания.

— Тем не менее, их самые сложные проблемы пока еще не опубликованы; их самые возвышенные произведения существуют лишь в рукописях и представляют собой инициатическое учение не только для Розенкрейцеров, но и для других, еще более величественных Братств, о которых я упоминал. Но еще торжественнее и возвышеннее то знание, которое можно почерпнуть у их предшественников, Пифагорейцев, и в частности, в бессмертных шедеврах Аполлония (8).

— Аполлония, обманщика из Тианы? До нас дошли его сочинения?

— Обманщика? — возмущился мой хозяин. — Аполлоний — обманщик!

— Извините, я не знал, что он был одним из ваших друзей. Если вы ручаетесь в его честности, то я готов поверить в то, что он был весьма уважаемым человеком, который говорил правду, когда хвастал своей способностью находиться в двух местах одновременно...

— Неужели это так трудно? — произнес пожилой Господин. — В таком случае, вы никогда не видели снов (9).

На этом наша беседа закончилась; но после нее между нами завязалось знакомство, которое продлилось вплоть до того момента, когда мой почтенный друг ушел из жизни. Мир его праху! Это был человек своеобразных привычек и эксцентричных взглядов; но большую часть своего времени он уделял мирным и скромным добрым делам. Он с восторгом исполнял обязанности Самаритянина; и подобно тому, как его добродетели смягчались под влиянием весьма любезного человеколюбия, так и его упования были основаны на самой преданной вере. Он никогда не говорил о своем собственном происхождении и истории, и мне никогда не удавалось проникнуть в тот мрак, которым они были окутаны. По-видимому, он прожил долгую жизнь

и, в частности, был очевидцем Французской революции (10), о которой рассказывал красноречиво и поучительно. В то же время он не рассматривал злодеяния этой бурной эпохи с той философской снисходительностью, с которой просвещенные мужи (имеющие «голову на плечах») склонны в наши дни относиться к бояням прошлого: он говорил не как студент, который читал и рассуждал, а как человек, который видел и страдал. К тому же этот старик казался совершенно одиноким, и я не знал ни одного его родственника, пока его душеприказчик, состоявший с ним в дальнем родстве и живший за границей, не извещил меня об очень щедром наследстве, которое отказал мне мой бедный друг. Оно состояло, во-первых, из суммы, о которой я считаю благоразумным умолчать, предвидя возможность нового налога на движимое и недвижимое имущество; и, во-вторых, из нескольких ценных рукописей, которым данный том обязан своим появлением на свет.

Полагаю, что эта последняя часть завещания объясняется одним визитом, который я нанес Мудрецу, если мне позволено его так называть, за несколько недель до его кончины.

Несмотря на недостаточное знакомство с современной литературой, мой друг, с присущей его доброй натуре любезностью, милостиво позволял мне советоваться с ним по поводу различных литературных замыслов, которые вынашивало безудержное честолюбие молодого и неопытного студента. В то время я спросил у него совета насчет одного плода воображения, призванного изобразить воздействие энтузиазма на различные виды характеров. Со своей привычной терпеливостью он выслушал мой проект, довольно тривиальный и прозаический; затем, задумчиво повернувшись к своим книжным полкам, он разыскал там один старинный том и прочитал мне, сначала на греческом, а затем в английском переводе, несколько отрывков в таком духе:

«ПЛАТОН ВЫДЕЛЯЕТ ЗДЕСЬ ЧЕТЫРЕ ВИДА ЭКСТАЗА (11) ¹⁴⁰ (под которым я понимаю восторг и вдохновение Богов): во-первых, музыкальный ЭКСТАЗ; во-вторых, телестический, или мистический; в-третьих, пророческий; и, наконец, в-четвертых, ЭКСТАЗ, ОТНОСЯЩИЙСЯ К ЛЮБВИ...»

Утверждая, что в душе существует способность, превосходящая Интеллект, и доказывая, что наша природа заключает в себе различные энергии — одна из которых позволяет нам раскрывать и схватывать теоремы и знания едва ли не с интуитивной быстротой, а другая способствует созданию произведений высокого искусства, как, например, статуи Фидия, — цитируемый автор далее заявлял, что «Восторг в подлинном смысле слова наступает в тот момент, когда часть души, превосходящая интеллект, возносится к Богам и черпает оттуда свое вдохновение».

Затем автор, продолжая свой комментарий к Платону, отмечает, «что одного из этих экстазов (в особенности относящегося к Любви) может быть

¹⁴⁰ В английском оригинале: *mania*.

достаточно для того, чтобы вернуть душу к ее изначальной божественности и блаженству; но что между всеми этими состояниями существует тесная связь и что душа, при своем нормальном развитии, проходит, во-первых, музыкальный экстаз; во-вторых, телестический, или мистический; в-третьих, пророческий; и, наконец, любовный».

Пока мой смущенный рассудок пытался сосредоточить свое непослушное внимание на этих запутанных и возвышенных рассуждениях, мой советчик закрыл книгу и удовлетворенно сказал мне:

— Это эпиграф к вашей книге и тезис для вашей темы.

— *Davus sum, non Ædipus*¹⁴¹, — воскликнул я, с досадой покачивая головой. — Возможно, всё это в высшей степени красиво, но, да простят меня Небеса, я не понял ни слова. Тайны Розенкрейцеров и оккультных братств — «детский лепет» по сравнению с жаргоном Платоников.

— И все же, пока вы не поймете этого отрывка, вы не постигнете высших теорий Розенкрейцеров и еще более величественных Братств, о которых вы говорите столь легкомысленным тоном.

— Что ж, если дело обстоит подобным образом, то я в отчаянии сдаюсь! Но коль скоро вы так хорошо осведомлены в данном вопросе, почему бы вам самим не написать книгу под этим эпиграфом?

— А если бы я написал книгу на эту тему, могли бы вы подготовить ее к публикации?

— С превеликим удовольствием, — ответил я необдуманно.

— Ловлю вас на слове, — сказал пожилой джентльмен. — Когда меня не станет, вы получите рукописи. Судя по тому, что вы рассказали мне о вкусах, царящих в литературе, я не стану тешить вас надеждой на очень большой успех данного предприятия. И скажу вам заранее, что работа будет весьма трудоемкой.

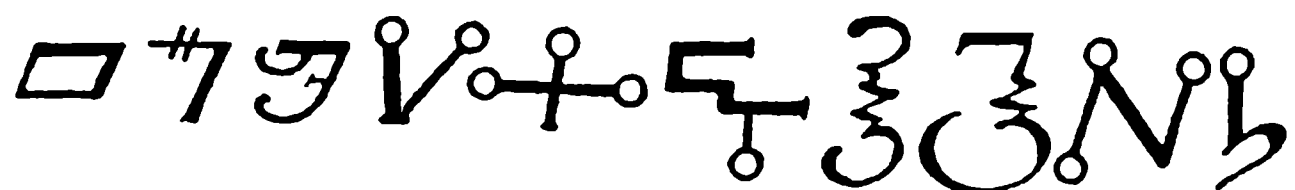
— Это роман?

— И да, и нет. Это истина для тех, кто способен ее постичь, и полный абсурд — для всех остальных.

Наконец, ко мне прибыли рукописи с короткой запиской от моего покойного друга, в которой он напоминал мне о моем опрометчивом обещании.

С печальным интересом и одновременно горячим нетерпением я раскрыл пакет и зажег лампу. Вообразите же себе мое разочарование, когда я обнаружил, что весь текст написан непонятным шифром. Представляю читателю его образец:

¹⁴¹ Я — Дав, а не Эдип (лат.). Латинская поговорка. В античной комедии Дав был образцом честного и преданного, но простоватого слуги. Мудрый Эдип, разгадавший загадку Сфинкса, составлял полную противоположность простаку Даву. (Прим. перев.)

И так далее, на протяжении девятисот сорока бесконечных страниц огромного формата! Я не мог поверить своим глазам: на самом деле, мне показалось, что моя лампа вспыхнула странным голубым светом, и дурные предчувствия о греховной природе знаков, которые я нечаянно извлек на свет, вкупе со странными намеками и мистическим языком пожилого господина, проникли в мое расстроенное воображение. Разумеется, всё это выглядело ЗЛОВЕЩЕ, если не сказать большего! Я уже собрался поспешно засунуть все эти бумаги в ящик стола, приняв благое решение больше никогда к ним не возвращаться, как вдруг мой взгляд упал на книгу, аккуратно переплетенную в голубой сафьян, которая в первое мгновение ускользнула от моего внимания. Я раскрыл этот том с величайшей осторожностью, не зная о том, что же явится моим очам; и — представьте себе мой восторг! — обнаружил в нем ключ, или словарь, к этой тайнописи (12). Дабы избавить читателя от рассказа о моих трудах, достаточно будет сказать, что, в конце концов, я почувствовал в себе силы расшифровать эти знаки и всерьез приступил к делу. Задача оказалась не из легких, и прошло два года, прежде чем я добился заметных успехов. Тогда, в порядке эксперимента, мне удалось опубликовать несколько разрозненных глав в одном периодическом издании, с которым я имел честь сотрудничать в течение нескольких месяцев. Они вызвали намного больше любопытства, чем я ожидал, и с более легким сердцем я вновь принялся за этот тяжелый труд. Но меня подстерегала новая неприятность: продолжив работу, я обнаружил, что автор сделал две копии своего произведения, причем одна из них была более продуманной и подробной; я же натолкнулся на более раннюю копию; и мне пришлось переделать весь свой труд и заново перевести уже расшифрованные главы. Помимо нескольких периодов, посвященных более неотложным занятиям, я могу сказать, что мое злополучное обещание стоило мне, в общем и целом, нескольких лет упорного труда, прежде чем я смог полностью его выполнить. Трудности усугублялись тем, что стиль оригинала представлял собой своего рода ритмизованную прозу, так, словно бы автор желал продемонстрировать свой поэтический замысел. Мне не удалось отдать должное этой особенности, и в своей попытке перевода я буду часто нуждаться в читательском снисхождении. Мое инстинктивное уважение к причудам пожилого Господина и двусмысленный характер его Музы должны служить моим единственным оправданием, если порой язык, не достигая всего богатства стиха, заимствует у него цветы, едва ли присущие прозе. Истина обязывает меня признать, что, несмотря на все свои усилия, я не могу поручиться в том, что всегда

передавал истинный смысл шифра; более того, пропуски в повествовании или неожиданное появление нового шифра, ключа к которому у меня не было, заставляло меня прибегать к собственноручным вставкам, конечно же, легко различимым, которые, я надеюсь, не вносят диссонанса в общий замысел. Это признание подводит меня к заявлению, которым я хочу закончить: если в этой книге тебе, читатель, что-нибудь понравится, то это, несомненно, принадлежит мне; если же тебе что-нибудь не понравится, то вини в том пожилого джентльмена!

Эдвард БУЛЬВЕР-ЛИТТОН

Лондон, январь 1842 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

К ПРЕДИСЛОВИЮ К «ЗАНОНИ»

1) ...Ярый последователь Аверроэса и Парацельса

АВЕРРОЭС, или Ибн-Рушд, арабский врач и философ второй половины XII века, известен прежде всего как переводчик и общий комментатор произведений Аристотеля. Долгое время Европа знала последнего только через его мусульманского толкователя, арабскую версию которого наши добрые схоласты перевели обратно на латынь, за неимением греческого оригинала. Аверроэс сыграл большую роль во всеобщем увлечении Аристотелем; и комментарии этого араба пользовались в средние века, по меньшей мере, таким же авторитетом, как и собственные трактаты афинского философа... Но это не означает, что доктрина Аристотеля совпадала с доктриной Аверроэса, которая соединяла учение Лицея с самыми смелыми спекуляциями александрийских теософов. Поэтому Аверроэс ввел в заблуждение многих мистиков и посвященных, заступавшихся за него, как за своего, в то время как сторонники Аристотеля хотели видеть в нем лишь *alter ego*¹⁴² Учителя, ученика, равного самому основателю Школы. Аверроэс представляется нам метафизическим «Янусом» средних веков: и его имя, поставленное рядом с именем великого Парацельса, смотрится не более странно, чем если бы оно образовывало пару с именем св. Фомы Аквинского.

ПАРАЦЕЛЬС, см. настоящий том, стр. 63—66.

2) ...Необычная секта, известная под названием Розенкрейцеры.

РОЗЕНКРЕЙЦЕРЫ. Когда в конце правления Генриха IV непосвященный мир впервые услышал о глубоко тайном союзе теософов-чудотвор-

¹⁴² второе «я» (лат.).

цев, Розенкрейцеры существовали уже более столетия. Они получили это название от своей традиционной пантакулярной эмблемы — точно такой же, какая была выгравирована на камне перстня, который носил Валентин Андреэ (или, точнее, Андреас), великий магистр того времени: *крест св. Иоанна*, суровая нагота которого оживлялась, подобно улыбке, *четырьмя розами*, распустившимися в его углах.

Много говорилось о том, что Орден вел свое происхождение от самого Валентина Андреаса. Явное заблуждение. Если бы мы сослались, с целью его опровергнуть, на тот пункт постановлений, который предписывал скрывать в течение ста двадцати лет существование мистического братства, то это доказательство можно было бы счесть недостаточным. Большую цену имеют другие аргументы. Задолго до 1613 года, когда появился манифест Розенкрейцеров, и даже до 1604 года, когда мир начал догадываться об их существовании, мы повсюду встречаем недвусмысленные «следы» их общества: ими изобилуют, для тех, кто умеет читать, сочинения адептов того времени.

Вам нужны примеры? Все розенкрейцерские арканы представлены в одном из пантаклей *«Amphitheatrum sapientiae aeternae»*¹⁴³, где Кунрат изобразил Христа со скрещенными руками в световой розе. Между тем императорское разрешение на книге Кунрата датируется 1598 годом. Но за решающими доказательствами скрытого существования Розенкрейцеров в XVI веке, прежде всего, следует обращаться к Парацельсу, умершему в 1541 году. В его трактате *«De Minerabilis»* (том II, стр. 341—350 женевского издания)¹⁴⁴ можно прочесть прямое сообщение о чудесном пришествии, которое должно поразить будущее столетие: «Нет ничего тайного (пишет он), что не стало бы явным. Так, после меня появится необычайное существо, которое раскроет множество вещей (*De Minerabilis*, 1)». Через несколько страниц Парацельс уточняет свою мысль, возвещая о некоем открытии, «которое должно оставаться скрытым вплоть до прихода Илии-Художника (*De Minerabilis*, 8)».

ELIAS ARTISTA! Направляющий гений Розенкрейцеров, символическое олицетворение Ордена, посланник Святого Духа! Парацельс Великий предрекает твой приход, о, коллективное Дыхание благородных притязаний, Дух свободы, знания и любви, который должен возродить мир!..

В другом месте Парацельс еще более точен. Раскроем его потрясающее *«Предсказание»*¹⁴⁵, сборник пророчеств, единственное издание которого датировано 1536 годом. Что мы видим на рисунке XXVI? Распустившую-

¹⁴³ *Hanoviae*, 1609, in-folio, fig. — См. Приложение I, II и III, стр. 87–119.

¹⁴⁴ *Genevae*, 1658, 3 vol. in-folio.

¹⁴⁵ *T. Paracelsi Prognosticatio S. L.*, 1536, in-4, fig.

ся розу в короне и мистическую *дигамму* (F), эмблему двойного креста, привитую к этой розе. И вот надпись, которая помещена ниже: «Сивилла пророчествовала об эолийской дигамме. Поэтому ты по праву, о двойной крест, был привит к розе: ты — продукт времени, пришедший к ранней зрелости. Всё, что предсказала о тебе Сивилла, неминуемо сбудется в тебе еще до того, как лето произведет на свет свои розы... Воистину, мы живем в печальные времена, когда всё идет кувыркком. Этот беспорядок — пожалуй, самый явный символ людского непостоянства. Но Ты в постоянном согласии с самим собой, и все твои дела будут стабильными; ибо ты построил на добром камне: таком же, как гора Сионская, никто и никогда не сможет тебя поколебать; все благоприятные вещи придут к тебе, словно бы по твоему желанию. Так что пораженные люди будут кричать о чуде. Но благоприятное время и эпоха принесут эти вещи вместе с собой; когда пробьет час, необходимо, чтобы они исполнились, и для этого он приходит»¹⁴⁶. (Дословный перевод.)

Так кто же должен прийти? Он, лучезарный Дух единого учения Розенкрейцеров: *Илия-Художник*!

Нам не составит никакого труда привести, в случае необходимости, другие, не менее определенные тексты, в противовес довольно широко распространенному мнению о том, что Андреас был изобретателем Розенкрейцеров.

Розенкрейцерские легенды нас не остановят. Здесь не место спорить о том, является ли история основателя ордена Христиана Розенкрейца полностью вымышленной или же дворянин из плоти и крови, родившийся в Германии около 1378 года, после долгого путешествия в страны Востока, добился того, что мудрецы из Дамкара (вероятно, Дамаска) открыли ему святилище Каббалы; и, по возвращении в Германию передав нескольким своим приверженцам эту сокровищницу арканов, стал ли он таинственным отшельником и прожил свою долгую старость в глубине пещеры, где смерть забыла о нем вплоть до 1484 года. В течение трех столетий ученый спор по этому вопросу никогда не затихал; и у нас нет ни малейшего желания нагромождать новые бессодержательные страницы на ворох старых... То, что этот грот, гробница Розенкрейца, был обнаружен лишь в 1604 году, сто двадцать лет спустя после кончины мага, в соответствии с необычным предсказанием, которое было высечено на стене скалы: «Через шесть двадцатилетий я буду открыт», — не имеет для нас пока особого значения. Все эти легенды, вне всякого сомнения, представляют свой интерес и обладают своим каббалистическим

¹⁴⁶ Он приходит... В латинском тексте слово «*venit*» («приходит») может относиться как к «*tempus*» («время»), так и к «*aetas*» («эпоха»). Отказываясь от этого подлежащего к глаголу *venit*, мы руководствуемся розенкрейцерской традицией, относящейся к Илии-Художнику, имя которого Братья часто подразумевают.

смыслом. То же самое можно сказать о тысяче и одной чудесной вещи, которые (как нас уверяют) духовные наследники Розенкрейца также обнаружили в таинственной пещере. Для того чтобы составить этот перечень и раскрыть сокровенный и глубокий смысл этих многочисленных символов, в любом случае, понадобилось еще больше расширить значения; возможно, когда-нибудь мы подумаем об этом.

Ну, а пока мы можем только утверждать, что братство Розы и Креста, основные эмблемы которого отсылают нас к поэмам Данте и Гийома де Лорриса, очень долгое время действовало в тени, прежде чем проявило себя явными делами.

В наши дни, когда фантазеры от магии доходят в своих мистификациях до того, что навешивают ультрамонтанский ярлык на Розенкрейцерство — восстановленное с тех пор (заявляют они) во всей чистоте своего славного происхождения¹⁴⁷, — возможно, будет весьма интересно привести два пункта из «Манифеста»¹⁴⁸ Ордена, опубликованного его великим магистром в 1615 году. По словам их современника Ноде¹⁴⁹, братья провозглашают в нем:

Что с их помощью тройная папская диадема будет обращена в прах;

Что они откровенно признаются и объявляют ко всеобщему сведению, вовсе не опасаясь ареста, что папа — это Антихрист.

Тремя строками ниже они высказывают пожелание, чтобы люди вернулись к догматической и ритуалистической простоте ранней Церкви.

Несомненно, эти пункты, как и все остальные пункты их «Манифеста», умышленно преувеличены и явно доведены до сверхъестественного, а порой и до абсурда. В них объявлено о множестве чудес,

¹⁴⁷ Название *Роза и Крест* не принесло счастья ультрамонтанам: по крайней мере, из чистой предосторожности им не следовало к нему прикасаться... Не являются ли иезуиты авторами масонской степени R.:C.: (18-я степень нынешнего Шотландского обряда)? Это известный факт. С помощью этого и нескольких других нововведений иезуиты надеялись, скрыв свои подлинные намерения, косвенным путем завладеть живыми силами цветущего ордена. Иезуиты — искусные вожаки. Но абстрактная суть названия, эксплуатируемого таким образом, оказалась сильнее их двуличной политики; этот оккультный агент завладел их делом и заставил его развернуться на сто восемьдесят градусов: так что масонская степень ∴ Розы и Креста, основанная иезуитами в прошлом столетии, на деле, украсила своими символическими побрякушками грудь их самых заклятых врагов! И поскольку существует закон природы, по которому *противодействие пропорционально действию*, ультрамонтанский агностицизм основателей уступил место материалистическому агностицизму их современных наследников.

Сами того не ведая, иезуиты вызвали далекий призрак *Илии-Художника*. Илия-Художник появился на мгновение, «вывернул» их организацию, как выворачивают перчатку, и затем тотчас же исчез, оставив дело этих фанатиков на произвол фанатизма противоположного толка.

¹⁴⁸ *Fama Fraternalitatis Rosae-Crucis*; Francoforti, 1615, in-8°. На русском языке см. в книге «Химическая Свадьба Христиана Розенкрейца в году 1459». М.: Энигма, 2003.

¹⁴⁹ *Instruction a la France sur la verite de l'histoire des freres de la Rose-Croix*; Paris, 1623, petit in-8.

часть из которых, если принимать их *буквально* (а буква мертвит, как говорил св. Павел), наталкивается на физическую невозможность. Но под этой парадоксальной формой изобретательные теософы позаботились скрыть от глаз глупцов и указать для проницательных мудрецов наиболее ценные истины традиционного оккультизма.

Так, розенкрейцеры никогда не отрекались от католицизма в великолепном значении его подлинной этимологии, раскрывающей высший эзотеризм; они были слишком вдохновлены *животворящим Духом*, для того чтобы посягать на гностическую иерархию. Они (настолько привязанные к христианским символам, что они даже называли свою верховную коллегия *Часовней Святого Духа*, а одну из своих наиболее оккультных инструкций — «*Евангельской Свободой*») были далеки от того, чтобы не признавать в Святом Отце воплощенный принцип живого единства, а в духовном папстве — основу храма-синтеза, где когда-нибудь будут совершать богослужение понтифики, наставляющие в универсальной Религии-Мудрости. Более того, многие из Братьев, рожденные в протестантизме, громко провозглашали себя *католиками*, по примеру их знаменитого покровителя Кунрата из Лейпцига.

Нужно ли напоминать, что сам Валентин Андреас стал в 1620 году организатором *Христианского братства*, которое позднее растворилось в «материнском» Братстве Розенкрейцеров?

Но к злоупотреблениям мирского папства они были беспощадны и бичевали его смехотворные стороны, клеймя позором его интриги, непрерывно и безжалостно.

Антиклерикальные речи розенкрейцеров так гневно гремели по всей Европе в первые пятилетия XVII века, что люди верили в существование тайного общества фанатиков-гугенотов; но они ошибались. «Антиклерикальный» далеко не всегда означает «антикатолический» или «антихристианский»; было бы ошибкой смешивать эти понятия. В папе розенкрейцеры различали две силы, воплощенные в одном теле: Иисуса и Кесаря; и когда, объявляя Антихристом преемника св. Петра, они грозились разбить его тройную корону, то имели в виду лишь мирского деспота Ватикана.

Во всей их системе принято было утрировать формулы вплоть до парадокса и искажать деяния вплоть до чудес. Они заимствовали этот метод у своих учителей — каббалистов. Придавать аллегориям такой неправдоподобный оборот, чтобы только глупцы испытывали интерес к их внешнему смыслу и чтобы все остальные сразу же догадывались о глубокой ценности их скрытого смысла: это было не так уж и нелепо. Так, они вывешивали в Париже в 1622 году воззвания, которые в прямом смысле — и вы с этим согласитесь — интриговали проницательные и отталкивали неповоротливые умы:

ПЕРВОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ: «Мы, представители главной Коллегии Братьев Розы и Креста, зримо и незримо пребываем в этом городе, милостью Всевышнего, к которому устремляется сердце праведников. Мы показываем и учим без книг и знаков говорению на всевозможных языках тех стран, в которых мы хотим побывать, дабы вывести своих ближних из заблуждения и избавить их от смерти».

ВТОРОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ: «Если у кого-нибудь возникнет прихоть увидеть нас из сугубого любопытства, то он никогда не снесется с нами; но если действительное и подлинное желание заставит его записаться в реестр нашего братства, то мы, судящие по мыслям, покажем ему истинность наших обещаний; посему мы не указываем места нашего пребывания, поскольку мысли, в сочетании с действительным желанием читателя, сумеют свести его с нами, а нас — с ним».

Мы не удивим даже начинающих исследователей оккультизма, если заявим здесь о том, что изложение этих прерогатив, которыми щеголяли Братья, скрывает под видом безнадежного безумия значения самой совершенной мудрости. Пожалуй, лишь последнее из требований, которым они кичатся и которое может показаться чрезмерным, можно понимать буквально. Оно напоминает о непременном условии приема в высшую степень глубоко оккультного и весьма малоизвестного Братства, в верховный ареопаг которого кандидат обязан явиться в *астральном теле*...

Просвещенные Братья Розы и Креста принимали на себя обязательства заниматься оккультной медициной на всем пути своего следования, никогда не принимая вознаграждения под каким бы то ни было предлогом. Психургия, Витальная Власть, Герметизм, Теургия и Каббала вовсе не были секретом для наиболее продвинутых из них.

Один из пунктов их символа веры предписывал «твердо верить в то, что, если их общество потерпит неудачу, то оно может быть возвращено в гробницу его первооснователя». Что означает: если случится так, что Братья скомпрометируют себя в миру, Орден, который они не полностью проявят в *поступках*, возвратится в *потенциальное состояние*; из явного он снова станет тайным...

Не бывает идеальных людей и вечных сообществ. Орден потерпел неудачу и около 1630 году возвратился — как регулярная организация — в оккультную тьму, из которой он вышел примерно двадцатью годами ранее¹⁵⁰. Лишь отдельные Розенкрейцеры появлялись время от времени. Очевидно, коллективное единство долгое время «спало» в тишине грота, из которого оно снова вышло в 1888 году.

¹⁵⁰ Примерно в это же время возникло братство под названием «Общество Незвестных Философов», происходящее от Розенкрейцеров, адепты которого занимались главным образом алхимией. Их Устав можно прочесть в *Traitez du Cosmopolite nouvellement decouverts*. Paris, 1691, in-12°.

Люди подвержены заблуждениям, злобе и ослеплению, а Розенкрейцеры — тоже люди; но не следует приписывать их ошибки абстрактной сути Ордена. Илия-Художник непогрешим, бессмертен и, кроме того, недоступен для несовершенств, равно как и для позорных и смешных черт тех людей из плоти и крови, которые хотят явить Его миру. Дух света и прогресса, Он воплощается в существах доброй воли, которые Его призывают. Кто-то споткнулся на пути? Значит, в нем больше нет художника Илии.

Заставить это высшее Слово лгать невозможно, хотя и можно лгать от Его имени. Ведь рано или поздно Оно находит орган, достойный Его (хотя бы на минуту), верные и преданные уста (хотя бы на время произнесения одной речи). Через этот избранный орган или через эти случайные уста — какая разница? Его мощный голос раздается, вибрируя от той спокойной и решительной уверенности, которой наделяется человеческое слово благодаря вдохновению Свыше. Так изобличаются на земле те, кого Его справедливость осудила в абстрактном смысле.

Остережемся извращать традиционный дух Ордена: проклятые в тот же миг свыше, мы рано или поздно будем отвергнуты на этом свете тем таинственным демиургом, которого Орден приветствует именем *ELIAS ARTISTA!*

Он еще не есть сам свет, но, подобно св. Иоанну Крестителю, Его миссия состоит в том, чтобы свидетельствовать о Свете славы, который должен засиять с нового неба над обновленной землей. Пусть же Он проявится в виде советов силы и расчистит пирамиду святых традиций, обезображенную разнородными слоями обломков и строительного мусора, накопившимися на ней за двадцать веков. И пусть, наконец, Он откроет пути для пришествия Христа во славе, в высшем нимбе которого исчезнет — завершив Свое дело — предтеча грядущих времен, человеческое выражение Святого Духа, даимон Науки и Свободы, Мудрости и полной Справедливости: Илия-художник.

3) ... которыми Брингарет облакает...

БРИНГАРЕТ, вероятно, Иоанн Брингерн, автор немецкой версии «Манифеста» Андреаса, напечатанной во Франкфурте в 1615 году вместе с переводом «Исповедания веры Братьев Р. К.» (См. Gabriel Naude, *Instruction a la France*, page 31).

4) ...эти полотна принадлежали кисти их владельца.

Внимательный читатель «Занони» обязательно должен вспомнить при этом о живописце Кларенсе Глиндоне, одном из персонажей, которые выступают на первый план этого великого эзотерического сочинения.

Глиндон — кандидат, исключенный из числа адептов не вследствие умственной неспособности или душевной слабости; его погубили, наоборот, гордыня и дерзость, приведшие к тому, что он пренебрег категоричными приказами Мага Меджнура.

Неофит мистерий пожелал быть обязанным короной избранничества лишь своей собственной отваге; в отсутствие иерофанта он попытался завоевать силой преимущества *Sanctum Regnum*¹⁵¹; он бросил вызов Стражу Порога... Меджнур накажет его, навсегда закрыв для него дверь святилища; ведь поражение — окончательное, и высшее испытание не проходят дважды. Но, тем не менее, была установлена связь между видимым и невидимым; разорвана завеса, отделявшая Глиндона от астрального мира. Вернувшись к обычной жизни, художник будет разрываться между двумя враждебными влияниями, благоприятным и неблагоприятным, которые будут бороться за его существо, — а именно, животворящим свойством эликсира и преследованиями призрака.

Наконец, когда Занони освобождает его, возвращая к активной и безмятежной жизни, предшествовавшей испытанию, его долгая пытка кажется ему воспоминанием о дурном сне, и полученный в школе двух халдеев содержательный урок, который один уцелел при крушении его обманутых иллюзий, превращает постаревшего Глиндона в посвященного-теоретика, страстного любителя оккультных наук...

Какова бы ни была доля вымысла, примешавшаяся к возможной реальности фактов, излагаемых в данном предисловии, нет никаких сомнений, что Бульвер хотел дать понять, что Глиндон и пожилой джентльмен, встреченный в необычной книжной лавке — одно и то же лицо. Множество деталей не позволяют сомневаться в том, что проницательный читатель без труда обнаружит сам.

5) ...четкое различие между Реализмом и Истиной.

Реализм рабски копирует вещи, исходя из представления, которое дают о них органы чувств в физическом мире; подлинное искусство, сопоставляя это представление, данное органами чувств, с интуитивно предчувствуемым идеалом тех же самых вещей, исправляет и корректирует предметы по образцу их архетипа. И если Реальное можно постигнуть под той видимостью, которая предлагается нам чувственным образом, то Истинное постигается лишь в откровении Сущностей и чистых Форм; поэтому нам следует называть реальностью *то, что есть*, в позитивистском смысле (или, точнее, то, что кажется), а истиной — *то,*

¹⁵¹ Святое Царство (лат.).

что должно быть (или, скорее, есть в потенции, постигаемое по праву, но не существует физически, воспринимаемое фактически).

6) ...заплатившего жизнью за злобные насмешки...

Виллар (аббат, Монфокон де), родившийся в 1635 г. недалеко от Тулона, умер в 1673 году при крайне загадочных обстоятельствах. Современники обычно считали его жертвой оккультной мести.

В 1670 году аббат де Виллар опубликовал под названием «*Граф де Габалис, или Беседы о Тайных Науках*» довольно странный памфлет, написанный к тому же в шутливой форме, где он высмеивал символизм розенкрейцеров, истолкованный буквально; но весьма двусмысленный слог и сам характер книги позволяют предположить, что, будучи ревностным сторонником Высшей Науки, он посмеивался только для вида и лишь «краешком губ». С другой стороны, хорошо известно, что он был некогда посвящен в тайны этого каббалистического Ордена и сам сообщил полушутливым, полутревожным тоном нескольким из своих близких друзей, что, вызванный недавно в своего рода Вемский суд по обвинению в профанации арканов, он счел возможным не подчиниться приказу; но что братья приговорили его заочно к смерти, уготованной разоблачителям и изменникам... Однако ему была предоставлена отсрочка, чтобы он мог обжаловать приговор... Друзья аббата посчитали это мистификацией в духе шуток, рассказываемых с серьезным видом. Но они вспомнили обо всех этих разговорах, когда поднимали с земли духовного памфлетиста, злодейски убитого на Лионской дороге (1673).

7) ...Саламандры и Сильфы!... вы впадаете в привычное заблуждение...

Под изящной аллегорией брака Розенкрейцеров с Саламандрами, Сильфами и другими Духами элементов adeпты Школы Парацельса символически подразумевали ту власть, которую человек может обрести над полусознательными силами Натуры.

Читателю хорошо известно, что, согласно «букве» этих традиций, *Саламандры* обитают в области Огня, а *Ундины* — в области Воды; что *Сильфы* населяют бескрайнее пространство воздуха, а *Гномы* — пещеры подземного мира. Языческая древность еще более умножала число демиургических рас, или низших божеств. Каждый народ изобретал имена для их обозначения; не было ни одного источника, который не гордился бы какой-либо покровительствующей нимфой, и ни одного леса, в котором не почитали бы фавнов, сатиров, сильванов и т. д.

8) ...шедеврах Аполлония.

Аполлоний (Тианский), см. стр. 55.

9) ...В таком случае, вы никогда не видели снов.

Это возражение посвященного старика исполнено глубины.

Известно, что во время сна внутренний человек покидает свою материальную оболочку, чтобы погрузить свое утомленное световое тело во вселенский флюидический Океан и восстановить свою иссякшую жизненную силу. Он может переноситься на невероятные расстояния (см. *Заметки об Экстазе*, стр. 169–172) и различать вещи, внешние по отношению к нему, на физическом и астральном планах, посредством воспринимающих органов своего аромального тела, или формирующего медиатора. Но как бы далеко это потенциальное существо ни отходило от своей конкретной оболочки, они остаются связанными между собой симпатической цепью, обладающей такой силой действия, что при малейшем аномальном ощущении, воспринятом посредством этой флюидической «пуповины», внутренний человек внезапно возвращается в свое внешнее тело, в котором он тотчас снова водворяется: этим объясняется пробуждение. В некоторых случаях, к счастью, довольно редких, когда шок отличается крайней интенсивностью, «пуповина» может порваться, что влечет за собой немедленную смерть. Вот почему так опасно резко будить людей, видящих сны.

Само сновидение — не что иное, как более или менее расплывчатое восприятие отражений и явлений астрального мира, довольно смутные воспоминания о которых лишь частично согласуются между собой в состоянии бодрствования.

Посвященные знают, в каких сверхфизических условиях астральное тело, таким образом исторгнутое из своего телесного подобия благодаря сну или экстазу, само может сгущаться и *объективироваться* до такой степени, что становится *видимым* и *осязаемым*, на громадных расстояниях от того места, где неподвижно покоится материальное тело, обычно, в состоянии каталепсии. История представляет нам ряд примеров этого явления, которые могли быть легко проверены. «Ничто на свете, — пишет Элифас, — не было лучше удостоверено и более неопровержимо доказано, чем видимое и реальное присутствие Р. Альфонса де Лигуори рядом с умирающим папой, в то время как ту же самую особу наблюдали у нее дома, на большом расстоянии от Рима, пребывающей в молитве и экстазе. Присутствие миссионера Франциска Ксавьера в нескольких местах одновременно также не менее точно установлено. (*Dogme de la Haute Magie*, page 277)». См. также

книгу Гурнея, Майерса и Подмора «*Phantasms of the living*»¹⁵² (3 vol. in-8°) или французское резюме этого большого произведения, появившееся стараниями г-на Л. Марилье под более завуалированным и менее знаменательным названием: «*Les Hallucinations telepathiques*»¹⁵³ (Paris, 1891, in-8°).

Эта фаза появления на расстоянии живого существа, спящее тело которого покоится в данный момент вдали от места, где наблюдается сам феномен, получила название *биолокации*.

10) ...очевидцем Французской революции...

Излишне подчеркивать эту деталь, раскрывающую, помимо всего прочего, тождество — которое, на наш взгляд, напрашивается само собой — Кларенса Глиндона из романа и «пожилого джентльмена» из Предисловия.

11) ...Платон выделяет здесь четыре вида Экстаза...

Корнелий Агриппа, в третьей книге своей «*Оккультной философии*», дает обширный комментарий к этой четверной классификации, согласно Платону и Александрийцам (главы XLVI—XLIX).

Давая определение *Экстаза* (озарения души Богами или даймонами) как отчуждения чувственного, животного человека, а также лигатуры, удерживающей в плену этого «тюремщика» души, таким образом, что она вырывается из более не охраняемой темницы и, отныне свободная, под божественным влиянием, охватывает все вещи и предвидит будущее, Агриппа подробно рассматривает четыре вида *исступления*, или экстаза, которые он различает по их происхождению: первый происходит от Муз (музыкальный Экстаз); второй — от Диониса (мистический Экстаз); третий — от Аполлона (символический Экстаз); и, наконец, четвертый — от Вены (любовный Экстаз).

Первое исступление, по словам ученика Тритемия, любящее интеллект, делает его божественным и способным притягивать вниз высшие влияния, благодаря свойствам природных вещей¹⁵⁴. Музы — не что иное, как души небесных сфер, которые иерархически упорядочивают притягивающие свойства вещей внизу по отношению к вещам вверху. Луна правит растениями, камнями и металлами; Меркурий — тем, что происте-

¹⁵² «Призраки живых» (англ.).

¹⁵³ «Телепатические галлюцинации» (фр.).

¹⁵⁴ Одного этого определения достаточно для того, чтобы понять, что растения, благовония и мистические инструменты сами по себе неэффективны, если маг не наделяет их силой, магнетизируя их своей волей.

кает от животной природы и, в частности, тем, что относится к питью и еде; *Венера* — благовониями, мазями, испарениями и курениями; *Солнце* управляет голосом, словами, музыкой и гармонией; *Марс* — бурными страстями, движениями души и полетом воображения; *Юпитер* заведует всем, что подчиняется рассудку; а *Сатурн* — тем, что относится к интеллекту и чистому духу: таковы семь планетных сфер. Остаются восьмая сфера *Неподвижных звезд*, влияющая на астрологию и ее инструменты, и, наконец, девятая сфера *Перводвигателя*, оказывающая свое воздействие на аналогические и символические вещи: числа, фигуры, пантакли, изображения божеств и т. д. Таково, по словам Агриппы, космическое управление девятью Музами и их соответствия...

Второе исступление, эманлирующее от Диониса, достигается с помощью внешних церемоний культа: экзорцизмов, таинств, религиозных празднеств, обрядов, атрибутов и т. д. Вознося душу в духовную область, которая является ее наивысшей частью, Экстаз Диониса превращает эту душу в неоскверненный храм, достойный посещения богов. Отныне боги обитают в ней и наполняют ее оракулами, в излиянии божественной радости и неизреченной мудрости. Они проявляются не через знамения или предзнаменования, а непосредственно приводя в действие дух; и порой также через ясные видения или отчетливые голоса. Один из многих примеров: даймон Сократа.

Третье исступление проистекает от Аполлона, который является все-ленским Духом, разумной мировой душой. Если исступление Диониса вызывается внешними атрибутами культа, то исступление Аполлона достигается с помощью тайных мистерий, поклонений, заклинаний, силы освященных предметов и магических обрядов. Это пророческий Дух, который внезапно обрушивается на смертного и охватывает его целиком. Самый невежественный человек, обретая силу во всемогущих объятиях Бога, вещает оракулы наивысшей мудрости. Примером могут служить Сивиллы.

Четвертое исступление, посылаемое ВЕНЕРОЙ, любовное исступление, отождествляет человеческую душу с божественной природой и уподобляет ее Силам эмпирея. В нем следует видеть реинтеграцию в собственном смысле слова: сущностный контакт, временное слияние преображенной человеческой души с преображающим божеством, которое *непосредственно* вдыхает в нее Мудрость, в возвышенном объятии за пределами Понимания. Вот почему Орфей изобразил Любовь слепой, словно бы превосходящей человеческое понимание¹⁵⁵, добавляет Агриппа.

¹⁵⁵ Которое является рациональным оком души. Вкратце пересказывая Агриппу, мы постоянно пытались прояснить его комментарии, немного запутанно изложенные.

Эти различительные комментарии превосходны¹⁵⁶. Но нам ничего не мешает истолковать платоновский текст иначе — ведь смысл апофтегм в магии столь же многообразен, сколь и смысл самих символов. Так, Экстаз, посылаемый *Музами* (вдохновительницами разумов, равно как и руководительницами сфер) может трактоваться также как спонтанное озарение, благоприятствующее гениальным людям: будь то внезапная острота мысли или творческая вспышка искусства. Здесь кроется аркан полусознательного апофеоза адамической природы, которая временами становится явной, а затем вновь затемняется.

Можем ли мы рассмотреть «музыкальный Экстаз» в его узком значении? Как читатели «*Занони*», мы имеем на это право, памятуя о преобладающей роли¹⁵⁷, уготованной Литтоном отцу молодой девушки — чудаковатому и гениальному маэстро Пизани. Виола, рожденная благодаря сновидению, будет жить во сне, защищенная от внешнего мира стеной мелодии. Сильфы и Саламандры с трепетными музыкальными крыльями проявляются по своему желанию в той феерической атмосфере, которую порождают аккорды *лютни*. Это подлинная заклинательная теургия у колыбели младенца; чудесное окружение предопределяет для нее встречу с магом, для которого она станет роковой отрадой и невинным бичом. Уже можно прочесть ее неизбежную будущую судьбу, в потенции заключенную в звуковые волны отцовской скрипки.

Знают ли самые сильные музыканты современности о том, что такое Музыка с точки зрения ее сущности и ее потенциала? Они видят в ней только искусство — божественное, но искусство. «Но то, что превращало Музыку в столь важную науку для древних, было способностью, которую они за ней признавали, служить простым средством перехода от физического к интеллектуальному таким образом, что, преобразуя идеи, которые она поставляла, из одной природы в другую, они считали возможным переходить, по аналогии, от известного к неизвестному.

¹⁵⁶ Некоторые возражения, которые могут возникнуть у духа при первом чтении, отступают перед малейшими усилиями понимания. Нашли ли вы неточно определенную границу между тремя первыми разрядами? «Природные вещи», отнесенные к разряду *Муз*, действительно, вновь появляются в разрядах *Диониса* и *Аполлона*, в освященных предметах великих мистерий и инструментах, необходимых для религиозных и священных ритуалов. Но они появляются уже в другом качестве. Музы управляют имманентными свойствами этих вещей; Дионис — религиозной силой, которой их наделяют церемонии официального культа; и, наконец, Аполлон — мистическими и сивиллическими свойствами, которые они могут обрести посредством магии или личных заклинаний теурга. Эти природные вещи, существование которых напрямую зависит от Муз, обладают к тому же косвенным и вторичным значением для дионисийского и аполлонического экстаза.

¹⁵⁷ Что касается эзотерического родства Виолы.

Поэтому музыка была в их руках своего рода пропорциональной мерой, которую они прикладывали к духовным сущностям (Fabre d'Olivet, *Hist. philos.* I, p. 264)». Этой простой цитаты должно быть достаточно. Она позволяет увидеть, в какой степени Музыка сама по себе может служить основой для одной из категорий небесного озарения — категории *музыкального экстаза*, наименование которой отныне можно истолковывать в прямом смысле...

12) ...этой тайнописи.

Иероглифы, подобные тем, образец которых предлагает Бульвер, встречаются во всевозможных *гримуарах* и, в частности, в рукописи «*Ключиков Соломона*». Что же касается ключа к ним, то его предпочтительно искать в следующих трех работах: *Polygraphie et universelle ecriture cabalistique* de M. Iean Tritheme, *abbe*, traduite par Gabriel de Collanges... (Paris, Jacques Kerver, 1516, in-4°, fig.); *De furtivis litterarum notis, vulgo de Ziferis, libri iv*, Ioanne Baptista Porta *autore* (Neapoli, 1563, pet. in-4°, fig.) и *Traicte des chiffres ou secretes manieres d'escrire*, par Blaise de Vigenere, *Bourbonois* (Paris, Abel L'Angelier, 1587, in-4°, fig).

КОНЕЦ КНИГИ

«ОЧЕРКИ О ПРОКЛЯТЫХ НАУКАХ»

LE SERPENT
DE LA
GENÈSE

PREMIÈRE SEPTAINE

LE TEMPLE DE SATAN

PAR
Stanislas de GUAITA

СТАНИСЛАС ДЕ ГУАЙТА

ЗМЕЙ КНИГИ БЫТИЯ

ПЕРВЫЙ СЕПТЕНЕР

ХРАМ САТАНЫ

ЗМЕЙ КНИГИ БЫТИЯ

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ ПЛАН ЭТОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ТАБЛИЦА РАЗДЕЛОВ И СООТВЕТСТВИЙ

ВВЕДЕНИЕ. — ПРЕДИСЛОВИЕ.				
	Главы	СООТВЕТСТВУЮЩИЕ АРКАНЫ ТАРО	УКАЗАНИЕ АНАЛОГИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ	НАЗВАНИЯ ГЛАВ
КНИГА I (Первый Септенер)	Глава I	Фокусник	Единство. Принцип, Объект.	Дьявол.
	— 2	Папесса	Бинер. Способности, Субъект.	Колдун.
	— 3	Императрица	Тернер. Связь, Слово.	Колдовские работы.
	— 4	Император	Кватернер. Кубическое Основание, Могущество.	Человеческое правосудие.
	— 5	Папа	Квинер. Воля, ее Орудия.	Арсенал колдуна.
	— 6	Влюбленный	Сепер. Оппозиция, Обоюдность, Средний термин, произведение.	Современные авагары Колдуна.
	— 7	Колесница	Септенер. Триумф, Завершение, Полнота, Богатство, Избыток.	Цветы бездны.
Храм Сатаны	Глава I	Справедливость	Равновесие, Баланс, Гармония.	Равновесие и его агент.
	— 2	Отшельник	Уединение, Власть над астралом.	Тайны одиночества.
	— 3	Колесо Фортуны	Причинность, Коллективная жизнь, Становление.	Колесо Становления.
	— 4	Сила	Энергия, Средства раскрытия.	Сила воли.
	— 5	Повешенный	Добровольная жертва, Наложение планов.	Магическое рабство.
	— 6	Смерть	Дезинтеграция, Обнажение.	Смерть и ее тайны.
	— 7	Умеренность	Мутации, Изменения, Комбинации, Обмены.	Магия трансмутаций.
КНИГА II (Второй Септенер)	Глава I	Дьявол	Фатальные токи инстинкта.	Нахаш, Эдемский Иску-ситель
	— 2	Башня, пораженная молнией	Крушение, Падение, Отчаяние.	Грехопадение Адама (Инволюция).
	— 3	Звезда	Идеальность, Выкуп, Надежда.	Искупление (Эволю-ция).
	— 4	Луна	Ловушка, Сжатие (Эреб).	Трудности путешествия.
	— 5	Солнце	Сияние, Богатство, Расширение (Иона).	Костер Геракла.
	— 6	Суд	Воскресение, Восстановление, Возвращение.	Воскресение из Мерт-вых.
	— 7	Шут	Ниспровержение, Беспорядок, Распад, Самоубийство зла, победенно-го его же собственным оружием.	Безумство Любви.
КНИГА III (Третий Септенер)	Эпилог	Мир	Универсальный синкретизм, Матеза.	Сатана-Пантей исчезает в Боге.
Проблема Зла				

После нескольких общих замечаний о состоянии умов и характере нынешней цивилизации, во *Введении* описываются цель и разделы этого произведения.

«ЗМЕЙ КНИГИ БЫТИЯ» состоит из трех книг (*Храм Сатаны, Ключ к Черной магии, Проблема Зла*), каждая из которых включает в себя семь глав: всего двадцать одна глава. Двадцать вторая глава образует Эпилог. И каждый из этих подразделов соответствует, насколько это позволяет общая тема, одному из двадцати двух Арканов Цыганского Таро.

Не следует искать в двадцати двух подразделах «Змея Книги Бытия» точный комментарий к двадцати двум ключам Таро.

Наше произведение, разрабатывая довольно узкий предмет, не подойдет для подобного развития темы (на синтетическом, математическом, необходимо универсальном уровне). Мы ограничимся тем, что изложим данный предмет в свете двадцати двух Арканов; он впитает в себя этот свет в соответствии со своей собственной восприимчивостью: подобно зеркалу, он отразит для нас только те лучи, которые достигнут его поверхности.

Так, первый Септенер — «Храм Сатаны» — имеет лишь косвенное и скрытое отношение к первым семи картам. Однако посвященные по достоинству оценят эти менее дальние аналогические следствия, в которые они не могли бы поверить в самом начале.

В «Ключе к Черной магии» — втором Септенере — мы больше приближаемся к прямому и непосредственному смыслу 8-й и 14-й карт Таро; мы касаемся его практически постоянно. Причину такого соответствия следует усматривать в почти полной тождественности предметов: в самом деле, не обсуждает ли эта книга сакральные тайны Натуры, иероглифы которых параллельно представляет нам Таро? Поэтому мы будем иметь возможность, на протяжении всей второй части, описывать и даже комментировать карты, которые соответствуют в цифровом отношении семи составляющим ее главам.

«Проблема Зла» — третий Септенер — заставит нас немного отклониться от этого центрального пути, отбросив нас к производным и опосредованным толкованиям. Но, несмотря на свою подчас косвенность, соответствия двадцати двум ключам «*Книги Тота*» сохраняют, тем не менее, безупречность до самого конца.

В целом, наше произведение целиком построено по магическим пропорциям Таро. От одного «крыла» до другого фундаментом и опорой ему служат сооружения и подведенные под них другие постройки этого обширного памятника эзотерического синтеза. Пусть же оккультисты судят наш скромный труд, прочно опираясь на это нерушимое здание.

ВВЕДЕНИЕ

I

В то время, когда мы пишем эти строки, интеллектуальный мир пребывает в полной растерянности. Торжество худшей из эпидемий — агностицизма — можно предсказать по трем наиболее тревожным симптомам: бреду непочтительности, мономании относительного и горячке индивидуализма.

Если бы современный Богослов, благоговейно собирая наставления прошлого, подобно тому, как сын выполняет последнюю волю отца, почтительно обратился к завещанию первых мудрецов;

Если бы Ученый, не пренебрегая терпеливым изучением совершившихся фактов и не откладывая большое аналитическое исследование, заботился о поступательном отборе множества разрозненных элементов, с целью создания универсального синтеза — где расположились бы двумя ступенчатыми иерархиями науки физические, нравственные, интеллектуальные и божественные;

Если бы, наконец, Мыслитель, менее заботясь о том, чтобы казаться оригинальным, а не искренним и правдивым, проявлял поэтому меньше готовности отвергать любой традиционный авторитет, вместо того чтобы преданно изучать извечно абсолютные принципы, сформулированные (или не сформулированные) кем-нибудь другим;

Если бы теологи, ученые и философы были такими, то XIX столетие, в самом деле, стало бы веком просвещения, а Париж — городом-солнцем.

Но, увы! Если не считать кропотливых исследователей-позитивистов, неумоимо и без всяких выводов нагромождающих на Оссу мелких констатаций Пелион скрупулезных замечаний¹; если не считать набожных, но слепых привер-

¹ Выражение возникло из «Одиссеи» Гомера (11, 305 — 320), где рассказывается о том, как внуки Посейдона, братья-великаны Отос и Эфиальт стали угрожать богам «Оссу на древний Олимп взгромоздить», «Пелион взбросить на Оссу», чтобы взять приступом небо (Осса и Пелион — горы в Греции). Но Аполлон убил дерзких титанов. Выражение это употребляется в значении: совершить какое-нибудь необычайно сложное, грандиозное дело, а также иронически об огромной энергии, затрачиваемой на что-либо незначительное. (Прим. перев.)

женцев убивающей буквы, этих драконов священной пещеры, единственная заслуга которых состоит в том, что они сохраняют в неприкосновенности символическое сокровище навсегда закрытой для них самих догматики: что сказать о тех, кто всё еще пребывает во власти расхожих представлений?

Поскольку их амбиции ограничены тем, чтобы присвоить себе какую-нибудь чужую систему — которая, впрочем, кажется им вполне своей, — они а priori оспаривают учение своих предшественников и доводят соревнование между коллегами до самых мелочных поношений. Никто не хочет последним изобличить своего ближнего, который смотрит на вещи с неточной, ошибочной, ложной точки зрения... Так, словно бы роль синтеза состоит не в том, чтобы охватить все относительные точки зрения в одном абсолютном созерцании истины! Это и есть Высшая Наука, которую великолепно определил Спиноза, сказав, что она рассматривает предметы под знаком вечности.

Тем не менее, каким бы безнадежным ни казалось в наше время святое дело Целостной Истины, внимательный наблюдатель может заметить, наряду с симптомами разложения и смерти, другие, не менее достоверные признаки восстановления и возрождения.

Всё это было предопределено. Внутри плавильного тигля от шлака отделяется благородный металл — и новый мир в своей работе по старательной перестройке использует мельчайшие обломки мира старого, полностью разъединенного и дезорганизованного, чтобы предоставить уже готовые материалы архитекторам будущего.

Так Будущее питается Прошлым; так наша Небесная Мать² способствует зарождению и цветению нетленной жизни на «навозе» смерти — плодородной почве, которую удобряет вселенская «свалка» эфемерных существований, накапливающихся изо дня в день.

В далекие века, когда процветали цивилизации более грандиозные, но, прежде всего, более благородные и более сильные, чем наша — ибо они зиждились на единстве Синтеза, а не на раздробленности Анализа, на здоровой и сакральной Иерархии, а не на болезненной и разлагающей Анархии; в далекие века Наука и Вера отождествлялись в едином и неделимом сиянии Тотального Сознания; Жречество и Образование шли руку об руку, открывая два различных пути к одному и тому же идеалу; и почтенные религиозные Университеты сплавляли юных учеников в изучении и почитании Истины. В конце концов, понтифик и ученый были объединены в лице учителя, которому было поручено, под именем Иерофанта³ постепенно посвящать людей, достойных этого имени, в

² София гностиков, а затем Бёме и Сен-Мартена; Природа творящая, «супруга» чистого Духа; одним словом, Провидение, или универсальное сознание Жизни как принципа.

³ Иерофант был одновременно тем, кого бы мы назвали Архиепископом и Ректором Университета; простые профессора-священники, иерархически группировавшиеся вокруг него, принимали звание Магов.

Портрет маркиза де Сент-Ив д'Альвейдра

четыре иерархии сакральных наук и при их содействии совершать публичные церемонии: так, на тройных «крыльях» изучения, созерцания и молитвы неопит постепенно возвышался от познания того, что есть, до таинственных и неизреченных арканов Того, кто есть вечно.

Таким представляется нам научно-религиозное образование во всей третьей империи, основанной Рамой; таким, после восстания Иршу и раскола Йониджа, мы еще встречаем его в странах, которые сумели, подобно Египту и Этрусским Конфедерациям, сохранить нетронутым традиционное сокровище древнейшей ортодоксии.

«Философическая история рода человеческого»⁴ Фабра д'Оливе не оставляет никаких сомнений в достоверности этих исторических фактов; но они проявляются с особенной очевидностью для того, кто беспристрастно размышлял над более новым и не столь суммарным трудом маркиза де Сент-Ив д'Альвейдра «Миссия евреев»⁵.

Оскорбленная в своем суетном самодовольстве, наша вчерашняя цивилизация может вложить грубые насмешки в уста своих скептических защитников; противопоставить смех Вольтера вдохновенному голосу эпопта, который внезапно разрывает у нас на глазах покрывало героических времен⁶. В конечном счете, ничто не может перевесить положительно установленных фактов, и когда святая Истина испускает свой сияющий глагол, то она заглушает своими громовыми раскатами пронзительный свист. Свистуны вольны затем продолжать свои нестройные протесты... Но факт не становится от этого менее бесспорным — гром прогремел.

Да, ваши исполинские обломки, о таинственные памятники прошлых веков, свидетельствуют о грозных и сакральных цивилизациях, в которых Знание и Вера (согласные в своем трижды святом принципе) оказывали друг другу взаимную поддержку: Религия освящала учение Гнозиса; а Гнозис подтверждал догматы Религии!.. И простые люди, сквозь матовый кристалл экзотерических мифов принимали лучи Истины-света, приспособленного к слабости их зрения.

Все антиномии примирены; все знания классифицированы; все возможные реальности «впадают» в абсолютную истину, подобно рекам, вливающимся в бесконечность моря: то был сильный, гармоничный, иерархический синтез!.. Подобно венозному и артериальному кровообращению в человеческом теле, по всему организму этого колосса скрещивались два потока сверхчувственного порядка — восходящий и нисходящий: один из них, вышедший из множества позитивных наблюдений, сходил в единстве трансцендентной и абсолютной Истины; другой, эмануя из этого высшего единства, наоборот, разветвлялся на лучистые каналы до бесконечности, чтобы распространить свой световой поток среди бесчисленного множества первоначально наблюдаемых фактов.

Одна Наука — о Бытии; одна Религия — Божественная — сливались в научный культ, или сакральный гнозис, посредством которого адепты поднимались к всеобъемлющему познанию божественной Истины.

Воспитанные в подобной школе, люди этой благословенной эпохи были гигантами; а мы — пигмеи.

⁴ Paris, J. Briere, 1822, 2 vol. in-8°.

⁵ Paris, Calmann-Levy, 1884, 1 vol. grand in-8.

⁶ Героические времена... название столь же неуместное, как и доисторические или легендарные времена; но для того, чтобы быть лучше понятыми, мы вынуждены принять терминологию, освященную обычаем.

Единодушным восторгом встречали они грандиозные деяния Разума и Справедливости; лучшие же из нас, обласканные нездоровым энтузиазмом, падают ниц перед кровавыми идолами самоуправной и грубой Силы.

Наши дальние предки восклицали: «Отчизна!», устремляя глаза к усеянному звездами небу; мы же, опьяненные кровью и ненавистью, восклицаем: «Отчизна!», отступаясь о холмик над свежей братской могилой, и под тот же рефрен грезим о будущих, еще более страшных гекатомбах.

Не слишком ли мы доверчивы и самонадеянны, когда провозглашаем нынешний приход Науки и Просвещения? Похожие на грубого римского цензуриона, называвшего греков варварами, мы исполнены презрения к героям античных цивилизаций. Мы, апостолы скептицизма, поднимаем на смех их наивную веру; их светлое воодушевление вызывает у нас улыбку — у нас, пресыщенных людей, обладающих энергией лишь для того, чтобы творить зло!

Но если бы мертвые всё же вернулись... При виде нашего разложившегося общества Рам или Зороастр могли бы, в свою очередь, от души рассмеяться, если бы не почувствовали скорее желания расплакаться над нами и нашим самонадеянным упадком.

Измеряется ли цивилизация множеством отдельных, эмпирических, аналитических познаний; прогрессом промышленности, роскоши и комфорта? Все эти вещи, несомненно, имеют свое значение, хотя и второстепенное, в структуре синархического государства; но реальная ценность общества измеряется его интеллектуальным и нравственным развитием, равновесием его органических функций и, в особенности, совершенством его унитарной системы.

Бесспорный прогресс позитивных наук, важность и разнообразие их применения; гигантское развитие промышленности; видимое процветание больших наций, которые, в конце концов, всегда поглощают малые; всеобщий рост (свидетельствующий об эгоизме) материального благосостояния; весьма активное распространение, несомненно, благотворного, но лишь начального образования: все эти проявления прогресса в современном смысле слова не приводят ли нас к заблуждению относительно ценности и универсальности нашего Европейского Синархического Государства?

Но если ограничиться поверхностным рассмотрением лишь с точки зрения социальных вопросов, таким ли уж завидным представляется нам это государство?

Что ж, вернемся к себе самим и обратимся к своей совести, чтобы она рассудила по справедливости!

Современное государство? Посмотрим на его плоды.

Нескрываемая вражда Науки и Религии; великая борьба между сторонниками авторитарной власти и либералами, ожесточенными и непримиримыми

мыми, как никогда; слепой Позитивизм, борющийся с бесплодным Эклектизмом за самые возвышенные умы, если только они не впадают в бесстыдный индивидуализм скептиков; Милитаризм, охватывающий все области: город, строящий казармы, и казармы, оттесняющие город; Социализм, слишком часто вступающий в союз с Нигилизмом, дабы одержать «победу» с помощью динамита или на эшафоте; Политическая экономия, расточающая свой изобретательный пыл, чтобы скрыть под покровом эвфемизмов неизбежность национальных банкротств — предзнаменований еще худших бед; Сельское хозяйство Европы, разоренное свободным обменом, — словом, все виды своеволия под именем Свободы; все виды несчастий под именем Равенства и все виды эгоизма под именем Братства! Неужели это признаки действительно процветающей цивилизации?

Ответ однозначен для того, кто сравнивал нынешнюю эпоху не с диктаторскими веками Ашшура и Римской империи (этими ничтожными обломками полностью разложившегося Синархического Государства), а с тремя тысячами пятистами мирных лет Овна, когда вселенская империя Рама щедро одаривала мир своим сияющим светом, таким ярким и нежным, что воспоминание о золотом веке хранится в сознании людей, подобно утешению в настоящем и надежде на будущее!

Какие материальные, интеллектуальные и нравственные катаклизмы понадобились, чтобы разрушить это величественное здание, этот святой собор вечного гармоничного андрогина, социального Адама-Евы?.. Но, устояв перед разрушительным действием веков — бросая вызов Сатурну и его косе, Нептуну и его трезубцу, не страшась Марса и его меча, — руины этого грандиозного прошлого сохранились: обелиски и пилоны по-прежнему возвышаются, исписанные иероглифами...

В этих «скелетах» прошлого обитает скрытая душа; могущественный глагол раздастся когда-нибудь в глубинах этих шестидесятивековых некрополей, и мнимая смерть еще раз раскроет дряхлому миру тайны жизни!

В ожидании того, когда все эти «останки» святой древности произнесут свое посмертное Слово, редкие мыслители расшифровывали иератические надписи разрушенных храмов и пантакли оклеветанных манускриптов; они готовы были проповедовать, с надлежащим благоразумием, новое Евангелие.

Довольно давно, с вершины креста, страждущий Христос огласил мир самым страшным криком, который когда-либо срывался из уст человека, с уст Бога, проявившего на миг малодушие и усомнившегося в Себе Самом: «Или, Или, лама савахфани!»

Близится пришествие Христа во славе: он приходил для того, чтобы понести страдания, освятить Самого Себя в крови и утвердить в смерти... Он снова придет для того, чтобы одержать победу, царствовать в мире и торжествовать в жизни.

Иисус Христос — идеальное солнце человечества; в его Евангелии следует искать закон вечной жизни; его дух содержится там целиком. Но он сам (не будем забывать об этом) предупреждал нас о том покрове, который нужно разорвать, если мы хотим, чтобы Минерва открылась нам в своей целомудренной и чудесной наготе: «Буква убивает, — говорил он, — и только Дух животворит...»

Забвению этой божественной заповеди современные богословы обязаны плохим разумением Христова Евангелия и полным непониманием Сефера⁷ Моисея, Пророчеств Иезекииля, Даниила и Исайи и Апокалипсиса св. Иоанна. Они принимают священные тексты в буквальном, мертвом, смысле, приписывая непревзойденным гениям, какими были Моисей, Зороастр или Иоанн, цепи сплошных нелепостей, которыми представляются Пятикнижие, Авеста или Апокалипсис, если только, привязываясь к буквальному повествованию⁸, толкователь забывает о том, чтобы извлечь из него скрытое знание и разбудить ту Спящую Красавицу, которая в заколдованном лесу — запутанном нагромождении аллегорических рассказов и внешне абсурдных символов — всегда ждет Прекрасного Принца, призванного вернуть ее к жизни своим поцелуем.

II

Мы уже отмечали, какая пропасть отделяет наше Синархическое Государство от того, которое, благодаря гению Рама, на протяжении тридцати пяти веков господствовало над двумя третями известного тогда мира: доказательств имеются в избытке, и мы не станем лишний раз повторять, что золотой век — вовсе не миф и Царство Божье на земле есть явленная в прошлом реальность.

Сравнивая нашу современную цивилизацию с образцом древней, мы установили по контрасту границы — увы, столь узкие! — интеллекта и морали первой. И несмотря на относительно большое число достижений, которыми гордится наша позитивная наука, мы вправе утверждать, что сравнение в этой области будет точно так же не в нашу пользу, как и в двух других.

Мы до сих пор ничего не сказали о роковом ЗМЕЕ, и несколько предшествующих страниц могли показаться читателю странной «вставкой»: но это только видимость.

⁷ Пятикнижие (др.-евр.).

⁸ Которое вовсе не является повествованием.

Эзотерическое толкование — совершенно неизвестное — текста Моисея могло быть представлено лишь после того, как мы вначале заявили о всеобщем незнании Богословами скрытого смысла Священного писания; с другой стороны, прежде чем указать, насколько рутинна и поверхностна религиозная экзегеза, важно было выявить — с помощью эффекта контраста — в равной степени агностический характер современной цивилизации, подлинную причину этой косности и легковесности.

Но наступило время отметить этапы, которые мы должны будем пройти.

Книга Бытия, которую Богословы понимают в поистине оскорбительном материальном и антропоморфическом смысле, Книга Бытия, «где скрыта научная истина, пугающая своей возвышенностью и глубиной»⁹, предоставит текст для исследования, которое займет целых три книги: так как мы приоткроем двойной скрытый смысл этого текста, после того как изложим смысл демотический и вульгарный:

והנפש היה ערום מכל חית השדה אשר עשה יהוה אלהים:
(Сефер Берешит, III, 1)

Так выглядит эта фраза на Моисеевом древнееврейском языке; общепринятый перевод раскрывает лишь ее буквальное значение и материальную оболочку: «Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог»¹⁰. Фабр д'Оливе, позволяя ясности просочиться сквозь мутную толщу буквы, переводит: «Первоначальное влечение (алчность, эгоизм) было увлекающей страстью всей стихийной (elementaire) жизни (внутренней побудительной силы) Натуры, творения Ихоах, Сущего из сущих»¹¹.

Какими бы противоречивыми ни казались эти две версии, мы умоляем читателя немного запастись терпением; сокровенный смысл Моисеева текста прояснится сам собой в процессе последующего изложения. Ну, а пока достаточно будет слегка набросать сцену первородного греха, как ее, по крайней мере, представляют себе наиболее серьезные теологи, верные повествованию Вульгаты.

Мир только что вышел из хаоса по зову творящего Глагола — и первый человек, созданный по подобию самого Бога, делит вместе со своей супругой (которую, путем таинственного удвоения, Господь вызвал к жизни из его бока) наслаждения несравненного сада, предназначенного стать их бессмертной отчизной.

⁹ Mission des Juifs, page 66.

¹⁰ См. любую Библию.

¹¹ Cain, Paris, 1823, in-8°, page 27; et Langue hebraique restituee, Paris, 1815—1816, 2 vol. in-4°. Tome II, page 95.

Всё то, что Земля в расцвете девственных соков смогла породить из своего лона под ласками Солнца, украшает земной рай: это чудеса пышной зелени и цветущего великолепия.

И влюбленная наивная чета осматривает одно за другим — как царь и царица творения — эти чудеса, распустившиеся для нее одной.

Единственное дерево заказано для ее любопытства, и четыре реки, берущие начало в его корнях, растекаются в виде креста вдаль, разделяя Эдем на такое же количество полуостровов, соперничающих между собой прелестью и плодородием. И сказал Господь Человеку: «Это роковое Древо Познания Добра и Зла; его плоды приносят смерть, не ешь от него».

Но мы уверяем, что приманка запретного плода уже притягивала первую женщину; что, позабыв о тайнах своей новорожденной любви, Ева больше не могла отойти от дерева и мечтательно, зачарованно бормотала: «Если этот плод приносит смерть, то почему бы мне не вкусить его?..» Библия (следует сказать всё) представляет другую версию: она приписывает искушение, которое терзает Еву, подстерегающему ее Змею, обвитому вокруг ствола дерева. Но, стремясь разжалобить праправнуков Адама, Моисей допустил ошибку в этом месте.

Не будем на этом останавливаться. Наш долг — оставаться верными Моисееву рассказу или, точнее, версии авторитетных переводчиков Книги Бытия.

Стало быть, Змей обращается к женщине со словами: «Элохим обманул тебя; этот плод не приносит смерть; он делает того смельчака, который его вкусит, подобным самому Богу...»

И, набравшись решимости, шалунья протягивает руку к золотому яблоку. Дело сделано, она поддалась искушению...

Нарушив запрет, Ева не смогла бы на этом остановиться: ей необходимо сообщничество супруга. Она вкусила плод и заставляет вкусить его Адама, который, будучи втянутым в преступление, содрогается при мысли о Том, кто может в любую минуту их позвать...

Вот уже слышится голос Господа, и супружеская чета в ужасе убегает, впервые устыдившись наготы своих тел.

Прикрытые импровизированной одеждой из фиговых листьев, Адам и его прелестная подстрекательница предстают перед своим разгневанным судьей.

— Адам, где же ты?

— Господи, услышав твой голос, мы спрятались от твоего лица, покраснев оттого, что ощутили себя нагими.

— И кто же раскрыл тебе твою наготу?.. Значит, ты ел плод с дерева?

— Жена, которую ты дал мне в подруги, предложила мне его, и я вкусил от него...

— Почему ты, жена, так поступила?

И бедная Ева, вся в слезах, отвечает:

— Меня обольстил Змей...

— Будь же ты проклят, о Змей (сказал Господь), проклят пред всеми животными Творения! Ты будешь ползать на чреве твоём и питаться нечистотами земли. И я положу вражду между женой и тобой, между её и твоим потомством... и из её крови родится девственница, которая раздавит ногой твою главу, пока ты тщетно будешь пытаться ужалить её в пятку.

И затем, обращаясь к жене:

— Я осуждаю тебя на роды и страдания; ты будешь рождать в болезни и станешь рабою мужу твоему...

— Что же касается тебя (сказал ещё Господь Человеку), за то, что ты поддался обольщению женщины и вкусил вместе с нею запретный плод, земля будет проклята из-за тебя, бесплодна и строптива. Твоя жизнь превратится в непрерывный труд; ты будешь есть хлеб в поте лица твоего вплоть до того дня, когда смерть возвратит твоё тело в прах, из которого оно вышло.

Затем Элохим облачил обоих виновных в грубые шкуры вместо одежды и изгнал из чарующей обители Эдема первую человеческую чету. А на пороге поставил Керуб¹² с пылающим мечом, дабы навсегда презградить ей дорогу обратно.

Примерно таков, вкратце, Моисеев миф о первородном грехе. Я хочу сказать — в его наиболее материализованной и завуалированной версии, которую постоянно передавали наивные (или притворявшиеся наивными) переводчики.

Спросим себя теперь, кем же мог быть этот мистический и грозный Змей, коварство которого смогло погубить Еву, а затем Адама... И в соответствии с различными смыслами этой аллегии, установим разделы нашего произведения.

III

Кто же такой этот Змей?

В вульгарном, очевидном, смысле об этом догадались без труда: это Дух Зла, скрытый под видом рептилии; вечный Противник, по-древнееврейски יָטָו, Сатана¹³.

¹² *Kheroubim* (рус. Херувим) — мн. ч. от *Kheroub* (др.-евр.). (Прим. перев.)

¹³ Это нельзя назвать позитивным смыслом Символа, но, наоборот, неудачной попыткой толкования в превосходной степени.

Позитивный смысл — это факт: некое опьянение, которое, охватывая человека, заставляет его скатываться ко злу. «Храм Сатаны» даст нам возможность проанализировать это опьянение в его наихудших проявлениях, во всем неистовстве его применения: таким образом, этот первый Септениер послужит комментарием одновременно к позитивному смыслу эмблемы и ошибочному смыслу в превосходной степени, который непосвященная толпа ему приписывает.

В первом эзотерическом смысле это — Астральный свет, неумолимый флюид, управляющий инстинктами; универсальный распределитель жизни стихий, роковой фактор рождения и смерти; завеса Незримого, за которой скрываются различные иерархии Сил, которым он служит одновременно покровом и носителем. Это сверхфизическое существо — бессознательное и, стало быть, безответственное — властвует в качестве хозяина над колдуном и подчиняется магу в качестве слуги. To be or not to be...¹⁴ Необходимо любому стать хозяином его, если мы не хотим стать «игрушкой» великих потоков, движущихся в нем согласно неизменным законам.

В высшем, эзотерическом, смысле Змей символизирует первоначальный эгоизм, это таинственное влечение Себя к Себе, которое является самым принципом делимости: эту силу, которая, побуждая каждое существо отделиться от изначального Единства, для того чтобы сделать Себя центром и наслаждаться Собой, вызвала падение Адама. Процитированный отрывок из Книги Бытия подводит нас к проблеме Зла: в нем следует видеть легенду о человеческом Грехопадении, как коллективном, так и индивидуальном, за которым следует, подобно необходимому дополнению, великая эпопея Искупления.

Отсюда три части нашего труда¹⁵:

1. ХРАМ САТАНЫ. — Итак, наша первая книга будет посвящена рассмотрению особых, отличительных деяний Сатаны: Черной Магии и ее мерзких обрядов, колдовских чар и порчи. Мы перечислим inferнальные средства колдовства. Мы бросим вызов в его логове князю вечной тьмы и повелителю шабаша — отвратительному козлу с женской грудью, которого адепты этих отталкивающих «аган» должны были «грубо целовать под хвостом, в знак великого уважения и почтения».

2. КЛЮЧ К ЧЕРНОЙ МАГИИ. — В этой второй книге «Змея Книги Бытия» мы дадим скрытый смысл мифа о Сатане. Изучение Астрального света как высшего агента темных деяний Гоэтии позволит нам вновь обратиться к обрядам и феноменам, которые мы опишем, и проанализировать их причины и реальные следствия, согласно издавна скрытым доктринам Каббалы и оккультного Герметизма.

3. ПРОБЛЕМА ЗЛА. — Наконец, третья часть станет философским синтезом нашей Книги: мы подойдем в ней к великой загадке Зла и приподнимем, насколько нам это позволяют наша совесть и наше посвящение, грозный и благотворный покров, скрывающий от глаз profanum vulgus¹⁶ Великий Ар-

¹⁴ Быть или не быть... (англ.).

¹⁵ См. примечание, озаглавленное: Эзотерический план этого произведения. Незачем пересказывать здесь то, что мы уже изложили на форзаце этой книги относительно количества, последовательности и разделения XXII глав на три Септенера и один Эпилог.

кан Магии. Мы продвинемся дальше, чем считает себя обязанным двигаться любой адепт, до того крайнего предела, который так страшно пересекать, где эмблематический Керуб с пылающим мечом в руке угрожает слепотой дерзким созерцателям самого ослепительного из солнц.

Что такое Зло? Сотворил ли его Бог? Каково происхождение Зла, если у него нет определенного принципа? Что такое эдемское грехопадение в истинном смысле? Кем был великий Адам до грехопадения? Кем он стал потом? В чем Мистерия Творения тождественна мистериям Грехопадения и Воплощения? В чем Мистерия Искупления дополняет эти последние? Кто является Искупителем: Христос страждущий или Христос во славе? Как каббалистически анализируются пять древнееврейских букв (יהוה) имени Иисуса? Как разрешить, с эзотерической точки зрения, Социальный вопрос? Каким образом непостижимое Единство раскрывается посредством Тернера в сверхчувственном мире и проявляется посредством Кватернера в мире чувственном? Чем заканчивается Эволюция? Что такое Нирвана?

Отвечая без обиняков на все эти и ряд других вопросов, мы покажем, какое толкование христианских догматов может предложить философ, посвященный в арканы Каббалы.

Таково наше единственное намерение — и читатель извинит нас, если, в завершение этого предисловия к книге, которая не стремится нарушить покой чьей-либо совести, мы приведем без комментариев слова, написанные нами в 1886 году внизу страницы, где мы были вынуждены говорить о деяниях Христа: «Мы считаем благоразумным не касаться здесь этой божественной миссии: там, где начинается Вера, возможно, Науке следовало бы всегда останавливаться во избежание досадных недоразумений... И всякий раз, когда во время этого беглого обзора нам придется коснуться религиозных верований, заявляем раз и навсегда, что, будучи абсолютно некомпетентными в вопросах Веры, мы будем рассматривать людей и факты единственно с точки зрения человеческого разума, нисколько не претендуя на догматизацию»¹⁷.

СТАНИСЛАС ДЕ ГУАЙТА

¹⁶ непосвященной толпы (лат.).

¹⁷ Essais de Sciences Maudites, I, Au Seuil du Mystere, par Stanislas de Guaita (Paris, Carre, 1886, 1 vol. gr. in-8°), p. 13—14. См. стр. 37 этой книги.

Второе издание с увеличенным втрое текстом и рисунками. Paris, Carre, 1890, in-8°, page 38.

Пятое, исправленное, издание с двумя прекрасными магическими рисунками Генриха Кунрата, полностью переработанным приложением и предисловием Мориса Барреса. Paris, Hector et Henri Durville, 1915, in-8° (Prix: 6 fr.).

ЗМЕЙ КНИГИ БЫТИЯ

ПЕРВЫЙ СЕПТЕНЕР

ХРАМ САТАНЫ

КАТАЛОГ

ОСНОВНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, К КОТОРЫМ МЫ ОТСЫЛАЕМ ЧИТАТЕЛЯ
НА СТРАНИЦАХ

«ХРАМА САТАНЫ»

АНОНИМНЫЕ И КОЛЛЕКТИВНЫЕ

ALMANACHS DU DIABLE, contenant des predictions tres curieuses pour les annees 1737 et 1738. (АЛЬМАНАХИ ДЬЯВОЛА, содержащие весьма любопытные предсказания на 1737 и 1738 годы.) — Aux Enfers. In-24 (очень редкое издание).

AMI DES SCIENCES (ЛЮБИТЕЛЬ НАУК). — Научное обозрение, редактируемое г-ном Виктором Менье.

AVENEMENT D'ELIE (L') (ПРИШЕСТВИЕ ИЛИИ). — En France, 1734, 2 vol. in-12 (редкое издание).

ADVIS AUX CRIMINALISTES sur les abus qui se glissent dans les Procez de Sorcellerie, dedie aux magistrats d'Allemagne, liure tres necessaire en ce tems icy, etc..., par le P. M. S. I., theologien romain, imprime en latin pour la seconde fois a Francfort, en l'annee 1632, et mis en francois par F. B. de Velledor M. A. D. (ИНСТРУКЦИЯ КРИМИНАЛИСТАМ о злоупотреблениях, вкрадывающихся в Процессы о Колдовстве, посвященная судьям Германии, книга весьма необходимая в наше время и т. д..., написанная П. М. С. И., римско-католическим теологом, напечатанная по-латыни вторично во Франкфурте, в году 1632, и переведенная на французский Ф. Б. де Велледором М. А. Д.) — A Lyon... chez Claude Prost, a la Verite, 1660, in-8 (очень редкое издание).

BIBLIOTHEQUE BRITANNIQUE (БРИТАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА, периодическое издание).

CHYMICA VANNUS (Reconditorium ac reclusorium Opulentiae Sapientiaeque Numinis Mundi Magni, cui deditur in titulum)... Obtenta quidem et erecta auspice mortale coepto, sed inventa proauthoribus immortalibus adeptis, etc... — Amstelodami, apus Jansonium, anno 1666, in-4, fig. (редкое и необычное произведение, опубликованное розенкрейцерами).

CORRESPONDANCE MYSTIQUE DE J. CAZOTTE avec Laporte et Pouteau, Intendant et Secretaire de la Liste civile, pendant les annees 1790, 1791, 1792..., precede d'une notice sur la vie et les ouvrages de cet homme celebre suivie de son interrogatoire et de son jugement. (МИСТИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА Ж. КАЗОТТА с Лапортом и Путо, Интендантом и Секретарем Цивильного листа, за 1790-й, 1791-й, 1792-й годы..., с предпосланной заметкой о жизни и произведениях этого знаменитого человека, за которой следует протокол допроса и судебное постановление.) — Paris, Lerouge et Cie, an VI, in-12, portrait.

DOSSIERS BAPTISTE (ДОСЬЕ НА КРЕСТИТЕЛЯ). — (См. подробности на стр. 470).

DRAGON ROUGE (Le), ou l'art de commander les Esprits Celestes, Aeriens, Terrestres, Infernaux, avec le vrai secret de faire parler les morts, de gagner toutes les fois qu'on met aux loteries, de decouvrir les tresors caches, etc..., (КРАСНЫЙ ДРАКОН, или искусство управлять Духами Небесными, Воздушными, Земными, Инфернальными, с подлинным секретом, как заставить говорить мертвых, всегда выигрывать в лотерею, находить спрятанные сокровища и т. д...) S. L., 1522, petit in-12, figures. — (Напечатано в нач. XIX в. с очень редкого издания 1521 г.).

INITIATION (L') (ИНИЦИАЦИЯ). — Независимое философское обозрение высших исследований. Гипнотизм, теософия, франкмасонство, оккультные науки. — Paris, Carre, grand in-18, fig. (Уважаемое ежемесячное периодическое издание, 1888—1891 гг.)

LEVITIKON ou expose des principes fondamentaux de la doctrine des Chretiens-catholiques primitives, suivi de leurs Evangiles, d'un extrait de la Table d'Or et du Rituel ceremoniaire pour le service religieux, etc..., et precede d'un Statut sur le gouvernement de l'Eglise et la Hierarchie levitique. (ЛЕВИТИКОН, или изложение основных принципов учения первых Христиан-католиков, с приложением их Евангелий, отрывка из Золотой Скрижали и Церемониального служебника для религиозной службы и т. д..., дополненные Уставом для управления Церковью и левитической Иерархией.) — Paris, a la librairie des Chretiens primitives, 1831, in-8 (издание стало библиографической редкостью).

LOIS SALIQUES (САЛИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ, сборник из 400 статей; сохранились только латинские тексты). — Часто печатаются в сборниках по юриспруденции.

LOTUS (Le) (ЛОТОС). — Обзорение высших теософских исследований. Paris, Carre, in-8, mensuel, 1887—1888.

MANUEL DES CHEVALIERS de l'Ordre du Temple. (РУКОВОДСТВО ДЛЯ РЫЦАРЕЙ Ордена Храма.) — A Paris, ches le chevalier A. Guyot, imprimeur de la Milice du Temple. 707—1825, pet. in-12, massif (редкое издание).

NOUVEAU TESTAMENT (НОВЫЙ ЗАВЕТ). — (Предпочтительно издание Сильвестра де Саси, Sylvestre de Sacy.)

RITUEL ROMAIN (РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКИЙ ТРЕБНИК). — (Любое издание.)

RITUEL DE TOUL (ТУЛЬСКИЙ ТРЕБНИК). — (Idem.)

SEXTE ESSENCE DIALECTIQUE ET POTENTIELLE (la), tiree d'une nouvelle facon d'alembiquer, suivant les preceptes de la Sainte Magie et invocation des Demons. (ШЕСТАЯ ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ И ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ, извлекаемая новым способом возгонки, с приложением предписаний Священной Магии и вызывания Демонов.) — Paris, 1595, in-8 (издание трудно найти).

SOCIETES SECRETES (Des) en Allemagne et d'autres contrees, de la Secte des Illumines, du Tribunal secret, de l'assassinat de Kotzebue, etc. (ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА в Германии и других странах, о Секте Иллюминатов, Тайном трибунале, убийстве Коцебу и т. д.) — Paris, Gide fils, 1819, in-8.

LE TALMUD (ТАЛМУД). — Раввинистический сборник, самое полное издание которого: Venise, 1520, en 12 vol. in-folio.

А

ADAM (Paul) (АДАН, Поль). — *Etre (Бытие, роман)*. — Paris, 1888, in-12.

AGRIPPA (Henri-Corneille) (АГРИППА, Генрих Корнелий). — *La Philosophie occulte*, divisee en trois livres et traduite du latin («Оккультная философия», разделенная на три книги и переведенная с латыни). — A la Haye, ches Chr. Alberts, 1727, 2 vol. in-8, fig. (очень редкое издание, особенно экземпляры большого формата).

ALBERT LE GRAND (*Les admirables secrets d'*) (*Удивительные секреты АЛЬБЕРТА ВЕЛИКОГО*, тж. БОЛЬШОЙ АЛЬБЕРТ). — Contenant plusieurs traites sur la conception des femmes, les vertus des herbes, les pierres precieuses et les animaux; augmentes d'un abrege curieux de la physionomie, etc..., divises en quatre livres (Содержащий несколько трактатов о женском зачатии, свойствах трав, драгоценных камнях и животных; дополненных любопытным кратким изложением физиогномики и т. д..., разделенных на четыре книги). — A Lyon, chez les heritiers de Beringos freres, 1799, in-12. fig.

ALBERT (*Le solide Tresor du petit*) (*Крепкое Сокровище малого АЛЬБЕРТА*, тж. МАЛЫЙ АЛЬБЕРТ). — Ou secrets merveilleux de la magie naturelle et cabbalistique... enrichi de figures merveilleuses et la maniere de les faire. (Или чудесные секреты натуральной и каббалистической магии... украшенное чудесными фигурами и способом их рисования). — A Lyon, chez les heritiers de Beringos freres, 1516, in-18.

AMMIEN MARCELLIN (АММИАН МАРЦЕЛЛИН). — *Histoire des Empereurs Romains* (*История Римских Императоров*), trad. par Savallette. — Paris, 1848, gr. in-8.

ANDRE (L'abbe, J.-F.) (АНДРЕ, аббат, Ж.-Ф.). — *Affaire Rosette Tamisier*, precede d'une notice sur Pierre-Michel Vintras et sa secte (*Дело Розетты Тамизье*, предваряемое заметкой о Пьере-Мишеле Вентра и его секте). — Carpentras, impr. Devillario, sept. 1851, in-12, fig.

AVTVN (Le R. P. Iacques, carucin) (ОТЕН, п. о. Жак, капуцин). — *L'incrudulite scauante et la credulite ignorante au sujet des Magiciens et des Sorciers*, avec la response a un liure intitule: Apologie, pour tous les grands personnages qui ont este faussement soupsonnes de Magie (*Ученое неверие и невежественное легкоеверие касательно Магов и Колдунов*, с ответом на книгу, озаглавленную: Аполлогия всех великих личностей, ложно подозревавшихся в Магии). — A Lyon, chez Jean Certe, 1674, in-4, massif.

В

BAISSAC (Jules) (БЕССАК, Жюль). — *Le Diable, la personne du Diable et le Personnel du Diable* (*Дьявол, его персона и его подручные*). — Paris, Dreyfous, s. d., fort in-8.

— *Les grands jours de la Sorcellerie* (*Великие дни Колдовства*). — Paris, Klincksieck, 1890, gr. in-8.

- BAUDELAIRE (Charles) (БОДЛЕР, Шарль). — *Les Fleurs du Mal* (Цветы Зла, стихи). — Paris, Poulet-Malassis, in-18.
- BEAUNIS (le professeur H.) (БОНИ, профессор А.). — *Le somnambulisme provoqué* (Произвольный сомнамбулизм). — Paris, J.-B. Bailliere, 1887, in-18.
- BEKKER (Balthazar) (БЕККЕР, Бальтазар). — *Le monde enchante, ou l'on examine les sentiments communs, touchant les esprits, leur nature, leur pouvoir*. Traduit du Hollandais (Волшебный мир, где рассматриваются привычные суждения касательно духов, их природы и их власти. Перевод с голландского). — Amsterdam, 4 vol. in-12, portrait et fig.
- BERBIGUIER (Alexis-Vincent-Charles, de Terre-Neuve du Thym) (БЕРГБИГЬЕ, Алексис-Венсан-Шарль, де Тер-Нёв дю Тен). — *Les Farfadets, ou tous les demons ne sont pas de l'autre monde, orne de 8 superbes dessins lithographies* (Барабашки, или Не все демоны — на том свете, украшенная 8 великолепными литографиями). — Paris, l'auteur, 1821, 3 vol. in-8.
- BINSFELDII (Petri) (БИНСФЕЛЬД, Петер). — *Tractatus de confessionibus maleficorum et Sagarum*. — Augustae Treuirorum, 1589, in-8.
- BOGUET (Henri, dolanois, grand iuge en la terre de Saint Oyan de Ioux, dicte Saint-Claude, au comte Bourgongne) (БОГЕ, Анри, из Доля, великий судья в земле Сент-Уан-де-Жу, прозываемой Сен-Клод, в графстве Бургундия). — *Discours des sorciers, avec six aduis en faict de Sorcellerie, et une instruction pour le iuge en semblable maniere; n'estant ce que l'auteur a cy-deuant mis en lumiere sur le meme suiet, qu'un eschantillon de ce qui est traite en ce livre* (3^e edition) (Рассуждение о колдунах, с шестью сообщениями о фактах Колдовства и наставлением для судьи в подобной же манере; всё, что автор опубликовал прежде на ту же тему, является лишь образчиком того, о чем трактуется в этой книге, 3-е издание). — A Lyon, chez Pierre Rigaud, 1610, in-8. (Единственное полное издание, чрезвычайно редкое).
- BURGOA (R.-P.) (БУРГОА, Р.-П.). — *Description géographique de la province de Santo-Domingo* (Географическое описание провинции Санто-Доминго).

С

- CADET DE GASSICOURT (КАДЕ ДЕ ГАСИКУР). — *Le Tombeau de Jacques Molay, ou histoire secrete et abregee des inities anciens et modernes, des templiers, francs-macons, illumines, et recherches sur leur influence sur la Revolution francaise; suivi de la clef des loges* (Гробница Жака Молэ,

или краткая тайная история древних и современных посвященных, тамплиеров, франкмасонов, иллюминатов и исследование их влияния на Французскую революцию; с приложением ключа к ложам; 2-е издание, единственное верное). — Paris, chez Desenne, au V de l'Ere francaise, in-12, fig.

CALMET (Dom Augustin, Abbe de Senones) (КАЛЬМЕ, Дом¹⁸ Огюстен, Аббат де Сенон). — *Traite sur les apparitions des Esprits, sur les vampires ou les Revenans de Hongrie, de Moravie, etc...* (Трактат о явлениях Духов, вампирах или Привидениях Венгрии, Моравии и т. д...) Новое издание (единственное полное). — Paris, Debure, 1751, 2 vol. in-12.

CAYET (Palma) (КАЙЕ, Пальма). — *Histoire prodigieuse et lamentable de Jean Fauste, grand magicien, avec son testament et sa vie epouvantable* (Чудесная и жалостная история Иоганна Фауста, великого мага, с приложением его завещания и описанием его ужасающей жизни). — A Cologne, chez les heritiers de Pierre Marteau, 1712, in12, frontisp. (Весьма любопытное и редкое издание.)

CHABAS (F.) (ШАБА, Ф.). — *Etudes sur l'antiquite historique, d'apres les sources egyptiennes et les monuments reputes prehistoriques, 2^e edition, revue et augmentee* (Исследования древней истории, согласно египетским источникам и известным доисторическим памятникам, 2-е издание, пересмотренное и дополненное). — Paris, Maison-neuve, 1873, gr. in-8.

CHRISTIAN (P.) (КРИСТИАН, П.). — *Histoire de la Magie, du monde surnaturel et de la fatalite, a travers les temps et les peuples* (История Магии, сверхъестественного мира и фатальности, в разные эпохи и у разных народов). — Paris, Furne, Jouve et Cie, s. d., gr. in-8, gravures.

CLAVEL (F.-F.-B.) (КЛАВЕЛЬ, Ф.-Ф.-Б.). — *Histoire pittoresque de la Franc-maconnerie et des societes secretes, anciennes et modernes, illustree de 25 belles gravures sur acier* (Красочная история Франкмасонства и тайных обществ, древних и современных, иллюстрированная 25 прекрасными гравюрами на стали, 2-е издание). — Paris, Pagnerre, 1845, gr. in-8. (Очень редкое издание, поскольку большая часть тиража была уничтожена.)

COLLIN DE PLANCY (J.-A.-S.) (КОЛЛЕН ДЕ ПЛАНСИ, Ж.-А.-С.). — *Dictionnaire infernal, ou recherches et anecdotes sur les demons, les esprits, les fantomes, les spectres, les revenants, les loups-garous, les possedees, les sorciers, le sabbat, les magiciens, les salamandres, les sylphes, les gnomes, les visions, les songes, les prodiges, les charmes, les malefices, les secrets*

¹⁸ Дом — указание на монашеское состояние. — Прим. перев.

merveilleux, les talismans, etc., en un mot, sur tout ce qui tient aux apparitions, a la magie, au commerce de l'enfer, aux divinations, aux sciences secretes, aux superstitions, aux choses mysterieuses et surnaturelles, etc. (*Инфернальный словарь*, или исследования и истории о демонах, духах, фантомах, призраках, ревенантах, оборотнях, бесноватых, колдунах, шабаше, магах, саламандрах, сильфах, гномах, видениях, снах, чудесах, чарах, порче, чудесных «секретах», талисманах и т. д., одним словом, обо всем, что касается привидений, магии, сношений с преисподней, гадания, тайных наук, суеверий, таинственных и сверхъестественных явлений и т. д.) — Paris, 1826, 4 vol. in-8, avec Atlas (наиболее полное издание). — С тех пор автор перешел от крайнего скептицизма к крайнему легковерию: он опубликовал окончательное издание своего Словаря, полностью переработанного, которое было одобрено церковными властями. — Paris, Plon, 1863, gr. in-8, fig.

COURT DE GEBELIN (КУРТ ДЕ ЖЕБЕЛЕН). — *Monde primitif* (le), analyse et compare avec le monde moderne, considere dans son genie allegorique et dans les allegories auxquelles conduisit ce genie (*Первобытный мир*, анализируемый и сравниваемый с миром современным, рассмотренным в его аллегорическом духе и в аллегориях, к которым привел этот дух). — Paris, 1777, 9 vol. in-4.

CROLLIUS (КРОЛЛИУС). — *La Royale Chymie*, traduite en francois par I. Marcel, de Boulene. Suiuie du *Traicte des signatures*, ou vraye et viue anatomie du grand et du petit monde (*Королевская Химия*, переведенная на французский Ж. Марселем из Булена. С приложением *Трактата о сигнатурах*, или истинной и живой анатомии большого и малого миров). — A Rouen, chez Charles Osmont, 1634, pet. in-8 (очень редкое издание).

D

DAUGY (ou Daugis) (ДОЖИ). — *Traite sur la magie*, le sortilege, les possessions, obsessions et malefices, ou l'on demontre la verite et la realite avec une methode sure et facile pour les discerner et les reglements contre les devins, sorciers, magiciens, etc. (*Трактат о магии*, колдовских чарах, одержимости, наваждениях и порче, где доказывается их истинность и реальность, наряду с надежным и простым методом для их распознавания и предписаниями против прорицателей, колдунов, магов и т. д.) Par M. D..., pet. in-8. — Paris, 1732.

DAVID (ДАВИД). — *Les Psaumes* (Псалмы, см. любую Библию).

- DELLON (ДЕЛЛОН). — *Relation de l'Inquisition de Goa* (Донесение об Инквизиции Гоа). — Paris, Horthemels, 1688, in-12, fig.
- DELRIO (R. P. Martin, jesuite) (ДЕЛЬРИО, п. о. Мартин, иезуит). — *Les Controuerses et recherches magicques*, traduites par Andre Duchesne (Магические контроверзы и изыскания, перевод Андре Дюшена). — Paris, 1611, in-4° (редкое издание).
- DENYS (Ferdinand) (ДЕНИ, Фердинанд). — *Tableau historique, analytique et critique des sciences occultes*, etc. (Исторический, аналитический и критический обзор оккультных наук и т. д.) — Paris, Mairet et Fournier, 1842, 1 vol. in-32.
- DESMARETS (R. P.) (ДЕМАРЕ, п. о.). — *Histoire de Magdelaine Bauent*, religieuse du Monastere de Saint-Louis de Louviers, avec la confession generale et testamentaire, ou elle declare les abominations, impietez et sacrileges qu'elle a pratiqués et veu pratiquer, tant dans ledit Monastere qu'au Sabbat, et les personnes qu'elle y a remarquees. Ensemble l'arrest, etc... (История Мадлен Баван, монахини из монастыря св. Людовика в Лувье, с общим и завещательным признанием, где она заявляет о тех мерзостях, кощунствах и святотатствах, которые она совершала и видела, как совершали другие, как в указанном монастыре, так и на Шабаше, и об особах, которых она там приметила. Вместе с приговором и т. д.) — A Paris, chez Jacques de Gentil, 1652, in-4. (Это первое издание невозможно найти, но само произведение часто переиздавалось).
- DU ROTET (le baron) (ДЮПОТЕ, барон). — *La Magie devoilee ou principes de la Science Occulte* (Разоблаченная Магия, или основы Оккультной Науки). — Saint-Germain, Eugene Heutte, 1875, grand in-4, fig. (Это произведение не поступало в открытую продажу. Барон Дюпоте предназначал его для им же посвященных, которым он уступал его по цене 100 франков за экземпляр и под письменной клятвой не передавать его никому и не раскрывать тайн, на которые в нем указано. После смерти барона «Разоблаченная Магия» довольно часто встречается в каталогах по более доступным ценам.)

Е

- ELIPHAS LEVI (l'abbé Alphonse-Louis Constant) (ЭЛИФАС ЛЕВИ, аббат Альфонс-Луи Констан). — *Dogme et Rituel de la Haute Magie* (Догма и Ритуал Высшей Магии, 2-е издание, с крупными дополнениями и 24 рисунками). Paris, Germer-Bailliere, 1861, 2 vol. in-8.

- *Histoire de la Magie*, avec une exposition claire et precise de ses procedes, de ses rites et de ses mysteres (*История Магии*, с ясным и точным изложением ее методов, обрядов и таинств). — Ibid., 1860, 1 vol. in-8, fig.
- *La Cles des Grands Mysteres*, suivant Henoch, Abraham, Hermes Trismegiste, et Salomon (*Ключ к Великим Тайнам*, согласно Еноху, Аврааму, Гермесу Трисмегисту и Соломону). — Ibid., 1861, 1 vol. in-8, fig.
- *La science des Esprits* (*Наука духов*). — Ibid., 1 vol. in-8.
- ERDAN (Alexandre) (ЭРДАН, Александр). — *La France mistique*, tableau des excentricites religieuses de ce tems (*Франция мистическая*, обзор религиозных сумасбродств нашего времени). — Paris, Coulon-Pineau, 1855, 2 vol. in-8, fig.

F

- FABART (Felix) (ФАБАР, Феликс). — *Histoire philosophique et politique de l'Occulte*; magie, sorcellerie, spiritisme, avec une preface de Camille Flammarion (*Философско-политическая история Оккультного*; магия, колдовство, спиритизм, с предисловием Камиля Фламмариона). — Paris, Marpon, s. d., in-12.
- FABRE D'OLIVET (ФАБР Д'ОЛИВЕ). — *Les Vers dores de Pythagore*, expliqués et traduits pour la premiere fois en vers eumolpiques francais, precedes d'un discours sur l'Essence et la forme de la Poesie (*Золотые стихи Пифагора*, объясненные и впервые переведенные французскими эвмолпическими стихами, с предпосланным рассуждением о Сущности и форме Поэзии). — Paris, Treuttel et Wurtz, 1813, in-8.
- *La Langue hebraique restituee* et le veritable sens des mots hebreux retabli et prouve par leur analyse radical; ouvrage dans lequel se trouvent reunis: 1° une dissertation introductive sur l'origine de la parole, l'etude des langues qui peuvent y conduire et le but que l'auteur s'est propose: — 2° une grammaire hebraique, fondee sur des nouveaux principes et rendue utile a l'etude des langues en general; 3° — une serie des racines hebraique, envisagees sous des rapports nouveaux et destinees a faciliter l'intelligence du langage et celle de la science etymologique; 4° — un discours preliminaire; — 5° une traduction en francais des dix premiers chapitres du Sepher, contenant la Cosmogonie de Moyse, etc. (*Восстановленный древнееврейский язык и истинный смысл древнееврейских слов, вновь установленный и доказанный в результате анализа корней; произведение, в котором объединены: 1) вводное рассуждение о проис-*

хождении речи, изучении языков, которые могут к нему подвести, и цели, которую поставил перед собой автор; 2) древнееврейская грамматика, основанная на новых принципах и приспособленная для изучения языков вообще; 3) ряд древнееврейских корней, рассматриваемых в новых соотношениях и призванных облегчить понимание языка и этимологической науки; 4) предварительное рассуждение; 5) перевод на французский язык первых десяти глав Сефера, содержащего Космогонию Моисея и т. д.). — A Paris, chez l'auteur, Barrois et Eberhart, libraires, 1815—1816, 2 vol. grand in-4.

— *Histoire philosophique du genre humain*, ou l'homme considere dans ses rapports religieux et politiques, dans l'etat social, a toutes les epoques et chez les differents peuples de la terre (Философическая история рода человеческого, или человек, рассмотренный в его религиозно-политических взаимоотношениях, в синархическом государстве, во все эпохи и у различных народов Земли). — (2-е издание *L'Etat social de l'Homme*, «Синархического государства Человека»). — Paris, Briere, 1824, 2 vol. in-8.

— *Cain*, mystere dramatique en trois actes, de Lord Byron, traduit en vers francais, et refute dans une suite de remarques philosophiques et critiques; precede d'une lettre a Lord Byron sur les motifs et le but de cet ouvrage (Каин, драматическая мистерия в трех актах лорда Байрона, переведенная французскими стихами и опровергнутая рядом философско-критических замечаний; предваряемая письмом к лорду Байрону о мотивах и цели этого произведения). — Paris, Servier, 1823, in-8.

FLAUBERT (Gustave) (ФЛОБЕР, Гюстав). — *La tentation de saint Antoine* (Искушение святого Антония). — Paris, Lemerre, 1884, in-12.

FONTAINE (Jacques) (ФОНТЕН, Жак). — *Des marques des Sorciers et de la reelle possession que le Diable prend sur le corps des hommes; sur le subiect du procez de l'abominable et detestable sorcier Louis Gaufridy, etc... dedie a la reine regente...* (О метках Колдунов и о действительном обладании Дьявола человеческими телами; о процессе над мерзостным и отвратительным колдуном Луи Гофриди и т. д... посвящается королеве-регентше...) — Lyon, Claude Larjot, 1611, in-8 (очень редкое издание).

G

GAFFAREL (J.) (ГАФФАРЕЛЬ, Ж.). — *Curiositez inouies sur la sculpture talismanique des Persans, horoscope des patriarches et lecture des etoilles (avec 2 planispheres)* (Невероятные диковины о талисманической скульптуре

Персов, гороскопе патриархов и звездочетстве, с 2-мя планисферами). — Rouen, 1632, in-8 (редкое издание).

GARINET (Jules) (ГАРИНЕ, Жюль). — *Histoire de la Magie en France depuis le commencement de la monarchie jusqu'à nos jours* (История Магии во Франции с начала монархии до наших дней). — Paris, 1818, in-8, frontisp.

GIBIER (docteur Paul) (ЖИБЬЕ, доктор Поль). — *Analyse des choses, essai sur la science future, son influence sur les religions, les philosophies, les arts, etc.* (Анализ вещей, очерк о будущей науке, ее влиянии на религии, философию, искусства и т. д.) — Paris, Dentu, 1890, in-12.

GIRARD (Sur) (ЖИРАР, о нем). — *Procédures de l'affaire Girard, et en particulier: Factum pour Marie Catherine Cadierre contre J.-B. Girard, jésuite* (Процесс по делу Жирара, в частности: Защитительная речь Марии Катрин Кадьер против Ж.-Б. Жирара, иезуита). La Haye, chez Henri Scheurleer, 1731, in-8. — *Memoire instructif pour le pere Girard, contre Catherine Cadierre* (Следственная жалоба отца Жирара против Катрин Кадьер). Ibid., 1731, in-8. — *Suite des procédures de Catherine Cadierre contre le pere Girard, avec reponse au memoire instructif du Jesuite* (Процесс Катрин Кадьер против отца Жирара, с ответом на следственную жалобу Иезуита). Ibid., in-8. — *Reponse (autre) au memoire instructif* (еще один Ответ на следственную жалобу). Ibid., in-8.

GORRES (ГОРРЕС). — *La Mystique divine, naturelle et diabolique, ouvrage traduit de l'allemand par Charles Sainte-Foi* (Мистика божественная, натуральная и дьявольская, произведение, переведенное с немецкого Шарлем Сент-Фуа). — Paris, Vve Poussielgue, 1854-1855, 5 vol. in-8.

GOSSET (ГОССЕ). — *Revelation cabbalistique d'une medecine universelle, suivi d'une dissertation sur les lampes sepulcrales* (Каббалистическое откровение об универсальном лекарстве, с последующим рассуждением о погребальных светильниках). — 1735, petit, in-8.

GOUGENOT DES MOUSSEAUX (le chevalier) (ГУЖЕНО ДЕ МУССО, шевалье). — *Les Hautes phenomenes de la Magie, precedes du spiritisme antique* (Высшие феномены Магии, предваряемые античным спиритизмом). — Paris, Plon, 1854, in-8.

GRANDIER (ГРАНДЬЕ). — *Traite du Celibat des pretres, publie par M. Luzarche, d'apres une copie provenant de la collection Jamet* (Трактат о Цelibате священников, опубликованный г-ном Люзаршем, в соответствии с копией из коллекции Жаме). — Paris, 1866, 1 vol. in-12 (сомнительный текст).

GRILLANDI (ГРИЛЛАНДИ). — *Tractatus de sortilegiis, una cum J.-F. Ponzinibii tractatu de lamiis et excellentia juris utriusque*. — Francof., 1592, in-8.

GUAITA (Stanislas de) (ГУАЙТА, Станислас де). — *Essais des sciences maudites: au Seuil du Mystere*, nouvelle edition corrigee, augmentee et refondue, avec deux belles figures magiques d'apres Khunrath, et un appendice entierement inedit (*Очерки о проклятых науках: У порога Тайны*, новое, исправленное, дополненное и полностью переработанное издание, с двумя прекрасными магическими рисунками Кунрата и неиздававшимся целиком приложением). — Paris, Georges Carre, 1890, in-8, fig.

— *Rosa Mystica*, poemes, avec une preface en prose (*Мистическая роза*, стихи, с прозаическим предисловием). — Paris, Lemerre, 1885, in-12.

Н

HEDELIN (F. aduocat en Parlement) (ГЕДЕЛЕН, Ф., адвокат Парламента). — *Des satyres brutes, monstres et demons*, de leur nature et adoration, contre l'opinion de ceux qui ont estime les satyres estre vne espece d'hommes distincts et separez des adamicques. Dedie a Mgr le Mareschal de S. Geran (*О грубых сатирах, чудищах и демонах*, об их природе и поклонении им, вопреки мнению тех, кто считал сатиров разновидностью людей, отличных и отделенных от адамических. Посвящается Его Высочеству Маршалу де С.-Жерану). — A Paris, chez Nicolas Buon, 1627, in-8 (весьма любопытное и редчайшее издание).

HELMONT (J.-B. van) (ГЕЛЬМОНТ, Я.-Б. ван). — *Les oeuvres, traittant des principes de medecine et de physique*, pour la guerison assuree des maladies; traduction de M. Iean le Comte (*Произведения, трактующие основы медицины и физики*, ради надежного исцеления недугов, перевод г-на Жана Леконта). — A Lyon, chez Antoine Huguetan, 1671, in-4. (Трактат *Magnetica vulnerum curatione* встречается только латинском издании 1682, in-4).

HOMERE (ГОМЕР). — *L'odysee* (*Одиссея*, перевод Э. Бареста, 1842, или любой другой).

HONORIVS (ГОНОРИЙ). — *Gremoire du pape Honorius*, avec un recueil des plus rares secrets (*Гримуар папы Гонория, со сборником редчайших «секретов»*). Rome, 1670, in-16, fig. (Редчайшее издание.)

I.—J.

JABLONSKI (ЯБЛОНСКИ). — *Pantheon Egyptiorum*, sive de diis eorum commentarius, cum prolegomenis de religione et theologia Egyptiorum. — Francofurti, 1750-1752, 3 vol. in-8.

JACOLLIOT (Louis) (ЖАККОЛИО, Луи). — *Les Fils de Dieu* (Сыны Божьи). — Paris, Lacroix, 1873, in-8.

— *Le spiritisme dans le monde: l'initiation et les sciences occultes dans l'Inde et chez tous les peuples de l'antiquite* (Спиритизм во всем мире: посвящение и оккультные науки в Индии и у всех народов древности). — Paris, Lacroix, 1879, in-8.

IAMBLICI (ЯМБЛИХ). — *De Mysteriis Egyptiorum*. — 1602, in-12.

JHOUNEY (Alber) (ЖУНЕ, Альбер). — *Les lys noirs, poemes* (Черные лилии, стихотворения). — Paris, carre, 1888, grand in-8.

JOACHIMI (Abbatis) (ИОАХИМ, аббат). — *Vaticinia siue prophetiae, simul et Anselmi Episcopi Marsicani, cum imaginibus aere incisis, etc...*, Venetiis, apud Hieronymum Porrum, 1589, in-4. — Гравюра на фронтисписе и 34 эстампа (редчайшее издание).

JOSEPHE (Flavius) ИОСИФ (Флавий). — *Les antiquites judaiques* (en XX livres). Traduction du P. Joachim Gillet (*Иудейские древности*, в XX книгах. Перевод о. Жоашена Жилле). — Paris, 1756, 4 vol. in-4.

К

KELEPH BEN NATHAN (Dutoit-Mambrini) (КЕЛЕФ БЕН НАТАН, Дютуа-Мамбрини). — *La Philosophie divine, appliquee aux lumieres naturelle, magique, astrale, surnaturelle, celeste et divine, ou aux immuables verites que Dieu a revelees de lui-meme et de ses oeuvres, dans le triple miroir analogique de l'Univers, de l'Homme et de la Revelation ecrite* (Божественная философия в применении к свету естественному, магическому, астральному, сверхъестественному, небесному и божественному, и к незыблемым истинам, которые открыл Господь в тройном аналогическом зеркале Вселенной, Человека и Письменного откровения). — S. I., 1793, 3 vol. in-8.

KHUNRATH (Henrici). — *Amphiteatrum sapientiae aeternae, solius verae, Christiano-Kabalisticum, diuino-magicum, nec non physico-chymicum, tertrium, catholicon: instructore Henrico Khunrath, lipsensi, theosophiae amatore fideli et medicinae utriusque doctore... e millibus vix vni*. — Hanouiae, excudebat Guilielmus Antonius, 1609, 1 vol., in-fol. Аллегорический фронтиспис, портрет и десять магических рисунков. (Очень редкое издание. Читайте его подробное описание в нашем «Пороге тайны».)

L

LA HARPE (J.-F. de) (ЛАГАРП, Ж.-Ф. де). — *Oeuvres completes* (Полное собрание сочинений). — Paris, 1821, 16 vol. in-8.

LAMARRE (de) (ЛАМАР, де). — *Traite de la Police* (Трактат о Полиции). — 4 vol. in-folio, 1710-1738.

LANCRE (Pierre de), conseiller du Roy au Parlement de Bourdeaux (ЛАНКР, Пьер де, Королевский советник при Парламенте Бордо). — *Tableau de l'inconstance des mauvais anges et demons*, ou il est amplement traicte des Sorciers et de la sorcellerie. Liure tres vtile et necessaire, non seulement aux iuges, mais a tous ceux qui vivent sous les lois chrestiennes. Avec vn discours contenant la procedure faicte par les inquisiteurs d'Espagne et de Nauarre, en la ville de Logrogne en Casille, etc. (Картина непостоянства злобных ангелов и демонов, где пространно обсуждаются Колдуны и колдовство. Весьма полезная и необходимая книга, не только для судей, но и для всех, кто живет по христианским законам. С рассуждением, содержащим материалы процесса, проведенного инквизиторами Испании и Наварры в городе Ла-Корунье в Кастилии и т. д.) — Paris, chez Nicolas Buon, 1612, in-4. С гравюрой, изображающей шабаш (весьма редкостное издание).

LEBRUN (le P. Pierre, pretre de l'Oratoire) (ЛЕБРЕН, о. Пьер, священник-ораторианец). — *Histoire critique des pratiques superstitieuses*, qui ont seduit les peuples et embarrasse les savants. Avec la methode et les principes pour discerner les effets naturels d'avec ceux qui ne le sont pas (Критическая история суеверных обрядов, которые соблазняли людей и смущали ученых. Со способом и принципами различения между естественными следствиями и теми, которые таковыми не являются). — A Amsterdam, chez J.-F. Bernard, 1733, 3 vol. in-8, figures.

LEGUE (Dr Gabriel) (ЛЕГ, д-р Габриель). — *Urbain Grandier et les possedees de Loudun*, documents inedits de M. Charles Barbier (Юрбен Грандье и Луденские бесноватые, неизданные документы г-на Шарля Барбье). — Paris, librairie d'art, 1880, in-4, fig.

LE LOYER (Pierre, conseiller du Roy au siege presidial d'Angers) (ЛЕЛУ-АЙЕ, Пьер, Королевский советник при гражданском и уголовном суде Анжера). — *Discours et histoire des spectres, visions et apparitions des esprits, anges, demons et ames se monstrans visibles aux hommes*. Diuisez en huict liures, esquels, par les visions merueilleuses et prodigieuses apparitions auenues en tous siecles, tirees et recueillies des plus celebres auteurs tant sacrez que prophanes, est manifestee la certitude des spectres et visions des esprits; sont baillees les causes des diuerses sortes

d'apparitions d'iceux, leurs effets, leurs differences et les moyens pour recognoistre les bons et les mauuais, et chasser les demons. Aussi est traicte des extases et rauissements: de l'essence, nature et origine des ames, et de leur estat apres le deceds de leur corps: Plus des magiciens et sorciers, et leur communication avec les malins esprits: Ensemble des remedes pour se preseruer des illusions et impostures diaboliques (*Рассуждение и история призраков, видений и явлений духов, ангелов, демонов и душ, кои делаются видимыми для людей*. Разделенные на восемь книг, где, с помощью чудесных видений и необычайных появлений, происходивших во все века, извлеченных и собранных из самых знаменитых авторов, как сакральных, так и непосвященных, доказывается достоверность призраков и видений духов; представлены причины различного рода появлений этих последних, их последствия, различия и средства распознавания добрых и дурных и прогнания демонов. Также трактуется об экстазе и восторге: о сущности, природе и происхождении душ и их состоянии после кончины их тела: Сверх того о магах и колдунах и их общении со злыми духами: Вместе со средствами предохранения себя от дьявольских наваждений и обманов). — A Paris, chez Nicolas Buon, 1605, 2 vol. in-4 (единственное полное издание редкой и весьма любопытной книги, рекомендуемой оккультистам).

LENGLET DUFRESNOY (l'abbe) (ЛЕНГЛЕ-ДЮФРЕНУА, аббат). — *Traite historique et dogmatique sur les apparitions, les visions et les Revelations particulieres*, avec les observations sur les dissertations du R. P. dom Calmet, abbe de Senones, sur les apparitions et les revenants (*Историко-догматический трактат о привидениях, видениях и особых Откровениях, с наблюдениями по поводу рассуждений п. о. дома Кальме, аббата де Сенона, о привидениях и ревенантах*). — Avignon, et se trouve a Paris, chez J.-N. Leloup, 1751, 2 vol. in-12.

LENORMANT (Francois) (ЛЕНОРМАН, Франсуа). — *Les sciences occultes en Asie: I. La Magie chez les Chaldeens et les origines accadiennes* (*Оккультные науки в Азии: I. Магия у Халдеев и ее аккадские истоки*). — Paris, Maisonneuve, 1874, in-8.

— *Les sciences occultes en Asie: II. La divination et la science des Presages chez les Chaldeens* (*Оккультные науки в Азии: II. Гадание и наука Предсказаний у Халдеев*). — Paris, Maisonneuve, 1875, in-8.

LEON III (ЛЕВ III). — *Enchiridion* (du pape), envoye comme present a l'empereur Charlemagne (*Энхиридион (папы римского), посланный в качестве подарка императору Карлу Великому*). — A Rome, chez le P. Angelo de Rimini, 1847, in-12, fig.

LIEBEAULT (le Dr A.-A.) (ЛЬЕБО, д-р А.-А.). — *Le sommeil provoque et les etats analogues* (Искусственный сон и аналогичные состояния). — Paris, Doin, 1889, in-18.

LONGINI (Caesaris) (ЛОНГИН, Цезарь). — *Trinum Magicum, siue secretorum magicorum opus, etc... accessere nonnulla Secreta secretorum et mirabilia mundi, et Tractatus de proprii cuius que nati daemonis inquisitione*. Francofurti, sumptibus Conradi Eifridi, 1629, pet. in-12.

LUCAS (Louis, auteur de la *Chimie nouvelle*) (ЛЮКА, Луи, автор «Новой химии»). — *Le Roman alchimique ou les deux baisers* (Алхимический роман, или два поцелуя). — Paris, Michel Levy, 1857, in-18 (очень редкое издание).

LUCHET (le marquis de) (ЛЮШЕ, маркиз де). — *Essai sur la secte des Illumines* (Очерк о секте Иллюминатов). — A Paris, 1789, in-8.

LUCIEN (ЛУКИАН). — *Oeuvres completes*, traduction Belin de Ballu (Полное собрание сочинений, перевод Белена де Баллю). — 1788, 6 vol. in-8.

М

MARSOLLIER (МАРСОЛЬЕ). — *Histoire de l'Inquisition et son origine* (История Инквизиции и ее происхождения). — A Cologne, chez Pierre Marteau (A la Sphere), 1693, pet. in-8 (любопытное и редкостное издание).

MARTIN (Henri) (МАРТЕН, Анри). — *Histoire de France* (История Франции). — Paris, Furne, 1860, 17 vol. in-8.

MEYNARDAIE (M. de la, pretre) (МЕЙНАРДЕ, М. де ла, священник). — *Examen et discussion critique de l'Histoire des Diables de Loudun, de la possession des Religieuses Ursulines et de la condamnation d'Urbain Grandier* (Исследование и критический анализ Истории о Луденских Демонах, одержимости Монахинь-Урсулинок и осуждении Юрбена Грандье). — A Liege, chez Everard Kintz, 1749, in-12 (редкое издание).

MICHAELIS (Le P.) (МИХАЭЛИС, о.). — *Histoire admirable de la possession et conuersion d'une penitente seduite par vn magicien, la faisant sorciere et princesse des sorciers au pais de Prouence, conduite a la Sainte-Baume, pour y estre exorcisee en l'an MDCX au mois de nouembre, souz l'authorite du R. P. Sebastien Michaelis, prieur du Couuent Royal de Sainte Magdelaine a Saint-Maximin, et dudit lieu de la Sainte-Baume. Commis par luy aux Exorcismes et recueil des actes le R. P. F. Francois Domptius, docteur en theologie en l'Uniuersite de Louvain...*, le tout fidelement

recueilly et tres bien verifie (*Удивительная история об одержимости и обращении кающейся грешницы, соблазненной одним волшебником, который сделал ее колдуньей и принцессой колдунов в земле Прованса, привезенной в Сент-Бом, дабы подвергнуться экзорцизму в году 1610 в ноябре месяце, под начальством п. о. Себастьяна Михаэлиса, приора Королевского монастыря св. Марии-Магдалины в Сен-Максимене и указанного местечка Сент-Бом. Была подвергнута им Экзорцизмам; сборник актов составлен п. о. Ф. Франсуа Домптиусом, доктором богословия при Лувенском университете..., всё верно собрано и весьма хорошо удостоверено*). — Ensemble *la Pneumatologie, ou Discours des Esprits* du susdit P. Michaelis, etc. Edition seconde (Вместе с *Пневматологией, или Рассуждением о Духах* упомянутого о. Михаэлиса и т. д. Второе издание). — A Paris, chez Ch. Chastellain, 1613, 2 vol. in-8 (очень редкое и весьма любопытное издание).

MICHELET (МИШЛЕ). — *Histoire de France*, illustree par Vierge (*История Франции, иллюстрации Вьержа*). Paris, S. D., 19 vol. in-8.

MIGNARD (МИНЬЯР). — Suite de la monographie du coffret du duc de Blacas ou Preuves du manicheisme dans l'Ordre du Temple (Продолжение монографии о шкатулке герцога де Блака, или Доказательства манихейства в Ордене Храма). — Paris, 1853, gr. in-4, fig.

MIRVILLE (Mis Eudes de) (МИРВИЛЬ, маркиз Од де). — *Pneumatologie. Des Esprits et de leurs manifestations fluidiques*. Memoire adresse a l'Academie (avec la *Question des Esprits*, ou defense de ce memoire) (*Пневматология. О Духах и их флюидических проявлениях. Докладная записка, адресованная Академии (вместе с Вопросом о Духах, или защитой этой записки)*). — Paris, Vrayet de Surcy, 1854, 2 vol. grand in-8.

— *Pneumatologie. Des Esprits et de leurs manifestations diverses*. Deuxieme memoire, *Manifestations historiques* (*Пневматология. О Духах и их различных появлениях. Второе издание, Исторические проявления*). — Paris, ibid., 1863, 4 vol. grand in-8.

MOYSE (МОИСЕЙ). — *Le Pentateuque*, traduction nouvelle avec l'hebreu en regard, accompagne des points voyelles et des accents toniques, avec des notes philologiques et litteraires, par S. Cahen (*Пятикнижие, новый перевод с параллельным древнееврейским текстом, сопровождаемым точками огласовки и тональными ударениями, с филологическими и литературными примечаниями С. Каэна*). — Paris, Barrois, Treuttel et Wurtz, 1831–1834, 5 vol. in-8 (редкое издание).

N

NAVDE (Gabriel) (НОДЕ, Габриель). — *Apologie pour tous les grands hommes qui ont este accuses de Magie* (Апология всех великих людей, обвиненных в Магии). — Paris, chez Augustin Besogne, 1669, petit in-12 (ценное издание).

NYDAULD (J. de) (НИДО, Ж. де). — *De la Lycanthropie, transformation et extase des Sorciers, avec la refutation des argumens de Bodin* (О Ликантропии, превращении и экстазе Колдунов, с опровержением аргументов Бодена). — Paris, 1615, in-8 (очень редкое издание).

O

OLAI MAGNI (ОЛАУС МАГНУС). — *Historia de gentibus septentrionalibus*. — Rome, 1555, in-folio.

ORIGENI (ОРИГЕН). — *Philosophumena* (трактат о ересь в десяти книгах, приписываемый также св. Ипполиту. Самое лучшее издание опубликовано г-ном Миллером, Miller, Oxford, 1851, in-8).

P

PAPUS (Gerard Encausse) (ПАПЮС, Жерар Анкос). — *Clef absolu des sciences occultes. Le Tarot des Bohemiens, le plus ancien livre du monde. A l'usage exclusif des inities* (Абсолютный ключ к оккультным наукам. Цыганское Таро, самая древняя книга в мире. Только для посвященных). — Paris, Carre, 1889, gr. in-8, fig.

PARACELSI (Aureoli Phillippi Theoph. ab Hohenheim) (ПАРАЦЕЛЬС, Ауреол Филипп Теофраст из Гогенгейма). — *Opera Omnia medico-chemico-chirurgica, tribus voluminibus comprehensa*. — Geneuae, sumptibus J. Antonii et Samuelis de Tournes, 1658, 3 vol. in-folio (очень редкое издание).

— *Prognosticatio eximii doctoris Theophrasti Paracelsi, ad illustrissimum ac potentissimum principem Ferdinandum Romanorum Regem semper Augustum, atque archiducum Austriae conscripta*. — Anno 1536 (s. l.), 1 vol. in-4, с 32 эстампами (бесценное издание, которое очень трудно найти).

PAUSANIAS (ПАВСАНИЙ). — *Voyage historique en Grece, traduction Clavier* (Историческое путешествие в Грецию, перевод Клавье). — Paris, 1814—1821, 6 vol. in-8.

- PELADAN (Josephin) (ПЕЛАДАН, Жозефен). — *Istar*, avec un frontispice de F. Rops (*Иштар*, с фронтисписом Ф. Ропса). — Paris, Edinger, 1888, 2 vol. in-8.
- PEUCER (Gaspar, tresdocte philosophe, mathematicien et medecin de nostre tems) (ПЕКЕР, Гаспар, преученый философ, математик и врач нашего времени). — *Les deuins ou commentaire des principales sortes des deuinations*: Distingue en 15 liures, esquels les ruses et impostures de Satan sont decouvertes, solidement refutees, et separees d'auec les Saintes Propheties et d'auec les predictions naturelles... Nouuellement tourne en francois par S. G. S. [Simon Goulard, senlisien] avec les tables et indices necessaires pour le soulagement des lecteurs (*Прорицатели, или комментарий к основным видам гадания*: Разделенный на 15 книг, где коварство и ложь Сатаны раскрываются, основательно опровергаются и отделяются от Святых Пророчеств и естественных предсказаний... Вновь переложено на французский С. Г. С. [Симоном Гуларом, санлизцем] с таблицами и необходимыми указаниями для утешения читателей). — En Anuers, par Heudrik Connix, 1584, in-4 (ou gr. in-8).
- PIC DE LA MIRANDOLE (ПИКО ДЕЛЛА МИРАНДОЛА). — *Conclusiones philosophicae, cabalisticae et theologicae*. — Rome, 1486, in-folio (редкое издание).
- PISTORII (Ioannis, Nidani, etc.) (ПИСТОРИЙ, Иоанн, Нидан и т. д.). — *Artis cabalisticae, hoc est reconditae theologiae et philosophiae Scriptorum tomus I* (единственно напечатанный), in quo, praeter Pauli Riciis theologicos et philosophicos libros, sunt latini pene omnes et hebraei nonnulli praestantissimi scriptores, qui artem commentariis suis illustrarunt. — Basileae, per Sebastianum Henricpetri, 1587, in-folio (очень редкое и очень ценное издание).
- PLATON (ПЛАТОН). — *Oeuvres completes*, traduction Victor Cousin (*Полное собрание сочинений*, перевод Виктора Кузена). — Paris, 1822–1840, 13 vol. in-8.
- PORPHYRE (ПОРФИРИЙ). — *Traite touchant l'abstinence de la chair des animaux*, avec la *Vie de Plotin* par ce philosophe et une dissertation sur le genies, par M. Burigny (*Трактат о воздержании от мяса животных, вместе с Жизнью Плотина, написанной этим философом, и рассуждением о гениях г-на Бюрины*). — Paris, De Bure, 1747, in-12.
- PRIERIAS (Sylvester) (ПРИЕРИАС, Сильвестр). — *De Strigio magorum daemonumque randis, libri III*. — Rome, 1521, in-4.

R

- REGNARD (Dr Paul) (РЕНЬЯР, д-р Поль). — *Sorcellerie, Magnetisme, morphinisme, delire des grandeurs*, ouvrage illustre de 120 gravures (Колдовство, Магнетизм, морфинизм, бред величия, произведение, иллюстрированное 120 гравюрами). — Paris, Plon et Nourrit, 1887, gr. in-8.
- REMIGII (Nicolai) (РЕМИГИЙ, Николай). — *Demonolatriae libri III*. — Lugduni. 1595, in-4 (редкое издание).
- REUVENS (РЕЙВЕНС). — *Lettres a M. Letronne...* (Письма к г-ну Летрону...) — In-4° с атласом in-folio из 6 гравюр. Leyde, 1830.
- ROGER (Abraham, qui a fait sa residence plusieurs annees sur les costes (du Choromendel) et a fort exactement recherche tout ce qu'il y auoit de plus curieux) (РОДЖЕР, Авраам, который несколько лет прожил на (Коромандельском) побережье и тщательно исследовал всё, что было там любопытного). — *La Porte ouverte pour paruenir a la connoissance du paganisme cache*, ou la vraye representation de la vie, des moeurs, de la religion et du seruice diuin des Bramines, qui demeurent sur les costes du Choromandel et aux pais circonuoisins... Auec des remarques des noms et des choses les plus importantes. Enrichie de plusieurs figures en taille douce. Traduite en francois par le sieur Thomas la Grue, maiste es arts et docteur en medecine (Открытая дверь для познания скрытого язычества, или истинное представление о жизни, нравах, религии и божественной службе Браминов, обитающих на Коромандельском побережье и в окрестных странах... С замечаниями о наиболее важных названиях и вещах. Украшенная несколькими эстампами. Переведенная на французский язык господином Тома Лягрюэ, магистром искусств и доктором медицины). — A Amsterdam, chez Jean Schipper, 1670, 1 vol. in-4 (любопытное и редкое издание).
- ROSENROTH (Knorr ab) (РОЗЕНРОТ, Кнорр фон). — *Kabbala Denudata*, seu Doctrina Hebraeorum transcendentalis et metaphysica atque theologica. Sulzbaci, 1677. — Francofurti, 1684, 2 vol. в трех массивных томах in-4 (редкостнейшее издание).
- ROSSET (Francois de) (РОССЕ, Франсуа де). — *Les histoires tragiques de nostre temps*, ou sont contenues les morts funestes et lamentables de plusieurs personnes, arriuees par leurs ambitions, amours dereglees, sortileges, vols, rapines et par autres accidents diuers et memorables (Трагические истории нашего времени, где описана зловеющая и плачевная кончина нескольких особ, к коей их привели тщеславие, необузданная страсть, колдовские чары, воровство, грабеж и другие разнообразные и достопамятные случаи). — A Paris, de l'impr. de Francois Huby, 1614, pet, in-8 (очень редкое издание).

S

SAINT-AUBIN (СЕНТ-ОБЕН). — *Histoire des Diables de Loudun, ou de la possession des Religieuses Ursulines et de la condamnation et du supplice d'Urbain Grandier, cure de la meme ville... Cruels effets de la vengeance du cardinal de Richelieu* (История Луденских Демонов, или одержимости Монахинь-Урсулинок и осуждения и казни Юрбена Грандье, кюре того же города... Жестокие последствия мести кардинала Ришелье). — A Amsterdam, Wolfgang, 1693, petit in-12.

SAINT-JEAN (СВЯТОЙ ИОАНН). — *Apocalypse* (Апокалипсис). Хорошо бы обратиться к произведению Адольфа Берте (Adolphe Bertet) [ученика Элифаса Леви], Доктора гражданского и канонического Права, адвоката при Апелляционном суде в Шамбери: *Apocalypse du bienheureux Jean, apotre, surnomme le theologien, devoilee* (Разоблаченный Апокалипсис блаженного апостола Иоанна, прозванного Богословом), примиряющему веру и рассудок путем доступного всем объяснения тайн Царства Божия. — Paris, Arnauld de Vresse, 1861, 1 vol. in-8 (Помимо очень правильного текста и хорошего перевода Апокалипсиса, в этом малоизвестном произведении помещены превосходные эзотерические комментарии к 22 главам св. Иоанна.)

SAINT-MARTIN (Louis-Claude, Marquis de, le philosophe inconnu) (СЕН-МАРТЕН, Луи-Клод, маркиз де, «неизвестный философ»).

— *Correspondance inedite avec Kirschberger, baron de Liebisdorf, membre du conseil souverain de la Republique de Berne* (Неизданная переписка с Киршбергером, бароном фон Либисдорфом, членом верховного совета Бернской республики). (1792–1797) Сочинение, изданное гг. Шауэром (Schauer) и Шюке (Chuquet). — Paris, Dentu, 1862, 1 vol. gr. in-8, портрет (издание распродано и стало библиографической редкостью).

— *Le Crocodile ou la guerre du bien et du mal, arrivee sous le regne de Louis XV; poeme epico-magique en 102 chants. Oeuvre posthume d'un amateur de choses cachees* (Крокодил, или война добра и зла, произошедшая в правление Людовика XV; эпико-магическая поэма в 102 песнях. Посмертное творение любителя скрытых вещей). — A Paris, de l'imprimerie du Cercle social, an VII de la Rep. fr., 1 vol. in-8 (встречается редко).

SAINT-YVES D'ALVEYDRE (Alexandre de) (СЕНТ-ИВ Д'АЛЬВЕЙДР, Александр де). — *Mission des Juifs* (Миссия евреев). — Paris, Calmann-Levy, 1884, gr. in-8, портрет.

— *La France vraie* (Mission des Francais) (*Истинная Франция, Миссия французов*). — Paris, Calmann-Levy, 1887, 2 vol. in-12.

SOULARY (Josephin) (СУЛАРИ, Жозефен). — *Oeuvres completes* (*Полное собрание сочинений*). — Paris, Lemerre, 3 vol. pet. in-12.

SPRENGER (Jacques) (ШПРЕНГЕР, Якоб). — *Malleus maleficarum de Lamiis et Strygibus et Sagis, aliisque Magis et Daemoniacis mulieribus, eorumque arte, potestate et poena Tractatus tam veterum quam recentiorum auctorum*. — Francof., 1598, 4 vol. in-4.

SWINDEN (D^r en theologie et cure de la paroisse de Cuxton) (СУИНДЕН, д-р богословия и священник Какстонского прихода). — *Recherches sur la nature du feu de l'Enfer et du lieu ou il est situe*. Traduit de l'Anglois par M. Bion, ministre de l'eglise Anglicane (*Изыскания о природе Адского огня и о месте, где он расположен*. Перевод с английского г-на Биона, священника Англиканской церкви). — A Amsterdam, chez les Wetsteims et Smith, 1728, in-8, fig.

Т

TAILLEPIED (F. Noel, Lecteur en theologie) (ТАЙПЬЕ, Ф. Ноэль, лектор богословия). — *Psychologie ou traite de l'apparition des Esprits, a scauoir, des ames separees, fantosmes, prodiges et accidents merueilleux, qui precedent quelquefois la mort de grands personnages, ou signifient changement de la chose publique* (*Психология, или трактат о явлении Духов, а именно, о разделенных душах, фантомах, предзнаменованиях и чудесных происшествиях, которые иногда предшествуют смерти великих личностей или означают перемену общественного строя*). — A Paris, chez Guillaume Bichon, 1588, pet. in-12 (Очень редкое произведение; превосходное издание, неизвестное гг. Брюне и Граэсу, которые указывают руанское издание, опубликованное 12 лет спустя, в 1600 г., в качестве первого).

TERTULLIANI (T. Septimi Florenti) (ТЕРТУЛЛИАН Т. Септимий Флоренций). — *Opera omnia*. — Venetiis, 1746, in-folio.

THIERS (Jean-Baptiste, D^r en theologie, et cure de Vibraie) (ТЬЕР, Жан-Батист, д-р богословия и кюре Вибре). — *Traite des superstitions qui regardent les sacrements, selon l'Ecriture sainte, les decrets des conciles et les sentiments des saints Peres et des Theologiens*, 4^e edition (*Трактат о суевериях, относящихся к таинствам, согласно Священному писанию, постановлениям церковных соборов и суждениям святых Отцов и*

Богословов, 4-е издание). — A Avignon, chez Louis Chambeau, 1777, 4 vol. in-12.

TRITHEME (l'abbe Jean) (ТРИТЕМИЙ, аббат Иоганн). — *Polygraphie et uniuerselle escripture cabbalistique*, traduite par Gabriel de Collanges, natif de Tours en Auuergne (Полиграфия и универсальное каббалистическое письмо, в переводе Габриеля де Колланжа, уроженца Тура в Оверни). — A Paris, chez Jacques Keruer, 1655, 1 vol. in-4, рис. (очень редкое издание).

— *Steganographia vindicata, reserata et illustrata... ubi clarissime explicantur conjurationes spirituum...*, etc. Autore Wolfgango Ernesto Heidel. — Norimbergae, apud Joh. Fridericum Rudigerum, anno 1721, in-4.

V.—W.

VALLEMONT (l'abbe de) (ВАЛЬМОН, аббат). — *La physique occulte, ou traite de la baguette divinatoire* (Оккультная физика, или трактат о волшебной палочке). — A la Haye, chez Adrien Moetjens, 1762, 2 vol. petit in-8, фронтиспис и рисунки.

VINTRAS (Pierre-Michel-Eugene) (ВЕНТРА, Пьер-Мишель-Эжен). — *Le glaive sur Rome et sur ses complices* (Меч над Римом и его сообщниками). — Venue et enseignements d'Elie sur l'avenement glorieux de Jesus-Christ (Приход и наставления Илии о пришествии Иисуса Христа во славе). — Londres, chez Dulau, 1855, in-8.

VILLARS (l'abbe de Montfaucon de) (ВИЛЛАР, аббат де Монфокон де). — *Le comte de Gabalis ou entretiens sur les sciences secretes*, nouvelle edition, augmentee des genies assistans et du gnome irreconciliable (Граф де Габалис, или Беседы о тайных науках, новое издание, дополненное гениями-помощниками и непримиримым гномом; эти два последних произведения, приписываемые аббату Виллару, принадлежат отцу Андролю). — A Londres, chez les freres Vaillant, 1742, 2 vol. in-12.

WIER (Jean, medecin du duc de Cleues) (ВИР, Иоганн, лекарь герцога Клевского). — *Histoires, disputes et discours des illusions et impostures des diables, des magiciens infames, sorcieres et empoisonneurs; des ensorcelez et Demoniacques et de la guerison d'iceux; item de la punition que meritent les magiciens, les empoisonners et les sorcieres*; le tout compris en six liures: avec deux dialogues, touchant le pouuoir des sorcieres et de la punition qu'elles meritent, par Thomas Erastus, professeur en medecine a Heidelberg (Истории, диспуты и рассуждения о наваждениях и обманах демонов,

нечестивых магах, колдунах и отравителях; об околдованных и Бесноватых и об их исцелении; а также о наказании, коего заслуживают маги, отравители и колдуны; всё включено в шесть книг: вместе с двумя диалогами о власти колдунов и наказании, коего они заслуживают, Фомы Эраста, профессора медицины из Гейдельберга). — Geneve, 1579, in-8 (редкое издание, переизданное в 2 тт. in-8, Delahay et Lecrosnier, editeur, 1885).

WIRTH (Oswald) (ВИРТ, Освальд). — *Les XXII clefs du Tarot Kabbalistique, restitues en leur purete hieroglyphique* (22 ключа Каббалистического Таро, восстановленные в их иероглифической чистоте). — Paris, 1889, format in-8, Poirel, editeur.

Z

ZIMPEL (ЗИМПЕЛЬ). — *Le Millenaire*, extrait de deux ouvrages du docteur ZIMPEL: la XIe heure de l'Antechrist... et l'explication populaire de l'Apocalypse. 7^e edition (*Тысячелетие*, отрывок из двух произведений доктора Зимпеля: 21-й час Антихриста и популярное объяснение Апокалипсиса, 7-е издание). — Francfort sur-Mein, 1866, in-8 (одна из самых любопытных печатных обложек).

КОНЕЦ

АЛФАВИТНОГО УКАЗАТЕЛЯ АВТОРОВ

ХРАМ САТАНЫ

ХРАМ САТАНЫ

«Храм Сатаны» (первая книга «Змея Книги Бытия») будет посвящен описанию особых и отличительных деяний Сатаны (вульгарный смысл Моисеевой эмблемы Змея).

Речь не может идти ни о пояснительных комментариях, сделанных разве что урывками; ни об эзотерическом наставлении. Черная магия не имеет ничего общего с Высшей Доктриной.

Мы ограничимся лишь изложением и классификацией фактов, попеременно реальных или легендарных, не заботясь о том, чтобы дать им научное объяснение. И только если нам представится удобная возможность, мы возьмем на себя труд нюансировать изложение таким образом, чтобы читатель смог догадаться о подлинном или же иллюзорном характере приведенных феноменов.

Во втором Септенере («Ключ к Черной магии») мы дадим изложение Доктрины; а в третьем («Проблема Зла») метафизический синтез произведения приобретет некоторую видимость прочности.

Остерегайся же, любезный читатель, выносить поверхностное или преждевременное суждение: такое суждение будет безосновательным.

Фокусник = Единство = Принцип = Объект... *Дьявол*

ГЛАВА I

ДЬЯВОЛ

В вульгарном смысле — знакомом всем тем, кого Божественная наука не числит среди своих адептов — Змей Книги Бытия символизирует Дьявола, Дух зла в образе Сатаны.

— Сатана? Дьявол? Лукавый?.. Полноте, вы шутите! Кто когда-нибудь видел его, этого призрака, сотканного из дыма? Где он еще показывается, кроме как в тумане замутненного и болезненного воображения или в темном калейдоскопе слабых, запуганных душ?.. Принимал ли он когда-нибудь форму, доступную моим органам чувств, свидетельству которых я исключительно доверяю? Нет! Не более, чем Бог, его тиранический антагонист, не более, чем Бог, его безжалостный палач, Сатана обнаруживает свое присутствие во Вселенной... Дьявол, сударь! Не могли бы вы указать мне, где он живет?

Никто не осмеливается возразить материалисту, говорящему подобным образом, довольно простой репликой: он живет в вас самих.

Повсюду, где зловонный мрак отрицания, затмевая разум человека, упраздняет в нем духовную жизнь и способен изгладить тот внутренний смысл, который придает предчувствие божественного и приобщение к вечному, — там, поистине, Сатана пребывает в метафизической форме *Заблуждения*.

Повсюду, где развращенность разрушает бедные души, расторгая тесные узы солидарности, связывающие их между собой; повсюду, где скептицизм развращает сознание, смешивая в нем понятия справедливости и несправедливости, — там, поистине, Сатана пребывает в физической форме *Эгоизма*.

Наконец, повсюду, где свободная воля человека, склоняя Натуру (это зеркало божественного) к самой ужасной лжи, принуждает ее отречься от сияния своего небесного образца, ставя самоуправное несогласие злых индивидуальных воль на место мудрой гармонии всеобщих законов, — там, поистине, Сатана пребывает в чувственной форме *Уродства*.

Заблуждение, слепота духов! Эгоизм, дурное дыхание душ! Уродство, деформация тел!.. Это всегда нечестивый силуэт Сатаны, отраженный в трех мирах: мышления, ощущения и чувственности.

Но природу этого двусмысленного существа мы исследуем на досуге в нашей III-й книге; здесь же нас должен всецело занимать демотический смысл эмблемы.

Восхитимся же благоразумием наставляющей Церкви, которая всегда отказывалась давать определение Сатане и его царству, предоставляя своим Отцам предлагать решения под поручительством их собственного, погрешимого авторитета.

Различные тексты Священного писания упоминают о существовании Дьявола: это достоверный факт; но толкование этих сомнительных текстов остается свободным: *In dubiis libertas*¹⁹. Богословам позволено выступать за и против; ни одно из решений, принятых в Риме *ex cathedra*²⁰, не закрепляет окончательно доктрину в виде догмата веры²¹.

Что же касается общепринятого представления о Дьяволе, то оно таково:

Падший ангел, лишенный своего бывшего великолепия, создание, ввергнутое в бездну за попытку стать равным Творцу и соперничать

¹⁹ Латинская фраза *in necessariis unitas, in dubiis libertas, in omnibus caritas* означает: «в достоверных вещах — единство, в сомнительных вещах — свобода, во всех вещах — милосердие». Ошибочно приписывается Августину Блаженному, однако впервые была использована, очевидно, немецким лютеранским богословом XVII в. Рупертом Мельдениусом в форме: «*in necesariis unita[s], in non-necessariis liberta[s], in utrisque charita[s]*», что означает: «в достоверных вещах — единство, в недостоверных вещах — свобода, и в тех, и в других — милосердие». Эта фраза часто приводится в защиту теологической и религиозной свободы. (*Прим. пер.*)

²⁰ с папского престола (лат.).

²¹ Я прошу католиков обратить на этот факт пристальное внимание. Напрасно они стали бы ссылаться на мнение, формально выраженное некоторыми папами; это мнение обладает ценностью и авторитетностью, пропорциональными знаниям и вдохновению конкретного понтифика, выступающего в данном случае в качестве отца, а не в качестве непогрешимого главы Церкви: см. определение непогрешимости: папа считается непогрешимым лишь тогда, когда он поднимается на престол св. Петра, дабы провозгласить догмат *urbi et orbi* (лат., досл. «городу и миру»). Помимо этого, он лишь дает определение и внушает верующим то верование, которое традиционно существовало в Церкви.

Таково католическое учение по этому вопросу, не будем же забывать об этом.

с ним в могуществе, Сатана занимает вместе с легионами своих пособников проклятую обитель тьмы внешней, где слышится плач и скрежет зубовой.

Как гласит популярная легенда, там силы вечного Зла корчатся в судорогах вечной агонии. Вперемешку со своими мятежными собратьями, подобными ему, Сатана неистовствует в своей вечности. Единственное утешение, дозволенное его несчастьем, состоит в растущем множестве проклятых душ, которых этот вкрадчивый и многоликий искуситель ухитряется соблазнять изо дня в день во время земных испытаний; так же, как некогда в Эдеме, под видом змея, он сумел погубить Еву с помощью волшебной прелести запретного плода.

Ведь нужно сказать, что в качестве «чистых» духов — или, если угодно, нечистых — Дьявол и его приспешники обладают, в воображении народа и даже в верованиях учителей экзегезы, ценным даром *вездесущности*... Тогда как в подземных безднах, *in inferioribus terrae*²², они отбывают наказание за свои злодеяния, они также бродят по миру живых; и, непрерывно подстерегая усталые души, нетвердо идущие по пути к спасению, они готовы извлечь выгоду из малейшей моральной слабости, чтобы вербовать в армию Зла и приумножать адские когорты.

Так, даже в овчарне и под самым посохом доброго пастыря прожорливый волк производит «набор рекрутов»... и овечки поддаются одна за другой.

Таково ошибочное толкование прекрасных и глубоких слов Иисуса: *Много званых, но мало избранных!*

Поэтому достойно удивления, что богословы-агностики, виновники столь мрачной нелепости, испытывают жалкое негодование, если какой-нибудь любитель неумолимой логики, припирая их к стенке, ставит перед ними софистическую дилемму: «Вы говорите, что Бог *всемогущ, всеведущ, бесконечно милосерден и добр*. С другой стороны, вы учите, что огромное большинство людей обречены на адские муки... Необходимо быть последовательным, даже в теологии. Следовательно, Бог возжелал Зла и Преисподней... Напрасно стали бы вы ссылаться на неприкосновенность свободной человеческой воли: ведь если Бог не предусмотрел дурного использования этой свободной воли человеком, то его всеведение несостоятельно; если он это предвидел, но не смог этому помешать, то я отрицаю его всемогущество; если же, предвидя это и имея возможность этому помешать, он этого не сделал, то я оспариваю его доброту».

Возможно, доведя до самых последних следствий жалкие послышки подобных богословов, поэт и мыслитель такой величины, как г-н Сулари, был вынужден изречь это возвышенное, дьявольское богохульство:

²² во глубине утробы [лат., букв., «земли»] (Пс. 138:15).

ET VIDIT QUOD ESSET BONUM...²³

Рек Человек: «Хотел всё знать — и всё узнал!
И се: нет больше мне прибежища в юдоли;
Я прожил весь мой век, страстям давая волю;
И вот, невзвидя жизнь, на землю возроптал!»

Рекла Земля: «В моей груди саднит от боли,
Для смертных млечный сок мой вдруг отравой стал;
Проказою греха, что сплошь возобладал,
Покрыта до костей... *Рождать не в силах боле!*»

Рек Небосвод: «Мой блеск уж тупится о меч,
И ангелу подъять своих усталых плеч
Нет сил, как ждать нет сил предызбранного гостя!»

И Ад рек: «Сатана устал нагромождать
Проклятые тела на высохшие кости!»
И РЕК ГЛАГОЛ: «Ничто, ПОРА С ТЕБЯ НАЧАТЬ!»²⁴

Не правда ли, эти четырнадцать строк поистине ужасают, особенно, последняя? Таков — и это следует признать! — логический вывод из проблемы, поставленной в столь дерзко-простодушных выражениях философами из ризницы.

И в то время как логики, подобные Пьеру Бейлю, со смехом выдвигают инфернальную дилемму, которую я сформулировал; в то время как редкие поэты, оставшиеся мыслителями, отваживаются, подобно Сулари, бесчестить язык богов в столь великолепных словесных оргиях, богословы кичатся тем, что разрешили грозную проблему Зла и истощают свою диалектику в бесплодных диспутах о *действенной и достаточной благодати*; английский доктор Суинден утверждает в одной толстой книге²⁵, что проклятые корчатся в пламенном веществе Солнца, которое есть не что иное, как Ад, видимый невооруженным глазом!²⁶ Дом Кальме серьезно обсуждает вопрос о девственности св. Иосифа, и наиболее авторитетные

²³ И увидел [Бог], что это хорошо... (лат.) (Быт. I).

²⁴ Josephin Soulayr, *Poesies completes* (Lemerre, in-12, 3 vol.). *Ephemeres*, page 119.

²⁵ *Recherches sur la nature du feu de l'Enfer et du lieu ou il est situe*. Traduit par M. Bion. Amsterdam, 1728, in-8, fig.

²⁶ Тезис, подхваченный г-ном Пеладаном в «Иштар» и отстаиваемый в лирическом произведении самого возвышенного характера: «Легенда об Инцесте». Я должен отметить, что различные теософские традиции сходятся во мнении, что Солнце, наоборот, служит для нашего водоворота по преимуществу райским светилом: блаженной обителью прославленных душ.

доктора постановляют, что Дьявол лично руководит пляской шляп и спиритических столиков!

Но довольно! Легенда об ангельском падении слишком общеизвестна и, я бы даже сказал, популярна, для того чтобы имелась необходимость вновь ее здесь пересказывать.

Достаточно отметить, что Моисей не делает никакого упоминания о восстании ангелов. Он много говорит о некоем *Нахаш*, שָׁנִי (уже известном нашим читателям), который вульгарные версии переводят как *уж* или *змей*; он сообщает также о плодотворном союзе Бенеи-ха-Элохим, בְּנֵי הָאֱלֹהִים, или Сыновей богов, с дочерьми человеческими: таинственном браке, от которого родилась великая раса *Гибборим*, גִּבּוֹרִים, или *Нефилим*, נְפִלִים, из которых затем сделали гигантов; но, похоже, израильский теократ никогда не принимал, и нет даже доказательств того, что ему был известен догмат об ангельском падении.

Книга Левит мимоходом упоминает *Духов Аобот*, אֹבוֹת, вдохновителей сивилл, но более ничего не уточняет.

Первым из авторов *Ветхого Завета*, Иов называет именем *Шатан*, שָׁטָן, духа восьмой иерархии Каббалистов (Бени-Элохим), на которого Господь возложил особую испытательную миссию. Далее одна темная и расплывчатая фраза Исаяи обычно истолковывается как намек на падшего ангела. И это всё²⁷.

Изучение *Талмуда* наталкивает на мысль, что древнееврейские Каббалисты привезли этот догмат из Вавилона — общеизвестное заимствование из дуалистической теологии Зороастра.

Каждый может увидеть в том, что осталось от *Авесты* (священных книг Парсов, созданных гением этого иерографа), постоянную вражду *Ахурамазды*, или *Ормузда* (живой Мурости), бога Добра, — и *Анграманью*, или *Аримана* (Злонамеренного), бога Зла.

Последний, своего рода божественный Аттила, увлекая за собой орду беспощадных и проклятых *Дэвов*, непрерывно нападает и докучает небесному Благодетелю, окруженному и защищаемому священным

²⁷ Слово Шатан встречается в Книге Чисел (סֵפֶר בְּפָדְיוֹ) дважды; но это действительно, употребляемое в качестве наречия, в смысле против (по-латыни *adversus*):

— Пример: וַיִּתְּצֵב מִלֶּאךָ יְהוָה בְּדֶרֶךְ לִשְׁטָן לוֹ

(«И стал Ангел Господень на дороге, чтобы воспрепятствовать ему», Чис., 22:22).

Возможный персвод: «И встал посланник Йод-хеве на пути, дабы стать препятствием (Сатаной) для него».

Принимая во внимание этот смысл древнееврейского слова שָׁטָן, любопытно пронаблюдать, насколько близко слово дьявол к его глубинному смыслу. Дьявол (греч. διάβολος) происходит от δια βάλλω, «бросаю поперек»; можно ли лучше передать идею препятствия?

легионом *Амшаспандов*. Таким образом, Ариман²⁸ оправдывает свое имя, которое анализ корней позволяет перевести на французский: *le malintentionne* («злонамеренный»).

Поспешим уточнить, что истинные посвященные в эзотерический Маздеизм видели в Ормузде и Аримане лишь «принципиализированные принципы», исходящие из невыразимой причины — *беспредельного Времени* — которая сама, похоже, рассматривалась как проявление еще более непостижимого тайного Единства (см. Vendidad Sade, 36^e ha). Кроме того, и мы уже отмечали это в «*Пороге Тайны*»²⁹, андрогинная чета *Митрас-Митра* представляла собой, в глазах адептов, принцип равновесия между Ормуздом и Ариманом. Но толпа этого не разумела, и превратное понимание подобной системы порождало бесчисленные беды.

Мани, «привив» позднее маздеистский догмат о двух принципах к едва зародившемуся христианству, «отравил», так сказать, источники мистической жизни: несмотря на то, что его мерзостная ересь неоднократно предавалась справедливой анафеме, она умножалась в то время в изменчивых формах, подобно преступной мечте; ею было заражено учение лучших богословов. Понятно, что я говорю как раз о тех из них, кто наиболее ожесточенно боролся с распространением манихейства.

Эта ересь — подлинная чума человеческой мысли! Зараза распространилась повсюду. Если бы не Мани и не его слишком часто бесознательные продолжатели, *Нахаш харим* здраво рассматривался бы всеми в качестве безличной силы природы, космического агента, одним словом, не в качестве Жупела богословия; — и ненавистный, потешный призрак Дьявола не позорил бы в наше время христианскую Догматику, если бы удалось очистить ее от этого последнего манихейского пережитка.

Здесь уместно привести несколько стихов из *Апокалипсиса* (книги, не понимаемой теми, кто не владеет великими ключами Каббалы). Ведь если у нас принято приписывать агностический и буквальный смысл мифу об ангельском падении, то полезно отметить, что это во многом вызвано превратным толкованием данных стихов.

²⁸ Любопытная деталь, позволяющая объяснить, почему раввины, после вавилонского пленения Израиля, поспешили увидеть в безличном Нахаше (Искусителе из Книги Бытия) четко различимое, индивидуальное существо, своего рода бога Зла.

По странной случайности, эпитетом, который Моисей присоединяет к существительному Нахаш, служит именно слово **חַרִּיט**, Харум, или Харим, от которого Ариман, или Харим-ан, маздейское имя Врага (**חַרִּיטִּי**, если записать его древнееврейскими буквами) отличается лишь добавлением увеличительного окончания **יָ**: стало быть, это не просто сходство, а тождество.

²⁹ См. стр. 52 настоящего издания.

«...Вот, большой красный дракон с семью головами, и десятью рогами, и на головах его семь диадим;
Хвост его увлек в неба третью часть звезд...
И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них,
Но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе.
И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаной, обольщающий всю вселенную...»

(Отк., гл. 12:3—9, *passim*.)

В то же время в откровениях св. Хильдегарды, якобы написанных под диктовку самого Слова, читаем о Люцифере следующее: «Затем все Звезды его воинства, омываемые до этого в волнах его света, полностью угасших сегодня, показались черными угольками, сожженными огнем. Неумолимый ветер погнал их на север, в противоположную сторону от престола, и низверг в такие хляби, чтобы никому не дано было больше узреть ни одну из них»³⁰.

Эти строки святой могут служить комментарием к только что приведенным стихам.

Маркиз Од де Мирвиль, автор этого удивительного сопоставления, ссылается на следующий факт, которым он был поражен: согласно современной Астрономии, межзвездный разрыв представляет примерно одну *треть* той части неба, которая доступна ее инструментам. Результатом этих различных сопоставлений явилось для маркиза гениальное озарение, которое его, в некотором роде, ошеломило. В самом деле, как не увидеть в этих исчезнувших звездах *треть* Саваоф³¹, которую красный дракон смел своим хвостом во время падения в бездну?³² Отрицать очевидное может только недобросовестный человек...

Впрочем, оставим г-на де Мирвиля, совершенно потрясенного столь внезапным и ясным прозрением. Лучше нам вернуться к исследованиям сущности диархической доктрины.

Антагонизм двух принципов представляет собой догмат, который предшествовал самому Зороастру и датируется первыми индийскими космогоническими циклами. «Этот догмат (пишет Фабр

³⁰ *Scivias*.

³¹ *Tsebaoth* — Небесные воинства (др.-евр.). (Прим. перев.)

³² Скрытый смысл ангельского падения действительно связан с существованием громадного воинства светил, но эта связь совершенно иная, и мы укажем на нее в III-й книге: Проблема Зла.

д'Оливе в своем замечательном комментарии к «Каину») породил древнее индуистское предание, в котором говорилось, что, начиная с возникновения мира, духи (*genies*) севера и юга Земли разделились из-за напитка бессмертия, на исключительное обладание которым они равным образом претендовали. Это разделение повлекло за собой долгие кровопролитные битвы, итогом которых явился полный разгром гениев юга, называемых Асурами, и их порабощение духами севера, именуемыми Дэвами. Это предание, снова встречающееся в скандинавской Эдде почти в тех же выражениях, было известно египтянам, грекам и римлянам под названием *Войны богов против гигантов* (Cain, page 169)».

Как видим, ситуация довольно пикантная: победители сделали себя богами и облачили в дьявольские мундиры несчастных побежденных. Я полагаю, речь идет о скептиках еще более наивных, нежели непочтительных... Быть может, излишне сообразуя вещи вверху с вещами внизу³³, они чистосердечно вообразили, что, если небесное восстание закончится успешно, а не потерпит провал, то Иегова, к этому времени оклеветанный «с головы до ног», будет понижен до обидной, подчиненной роли суфлера, нашептывающего дурные советы! Тогда Зло станет Добром; малодушие назовут забвением обид; низость — скромностью; человеколюбие прослывет постыдной слабостью; а целомудрие приравняют к бесчестию... С пороками же всё наоборот: гордыня станет великодушием; скупость — предусмотрительной мудростью; высокомерие и гнев будут считаться признаком благородной души; невоздержанность и роскошь — залогом прекрасного физического и нравственного здоровья; и, наконец, коварство и ложь — доказательствами ловкости, проницательности и сноровки.

Возможно ли, чтобы мыслящие существа обманывали себя подобными софизмами? Поистине достойны сожаления те, кто, доверяя парадоксальным выводам непонятого или выродившегося маздеизма, упорно не желают давать себе отчет в том, что в борьбе, таинственно изображенной под этим глубоким символом, Добро восторжествовало потому, что оно есть порядок, норма, гармония, одним словом, потому, что оно есть *Добро*; и что необходимой причиной, безошибочно вычисляемой заранее, которая, делая Зло случайным и преходящим, обрекает его на грядущее уничтожение, служит беспорядок, произвол и анархия, именуемые *Злом*.

³³ — Вы говорите «излишне»? А как же аксиома Гермеса: *quae superius sicut et quae inferius* (лат., «то, что вверху, то и внизу»)?.. А как же аналогический метод, основа и критерий Оккультизма? Что прикажете с этим делать?

— Я позволю Луи Люка ответить, в соответствии с этим методом, путем сравнения: человек — образ Божий, однако Бог — не позвоночное животное.

Возможно, покажется странным такое упорное осуждение доктрины о двух принципах, этого недвусмысленного источника, по нашему мнению, всех видов позорного безумия, отправной точки всех кровавых бесчинств, в которых погрязли средние века (если ограничиться единственным, но весьма плачевным примером): ведь, в конце концов, у каждого народа есть свой выразительный миф о злобном духе. Называют ли его Тифоном, как в Египте, или даже Чутгуром, как у монголов, Демон всегда остается Демоном.

Так полагают, по крайней мере, многие честные люди, которым я с величайшим сожалением вынужден возразить. Именно этой доктрины, о которой сейчас идет речь, следует остерегаться. И, несмотря на то что лишь неуловимые нюансы формы отличают на поверхности эти различные образцы злосчастных божеств, я утверждаю, что Ариман (рассматриваемый — впрочем, ошибочно — в качестве абсолютного принципа Зла, совечного Ормузду, абсолютному Принципу Добра), так же глубоко отличается от Тифона (или любой другой эмблемы случайного и относительного зла), как Заблуждение отличается от Истины и Тьма — от Света.

Невозможно отрицать *существование* Зла (что касается его *сущности*, это уже другой вопрос). Конечно, его проявление во Вселенной несомненно, в той же степени, что и проявление холода зимой и темноты ночью. Но загорается свет, и темнота рассеивается; приходит тепло, и холод исчезает: потому что темнота и холод наделены лишь негативным существованием; являясь отрицаниями, они лишены собственной сущности. Точно так же лишено ее и Зло, преходящее, случайное, несущественное.

Приписывать сущность Злу означает отказывать в сущности Добру; поддерживать принцип Зла значит оспаривать принцип Добра; подтверждать собственное существование Дьявола в качестве абсолюта Зла значит отрицать Бога. Наконец, поддерживать сосуществование двух противоречащих друг другу абсолютов означает признавать богохульство религией и простую нелепость — философией.

То, что возмущает сознание и оскорбляет рассудок — это не столько символическое олицетворение пагубных влияний в зачастую отвратительных и гротескных идолах, сколько обожествление Зла, превращенного в абсолютный принцип под мифологическим образом и в этом качестве противопоставленного принципу Добра, также обожествленного.

Но Лукавый пребывает не только там, где человек пожелал воздвигнуть представляющий его образ, явно предлагаемый для всеобщего поклонения. Если мы захотим распознать Дьявола во всех

его языческих формах, то нам, наверняка, придется окинуть беглым взором этих идолов, более или менее наивные изображения Сил, слывших зловредными: мы увидим, как со всех сторон проступают во мгле эти зловещие фантомы, если только, мысленно спускаясь по реке минувших времен, мы поплывем, дрейфуя среди перемешанных обломков древних цивилизаций и древнего варварства. Внимательно осмотрим оба берега: помимо этих божеств, которых народы провозглашали зловещими и удостаивали благоговейного ужаса, другие божества также покажутся нам дьявольскими, несмотря на то, что эти народы не отмечали их никакими «стигматами» осуждения. Однако культ, которым они были окружены, осквернил их несмываемыми мерзостями...

Хорошо ли мы понимаем всю эзотерическую глубину знаменитого текста из «Псалтыри»: «Omnes dii gentium daemonia (sunt) (Пс. XCV, 5)»?³⁴ Свободная воля человека вправе извращать самые величественные понятия — и, в силу очевидного мистического закона, всякий религиозный символ, почитаемый нечестивыми обрядами, в силу самого этого факта превращается в идола, в котором воплощается Сатана.

Аватары Сатаны — это вампиры древней Кельтиды, Тор и Тевтад (или Тевтатес), ненасытная жажда которых взывает устами тысяч друидесс из глубины беспросветной ночи, дабы ускорить жатву человеческой крови!

Аватары Сатаны — это бронзовый *Молох* с телячьей головой, идол аммонитян, с широко раскрытыми объятиями, принимающими жертв, и внутренностями из раскаленного металла, готовыми поглотить их плоть! Или палестинский *Бельфегор*, бородатый идол, из разинутого рта которого торчал в виде языка огромный фаллос: божество менее жестокое, но еще более мерзостное, особенно жадное, как сообщает нам Филон, до приношений из кала и поллюций.

Аватары Сатаны — это *Адрамелех*, «славный царь» из Сефарваима, и Меликерт, «царь земли» из Тенедоса: вместо кинамона до их ноздрей доносился смрад плоти, которая жарилась на пылающем алтаре, куда юные матери приносили в жертву своих первенцев.

И повелитель мух, сирийский бог *Беельзебуб*, чья статуя притягивала москитов со всей страны, поскольку люди заботились о том, чтобы по ней постоянно струилась свежая кровь!

И не воплощал ли в себе Сатану бог *Мендеса*, пантеистическая форма египетского синтеза, когда фанатизм народа приносил в

³⁴ «Ибо все боги народов — идолы [в Вульгате досл., демоны]» (лат.).

жертву похотливости этого козла, вскормленного за оградой храма, целомудрие девственниц и прелести юных новобрачных?³⁵

Перейдем к Средиземноморью. Упомяну ли я об аналогичных почестях, воздававшихся степенными матронами сакральному бесстыдству *Приапов*, завезенных в Италию из Лампсака: всегда бесстрашных деревянных идолов, покрытых слоем киновари, которые стояли в преддверии садов и на распутьях? Следует ли напоминать о гнусности некоторых этрусских божеств и нечестивых обрядах, совершавшихся на празднествах *Доброй Богини*?.. Стану ли я пересказывать все те скандалы, частота которых обесславливает выродившиеся *Мистерии*, и говорить о ветхой мишуре поклонения, долгое время прикрывавшей мерзости святилищ?..

Сатана-Пантей, грозный и многоликий, принимал тысячи обличей, стремясь осквернить все алтари.

Ко времени прихода Мессии слова Псалмов достигли своего полного осуществления: сколько богов, столько и демонов: *Omnes Dii gentium daemonia*.

Поэтому и померкли все звезды мистического небосвода при восходе божественного солнца, вставшего над Вифлеемом!

Однако все эти идолы были лишь мифологическими изображениями высших Сил: древними символами совершенного знания и поэзии, порой исполненной величия; несомненно, достойными благодаря этому нашего почитания... Но мерзкие или кровавые обряды этих культов довершили их бесчестие. Ритуал осквернил миф, скинии с позором разрушились, и животворящий дух далеко отлетел от обломков убивающей «буквы».

Продолжать далее перечисление проклятых форм, которые пришлось по вкусу Сатане, этому узурпатору божественных почестей наверняка было бы утомительной задачей.

Нет ни одной страны в Новом или Старом Свете, где обожествленные пороки не умножали бы под тысячами имен свои святотатственные алтари. С удивлением можно видеть, как «гиены» и «шакалы» испанского переселения в XVI столетии, подавив в колыбели юные и мирные цивилизации Мексики и Перу, находили, по крайней мере, то оправдание для своей подлой и вероломной жестокости, что Небо гневалось при виде человеческой крови, лившейся на алтари идолопоклонства. В Мексике мы встречаем те же ужасы, что и

³⁵ См. Яблонского: «...Nempe Thumi in templo Mendetis, mulieres hirco huic se submittebant (*Pant. Egypt.*, кн. II, гл. VII)». Напрашивается близкая аналогия с Бафометом Тамплиеров: он также был символом пантеистического Синтеза, и его культ (если верить материалам процесса) был не менее омерзительным, чем культ бога из Мендеса.

некогда в лесах Кельтиды: что более напоминает дольмен друидов, совершавших жертвоприношения, нежели остроконечный камень, где американские жрецы ежегодно умерщвляли бесчисленные жертвы перед освященной статуей бога-ужа *Вицлипуцли*?

И даже в наше время, в XIX веке, в сердце Индостана, которому Англия так грубо пытается придать западную форму в своих леопардовых «когтях», не слышим ли мы, как Дьявол громко требует кровавой дани в облике бога *Шивы* или богини *Кали*, царя самоубийства и царицы душегубства?

Желая избавить публику от подробностей ужасных пыток, в которых находит удовольствие благочестие Отшельников и Факиров, готовых к любым калечениям под видом похвального самоистязания, упомянем, по крайней мере, об отчаянной радости фанатиков Шивы, с восторгом обрекающих себя на самую жуткую смерть: сакральная колесница бога, которая катится на четырех мельничных жерновах, искромсает их плоть и раздробит их кости; они знают об этом и с торжествующими возгласами, с блеском добровольного жертвоприношения в глазах, десятками ложатся на пути у давящего их идола!

Что уж говорить о чудовищной Кали — пожирательнице людей, для культа которой недостаточно одних жрецов? Огромное тайное общество охватывает своей сетью всю Индию; его адепты называют себя *Thuggs*³⁶: жизнь этих бесстрашных «поставщиков» мистической людоедки целиком посвящена ее культу. В случае необходимости они покидают родину (и это индусы!), чтобы поразить заранее намеченных жертв, которые, будучи вовремя предупреждены для того, чтобы сесть на пароход, полагают, что в некотором роде избежали своей неотвратимой участи³⁷. Кристиан в своей «Истории магии»³⁸ сообщает последние слова одного главаря душителей, знаменитого Дурги³⁹, которого удалось схватить английской полиции. Они типичны и заслуживают того, чтобы быть приведенными здесь: «Наши братья, — сказал душитель своим судьям, — узнали о том, что иностранец, о котором вы говорите, должен был выехать в сопровождении охраны из пятидесяти человек. Мы просто собрали группу, в три раза превосходившую ее по численности, и отправились

³⁶ Душители (англ.).

³⁷ Из того, что англичанам удается с некоторых пор предотвращать частое повторение подобных убийств, ошибочно было бы заключить, что эта гнусная банда распалась.

³⁸ Paris, Furne et Cie, s. l., 1 fort vol. in-8, с гравюрами.

³⁹ Дурга — одно из мистических имен Богини, матери Кали (Бхавани, супруги Шивы).

в джунгли, чтобы дожидаться их в том самом месте, где возвышается статуя богини Кали. Так как наши жрецы запрещают нам вступать в схватку, поскольку наши жертвоприношения будут угодны Кали лишь в том случае, если смерть настигнет наши жертвы внезапно, то мы оказали путешественникам радушный прием, предложив им идти вместе, чтобы взаимно предохранять друг от друга от всякой опасности. Они приняли предложение без всякого недоверия; спустя три дня общения мы подружились..., и каждый иностранец шагнул между двумя Душителями. Ночь была не очень темной; в сумерки, при свете звезд, я дал сигнал своим собратям. Из двух Душителей, охранявших каждую жертву, один тотчас же набросил ей на шею шнурок со скользящей петлей, между тем как второй схватил ее за ноги и повалил на землю. Эти движения были выполнены в каждой группе с молниеносной быстротой. Мы сбросили трупы в русло соседней реки, а затем побежали врассыпную».

Индиец не питал никаких иллюзий насчет участи, уготованной для него английским правосудием; это понятно из нескольких слов, сказанных им в заключение: *«От нас ускользнул только один человек; но богиня Кали смотрит на него широко раскрытыми глазами; его судьба свершится рано или поздно! Что же касается меня, то когда-то я был жемчужиной на дне Океана; а теперь я пленник... Несчастную жемчужину заковали в цепи: в ней просверлят дырку, чтобы подвесить ее на нитке, и она жалко повиснет между небом и землей. Так пожелала великая Кали, чтобы наказать меня за то, что я не принес ей в жертву то число трупов, которое ей причиталось. О, черная богиня, твои обещания никогда не бывают напрасными, твое излюбленное имя — Кун-Кали (пожирательница людей), и ты непрестанно пьешь кровь демонов и смертных!»*⁴⁰

Душитель был повешен, как он сам и предвидел...

Похоже, мы можем этим и ограничиться: эти мрачные примеры дают нам достаточное право без колебаний называть *Аватарами Сатаны* всех отвратительных идолов.

От печальной реальности перейдем к традиционным легендам Старого Света. Какими бы безотрадными они ни были, мы всё же на время отвлечемся от сцен действительного варварства, на которых поневоле задержалось наше перо.

Здесь изобилие и разнообразие документов ставит нас перед выбором. Гримуары раввинов отличаются в этом отношении избыточным богатством: сколько глубоких уроков скрыто под оболочкой этих мифов, порой грубых и всегда сомнительного вкуса!

⁴⁰ *Histoire de la Magie*, pages 39—40.

Многое можно было бы сказать о *Какопневматике* талмудистов и адептов Каббалы. Те, кто придерживается буквального смысла их притч, приписывают этим богословам учения столь же нелепые, сколь и выразительные, о роли Искуителя и природе первородного греха. Мы раскроем в другом месте эзотерическое значение этих мифов.

В «*Зогар Хадаш*» (раздел Йитро, стр. 29) написано, что Искуитель (*Самаэль*, לַמַּסֵּה) замыслил вместе со своей женой *Лилит* (לִילִית) обольстить первую человеческую пару. Подруге Лукавого не стоило большого труда развратить целомудренного Адама, которого она осквернила своим поцелуем; прекрасный же архангел Самаэль, со своей стороны, взялся обесчестить Еву: такова была причина человеческой смертности.

Талмуд выражается не менее определенно; я цитирую дословно: «В тот же час, когда Змей *смесился с Евой*, он изверг в нее нечистоту, мерзость которой передалась всем ее потомкам... (Shabbath, fol. 146, recto)». Часто выражения становятся настолько грубыми, что мы стесняемся их переводить.

На других страницах демон мужского рода принимает имя *Левиафана*, לֵוִיָּאֵפָא, а дьяволица — имя *Хевы*, חַוָּה.

Эта Хева долго играла в Эдеме роль супруги Адама, прежде чем Господь извлек из его бока подлинную Еву (первоначально *Айша* אִישָׁה, а затем *Хева*, или *Хава*, חַוָּה). От любви Адама и Хевы-ужа родились полчища ларв, суккубов и полусознательных духов (элементалей).

Что до остального, то раввины считают *Левиафана* своего рода инфернальным андрогином, мужским воплощением которого (Самаэль) служит для них *вкрадчивый Змей*, а женским (Лилит) — *изворотливый уж* (см. Книга *Atmude-Schib-a*, fol. 51, col. 3 et 4). Эти два чудовища будут уничтожены в конце времен, как об этом можно прочесть в Книге *Etesek-Atmeleh*: «В грядущие времена Всевышний (будь Он благословен!) погубит нечестивого Самаэля, ибо написано (Ис. 27:1): В те времена Иегова⁴¹ поразит своим страшным мечом Левиафана-вкрадчивого змея, который есть Самаэль, и Левиафана-изворотливого ужа, который есть Лилит (fol. 130, col. 1, ch. XI)».

Согласно раввинам, Лилит — не единственная супруга Самаэля; они называют еще трех других: *Аггарат*, אַגְגָּרַת, *Нахему*, נַחֲמֵה и *Мохлат*, מֹחֶלֶת. Но из этих четырех дьяволиц только Лилит разделит ужасное наказание своего мужа за то, что она одна помогла ему обольстить Адама и Еву.

Аггарат и *Мохлат* играют довольно неприметную роль, чего нельзя сказать о двух других сестрах.

⁴¹ Так у автора. Сами иудеи не произносят этого европеизированного варианта Тетраграмматона, заменяя его обычно на *Adonai*. — Прим. перев.

Попросим Элифаса Леви дополнить данные сведения и на этом покончим с демонологией раввинов. «В преисподней, утверждают Каббалисты, правят две царицы Стрейг: одна из них — Лилит, мать выкидышей, а другая — Нахема, роковая и смертоносная красавица. Если мужчина неверен супруге, которую предназначило ему небо, когда он предается распутству бесплодной страсти, Бог отнимает у него законную и священную супругу и бросает его в объятия Нахемы. Эта царица Стрейг умеет показать себя во всей прелести девственности и любви; она совращает сердца отцов и толкает их к забвению своего долга и своих детей; она приводит женатых мужчин ко вдовству и принуждает к кощунственному браку мужчин, посвятивших себя Богу. Когда она присваивает себе звание супруги, ее очень просто узнать: в день венчания она бывает лысой, поскольку в этот день ей запрещено носить волосы, служащие женщинам покрывалом целомудрия; затем, после венчания, она притворяется отчаявшейся и разуверившейся в жизни, стремится к самоубийству и, наконец, жестоко покидает того, кто пытается ее удержать, оставив на нем свою метку — инфернальную звезду между глаз. Нахема может стать матерью, но она никогда не растит своих детей; она отдает их на съедение Лилит, своей зловещей сестре»⁴².

У всех народов нет ничего более обыкновенного, чем эти очень часто плодотворные любовные легенды, беспорядочно смешивающие богов и смертных; во все времена Сыны Неба — отверженные или нет — проявляли определенное рвение, для того чтобы обольстить дочерей Земли. Нет нужды обращаться за примерами к *Книге Бытия*: кто из нас не читал у Светония необычное предание, заимствованное из Θεολογούμενα мендетского Асклепиада, о рождении Октавиана?

Отправившись ночью на торжественное жертвоприношение в честь Аполлона, Атия (мать будущего императора) велела поставить свои носилки в храме, где уже дремали другие матроны, а затем уснула сама; внезапно к ней подползла змея и через несколько минут покинула ложе. После пробуждения Атия должна была подвергнуться положенному очищению, поскольку она зачала; но на ее теле само собой запечатлелось изображение змеи, словно бы ее там нарисовали, пишет Светоний, *velut depicti draconis* — стигмат, который впоследствии так и не исчез, почему она была вынуждена навсегда отказаться от посещения общественных бань... *Девять* месяцев спустя родился Август, которого все поспешили провозгласить сыном Аполлона⁴³.

⁴² Eliphas Levi, *Histoire de la Magie*, p. 438. См. также «Каббалистический словарь» фон Розенрота и трактат «*De revolutionibus animarum*» (1-й и 3-й тт. «*Kabbala denudata*», 1684, 3 vol. in-4).

⁴³ «In Asclepiadis libris lego, Atyam, quum ad solemne Apollinis sacrum media nocte venisset, posita in templo lectica, dum caeterae matronae dormirent, obdormisse; draconem repente

Приключение Паулины и римского всадника Мундуса представляется не менее необычным. Историк, который в нем ручается, не относится к числу тех, чьи свидетельства можно легко отвергнуть⁴⁴. Впрочем, речь идет не о мифе или легенде, а о подлинной и весьма показательной истории; не демонстрирует ли она, до какой степени было распространено в Риме во времена Тиберия убеждение в возможности брака с Бессмертными? Более того, из нее можно заключить о частоте подобных приключений, поскольку никто и не подумал удивиться тому, что Невидимый пожелал соединиться в любовных объятиях с супругой Сатурнина.

Факты таковы. Юный распутник Мундус безумно влюбился в добропорядочную матрону; но его ухаживания стоили ему лишь горьких обид. В отчаянии и по совету Иды, одной из его вольноотпущенниц, он решается подкупить жрецов Анубиса, которые тотчас же прибегают к святотатственному обману, чтобы предать в его руки излишне доверчивую Паулину. Они вызывают ее и объявляют ей, что в нее влюбился бог и что Анубис страстно желает обладать столь прекрасной и столь добродетельной женщиной; но необходимо ее добровольное согласие. Хотя Паулина весьма польщена, она — супруга и не решается брать на себя ответственность без разрешения мужа. Последний же, сенатор Сатурнин, сам весьма гордый выбором, который сделал Анубис, становится сводником из благочестия. Он не только позволяет, но советует и даже приказывает своей жене провести ночь в храме. Там, под покровительством Бога, далекого от того, чтобы помешать жертвоприношению, вся слава которого достанется ему, Мундус наслаждается целомудренной Паулиной и бесчестит горделивую добродетель, отнесшуюся к нему с таким презрением... Но успех подобной хитрости опьяняет счастливого любовника, побуждая его выдать тайну этого беззакония; однажды ночью он позволяет себе

(продолжение прим. 43)

irrepsisse ad eam, pauloque post egressum; illam expergefactam quasi a concubitu mariti purificasse se, et statim in corpore ejus extitisse maculam, velut depicti draconis, nec potuisse unquam eximi; adeo ut mox publicis balneis perpetuo abstinuerit; Augustum natum mense decimo, et ob haec Apollinis filium existimatum». (Suet., Duodecim Caesares: Octavianus, XCIV.)

«У Асклепиада Мендетского в «Рассуждениях о богах» я прочитал, что Атия однажды в полночь пришла для торжественного богослужения в храм Аполлона и осталась там спать в своих носилках, между тем как остальные матроны разошлись по домам; и тут к ней внезапно скользнул змей, побыл с нею и скоро уполз, а она, проснувшись, совершила очищение, как после соития с мужем. С этих пор на теле у нее появилось пятно в виде змеи, от которого она никак не могла избавиться, и поэтому больше никогда не ходила в общие бани; а девять месяцев спустя родился Август и был по этой причине признан сыном Аполлона». (Светоний, «Жизнь двенадцати цезарей», Кн. II, Божественный Август, 94. Перев. М. Л. Гаспарова.)

⁴⁴ Flavius-Josephe, *Antiquites des Juifs*, livre II, chap. IV.

обратиться к своей любовнице с циничной просьбой: зачем отказывать ему впредь в счастье, которое он уже познал? Безрассудный Мундус! Он обманулся, рассчитывая на молчание жертвы: негодование придало этой новой Лукреции смелости открыто заявить о своем позоре. Она взывает к отмщению, обращаясь к императору Тиберию, который ограничивается тем, что изгоняет виновного принцепала, безумная любовь которого, похоже, смягчает преступление; но храм Исиды разрушен по его приказу, а статуи богини и Анубиса сброшены в Тибр. Что же касается вероломных зачинщиков святотатственного адюльтера, то вольноотпущенница Ида и ее сообщники-жрецы умрут на кресте.

Перечисление всех рассказов, как исторических, так и легендарных, в которых, говоря языком Аристотеля, Эвдемоны и Какодемоны играли свою небольшую роль, превратилось бы в нескончаемый и во всех отношениях утомительный труд. Поскольку мы вновь вынуждены делать выбор, то опустим первые века христианской эры: сумерки дикарской цивилизации уступают место сгущающемуся сумраку еще более жуткого варварства. Дорогу нам преграждает зловещее потешное пугало: это призрак средневекового дьявола... Тем не менее, прежде чем встретиться лицом к лицу с шумным стадом одержимых и разъяренной сворой демонологов, интересно будет показать, с помощью каких уловок Сатана, всегда и всюду выступающий «обезьяной» Бога, противопоставляет в народном воображении божественной аскезе — дьявольскую, а Искупителю — Антихриста.

Плачевно привитая к догматическому древу католицизма, манихейская доктрина о Демоне, сопернике Бога⁴⁵, должна была, в качестве первого следствия, вызвать в представлении дьявольское Слово — в противовес Слову божественному; и инфернального «Мессию» — в противовес Мессии небесному.

В *Апокалипсисе* пространно говорится о двух чудовищных зверях, один из которых порожден волнами Океана, а другой — недрами Земли; затем о лжепророке, своего рода зловещем и величественном маге, являющемся *человеком Зверя*, которому дана грозная способность ко лжи и злу. Он обольщает людей и подчиняет себе народы... В главе 19 св. Иоанн так описывает окончательное поражение вестников ада:

Ст. 19. — И увидел я зверя и царей земных и воинства их, собранные, чтобы сразиться с сидящим на коне и с воинством Его.

Ст. 20. — И схвачен был зверь и с ним лжепророк, производивший чудеса пред ним, которыми он обольстил принявших начертание зверя

⁴⁵ Я говорю «соперник» Бога, а не равный Богу или совечный Ему.

и поклоняющихся его изображению: оба живые брошены в озеро огненное, горящее серою;

Ст. 21. — А прочие убиты мечом Сидящего на коне, исходящим из уст Его и т. д...⁴⁶

Возможно, когда-нибудь при истолковании иоаннитской традиции нам будет позволено приподнять тройную завесу, скрывающую от взоров непосвященных столь грозные тайны. Как бы то ни было, для успешного завершения подобной задачи понадобилась бы особая широта значений. *Апокалипсис*, построенный по метрическому эталону дорического синтеза, со своими двадцатью двумя главами, составленными с бесконечным мастерством на основе оккультного счисления циклических тернера, септенера и дуоденера — столь же глубокая каббалистическая книга, как *Берашит* и *Сифра д'Цениута*; в этом приспособленном «атаноре» глубоко дышит Дух: сколько слов — столько и арканов.

Здесь же эти комментарии были бы неуместны; достаточно назвать Апокалипсис изначальной «колыбелью» знаменитого мифа об Антихристе.

Ученый понтифик первых веков⁴⁷, перефразируя прекрасное определение горячо любимого апостола: «*Антихрист — тот, кто разделяет Христа*», — св. Григорий Великий раскрывает глубинный смысл символа: существует, говорит он, две любви, два духа, делящих людей на два класса, синтезируя отдельно эти классы в два различных тела; существует два мира, два общества или, говоря словами св. Августина, *два града*. Один из этих градов, один из этих миров и одно из этих тел будет называться Христом; другое — Антихристом; но между ними есть существенное различие: *глава божественного тела* уже явилась, это Иисус Христос; его *члены*, постепенно формирующиеся и растущие, образуют его церковь. Тело же Антихриста, наоборот, образовано из отдельных частей⁴⁸; но его глава появится только в конце времен.

Один анонимный мистик прошлого века сравнивает Антихриста с *драконом, который рождается, показав сначала свой хвост, а затем проявит свое тело, и чья глава рождается последней*⁴⁹.

⁴⁶ Сравните эту цитату из Апокалипсиса с той, что мы уже приводили выше. В первом тексте обычно видят падение восставшего Ангела; а во втором — окончательное поражение Антихриста. Одна сцена открывает цикл времен в глубине минувшего, а другая завершает этот цикл на исходе неизмеримого грядущего.

⁴⁷ Конец VI-го и начало VII-го (540–604).

⁴⁸ Именно в этом смысле св. Иоанн возвещал, что, начиная с эпохи Мессии, Антихрист уже был в мире: *Et nunc jam est in mundo* (лат., «[дух антихриста]... и теперь уже есть в мире», 1 Иоан. 4:3).

⁴⁹ *L'Avenement d'Elie*, s. l., 1734, tome II, page 135.

Это сравнение следует признать весьма удачным: оно идеально согласуется, как мы увидим далее, с эзотеризмом мифа. Но большинство современных теологов довольствуются лишь буквальным и совершенно антропоморфным толкованием.

Означает ли это, согласно тезису, который им так дорог, что в конце времен должен появиться человек из плоти и крови, наделенный неодолимым могуществом и inferнальной злобой? Многие Отцы Церкви в это верили; двусмысленность определенных текстов даже привела некоторых из них к мысли, что Антихрист появится дважды: по этой версии, во время его первого пришествия против него выступят воплотившиеся Илия и Енох; но, поскольку победа будет ему обеспечена, эти двое людей Божьих умрут от его руки. Во время его второго появления Христос придет лично, чтобы сразиться с ним и уничтожить его.

Не правда ли, любопытно наблюдать, до какой степени эти предания об Антихристе служат точной, но обратной копией преданий, относящихся к Искупителю? Это похоже на образ, чье перевернутое отражение проступает на поверхности бескрайнего моря. Нам возвещают о двух пришествиях Мессии тьмы, подобно двум пришествиям Мессии света; с той лишь разницей, что, в силу уже отмеченного закона инверсии, *Антихрист во славе* (если можно так выразиться, не богохульствуя) появляется первым, а казнь *Антихриста страждущего* должна в точности обозначать в конце времен окончательную победу Христа во славе.

Я не знаю, измерил ли автор «*Пришествия Илии*» осознанным взглядом тайную глубину своего упомянутого выше сравнения: посвященным известно, что оккультный смысл слова *глава* (подревнееврейски *Реш*, **רש**) в сравнительной степени — *Потенциальная способность к воссоединению*, а в превосходной — *Принцип живого единства*; они без труда понимают, что одно лишь мистическое *тело* Христа (или его Церковь) обладает однородностью сущности и реальностью архетипа: поэтому его *глава* (его потенциальная сущность, или принцип) предшествует развитию его тела и эта глава — Иисус Христос. Что же касается Антихриста, то его мистическое тело, представляющее собой совершенно искусственное привнесение и совокупность, изображено *безглавым*, то есть лишенным собственной сущности и коренного принципа. На самом деле, эта глава, возникающая с опозданием по окончании веков, являясь лишь результатом и продуктом тела, изображает синтез случайный, а не абсолютный, обобщенный, а не коренной, последующий, а не предшествующий объединенным в нем элементам.

Ведь вечный символ раздора, раскола и отрицания — будь то Дьявол или Мессия Дьявола, будь то Сатана или его Антихрист — ни под каким видом не мог бы стать принципом единства. Он понимается только как *абстрактный тип случайного и переходного состояния* или, под другим углом зрения, как *относительный синтез злых существ, рассматриваемых в качестве злых, а не в качестве существ*.

Антихрист, пророчествуют нам некоторые наиболее просвещенные богословы, был зачат Беельзебутом в лоне религиозного святотатства. Та же самая параллель по контрасту с Иисусом Христом, зачатым Святым Духом в утробе непорочной девы...

У лжемессии вместо тела будет лишь флюидическая или призрачная видимость, и он будет говорить на всех языках. Боге добавляет, что он будет постоянно воевать и преследовать праведников; наконец, он совершит самые удивительные чудеса и пометит своих приверженцев знаком на лбу и на руке.

Наш друг Жуне в своей прекрасной эзотерической поэме «*Сорат*» так обращается к Антихристу:

Ты крест подъял своей рукою дерзновенной,
Ты даже чудеса посмел творить крестом!⁵⁰

Мимоходом подчеркнем эти два стиха, обладающие действительным оккультным значением. Поэту «*Черных лилий*» удалось высечь из скалы живой источник; но это далеко не всегда случалось с мистиками, говорившими о «Христе тьмы» — и мы не станем собирать все их пророчества, зачастую нелепые и противоречивые. Интересующиеся могут обратиться к сочинениям *Абделя*, *Рабана-мавра* и *Мальвенды* — шедеврам этого жанра.

Разумеется, никогда на мировой сцене не появлялся ни один ересиарх и ни один смелый новатор, приводивший людей к заблуждению или увлекавший их потоком слишком внезапной истины (признанной поэтому преждевременной, рискованной и неуместной), без того, чтобы антропоморфисты ортодоксии не завопили об Антихристе.

Среди прочих, это категоричное обвинение предъявлялось Симону-волхву, Аполлонию Тианскому, Маркиону, Мани, Валентину, Арию, Лютеру, Цвингли и Кальвину⁵¹. Исходя из прекрасного определения св. Иоанна — *spiritus qui solvit Christum*⁵², — можно сказать, что все эти

⁵⁰ *Les Lys noirs*. Carre, 1888, in-8, page 3.

⁵¹ Ересиархи и их сподвижники вскоре дали отпор, назвав папу истинным Антихристом, а политический католицизм ватиканских Цезарей — зверем Апокалипсиса. Поучительный обмен взаимными любезностями!

⁵² «[всякий] дух, который не исповедует [в Вульгате досл.: разделяет, раскалывает] Иисуса Христа» (1 Иоан. 4:3).

взгляды, несомненно, лихорадочно бескомпромиссные, заключают в себе часть истины: читатель увидит, что мы в определенной мере подписываемся под ними, в главе II.

Этой оскорбительной чести удостоился даже Магомет — знаменитый цивилизатор Африки, Моисей Измаила, посланник Всевышнего, почти Сын Божий.

То же самое подозрение падало, с другой стороны, на множество политических личностей, например, на Юлиана Мудрого (прозванного Отступником), Фридриха Великого, Робеспьера, Наполеона I и даже Наполеона III. Невероятное количество брошюр было опубликовано в поддержку двух последних тезисов⁵³.

Литераторы, философы и ученые тоже не смогли укрыться от подозрений: Вольтер, Руссо, Дидро, д'Аламбер и Гольбах, в особенности, изобличались в XVIII веке, и я был бы весьма поражен, если бы какой-нибудь славный представитель духовенства, уже в нашем веке, не расшифровал на лбу Дарвина или почтенного Литтре этот стигмат осуждения!

Во все времена амбициозной манией наиболее ортодоксальных теософов было читать осуществление древних предсказаний в «зеркале» современных фактов...

Одним словом, Антихриста искали и находили повсюду, даже там и, прежде всего, там, где его вовсе не было; но кому приходило в голову видеть его там, где он находился со всей очевидностью: под бареттой инквизитора, капюшоном экзорциста и докторским колпаком демонографа?..

Все трое внушали ужас при совершении своей соответствующей работы — отвратительной и мрачной.

Роль экзорциста ограничивалась истязанием бедных больных, но не столько ради их исцеления, сколько в смутной надежде услышать, как

⁵³ У меня есть одна весьма любопытная брошюра, озаглавленная «Тысячелетие» (*Millenaire*, Francfort-sur-le-Mein, 1866, in-8). Этот памфлет — произведение некоего доктора Зимпеля, умственные способности которого, похоже, расстроены. На розовой обложке помещена двойная гравюра, изображающая Зверя Апокалипсиса с семью головами, одна из которых принадлежит Наполеону I. Верхний эстамп показывает нам Зверя, медленно шагающего справа налево; головы и хвост опущены; юное божество (вероятно, образ Свободы и Цивилизации) сидит у него на спине: его правая рука, вооруженная скипетром, опирается о семь голов; левая держит кубок, откуда выглядывают пергаментные свитки. Нижний эстамп демонстрирует нам ту же молодую женщину, лежащую на земле; Зверь развернулся и теперь устремляется слева направо. Из шеи животного, подобно наросту, внезапно высовывается до пояса какой-то человек: это Наполеон III, очень похожий на самого себя: он гневно сжимает левый кулак, а правой рукой, вооруженной копьём, ранит в бок поверженную богиню.

они, во время приступа безумия, обвинят какого-нибудь несчастного в том, что он наслал на них порчу.

Задача инквизитора была более чудовищной: она состояла в том, чтобы завладеть телом, душой и духом обвиняемого с помощью постепенно возрастающих, изобретательных пыток, коварных, медоточивых обещаний и хитроумных, лукавых допросов, вплоть до того рокового момента, когда сердце обвиняемого будет готово замереть и искусно вырванное признание слетит, наконец, с его уст.

Но работа демонографа была, несомненно, самой варварской и наиболее отвратительно-действенной! Не он ли в самом начале, с помощью заразных нелепостей, излагаемых под прикрытием богословской серьезности, творил в изобилии колдунов и ведьм? Не он ли, опять же, указывая на жертв предприимчивой свирепости судьи, обрекал их на неизбежность так называемой искупительной смерти? Ведь его половинчатая и педантичная юриспруденция (запутавшаяся в казуистике и смердящая ложным богословием) называла колдуна злодеем, столь достойным осуждения, что, увы, одно лишь искупление костром считалось достаточным для того, чтобы смягчить гнев Небес в отношении виновного и таким образом милосердно спасти его от вечного адского пламени!

Обратимся по этому вопросу к юридическим авторитетам XVII столетия.

Во-первых, Пьер де Ланкр, утонченный и светский *королевский советник при Парламенте Бордо*; несколько строк, вышедших из-под его пера, поведают нам, в чем состоит преступление колдуна и какого наказания он заслуживает: «Непристойно плясать, шумно пировать, дьявольски сношаться, мерзко содомировать, постыдно богохульствовать, коварно мстить, бегать за всеми ужасными удовольствиями, грязными и грубо извращенными, заботливо хранить жаб, гадюк, ящериц и всевозможные яды; пылко любить смрадного козла, любовно ласкать его, уединяться и спариваться с ним ужасно и бесстыдно: не это ли распутные черты несравненного легкомыслия и мерзкого непостоянства, которые *невозможно искупить иным огнем, кроме того, что божественная справедливость поместила в ад?*»⁵⁴

Обратимся к Боге, верховному судье из Сен-Клод в графстве Бургундия, который приказал сжечь женщину, потому что крест на ее

⁵⁴ *Inconstance des demons*, Paris, Buon, 1612, 4^e *advertissement*, *in fine*. Таким образом, Ланкр в своем предисловии не признает даже костер достаточным искуплением. Тогда зачем же сжигать? По какому праву узурпировать роль Провидения, предвосхищая отмеченный им час?.. Но в другом месте этот судья сам же себе противоречит: он присоединяется к общему мнению об искупительных свойствах костра и тоже готов сжигать «по доброте душевной».

четках зазубрился, и он якобы увидел в этом верный знак договора с демоном. Спросим его, следует ли миловать раскаявшегося колдуна? «Что касается меня, то я всегда буду придерживаться того мнения, что при малейшем основании их следует предавать смерти, даже если нет иных причин, кроме той, коей я неоднократно касался, а именно, что они никогда не меняют своего образа жизни»⁵⁵.

Двух этих примеров достаточно для того, чтобы дать нам представление о демонологах. Добавим, что это еще умеренные выражения, по сравнению с теми, которые употребляют Бодены, Шпренгеры и Михаэлисы; я уже не говорю о Ремигии, судье по уголовным делам из Лотарингии, который был еще более жестоким оттого, что боялся тех, кого осуждал. Он сам хвалится тем, что в течение нескольких месяцев отправил на костер более восьмисот женщин, обвиненных в колдовстве; что же касается мужчин, то он их не считает.

Обвинение в одержимости было не менее зловещим и не стоит того, чтобы на нем останавливаться. Разумнее ограничиться беглым наброском одной из этих сцен *истеро-демонопатии*⁵⁶, приукрашенной экзорцизмами — словно масло, подлитое в огонь! Чтобы пересказать их все, понадобился бы целый том, настолько они размножились, всегда оставаясь одинаковыми, начиная со средних веков и, особенно, в XVII столетии, когда их ближайшим следствием стала знаменитая серия костров, вспыхивавших один за другим в различных точках Европы и, в частности, во Франции.

Эти inferнальные трагикомедии почти всегда сопровождались смертными приговорами, выносившимися по статье о колдовстве, и в главе IV скоро будут представлены публике другие рассказы того же рода. Впрочем, все эти сцены, как мы уже говорили, кажутся рабски скопированными одна с другой...

В какой степени свободная воля активных участников или даже расчеты организаторов, заинтересованных в выгоде или славе, могли сознательно воздействовать на уже известную театральную канву? Я предоставляю выяснить это другим.

Если я выбрал среди множества дел, возможно, слишком банальное дело урсулинок из Лудена⁵⁷, то лишь потому, что оно показалось мне

⁵⁵ *Discours des Sorciers*. Lyon, 1610, in-8, page 405.

⁵⁶ Выражаясь языком д-ра Кальмеля.

⁵⁷ Я отношу это запутанное дело к статье «Одержимость» и, следовательно, к главе I, озаглавленной «Дьявол». С другой стороны, я отсылаю столь же запутанные и схожие дела Гофриди, Пикара и Жирара к главе IV: «Человеческая справедливость». Чем вызвана эта кажущаяся странность? Всё очень просто: для меня три последних были колдунами низшего пошиба, и я верю в невиновность Юрбена Грандье.

наиболее полным примером такого рода: одержимость осложняется здесь категорическим обвинением в колдовстве, процессом и казнью; мы увидим здесь совпадение господствующего суеверия, государственных интересов и личной злобы, совместно погубивших человека, который сам остается загадкой, поскольку многие люди были сильно заинтересованы в том, чтобы с ним разделаться.

Кюре де Сен-Пьер из Лудена и при этом один из самых легкомысленных светских мужей, красноречивый богослов, добившийся еще большей популярности благодаря слухам о своем богатстве, нежели своим громким речам, Юрбен Грандье, как нам представляется бесспорным, был страстно увлечен если не магией, то необычными исследованиями различных вопросов богословия и науки; Церковь же во все времена испытывала некоторое отвращение, наблюдая за тем, как верующие посвящали себя их изучению.

Следует напомнить, что среди бумаг различного характера, конфискованных у Грандье — не принимая во внимание мнимый договор⁵⁸, явно апокрифический, дело рук его врагов и, возможно, судей, — был сожжен манускрипт, направленный против *целибата священников*, смелое произведение, если бы мы могли до него добраться (г-н Люзарш недавно издал его (1866) по копии из коллекции Жаме, подлинность которой, к несчастью, представляется весьма сомнительной); наконец, было обнаружено два стихотворения, по меньшей мере, двусмысленного содержания, «темноты» которых были признаны *грязными и непфистойными*.

С другой стороны, несколькими годами ранее стали появляться различные пасквиль⁵⁹, более чем оскорбительные для кардинала Ришелье. Известно, что всемогущий министр, натура язвительная и злопамятная, с трудом выносил, когда чье-либо превосходство громко заявляло о себе за пределами той просвещенной элиты, которую он собрал вокруг себя. Не склонный по складу характера и в силу политических причин к забвению обид и пренебрежению насмешками, на которые не скупилась для него определенная партия, он поднял на ноги всю свою полицию, чтобы отыскать автора этих резких памфлетов; но когда все

⁵⁸ Чудовищным представляется не столько сам факт подписания договора Грандье — мы увидим, что колдуны имели обыкновение их писать, — сколько предъявление судьям и подключение к процессу в качестве вещественного доказательства так называемого дубликата, написанного и подписанного князем тьмы. Документа, составленного в невероятных выражениях, с пометкой в углу: «Подлинник находится в аду (*Extractum ex inferis*)». В Национальной библиотеке хранится также письмо демона Асмодея к экзорцистам! Смертный приговор был вынесен на основании этих поразительных документов.

⁵⁹ Пасквиль, вызвавший скандал, был озаглавлен «Луденский сапожник».

поиски оказались тщетными, его злоба должна была удовлетвориться решением Парламента, который не постыдился отправить на виселицу владельца типографии за отсутствием самого памфлетиста.

Жалкая месть! Правда, в Лудене общественное мнение, или скорее молва целого городского клана, изобличало Юрбена Грандые: ввиду этих улик Ришелье ждал лишь предлога, чтобы погубить предполагаемого пасквилянта...

Удобный случай не заставил себя ждать. Он представился уже в 1633 году.

Дьявол обосновался у луденских урсулинок. Этот монастырь, издавна пользовавшийся дурной славой, представлял в это время возмутительное и чрезвычайное зрелище: большинство монахинь, включая настоятельницу Жанну де Бельсьель, извивались в судорогах, одержимые злым Духом. Столь поразительные чудеса, характерные для состояния бесноватости, проявлялись там во всей их оккультной необычности.

Известно, что требники выделяют четыре определяющих признака, по которым можно отличить действительную одержимость от мнимой: 1) понимание прежде незнакомых языков и говорение на них; 2) раскрытие будущих или удаленных событий; 3) проявление сил, превосходящих человеческую природу; 4) подъем на воздух и повисание там безо всякой опоры. Эти феномены проявлялись (вперемежку с трюками) у некоторого числа монахинь: при проверке были обнаружены все указанные симптомы. Согласно самому определению, данному богословием, и под гарантией критериев, предлагаемых требниками, одержимость была неоспоримой. Завывания, судороги, непристойные позы и речи, эротическое исступление проявлялись безо всякого стеснения — ни один вид бесстыдства не был чужд бесноватым. То был пандемониум, где беспрепятственно разыгрывались все разновидности цинизма, поскольку они относились на счет Лукавого... Экзорцизмы проводились ежедневно, но от них не было никакого проку.

Кроме того, феномены временами усиливались, отличаясь такой достоверностью и поразительной подлинностью, что их вид стал причиной внезапного обращения знаменитого неверующего, советника при Парламенте Бретани, приехавшего из своей провинции, чтобы потешиться над экзорцизмами: монахини, обращаясь по имени к господину Кериоле, сразу же потрясли его такими откровениями, что он замер в оцепении на пороге. Затем, проникнув в его самые сокровенные мысли, они «бросили» ему в лицо его прошлые грехи, последние остатки которых, как он полагал, были погребены в самых глубинах его сердца. Приехав в надежде вволю насмеяться, старый безбожник растрогался до слез: Луден стал его «дорогой на Дамаск»,

он исповедался и пообещал исправиться. Одним словом, дьявол обратил его к вере в Бога, причем так успешно, что, после сурового покаяния этот дворянин, открыто заявлявший, что он ни во что не верит, посвятил остаток своих дней самым экзальтированным аскетическим практикам.

*Insidit in Scyllam, cupiens vitare Charybdim*⁶⁰.

Однако одержимые, столь проницательные с господином Кериоле, упорно изобличали в лице кюре де Сен-Пьера волшебника, виновного в наведении порчи...

Тем временем Лобардемон, подручный кардинала, находился в Лудене и наблюдал за разрушением замка, слишком пригодного для того, чтобы служить убежищем протестантам в те смутные времена... Он позаботился сообщить Ришелье обо всех этих необычных событиях и даже отлучился в Париж, дабы убедить своего господина наказать виновников; вскоре он вернулся, наделенный неограниченными полномочиями и императивным мандатом для ареста и привлечения к суду Юрбена Грандые. Мало-помалу начался процесс; Лобардемон попросил помощи у нескольких соседних судей-бальи, старательно отобранных для оказания содействия в его работе; приговор, который он вынес, был заранее объявлен верховным, и обжалованию не подлежал.

Несчастный кюре де Сен-Пьер был заранее обречен. С самого начала он весьма необдуманно, с привычной откровенностью заявил о своей принадлежности к тем, кто из всех сил противился сносу замка. С давних пор подозреваемый в связях с политическими вождями гугенотской партии, он сверх того — во время очень серьезных распрей с епископом — обратился непосредственно к королевскому правосудию, так, словно бы министр-кардинал не был всем и вся в государстве. Последний был тем более задет, что король,

⁶⁰ «Пытаясь избежать Харибды, угодил в Сциллу» (лат.). Латинский стих, часто приписываемый Горацию или Вергилию. На самом деле принадлежит Готье из Лилля по прозвищу Шатильон, жившему в XV веке. Он автор поэмы в 10 песнях под названием «Алекстреида». Речь идет о 301-м стихе 5-й книги, где поэт обращается к Данию, который, убегая от Александра, попал в руки Бесса:

*Quo tendis inertem
Rex periture, fugam ? Nescis heu ! perditte, nescis
Quem fugas ; hostes incurris dum fugis hostem,
Incidis in Scyllam cupiens vitare Charybdim.*

«Царь, который должен погибнуть, куда устремляешься ты в своем бесполезном бегстве? Увы, несчастный, ты не ведаешь, от кого тебе следует бежать. Чтобы избавиться от одного врага, ты бросаешься под удары другого, дабы избежать Харибды, ты попадаешь в Сциллу» (лат.). (Прим. перев.)

возможно, польщенный тем, что обратились к нему, счел своим долгом удовлетворить просьбу.

Почти в это же время кардинал де Сурди, архиепископ Бордо, со своей стороны, оправдав Юрбена, издал постановление о его окончательной реабилитации. Кюре де Сен-Пьер, немного тщеславный и хвастливый по натуре, не сумел сохранить в тайне свое намерение унижить своих врагов. Выйдя победителем одновременно перед гражданскими и религиозными властями, он позволил себе дерзкое возвращение в Луден в позе античного триумфатора, с лавровой веткой в руке.

Но и это еще не всё; похоже, бедняге Грандье доставляло истинное удовольствие совершать одну глупость за другой. Любимый проповедник и весьма популярный исповедник дам⁶¹, он восстановил против себя урсулинок, наотрез и с высокомерным видом отказавшись от управления монастырем, который ему предложили. Своеобразным монастырем, как я уже сказал; нравы и образ жизни в нем были не очень-то поучительными. Урсулинки, возмущаясь поведением презрительного кюре, в конце концов, вызвали его в астрале и рассмотрели его. Он оказался, по словам сестер, опасным магом: являлся по ночам, при закрытых дверях и окнах, и большинство из них бесстыдно обвиняли самих себя в том, что они с тех пор ни в чем ему не отказывали. Так, галлюцинация, соединенная со злопамятством, побудила их к тому, чтобы предъявить бедняге Грандье обвинение в колдовстве, столь грозное в XVII столетии.

Безвыходное положение! Один лишь Лобардемон мог бы спасти кюре де Сен-Пьера; но этот комиссар с вероломным и, прежде всего, двуличным нравом был не из тех, кто упускает свою добычу.

Напрасно Грандье, считая процедуру незаконной, подавал апелляцию в Парламент: решение Государственного совета признало его жалобу недействительной. Напрасно честные и мужественные граждане направляли Людовику XIII ходатайства и протесты, подписанные именами самых уважаемых и почетных жителей города. Напрасно они разоблачали болезненный фанатизм урсулинок и пристрастность судей, которым было поручено расследование: Лобардемон принудил к молчанию сторонников Грандье и запугал весь город,

⁶¹ У Юрбена Грандье была возлюбленная, которую он нежно любил. Из-за этой юной девушки по имени Мадлен де Бру он написал свой трактат против celibата священников. Мадлен обманули; судьи не скупилась на посулы и угрозы, чтобы добиться от нее каких-либо разоблачений. Но эта мужественная девушка черпала в своей любви стойкость, необходимую для того, чтобы победоносно выйти из всех этих ловушек. Она скорее позволила бы четвертовать себя, чем сказала бы хоть слово, которое могло скомпрометировать кюре де Сен-Пьера. Судьям пришлось отказаться от стремления выудить у нее хоть что-нибудь.

обнародовав ряд королевских указов, подобных которым тот поистине никогда не видел.

Между тем обвиняемый подвергался в своей темнице последним притеснениям: у него не было даже кровати. Мы читаем, как в письме к матери он настойчиво просит кровать, поскольку, *если тело не отдыхает* (пишет он), *дух изнемогает*; он умоляет, чтобы ему доставили также Библию и св. Фому, для утешения.

Лишь 14 апреля 1634 года состоялась первая очная ставка Грандые с монахинями, беспощадно обвинявшими его в течение стольких месяцев: между тем как посредством непрерывных экзорцизмов, то публичных, то при закрытых дверях, которым их подвергали то всех вместе, то каждую по отдельности, духовенство пыталось обострить их недуг и усилить их отчаянное упрямство путем каждодневного повторения одних и тех же упражнений в фантастической клевете и набожных проклятиях.

Экзорцисты Барре и Миньон долгое время были главными вдохновителями этих небольших ежедневных скандалов, затем настала очередь капуцинов Лактанса и Транкиля.

Кюре де Сен-Пьеру показывали различные договоры и зелья, состоявшие из свернувшейся крови, обрезков ногтей, золы и других, неизвестных, веществ. Наконец, в довершение иронии, его заставили надеть епитрахиль и взять кропило, чтобы самому подвергнуть экзорцизму одержимых монахинь. Жанна де Бельсьель и ее подруги воспользовались этим для того, чтобы осыпать его самыми грубыми оскорблениями, — и когда ему взбрело в голову задать им вопрос по-гречески, дабы уличить дьявола, Лукавый ответил устами настоятельницы: *«Ну и хитрец же ты! Ты прекрасно знаешь, что одно из условий договора, заключенного между тобой и нами, состоит в том, чтобы не отвечать по-гречески!»* Все эти так называемые потусторонние разоблачения считались достоверными фактами, несмотря на весьма странные перерывы в ясновидящем состоянии пациенток, поскольку было признано, что *Дьявол не в силах противостоят авторитету Церкви*.

Забавная деталь, водевильная черта в этой мрачной драме: Лобардемон признавал с закрытыми глазами, принимая на веру утверждения экзорцистов, непреложную правдивость демонов, прошедших соответствующие ритуалы. И случилось так, что один из них открыто заявил устами монахини, подвергнутой надлежащему экзорцизму, что господин Лобардемон — *рогоносец*. Последний не имел обыкновения перечитывать протокол и, ничтоже сумняшеся, важно подписался внизу страницы, добавив своей рукой: *Удостоверяю, что это — правда*. Этот бурлескный, но подлинный документ, где судья ручается в своем

супружеском позоре, фигурирует в досье по этому делу (см. рукопись № 7618 *Французского фонда*).

Но не будем вдаваться во все эти детали. Достаточно сказать, что экзорцисты вызывали такой безудержный смех, что Лобардемону пришлось огласить указ, еще более невероятный, нежели предыдущие: он грозил серьезными преследованиями⁶² всякому, кто участвовал в порицании или высмеивании монахинь и святых отцов... Таким образом, были приняты все меры предосторожности, для того чтобы и те, и другие могли спокойно вызывать ненависть или смех.

Но здесь произошел инцидент, которого никто не предвидел: над бесноватыми внезапно повеял ветер раскаяния; настоятельница урсулинок и две другие монахини в момент просветления бросились к ногам обвиняемого, а затем — комиссаров, признаваясь, что навлекли на себя проклятие ложью, и громко крича о невиновности Грандье! Их заставили замолчать; угрызения совести, вызванные их неблаговидным поступком, были сочтены новой хитростью нечистого Духа, стремившегося спасти мага от костра, который его уже поджидал.

Бедный священник был приговорен к смертной казни; его сожгли заживо в день ареста (18 августа 1634 года).

Судьи не скупились на унижения, оскорбления и всё более изощренные пытки, обычные и чрезвычайные, чтобы вызвать у него признание... Но всё было напрасно: он умер благородно, кротко и безропотно, оставшись несломленным.

Уверяют, что во время самой казни Лактанс протянул ему для поцелуя металлическое распятие, раскаленное на огне. Святой отец полагал, что неожиданная боль от ожога заставит его запрокинуть голову: так, чтобы народ, слишком поспешно признавший его невиновным, больше не мог сомневаться в том, что он умер нераскаявшимся, судя по тому, как он резко отвел губы, изображая отказ.

В заключение этих подлых козней Грандье стал жертвой еще более подлого вероломства. Ему пообещали задушить его, как только вспыхнет эшафот; но экзорцисты завязали веревку узлами, и, несмотря на все усилия палача⁶³, Грандье заживо упал в пылающий костер. Можно было услышать, как он кричал посреди языков пламени: «Боже мой!.. Господи! Прости моих врагов!»

⁶² «...Десять тысяч ливров штрафа и другая, еще большая сумма и телесное наказание, в случае необходимости...» (Из текста Указа.)

⁶³ Палач был вынужден отступить в тот самый момент, когда он прикладывал все свои усилия; поскольку, не дожидаясь сигнала, отец Лактанс зажег огонь своими руками, и пламя взметнулось вверх.

В этот самый момент над головой мученика закружилась стайка голубей. Воины тщетно размахивали алебардами, сясь обратиться их в бегство: мертвый Грандье и стремительно прилетевшая стая птиц исчезли в клубах дыма. Понятно, какой вывод могли извлечь из этого неожиданного происшествия клеветники бедняги: они завопили, что стая демонов прилетела принять душу мага. Другие же, наоборот, убедились в том, что, в отличие от людей, голубки явились засвидетельствовать полную невиновность подобной жертвы!

Из брошюр и мемуаров, написанных в защиту или против Грандье, складывается почти невероятная картина; эти битвы мнений долгое время будоражили умы. Я приведу здесь несколько строф, образующих эпилог к превосходной книге, опубликованной в Голландии неким господином Обеном (по другим сведениям, Сент-Обеном), которая пользовалась в то время удивительной популярностью во Франции: «*Истории луденских демонов*» (Amsterdam, 1693, pet, in-12)⁶⁴. Эти стихи, отличающиеся незаурядной силой и чистотой, написаны как будто вчера:

*
* * *

Сам Дьявол показал, что, устремясь к разврату,
Я заключил с ним пакт магический когда-то,
Хоть жалоб не было за это на меня:
Но тяжкий Приговор мне Сатана выносит,
И мой сообщник сам безудежно поносит
Меня, во всех грехах неслыханных виня.

Британец некогда сжег, мстя, святую Деву.
Я тоже, проходя по сходному же делу,
Неистойой толпой отправлен на костер.
Что чтит Париж, всегда то Лондон проклиняет:
Луденец Колдуном меня уж величает,
Хотя его сосед отсрочил приговор.

Как Геркулес, я был равнодушен к дамам,
И вот меня, увы, снедает то же пламя,
Но греческий герой всё ж был обожествлен.
И вот я казни жду, как тать, хотя невинен,

⁶⁴ Успех этого произведения, написанного, как известно, протестантом, привел в ярость приверженцев одержимости и экзорцизмов. Один из них ответил на него поразительно нелепым опровержением под названием: *Examen critique des Diables de Loudun*, par l'abbé de la Meynardaie. Liege, 1749, in-12.

Не ведаю, гореть ли мне в Аду отныне
Иль буду в Небеса восхищен, как и он.

Напрасно сохранял я стойкость в испытаниях
И — как по волшебству — умру без покаянья.
Ведь проповедь моя — пустопорожний звук!
Распятие дадут — так него плюю я
И, в Небо взор подъяв, шалю и озорую,
И, к Богу обратясь, я Демонов зову.

Иные, жизнь мою судившие лихую,
Невольно видят смерть воистину святую:
Смиренье, мол, всегда есть веры твердой знак.
Безропотно страдать — блаженства верх, наверно,
И грешная душа очистится от скверны,
Коль, худо жизнь прожив, скончаешься вот так.

Видимо, небо отомстило за бедного священника, покарав всех его палачей. Лобардемон, пораженный в своих семейных привязанностях, самым первым впал в немилость у кардинала; отцы Лактанс и Транкиль умерли почти тотчас же в припадке безумия, которое отнесли на счет Дьявола. Отец Сюрен, еще один экзорцист, сошел с ума. Что же касается хирурга Маннури, проявившего такую жестокость по отношению к бедному обвиняемому, то призрак жертвы уже больше не покидал его, неотступно преследуя его до самой могилы.

У Юрбена Грандые были свои предшественники; и он не был последней жертвой, казненной по доносу бесноватых, каждая из которых считала себя в большей или меньшей степени обещенной человеком, ни разу в жизни не видевшим ее и не говорившим с ней. Этого требовала традиция: одержимые всегда ставили себе в заслугу рабское следование ей.

Одержимость (или, как ее называет д-р Кальмель, Истеро-демонопатия) — несомненно, одна из самых таинственных болезней, богатая поразительными проявлениями, и факультет медицины испытывал некоторое затруднение при ее объяснении с точки зрения законов, принятых в настоящее время его учеными профессорами; но что из этого следует? То, что некоторые тайны остаются непостижимыми, даже если официальная наука тщится их разъяснить.

Экзорцисты были другого мнения, и вот в какой манере они обычно изъяснялись:

Дьявол — виновник всех явлений, которые не объясняются известными законами Натуры. Путем надлежащего экзорцизма Дьявола принуждают говорить правду; его свидетельство должно иметь силу перед судом.

Эти две искусно совмещенные формулы были не подлежащим обжалованию приговором для множества невинных душ. К счастью, если Дьявол всё еще совершает поползновения к тому, чтобы свидетельствовать в суде, правосудие больше не интересуется свидетельские показания Дьявола. И никто в наши дни не сожалеет об этом небольшом изменении...

Я ошибаюсь, любезный читатель; приходится в этом признаться.

Целая современная школа, о которой я хочу сказать тебе несколько слов, похоже, сожалеет об ушедшей эпохе ежедневных экзорцизмов и процессов по колдовству. Но, перед тем, как познакомить тебя с маркизом Одом де Мирвилем и его другом, шевалье Гужено де Муссо, позволь представить тебе одного современного «иерофанта», которому около 1820 года еще сильнее захотелось увидеть, как вновь запылают костры⁶⁵. Это автор четырехсот страниц in-8 о *Барабашках*⁶⁶, произведения, украшенного рисунками и портретом, внизу которого автор с большой охотой перечисляет свои имена, титулы и звания: «Алексис-Венсан-Шарль Бербигье де Тер-Нёв-дю-Тэн, уроженец Карпантра, житель Авиньона, временно проживающий в Париже...» Вот мы и получили необходимую информацию.

Перед нами подлинный одержимый, который повсюду видит одних только демонов (которых он именует *Барабашками*) и колдунов (которых он называет *лекарями*). Он горько сетует на некое *инфернально-дьявольское* (*sic*) общество, главных секретных агентов которого он изобличает перед лицом неба, — это врачи, студенты, адвокаты, фармацевты... Непрерывные преследования, которым подвергают его

⁶⁵ На самом деле, его самая заветная мечта — с помощью своих разоблачений привести монархов к возрождению старинных указов против адептов магии. Он постоянно перемежает подобными угрозами инвективы, изрыгаемые в адрес своих гонителей. «Какие плоды своих гнусных приемов вы пожнете? Уверенность в том, что однажды вы вновь окажетесь в застенках святой Инквизиции, столь мудро учрежденной для наказания духов, колдунов, магов и всех тех, кто хоть на миг усомнится во власти верховного Бога. Я надеюсь когда-нибудь прочесть имена всех тех, кто неотступно меня преследует, в кровавых списках этого грозного Трибунала (том I, стр. 143)!»

Он доходит до того, что высказывает такое «доброе» пожелание: «Боже всемогущий... сделай так, чтобы на земле выросло достаточно леса и повсюду могли взметнуться достаточно большие и просторные костры, в которых уместилось бы и было сожжено дотла всё отродье барабашек! (т. III, стр. 197)!»

⁶⁶ *Les Farfadets, ou tous les demons ne sont pas de l'autre monde...* Paris, l'auteur, 1821, 3 vol. in-8.

эти «мерзавцы», отравляют всю его жизнь; и он надеется отомстить им, выдав их имена.

Вы скажете — обыкновенный безумец. Зачем увеличивать эту главу (и без того уже слишком объемную), упоминая о подобном человеке? Знаменитый аббат де Виллар мог бы на это возразить: «Господь позволил мне узнать, что безумцы существуют в мире лишь затем, чтобы давать уроки мудрости»⁶⁷.

К тому же Бербигье — вовсе не обычный безумец; его безумие отличается тем, что оно основано на восприятии — признаюсь, совершенно косвенном и искаженном — *весьма реального* мира, о котором здравомыслящие люди не подозревают и с которым моя книга познакомит их лишь в том случае, если они сами безропотно согласятся стать безумцами: то есть людьми, способными к представлениям и восприятию, недоступным для большей части им подобных.

Бербигье, несомненно, стал жертвой множества *ларв*; но приписывает эти неприятности колдунам, превратившимся в чудовищ разного вида и размера. Анализ его гравюр весьма любопытен с этой точки зрения; люди, чьи глаза не созданы для астрала, могут, по крайней мере, изучить в этом «зеркале» протеевскую природу ларв, способных принимать с немыслимой гибкостью самые парадоксальные и разнообразные формы; достаточно, чтобы *одежда* бедняга, которого раздражает их присутствие, имел дурное предчувствие или навязчивое представление о какой-нибудь отвратительной фигуре, и ларвы тотчас же возьмут ее за образец: это галлюцинация, охватывающая всё тело; это мысль, которая объективируется и собирает сведения в окружающей формирующей субстанции, как я подробно рассматриваю и объясняю это в «*Ключе к Черной магии*».

«Когда вы слышите, — пишет наш автор, — шум, который производят большие птицы, машущие крыльями, это дело рук барабашек; то же самое происходит, когда вы слышите, как шествуют чудища удивительной величины или отвратительной формы, которых вы, однако, не видите; когда в хорошо запертой квартире вы слышите ужасный шум ветра, что пугает людей, считающих, что они находятся в безопасности... Тогда нужно вооружиться великим мужеством и запастись каким-либо оружием, будь то колющим или режущим, если это возможно, и непрерывно орудовать им справа налево, словно эскадроном для фехтования, и вы, быть может, услышите, как льется кровь того или тех, кого вам посчастливится поранить (Berbiguier, tome III, pages 83—84)».

⁶⁷ *Le comte Gabalis ou entretiens sur les sciences secretes*. Londres, 1742, 2 vol. in-12 (tome I, Nouveaux entretiens, page 2).

В этих строках полностью описано всё разнообразие форм, в которых размножаются ларвы; но удивительнее всего то, что этот необразованный маньяк⁶⁸, явно незнакомый с научными теориями Каббалы, интуитивно догадался об истинном оружии, способном уничтожить эти искусственные и преходящие существа: стальных остриях и режущих лезвиях — а также (*Les Farfadets*, tome II, page 27—63) об особенных курениях!.. Впрочем, не будем на этом останавливаться: позже мы еще встретимся с Бербигье и всем его арсеналом наступательного и оборонительного оружия (глава V).

Я упоминаю его здесь лишь в качестве современного демонолога, и по этой же причине я хочу представить еще один образчик его стиля.

Все верящие в Дьявола и Ад отличаются этой характерной особенностью. Причудливость языка ни в чем не уступает у них причудливости идей: форма достойна содержания.

Послушайте следующую диатрибу против кошек: «Пусть эта глава... вытравит у парижских дам любовь, которую они питают к этим *животным-барабашкам*; я никогда не испытывал больших страданий, чем при виде того, как красивый ротик прижимается к морде зверя, *принадлежащего к породе тигров*. Мои страдания не менее велики, когда я слышу, как красивая женщина называет своего мужа: «*Мой котик*»; мне чудится, что, говоря ему: «*Мой котик*», она призывает его принять барабашку!

Я никогда не стану «котиком» той добродетельной женщины, на которой я должен буду жениться. Одна из статей моего брачного контракта будет запрещать той, что свяжет свою судьбу с моей, давать мне другие названия, помимо тех, что ласкают слух порядочных людей. Мне намного больше нравится, когда мне говорят мой друг, чем слышать, как меня называют именами, которые отвергают любовь и природа (tome II, pages 307–308)!»

Этот *бич барабашек* (как он сам себя окрестил) полагает, что раскрыл миру новую науку, а также средство «парализовать» в дальнейшем Преисподнюю: «Я никогда не придерживался мнения ученых; часто, когда я *сравниваю их с самим собой, они представляются в моих глазах глупцами* (tome I, p. 324)». С таким-то самомнением Бербигье не теряет надежду занять место среди Отцов Церкви: «Я на вершине счастья, когда мои мысли разделяет какой-нибудь апостол христианской веры; по этой причине я

⁶⁸ Вся ученая часть (и какая ученость!), на самом деле, является компиляцией; что же касается слога, то гг. Паскаль Брюне, адвокат, и Франсуа-Венсан Распай были вынуждены, старательно сохраняя драгоценную пикантность рукописи, устранить из нее все орфографические и грамматические ошибки, которыми она пестрила.

считаю своим долгом не пропускать ни одной проповеди... Моя книга будет изобиловать материалами, к которым проповедники смогут обратиться, когда они в тиши кабинета станут составлять свои выступления. Они дали мне материал для моих рассуждений; *мне хочется верить, что я возвращу его им с лихвой...* Какое новое наслаждение для меня, когда я пойду на проповедь и *услышу, как проповедник цитирует меня, подобно тому, как цитируют св. Иоанна, св. Марка, св. Матфея или св. Павла!..* (tome III, pages 63–64, *passim*)».

Жозеф Прюдом-визионер: вот кто такой Бербигье. Обитатели Ада являются ему в явно традиционной, классической, шаблонной форме.

Но со времени публикации «*Барабашек*» прошло уже семьдесят лет. Обратимся к современности; после *Сатаны в стиле рококо* посмотрим на *Сатану в стиле fin-de-siecle*⁶⁹.

В эпоху, когда князь тьмы видит, как его власть отрицается самыми решительными спиритами (ведь даже они, для кого явление фантомов — совершенно простая и привычная вещь, прыскают со смеху при одном упоминании о Лукавом!), благоразумие Конрара, похоже, завладело наиболее бесноватыми образцами сатанизма. Готовые отнести к истории минувших веков спорные факты колдовства, богословы охотно признают, что времена изменились и Демон выказывает отныне некоторое нежелание являться *лично* перед непочтительной публикой, вполне способной рассмеяться ему в лицо, если он его покажет.

Не следует считать это нежелание непреодолимым. Элифас рассказывает⁷⁰ о приключении одного парижского рабочего, которого посетил демон Астарот под видом гигантского бора с головой быка. Это произошло в начале периода Второй империи.

Но, уважая правильный внешний вид и обычаи, которым сегодня необходимо следовать, Сатана показывает себя иногда не столь архаичным до неприличия: он даже приносит жертвы благопристойности, обуздывая свою хорошо известную склонность к пресловутой травестии.

Мы не могли бы найти более приятного завершения этой главы, чем рассказ о правдивом приключении, удостоверенном для шевалье Гужено де Муссо его другом-епископом. С полного согласия кающейся грешницы и к вящему стыду «апостолов» скептицизма, прелат предложил г-ну де Муссо опубликовать исповедь бедной

⁶⁹ конец века (о 1890-х гг.) (фр.); собир., декадентство. (*Прим. перев.*)

⁷⁰ *La Clef des grands Mysteres*. Paris, Bailliere, 1861, in-8 (pages 167—176).

девушки, соблазненной и возмутительно обманутой дьяволом в черном фраке.

История, которую мы собираемся пересказать (немного сократив ее) занимает страницы 376—384 книги под названием: «*Высшие феномены Магии*» (Paris, grand in-8, 1864). Имя шевалье де Муссо, автора этого произведения и нескольких других, подобных ему⁷¹, наделало немало шума тридцать лет назад — и церковная власть выразила самое торжественное одобрение теориям, горячо отстаиваемым им самим и его учителем маркизом де Мирвилем⁷².

Это было «вооруженное восстание» в ультрамонтанском лагере в пользу, по меньшей мере, устаревших доктрин, весьма логичным заключением и законным выражением которых были костры, пылавшие, главным образом, в XII—XVII веках.

Меня беспощадно обвинили бы в преувеличении в столь серьезном вопросе, если бы я не представил читателю некоторые хвалебные отзывы всех власть имущих: судьи Донне, кардинала-архиепископа Бордо; судьи Сезера, кардинала-архиепископа Безансона; в. п. о. Вентура де Раулика, генерала Ордена театинцев, духовного советника Ритуальной конгрегации, наблюдателя за епископами и т. д.; п. о. Вуазена и т. д... Эти одобрительные высказывания, вполне определенные, порой даже восторженные, можно прочесть в начале книги, из которой я заимствовал последующую историю. Поскольку они весьма пространны, я процитирую лишь заключительные фразы:

КАРДИНАЛ ДОННЕ: «Милостивый государь, в своей книге «*Магия в XIX столетии*» вы уже рассмотрели современную магию в ее основе; вы показали в ней демонические характеры... Сегодня же в своей книге «*Посредники*» вы идете еще дальше;... вы касаетесь самого существа своей темы и, в тройном свете истории, религии и философии, углубляетесь в изучение принципов Магии.

Продолжайте, милостивый государь, бороться с заблуждениями, ставя за службу католической истине свое рвение и свои познания... Продолжайте отстаивать истину, открывая глаза народам, и к вам можно будет применить прекрасные слова Писания: *Qui erudiunt multos, quasi stellae in perpetuas aeternitates* (26 июля 1863 г.)»⁷³.

⁷¹ Другие произведения г-на де Муссо, опубликованные в издательства Plon (grand in-8): *Moeurs et Pratiques des Demons* (2^e edition), 1865; *Mediateurs et moyens de la Magie*, 1863; *Magie au XIXe siecle*, 1864.

⁷² *Les Esprits et leurs manifestations diverses*, par le marquis de Mirville (Paris, 1854—1863, 6 vol. gr. in-8).

⁷³ «И обратившие многих [к правде] — [будут сиять] как звезды, во веки, навсегда» (Дан. 12:3).

АРХИЕПИСКОП БЕЗАНСОНСКИЙ: «...Могу заверить вас, что *ваши произведения не только весьма ортодоксальны, но еще и весьма привлекательны и полны...* (9 октября 1863 г.)».

ГЕНЕРАЛ ОРДЕНА ТЕАТИНЦЕВ: «*Вы мастерски разработали свою тему: ваши обширные познания и огромная эрудиция выявляют неопровержимую реальность фактов. Ваша неумолимая логика показывает их сверхъестественный характер и демоническую природу.*

Будучи совершенным ортодоксом, вы сумели избежать ошибок Герреса...

Старинная пословица вашего народа гласит: *благородство обязывает, и никто лучше, чем вы, милостивый государь, не претворил в жизнь эту аксиому. Своим последним произведением вы заслужили патент на благородство в Церкви, возлагающую на вас новые обязанности.*

Не останавливайтесь на столь прекрасном пути. Господь благословит ваши усилия, и почитание и благодарность истинно католических душ удостоят однажды вашу память и вашу могилу (1863)».

П. о. Вуазен: «...Вы повсюду на высоте своей темы... Вы повсюду представляете мудрым философом и совершенным ортодоксом... Поздравляю вас с прекрасной и хорошей книгой, произведением, полезным не только для мирян, но и для большого числа духовных особ, и не только для простых людей, но и для ученых. Продолжайте играть роль поборника христианства и ортодоксального апологета (3 ноября 1863)».

После этих цитат, которые были необходимы, с чем вы вскоре согласитесь, я приступаю к признаниям кающейся грешницы. Как сказано выше, я в точности переписываю их, выбрасывая всё несущественное и нетипичное:

«Одним летним вечером — это было 17 июля 1844 года — наша юная девушка и ее шестнадцать подруг собрались вместе в одном доме; среди этих ветрениц присутствовало лишь двое мужчин. Они намеревались поразвлечься: «Если хотите, — сказал один из этих господ, — я заставлю прийти ТОГО, кто знает толк в удовольствиях (*sic*)». — «Да-да, хотим!» Что же он будет делать? Девушки переглянулись. Двери крепко заперты, окна закрыты; оратор раскрыл книгу, которую он назвал «Большим Альбертом», и что-то пробормотал... Девушки ждут, они уже готовы рассмеяться. Но вдруг — какой сюрприз! — появляется, как мог бы появиться призрак, очень пригожий господин (*sic*)... — «Да-да, обещаю веселить вас со всем тщанием, — говорит этому беззаботному «выводку» сумасбородок вновь прибывший, который из невидимого только что стал видимым: — Однако нам нужно заключить соглашение; я поставлю одно простое условие, хорошо?»

Раскрыв некую книгу и предложив каждой из них лист белой бумаги, незнакомец продиктовал следующие слова, под которыми он велел им подписаться: *«Отрекаюсь от своего имени (пять из них звали Мария), отрекаюсь от веры, неба и ада; отдаюсь тебе навсегда»*. И затем он потребовал, чтобы все по очереди подписались под этой формулой своей кровью...

Обещанное счастье открыла вереница странных, дерзких, сладострастных и неистовых, а затем отталкивающих танцев, которые закончились сценами разврата. Ночь миновала, и девушки увидели, как в назначенный час *бесстыдный и пригожий господин* исчез, как исчезает тень. Прошла неделя и еще несколько месяцев.

Но кем же была эта циничная и удивительная особа, входившая и выходявшая при запертых дверях, появлявшаяся, подобно солнечному лучу, и исчезающая подобно тому, как исчезает призрак? *Кем был этот отвратительный жуир, внезапно вышедший из небытия, которого каждая из них видела так близко и так остро ощущала?..* Он был тем, кем и должен был стать для сумасбродок, которыми он намеревался завладеть обманным путем. В тот день у него была фигура молодого человека, лицо около тридцати лет, платье элегантного покроя и манеры кокетливой женщины. Можно сказать это со знанием дела, поскольку он чувствовал себя очень непринужденно, и вскоре в его особе не осталось ничего скрытого, включая как руки, так и ноги: *повторим, что каждая из наших юных и неосмотрительных распутниц была обязана полной благодати соприкосновения знанием о том, кем он был...* Свидетельство их чувств было, увы, слишком совершенным.

Но ограничимся фактами, относящимися к юной девушке: 17 июля 1845 года, то есть в годовщину этого появления, она находилась одна в своей комнате и была поглощена собой... Вдруг ей явилось то же самое существо, *внезапно возникшее у нее перед глазами*, и заставило ее вздрогнуть от удивления. *«Ты помнишь 17 июля? — обратилось оно к ней... — Ты еще колеблешься? Быстро подписывай, или я убью тебя!»* И с тех пор каждый год мне, застигнутой врасплох, приходилось возобновлять с ним *договор о найме* моей особы... А потом, как только дело было сделано, мы вновь становились хорошими друзьями: всё должно было протекать по-супружески, и так было всякий раз, когда он появлялся. Я видела его, касалась его, говорила с ним, и эти посещения длились самое малое три добрых часа. *Он приходил одиннадцать лет подряд...* Его визиты начинались обычно с беседы, продолжавшейся около четверти часа, а затем он овладевал мной...

Между тем я свободно спрашивала его: «Как же тебе удастся появляться и исчезать при запертых дверях и закрытых окнах?» — «У меня есть разрешение». — «Но для тела это немыслимо; если же ты — дьявол и, стало быть, дух, то как ты можешь являться нам в облике человека?» — «Я беру мертвое тело и делаю с ним всё, что хочу (sic)!»

«Ты никогда не умрешь, — говорил он мне, — пока будешь верна мне; ты будешь жить вечно; я хочу сказать, что в момент смерти я смогу вернуть тебя к жизни».

Что он понимал под этими словами?

Несомненно одно: благодаря чуду благодати Божией жизнь вернулась в мою душу в результате угрызений совести... Сегодня договор, слава Богу, расторгнут! Это было нелегко. Теперь я принадлежу Господу; *приспел час*. Угрызения совести больше не терзают мою душу, но раскаяние мое глубоко...

«Уверены ли вы в том, что все ваши ответы на эти вопросы отражают реальные вещи, а не иллюзии?» — «Да, совершенно уверена; настолько, насколько я могу быть уверена в чем бы то ни было на свете... Уверенность моих подруг, — добавила она, — непоколебима и схожа с моей».

Когда эта редакция была окончена (предупреждает нас г-н де Муссо), согласно записям и ответам, которые в течение трех лет постепенно передавал мне судья Х..., и в результате бесед, которые я вел с ним по этому вопросу, я представил ее ему; он нашел ее точной и подходящей для публикации в том виде, в котором я ее публикую⁷⁴.

Шевалье Гужено де Муссо — слишком пикантный историк сатанинских нравов, для того чтобы мы не поддались искушению предоставить ему слово еще на несколько минут.

Новая аватара Лукавого. Автор описывает нам, каким фантазиям сомнительного вкуса предается Дьявол, когда любопытство собирает вокруг модного медиума утонченных и более целомудренных дочерей Евы:

«Время от времени нескромное и таинственное дуновение, гуляя под юбками женщин... раздувало их. Некоторые дамы, принадлежавшие к самому изысканному обществу и не поддерживавшие никаких отношений друг с другом, уверяли меня, что испытали самым ощутимым образом этот неприятный эффект, который неоднократно вынуждал их поспешно отступать назад... До сих пор речь шла о довольно невинных вещах; но однажды между двумя очень близко знакомыми мне дамами, младшая из которых, графиня де ***, находится в возрасте почтенной зрелости, сидела

⁷⁴ *Hauts phenomenes de la Magie*, pages 376—384, *passim*.

третья, подруга первой и второй. Вдруг, несмотря на то, что она была совершенно изолирована от медиума и своих спутниц, женщина издала крик отчаяния, подалась назад и поднесла руку к нижней части своего бюста. Она была вне себя...

В другой раз, когда одна довольно дородная дама сидела в нескольких шагах от медиума, корсет ее нижней юбки, несший на себе всю тяжесть ее бюста, был так же резко выдернут из своего желобка, как зуб из лунки. В то же мгновение вырвался крик из уст всех остальных женщин, которые *одновременно* почувствовали, как кто-то прикоснулся к одной и той же части их тела. Наполовину из уважения к правде, а наполовину из уважения к самим дамам, эта часть тела была названа ими *коленями*. Я говорю не наобум, но меня забросали бы камнями, если бы я сказал больше»⁷⁵.

Определенно, Люцифер — мерзкий шутник или скорее проказник из очень дурной компании. Но поверьте мне, виноваты в этом определенные медиумы, которые мирятся со столь прискорбными манерами своих домовых. Если бы братья и мужья поверили мне, то, не сумев добраться до бесцеремонных шалунов Невидимого мира, они оттащали бы — по доверенности — за уши медиумов, виновных в том, что набрали в свою труппу столь надоедливых актеров и устраивают в своих балаганах сцены такого непристойного содержания.

Впрочем, не у всех столь компрометирующие «сотрапезники»: хоть с этим повезло их профессии; поскольку такого рода сверхъестественные ласки обычно не по душе дамам, а еще менее — их супругам, то медиумы рисковали бы взять на себя вину Дьявола, а любители спиритизма — вину медиумов: одним словом, какими бы забавными они ни были, покинутые сеансы стали бы для медиумов предостережением, возможно, немного запоздалым, о том, что нужно лучше воспитывать своих потусторонних «школяров»!..

Слог шевалье не менее привлекателен, чем истории, в достоверности которых он ручается: поэтому в заключение мы «бросим» на бумагу несколько «цветков красноречия», которыми он усыпал эпилог своего рассказа:

«Точно такая же версия, вышедшая из уст второго свидетеля, достигла моего слуха путем легкого фикошета, устроенного одной знакомой особой, и я попросту навел ее на верный путь, для того чтобы поднять мои документы над областями сомнения (стр. 350)».

Прелестно, не правда ли? А вот еще лучше: неистовый гнев сжимает горло шевалье; он думает о христианах — настолько дурных

⁷⁵ *Hauts phenomenes de la Magie*, pages 349—350.

католиках, что они сомневаются в чудесах, о которых он сообщает, и во всеобщем согласии демонографов:

«Позор (воскликает он) в вертограде отца семейства этим протестантам второго урожая, которые осмеливаются предпочесть свои слабые и зыбкие познания непреходящим познаниям Церкви, а их бедный старческий рассудок подчиняется религиозному авторитету лишь тогда, когда последний, приставив острое осуждения к их горлу, кричит им: «Вера или смерть! Подчинись, или умрешь!»

Дословная цитата. Я ничего не придумываю! Буквально так и написано на странице 133.

В мои планы входило подчеркнуть язык докторов демонологии.

После стиля Венсана Бербигье я попотчевал публику стилем Гужено де Муссо...

В каком жалком виде предстаешь ты везде и всегда, старик Сатана! Если ты не отвратителен, то комичен.

«Ил» глупости, в котором ты погряз, забрызгивает даже твоих врагов, и громкий смех, который ты вызываешь, отражается на всех тех, кто верит в тебя — чтобы проклинать тебя или же поклоняться тебе!

Твоя наука — насмешка: *Колдовство* (эта магия наоборот, которую невежды и завистники слишком часто смешивают, невольно или умышленно, со *Святой Каббалой*) ежеминутно смешивает в своем нечистом цинате⁷⁶ низость с фанатизмом, преступление с безрассудством!

Тьмы не существует; есть только свет...

Твое единственное оправдание, о Князь Тьмы, заключается в том, что тебя не существует!.. По крайней мере, как сознательного существа: абстрактное отрицание Абсолютного Существа, ты обладаешь лишь той душевно-волевой реальностью, которой наделяет тебя каждый из тех извращенных людей, в ком ты воплощаешься. — И даже в этих воплощениях тебя повсюду узнают по тем основным признакам, которыми являются Небытие, Ничтожество, Бессилие, Глупость и Зависть... В твои владения, Сатана, мы входим с высоко поднятой головой.

Выявлять всю тщетность инфернальной тьмы — значит подчеркивать божественное сияние; разоблачать нечестивые и кощунственные обряды некроманта — значит прославлять величественные деяния Мага.

⁷⁶ Мера объема жидкости в Древней Сицилии. (Прим. перев.)

Мы вновь, читатель, у порога тайны, но тайны позорной и ошибочной, темной и несправедливой.

Не будем останавливаться перед портиком, не достойным нашего внимания; но для того, чтобы проникнуть внутрь этого храма, который является всего лишь вертепом и притоном, вооружимся, как талисманом, наивным и презрительным девизом, которым Генрих Кунрат укрепил свой «*Амфитеатр Вечной Мудрости*»:

PHY DIABOLO, TERQVE QVATERQVE ISTI PHY: ATQVE ITERVM PHY IN AETERNVM!⁷⁷

⁷⁷ Тьфу, Дьявол, трижды и четырежды тьфу на тебя: и еще раз тьфу во веки вечные! (лат.)

ПАПЕССА = БИНЕР = СПОСОБНОСТИ = СУБЪЕКТ...

Колдун

ГЛАВА II

КОЛДУН

Во все времена встречались суеверные и злые люди, интересовавшиеся тайнами, для того чтобы их осквернить, стремившиеся к Знанию, для того чтобы им злоупотребить, и жаждавшие власти, для того чтобы править в беспорядке и посредством злодеяний.

Магия представлялась этим испорченным людям тройным орудием тирании, наслаждения и устрашения — и эта нечестивая мечта о безудержном и неуправляемом деспотизме, подкрепляемая монополией на знания, запретные для толпы, соблазняла их, обманывала и губила. Ведь Наука относится к божественному праву: тот, кто жаждет ее сокровищ в надежде на безнаказанные злоупотребления, блуждает в подземелье, ведущем в тайную пещеру; он спускается в ее глубины, полагая, что поднимается, и далекий свет, который он принимает за светильник у порога, — лишь предвосхищаемое отражение искупительного костра.

Однако Натура, уважая свободную волю, наделила человека средствами деятельности как в несправедности, так и в добродетели; скрытый агент подчиняется любой воле, святой либо извращенной, и если эгоист не способен завладеть Истиной, то он, по крайней мере, может творить Зло.

В каких обстоятельствах к нему можно применить определение «колдун»? Это очень деликатный вопрос. На самом деле, высшие существа, ставящие науку на службу деяниям тьмы — это не колдуны в собственном смысле слова, хотя они и совершают проклятые ритуалы.

Фокусники тоже не обязательно являются колдунами, несмотря на то, что многие фокусники — колдуны или, если хотите, несмотря на то, что многие колдуны — фокусники.

Поясним нашу мысль. В колдунах обычно принято видеть дерзких шарлатанов: я ни в коем случае не хочу сказать, что люди всегда ошибаются. История свидетельствует о нравственном разложении колдунов; они замешаны в самых гнусных преступлениях и могут быть исключительно лицемерами. Во многих случаях, пытаясь обмануть других, не обманывают ли они, в конечном счете, самих себя? Хорошо, пусть будет так.

Однако не следует излишне обобщать эту гипотезу. Если среди колдунов есть шарлатаны в большей или меньшей степени, несомненно, ни один из них не является абсолютным скептиком. Их интеллектуальное и нравственное падение — заставляя их верить в абсурд, в отличие от вещей, признаваемых рассудком — дает нам ключ к этому отклонению.

Говорим ли мы о классическом колдуне? О мрачном адепте черной магии? Последний иступленно верит в свое могущество. Он не ошибается, поскольку оно реально; но он не подозревает о его опосредованной причине, равно как и не различает посредничающего агента.

Говорим ли мы о *медиумах* и других современных колдунах? Эта Сила склонна к перебоям, хотя они утверждают, что управляют ею, в то время как она ведет их самих, и освобождают ее по своей воле, в то время как она увлекает их в собственном роковом движении: так что они нисходят до роли фокусников, как только она им отказывает.

Так, например, можно привести факты самого грубого мошенничества подобного *медиума*, обладающего неоспоримым могуществом, которому накануне удалось — в условиях научного контроля и ошеломляющей очевидности — произвести феномены, в сотни раз более поразительные... Но вчера *медиуму* помогал *посредник*; а сегодня он изменил ему: и поскольку над бедным экспериментатором властвуют гордыня и корыстолюбие, он предпочитает скорее сплутовать (пускай даже его поймут на месте преступления!), чем признать себя, на самом деле покорным рабом оккультных сил, верховным и могущественным властелином которых он себя называет.

Пусть этот пример, взятый у колдунов нашего времени — «кавалеров» Оккультизма и «теноров» Тайны⁷⁸, канатоходцев невидимой веревки, полишинелей во фраках, бечевка которых не видна, — пусть этот пример не отвлечет нас от легендарного колдуна, нечестивого и страшного парии средних веков и Возрождения: фанатичного и ограниченного, робкого, как все подозрительные люди, и дерзкого, как все загнанные трусы.

Между современными колдунами, этими бахвалами, обязанными проводить публичные сеансы, и былыми виновниками колдовских чар существует один пункт сходства и один пункт различия. Равно бессознательные марионетки Агента, который они якобы покорили, и те, и другие твердо верят в духовные сущности; но если медиум, убежденный в существовании *развоплощенностей*, упорно отрицает Сатану, то колдун, наоборот, всеми силами своего существа верит в могущество Князя Тьмы и в ужасную реальность его покровительства.

Да о чем я говорю?.. Рассматривая его в привычной для него обстановке (окружающая жизнь XVI—XVII веков), мы видим, как он составляет *договор* по всей форме.

Этот договор с Духом — вовсе не предмет для мистификации или устрашения зевак; это контракт, составленный колдуном с кропотливой тщательностью и беспримерной убежденностью, а также с риском для собственной жизни: обнаружения одного этого документа было достаточно для того, чтобы обосновать его смерть на костре после самых чудовищных пыток.

Мы еще вернемся к этим договорам, когда будем говорить о процессах колдунов; не станем предвосхищать события. Приберегая, к тому же, для книги II — насколько это в наших силах — всё, что напоминает научное объяснение, мы бросим еще беглый взгляд на личность вульгарного колдуна, этого «вечного Жида» оккультного преступления⁷⁹, часто преследуемого от одного логова до другого и убежавшего из одного изгнания в другое; он скользил, словно тень, по пустынным местам, бормоча

⁷⁸ Я имею здесь в виду лишь некоторых сомнительных медиумов-шарлатанов; но следует признать, что сознательные медиумы составляют исключение. К тому же среди этих последних необходимо принимать во внимание неосознанный обман, часто у них наблюдаемый, как показывает нам г-н Дональд Мак-Наб в своих замечательных трудах о феноменах спиритизма.

⁷⁹ Было бы неслыханной наивностью полагать, будто бы Извращенность, Коварство и Могущество несовместимы с Невежеством и Глупостью.

Невежественные и слабоумные пастухи часто становятся грозными *джеттаторе* [итальянские колдуны, насылающие порчу. (Прим. перев.)]; у них инстинкт восполняет недоразвитый интеллект. Они распоряжаются грубыми флюидами, накапливаемыми под высоким давлением — и легковерный страх масс подчиняет их влиянию существ, бесконечно превосходящих их самих, но поработанных опасениями и суевериями.

непонятные слова, и бегающими, блуждающими глазами метал повсюду оцепенелые взгляды, отягченные злобой либо ужасом...

Но он не всегда подвергается опасности. Порой он становится протее сильных мира сего, и предание показывает его нам также с высоко поднятой головой, важно расхаживающим в одиозном и гротескном наряде своей самодовольной никчемности: по этим последним признакам нам даже проще будет узнать и изобличить его под всеми его личинами. Ведь он — Протей и меняется сообразно с эпохой и со средой; но *сатанинская печать* остается неизгладимой у него на челе.

Поскольку Сатана мог быть, как мы уже, кажется, говорили, лишь прототипом небытия и злобной суетности, из этого следует, что клеймо его владычества, отпечаток его присутствия, одним словом, его *моральная сигнатура* неизбежно представляет все отличительные знаки небытия, убожества и зависти.

Этот тройной критерий безошибочен. Читатель сам сможет в этом убедиться в главе VI: целиком посвященная описанию колдуна в его современном воплощении (так сильно отличающемся по форме от того, каким он представал встарь), эта глава никого не удивит; и, столкнувшись лицом к лицу с друзьями Беельзебута, в блузе или во фраке, всякий, благодаря этому описанию примет, несомненно, без колебаний узнает их.

В действительности, во всех странах и во все века зло проявляется почти в неизменном виде: заблуждение духа, извращение души и осквернение тела — одни и те же безумства, страсти и пороки, и, как сказал где-то Элифас Леви, «Дух тьмы не очень-то изобретателен».

Но черные маги встречаются на протяжении всей истории народов, и мы с большим трудом могли бы назвать эпоху или страну, которую пощадил бы такого рода бич.

Изучите анналы древности: ни одного писателя, который не свидетельствовал бы об их существовании и об ужасе, охватывавшем людей при их приближении. Отцы Церкви наперебой заявляют, что первые века христианской эры были наводнены ими.

Если же мы обратимся к средневековым хроникам, то увидим, что Европа кишела ими, отличавшимися ужасающей плодовитостью, свойственной проклятым родам.

Они были «ларвами» этих долгих сумерек... Подобно стрекозам на наших прудах, рожденным из водяного пара под воздействием солнечных лучей, они, похоже, родились из сгущения тьмы над испарениями пролитой крови.

Но они не были, увы, простыми фантомами, поскольку великая заря Возрождения их отнюдь не рассеяла. Они обладали слишком грозной реальностью. Вместо того, чтобы уменьшаться, их число рос-

ло изо дня в день: беспощадное усердие судьи соревновалось лишь с порочной хитростью злодея, и, всегда вынося смертные приговоры, процессы по колдовству не оставляли без работы ни судью, ни прокурора, ни палача.

Так мы подходим к середине XVIII столетия!.. В эту самую эпоху, когда пытки были упразднены и некроманты не рисковали столкнуться с правосудием, за исключением каких-нибудь безобидных преследований за мошенничество или бродяжничество, была совершена серьезная ошибка — утверждалось, что их злое потомство вымерло.

Существо гибридное, почти всегда злобное и глупое, колдун обнаруживает лишь в порядке исключения интеллект, уже наполовину впавший в фанатизм. Изобретательный, благодаря инстинкту, в самых неслыханных переодеваниях, он меняет внешний вид, обычаи и язык. Мы встречаем его под блузой крестьянина, под сюртуком врача и — почти столь же широко распространенного и, добавлю от себя, возможно, еще более опасного в своем новом качестве — увы, под рясой священника! Это вопрос статистики; впрочем, так было во все времена. Подобно тому, как медики составляют самый серьезный процент опиофагов и им подобных, точно так же и по аналогичным причинам армия Сатаны всегда набирается преимущественно среди духовенства. Это сопоставление остается весьма занимательным, а проверка — легкой, как с одной, так и с другой стороны.

Я повторяю: никогда еще колдуны не были более дерзкими и зловредными, чем в нашу эпоху, отрицающую их существование.

Возможно, есть некоторое мужество в том, чтобы напасть с поднятым забралом на наиболее *почтительно принимаемые* предрассудки: но я подкреплю свои утверждения примерами; я докажу их с помощью фактов; наконец, я объясню их, обнародовав одну оригинальную и непризнанную доктрину, посредницу между вольным рассудком и народными установлениями, примиряющими самую недоверчивую науку с самыми величественными традициями.

Колдуны, как я уже сказал, были во все времена и на всех широтах.

Возвращаясь к самой далекой цивилизации — так смутно обрисовывающейся в тумане прошлого, что все документы о ней, собранные исследователями, уместились бы на половине страницы, — мы всё же знаем, что у Атлантов, континент которых затонул в результате беспримерного в мировой истории катаклизма более девяти тысяч лет до нашей эры⁸⁰, были свои прорицатели и колдуны.

⁸⁰ См. Платона (диалог «Тимей»).

В Индии всегда были известны колдуны; но вначале они утаивали свою злобу и скрывали свои неописуемые обряды, с которыми не могли мириться мудрецы — преемники великого теократа Рама. Они начали проявлять себя на полуострове лишь в то время, когда, тайно подтачиваемое брожением неминуемого раскола, синархическое Государство незаметно клонилось к своему упадку.

Что же касается современных индусов, то они снизошли до последних ступеней суеверия: чародей служит у них одновременно оракулом, магнетизером, экзорцистом, бродячим акробатом и нищим. Это, прежде всего, *Факиры* и даже некоторые жрецы низшего ранга (*Пурохиты*), затем аскеты и монахи, собирающие пожертвования: все они соперничают друг с другом в притворстве и производят удивительные феномены с помощью *мантр*⁸¹ и призывания *Питри*⁸². В интересных произведениях Луи Жаколлио — в частности, «*Спиритизм в Индии*» и «*Сыны Божии*» — можно найти многочисленные и неожиданные подробности о людях такого типа. Им повсюду обеспечено восхищение и почитание деревенских жителей. Брамины-пандиты⁸³ и посвященные в Высшую Доктрину: *Двиджа*⁸⁴ и настоящие *Йоги*⁸⁵, *Чела* и *Шабероны*⁸⁶ остаются чуть ли не единственными на полуострове, кто полностью избежал этой нравственной скверны; если же мы покинем жреческую касту, то едва ли несколько *Раджей* да элита *Кшатриев*⁸⁷ составят исключение⁸⁸.

⁸¹ Заклинания.

⁸² Бесплотные духи, души предков.

⁸³ Ученые.

⁸⁴ Дважды рожденные.

⁸⁵ Единые в Боге.

⁸⁶ *Шабероны* — буддийские монахи из тибетских монастырей; *Чела* — последователи оккультной Науки. В самой Индии их насчитывается не так уж много.

⁸⁷ *Раджи* — индусские князья; *Кшатрии* — дворяне из воинской касты.

⁸⁸ Рекомендуем по этому поводу очень старую и почти неизвестную книгу, документы которой, день за днем собиравшиеся в Индии, были объединены и выпущены в свет путешественником XVII столетия, протестантским миссионером Авраамом Рогерием, «который несколько лет прожил на Коромандельском берегу и в окрестных странах»: *La Porte ouverte pour parvenir a la connoissance du Paganisme cache*, traduite en françois par Th. la Grue (Amsterdam, Jean Schipper, 1670, 1 vol. in-4, фронтиспис и весьма любопытные гравюры). Читатель найдет здесь ценные документы и воспоминания, возможно, несколько перемешанные с миражами, но отличающиеся редкостной и проникновенной остротой, которая свойственна первым впечатлениям, совершенно искренним и наивным. Чувствуется, что эта книга была написана в результате каждодневных исследований свежего наблюдателя, незнакомого с восточной философией, подобно всем его современникам, но подробно рассказывающего об увиденном, без претензий на остроумие и, что, возможно, еще важнее, без «цеховой» предвзятости. В ней пространно обсуждаются индийские суеверия и колдовство.

У древних евреев черная магия ограничивалась призыванием призраков отрицательного света, Аобот, לִיבִיָא, которое Моисей строго воспретил. Изощренное же колдовство проникает в Израиль сравнительно поздно.

Но финикийцы и аккадцы проявляют себя более искушенными в преступных действиях, и Франсуа Ленорман сообщает нам множество характерных подробностей об аккадской некромантии: в многочисленных памятниках, которые он комментирует, можно видеть, что теурга очень четко отличали от колдуна, которого клеймили именем *злого человека*. Порча называлась *работой*; заклинания — *словом*; а приворотные зелья — *смертельной вещью*⁸⁹.

Мы упомянем лишь для справки о существовании злых магов в других странах Востока. Дело не в том, что они там редко встречаются или их влияние незначительно; но за исключением Цейлона, где Шивизм, выродившийся в колдовство (как это обычно случается со всеми мертвыми культами), ведет страшную войну с буддизмом, победившей религией, восточные колдуны лишены особых отличительных черт; все они, очевидно, сделаны по одному и тому же «шаблону».

Впрочем, существует недоразумение, которое могло бы прояснить только очень четкое перо, смешение, привычное для всех историков восточных нравов, которое рассказчики о путешествиях — миссионеры или официальные исследователи — по-видимому, стараются увековечить. По этому деликатному вопросу они наперебой громоздят лаконичные нелепости. Идет ли речь о современных повествованиях или о документах более отдаленной эпохи, историки или рассказчики охотно говорят о магии; но они обозначают одним и тем же существительным и снабжают одним и тем же эпитетом посвященного теурга святилищ и некроманта низшего ранга, искусство которого, обещенное преступными, мрачными деяниями, вовсе не противоречит наиболее вульгарным приемам фокусника.

Ведь первые признаки черной магии — их *тайный* и *антижреческий* характер, и самые подозрительные обряды не могут быть признаны колдовством, если они совершаются среди бела дня жрецами какой-либо религии перед собранием верующих.

Тем не менее, можно отыскать обстоятельства, смягчающие ошибку этнографов. Эти писатели не идут дальше времени, называемого «историческим», когда остались многочисленные осколки древнего религиозного синтеза, всё более и более дробящегося, Политеизм, не

⁸⁹ В то время не проводилось никакого различия между *приворотным зельем* и *ядом*. См. *La Magie chez les Chaldeens* (1874), *La Divination chez les Chaldeens* (1875). 2 vol. in-8, Maisonneuve, editeur.

осознаваемый своими ярыми приверженцами и даже жрецами, скрывал от их глаз католическую скинию Единства. Несомненно, что в те времена — особенно вокруг алтарей, посвященных богам аналитического и частного характера — публичный культ состоял из множества церемоний, характер которых может по праву показаться мрачным. Человеческие жертвоприношения, если взять только один знаменательный пример, были почти повсеместно освящены и узаконены жреческим символизмом, уже давно материализовавшимся, который развращенные или продажные жрецы всегда старались поддерживать на уровне своих страстей и вожделений — одним словом, своих крупных или мелких интересов.

С давних пор раздробленная схизмой, ересью и политическими распрями, теократическая конфедерация Овна прекратила свое существование; лишь несколько стран-обломков этой обширной религиозной империи оставались верны цельному учению, равно как и традиционному культу. Они по-прежнему противостояли, окаменевшие в своей незыблемой ортодоксии, приливу беззакония и развращенности, поднимавшемуся вокруг них всё более угрожающими волнами. Но во всех других местах свежее испеченные автократии, исполненные таких разногласий, что они не могли присвоить себе новых законов, обычаев и ритуалов, договорились, по крайней мере, ввести в свой общественный обиход и снабдить религиозной санкцией омерзительный принцип человеческой крови, проливаемой человеком ради божества.

Действительно, хотя и смутно раскрывая глубокий упадок эзотеризма (тщетно монополизированного схизматическими святилищами), этот нечестивый и святотатственный ритуал демонстрировал Великий Аркан, отныне не понимаемый в одном из своих самых возвышенных следствий: неизреченном тождестве *Великого Адама* и *Божественного Слова*, или, если хотите, человеческого синтеза в Боге, для которого Универсальный Человек⁹⁰ служит первым внешним проявлением, первым развитием исключительно сверхчувственного порядка.

Таким образом, если мы вступим в Цикл Ассура, эту проклятую эпоху, антиобщественной эмблемой которой вновь становится Зодиакальный Телец, после того как он служил много веков назад астрономическим иероглифом *Цикла Бхарата*⁹¹, то обнаружим, что человеческое жертвоприношение было введено жречеством на всех широтах.

От Индии, где Кали и Шива еще и сегодня требуют своей кровавой дани, до различных финикийских государств, где утробы чудовищ-

⁹⁰ Разумеется, мы рассматриваем здесь *Универсального человека* в качестве *Человеческого царства*, постигаемого в его принципе трансцендентной универсальности.

⁹¹ Начало *Цикла Бхарата*: 107 столетий назад, согласно откровениям непогрешимой брахманической хронологии.

ных Рутремов и гигантских Молохов поглощали в урочное время очередные партии человеческих жертв; до Кельтиды, где друидессы Тора и Тевтада нагромождали на мистический дольмен гекатомбы из героев; и у греко-латинских народов: от Эллады, принесшей в жертву Ифигению и выплачивавшей ежегодный «оброк» критскому монстру лучшими афинскими эфебами и девственницами; до цезаристского Рима, клавшего под сакральный нож галльских пленников, — сплошные потоки человеческой крови на алтарях всех народов.

Израиль также не избегнул этого нечестивого обычая, и, как насмешливо отмечает автор *«Науки духов»*⁹², «Бог евреев жаждал крови царей, и Иешуа приносил ему гекатомбы из побежденных монархов. Иеффай принес в жертву свою дочь, а Самуил разрубил на куски царя Агага на сакральном камне в Галгале... (стр. 218). Молох отличался от Иеговы лишь недостатком ортодоксии, и у Бога Иеффая были мистерии, подобные мистериям Бела (стр. 222)». Мы добавим также, не останавливаясь на этом слишком долго, чтобы не допустить бестактности, что аутодафе римско-католической Святой Инквизиции представляли некоторые черты сходства с идолом карфагенян, раскаленная бронзовая утроба которого вечно жаждала плоти и крови.

Но, возвращаясь к древним культам, мы воздержимся от подробного описания *жреческих*, в сущности, обрядов, которые, следовательно, никоим образом нельзя назвать колдовством как таковым. Вы могли встретить в другом месте, в предыдущей главе (*Дьявол*), беглый обзор этих мрачных божеств; ведь если человек, который, с согласия введенного в заблуждение народа, приносит в жертву своего ближнего на алтаре какого-либо идола, является жрецом, а не колдуном, то именно в этих идолах, в честь которых по религиозному обряду проливается вся эта кровь, следует видеть подлинные воплощения неопределенного и ужасного призрака, обычно называемого Сатаной.

Впрочем, ошибочно было бы полагать, что в эти века, когда у открытой религии были ритуалы, столь близкие к некромантии, некроманты оставались без работы. Между святилищем с золотыми канделябрами и сводчатой пещерой с черными свечами — постоянная вражда; иерофанты и колдуны всегда враждовали между собой, совершая зачастую родственные деяния.

В Греции адепты Гоэтии держали лавки с волшебными снадобьями. Одно зелье вызывало любовь, а другое — смерть; вот уж воистину, тайная связь тесно соединяет эти два суровых божества, верховных посредниц между Относительным и Абсолютным, конечным и бесконечным — между человеком и Богом!.. Тысячи суеверий

⁹² Элифас Леви, 1 vol. in- 8, Paris, 1865.

азиатского, и в частности фригийского, происхождения прижились под ясным небом Эллады. Офиогены с Геллеспонта, видимо, унаследовали от какого-то inferнального Орфея и обучили свою школу искусству околдовывать самых отталкивающих и самых страшных тварей: жаб и гадюк, аспидов и нетопырей.

Сама поэзия впитала в себя эту заразу: Эрато сделалась колдуньей. Не происходит ли слово *Charme* (фр., «чары»; «шарм») от *Carmen* (лат., «песня»; «стихи»), а *Incanter* (фр., «заклинать») — от *Cantus* (лат., «пение»)?:.. Ведь заклинания фессалийских женщин, искусно смешивавших в честь трехликой Гекаты коварные соки с отравленными речами, вошли в легенду:

Злосчастные цветы с величественной статью,
Вы в черной проросли и проклятой ночи
Под хищною звездой, в чудовищном объятье.

И к вашим именам утеряны ключи
С тех древних пор, когда о вашей грозной силе
Законы мудрецу велели: «Умолчи!»

Но Колхов тайный сказ и Египтян открыли,
Под сенью кровавой и мертвенной Луны,
Ваш корень — и волхвам находку подарили.

И, смешивая сок пьянящей белены
И лимфу мертвую при жизни белой кости,
Читали нараспев заклятья колдуны,

Готовя по ночам те зелья на погосте,
Что целомудрия лишали юных дев,
Вдруг оставлявших стыд и обнажавших устья...⁹³

Кто не знает ионийских легенд: какие чудесные метаморфозы совершались при звуках голоса волшебниц, и как их поэмы — если воспользоваться выражением г-на Роллина — *фантомизировали* всю Натуру! Мистические лампы зажигались в углах треугольников и в местах погребений; и тогда из могил выходили бледные полчища призраков, облачаясь в заемные тела, дабы сеять ужас. *Вампиры* (ставшие ныне *Бруколаками*) прятались в альковах, чтобы ровно в полночь высасывать кровь и силу людей — *sanguinem et robur*... Наконец, ошибочно было бы

⁹³ *Rosa Mystica*, par Stanislas de Guaita. Paris, Lemerre, 1885, in-12, page 101.

думать, будто изобретение Волка-оборотня приходится на средние века. Ликантропия была в те времена столь же обыденным явлением, и ее, возможно, еще больше страшились, чем в XV веке нашей эры.

Некромантия, подобно своим сестрам ликантропии и блужданиям вампиров, была связана с культом кровавой Гекаты. Древнее эллинское предание гласит, что для того, чтобы стать видимыми, призраки заимствуют флюидическую оболочку — или фосфоресцирующее тело — у самой субстанции лунных лучей. Процитируем по этому поводу полный текст заклинания, приведенного Оригеном (*Philosophumena*, стр. 72), которое можно перевести так:

«Приди, о трехликая Бомбо, инфернальная Богиня, земная и небесная; богиня дорог и распутий! Полночная врагиня света, приносящая, однако, нам свет, подруга и спутница Ночи!.. Ты блуждаешь среди теней и гробниц и любишь собачий лай и пары пролитой крови. Ты жаждешь крови и внушаешь ужас смертным... О Горго! Мормо! Многоликая Луна, одафи благосклонным лучом жертву, принесенную в твою честь!»

Что же касается самого жертвоприношения, то спросите у Феокрита, какие гнусные церемонии были, согласно сказаниям, самыми привычными: даже Шабаш, нечестивый средневековый Шабаш, не достигает такой степени омерзительности.

Гораций в Риме вторил эхом Феокриту, и итальянские обряды мало чем отличались от греческих; красочные картины латинского художника вызывают у нас точно такое же отвращение. Но для того, чтобы тошноту заглушил хохот, следует почитать Лукиана: какими «ремнями» он хлещет эту гнусную каналью, ловко сталкивая ужасное в «канаву» смешного! (Лукиан, «Лжепифок».)

Особенно на закате великой Республики, когда кровавое соперничество диктаторов позволяло предсказать близкое водворение Цезарей, всевозможные колдуны укрепились в Риме и в провинциях. Лязг оружия в период гражданской войны предвещал конец свободы, и час распущенности пробил. Мы видим, как самопроизвольно вылупливается целое поколение «ларв» ложного Оккультизма. Колдуны, гадатели, фригийцы, подпольно торгующие приворотными зельями, снадобьями и амулетами; лжеастрологи, так называемые халдеи, которых считали глубоко сведущими во всех тайных и запрещенных знаниях: подонки человечества заполонили великий город, находившийся в состоянии брожения. За неимением науки и морали, эти шарлатаны, набравшись наглости, жестко конкурировали с авгурами, фламинами и другими гаруспиками; народ склонялся к притворству, уже разочарованный в религии предков, — и цивилизованные покорители мира благосклонно принимали самые позорные суеверия побежденных варваров.

Но наибольшей популярностью пользовались прорицатели и астрологи: мы видим, как граждане приобретали по баснословной цене какие-то сборники загадок и справлялись в них в величайшей тайне, упорно считая их подлинными и бесценными копиями тех знаменитых свитков, которые Кумская сивилла сожгла, согласно легенде, в присутствии пренебрегшего ими Тарквиния.

Магия стала отравительной в Риме во времена Локусты, как в Колхиде и Фессалии — во времена Медеи. Смерть Британника, описанная Тацитом в мельчайших подробностях, свидетельствует о знании и использовании в правление Нерона токсических веществ, формулой которых мы больше не располагаем. То обстоятельство, что молодой человек упал как подкошенный, как только коснулся губами кубка, напомнило большинству схолиастов о *синильной кислоте* — единственном яде⁹⁴, известном в те времена, действие которого на организм было достаточно быстрым и объясняло совершенно определенную версию современников.

Но сама эта гипотеза представляется нам необоснованной. Мы помним, что император, из вероломства поистине изощренного и вполне способного отвести подозрение, пожелал, чтобы раб первым отведал напиток, который он предназначал для своей жертвы. Но Британник вскрикнул — настолько обжигающим показался ему напиток — и безо всякого недоверия долил в него холодной воды. Это было предусмотрено: отравленной была лишь холодная вода... Так смерть проскользнула — «украдкой», если можно так выразиться — в кубок императорского гостя.

Но цианистоводородная (или синильная) кислота является столь же летучей, как эфир. Смешанная с почти кипящей жидкостью, она тотчас испустила бы потоки едких испарений; и не только Британник зашатался бы и мгновенно задохнулся, не успев даже поднести кубок к своим губам; но удушье сразило бы самого виночерпия и, возможно, ближайших соседей принцепса. В любом случае, резкий и просачивающийся запах горького миндаля, заполонив всю залу, немедленно раскрыл бы, вызвав недомогание у сотрапезников, природу налитой жидкости. Судя по рассказам Тацита и Светония, ничего подобного не произошло.

Что же из этого следует? Означает ли это, что Локуста обладала секретом токсических веществ, неизвестных науке наших дней?.. Или, возможно, напиток, который она умела готовить, был *более* или *менее* обычным ядом в современном понимании этого слова?..

⁹⁴ Все вещества, способные, в крайнем случае, вызвать столь быструю смерть — *Никотин*, *Коницин* и *Нитрит Амила* — являются в равной степени летучими (особенно два последних), и все три обладают столь же сильным, сколь и разоблачающим запахом.

Теургическая школа неоплатоников, основанная в Александрии, с одной стороны, принадлежит истории Высшей Магии. Но при этом она увлекалась некоторыми более чем подозрительными практиками, и ее справедливо упрекали, несмотря на ее ученость, в наклонностях, запятнанных явным суеверием.

Те же самые претензии с большей справедливостью распространяются на различные школы гнозиса, включая наименее эксцентричные из них; возникшие при самом зарождении христианства, эти секты, под предлогом протеста *духа* против *мертвой буквы*, воплощали *Антихриста*⁹⁵ в Церкви, предопределив ее раскол. Если даже пренебречь этой основной точкой зрения, всё же нельзя отрицать того, что некоторые из этих раскольничьих общин почти тотчас же пристрастились к самым «черным» обрядам Гоэтии.

Симон-Волхв (человек величайшего обаяния, но, подобно большинству из тех, кого мы будем упоминать, страшный манипулятор астральными силами) стремился в обожествлении Елены, своей конкубины (воплощения Селены, или Луны), к оправданию грубости и разврата.

Негр Монтан превратил свое тело евнуха в подлинный «треножник», на котором сивиллы истерии, Максимилла и Присцилла, *его Голубки*, бормоча бессвязные слова, извивались в исступлении неосуществимой любви.

Маркион (возможно, самый виновный и, несомненно, самый ученый) основал секту *Офитов*. Он не только поднял свою скверную, заведомо кощунственную руку на один из неприкосновенных каббалистических покровов, но и материализовал самое грозное и самое оккультное проявление церемониальной магии, обобщив — в данном случае это означает: смешав — понятия *Агатодемона* и *Какодемона* в ставшей с тех пор двусмысленной форме змеи; наконец (мерзкая пародия!) он превратил сакрального *ὄφις* в физическое орудие самых гнусных мистерий!..

⁹⁵ *Spiritus qui solvit Christum...* мы уже знаем это глубокое определение Антихриста; это дух сектантства, нетерпимости, разделения... Разумеется, здесь не может идти речь об ортодоксальных гностиках: св. Иринея, св. Дионисия Ареопагита, св. Клименте Александрийском, Синезии и т. д.

Что же касается некоторых гностиков-раскольников, например, Маркиона и Валентина, то мы осуждаем их как сектантов, которые сами поставили себя вне единства; но мы не можем не признавать Знания этих эзотериков, которое всё еще сияет, пусть и смешанное с заблуждениями, под *эклектическим*, к сожалению, и, следовательно, нечистым покровом их символики. То же самое можно сказать о самом Мани: из всех сил оспаривая его доктрину (в особенности ошибочную в том ее превратном значении, которое должно было неизбежно быть принято), мы охотно приветствуем в нем прекрасного, но сбившегося с пути гения.

В другом месте дьякон Маркос, рукополагая в сан пророчиц и жриц Христа юных девушек, заодно лишенных им девственности и освященных, заставлял их подниматься на алтарь совершенно нагими и трепещущими от дыхания его уст: ведь этим нечистым дыханием ему удавалось разжечь в них пламя — часто, увы, двойное: магнетического *vaticinium*⁹⁶ и крайнего распутства.

Все они «продали» Священную Магию Злу, и некоторые из них — путем сознательной, поистине inferнальной извращенности... Это всего лишь примеры, взятые наугад, но их достаточно для того, чтобы заглянуть в бездны стыда и безумия, куда экзальтация мистицизма, *вначале почти всегда аскетического*, заставляла скатываться пылкие и благородные натуры, рожденные для жизненной борьбы: они захотели отвергнуть или, точнее, *одухотворить* Плоть, расплющив ее под давлением Духа; но сам Дух, снизойдя с высоты своего экстаза, пришел осквернить Плоть!..

В главе VI нам предстоит раскрыть великое множество аналогичных фактов, подлинность которых не может быть поставлена под сомнение! Мы предложим читателю целые «россыпи» современных гнусностей, проистекающих из мистицизма, обезумевшего от гордыни и бреда; ведь там, где гордыня сеет безрассудство, Сатана всегда пожинает позор.

Тогда-то нам и припомнятся знаменитые слова Паскаля: «Человек — не ангел и не зверь, и тот, кто хочет стать ангелом, становится зверем».

Мы уже говорили в другом месте⁹⁷: все ереси первых веков носили отпечаток самой черной гоэтии, и все ересиархи были колдунами. У этого есть глубокая причина: бунтари Духа, восставшие против Буквы, сформулированной наставляющей Церковью, они хотели стать магами первоначальной догмы, раскрытой в их эзотерике, хорошо или плохо ими понятой. Но они забыли, что, вызывая раскол, они действовали как анархисты и что их дело, в силу самого этого факта, было порочным в своей основе и бесплодным в своем зародыше.

Если мы хотим вылечить больного, то не следует сразу же ампутировать, дабы спасти его от заражения, единственный член, который болезнь еще не затронула: ведь больное тело, даже лишенное одного члена, может выздороветь, зарубцеваться и выжить; в то время как здоровый член, отделенный от тела, разлагается и погибает. Точно так же, если мы стремимся реформировать Церковь, необходимо, прежде всего, оставаться в Церкви; именно Она представляет собой живое существо и сам принцип Единства.

⁹⁶ пророческий, вещий дар (лат.).

⁹⁷ *Au Seuil du Mystere*, 2^e ed., p. 44.

Этого-то и не могли понять первые *протестанты*. Они стремились стать понтификами обновленного культа, но им выпала незавидная участь — умножить число проклятых сект⁹⁸.

В то время как война с арианством заливала кровью Европу, манихейство — христианское «переиздание» антагонистической догмы персов, искаженной менее чистым видением второго Зо-роастра — утверждало (как мы уже показали в предыдущей главе) равенство по происхождению и могуществу двух принципов: Добра и Зла, Божественного и Дьявольского глаголов, Христа и Антихриста⁹⁹.

Не признавать относительный и преходящий характер Зла — значит возводить обожествленному Злому Принципу храм и алтарь тьмы, подлинный «сборный пункт» для всех поклонников демона. Это значит заранее и вплоть до грядущих веков вербовать всех лжемистиков и колдунов.

Мы не закончим на этом исследование обманчивой и ускользающей ереси во всех ее разновидностях: сущность этих мистерий раскроется сама собой, когда мы будем изучать ритуалы и церемонии Шабаша. Мы решительно настаиваем на этом утверждении, каким бы оскорбительным и парадоксальным оно ни могло показаться. Альбигойцы, катары, вальденсы, севеннские трясуны и колдуны из Лабура были едва замаскированными манихейскими сектами; и процесс над тамплиерами-манихейцами¹⁰⁰ прольет для нас новый свет на инфернально-дуалистический характер этой чудовищной ереси.

Мы не сможем также проследить за ускользающей под этими масками личностью колдуна на протяжении всей истории средних веков и нового времени. Даже намеченная *currente calamo*¹⁰¹, подобная монография нашла бы двойное применение: сообщив в главе IV о некоторых наиболее известных процессах, неизменный исход которых оставил на всех страницах наших христианских анналов столько пятен крови, мы сможем отличить по характерным чертам подлинного колдуна от ложного.

Наименование *лжеколдун*, которое может удивить читателя, оправдывается само собой, когда мы задумываемся о том, что все великие

⁹⁸ Не вдаваясь в рассмотрение деяний и учения этих сектантов, можно лишь сказать, что они *a priori* были отмечены, по меньшей мере, одной характерной чертой, по которой мы узнаем колдунов: все они несли на себе антижреческое клеймо.

⁹⁹ Более подробно см. главу I, стр. 217—221.

¹⁰⁰ Глава IV: Человеческое правосудие.

¹⁰¹ бегло; экспромтом (лат.).

люди, если только они публично не смирялись с дурацким колпаком *doctor'a scholasticus'a*¹⁰², неизбежно обвинялись в колдовстве и ереси! Им грозили одновременно тюрьма, пытки и костер...

На всякое строптивное превосходство наклеивался роковой ярлык не только церковниками и их завистливой властью посредственности, но и судом светского мнения.

По месту и почет: Альберт Великий, Тритемий и Агриппа заслуживают того, чтобы быть названными в первую очередь. Они были магами; так почему было не сделать их колдунами?.. Сам Фома Аквинский (этот *Ангел Схоластики!*) не смог избежать подозрения в колдовстве, равно как и его современник, монах Раймунд Луллий из Пальмы — *просвещеннейший доктор*.

В атмосфере всеобщего недоверия мономаны демонологии не щадили даже папский престол. Надо полагать, что папы Сильвестр II и Григорий VII еще в XVII столетии считались приспешниками Беельзебута, раз ученейший Габриель Ноде доказывает их невиновность в превосходной и смелой книге, которую он опубликовал в 1625 году: *«Apologie pour tous les grands hommes qui ont este accuses de Magie»* («Апология всех великих людей, обвиненных в Магии») ¹⁰³. Мало того — эта книга была резко осуждена за скептицизм капуцином Жаком д'Отеном (настоящее имя — господин де Шеванн), автором вздорного in-4°, занимающего более тысячи страниц и носящего заглавие: *«L'incrédulité scauante et la credulité ignorante au suiet des magiciens et des sorciers»* («Ученое неверие и невежественное легкоеверие по поводу Магов и Колдунов») ¹⁰⁴.

Нет ничего более забавного, чем обвинения, выдвигавшиеся против всех гениев упрямыми маньяками сверхъестественного — обвинения, которыми возмущается почтенный Ноде. Мы приведем лишь два примера.

О *Корнелии Агриппе*: Дельрио сообщает, «что, будучи в Лувене, когда дьявол задушил одного из его воспитанников, он приказал ему войти в его тело и велел ему 7 или 8 раз обойти вокруг городской площади, прежде чем покинуть его, дабы его не покарали и не заподозрили в убийстве, тогда как весь народ сочтет эту смерть скоропостижной и естественной. Сюда же относится то, что Поль Жов говорит в своих «Славословиях», что он умирал в глубокой бедности и покинутый всеми в городе Лионе, и что, охваченный раскаянием, он отпустил своего большого черного пса, который следовал за ним в течение всей его жизни, надев на него ошейник, весь покрытый

¹⁰² доктор схоластики (лат.).

¹⁰³ Paris, 1625, in-8.

¹⁰⁴ Lyon, 1674, in-4.

магическими рисунками и фигурами, и сказав ему в приступе гнева: *Abi perdita bestia, quae me totum perdidisti*¹⁰⁵; после чего упомянутый пес пошел и бросился в Сону, и с тех пор его больше никто не видел и не встречал»¹⁰⁶.

О св. Фоме Аквинском: Ноде сокрушается по поводу того, что этому Отцу Церкви приписывают скверный гримуар «*De Essentiis Essentiarum*»¹⁰⁷, где говорится, что Авель заключил в камень трактат по астрологии! После потопа Гермес, придя, чтобы разбить камень, извлек из него эту книгу, «в которой было изложено искусство создания подобий под некоторыми созвездиями и планетами; и поскольку его занятиям мешал громкий топот лошадей, каждый день проходивших перед его окном на водопой, то он сделал подобие лошади, следуя правилам указанной книги, которое поместил на улице на глубине 2-х или 3-х футов под землей, и после этого конюхи были вынуждены искать другую дорогу, ибо они были больше не в силах заставить ни одну лошадь пройти по этому месту»¹⁰⁸.

Эти легенды наглядно показывают, что в те времена свирепствовала мания — подлинная нравственная эпидемия — повсюду видеть волшебников.

Об Агриппе рассказывают еще много других историй; но мы не станем загромождать эти страницы подобной дребеденью. Послушаем лучше Ноде: припомнив множество особых обстоятельств, делающих честь тому, кого тогда клеймили именем *архиколдуна*, в частности, о том, «что он был избран кардиналом Святого Креста для присутствия на Церковном соборе... что Папа написал ему письмо, призывая его продолжить делать то, что он начал, что Кардинал Лотарингии пожелал стать крестным отцом одного из его сыновей во Франции... и т. д... и, наконец, что он был близким другом четырех кардиналов, пяти Епископов и всех ученых людей своего времени... что Поль Жов называет

¹⁰⁵ Прочь, погибшая тварь, погубившая меня полностью (лат.).

¹⁰⁶ Naude, *Apologie* (edition de Paris, Besogne, 1669, pet. in-12, page 305). Имея под рукой только это парижское издание 1669 года, я постоянно указываю именно его пагинацию.

Боден сообщает ту же историю, но с одним разночтением: «Черный пес Агриппы, которого он называл Хозяином, тотчас после того, как Агриппа умер в больнице Гренобля, пошел и бросился в реку на глазах у всех, и с тех пор его никогда не видели (*Refutations des opinions de Jean Vvier, supplement a la Demonomanie des Sorciers*, Paris, 1587, in-4, page 241)». Таким образом, Жов и Боден единодушно признают чудесное самоубийство несчастного пса; но они не могут прийти к общему мнению по поводу города, где умер Агриппа: один ратует за Лион, другой — за Гренобль... Всё это весьма характерно!

¹⁰⁷ «О сущностях сущностей» (лат.).

¹⁰⁸ *Apologie*, page 350.

его *portentosum ingenium*¹⁰⁹, что Жак Гогори помещает его *inter clarissima sui saeculi lumina*¹¹⁰, и что Луд Увигиус называет его *Venerandum Dominum Agrippam, litterarumque omnium miraculum et amorem bonorum*, и т. д...»¹¹¹, Габриель Ноде, которому не изменяет логика, «охотно спросил бы у Дельрио... почему суждение Папы, авторитет стольких Кардиналов и Епископов, покровительство двух Императоров и множества Королей не могут служить хорошими и законными доказательствами его невиновности...»¹¹²

Все эти цитаты преследуют единственную цель — показать читателю, какими обвинениями пытались тогда очернить и какими аргументами старались защитить память о таком ученом, как Генрих Корнелий Агриппа... И вся эта борьба разворачивалась еще в конце XVII столетия!

И последний штрих, способный раскрыть состояние умов в эту эпоху: «Николаю Ремигию, судье по уголовным делам из Лотарингии, приказавшему сжечь заживо восемьсот женщин, магия мерещилась повсюду: это была его навязчивая идея, его мания. Он призывал к крестовому походу против колдунов, которыми, по его мнению, была наводнена Европа. В отчаянии от того, что ему не поверили на слово, когда он утверждал, что почти все люди виновны в колдовстве, он, в конце концов, донес на самого себя и был сожжен в соответствии со своими же собственными признаниями»¹¹³.

Подобные факты можно считать типичными; и они настолько красноречивы, что не нуждаются в комментариях. Если верить Фердинанду Дени¹¹⁴, толковому собирателю всех древних летописцев, в правление Карла IX в Париже насчитывалось более тридцати тысяч колдунов.

Если же быть беспристрастным (и даже делая большую скидку на преувеличение современников, вызванное всеобщей манией повсюду видеть посланников ада), приходится признать одну вещь: эта эпоха просто кишела колдунами, и отсюда понятен ужас народа; чего не скажешь об ослеплении судей, которого мы не осознаем, сожалея о нем. Дело в том, — и мы не устанем это повторять, — что колдовство — не пустой звук; порча, чары и сглаз во все времена обладали и по-прежнему обладают грозной реальностью... Обви-

¹⁰⁹ необыкновенным талантом (лат.).

¹¹⁰ среди ярчайших «светил» своего поколения (лат.).

¹¹¹ Naude, *Apologie pour les grands hommes*, etc., p. 294.

¹¹² *Ibid.*, page 296.

¹¹³ Eliphas Levi, *Rituel de la Haute Magie*, page 290.

¹¹⁴ *Tableau historique et philosophique des Sciences occultes*. Paris, 1842, in-32, page 159.

нениями в черной магии, несомненно, злоупотребляли, и мы еще приведем поразительные примеры; но может ли это служить основной причиной для утверждений о том, что колдовство *всегда* было лишь мечтой; что *все* чародеи — жалкие и беспомощные фигуряры; а околдованные *всегда* были несчастными жертвами своего больного воображения?

Слепцу, который поддерживал бы подобный тезис, современная наука — да-да, сама университетская наука — могла бы представить ежедневные опровержения. Не ссылаясь здесь на неоспоримую реальность оккультных феноменов, которые повергли бы в ужас «докторов» спиритизма (их-то, утверждающих, что они ничему не удивляются!), я прошу недоверчивую публику попросту обратиться к экспериментам докторов Льебо, Бернгейма, Бони, Шарко, Люи и других корифеев университетского образования.

Я заявляю прямо: всякий, кто, познакомившись с фактами, научно зарегистрированными этими мэтрами гипнотизма, и немного поразмыслив над сущностью этих феноменов, по-прежнему отрицает возможность колдовских чар, в моих глазах лишен здравого смысла или чистосердечия... Я надеюсь доказать это в свое время и в своем месте; но здесь подобная дискуссия стала бы отступлением от темы.

Я возвращаюсь к своему предмету, и предо мной предстает колдун, каким его знавали наши предки в XII—XVII веках. Это «средний», поистине классический тип: мне не терпелось до него добраться.

Мишле посвящает ведьме всю свою удивительную монографию целиком¹¹⁵: «На одного колдуна (пишет он) приходится десять тысяч ведьм». Небольшое преувеличение!¹¹⁶ Статистика судебных приговоров свидетельствует о другом. Мишле, как всегда, слегка подтасовывает факты, чтобы насильно подвести их под свой тезис, всегда предвзятый, но при этом весьма красноречиво отстаиваемый. Как бы то ни было, предубеждение, очевидное на каждой странице, сильно вредит правдоподобию, а порой даже занимательности его картин; и если он создал в итоге замечательное произведение, то лишь потому, что любая, даже иллюзорная картина преобразается под дыханием дикарской поэзии, которой она пронизана.

Впрочем, какая разница — ведьмы или колдуны? Вопрос стоит следующим образом: кто такой *колдун*, мужского либо женского рода?

Будем судить о дереве по его плодам.

¹¹⁵ *La Sorciere*. Paris, Hetzel, 1862, in-12.

¹¹⁶ Что ведьм было намного больше, чем колдунов, это достоверный факт. Неверна лишь пропорция.

Несомненно, проще всего было бы привести длинные и сбивчивые описания Бодена или любого другого демонографа; но мы считаем, что лучшее средство знакомства с колдуном — вывести его на сцену во время исполнения его печальных обязанностей в обстановке *пре-словутого шабаша*.

Предлагая читателю «карандашный набросок» шабаша, мы позволим его воображению воскресить этих безумцев в том фантастическом окружении, где творилось их безумие... Ведь важно учесть, что все невероятные рассказы, своеобразное резюме-синтез которых мы собираемся сделать, вышли из уст самих подсудимых, преследуемых за преступления, связанные с колдовством; они были взяты из их признаний, часто добровольных и не всегда вырванных-под пыткой. Более того, обвиняемые заранее знали, что подобные признания обрекали их на неизбежную смерть и приговаривали их к жуткой казни на костре без возможности помилования¹¹⁷.

Не всякое дерево, говорил Пифагор, подойдет для того, чтобы вырезать из него Меркурия; точно так же не всякое место пригодно для того, чтобы воскрешать на нем еженедельные сборища¹¹⁸ колдунов и злобных духов, названные *шабашами*.

Есть места, где природа-мать словно бы улыбается своим детям и на немом языке вещей говорит им о надежде и счастье. И есть также бесплодные и опустошенные местности, внушающие человеческому сердцу лишь разочарование, ужас и безумие...

ШАБАШ

Любители «охотиться» за маргаритками часто встречаются на поросших травой холмах кругообразные полосы темноватой зелени, где более густая растительность наполовину выше. Очень часто в форме полукруга, а порой развернутые полной окружностью, эти полосы различаются по диаметру и ширине: кажется, словно они нарисованы с помощью циркуля, и осенью на них багровеет «царский венец» мухоморов и прочие «криптограммы» ярких расцветок.

Старинное предание гласит, что там, при свете луны, водили хоровод Феи...

И поскольку Феи — невинные, игривые божества Натуры — всегда ходят с волшебной палочкой в руке и доброжелательной улыбкой на устах, их безудержная радость изливается вокруг них чудесными дара-

¹¹⁷ Иногда они добивались того, что палач душил их, прежде чем бросить в огонь.

¹¹⁸ По утверждению некоторых авторов, проводились два раза в неделю.

ми, и под их легкими шажками обильно растет трава, а ночь озаряется фосфоресцирующими отблесками их серебристого полета... Они — сама жизнь, воплощенная в великолепии женских форм; они — Любовь, оплодотворяющая всё лучом своего нежного взора!

...Но не встречал ли ты рядом с бесславными развалинами, где бродят злые духи, вокруг заброшенных кладбищ или на откосах обваливающихся утесов, неровные дорожки, где никогда не растет трава, словно бы какое-то нечистое дуновение пронеслось над полем и сделало его бесплодным?

Иди вперед: ледяное дыхание пробежало по твоим волосам... Двигайся вдоль этого густого кустарника зловещего вида; безошибочный инстинкт поведет тебя с помощью дрожи... Оставь слева от себя *пруд колдунов*, это углубление с застоявшейся водой, которое скрывают ветви ивы с поблекшей листвой. Бесхитростные народные предания запрещают тебе приближаться к нему: эти болота, затененные тусклыми и очень низкими кустами — «отдушины» преисподней! Ах, феи! Добрые феи! Вы здесь не живете: но где же вы?

Ты ничего не почувствовал? Фантом схватил тебя за руку; это он ведет тебя, и ты молча подчиняешься его пожатию... Вы поднимаетесь по крутому склону, где рыжие кусты похожи на призраков, сидящих на корточках в сумеречной мгле.

Вам еще нужно пересечь складку местности; но вот ты и на гребне холма: тропинка ведет к пустынной песчаной равнине; трава очень редкая и местами пожелтевшая...

Перед тобой возвышается дикарское сооружение... Подойди ближе — это дольмен: ты видишь гигантский камень, на котором сакральный нож друидов обагрался кровью предписанной жертвы, принесенной в честь Тора и Тевтада.

Внезапно наступила ночь.

Но вот зловещий и кровавый отблеск озаряет древний алтарь кельтского Молоха. Похоже на кровь, и, возможно, это она и есть!

Полноте! Ярко-красная луна поднялась вдалеке над горизонтом лесов; сцену заливают странный свет; воздух тяжелый, зловонный и затхлый...

И, словно тихий вздох хладеющих углей,
В долине нежилой, пустой и странноватой,
Вдруг молчаливый ветер, погибелью чреватый,
Подул над зеленою разреженной полей...¹¹⁹

¹¹⁹ Maurice ROLLINAT: *Les Neuroses*. L'allée des Peupliers.

Теперь, когда огромная, медленно восходящая луна хорошо освещает равнину, ясно обрисовывая предметы, которые вначале виднелись неотчетливо... скажи мне, тропинка ли — эта круговая полоса, опоясывающая дольмен?

Это не тропинка. Трава там подстрижена и словно бы вытравлена едкими испарениями на уровне почвы. Это — полная противоположность круга фей.

Плодородие и жизнь исчезли.

Еще несколько минут, и смерть изрыгнет всех призраков своего царства¹²⁰: это неясные ларвы, которые колеблются и с трудом уплотняются; летающие жабы, крокодилы с горящими и внезапно меняющимися глазами; драконы с пастью гиппопотама и крыльями летучей мыши; огромные кошки с мягкими и переменчивыми лапами, похожими на щупальца осьминога... Вот спускаются совершенно нагие женщины, вопящие, свирепые и всклокоченные, гарцуя на метле, которая то брыкается, то артачится...

Мы на Шабаше!

.....

Ведьма читает заклинания, присев на корточки у подножия дольмена: пучок прутьев загорелся в ее правой руке; она окунает два пальца левой руки в керамический кувшин у себя между коленями. «Ай Сарай! — восклицает она — Ай Сарай!..»¹²¹ Со дна кувшина поднимается свет, и оттуда выскакивает маленький зверек, легкий и прыткий, величиной с белку: это Мастер Леонард.

Ведьма встает в знак уважения. За одну секунду Леонард вырастет на два метра; теперь это отвратительный козел с витыми рогами. Туманное свечение, которое испускает всё его тело, подобно тусклой атмосфере, расходится спиралями и чрезвычайно смердит.

Множество блуждающих огоньков порхает то тут, то там по равнине. Вдруг один из них устремляется вперед и, потрескивая, внезапно опускается между рогами Дьявола.

Ведь этот Мастер Леонард — Дьявол!..

¹²⁰ Наши сведения почерпнуты у великого множества авторов. Указание авторства по каждому поводу было бы слишком утомительным и невыносимым... каждую строчку пришлось бы снабжать сносками.

Обратитесь, прежде всего, к BOGUET, *Discours execrable des Sorciers*. Lyon, 1610, in-8; Nicolas REMIGIUS, *Demonolatria*. Lugduni, 1595, in-4; BODIN, *Demonomanie*. Paris, 1580, in-4; LE LOYER, *Histoire des spectres*. Paris, 1605, in-4; Jacques d'AUTUN, *La Credulite scauante*. Lyon, 1674, in-4; DEL RIO (traduit par Du Chesne), *Controuerses magiques*. Paris, 1611, petit in-8; BINSFELDIUS, *De confessionibus maleficorum*, August. Trev..., 1591, in-8; TAILLEPIED, *Apparition des Esprits*. Paris, 1588, petit in-12; DOM CALMET, *Esprits et Vampires*. Paris, 1751, 2 vol. in-12; GARINET, *Histoire de la Magie*. Paris, 1818, in-8; MICHELET, *La Sorciere*. Paris, 1862, in-12; Paul ADAM, *Etre*. Paris, 1888, in-12.

¹²¹ Искаженное древнееврейское אלה אשר אלה (Эхуех ашер Эхуех: Бытие есть Бытие).

С четырех сторон горизонта бегут и с четырех сторон воздуха обрушиваются вперемешку колдуны, ведьмы и демоны. Небо исполосовано летящими духами, и под горящим взором Гекаты синеватый воздух постепенно темнеет, а земля заволакивается движущимися, пересекающимися тенями.

— *Хар! Хар! Шабат!..* — вопят вновь прибывшие, толпясь вокруг Мастера, который с вежливой предупредительностью предлагает каждому из них по очереди поцеловать свой зад. Но вместо тощих ягодичек козла перед нами предстает юное лицо дивной красоты — и все участники принимают ласковый поцелуй его свежих и живых губ.

Костры из вереска и кипариса загораются по всей равнине: они пылают и сверкают множеством цветов. Неторопливые мелодии, словно бы издаваемые невидимой губной гармоникой, роняют свои переливистые ноты плавного звучания и невыразимой чистоты...

Они составляют странный контраст с завываниями завсегдатаев.

Но вот Мастер Леонард, приняв знаки уважения от своих преданных слуг, напускает на себя скучающий вид; он презрительно поднимается на высокую позолоченную кафедру, которой друидический алтарь служит подножием: он возвышается над всем сборищем.

Впереди стоит Церемониймейстер с командирской палочкой в руке. Тогда-то начинается поименная перекличка и проверка меток или стигматов.

И вот с севера, подобно урагану, прибегает черный баран с наливыми кровью глазами. Он блеет, пытаясь успокоить ту, кого он везет на себе: прекрасную обнаженную девушку¹²², сидящую на его мягком руне. Она жестоко терзается и рыдает... Это долгожданная жертва, *Королева Шабаша*.

Участники толпятся вокруг нее, проявляя все признаки почти-тельного нетерпения. Она слезает с барана и под шумные приветственные возгласы скрывает свой стыд за длинными спутанными волосами.

Церемониймейстер торжественно поднимает свою золотую палочку; Дьявол встает и приветствует юную девушку; наконец, он спускается с кафедры: *Черная месса* начинается.

Смиранные сатиры вырыли с левой стороны яму в земле: Леонард важно направляется к ней, чтобы помочиться первым. Руководители сборища следуют его примеру. Это — очистительная вода для окропления, которая используется для крещения вновь прибывшей. Затем

¹²² «Все те, кому присваивали титул Королевы, отличались от других какой-то особенной красотой» (Pierre de Lancre, *Inconstance des demons*. Paris, Buon, 1612, in-4, page 223).

ведьмы, окунув во влагу два пальца левой руки, благоговейно крестятся в обратную сторону.

И вот процессия вновь приходит в движение. К алтарю Тевтада подводят девственницу, которую должен посвятить Козел; она проходит там одно за другим все таинства преисподней.

После этого ее натирают мазью из шпанских мушек и дурмана: приятное опьянение постепенно охватывает ее несчастное тело, еще не знакомое с судорогами, и вот она уже безумно извивается, еще целомудренная, но уже в плену автоматически возникшего желания.

Перед *Входной молитвой* Сатана приказывает, чтобы увели детей, слишком юных для участия в великой мистерии — великом свято-татстве всеобщего любовного причащения. Они спускаются к *прудам Дьявола* с прутиками в руках, чтобы пасти там стадо бесчисленных жаб, крещенных и одетых в зеленый бархат или алый шелк, с колокольчиками на шеях.

Между ними и Великим сборищем *духи Аэра* ткут густое облако, и Леонард переходит к *Коронованию* вновь прибывшей.

Поваленная на алтарь, напуганная и запыхавшаяся, она принимает страстный поцелуй божества. Страшный разрыв, ожог от раскаленного железного кола, а затем тотчас же — ужас обильного, ледяного разлива...¹²³

Но будем краткими! Все демонологи увлекаются слишком добросовестными деталями¹²⁴, которые мы не собираемся воспроизводить.

Разнузданный хоровод, извивающийся вокруг этой четы с криками бешеной радости, смешивает, нивелирует пол и социальное положение. Цепочка размыкается лишь для внебрачных, кровосмесительных и содомитских утех, рассыпаясь по равнине при свете луны... Наибольшим почтением пользуется инцест, ведь благодаря ему Шабаш становится вечным «рассадником» Сатаны: «Никогда не было ни одного отъявленного колдуна или чародея, которого не породили бы отец с дочерью или мать с сыном»¹²⁵.

¹²³ Igneam esse diaboli mentulam, frigidum ero semen ejus, Sabbathi meretrices una voce confitentur. («Член дьявола был огненным, а его семя — ледяным, в один голос утверждают участницы Шабаша».)

¹²⁴ Мы приведем лишь одну, по-латыни: «Aliquid turpissimum (quod tamen scribam), astruunt: videlicet daemonem incubum uti *membro genitali bifurcato*, ut simul utroque vase abutatur».

Эта цитата из Сильвестра Приериса говорит о многом: при чтении этой неопишуемой мерзости, взятой наугад среди множества других, нетрудно представить себе, какими могут быть остальные.

¹²⁵ Bodin, *Demonomanie des Sorciers*, livre IV, ch. V.

Тем временем на самом теле новоиспеченной жрицы — этом трепещущем алтаре — *Смрадный козел*¹²⁶ совершает священнодействие: он приносит зерно в жертву *Духу Земли*, обеспечивающему урожай, и выпускает маленьких пташек, которые, пересекая ночное небо, доставляют просьбы участников *демону Свободы*.

Затем на окровавленной спине жрицы замешивают, пекут и освящают символический пирог: это — *Confarreatio*, гостия нечестивой любви, приношение вселенского зла, инфернальное причастие, которое раздают всему собранию...

Настал час братского пиршества, и малолетние пастушки приводят с пастбища стадо жаб, доверенное их бдительным заботам.

Старые фурии, для которых любовь — лишь бесполезное воспоминание, приготовили различную пададь и зажарили вместе с волшебными травами младенцев, умерших до крещения.

По кубкам разливается мед: участники пируют и напиваются вкруговую. Чудовища-гермафродиты, чертенята под разнообразными масками подают адские пирожки на столы, где крестьянин братается с Сеньором и Прелатом и где самые надменные дамы соседствуют с мужланами и мужланками. К чему кастелянам презирать вилланов?.. Дворяне и простолюдины — все вперемешку, не смешало ли великое слепое Сладострастие их кровь и их слюну?..

Большое свинцовое облако поглотило луну. Лишь пламенеющие костры освещают равнину.

И тогда дважды слышится жуткий и невнятный голос, хриплый и озябший: «*Отомстите или умрете!*» И тотчас же, подняв мохнатый хвост, которым он прикрывал свой самодовольный срам¹²⁷, Леонард роняет под себя одно за другим черноватые зерна... а затем зловонные порошки. Большие куски полотна развернули, согласно обряду, чтобы собрать этот помет, имеющий различную ценность; это яды, эликсиры и зелья, которые вызывают любовь, безумие, смерть, а также таинственные исцеления... Некоторые из них делают бесплодными поля, а другие заражают воздух и вызывают эпидемии. Их раздают всем подряд.

Наконец, осмелев и лихорадочно возбуждшись, поднимается Королева Шабаша с разметавшими волосами и раскатистым голосом, грозя небу кулаком вопиет. «*Гром Божий, — кричит торжествующая жертва, — Гром Божий, разрази меня, если посмеешь!..*» Затем она бросается на одну из жаб и яростно разрывает ее своими зубами: «*Ах, Филипп! Попадись ты только мне!..*»

¹²⁶ Я ничего не придумываю: *Lancré, Inconstance*, предисловие, в конце.

¹²⁷ *Immane scrotum, torvamque mentulam*. («Огромная мошонка и искривленный член».)

Тем временем горизонт бледнеет в первых лучах зари. Внезапно Козел превращается в гнусного, совершенно черного петуха с огненным гребешком — и слышится грозное *кукареку*.

Участники сбора спешно разбегаются, и всё исчезает...

Не следует полагать, что в это краткое описание можно было вместить все те нелепости и, в особенности, все те мерзости, которыми изобилуют сочинения Боденов, Ланкров, Дельрио, Боге, Шпренгеров, Михаэлисов и прочих демонологов.

Не говоря уже о нескончаемой главе о сладострастных утехах — сокращенной нами до нескольких, облагороженных, к тому же, строк, — мы ничего не сказали о пляске жаб, о жалобах, которые высказывали эти занятные зверушки против ведьмы, слишком заботящейся об их бесценном здоровье, о признании дьяволу в грехах, которые участники забыли совершить, о периодической жатве человеческой плоти под виселицами и о других бесконечных подробностях в столь же «изысканном» вкусе.

Нашей заветной целью было воссоздать эту трагикомедию в ее целостности: само собой разумеется, что, стараясь логически сгруппировать основные сцены, мы не могли примирить мнения всех авторов. Вместо того, чтобы договориться по поводу распорядка церемонии, каждый из них искусно переставляет различные этапы, из которых она состоит. Суть остается у всех неизменной; но что касается некоторых формальных деталей, то было бы трудно добиться полного согласия.

Мы подробно исследуем в книге II, что может быть реальным в этой цепи сказочных фантасмагорий — где каждый увидит, в зависимости от точки зрения, самую чудовищную драму или же самую бурлескную пантомиму.

Для полноты картины расскажем в нескольких строках о том, что народные предания говорят о *Вызывании*, *Договоре* и *перевозке на Шабаш*.

Элифас Леви в своем «*Ритуале Высшей Магии*»¹²⁸ добросовестно перечисляет диковинные, отвратительные и смехотворные церемонии, которые требуются в Гоэтии для заклинания Демона¹²⁹. Мы отсылаем к ним исследователей, интересующихся детализацией такого рода. Но абсолютные правила созданы для того, чтобы их нарушать, а настоятельные предписания издаются для того, чтобы их обходить, — и в действительности колдун никогда или почти никогда не пользовался этим аппаратом, для того чтобы заставить Сатану появиться.

¹²⁸ Стр. 208—238.

¹²⁹ См. главу V, пункт «*Вызывания*».

Анналы колдовства изобилуют рассказами о вызывании, которое проходило вполне успешно безо всех этих избыточных мизансцен. Мы видим даже, как Дьявол появляется, хотя мы и не собирались к нему обращаться, и восклицает громовым голосом: «*Зачем ты меня вызывал?*»¹³⁰ Чаще всего героем такого приключения становится бедняга-школяр, который — из любопытства — пробегает глазами гримуар, случайно попавший ему в руки... Любопытство и случай — подлинные «кузнецы» несчастья! Дьявол, этот хитрец и, сверх того, неуживчивый малый, расширяет глаза и говорит страшным голосом: он не желает, чтобы его беспокоили по пустякам; он угрожает, рвет и мечет. Одним словом, он требует, чтобы мы связали себя с ним добровольным пактом.

Бедняга, проявивший неосторожность, дрожит как осиновый лист и не знает, как выйти из этого затруднительного положения. Но Сатана, внезапно смягчившись, принимает отеческий тон и делает ему самые соблазнительные предложения. Нет такой редкостной и желанной вещи, которую он не обещал бы ему, при условии, если... Ах, сущая безделица! Ему нужны лишь две строчки обязательства, подписанные этой всё еще дрожащей рукой.

А вот и *Договор*! Через четыре, десять или тридцать лет демон завладеет телом и душой школяра, обязуясь в течение этого срока служить последнему всеми своими средствами и защищать его со всем своим искусством. Мошна бедняги станет неистощимым кладезем дублонов и пиастров; он будет обольщать с одного взгляда самых недоступных женщин; переноситься в любое место со скоростью мысли; и какими бы ни были его желания, они будут исполняться, как только он выскажет их в своем сердце. Предложение заманчивое; несчастный не в силах перед ним устоять. Он подписывает своей кровью эту долговую расписку в двух экземплярах: один из них уносит с собой Дьявол; что же касается второго, то — о чудо! — когда школяр прикладывает его к следу от булавочного укола на своей руке, он проникает в тело, не расширяя царапину, которая, наоборот, мигом затягивается.

Желающие узнать эпилог такого рода приключений (в строгом соответствии со знаменитой Легендой) могут прочесть для руководства редкое и любопытное произведение Пальма Кайе: «*Histoire prodigieuse et lamentable de Jean Faust, grand Magicien, et sa vie eprouventable*» («*Чудесная и жалостная история Иоганна Фауста, великого Мага, и его ужасной жизни*»)¹³¹.

¹³⁰ Между нами говоря, я думаю, что если Дьявол появляется, когда его не звали, то он, как правило, отказывается приходить, когда его зовут. В обоих случаях для того, чтобы он побеспокоился, необходимо *предопределение*.

¹³¹ Cologne, heritiers de Pierre Marteau, 1712, petit in-12, с гравюрой на фронтисписе, которую мы воспроизводим на соседней странице.

Перед нами типичный образец почти всех легенд о вызывании: их суть никогда не меняется, а форма варьируется незначительно.

Здесь мы встречаемся с тем, что можно назвать «случайным» вызыванием; зато договор добровольный и ясно выраженный.

Следует сказать, что богословы охотно различают договор выраженный, или *формальный*, и договор фактически (*ipso facto*) не выраженный, или *молчаливый*. По их мнению, отведав яблока, наша праматерь Ева заключила с Демоном молчаливый договор...

Но довольно схоластических придилок! Нам остается сказать несколько слов о *перевозке колдунов* на Шабаш. Ее способ различается в зависимости от автора и страны: гибкая личность Дьявола готова к самым разнообразным применениям; его поведение меняется вместе с людьми, которых он замышляет соблазнить.

Порой ведьма чувствует, как ровно в полночь ее поднимает какая-то неведомая сила и несет по воздуху со скоростью ветра до самого места Шабаша. А иногда сам Сатана отчетливо является ей в облике козла или барана; затем сажает ее себе на спину или между рогами и уносит ее, как сказано выше, через отверстие дымохода. В другом месте он сообщает известные свойства помелу: в руках своей хозяйки эта скромная домашняя утварь становится в урочный час неутомимым, быстрым и верным верховым «животным».

Но за пару часов до похищения (каким бы образом оно ни совершалось) тот или та, кто хочет отправиться на Шабаш, должен (должна) натереть свое тело, особенно бедра, живот и пах особенной мазью — ее состав немного варьирует, — которой Сатана и его пособники постоянно снабжали «верных Синагоги»¹³².

Пусть читатель не забывает об этой особенности; это основной момент, который необходимо принять во внимание... Во второй книге мы еще вернемся в надлежащем месте к вопросу о магических мазях; мы даже обещаем сделать по этому поводу любопытные и неожиданные открытия.

Иногда кандидаты на inferнальные пиршества увеличивали чудодейственную силу мази с помощью тайных свойств некоего «электуария», который они глотали в форме довольно большой пилюли. Все эти крайне интересные подробности нуждаются в отдельном и самом серьезном рассмотрении; здесь же мы лишь указываем на них.

Ввиду того, что в главе VI «Храма Сатаны» читатель получит сведения о проблеме колдуна в его самых новейших воплощениях, мы

¹³² Название Шабаша в некоторых процессах по колдовству.

не будем ее здесь касаться и приведем в завершение рассказ об одном странном приключении, услышанный от самого лотарингского крестьянина, с которым оно произошло.

Мы приведем его, насколько это будет возможно, в тех самых выражениях, в которых он был нам рассказан. Мужчине около тридцати пяти лет.

«Это случилось со мной еще в детстве, сударь: тогда мне было лет пять-шесть. Это было в Куттинге (деревня в аннексированной Лотарингии) осенью 1859 года. Однажды вечером, когда небо было черное, как смола, мы гуторили по-семейному у очага на кухне, как вдруг снаружи слышалась *очень чудная музыка*¹³³. Как будто бы полтора-два десятка человек запели *тонюсенькими голосками*¹³⁴. Песенка состояла всего из двух-трех нот, но в ней была своя прелесть; само ее однообразие производило глубокое впечатление¹³⁵.

Я выбежал на улицу, но никого не увидел. Голоса доносились с очень большой высоты; они становились всё отчетливее, как будто бы хор приближался к нам.

Я сильно испугался, и даже слова моей матушки не смогли меня успокоить: «*Будь начеку, сынок, это Высокая Охота* (так у нас называют поездку по воздуху колдунов и ведьм, отправляющихся на Шабаш)».

Переборов страх, я принялся *глумиться*¹³⁶ над этими чудищами и браниться на них; и вдруг пение затихло. Когда я уже собирался вернуться домой, мне на фуражку упала человеческая кость и чуть меня не пришибла; но я так и не решился взять ее в руки, так жутко от нее смердело.

Моя матушка была такая же перепуганная, как и я: в наш дымоход насыпалась целая куча падали и вывалилась из очага ей под ноги.

Меня больше никогда не брали *глумиться над Высокой Охотой!*..»

К этой истории мы не прибавим ни слова комментария. Мы приводим ее такой, какова она есть, полагая, по крайней мере, что рассказчик — человек искренний и убежденный в своей правоте.

¹³³ мелодия.

¹³⁴ фальцетом.

¹³⁵ Здесь я пытаюсь как можно точнее перевести длинные описательные выражения крестьянина.

¹³⁶ Насмешливо передразнивать.

Как мы уже говорили, колдун тоже искренен: большую часть времени твердо веруя в своего демона — своего владыку — он прорицает, сулит, угрожает и проклинаят именем Ада... И несмотря на то, что его могущество основано на вере в ложь, оно вовсе не тщетно¹³⁷.

«Вера двигает горы», — говорил Христос... Скверная же вера у этих людей! — подумаете вы. Согласен; но, скверна она или нет, слепа или просвещена, пассивна или активна, это всё же ВЕРА.

Идет ли речь о маге или колдуне, не ищите тайну *Оккультной силы* где-нибудь в другом месте.

Она здесь.

¹³⁷ Мы не собираемся утверждать, что могущество колдунов распространяется на все те деяния, которые мы им приписали, имея под рукой предания. Это станет ясно из дальнейшего: быть может, в глубине души мы были еще менее легковерными, чем большинство тех, кто открыто заявляет о своем недоверии.

ИМПЕРАТРИЦА = ТЕРНЕР = СВЯЗЬ = СЛОВО...

КОЛДОВСКИЕ РАБОТЫ

ГЛАВА III

КОЛДОВСКИЕ РАБОТЫ

Но мы обсуждаем не Мага: речь идет о Колдуне. Теперь, когда нам известен работник, пора перейти к его работам. Они и станут темой этой главы.

Мы приступаем к колдовству, которое можно назвать использованием во зло оккультных сил природы.

Недавно, набрасывая силуэт Дьявола и портрет колдуна, мы уже вплотную затронули тему нынешнего рассуждения. Это понадобилось для того, чтобы сделать первые страницы нашей книги более увлекательными. В частности, в картине Шабаша мы обобщили и конкретизировали церемониал некоторых колдовских чар, совершаемых в традиционном порядке их следования.

Но за синтезом, задача которого — соединить детали в гармоническую, целостную картину, должен следовать анализ, который, вновь выдвигая эти различные объекты один за другим на передний план, возвращает их контурам четкость и характерность, а их поверхности — всё разнообразие нюансов и оттенков... Одним словом, мы должны были приберечь для этого времени детальное рассмотрение колдовских чар и скрупулезное описание привычных ритуалов черного мага.

Чтение требника — дело нелегкое, а наша нынешняя задача — вкратце изложить требник самого скверного из понтификов. Нам не хотелось бы, чтобы доброжелательное внимание публики слишком утомила безжалостная монотонность подобного перечня. По крайней мере, мы попытаемся развеять его дидактическую скуку с помощью нескольких забавных историй.

Нужно ли напоминать, что мы пока отказываемся от всякого пояснительного комментария? «Ключ к Черной магии»¹³⁸ раскроет для нас эти арканы; тогда мы начнем различать то, что может быть реального и ужасного в почти безграничной власти, которую единодушные народы постоянно приписывало зловещим практикам Гоэтии; нам раскроется смысл существования этой власти и одновременно механизм ее следствий.

Лишь тогда рассудительный читатель сочтет себя вправе выразить свое мнение и сможет сделать это без излишней самонадеянности, сопоставив документы, предоставленные для его лояльного рассмотрения, с объяснениями, вынесенными на его проницательный суд.

Похоже, что отныне ему предписывается полная сдержанность.

Чего нельзя сказать о писателе, первый долг которого — жертвовать самой логикой своего плана ради занимательности и, прежде всего, ясности.

И если в этом первом септенере, где должен был быть помещен лишь краткий обзор общепринятых мнений наряду с приводимыми фактами, автор порой позволяет догадываться о своем собственном суждении или случайно выдает свои доктринальные предпочтения, он, конечно же, извиняется в этом, как в *нарушении формы*. Но самое главное — *правильность догматической основы*. Так он, по крайней мере, считает, и цель, к которой он стремился, несомненно, будет достигнута, если его выводы, преждевременно угаданные или случайно почувствованные, найдут свое двойное оправдание в красноречивой защитительной речи самих фактов и в рациональной цепи объясняющих их гипотез.

Мы уже видели, что Дьявол — это «обезьяна» Бога, а колдун — «обезьяна» священника. Аналогию вполне можно продолжить, поскольку колдовство во все времена было извращенным подобием религий и как бы «духовенством наизнанку».

Что же такое, в действительности, религия? С одной стороны, это совокупность догматов и символов, выражающих великие истины небесной Мистики; а с другой стороны, это совокупность сакральных

¹³⁸ Второй септенер «Змея Книги Бытия».

ритуалов, являющихся действенным выражением и живой адаптацией этих символов: и всё это предназначено, в некотором роде, для того, чтобы служить связующим звеном между божеством и людьми, между небом и землей.

Цель *Религии* — вновь связать (фр. *relier*, лат. *religare*) падшее человечество с его небесным первообразом, вечным Словом.

Если перевернуть это определение, то оно идеально подойдет к колдовству — разновидности религии, отраженной в инфернальном зеркале, которое переворачивает и искажает ее изображение. Представьте себе Бога наоборот, и вы получите Дьявола; это одна из хорошо известных аксиом Каббалы: *Daemon est Deus inversus*¹³⁹.

У колдовства есть свои негативные догматы, ложные символы и мерзостные обряды. У него есть свои тайнства; в нем можно даже различить *материю* и *форму* по образцу тех, которыми обладает Церковь.

Материя колдовства состоит в осязаемом предмете, служащем символической основой для ложной веры колдуна и ясным выражением — для его дурного намерения, подобно тому, как его пагубной воле она служит еще и точкой опоры. Форма же колдовства — это знак, выражающий дьявольское влияние, оккультное проявление интенционального слова, которое освящает материю ради предустановленной цели и обращает ее в заранее требуемом направлении.

Все теоретики Гоэтии во главе с Ямвлихом говорят о *веществах, способных принимать в себя богов* (пневматическая импрегнация), и о *знаках, обладающих свойством связывать богов с названными веществами*. Кто не узнает в этом с первого же взгляда *материю* и *форму* магического тайнства?¹⁴⁰

Теория тайнств идентична в Религии, в Черной и в Высшей Магии. Если мы рассмотрим священника, совершающего обряд крещения, колдуна, насылающего порчу, или мага, изготавливающего талисман или

¹³⁹ «Демон — перевернутый Бог» (лат.). В «Собрании Каббалистов» Пистория (*Artis cabbalisticae... Tomus I, ex Pistorii Bibliotheca, Basileae, 1587, in-folio, page 792*) читаем: «Eadem sunt litterae nominis Cacodaemonis (qui est princeps mundi huius) et nominis ךךךך. Et qui sciuerit ordinare transpositum, deducet vnum ex alio».

¹⁴⁰ Знаменитый Корнелий Агриппа, не прямой и поздний наследник этой ученой, однако не безупречной школы, высказывается не менее определенно по этому вопросу; он часто возвращается к нему на протяжении своей «*Оккультной философии*». Прочтите, в частности, главу XI Первой книги: *Как происходит вливание оккультных свойств в виды вещей посредством идей, при помощи мировой души* и т. д... Там встречается следующая превосходная формула, служащая ключом к науке о талисманах: «Вещи на этом свете принимают столько силы и свойств небес, сколько их материя предрасположена в себя принять». *La Philosophie occulte, traduction française. La Haye, 1727, 2 vol. in-8, рисунки, стр. 32.*

пантакль, то мы не сможем не признать сакраментальный характер всех трех операций¹⁴¹, священных или святотатственных, благотворных или же пагубных — какая разница? Но этот характер — двоякий; он заключается, главным образом — и мы не устанем это повторять — в сочетании двух взаимодополняющих и необходимых друг для друга элементов: материи таинства и его формы; иными словами, *тела* таинства и его *души*. Меняется только намерение, но — будь то естественная вода для крещения, восковая фигурка для наведения порчи или металлический кружок для вливания силы в талисман — эти различные предметы образуют материю таинства. И, с другой стороны, произносимые слова — будь то небесное заклинание, inferнальное проклятие или магическое освящение — образуют форму таинства.

Более не останавливаясь на этом тройном сопоставлении, предоставим читателю самому без труда вывести многочисленные аналогии, подобные этой; а сами вернемся, наконец, в исключительную область Черной магии, чтобы отныне придерживаться, насколько это возможно, чистого и простого описания ее ритуалов и мистерий.

Колдующих можно разделить на три большие категории, в зависимости от побудительного мотива, который им можно приписать. Первый класс будет включать в себя жертвы нездорового любопытства или безумной гордыни: они мечтают о том, чтобы внушать уважение другим людям, выставляя напоказ свое сверхъестественное могущество!.. Второй класс будет охватывать тех, кого гложут слепая ненависть и зависть, натуры, опьяненные мстостью и творящие зло ради самого зла. Наконец, третий класс образуют черные маги, прельстившиеся перспективой воображаемой наживы, внушениями алчности или похоти, цель которых — удовлетворение своих корыстолюбивых или грубых страстей.

Что же касается самих деяний колдуна, то они еще более естественно делятся на три основных класса: его преступления против Бога, против самого себя и против своего ближнего.

Боден в IV книге «*Демономании*» приводит менее обобщенное и менее полное, хотя и более подробное разделение. Он насчитывает пятнадцать видов гнусных преступлений, которые, если ему верить, лежат на совести почти всех колдунов: «Хорошо удостоверено, — пишет он, — что колдуны, заключившие ясный договор с Дьяволом, обычно виновны во всех или в большей части этих злодеяний»¹⁴².

¹⁴¹ Я использую термины *таинство* и *сакраментальный* в их наиболее широком значении.

¹⁴² *Демонот.*, р. 221, а. Малейшее из этих преступлений заслуживает, по выражению Бодена, *лютной смерти*.

Вот их краткое перечисление: 1) оскорбление Божьего величия; 2) богохульство; 3) клятва верности Дьяволу; 4) оставление Дьяволу родившихся детей или тех, что должны родиться; 5) принесение в жертву Дьяволу упомянутых детей; 6) их посвящение Дьяволу еще в утробе матери; 7) клятва в сатанинской пропаганде; 8) клятва, данная именем Дьявола и в его честь; 9) кровосмешение; 10) человекоубийство с целью добывания человеческой плоти и органов, необходимых для приготовления колдовских снадобий; 11) антропофагия, привычная для участников Шабаша; 12) использование ядов и приворотных зелий; 13) порча, губящая скот; 14) порча, делающая землю бесплодной, вызывающая град и уничтожающая урожай; 15) наконец, телесное совокупление с демонами и исчадиями ада.

Если мы станем на ретроспективную точку зрения законов, действовавших на всем протяжении средних веков, и юриспруденции, всё еще господствовавшей в те времена, когда жил Боден, то нам нетрудно будет заметить пробелы, которые имеются в этой несовершенной и порочной классификации: важно подчеркнуть, между прочим, отсутствие в ней такого преступления, как ересь, которую можно безошибочно вменить в вину всякому колдуну. Это преступление — наряду с призыванием и поклонением Дьяволу, о которых шла речь в предыдущей главе, — входит, согласно данной точке зрения, сразу в две категории: оскорблений Господа и серьезных прегрешений против самого себя.

Как бы то ни было, мы будем, главным образом, обсуждать *порчу* в собственном смысле слова или колдовские деяния, совершенные с целью нанести вред ближнему.

Нанести вред ближнему — таково заветное желание «вассалов» Сатаны.

Но прежде чем перейти к детальному рассмотрению наиболее употребительных суеверных обычаев этих презренных негодяев, нам представляется уместным привести в качестве примера очевидный и хорошо удостоверенный факт действительного колдовства, который мы заимствовали из судебных хроник XVII столетия.

Следует отметить, к чести Парламента Парижа, что в нем существовала традиция проявлять относительную умеренность в вопросе колдовства. Там не принималась судебная практика Боге и Ремигье: в отличие от провинциальных парламентов, где обычай требовал отправлять на костер даже за простое суеверие¹⁴³, парижские судьи

¹⁴³ Верховные суды Бордо и Руана особенно отличались своим закоренелым фанатизмом.

по большей части предавали огню колдунов лишь тогда, когда были твердо убеждены в том, что они своими манипуляциями вызвали смерть какой-либо особы или, по меньшей мере, нанесли материальный ущерб, как-то: гибель скота или потрава урожая.

Так, когда бальи города Паси приговорил за эти последние преступления, правда, в отсутствие прямых улик, нескольких крестьян к казни через повешение и сожжение (это было в промежутке между 1687—1691), Парламент счел своим долгом отменить приговор первой инстанции и заменить смертную казнь каторжными работами. Он считал вину подсудимых, нанесших ущерб, несомненной; но были ли вызваны эти губительные последствия магическими операциями или всего-навсего естественными средствами? Суд затруднялся ответить на этот вопрос.

Решительные доказательства не заставили себя долго ждать, и те из них, что привлекли внимание к процессу пастуха Ока, казались столь убедительными, что эта серия судов вызвала широкий резонанс по всей Европе.

Факты весьма любопытны. Я хочу привести их краткое изложение.

Определяющим мотивом для предъявления иска Оку явилась странная инфекция, истреблявшая тогда скот. Общественное мнение изобличало в нем виновника этого бедствия.

Осужденный лишь на каторжные работы высшим судом Паси 2 сентября 1687 года, Ок решил обжаловать приговор бальи. Но в спорных случаях колдовства Парижский суд пересматривал только смертные приговоры. У него же был не тот случай, и решение по его делу было утверждено Парламентом 4 октября следующего года. Снисходительность первого судьи, соответствовавшая на сей раз судебной практике апелляционной палаты, выдавала сомнения этого должностного лица в действительной причине эпидемии, поскольку он вынес приговор лишь отравителям стад «с помощью испражнений и других естественных средств». Между тем, несмотря на арест пастуха, падеж скота еще более усилился. Отсюда возникло множество догадок и подозрение в том, что судья ошибся.

Дабы рассеять сомнения — ведь Ок по-прежнему находился в парижской тюрьме, — решено было отправить к нему сокамерника в лице некоего Беатриса, принадлежавшего к той породе доносчиков, которых с тех пор окрестили *«подсадными утками»*.

Проследим за ходом событий. Хитрость удалась как нельзя лучше: Беатрис напоил пастуха, который доверился ему и проговорился. Он признался, что закопал в одной конюшне «груз магической отравы и произнес девять заклинаний». Эпидемия не прекратится, поспешил он добавить, пока эти чары не будут разрушены.

Что же делает Беатрис? Идет и рассказывает обо всем коменданту Ла-Турнеля, человеку благоразумному и рассудительному, который приказывает ему еще раз напоить колдуна, чтобы выведать у него, как можно разрушить колдовские чары. В пьяном угаре Ок соглашается на всё, не задумываясь о том, что прямым следствием снятия чар станет смерть его самого — их виновника. Ведь в Гоэтии существует грозный закон — так называемый закон *возвратного удара*, — по которому лубой поток магического отравления, отведенный от цели, которую он должен был поразить, возвращается в точку своего исхода с удвоенной силой; с этого времени колдун безвозвратно погублен, если он не сумеет направить смертельный ток на голову третьего человека — замещающей жертвы, которая умирает вместо него.

Изрядно опьянев, пастух пишет своему сыну Никола Оку, чтобы тот велел *поднять груз* некоему бургундскому колдуну по прозвищу Железная Рука; он во всем положился на своего коллегу, приказав лишь, чтобы не называли его собственного имени. Но когда Ок протрезвел и узнал, что его письмо уже отправлено, к нему вернулась ясность ума, и он в неопикуемой ярости набросился на Беатриса: «Ты хочешь погубить меня, — воскликнул он, — но ты умрешь, потому что ты предал меня!» И с помощью каторжников, всегда готовых наказать *подсадную утку*, он решил задушить Беатриса. Нет никаких сомнений, что доносчик отдал бы Богу свою презренную душу, если бы не неожиданное вмешательство коменданта Ла-Турнеля, который появился в окружении жандармов, подавил назревающий бунт и спрятал Беатриса в надежном месте.

Тем временем Железной Руке, вызванному в Паси, удалось «с помощью мерзостных фигур и кощунств» обнаружить то место в конюшне, где лежал отравленный груз, который он вырыл и поспешно сжег в присутствии фермера и его работников. «Но в тот же миг, — говорится в подлинном Донесении, — он признался, что сожалеет об этом и что Дух открыл ему, что упомянутый груз был сделан Оком, который умер в 6-ти лье от упомянутого Паси в то самое время, когда он его поднял (не зная, что тот находится в парижской тюрьме). И это оказалось правдой, судя по справкам, которые комиссар Лемарье навел в замке Ла-Турнель, а судья Паси — на месте, что в тот самый день и в тот самый час, когда Железная Рука начал поднимать упомянутый груз, Ок, который был человеком сильным и крепким, мгновенно скончался, извиваясь в странных судорогах и корчах, как одержимый, не желая слышать ни о Боге, ни об исповеди: что ясно показывало, что в порче этих пастухов было нечто сверхъестественное...»

В канцелярии Суда сохранились подлинные документы «процесса, который был проведен по делу упомянутой Железной Руки, детей

упомянутого Ока и неких Пьера Малого и Жана-Пастуха, которые были признаны сообщниками...» Далее в Донесении говорится следующее: «У пастухов были найдены рукописные книги, содержащие различные средства для того, чтобы вызвать падеж скота, посягнуть на человеческую жизнь и женскую честь. И те, кто был схвачен и допрошен, признались, что готовили отравленные грузы для скота, которые они называли меж собой ГОСПОДОМ С НЕБЕС (BEAU-CIEL-DIEU), вместе с частичками освященной Гостии, которую они брали на причастии, калом животных и документом, написанным кровью этих же животных, смешанной со святой водой, и словами, упоминавшимися на процессе».

В 1691 году схватили еще двух колдунов из той же шайки, Пьера Биоля и Медара Лаво, которые были повешены и сожжены 2 декабря 1691 года по приговору, вынесенному балли округа Паси 26 октября того же года и подтвержденному на сей раз Парламентом за четыре дня до его исполнения.

Теперь мы знаем, что именно наши предки называли «чарами».

Возможно, многие удивятся, обнаружив, что эту гадость обозначали таким *очаровательным* словом. Всё объясняет этимология; ведь слово «чары» (*charme*), которое происходит от *carmen*¹⁴⁴, означает препарат, ставший действенным благодаря магическим словам, изначально чаще всего ритмизованным — *carmina*¹⁴⁵ — и иногда произносившимся нараспев: отсюда слово *Заклинание* (*Incantation*), которое означает сами слова этой «молитвы» или, точнее, этого словесного проклятия, распеваемого *Заклинателем* (*Enchanteur*).

Известно, что самое сильнодействующее колдовское зелье получается из смеси самых необычных, самых несовместимых и самых отталкивающих веществ, способных, прежде всего, смутить дух контрастностью своего соединения. «Ключ к Черной магии» поможет нам понять, почему это так. По очень сходной причине Пико делла Мирандола учит следующей аксиоме: «Самые непонятные слова и внешне самые бессмысленные заклинательные формулы являются наиболее действенными в магическом отношении»¹⁴⁶. Также не следует удивляться тому, что мы читаем в гримуарах и даже в некоторых служебниках высшей теургии целые слова и фразы, перед которыми

¹⁴⁴ песня (лат.).

¹⁴⁵ песни (лат.).

¹⁴⁶ В «Оракулах», приписываемых Зороастру (гл. *de Daemonibus et sacrificiis*), читаем также: «Nomina barbara nunquam mutaveris; sunt enim nomina apud singulos a Deo data, potentiam in Sacris ineffabilem habentia». («Никогда не изменяй варварских имен; ибо у каждого народа есть имена, дарованные ему Богом и обладающие неслыханной силой при Обрядах»). (*Trinum Magicum*. Francofurti, 1629, petit in-12, p. 345.)

бессильна проницательность самых ученых лингвистов. Задолго до Пико делла Мирандолы теософ Ямвлих в своей книге «*De Mysteriis*» (гл. *de Nominibus divinis*) разрешал возражение, выдвинутое Порфирием, относительно непостижимого смысла подобных варварских имен, используемых в религиозных церемониях; эти имена, древность которых, по его словам, делает их непонятными, заслуживают нашего глубокого почтения: неизреченные и раскрытые свыше, они стоят ближе к языку богов. Не обсуждая эти взгляды, я лишь отмечаю явное предпочтение, отдаваемое адептами Гоэтии невразумительным речам и неслыханным смесям.

Подготавливает ли колдун свои зелья для того, чтобы сеять смерть, или же для того, чтобы дать волю разнузданным страстям, он всегда старательно включает в них святые или освященные предметы наряду с наиболее отталкивающими и зачастую непристойными веществами. Это довольно любопытный факт; ведь бредовое желание этого нечестивого диархиста — добиться самого кощунственного и, так сказать, самого интимного осквернения, придав совершенно разнородным веществам, которые он смешивает вместе, чудовищную видимость однородности.

И вновь это неистовое манихейское противопоставление Неба — Аду с целью смешать, спутать, извратить и оскорбить одно посредством другого.

Возьмем в качестве исторического примера признания Мадлен Баван, самой известной монахини из обители св. Елизаветы в Лувье, об одержимости которой мы упоминаем в главе IV. Эти признания были опубликованы в виде мемуаров или автобиографии стараниями п. о. Демаре, священника-ораторианца и младшего духовника из Руана, который был исповедником раскаявшейся Мадлен. В начале главы VI мы читаем: «Не прошло и двух недель, как Пикар (духовник монастыря) под каким-то предлогом пришел в сад, где я гуляла с несколькими монахинями. Тогда у меня как раз были месячные недомогания. Он последовал за нами, и когда мы остановились в одном месте, он вынул из книги, которую принес с собой, Гостию и с ее помощью собрал несколько сгустков крови, упавших на землю. Затем он завернул их внутрь Гости и, позвав меня за собой на кладбище, взял меня за палец, чтобы я помогла положить всё это в ямку рядом с розовым кустом. Девушки, которых подвергли экзорцизму, сказали, что это было колдовское зелье, дабы разжечь у монахинь похоть. Не знаю, что и сказать на это... но что касается лично меня, то я испытывала очень сильное влечение к этому месту, где меня одолевали постыдные искушения и где я впадала в нечистоту». (*Histoire de Magdelaine Bauent, ensemble l'arrest... etc..., par le R. P. Desmarets. Paris, Jacques le Gentil, 1652, in-4*).

Каким бы возмутительными ни были эти подробности, мы должны были их привести в подтверждение сказанного¹⁴⁷.

Зелья, внушающие нечистую любовь, носят характерное название *Приворотных*, или *Philtres* (от греческого φίλεῖν, «любить»), особенно когда они состоят из эликсиров и напитков, которыми колдун поит свою жертву, или же порошков и электуариев, которые необходимо подсыпать в пищу.

Что же касается смертоносных снадобий, то некоторые авторы безосновательно называют их *Philtres*... Мы уже видели, что их более точное наименование — *груз магической отравы* (*charge d'empoisonnement magique*).

Колдовские чары (*Sortilege*) означают обычно любые операции Черной магии. *Malefice*, менее расплывчатое, хотя всё еще очень гибкое название, обозначает любой колдовской ритуал, совершенный с целью нанести вред ближнему (*mal facere*¹⁴⁸). Что же касается операции, совершаемой на расстоянии, жертва которой должна зачахнуть и захиреть или же умереть, то это *Порча* (*Envoutement*) в собственном смысле слова. «Envoutement, — пишет Элифас, — слово очень сильное в своей галльской простоте, — это действие, состоящее в том, чтобы взять и как бы завернуть кого-нибудь в высказанное желание»¹⁴⁹.

Во всех этих случаях *околдованный* предмет — ни что иное, как сакраментальная материя Порчи, а *Волшебство* — ее форма.

При Порче материя получает название *Вольт* (от лат. *vultus*, «изображение»), а форма называется *магическим проклятием*.

Вольт классической Порчи — это вылепленная из воска фигурка того человека, которого колдун хочет погубить. Чем сильнее сходство, тем больше у порчи шансов достигнуть желаемого. Если при изготовлении Вольта колдун способен включить в него, с одной стороны, несколько капель священного елея или кусочки освященной гостии; а с другой стороны, обрезки ногтей, зуб¹⁵⁰ или волосы своей будущей

¹⁴⁷ Избранный нами отрывок, по крайней мере, можно здесь привести; но в том же произведении есть другие места, которые мы не решимся представить на суд Публики. Это досадно для нашего тезиса, но мы питаем уважение к Читателю. Мы ограничимся лишь указанием на весьма интересные с занимающей нас точки зрения двенадцать последних страниц этой книги, хранящейся под номером LK7, 4183 в Национальной библиотеке.

¹⁴⁸ делать зло (лат.).

¹⁴⁹ *Dogme de la Haute Magie*, page 297.

¹⁵⁰ Отсюда просторечное выражение угрозы, ставшее расплывчатой формулой ненависти или просто злобы: «Пусть он остерегается, у меня на него зуб».

жертвы, то он полагает, что имеет в своих руках все козыри. Если же ему удастся украсть у жертвы какие-нибудь старые вещи, которые она долго носила, то он считает, что ему крупно повезло, и выкраивает из них платье, в которое одевает фигурку, чтобы она была как можно больше похожа на свой живой прототип.

Традиция предписывает посвящение этой смешной куклы во все таинства, которые мог пройти адресат колдовства: Крещение, Евхаристия, Конфирмация, Рукоположение и даже Миропомазание, в случае необходимости. Затем совершается проклятие, при котором этот объект колют отравленными булавами и осыпают градом ругательств, чтобы тем самым вызвать ненависть, или же царапают его в предначертанные часы осколками стекла либо ядовитыми шипами, покрытыми мерзкой разложившейся кровью.

Жаба, которой дают имя того человека, которого хотят околдовать, также заменяет иногда восковой Вольт; но церемонии проклятия остаются одинаковыми. По другому способу жабу связывают волосами, добытыми заранее: плюнув на этот мерзкий сверток, его зарывают под порогом своего врага или в любом другом месте, где он бывает каждый день, при необходимости¹⁵¹: стихийный дух жабы отныне привязывается к нему и преследует его до самой могилы, если только жертва не сумеет отослать его обратно к колдуну.

Элифас Леви, сообщая об этом странном ритуале, отмечает, что околдованный может расстроить злодейские планы, если будет носить при себе живую жабу в роговой шкатулке. Тот же автор добавляет по поводу этого отталкивающего земноводного: «Жаба не ядовита сама по себе; но она служит «губкой» для ядов: это «гриб» жи-

¹⁵¹ Вот пример аналогичного колдовства.

Летней ночью 1619 г. могильщик кладбища Сен-Сюльпис, разбуженный лаем своего сторожевого пса, увидел трех женщин, занятых наведением порчи. Они обходили стены церкви, чертя палкой круги на земле. Вскоре они пошли и вырыли ямку рядом с могилой плотника, чтобы положить туда свое зелье. Всё это происходило в нескольких шагах от изумленного могильщика.

Храбрец, вбив себе в голову, что они хоронят жертву какого-то детоубийства, стал советовать с женой о том, какое решение следует принять в подобной ситуации. Когда он вернулся вместе со своим братом, помощь которого ему понадобилась, все три ведьмы бросились наутек. Удалось поймать лишь одну из них, женщину со дна общества по имени Клер Мартен, которую балы Сен-Жермен-де-Пре приказал публично высечь.

Однако могильщик и его брат так и не обнаружили новорожденного младенца: «Порывшись костью рядом с усопшим, они нашли баранье сердце, сплошь утыканное реечными гвоздями, расположенными в форме полумесяца, и множеством булавок: жуткая вещь, к которой они не хотели прикасаться руками, но подняли ее и положили на раскаленную лопату...»

После предъявления этого зелья ведьма не пыталась что-либо отрицать; с ней обошлись так мягко, лишь учитывая ее добровольное признание.

вотного царства. Возьмите крупную жабу, говорит Порта, и посадите ее в банку вместе с гадюками и аспидами. В течение нескольких дней кормите их только ядовитыми грибами, наперстянкой и цикутой; затем раздражайте, бейте, обжигайте и мучьте их всеми способами, пока они не издохнут от злости и голода. После этого посыпьте их измельченной хрустальной накипью и молочаем, а потом поместите их в закупоренную реторту и дайте огню медленно впитать всю влагу; затем охладите и отделите трупную золу от несгораемой части, которая останется на дне реторты: и тогда вы получите два яда: один жидкий, а другой — порошкообразный. Жидкость будет столь же действенной, как и ужасная *Aqua Toffana*¹⁵²; а от порошка высохнет и постареет в считанные дни, а затем умрет в страшных муках или в состоянии общей слабости всякий, кто примет его щепотку, подмешанную в питье. Следует признать, что этот рецепт обладает одной из самых уродливых и «черных» магических «физиономий» и до отвращения напоминает мерзостные кухни Канидии и Медеи¹⁵³.

Обряды наведения порчи принимают великое множество более или менее живописных форм. Элифас Леви приводит еще один, состоящий в том, чтобы крестообразно «пригвоздить» все следы, оставляемые на земле тем, кого хотят замучить. При этом используют гвозди с крепкой шляпкой, «освященные для злобных деяний зловонными курениями Сатурна и заклинаниями злых духов»¹⁵⁴.

Мы же ограничимся традиционными европейскими формами порчи в соответствии с указаниями, почерпнутыми главным образом из гримуаров, завещанных нам средневековьем.

Но как обойти молчанием оккультный и опустошительный Агент негров-Вуду, это неуловимое *nescio quid*¹⁵⁵, называемое ими *Мандигоез-Оби*; эту неведомую силу, которая под видом периодической эпидемии истребляет население Санто-Доминго и других Антильских островов?

Если верить аббату Бертрону, секта Вуду — это братство или, скорее, культ, завезенный из Африки. В подтверждение этого можно указать, с одной стороны, на поразительное сходство слов *Оби* и *Обия* с тифоновым *Обеа*, упоминаемым в *Папирусе Анастасия*, *Обом* древних евреев и их духами *Обот*¹⁵⁶, словами египетского и, возможно, эфиопского проис-

¹⁵² Знаменитый яд итальянской отравительницы XVII в. по имени Тоффана, активным ингредиентом которого был мышьяк. На счету Тоффаны — более 600 жертв, в основном мужей, отравленных своими женами. — (Прим. перев.)

¹⁵³ *Dogme de la Haute Magie*, pages 328, 329.

¹⁵⁴ *Rituel*, page 242.

¹⁵⁵ незнамо что (лат.).

¹⁵⁶ *Об* и *Обот* — подлинное произношение слов אֹב и אֹבֹת, о которых мы уже говорили и которые пишутся *Аоб* (ед. ч.) и *Аобот* (мн. ч.).

хождения, и, с другой стороны, на неизменное соответствие магических значений этих терминов, сохраняющееся на протяжении двух десятков столетий и в нескольких тысячах удаленных друг от друга мест.

Главная церемония адептов Вуду отличается странным сходством с Шабашем колдунов, как мы его описали в главе II. «Действие происходит в чаще непроходимого леса, — пишет г-н де Мирвиль, — на самой крутой горе, на краю вулкана или на чумном болоте. Поименная переключка участников; констатация *присутствия Оби*, принесение систра и котла, заклятие козы, которая должна сама предложить себя своему палачу и умереть без единого крика, оргиастическая пляска, коленопреклонение перед змеями, страшные вопли, возмутительные и постыдные действия и часто, говорят, *принесение в жертву младенца*: такова «программа» таинственного празднества, во время которого записываются все имена людей, предназначенных для мести»¹⁵⁷.

И враги секты погибают один за другим, пораженные загадочным недугом, от истощения без видимых причин!

Один европеец, живший на Ямайке, г-н Лонд, рассказывает, что по доносу бедной женщины, умиравшей от действий Вуду, был проведен тщательный обыск в хижине одной восьмидесятилетней негритянки, которая слыла грозной волшебницей и была уличена в *напускании Оби* на значительное число туземцев... Каждый день появлялись новые жертвы. Какие-то ремешки и мелкие кости; затем терракотовая ваза, наполненная глиняными шариками, слепленными, насколько можно было судить, из волос и обрывков белья; наконец, кошачий череп, зубы и даже когти того же животного и разноцветные стеклянные бусины — вот и все подозрительные предметы, обнаруженные в этой хижине, которую позаботились сжечь вместе со всем ее содержимым... *Тотчас же*, словно по волшебству, эпидемия прекратилась¹⁵⁸ (см. *Bibliothèque Britannique*, t. IX, page 521).

Божество Вуду, могущество которого представляется безграничным, является для его адептов верующих не чем иным, как *сакральным змеем*. Его культ, подобно всем остальным, которые позорит этот символ любой мистической мерзости, связан с арканами Инкуба, о котором так часто говорится в нашем произведении.

Крепко сплоченные вокруг своего верховного жреца, всемогущего служителя оккультной мести, адепты Вуду образуют грозное тайное

¹⁵⁷ *Des Esprits et de leurs manifestations diverses*. Paris, 1864, 6 vol. grand in-8; tome V, pp. 317—318.

¹⁵⁸ Эти события происходили в конце XVIII в. — В наше время секта Вуду все не ликвидирована. Некоторые авторы утверждают даже, что, начиная со знаменитой Революции на Санто-Доминго, которая, несомненно, была делом ее рук, эта разновидность варварского франкмасонства заметно расширилась.

общество, напоминающее индийскую секту Душителей, уже известную нашим читателям.

Короче говоря, змей Вуду — это та самая изворотливая сила разрушения, которую древнеегипетский адепт Гоэтии призывал на помощь своей злобе в таких выражениях: «О, ненавидящий оттого, что ты был изгнан, призываю тебя, всемогущего властителя богов, разрушителя и истребителя людей, сотрясающего всё, что еще не побеждено! Призываю тебя, Тифон-Сет!.. Смотри: я совершаю ритуалы, предписываемые магией, твоим истинным именем я вызываю тебя. Приди же ко мне без колебаний, ибо ты не можешь мне отказать... И я тоже ненавижу всякий благоденствующий дом и всякую счастливую семью: набросься на нее и разрушь ее, ибо она оскорбила меня!»¹⁵⁹

Какова бы ни была подлинная субстанция этого грозного Агента, одной из иератических эмблем которого всегда была змея, она, несомненно, способствует совершению всех таинственных деяний. И наши современники, полагая, что управляют ею (под названием «электрического флюида»), и смутно догадываясь о двух очень косвенных разновидностях этой энергии (под названием «магнетизма»), выработали для себя неточное и далекое во всех отношениях представление о способностях, которые может развить в себе человек, сумевший постичь сущностную природу этого Агента.

Обретение подобного знания дано лишь избранной элите; и даже те, кто ее составляет, далеки от обладания, в силу самого этого факта, способностями совершенного мага. Наука — недостаточное условие для достижения этого: к ней необходимо добавить еще абсолютную власть над плотью, изрядную подготовку, непоколебимое бесстрашие и невозмутимое хладнокровие. Таким образом ограничивается число *посвященных*, ставших истинными *адептами*. Это вовсе не означает, что автор с гордостью причисляет себя к этим Святым Михаилам Оккультизма, для которых дракон всегда остается покорным беспомощным рабом. Но такие полубоги существовали, о чем свидетельствуют Моисей, Орфей, Аполлоний и множество других; и, возможно даже, существуют еще и сегодня...

Их отличает одна характерная черта, по которой их можно безошибочно узнать. Всегда и везде они используют магический жезл ради всеобщего или, по крайней мере, коллективного блага; но нигде и никогда — ради личного интереса или мелочных амбиций.

¹⁵⁹ См. Папирус Анастасия и Салье с комментариями египтолога Рейвенса в его «*Lettres a M. Letronne*».

Теперь закроем скобки. Ведь деяния, о которых говорится в нашей книге, не имеют никакого отношения к этим живым «чудесам» науки и воли. Мы произнесли их великие имена лишь для того, чтобы пробудить чудодейственное эхо в том сумрачном склепе, где Сатана принимает подношения своего достойного жреца — черного мага.

На первый взгляд, он облечен теми же преимуществами, что и Маг света. Иногда их можно даже спутать. В силу оптической иллюзии или, как сказали бы наши предки, вследствие «инфернального миража», человеку, преданному змею, удастся придать себе царственный вид.

Колдун не располагает ничем на свете; наоборот, *безличный* Дух Зла располагает его ничтожной *особой* и забавляется с нею. Колдун не обретает власть посредством Ада; это Ад обретает власть посредством колдуна, которого он увлекает за собой в вихре фантастического безумия, рокового извращения и всеобщего хаоса!

Нет большего лакея, чем черный маг: жалкая кукла Незримого, бессознательная марионетка Зла, он отказывается от всякой *истинной индивидуальности*¹⁶⁰ и погружает свою свободную волю в гибельный океан, волной которого становится. Но взамен он будет этой волной, и великая оккультная Сила отныне будет действовать в нем, а затем — через его посредничество — вне его.

Эта Сила будет проявляться под всеми личинами зла и хаоса. Мы уже видели, как с ее помощью этот последний из рабов, облеченный мнимой властью, влиял на расстоянии на живых существ, поражал их смертью, истощением или безумием. Но область, доступная его колдовству, этим не ограничивается, как покажет дальнейшее.

Прежде всего, есть чары, которые воздействуют на чувство размножения, либо возбуждая, либо подавляя его.

Никому не известно, какое деспотическое влияние всегда оказывал на большинство людей этот злополучный тиран организма, который был назван *шестым чувством*. Но мы знаем, до чего разнообразны капризы его аппетита — то он упорно жаждет самых непритязательных блюд, то проявляет неуместное презрение, когда для него щедро накрывают стол.

Во все времена колдуны использовали столь рискованное предрасположение: по своей прихоти заставлять этот иллюзорный прилив желания подниматься или опускаться — по-прежнему любимая игра некоторых деревенских чародеев, и следует сказать, что они в этом преуспели: поразительно, как им удастся полностью подавлять половое влечение или усиливать его вплоть до исступления.

¹⁶⁰ Маг же, наоборот, отказывается от всякой *ложной индивидуальности*. Это станет ясно в Книге II.

Я не поручусь, что умелое использование возбуждающих средств и анафродизиаков было совершенно чуждо их колдовским чарам; некоторые из них, несомненно, прибегают к этим искусственным средствам, которые связаны скорее с физиологическим изучением медикаментов и, похоже, не имеют никакого отношения к колдовству. Но следует признать, что эти плуты чаще всего требуют от обрядов Черной магии результата, который не является ни менее скорым, ни менее действенным.

Мой читатель уже знаком с общим составом приворотных зелий. Из чистого любопытства я привожу несколько менее жутких, хотя и не менее смешных рецептов для вызывания любви у женщины: гримуары предписывают, что ей нужно дать понюхать мазь на основе кипариса и серой амбры, измельченных вместе с костным мозгом, который был извлечен из левой волчьей ноги, — или *вручить* ей левую половину скелета лягушки, который получают, поместив земноводное живьем в муравейник (правая половина вызывает ненависть, подобно тому, как левая пробуждает любовь). Согласно другим классикам колдовства, нужно передать несчастной полдрахмы следующего препарата: заячьи тестикулы и голубиная печень, измельченные в ступке, вместе с рассыпчатой запекшейся кровью, которую необходимо пустить в апреле, в пятницу, и высушить в печи, в небольшом глазурированном горшочке. И все это «приправлено» кощунственными церемониями и магическими словами, лишенными всякого разумного смысла¹⁶¹.

Считается, что все эти рецепты «высокого» вкуса сами по себе бесполезны и неэффективны; всё зависит, говорит нам Парацельс, от внутреннего, тайного *Магнеса*, иными словами, от более или менее непосредственного воздействия чародея на астрал.

Наиболее гротескные формулы наиболее действенны, и самые нелепые микстуры приводят к наилучшим результатам в руках подлинного колдуна: поскольку даже контрасты этих хаотических смесей образуют элемент, соответствующий его неупорядоченному желанию, основу, способную служить точкой опоры¹⁶².

¹⁶¹ Я дословно цитирую невероятный рецепт, который предлагает «*Большой Альберт*» в качестве противоядия от этих различных приворотных зелий: «Если женщина дала мужчине некую вещь, дабы влюбить его в себя, и буде он желает от нее избавиться, то он должен взять ее сорочку (сорочку этой женщины) и помочиться на чепчик и правый рукав; и он тотчас же освободится от всех чар» (Книга II, стр. 147.).

¹⁶² «...Всё, что думает дух пылко любящего человека, обладает способностью к любви, и всё, что думает дух страстно ненавидящего человека, обладает способностью вредить и разрушать. То же самое происходит во всех вещах, к которым дух сильно привязывается, поскольку всё, что он думает, и всё, что он делает, исходя из знаков, фигур, слов, речей, жестов и других подобных вещей, *способствует влечению души* и приобретает удивительные свойства...» (Корнелий Агриппа, «*Оккультная философия*», т. I, стр. 191—192).

Но не будем предвосхищать теории Книги II и ограничимся лишь кратким очерком основных колдовских чар.

Если любовный напиток называется *приворотным зельем*, то напиток, вызывающий неспособность к любви, носит выразительное и бесхитростное название *узелок шнура*.

В этом состоит одна из самых распространенных жалоб народа на колдунов. Под этим предлогом было погублено бессчетное количество несчастных; следует сказать, что люди поступали несколько необдуманно... В самом деле, какая досада чаще омрачает первую ночь любви, нежели это парадоксальное ослабление плоти, в то время как сердце пребывает весьма увлеченным? В подобных случаях, за отсутствием другого злонамеренного волшебника, госпожа Эмоция представлялась чародейкой, вполне способной завязать «узелок шнура». Именно этого наши отцы не желали признавать. Увековечивая заблуждение такого рода, они вопили о порче! Затем они перебирали одного за другим всех своих знакомых, людей, подозреваемых в сношениях с Демоном или попросту тех, кого считали способными питать какую-либо давнюю злобу к одному из супругов... И горе тому бедняге, на кого падали подозрения! Во всем животном мире нет существа менее терпеливого, чем влюбленный, счастьем которого помешали: достаточно было прошептать тайное признание на ушко судье, и последний тотчас же, с целью раскрыть подлинного виновника, приказывал подвергнуть всех подозреваемых допросам обычным и с пристрастием.

Как бы там ни было, лигатура¹⁶³ шнура всегда и во всех странах была одним из самых популярных видов колдовства и, несмотря на свою относительную безвредность, одной из форм мести, которой повсеместно боялись и за которую безжалостно наказывали: «Сей обычай распространен ныне как никогда прежде, ибо даже дети занимаются тем, что завязывают узелок шнура, — поступок, заслуживающий примерного наказания...», — писал Боге в правление Генриха IV¹⁶⁴.

Пьер де Ланкр, современник Боге, сообщает нам, что страх перед этой порчей был настолько широко распространен в начале XVII столетия, что большинство браков заключались в большом секрете и как бы тайком.

Это требует небольшого пояснения. Необходимо знать, что самый обычный обряд для изготовления лигатуры совершался, как правило, в Церкви, во время брачной церемонии. Это обряд очень прост: взяв с собой шнурок, колдун присутствует на венчании. Когда супруги обмениваются кольцами, он завязывает первый узелок на шнурке; второй

¹⁶³ От лат. *ligatura*, «завязывание; узел».

¹⁶⁴ Discours execrable des Sorciers. Lyon, Rigaud, 1610, in-8, page 212.

завязывают в тот момент, когда священник произносит важнейшие слова таинства; наконец, когда супруги находятся под покровом, завязывают третий; и вот шнурок завязан (Боден).

Другой способ состоит в переплетении пальцев рук, вывернутых ладонями наружу: начинают с мизинца левой руки и медленно продолжают, пока не соединятся оба больших пальца: отныне порча наведена. Этот обряд нужно совершать в церкви, в тот момент, когда супруг преподносит своей супруге кольцо.

Мы не станем утверждать, что подробно изучили все способы любовной лигатуры, число которых превышает пять десятков, если верить Бодену¹⁶⁵. К тому же аббат Ж.-Б. Тьер в своем большом труде о «Суевериях, относящихся к таинствам»¹⁶⁶, обсуждает данный вопрос во всех подробностях, которые тот предполагает, и мы отсылаем читателя к стр. 503—527 IV тома.

В гримуарах упоминается большое количество других лигатур, которые мы не считаем нужным подробно перечислять. Интересующиеся смогут найти этот перечень в XL главе первой книги Агриппы¹⁶⁷.

Однако нам трудно обойти молчанием знаменитые чары оцепенения, которыми, как утверждают, пользовались некоторые воры для того, чтобы беспрепятственно обокрасть дом. Этот вид колдовства известен в сельской местности под довольно странным, по правде говоря, названием *Сияющая десница*. «Признаюсь, — говорится в апокрифе «Малый Альберт», — что я никогда не испытывал «секрета» сияющей десницы, но трижды присутствовал при окончательном осуждении нескольких злодеев, которые сознались под пытками, что пользовались ею... во время краж, которые они совершали... что Сияющая десница обычно приводила в оцепенение и заставляла замереть тех, кому ее показывали, так что они не могли пошевелиться, словно были мертвы»¹⁶⁸. «Это рука повешенного, которую высушивают на солнце, после того как вымачивают ее в течение пятнадцати дней в смеси *zimat (sic)*, селитры, соли и длинного перца. Высушивание завершают в печи, нагретой с помощью вербены и папоротника; наряду с этим

¹⁶⁵ «Большой Альберт» предлагает еще более нелепый и потешный рецепт: «Нужно взять половой член недавно убитого волка, прийти к двери того, кого хотят связать, и позвать его по имени. Как только он ответит, половой член связывают шнурком из белой нитки, и бедняга тотчас же лишается сил».

Следует признать, что трудно придумать более несуразный рецепт. Рецепты для развязывания шнурка выдержаны в таком же вкусе.

¹⁶⁶ *Traite de Superstitions*, Paris, 1741, 4 vol. in-12.

¹⁶⁷ «Оккультная философия», т. I, стр. 101.

¹⁶⁸ Стр. 117 плохого современного парижского издания, Renault 1839, in-12.

изготавливают свечу из жира того же повешенного, девственного воска и «сизама из Лапонии». Когда воры хотят беспрепятственно ограбить какой-нибудь дом, они зажигают эту свечу и, пользуясь рукой повешенного в качестве канделябра, дерзко заходят туда, где у них есть дело; глубоко убежденные в том, что перед ними двадцать вооруженных до зубов человек, жильцы тотчас впадают в оцепенение и онемение, так что воры могут без страха предаваться грабежу, поскольку ни один из свидетелей их преступления не шелохнется до тех пор, пока не угаснет магическая свеча.

Так, по крайней мере, утверждают составители гримуаров, которые превозносят этот чудесный «секрет».

LA MAIN DE GLOIRE

Сияющая десница (из старинного гримуара)

В «Индокитайском сборщике колосьев», опубликованном в Малакке в 1-й половине XIX столетия, приводится пример колдовства, не лишенный сходства с Сияющей десницей. К сожалению, мы не располагаем подробностями церемоний, используемых для его совершения; нам известен только результат: «Общественное любопытство, — пишет «Сборщик», — было живо возбуждено несколько дней назад раскрытием

банды похитителей детей обоих полов. Это раскрытие было совершено благодаря усердию ткача шелковых тканей, который, прогуливаясь по улицам Кантона, узнал ребенка своего хозяина, потерявшегося несколько дней назад. *Ребенок обратил на него остолбеневший взгляд и отказывался его признать.* Ткач силой отвел ребенка к отцу.

Он все еще находился под чарами оцепенения; но как только позвали жрецов Будды и провели действенные церемонии, совершаемые в подобных случаях, так чары разрушились, и ребенок, проливая обильные слезы, признал своего хозяина и своего отца. Об этом деле и этом чуде немедленно сообщили правительству, которое приказало окружить место встречи похитителей детей. Было обнаружено шесть мужчин и три женщины, которые занимались этим ремеслом более двадцати лет. За это время они похитили несколько тысяч детей; в доме из них осталось не более десяти, и все находились под воздействием чар оцепенения, которые, подобно тем, что были наведены на сына ткача, разрушились благодаря молитвам и церемониям жрецов Будды»¹⁶⁹.

Эти экзорцистские способности распространены среди служителей всех традиционных культов, и на это нелишне обратить внимание.

Посюсторонние представители небесного человечества и уполномоченные важных групп земных кандидатов в это человечество, жрецы всех культов обладают способностью заклинять коллективные силы Зла именем той коллективной силы Добра, которая называется сообществом Избранных. В данном случае немедленный успех экзорцизма — ведь это был экзорцизм — лишний раз доказывает, что состояние оцепенения, в которое были погружены дети, не было вызвано каким-либо наркотиком или любым другим искусственным средством, но явилось результатом оккультного воздействия, которое можно было бы назвать *чарами оцепенения*, говоря словами г-на де Мирвиллю, рассказавшего эту историю¹⁷⁰, или же дать ему менее архаичное и более модное сегодня название *суггестивного феномена*.

Прежде чем приступить к описанию колдовства иного порядка, мы упомянем так называемые *чары молчания*, широко известные в судебных анналах колдовства. Их более точное наименование — *обезболивающие чары*¹⁷¹.

В сущности, это диаграмма, которую чаще всего чертят на крошечной полоске чрезвычайно тонкой бумаги. Маги, преследуе-

¹⁶⁹ *Le Glaneur indou-chinois* du 8 juillet 1820.

¹⁷⁰ *Des Esprits et de leurs manifestations diverses*, t. I, page 262.

¹⁷¹ Молчание колдуна на самом деле служит всего лишь следствием его обезболенного состояния.

мые в судебном порядке, уменьшая эту диаграмму до совершенно незаметного размера, умудрялись спрятать ее под ногтем пальца своей ноги или в пряди своих волос. До тех пор, пока у них не отнимали этот талисман, они переносили самые ужасные пытки, не испытывая ни малейшей дурноты и не рискуя, вследствие этого, лишиться чувств, неожиданно сделав окончательное признание в своих преступлениях.

Поэтому главной заботой истязателя было состричь ногти жертвы, сбрить его волосы (в случае необходимости — бороду) и, наконец, удалить волосы со всей поверхности его тела. Подсудимый мог считать себя счастливым, если палач ограничивался этими унижительными приготовлениями, не переходя к еще более оскорбительному обследованию.

Известны бесчисленные примеры бесстрастного поведения перед лицом палача благодаря *чарам молчания*. Это — «диплом» стоицизма, «аттестат» полнейшего безразличия к самому жестокому обращению. Его эффективность нельзя ставить под сомнение; им пользовались почти повсеместно, если верить авторам.

Палачи хорошо слышали, как в самый разгар допроса колдуны издавали стоны и даже крики, но достоверно доказано, что *они никогда не видели, чтобы те проливали слезы*, какие бы усилия ни прилагали для этого истязатели. Более того: судья был столь полно осведомлен о подобном бессилии проявлять феномен, служащий нормальным, непосредственным и первым следствием физической боли, что он извлекал из него серьезное доказательство вины обвиняемого. В таком случае, думал он, нужно произвести новое обследование. Как только диаграмма была найдена и сожжена, бормотание с *сухими* глазами и без признаний переходило в вопли, прерываемые признаниями, — и слезы текли ручьем.

Все подлинные описания в этом вопросе совпадают. Что же касается извлекаемых отсюда выводов, то мы верим в проницательность читателя, которому хорошо известно и о чудесах самовнушения¹⁷², и о столь частых случаях истерической анестезии.

Пагубное воздействие колдуна вовсе не ограничивается гибелью людей и скота. Как говорится в пословице, *вредить — его удел*: и он стремится оправдать это изречение всеми способами. Порча, которую он наводил на урожай, считалась встарь далеко не последним свидетельством его всеобъемлющей недоброжелательности. Одному лишь его взгляду приписывали злое свойство делать землю бесплодной и

¹⁷² Поспешим добавить, что в этом есть нечто большее.

вредить любому одушевленному существу; отсюда популярное выражение: «У него дурной глаз».

Кроме того, этот мерзавец, искусный в самых скверных занятиях, держал лавку с «порошками наследования», заразными вирусами и подкрепляющими эликсирами. Его цель? — Устранять всякое счастливое плодородие; мешать созреванию урожая и вызывать выкидыши у женщин; сеять смерть как в жилище, так и в хлеву. Творец этих «ценных» дел являл, подобно Янусу, две личины на выбор: отравителя или колдуна — двойная «специальность»!

Плесень, собранную ночью с черепов повешенных, он вымачивал в банках или перегонял в ретортах вместе с жабьей и гадючьей слюной. Растительное царство поставляло ему вперемешку свои яды, а животное — свои: и можно было видеть, как этот непримиримый враг людей и вещей, истощенный, оборванный и грязный, употреблял со смертоносными или кощунственными словами это губительное соединение разнородных компонентов, пораженных тем, что они смешаны вместе по случайной прихоти его безумия.

Выше мы уже указывали на смехотворное происхождение эликсиров, которые сам Дьявол, если верить Легенде, раздавал своим адептам на черной мессе. «Одна колдунья рассказывала в 1583 году, что она бросила в воздух немного порошка, переданного ей ее Хозяином, и из него родились эти зверьки, которые в короткое время истребили плоды земли»¹⁷³. Само собой разумеется, ее сожгли.

Можно было бы без труда умножать аналогичные примеры, но я предпочитаю рассказать иную историю, поведенную несколькими демонографами¹⁷⁴.

Некий крестьянин из Трирской епархии, наблюдая за своей дочерью (не старше восьми лет), сажавшей капусту на огороде, заметил, что она очень хорошо справляется с работой и поздравил ее с такой ловкостью. «У меня и другие дела спорятся, — загадочно сказал ребенок. — Погляди: погода ясная, на небе — ни облачка. Так покажи мне место в саду, где бы ты хотел, чтобы пошел дождь...» Ошеломленный отец указал на небольшую лужайку, расположенную за оградой; затем он увидел, как девочка отошла в сторонку. С растущим изумлением он наблюдал за тем, как она вырыла в земле ямку с помощью ветки орешника; после этого она наполнила выемку особой жидкостью, о происхождении которой я позволяю вам догадаться самим: дело в том, что ей не пришлось далеко ходить и нужно было всего лишь присесть для этого упражнения... Наконец, крестьянин увидел, как она бьет

¹⁷³ Boguet, *Discours des Sorciers*, page 243.

¹⁷⁴ В частности Дельрио.

прутиком по поверхности этой искусственной лужицы, бормоча слова, которых ему не удалось расслышать. Внезапно зрителя, чей скепсис не могли поколебать эти странные приготовления, охватила дрожь: ему померещилось, будто над квадратной лужайкой сгустилось невесомое облачко; сомнений быть не могло: ведь солнце, по-прежнему сиявшее в прозрачной лазури, устремило свои лучи на эту легкую пелену и вызвало чудесную радугу — и вдруг этот сгусток рассыпался на множество мелких капель... Чудесным образом дождь шел только в установленных границах, и ни одна капля не упала за их пределами. Добрый малый, потрясенный тем, что у него в семье появилась столь ранняя колдунья, пожелал узнать, кто же был ее учителем в этом явно подозрительном искусстве. Засыпанная вопросами дочь, в конце концов, созналась, что мать отвела ее на Шабаш; что же касается ее умения, то она поклялась хранить тайну своего *добрého дружка*, Господина с раздвоенным копытом. Понятно, что эти откровения не могли умерить страха отца, к которому уже примешивались жгучие угрызения совести... Одним словом, он долго сомневался, но затем все же принял окончательное решение и, как добрый христианин, выдал собственную жену судье, умыв руки, подобно Пилату. «И была сожжена заживо», — так заканчивается хроника. Нет ничего проще и естественнее.

Град, бурю, засуху или грозу, в зависимости от случая, вызывали посредством аналогичных рецептов. Это, по крайней мере, вытекает из соответствия между признаниями и добровольными показаниями, которые давали в суде обвиняемые в колдовстве.

Не углубляясь в обсуждение фактов, мы не можем не отметить мимоходом внешнее сходство, связывающее эти виды колдовства с явлениями, которых ежедневно добиваются индусские факиры, даже по признанию самых скептически настроенных очевидцев¹⁷⁵.

Эти чародеи, похоже, воздействуют с относительным всемогуществом на огненный флюид (АКАШУ), более тонкий, чем молния, которая сама широко известна в анналах сверхъестественного.

Если верить демонологам, Небесный огонь служит любимым посредником для злых духов, привыкших использовать всю природу для нашей гибели. Пасквили на колдовство непрестанно приводят убедительные истории на данную тему — и в этих легендах другой эпохи, похоже, нет ничего, что должно было бы нас удивлять.

На самом деле, всем хорошо известно, с каким рвением наши предки наделяли сознанием все безличные или попросту инстинктивные силы *natura naturata*: так у этих простодушных христиан выражался

¹⁷⁵ См. *Spiritisme dans l'Inde*, par Jacolliot, p. 228–361.

крайний протест против идолопоклонства, отвергнутого как язычество, но весьма изобретательно принимающего наиболее ортодоксальные формы и вечно живого, несмотря на внешний облик.

Боги, свергнутые с Олимпа, укрылись в Аду; с тех пор они стали простыми демонами и получили «право гражданства» в новой вере ценной двойного принесения в жертву своего себялюбия: правда, это было принятием подчиненной роли и позора потенциальных мук, усиленным разрушительным потоком непрерывных анафем и экзорцизмов.

Среди всех природных факторов молния, несомненно, была самым загадочным и роковым по внешнему виду. С давних пор любая вспышка, более яркая и ослепительная, чем другие, становилась с точки зрения средневекового воображения поводом для внезапного рождения бесенят — и в этом тоже для нас нет ничего удивительного.

Но что нам думать о серьезных и волнующих признаниях, которые один довольно известный современный ученый, наверняка, являющийся простофилей только по фамилии¹⁷⁶, сделал недавно «Другу наук», обозрению г-на Виктора Менье? Вот буквальные слова этого физика: «Я сделал открытие, которое меня напугало!.. Существует два вида электричества: одно из них, сырое и слепое, производится при соприкосновении металлов и кислот; а другое — умное и ясновидящее. Электричество «раздвоилось» в руках Гальвани, Нобили и Матекки: сырой ток последовал за Якоби, Бонелли и Монселем, тогда как интеллектуальный ток следовал за Буаробером, Тилорье и шевалье Дюпланти... Шаровая молния, или шаровидное электричество, содержит в себе мысль, которая не подчиняется Ньютону и Мариотту, но поступает по-своему.

В «Анналах Академии» есть тысячи доказательств разумности молнии... Но я вижу, что увлекся и чуть было не дал вам ключ, который откроет для нас *Универсальный принцип*, управляющий двумя мирами: материальным и интеллектуальным»¹⁷⁷.

Что может быть более странно, нежели подобное признание из серьезных уст, если только не намеренное умолчание, которое допускает человек такого веса, ученый, славящийся на всю Европу твердостью своего духа, широтой своих познаний и многими открытиями в области естественных наук?

Но довольно комментариев: здесь не место обсуждать мнения физика Жобара. В этом первом септенере мы ограничимся сличением фактов.

Приведем еще два типичных примера великих достижений Духа Молнии. Подлинность первого из них удостоверяют лишь свидетель-

¹⁷⁶ Жобар (фр. *jobard*, «простофиля»), французский ученый, умер в Брюсселе в 1861 г.

¹⁷⁷ *L'Ami des Sciences*, n° du 2 mars 1856, page 67.

ства людей простых и наиболее склонных к ретроспективным галлюцинациям. История, рассказанная автором XVII столетия, которого цитирует аббат Ленгле-Дюфренуа, заметно тяготеет к сверхъестественному¹⁷⁸; тем не менее, она довольно любопытна, для того чтобы занять место в главе, где говорится о бесах и колдовстве.

ВЕЛИКИЙ ОГОНЬ, ГРОМ И МОЛНИЯ НЕБЕСНАЯ, низвергнутые на Кафедральную церковь Кемперкорантена, с видением ужасного и зело страховидного Демона в огне на той Церкви¹⁷⁹: «В субботу, в первый день Февраля 1620 года, приключилось великое несчастье и беда в городе Кемперкорантене, при котором прекрасная и высокая Пирамида, покрытая свинцом, что стояла на нефе большой Церкви и на стыке того нефа, была дотла сожжена молнией и огнем Небесным, от самого верха до того нефа, так что ничем нельзя было сему помочь. И дабы поведать начало и конец, в тот самый день, в половине восьмого часа утра, разразился страшный удар грома и молний среди прочих: в тот же миг стало ясно видно, как ужасный и страховидный Демон под покровом великой пелены града схватил ту пирамиду сверху и под крестом, был же тот Демон зеленого цвета и с длинным хвостом того же цвета. Никакого огня, ни дыма не появилось на той пирамиде, и лишь около часа пополудни дым повалил из ее верхушки и продолжал валить четверть часа: и из того же места понемногу стал пробиваться огонь, все более усиливаясь, пока не спустился сверху донизу; и таким он был великим и страшным, что боялись, как бы вся Церковь не сгорела, и не только вся Церковь, но и весь город. Все сокровища той Церкви были вынесены наружу, и жившие по соседству вывезли свое добро как можно далее из страха перед огнем. Гасили же тот огонь более четырехсот человек, но ничего не могли с ним сделать. Процесии ходили вокруг Церкви и других Церквей, и все читали молитвы. Наконец, огонь сей стал еще более усиливаться, когда добрался до большего дерева. В конце концов, со всею решимостью прибегли в святым Мощам, кои поместили на неф той Церкви, вблизи и впереди огня. Члены Капитула (за отсутствием Его Преосвященства Епископа) начали заклинять сего злобного Демона, коего каждый явно видел в огне, то зеленого, то желтого, то синего, бросая медальоны с Агнцем Божиим в одного, около полутора сотен бочонков с водой и сорока или

¹⁷⁸ Слово «сверхъестественное», на наш взгляд, совершенно неуместно, и мы стараемся избегать его в метафизическом изложении, где оно могло бы вызвать путаницу. Во всех остальных случаях мы будем употреблять его в вульгарном смысле, освященном обычаем.

¹⁷⁹ Впервые опубликовано в Ренне у Жана Дюрана в 1620 г.; затем переиздано в Париже у Авраама Согрена.

пятидесяти телег навоза, однако огонь продолжал пылать. И с последней решимостью бросили ржаной хлеб за четыре су, куда поместили освященную Гостию, затем взяли святой воды с молоком кормилицы праведной жизни, и все это бросили в огонь, и тотчас же Демон был принужден оставить огонь; но, прежде чем выйти, поднял он столь великий шум, что казалось, будто бы всё сгорело и что он должен унести Церковь с собою; и со свистом вышел он в половине седьмого часа вечера того дня, не причинив никакого вреда (слава Господу), помимо полного разрушения той пирамиды, коя имела стоимость самое малое двенадцать тысяч экю.

Когда же сей злой дух оказался снаружи, узнали причину огня. Спустя малое время тот ржаной хлеб пребывал в своем существе, не понеся никакого ущерба; разве что корка немного почернела.

И в половине девятого или десятого часа, после того как весь огонь был потушен, зазвонил колокол, созывая народ, дабы принести благодарение Господу.

Члены Капитула с хористами и музыкантами пели *Te Deum* и *Stabat Mater* в Часовне Троицы, в девять часов вечера.

Слава Господу, никто не погиб, и было только трое или четверо раненых.

Невозможно представить себе что-либо более страшное и ужасное, нежели тот огонь». —

КОНЕЦ¹⁸⁰.

Этот рассказ для нас вдвойне ценен тем, что, будучи единичным примером, он увековечивает народную веру в демонов молнии, и, прежде всего, тем, что в нем подробно описываются экзорцизмы и другие религиозные церемонии, к которым обычно прибегали в подобном случае наши предки в прошлые века. Несмотря на то, что примеры коллективных и спонтанных галлюцинаций встречаются довольно часто и хорошо удостоверены, мы склонны полагать, что очевидец, повествующий об этом чуде, умышленно надел в день пожара увеличительные или, точнее, заколдованные «очки».

Но вот более недавний факт, подтвержденный достойными доверия свидетелями, который не представляет собой ничего невероятного, если взглянуть на него с определенной точки зрения. Мы приводим в сокращении немного пространный рассказ г-на Гужено де Муссо¹⁸¹.

¹⁸⁰ См. Lenglet-Dufresnoy: *Recueil de Dissertations anciennes et nouvelles sur les Apparitions, les Visions et les Songes*. Paris-Avignon, Jean-Noel Leloup, 1754, 4 vol. in-12, tome II, pp. 110–114.

¹⁸¹ Gougenot des Mousseaux. *Moeurs et Pratiques des Demons*, 2e edit. refondue. Paris, Plon, 1865, in-8, pages 15–16.

«MARIA OPTIMAM PARTEM ELEGIT, QVAE NON
AVFERETVR AB EA»¹⁸².

Это прекрасные и утешительные слова Христа, которые богатый польский вельможа приказал начертать золотыми буквами на могиле своей любимой дочери, умершей в восемнадцать лет от чахотки. Не прошло и полдня, как в небе прогремела гроза; сверкнула молния: мертвенно-бледная вспышка, раздвоившаяся в виде жала гадюки, повредила в двух местах металлическую надпись... Четыре расплавленных буквы, выжженных ударом флюида, подпортили священный текст — и превратили формулу небесной любви и надежды в приговор вечного, высшего осуждения.

«MARIA... IMAM PARTEM ELEGIT, VAE NON AVFERETVR AB EA». *Мария выбрала себе место в глубине бездны; анафема ей! Сие место никогда у нее не отнимется...*¹⁸³

Вот и всё о молнии. Добавим, что — ошибочно ли, справедливо ли — наши предки приписывали мор, эпидемии и неурожай влиянию злых духов; равно как и непредвиденные катаклизмы, например, ураганы, извержения вулканов и землетрясения.

Экзорцизмы Церкви служат для нас наилучшим доказательством этого факта — повсеместно распространенной веры, одобряемой духовенством, по крайней мере, в том, что касается стихийных бедствий: «Заклинаю вас, град и ветры, да разрешитесь вы дождем, и т. д.» — читаем мы в «Тульском требнике» на стр. 538. «Требники» вообще изобилуют этими формулами.

Но кто же — по народным представлениям — вызывал внезапную злобу этих демонов в лоне мирной природы? Адепты Черной магии!

Так, средние века, к великой радости экзорцистов, относили любые аномальные явления на счет Преисподней и ее злобы и к тому же

¹⁸² «Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее» (Лук. 10:42).

¹⁸³ Эта история напоминает огненное предсказание, предвестившее смерть Августа.

В 14 году от Рождества Христова молния, ударившая в надпись на статуе, воздвигнутой на Марсовом поле в память о Завоевателе Галлии, повредила ее первую букву. Слово CAESAR Небесный Огонь превратил в AESAR, которое служило у этрусков родовым обозначением Существ, принадлежащих к расе Богов (אלהים иудеев).

Когда обратились за разъяснением к магу Фрасиллу, он усмотрел в разбитой букве С символ ста дней, отделявших Августа от Апофеоза. Поэтому он предсказал императору, что по истечении этого срока он будет причислен к богам. На самом же деле, сто дней спустя Цезаря-Августа постигла смерть!

обосновывали мстительный гнев адских исчадий, изобличая коварное подстрекательство Колдуна...

Наши пращуры стремились во всем найти чудесную причину; сегодня мы *a priori* отрицаем даже самую возможность чуда. Они заходили слишком далеко, мы же, возможно, слишком отступаем назад. Они были настолько доверчивыми, что часто становились визионерами; мы же столь недоверчивы, что упрямо закрываем глаза на сияние очевидного.

Маг всегда считался доверенным лицом духов и загробных призраков; если его наука — это королевская власть, то искусство вызываний — бесспорно, самое прекрасное украшение его короны.

Здесь незачем возвращаться к вызыванию Дьявола и договору, который из него проистекает; тем более что в главе V мы еще должны будем сказать об этом несколько слов.

В главе VI, говоря о спиритах, мы обсудим вызывание умерших или тех существ, которые себя за них выдают.

В этой же главе мы хотим лишь обратиться к старику Гомеру за поэтическим свидетельством традиционных обрядов данной операции — разумеется, наиболее дерзкой, которую позволено или, скорее, запрещено, предпринимать человеку. Откроем «Одиссею» на первых страницах IX книги. Улисс скрупулезно опишет нам все детали своей попытки; доверимся же осведомленности проводника, который поведет нас за руку по лабиринтам мрачного Гадеса.

Царь Итаки должен был обратиться за советом к духу прорицателя Тиресия: и вот начинаются магические церемонии.

Вырыв глубокий ров, Улисс выливает в него по очереди, в честь легкого сонма манов, мед, чистое вино, прозрачную воду и высыпает крупчатку. Затем он переходит от молитв к заклинаниям и, потрясая сакральным клинком, наконец, закалывает жертв надо рвом, куда черными ручьями стекает их кровь.

Внезапно со дна Эреба поднимается редкая толпа теней: поскольку они жаждут пролитой крови, они с воплями толпятся вокруг рва, и Царь преграждает им дорогу с мечом в руке. Оттесненные тени пугаются и рассеиваются — протеевы испарения, свернутые в виде завитков. Но за ними следуют новые призраки, поднявшиеся из глубин Эреба; среди них Улисс узнает нескольких товарищей по оружию, и эти покойные друзья умоляют его позволить им напиться той таинственной жидкости, которая должна придать их бесплотной субстанции эфемерную объективность!..

Непреклонный некромант, следуя тайному обряду, твердо держит кончик своего меча над поверхностью кровавого напитка, к которому

вызванный Тиресий должен первым прикоснуться устами. Но вот до толе бесстрашный царь чувствует, что его мужество поколеблено: из бездны поднимается величественная и дорогая тень... он узнал свою мать!.. Но, увы, это не имеет значения! Священные предписания не терпят никаких компромиссов: с законом Рока не шутят. И, хотя его грудь сотрясают рыдания, он отталкивает от себя призрак Антиклей.

Наконец, появляется Тиресий, старик с седыми волосами и золотым жезлом в руке: «Назад, сын Лаэрта, — восклицает он, — убери свой меч из этого рва и дай мне напиться черной крови. Когда я отопью ее, то открою тебе будущее!» Прорицатель подносит уста к пурпурной крови и развязывает нить Судьбы...

Мать Улисса всё еще здесь, угрюмая и молчаливая; она так и не узнала своего ребенка. Потрясенный царь спрашивает у Тиресия, как ему открыться ей. Ответ прорицателя стоит того, чтобы привести его целиком: «Та из теней, которой ты позволишь склониться надо рвом и омочить уста в жертвенной крови, сразу же признает тебя: и ты сможешь узнать от нее всё, что пожелаешь. *Но всякий призрак, которого ты оттолкнешь мечом, убежит в кромешную тьму...*» Улисс вынимает меч из ямы; наконец, мать может приблизиться к ней, и как только она выпивает крови, так тотчас же замечает его и восклицает: «Сын мой, как ты сумел спуститься в обитель теней?..» Пока она говорит, он трижды бросается, чтобы обнять дорогую умершую, но она трижды исчезает у него в руках, словно бесплотная тень или сон, который рассеивается, когда пытаешься за него ухватиться.

Таков вкратце рассказ Гомера, добросовестного свидетеля обрядов своего времени, раскрывающего под этой сказочной оболочкой немало глубоких тайн. Кроме того, эти церемонии относятся к Черной магии, судя по использованию в них меча и крови. Мистическое пролитие крови — мерзостный обряд, как будет объяснено далее («*Ключ к Черной магии*»).

Нам нечего сказать здесь о Вызывании с помощью звездообразного пантакля и освященных благоговий: эти секреты принадлежат к Высшей и Божественной Магии, и наука, из которой они проистекают, навсегда останется для колдуна «мертвой буквой».

Наука же мага тьмы совершенно иная. В его ведении — вызывание духов хаоса и бессознательной извращенности; сексуальные отклонения и слепое развертывание этой разрушающей, губительной силы, которая, уплотняя незримое, придает химерам своего бреда роковую объективность; в его ведении — вампиризм и унижительные метаморфозы, которые постепенно заимствуют свою астральную форму у низших видов животных; в его ведении — неназываемое сладострастие инкубических сношений.

Таковы деяния, свойственные черному магу и поистине достойные его. О последних мы еще ничего не говорили и хотим теперь сказать пару слов.

Инкуб и Суккуб — две призрачные формы обращаемого гермафродита, осмелюсь сказать, с поочередным преобладанием фаллоидных или ктеиморфных черт в зависимости от того, кем является грубое существо, его вызывающее — колдуньей или колдуном.

Называемые *эффальтами* в Древней Греции, Инкуб и Суккуб смешались в народном воображении с персонификацией кошмара. В действительности, при дурных сновидениях часто затрагиваются половые органы. Удовольствие, приобретающее тогда все черты страха, отличается приступами, больше напоминающими удушье, нежели судороги. Часто наблюдается совпадение того и другого; это слияние всех противоположностей: страдания и сладострастия, желания и отвращения. Это раздраженная любовь, игра Эроса с чудовищем в качестве партнера, которая становится трагической. Ибо похотливая, часто неясная тень внезапно принимает жуткие очертания.

Временами этот иллюзорный объект является в менее свирепом виде и даже с пригожим обличем. Его манеры более приятны; даже насилие, которое он оказывает, становится более мягким; короче говоря, он ведет себя вежливо.

В первой главе мы подробно пересказали признания бедной девушки, ставшей жертвой довольно респектабельного инкуба, грубого и порой жестокого в интимных отношениях, но не лишенного хороших манер... В общем, многие молодые девушки удовлетворились бы подобным кавалером, сочтя эту связь вполне возможной, несмотря на ее происхождение. Лелуайе, королевский советник при гражданском и уголовном суде в Анжере, предлагает нам другой пример, который будет принят менее терпимо, за исключением людей со специфическими вкусами: «В стране Приливов жила одна девушка, которая обнаружила, что забеременела от Дьявола. Ее родители призадумались над тем, кто же мог ее обрюхатить, ибо она ненавидела брак и не желала выходить замуж. Они приступили к ней с расспросами... И она призналась, что Дьявол спит с ней каждую ночь в облике красивого молодого человека. Не удовлетворившись ответом дочери, родители договорились с ее горничной, которая ночью впустила их в комнату с факелами. Тогда они увидели в кровати девушки преужасное чудище, лишенное всякого человеческого облика. Чудище даже не собиралось слезать с кровати, и они послали за священником, дабы прогнать его. Наконец, чудище вышло, но с таким превеликим шумом и грохотом, что сожгло мебель, стоявшую в комнате и, выходя, раскрыло крышу

и кровлю дома. Три дня спустя, говорит Гектор Боэций, колдунья родила самого гадкого уродя, когда-либо рождавшегося в Шотландии, которого удушили повитухи»¹⁸⁴.

Ланкр назвал бы это «роковым обманом»!

За инкубом следует суккуб!.. Послушайте историю, приводимую английским доктором Барнелтом. Речь идет об одном молодом человеке из графства Соммерсет, крепком и здоровом, которого скоротечная чахотка за несколько месяцев привела на порог могилы. Каждую ночь, посещаемый сластолюбивым призраком, он поддавался искушению, несмотря на благоразумные решения, принимаемые и возобновляемые им ежедневно. Наконец, придя в ужас от перспективы неминуемой смерти (поскольку болезнь всё более усугублялась), молодой человек вооружился мужеством и лег в кровать, твердо решив сорвать маску с призрака. В полночь он почувствовал, как юный суккуб скользнул к нему в кровать. С молниеносной быстротой он схватил ночную гостью обеими руками за волосы и громко потребовал принести свет. Когда свет внесли, она сумела из последних сил вырваться, оставив в руках своего любовника два пучка седых волос. Это была безобразная ведьма, жившая по соседству, старая, как Сарра, похищенная Авимелехом!¹⁸⁵ И, тем не менее, молодой человек утверждал, что дыхание этого создания — поистине детское, упругость ее тела и, наконец, всё ее существо указывали на девушку двадцати лет, здоровую и сильную... Благодаря каким чарам эта отвратительная старуха смогла придать себе такую внешность? Загадка! Как бы то ни было, вот портрет, нарисованный Герресом, у которого я позаимствовал эту историю: «С пятидесяти лет эта старая женщина слыла ведьмой. Она была худой, сухопарой, согбенной от старости и ходила только на костылях. Ее голос был глухим, торжественным и таинственным, но в то же время притворным. Ее глаза излучали пронизывающий свет, который внушал ужас»¹⁸⁶.

¹⁸⁴ *Histoire des Spectres*, Paris, 1605, in-4, page 315.

¹⁸⁵ Тогда ей было девяносто лет, согласно тому же рассказу из Вульгаты (Быт., 17:17). Из чего следует предположить, что похитивший ее царь Герара (Быт., 20) обладал либо очень сильной склонностью к объектам сексуальной «археологии», либо галантными привычками, само нарушение которых представлялось последним словом учтивости; или же это доказывает, с другой точки зрения, что, возможно, речь идет ни о галантности, ни о зрелых женщинах, а об идеографии и аллегории.

Небольшое сближение дат, раскрывающее эту аномалию, превращает XX главу в страницу, которая свидетельствует в пользу духовного смысла вопреки современным богословам, отказывающим в нем Книге Бытия, равно как и другим книгам обоих наших Заветов.

¹⁸⁶ Goerres, *La Mystique divine, naturelle et diabolique*, traduction Sainte-Foi, Paris, 1854, 5 vol. in-8; tome V, page 303.

История, рассказанная Барнелтом, может служить переходом от фактов инкубизма в собственном смысле слова к фактам волшебного превращения, с одной стороны, и вампирических блужданий — с другой.

Кто из нас не читал страшных рассказов о вампирах, опустошавших целые страны? Эти факты столь многочисленны, столь хорошо согласуются между собой и так торжественно подтверждаются, что отрицать реальное существование такого рода посмертной болезни было бы недобросовестно!

Все рассказы схожи между собой: человек с сомнительной репутацией, подозреваемый в сношениях с Преисподней, умирает. Обычно он оставляет какое-либо странное предписание, касающееся способа и места его захоронения; прожив двуличную жизнь, он, похоже, озабочен тем, чтобы даже после смерти сохранять беспокойное поведение... Как бы то ни было, когда его родственники выполняют его последнюю волю, он засыпает под землей своим смертоносным сном: из колдуна он превращается в вампира¹⁸⁷.

Вскоре многочисленные жители страны начинают чахнуть, страдая от странной, сверхъестественной болезни. Заслуживающие доверия очевидцы утверждают, что они каждую ночь видят, как блуждающий призрак нападает на прохожих — то в человеческом облике, то в форме огромной собаки. Тот же самый призрак, проникая также в дома, нападает на людей, скованных сном; он душил их, стискивая им грудь: некоторых из них находят утром мертвыми в постелях... Те, кто выживает после этого фатального визита, еле волочат ноги, исхудавшие, бледные, изнуренные. Кажется, будто бы они лишились всей жизненной силы в объятиях чудовища, которое, по народным представлениям (настолько бледны жертвы), отнимает дыхание и высасывает кровь у этих несчастных. Если поцелуй вампира повторяется, они умирают после второго или третьего нападения...

Повсюду царит растерянность.

Затем возникает и ширится слух, обвиняющий во всем умершего. Люди рассказывают друг другу на ушко истории об аналогичных фактах, традиционных для некоторых семей. Известно, что в подобном случае необходимо осквернить могилу «загробного» разбойника. Явное кощунство — единственное средство против столь великого зла.

Граждане немедленно берут инициативу в свои руки. Общественное давление становится таким сильным и упорным, что власти чувствуют себя вынужденными вмешаться. Труп эксгумируют, и солнце озаряет леденящее душу зрелище: неподвижный и холодный мертвец, сохранившийся в идеальном состоянии; вот только губы ярко-алого цвета да иногда глаза широко раскрыты. Борода, волосы и ногти отросли на необычайную длину. Похоже, сила сосредоточена в полез-

ных местах, для сохранения вегетативной жизнеспособности трупа. Согласно традиционному обычаю, этого отвратительного вампира нужно пригвоздить к земле, пронзив его сердце рогатиной. Тогда он пробуждается от своего бесчувственного сна и с последним воплем извивается в конвульсиях посмертной агонии; потоки красной и очень жидкой крови брызжут из-под клинка... и, если воспользоваться энергичным выражением Элифаса, вампир *пробуждается в смерти*. Однако не всё еще закончено, и в некоторых случаях призрак продолжает свои ночные блуждания; нужно обратить в пепел проклятый труп, чтобы снова воцарился привычный порядок.

Какими бы невероятными ни казались эти факты, необходимо всё же их принять, а иначе все критерии исторической достоверности придется признать недействительными. Кто остановит скептицизм ученых, если они отвергают самые бесспорные свидетельства и признают недействительными подлинные протоколы, составленные на месте судебными или коммунальными властями?

Кроме того, следует подкрепить веру разумных людей в существование вампиров путем сопоставления этих более или менее древних фактов с фактами современными, если и не тождественными, то, по крайней мере, аналогичными и удостоверенными свидетелями, которых точно так же нельзя «отвести».

Я хочу поговорить о погребении факиров в состоянии произвольной летаргии на глубине нескольких футов — и об их «воскрешении», засвидетельствованном медиками, спустя месяцы, а иногда и целый год пребывания под землей. Принимались все меры предосторожности; ученые старались действовать с предельной тщательностью, чтобы экспериментальным путем добиться научной, неоспоримой, абсолютной достоверности. Дабы предупредить саму возможность попытки обмана, они высевали, а затем собирали урожай зерновых на месте таинственного захоронения, где часовые, которым было поручено ежеминутно наблюдать за происходящим, непрерывно сменяли друг друга днем и ночью. Элифас в своей *«Истории Магии»* (стр. 507–512) приводит с избыточными подробностями довольно убедительный пример, в достоверности которого ручаются доктор Макгрегор, английский офицер Осборн и генерал Вентура¹⁸⁸.

Доктор Жибье, преподаватель Музея, приводит один совсем недавний случай, который пересказывает также *«Тан»* в номере за 31

¹⁸⁷ Вампиризм считается наследственным заболеванием. Некоторые авторы называют семьи, в которых эта болезнь регулярно передавалась от отца к сыну.

¹⁸⁸ Погребение факира длилось десять месяцев, с июня 1838 до конца апреля 1839.

октября 1885 года. Я заимствовал из его прекрасной книги «Анализ вещей»¹⁸⁹ несколько отрывков, относящихся к этому опыту, переданному также в мельчайших подробностях доктором Хонигбергером и удостоверенному сэром Клавдием Уэйдом, английским посланником, проживающим в Лахоре.

После долгих приготовлений йог Харидес решил испытать судьбу перед Рунджет-Сингхом, лахорским раджой. «Адепт, окруженный учениками и в сопровождении раджи и его двора, степенным шагом вышел на место испытания. После того, как на земле разложили льняной саван, он встал посредине и, повернув лицо на восток, уселся, скрестив ноги, в позе *памадзан*¹⁹⁰ Брахмы, сидящего на лотосе. Он собрался с мыслями, а затем устремил взгляд на кончик своего носа, закинув язык в глубь своей глотки. Вскоре его глаза закрылись, а члены утратили гибкость; наступила каталепсия.

Ученики отшельника подошли к нему, чтобы подкрасить его губы и заткнуть его уши и ноздри льняными тампонами, смоченными в воске, наверняка для того, чтобы защитить его от насекомых. Они соединили четыре края савана у него над головой и связали их вместе. На узлах была поставлена печать раджи, и тело было помещено в деревянный ящик величиной четыре на три фута, который герметически закрыли и тоже поместили царской печатью.

Замурованный склеп, подготовленный в трех футах под землей для тела йога, принял в себя ящик, размеры которого в точности соответствовали этой могиле. Дверь была закрыта, запечатана и полностью засыпана глиной.

Тем временем часовым было приказано днем и ночью наблюдать за гробницей, которую, к тому же, окружали тысячи индусов, почтительно пришедших, словно на богомолье, на погребение святого.

По истечении десяти недель — срока, назначенного для эксгумации — еще более многочисленная толпа зрителей сбегалась на место события. Раджа приказал убрать глину, которой была залеплена дверь, и признал, что его печать, которой она была запечатана, осталась нетронутой.

Открыли дверь, вытащили ящик с его содержимым, и когда было установлено, что печать, которой он был опечатан, также осталась нетронутой, раскрыли его.

Доктор Хонигбергер заметил, что саван был покрыт плесенью, что объяснялось сыростью склепа. Тело отшельника, вынутое из ящика его учениками и всё еще завернутое в саван, прислонили к крышке;

¹⁸⁹ Paris, Dentu, 1890, in-12.

¹⁹⁰ Падмасана, «поза лотоса». (Прим. перев.)

затем, не раскрывая его, вылили ему на голову теплой воды. Наконец, сняли саван, которым он был обмотан, проверив и сломав печати.

Тогда доктор Хонигбергер внимательно осмотрел его. Он находился в той же позе, что и в день погребения, и только его голова склонилась на плечо. Кожа была сморщенной, а члены — одеревенелыми. Все тело было холодным, за исключением головы, которую окропили теплой водой. Пульс не прощупывался ни у лучевых костей, ни у запястий, ни у висков. Прослушивание сердца выявило смертную тишину...

Под приподнятым веком показался лишь затуманенный, потухший глаз, как у трупа.

Ученики и слуги омыли тело и растерли члены. Один из них покрыл череп йога слоем теплого пшеничного теста, который несколько раз заменяли новым, между тем как другой ученик вынул тампоны из ушей и носа и раскрыл рот с помощью ножа. Похожий на восковую скульптуру Харидес не подавал никаких признаков того, что он скоро возвратится к жизни.

Открыв ему рот, ученик взял его язык и вернул его в нормальное положение, где его и удерживал, поскольку тот непрестанно норовил вновь запрокинуться в гортань. Он натер его веки жиром, и в последний раз ему на голову было наложено теплое тесто. В этот момент тело аскета содрогнулось, его ноздри расширились, и за этим последовал глубокий вдох; его пульс медленно забился, и члены потеплели. На его язык налили немного расплавленного масла, и после этой мучительной сцены, исход которой казался сомнительным, *его глаза внезапно заблестели.*

Воскрешение йога было закончено, и когда он заметил раджу, то просто сказал ему: «Теперь ты мне веришь?»

Потребовалось еще около получаса, чтобы привести его в чувства, и спустя такой же промежуток времени, всё еще ослабленный, но облаченный в богатое почетное платье и украшенный жемчужным ожерельем и золотыми браслетами, он уже восседал за царским столом.

Через некоторое время, заключив, вероятно, пари с раджой, йог вновь велел себя похоронить, но на сей раз на глубине шести футов под землей. Земля вокруг его гробницы была утрамбована, склеп замурован, сверху насыпана земля, а в ней посеян ячмень. По свидетельству всё тех же очевидцев, Харидес пролежал в этой могиле *четыре месяца*; по прошествии же этого времени он вернулся к жизни, как и в первый раз¹⁹¹.

Как бы мы ни объясняли летаргию индусских факиров и йогов и какой бы далекой она ни казалась от состояния вампира, описанного

¹⁹¹ *Analyse des choses*, pages 171–175.

нами выше, нам придется признать, что эти различные примеры, которые в равной степени подтверждались и удостоверялись на протяжении нескольких веков и в тысяче разных мест, взаимно друг друга поддерживают и подкрепляют.

Что же касается *Ликантропии*, небольшое сходство, очевидно, связывает ее с вампиризмом в собственном смысле слова. В обоих случаях призрак-убийца бродит по деревне в облике различных животных, и в обоих случаях он обычно нападает на людей, которых встречает: существенное различие состоит лишь в том, что *оборотень* является живым колдуном, спящим в своей кровати, пока его астральная форма ходит по улице; а *вампир* — это, наоборот, мертвый колдун, живущий в своей могиле.

Слово *Ликантропия* — очень неточный термин¹⁹², поскольку перемежающиеся превращения колдуна вовсе не ограничиваются общим обликом волка; согласно традициям сумеречной магии, адепты Шабаша принимают личины разных животных, под которыми они возвращаются домой по окончании своего сблища: кошки, собаки, козла, барана и даже улитки, слизняка или лягушки; единственная трудность — это проблема выбора. Вот почему страстные поклонники *демонологии* довольно часто встречаются с магами и ведьмами, возвращающимися с Шабаша: ведь нужно быть очень уж невезучим, чтобы не встретить на дороге хотя бы одно из этих различных животных.

Возвращаясь к волку-оборотню, следует сказать, что в реальных случаях псевдоморфной биллокации неоднократно констатировалась мгновенность отражательного явления, которое запечатлевает на инертном и отсутствующем материальном теле следы ударов и шрамы от ран, нанесенных блуждающему призраку. Один пример: «Еще читаем, что в Аржантенской епархии три девицы-ведьмы напали в облике кошек на крестьянина¹⁹³, рубившего лес, и что, защищаясь от них, он сильно избил их и ушиб; за какое деяние он был спустя малое время взят под стражу и в свое оправдание показал, что ушиб не женщин, а трех кошек, которые в виде злобных духов напали на него и хотели убить, из чего выяснилось, что сие было дьявольским наваждением»¹⁹⁴. Все три ведьмы, как и следовало ожидать, были сожжены.

¹⁹² В переводе с древнегреческого *ликантропия* дословно означает «превращение человека в волка». (Прим. перев.)

¹⁹³ Боден, рассказывая об этом же происшествии, выражается еще более определенно: «...Жили три Ведьмы близ Страсбурга, что напали на некоего пахаря под видом трех больших кошек, и, защищаясь от них, он поранил и прогнал этих кошек, которые в тот же миг оказались в постели больными в облике сильно израненных женщин...» (*Demonomanie*, page 108, B).

¹⁹⁴ Valderama, *Histoire generale du monde*. Paris, 1619, in-8. Tome II, page 262.

«Весьма уместно будет прибавить сюда то, что произошло в году 1588, в одной деревне в двух лье от Апшона, что в высоких горах Оверни: некий дворянин, выглядывая ввечеру из окон своего замка, заметил одного знакомого охотника и пригласил его зайти к нему после охоты. На охотника же, что шел по дороге вдоль равнины, напал большой волк, в которого он выстрелил из аркебузы, но не попал, что побудило его подойти к волку и схватить его за уши; но, наконец, утомившись, он избавился от волка и, отступив назад, выхватил большой охотничий нож, что носил с собой, ударил им волка и отрубил ему одну лапу, которую спрятал к себе в карман, после того как волк обратился в бегство; и затем он вернулся в замок того дворянина, на глазах у которого боролся с волком. Дворянин же попросил рассказать ему об охоте, что охотник и сам хотел сделать, и, полагая вытащить из кармана лапу, вытащил кисть руки, на одном из пальцев которой был золотой перстень, и дворянин признал в нем перстень свой жены; сие внушило ему большие подозрения, и, войдя в кухню, он застал там свою жену, что грелась, спрятав руку под передником, которую он вытащил и увидел, что кисть отрублена. Вслед за чем сей дворянин приступил к ней со всей суровостью, но вскоре, после того, как ей была показана кисть, она созналась в том, что это она в облике волка напала на охотника, и была затем сожжена в Рионе...»¹⁹⁵

Эта удивительная история обладает всеми чертами апокрифа: в том, что кастелянша была через отражение ранена в руку, нет ничего невозможного, как мы увидим в Книге II; но превращение лапы в кисть руки в *кармане* охотника представляет собой, даже если предположить подобное явление, явный вымысел. Эту деталь сен-клюдский судья счел старинной «арабеской». К тому же он не упоминает о приговоре, вынесенном в Рионе, и пересказывает это приключение с чужих слов. Но нам показалось, что оно заслуживает того, чтобы быть приведенным здесь без изменений.

Обычно считается, что волк-оборотень пожирает жертв своих нападений и преимущественно — детей младшего возраста. Да и в наши дни не грозят ли оборотнем перепуганным детишкам, когда они становятся менее послушными или менее покорными?

Пьер де Ланкр посвятил оборотням целую книгу своей «*Картины непостоянства*» (стр. 235—329, то есть 95 страниц ин-кварто). Достаточно прочитав его рассказ о процессе 1603 года и приговоре, вынесенном в высшем суде Бордо юному тринадцатилетнему оборотню, сожравшему мальчика и девочку. Поскольку суд признал его невменяемым, к нему проявили снисходительность: попросту заточили в монастырь на всю оставшуюся жизнь. Ланкр, встречавшийся с ним в этой обители с похвальной целью пронаблюдать за его обращением, был потрясен устойчивостью его людоедских наклонностей: «Он бесцеремонно признался мне, что по-

¹⁹⁵ Boguet, Discours des Sorciers, pages 341—342.

прежнему испытывает склонность к поеданию плоти маленьких детей, среди которых наибольшее удовольствие ему доставляли (или доставляли бы) маленькие девочки. Я спросил его, поедал ли бы он их, если бы ему не запрещали, и он чистосердечно ответил, что да, и с большей охотой девочек, нежели других детей, ибо они нежнее. И монахи сказали мне, что в самом начале, когда его поместили в монастырь, они видели, как он украдкой ел рыблю требуху и внутренности, которые ему давали...»¹⁹⁶

Во все времена обвинение в антропофагии представлялось в народном воображении одним из тягчайших, какое могли предъявить пособникам Преисподней. Считалось, что стрейги, ламии и маги перерезали на Шабаше горло некрещеным детям. Их нежная и сочная плоть, похоже, особенно высоко ценилась в Синагоге¹⁹⁷. Следующий текст позволяет нам, однако, предположить, что для ведьм «на безрыбье и рак был рыбой»: «Если стрейгу уличат в том, что она сожрала мужчину, то она должна будет заплатить двести сольдо». Это написано в главе LXVII «Салических законов».

Впрочем, благодаря этому изолированному тексту может сложиться превратное представление; участник сатанинских оргий должен сам признаться в своих вкусовых предпочтениях. Он редко бывал «леопардом», а чаще «гиеной» или «шакалом» — падаль была для него привычной, излюбленной добычей. Обратимся к судебным процессам над всеми этими маньяками, показания которых перед судьями предоставили материал для нашего описания Шабаша.

Шабаш! Пандемониум бесчестия и злодейств, воплощенных в самых уродливых формах: перед нами официальный «театр» классического и легендарного колдовства.

Что сказать об этой мрачной комедии, разворачивающейся в еще более мрачной обстановке? Какую реальность ей приписать? Не существовала ли она лишь в том же смысле, что и сказочный Броселиандский лес, всё еще видимый для некоторых мистиков Финистера (друзей волшебника Мерлина и феи Вивианы), но исчезнувший для равнодушных взглядов, который мы тщетно стали бы искать на карте Бретани?.. Вот наш ответ:

В первую очередь, достоверно известно, что колдуны из плоти и крови устраивали и устраивают до сих пор сборища, на которых они совершают самые гнусные таинства. Со своей стороны, мы знаем о тех из них, что регулярно проводятся в самом Париже и в других городах. Мы свидетельствуем и ручаемся в их существовании; свидетельствуем как очевидцы, ручаемся с отвращением: мы вернемся к этой теме в главе VI.

¹⁹⁶ *Tableau de l'Inconstance*, page 317.

¹⁹⁷ Как уже говорилось, «Синагогой» в средние века называлось сборище колдунов и ведьм (см. стр. 285). (Прим. перев.)

Но существует также другой Шабаш, более грозный и тайный. Физический, материальный, видимый мир — лишь грубая изнанка более тонкого, столь же реального, *если только не более реального*: астрального мира. Это область, в которой Колдовство проявляет все бредовые образы своего неистового упоения, всю роскошь своего надменного бесчестия, все великолепие своего преступного ничтожества! Здесь оно замышляет, паразитируя на бытии, чудовищные деяния, которые каждый день терпят провал при их проявлении на видимом плане: поскольку физическая природа может только путем насилия над собой довести до конца гибельные последствия не соответствующей ей причины, несовместимой с гармоничными законами вселенной. И коль скоро эти «выкидыши» совершенно нежизнеспособны, зло уменьшается, хотя по-прежнему остается ощутимым.

Значит, на материальном плане колдовские чары и порча, конечно же, имеют губительные последствия, но редко достигают полной зрелости... Однако это «редко» повторяется с удручающей частотой. Представьте себе коварную, неутомимую десницу, щедро сеющую ядовитые семена в мире живых: но эти семена, упавшие на бесплодный песок, сгнивают под дождем или высыхают на солнце, вместо того чтобы прорасти под их двойным воздействием. Немногие из них пускают хрупкий, хилый росток и гибнут в пору цветения; некоторые цветут и плодоносят: горькие, редкие плоды! Но их достаточно для того, чтобы отравить прохожего, который их сорвет...

Уразумел ли ты эту притчу, дорогой читатель?

Колдуну удастся вредить лишь неожиданно и в виде исключения, подобно тому, как сбежавший каторжник, совершая преступление, знает, что его схватят, но по-прежнему тянет свою «лямку», а жандармы идут за ним по пятам!

Колдун жаждет господства, а стал рабом.

Иногда он восстает и сбрасывает цепи, но счастье подобных «Спартак» длится недолго, и миру столь же пристало опасаться господства черных магов, как Риму — бояться победы рабов.

И если даже колдуну удастся совершить зло, его ненавистные деяния не приносят ему никакой пользы; он сам становится их первой же жертвой.

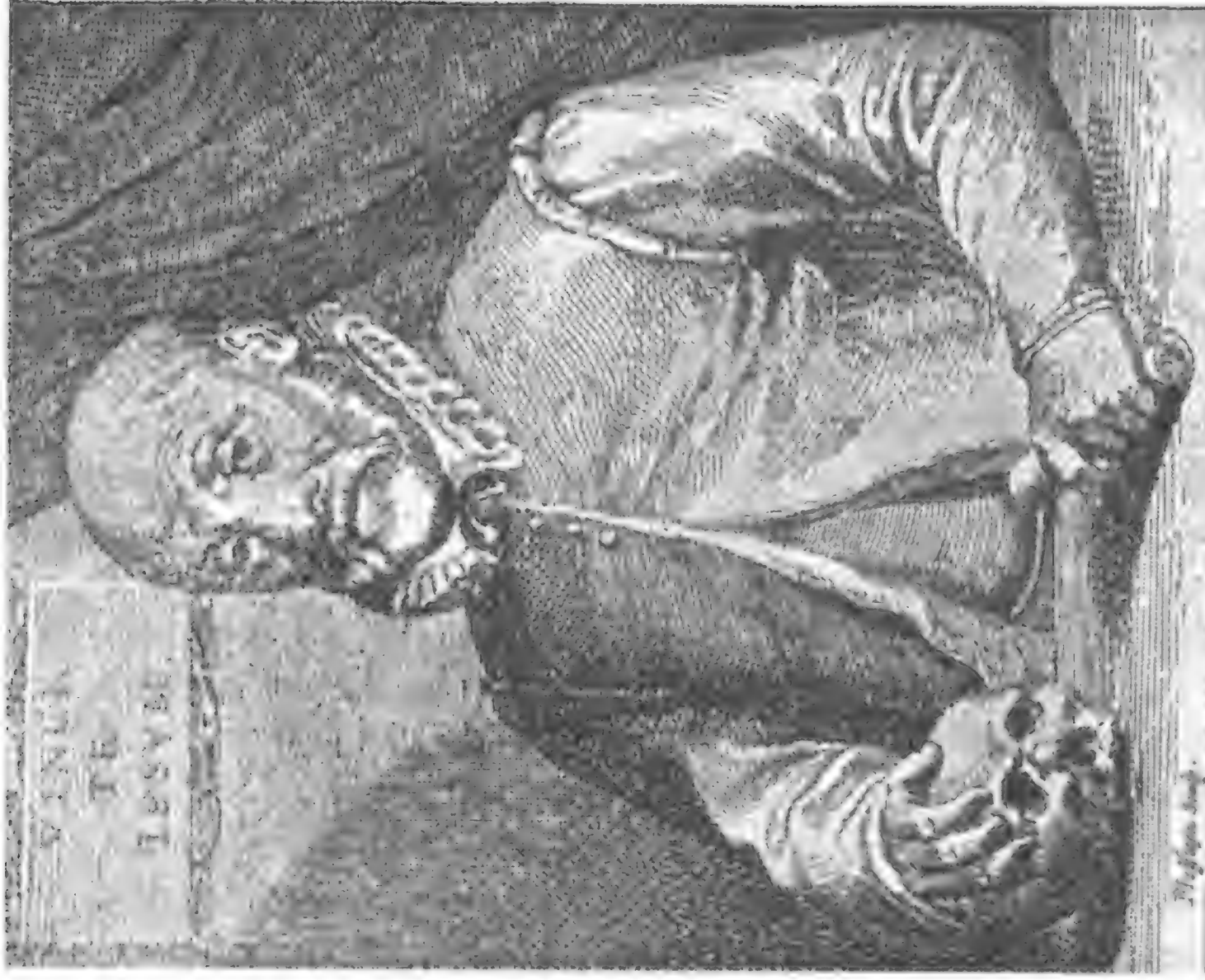
Его самым большим желанием, которое никогда не сбывается, было бы поразить другого, не получив ответного удара, но вселенский Закон взаимозависимости приводит его к неудаче и осуждению.

Он пресмыкается и барахтается в отчаянии своего окончательно бессилия, подобно слизняку на Шабаше, посреди липких объедков оргии висельников.

BALTHASAR BEKKER,
Docteur en Theologie, & Ministre
à Amsterdam.

IOANNES WIERWIX.

ANNO ÆTATIS LX SALUTIS M D LXXVI

ИМПЕРАТОР = КВАТЕРНЕР = КУБИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ =
МОГУЩЕСТВО... ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ПРАВОСУДИЕ

ГЛАВА IV

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ПРАВОСУДИЕ

מכשפה לא תחיה:
(ספר ואלה שמות)

*Maleficos non patieris vivere*¹⁹⁸.
(Исход, 22:18)

ЭТОТ лаконичный стих Моисея, предписывающий *не оставлять ведьму в живых* (дословно!), служит эпиграфом к фанатичному произведению советника Пьера де Ланкра, и все юрисконсульты, рассуждавшие о преступной магии, обязательно приводят его в подтверждение своего кровавого тезиса, словно *Божью заповедь*, для которой наиболее

¹⁹⁸ «Ворожеи не оставляй в живых» (лат.). «Картина непостоянства» по этому поводу. — Ланкр неточно переводит מכשפה как *Maleficos*; это единственное число женского рода, означающее *Ведьма*. (Точный перевод — *Praestigiatrix*, который дает Б. Арий Монтан в своей «*Biblia hebraica*», включающей в себя латинский подстрочник.)

В XX главе *Книги Левит* читаем также (стих 27): «Мужчина или женщина, если будут они вызывать Дух Аоб или волхвовать (Идони), да будут преданы смерти; камнями должно побить их, кровь их на них».

И во *Второзаконии*, глава XVIII, стих 10–12: «Не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь свою чрез огонь, прорицатель, вопрошающий Время, или *Нахаш*, чародей;

Обаятель, вызывающий *Аоб* или *Идони*, и вопрошающий мертвых (Некромант);
Ибо мерзок пред Йод-хеве всякий, делающий это...»

варварские законы и предписания, вынесенные против колдуна различными законодателями, служили лишь юридической адаптацией и как бы правовым «отголоском», передававшимся из века в век.

Нелепые и жестокие обычаи, введенные в средние века, вовсе не исчезли вместе с этой эпохой: усилением фанатизма отмечено всё XVI и 1-я половина XVII столетия.

Даже самым умеренным судьям костер представлялся тогда не только вполне справедливым, но и едва ли достаточным искуплением подобного злодеяния; так как, по словам Бодена (одного из авторитетов в данном вопросе), колдовство делится на пятнадцать гнусных преступлений¹⁹⁹, наименьшее из которых, по его мнению, заслуживает *лютной смерти на медленном огне*²⁰⁰.

В эту эпоху раздалось лишь два голоса, возражавших против чрезмерной строгости, вошедшей в обыкновение: медика Иоганна Ви́ра, или Ви́руса, и протестантского пастора Бальтазара Беккера.

Вир в своем трактате «*De Lamis*»²⁰¹ и, особенно, в своем большом произведении о «*Дьявольских наваждениях и обманах*»²⁰², утверждает, что колдун — это не преступник, которого следовало бы сжечь, а больной, подлежащий лечению. Суждение тем более редкостное и неожиданное, что Вир не оспаривает ни власти демонов, ни реальность колдовства. Этот благородный мыслитель вызвал всеобщий вопль негодования: доказывать безумие колдунов — не означало ли это открыто встать на их сторону?.. К тому же он был учеником и другом Корнелия Агриппы, автора «*Оккультной философии*»: еще один повод для подозрений. Одним словом, намекали на то, что он защищал *pro domo et patria*²⁰³ и сам был приспешником Ада.

Боден тотчас же опубликовал, вслед за «*Демономанией*», «*Опровержение взглядов Иоганна Ви́ра*»²⁰⁴, которое начинается так: «По окончании сего произведения и перед тем, как отдать его в печать, Печатник, которому я дал это поручение, прислал мне новую книгу «*De Lamis*» медика Иоганна Ви́ра, где он защищает колдунов... Что дало мне возможность ответить ему не из ненависти, а, во-первых, во имя Господа, против коего он ополчается. Во-вторых, дабы опровергнуть взгляды иных судей, которых сей человек заставил изменить свои взгляды и сим похваляется, кичась тем, что добился этого своими

¹⁹⁹ См. главу III, стр. 289.

²⁰⁰ *Demonomanie des Sorciers*, pages 217—220.

²⁰¹ Basileae, 1577, in-4.

²⁰² Geneve, 1579, in-8.

²⁰³ свой дом и родину (лат.).

²⁰⁴ Paris, 1587, in-4.

книгами, благодаря чему ряды самых отъявленных колдунов ныне расширяются²⁰⁵, и называя палачами тех судей, кои отправляют их на костер: что меня чрезвычайно удивляет, ибо подобное мнение должно принадлежать человеку весьма невежественному и весьма злобному. Однако же Иоганн Вир показывает своими книгами, что он вовсе не невежда, и даже лекарь, и, тем не менее, он учит в своих книгах множеству чародейств, достойных порицания... что я не мог читать без отвращения»²⁰⁶. Далее необходимо видеть, с каким высокомерием Боден отсылает его, «коновала», не способного к высшей теологии, к «ипостаси мочи»!

Глас бедняги Вира вопиял в пустыне! Примерно столетие спустя Бальтазар Беккер в своем «*Волшебном мире*»²⁰⁷ подхватил и подчеркнул, во имя Иисуса Христа и милосердия, тот самый тезис, который Вир отстаивал во имя физиологии и медицины: он тоже не имел успеха. Беккера обвинили в том, что он отрицает существование Дьявола; случай наделал много шума... По настоянию своих же единоверцев, он был освобожден от обязанностей священника своими голландскими коллегами, собравшимися по этому поводу на синод.

Отрицая *a priori* саму личность колдуна, Беккер пошел еще дальше: лучше бы он придерживался взглядов Вира. С тем, что адепты гоэтии — безумцы, я соглашаюсь в большинстве случаев; но это, прежде всего, зловерные безумцы. Нам известны страшные слова председателя суда присяжных: «Если мономания — болезнь, то, когда она приводит к преступлениям, карающимся смертной казнью, ее следует лечить на Гревской площади».

Многие сочтут это средство немного радикальным... Со своей же стороны, я полагаю, что человеческое правосудие не может и не должно преследовать кого бы то ни было по обвинению в колдовстве²⁰⁸; но процесс маршала де Рэ скоро предоставит нам пример чудовищных преступлений, для которых колдовство служит иногда прикрытием; вне всякого сомнения, долг человеческого правосудия — расследовать эти преступления и находить их виновников.

²⁰⁵ Таким образом, уголовное право было подвержено в это время странным «перебоям»; но именно в эту эпоху и, особенно, в начале XVII столетия, было сожжено, возможно, больше всего колдунов.

²⁰⁶ Стр. 238–239.

²⁰⁷ Голландское произведение, переведенное на французский язык (Amsterdam, 1694, 4 vol. in-12).

²⁰⁸ Дело не в том, что я оспариваю ответственность колдунов в отдельных случаях и, в особенности, криминальный характер порчи; но я не признаю компетенцию судьи в вопросе чистой магии.

Чтобы справедливо судить о жестоком средневековье и беспощадных судах, переживших его на несколько столетий, необходимо знать, до каких пределов могло распространяться злоторное влияние тех, кого они преследовали под именем колдунов. Хорошо понять обряды, свойственные некромантам, и озарить ярким светом тьму Черной магии; определить долю вымысла и истории, воображения и реальности; трезво оценить злодейство и глупость этих эксплуататоров общественного легковерия, которые часто обманывали первыми самих себя; значение их оружия, порой иллюзорный, а порой действенный характер их махинаций — это более трудная задача, чем можно было бы себе представить.

Рассудительность, проницательность и специальные знания, которые необходимо здесь применить, превращают ее в весьма деликатную проблему... И, не оправдывая пыток, всегда жестоких и достойных осуждения, лишь немногие эрудиты смогут понять и признать, что виновники колдовства заслуживали, по большей части, если не костра, то, по крайней мере, эшафота.

Не уместно ли, впрочем, сослаться, в оправдание безжалостных судей, на панику населения, выступавшего в роли пособника, и обскурантизм столь прискорбной эпохи? Это двойное *смягчающее обстоятельство* повлияет на приговор беспристрастной истории, когда все документы высшего процесса будут окончательно собраны и классифицированы, а советники и прокуроры предстанут, в свою очередь, перед судом потомства.

Несомненно, следует сожалеть о казни множества невиновных, немало из которых было раздавлено колесом слепой Фортуны!.. Растерянность обвиняемых, глупость свидетелей, недостаточная криминалистическая подготовка, слишком часто поверхностное и отданное в неспособные или предвзятые руки: всё способствовало тому, чтобы сделать иллюзорной ту безопасность, которой любой справедливый законодатель всегда старается окружить беззащитного обвиняемого. Сколько раз этот последний, преждевременно признанный виновным, становился жертвой личной жестокости прокурора или коллективной недобросовестности предубежденных судей!

Впрочем, в вопросе колдовства обычная процедура более не надевала на следственных судей свою спасительную «узду» и не обеспечивала подсудимому гарантию благодетельной рутины: это было *исключительное преступление!* Судьи получали дискреционные полномочия, и часто их юрисдикция заранее объявлялась верховной и не подлежала обжалованию. Так было в 1609 году, когда король Генрих IV делегировал гг. д'Эспанье, Председателя Парламента Бордо, и советника де Ланкра «для розыска колдунов в Лабуре и окрестных землях... Дабы

они могли вершить и завершить верховный процесс, невзирая на любые опротестования и обжалования»²⁰⁹. Так было и в 1634 году, когда король Людовик XIII, страстно желая удовлетворить злобу кардинала, предоставил неограниченные полномочия господину Лобардемон, для того чтобы он поехал в Луден и расправился с неукротимым кюре де Сен-Пьером — Юрбенем Грандые.

С другой стороны, подобные криминалисты-демономаны вознамерились сформулировать в своих сочинениях Кодекс фанатизма²¹⁰. Неслыханная вещь! Эти невероятные постановления принимались бальи, парламентами, церковными или смешанными судами как имеющие силу закона.

То была победа бредовых предрассудков над справедливостью и здравым смыслом; то был апофеоз произвола, попирающего право.

Возбуждаемое ошибочно или справедливо малейшими уликами, общественное осуждение указывало пальцем на подозреваемых — и последние могли считать себя заранее обреченными на неизбежную казнь на костре.

Все это печальное положение вещей, по-видимому, больше связано с самим временем, чем с людьми... Каковы бы ни были эти беды и сколько бы колосьев чистейшей пшеницы ни легло под серп вместе с плевелами, не будем необдуманно предавать анафеме судей былых времен: они считали себя обязанными «прижигать» каленым железом повсюду процветающую и возрождающуюся «проказу»; свою миссию эти жуткие «хирурги» выполнили; и завершение этого произведения станет, я думаю, конечно же, не их оправданием, но, несомненно, их уважительным извинением.

Истина обязывает нас признать, что колдовство запрещалось во все времена законодателями всех народов и повсюду наказывалось с величайшей строгостью. Приведем основные примеры.

²⁰⁹ Pierre de Lancre, *Inconstance*, etc... (Aduertissement).

²¹⁰ Я намекаю, в первую очередь, на книгу Bore (уже упоминавшуюся), переиздания которой осуществлялись с необычайно для этой эпохи частотой: *Discours execrable des Sorciers, avec six aduis en faict de Sorcellerie, et une instruction our un Iuge en semblable matiere*: par Henri Boguet, Dolanois, Grand Iuge en la terre de Saint-Oyan de Ioux, dicte de Saint Claude au comte de Bourgongne, n'estant ce que l'auteur a cy-devant mis en lumiere sur le meme suiet, qu'un eschantillon de ce qui est traitte en ce liure (3^e edition) (*Рассуждение о колдунах, с шестью сообщениями о фактах колдовства и наставлением для судьи в подобном вопросе*: написано Анри Богс, из Доля, великим судьей в земле Сент-Уан-де-Жу, прозванной Сен-Клод, в графстве Бургундия, всё, что автор опубликовал прежде на ту же тему, является лишь образчиком того, о чем трактуется в этой книге, 3-е издание). A Lyon, chez Pierre Rigaud, 1610, fort vol. in-8.

Это единственное полное издание данной книги, которое давно признано авторитетным.

«*Vendidad-Sade*»²¹¹ запрещает под страхом самых суровых наказаний обряды вызывания и волшебства. Эта сакральная книга приписывает их изобретение *Яту*, врагам Зороастра. Если верить Франсуа Ленорману, аккадские жрецы учили еще задолго до этого теократа искусству предотвращать порчу и отсылать ее обратно, путем своеобразного возвратного удара, на голову наславшей ее колдуньи: «Пусть она умрет, а я останусь в живых!..» — такова была формула отражения²¹².

В *папирусе Гарриса*, очень древнем манускрипте, обнаруженном в Фивах в 1855 году, содержатся ценные сведения о практической магии Египта. Переводчик этого важного документа²¹³, г-н Шаба, расшифровал сохранившуюся часть еще одного манускрипта того же происхождения, также написанного тайными иерограммами: речь идет о процессе и осуждении на смерть в правление Рамзеса III одного управляющего стадами, возможно, простого египетского пастуха... Среди колдовских чар, вменявшихся в вину этому *хаи* («развращенному человеку»), упоминается парализация руки посредством *человечков Менха*²¹⁴, а также другие «великие мерзости». Туманно изложенный приговор гласит: *пусть сам он умрет, согласно приказу фараона и согласно тому, что написано в строках божественного языка*.

Нам остается лишь напомнить о трех категоричных текстах Моисея, приведенных в начале этой главы.

Все хорошо помнят характерный эпизод из *Книги Царств*: Саул у Аэндорской волшебницы²¹⁵. Измученный вещими страхами, которые его совесть, насколько бы она ни огрубела, не могла в себе подавить, переодетый царь приходит к женщине, известной в народе своими пророчествами, совершаемыми под защитой призраков *Аобот*; он приказывает ей вызвать тень наби²¹⁶ Самуила. Волшебница не желает подчиняться ему, ссылаясь на закон, грозящий смертью прорицателям, восстановленный самим Саулом. Последний успокаивает ее, и она, наконец, принимает решение; но как только привидение появляется перед глазами ворожей, она издает громкий крик: «*Зачем ты обманул меня? Ты — Саул!..*» — «*Не бойся, — сказал царь, — что ты видишь?*» — «*Я вижу разверзшуюся землю и как бы бога, выходящего из глубин... Это муж престарелый, одетый в длинную одежду*». Узнав святого наби,

²¹¹ *Vendidad-Sade*, I, pages 52–56.

²¹² *La Magie chez les Chaldeens*, Paris, 1874, in-8, pages 55–56.

²¹³ Опубликовано им в 1860 г.

²¹⁴ Всё это наводит на мысль о том, что речь идет о наведении порчи с помощью восковой фигурки.

²¹⁵ 1-я Книга Царств, XXVIII, ст. 7–21.

²¹⁶ пророк (др.-евр.).

Саул падает ниц на землю; но — заслуживающая нашего внимания деталь — перед тем, как предсказать царю, отвергнутому Йод-хеве, его поражение и смерть, Самуил горько упрекает его за то, что он нарушил его загробный покой, и особенно за то, что он заставил его вновь пройти через мрачную дверь, которую всякий смертный должен пройти лишь однажды.

Если мы перейдем к Греции, то обнаружим изданный там закон против волшебников: «Он гласит, что все те, кто колдовскими чарами, речами, лигатурами, восковыми изображениями или другими видами порчи околдовывает или очаровывает кого-нибудь, и те, кто пользуется ими для того, чтобы погубить людей или скот, будут наказаны смертью»²¹⁷.

Об этом законе сообщает Платон²¹⁸. Демосфен рассказывает о его применении: колдунья Лемния была предана смерти по доносу своей служанки. Павсаний²¹⁹ упоминает о судебной палате, специально учрежденной Афинской республикой с целью подавить преступное колдовство и положить конец всем суевериям, опасным и пагубным для культа национальных божеств.

В Риме *Законы двенадцати таблиц*²²⁰ также карали смертью всякого гражданина, виновного в нанесении вреда, с помощью чар или заклинаний, людям, скоту или урожаю. Этот старый юридический текст клеймит самого колдуна, называя его «мерзостным»: *Sacer esto!*²²¹ Известно, что римляне не злоупотребляли этим проклятием, которое было у них, как совершенно верно отмечает Ламар, проявлением высочайшего негодования.

Пьер де Ланкр²²² напоминает о казни ста семидесяти колдуний в Риме в консульство Клавдия Марцелла и Валерия Флакка: они насылали порчу на различных людей, натирая двери волшебными мазями.

При Августе пунктуально разыскиваются все книги по магии, которые могли находиться в Риме; они были сразу же сожжены, в количестве двух тысяч экземпляров, по категорическому приказу Императора. Тиберий и Нерон подтверждают новыми указами силу древних законов. Последний даже изгоняет из Италии всех философов под тем предлогом, что они тайно предаются искусству гадания: что

²¹⁷ *Traite de la Police*, de M. de Lamarre, tome I, titre VII.

²¹⁸ Платон, *De Legibus*, книга II.

²¹⁹ Павсаний, *In Elia...*, книга V.

²²⁰ *Leg. duodecim tabular...*, art. 55, 68, 69, etc.

²²¹ Римская формула, означающая «да будет он предан inferнальным богам» и дававшая право палачу убить осужденного. (Прим. перев.)

²²² *L'Inconstance*, etc..., page 138.

не помешало этому государю, воодушевленному столь похвальным рвением, вызывать манов своей матери Агриппины.

Христианские государи подавляют, разумеется, с величайшей суровостью, занятия проклятыми науками, смешивая под этим названием самую высокую Магию и самую низменную Гоэтию — которые Собор в Анкире огульно предаёт анафеме (314 г.).

Константин издаёт в 319 году закон, направленный против Гаруспиков; но два года спустя новый закон частично отменяет старый... Борьба усиливается при Констанции, который приказывает (357 г.), чтобы каждому волшебнику отрубали голову.

После попытки политеистической реставрации при Юлиане Мудром (прозванном Отступником) магия обычно смешивается с собственно язычеством в указах последующих христианских императоров: Ювиана, Валентиниана, Валента, Гонория, Феодосия, Аркадия и Льва.

Что же касается варваров, обосновавшихся с этого времени в Галлии, то их государи проявляют не меньшую суровость. Задолго до обращения Хлодвига в христианство (496 г.) салические законы упоминают и карают преступное колдовство. Хильперик III датирует 742 годом указ против колдунов, а Карл Великий основывает в 772 году Святой Вем с целью их истребления в Германии.

Несколько королей Франции, с помощью издававшихся подряд указов, заботились о том, чтобы это «отродье» преследовалось и уничтожалось по всей строгости закона. Мы завершим этот утомительный, но всё же далеко не полный перечень сообщением об ордонансах Карла VIII (1490 г.), Парижского прево (1493 г.), Карла IX в Орлеанских штатах (1560 г.) и Генриха III в Блуаских штатах (1579 г.); о королевских грамотах Людовика XIII, датируемых 20 января 1628 года, и, наконец, об уже менее варварском указе Людовика XIV, датируемом июлем 1682 года, который Парламент Парижа зарегистрировал 31 августа того же года²²³.

Что же касается папских булл против колдунов, решений Соборов, епископских посланий и других документов, исходивших от религиозных властей, то рамки моего сочинения не позволяют мне касаться

²²³ Существует два взаимосвязанных указа; оба они воспроизводятся *in extenso* (лат., «целиком, полностью») в конце произведения Данги: *Traite sur la Magie, le Sortilege, les Possessions, Obsessions et Malefices...* A Paris, chez Pierre Prault, 1732, in-12:

1) Королевский Указ о наказании за различные преступления, совершаемые прорицателями, волшебниками, колдунами, отравителями и т. д... (прорицатели изгоняются из королевства, а святотатцы и отравители предаются смерти...)

2) Королевская декларация против цыган и тех, кто предоставляет им убежище... (пожизненная каторга для цыган; цыганки обриваются, а в случае рецидива — высекаются и изгоняются).

их даже мимоходом. Приступить к рассказу о соперничестве между церковной и гражданской Властями, о конфликтах между трибуналами двух юрисдикций, о создании смешанных судов и т. д. означало бы увлечь моего читателя в запутанный лабиринт, где я серьезно рисковал бы заблудиться вместе с ним, если только у него не хватило бы жестокого здравого смысла, чтобы не составить мне компанию: что я считаю вполне возможным, поскольку его терпение уже на пределе (как я полагаю) после сухого и монотонного перечисления, через которое он только что любезно за мной проследовал.

Я мог бы сказать только в целом, в том, что касается Франции, что акт парламента Парижа, изданный в 1281 году по просьбе парижского епископа, оставлял рассмотрение занимающих нас преступлений исключительно за духовенством²²⁴; но к XV веку судебная практика, наконец, закрепилась, и они вновь перешли в ведение светского судьи.

Я сообщил бы также о неслыханной булле Иннокентия VIII (1484 г.), предписывавшей судьям не допускать, чтобы колдуна (часто слабоумного и совершенно не способного защитить свою жизнь) представлял адвокат или даже добровольный защитник. В подавляющем большинстве случаев наиболее беспощадные и наименее щепетильные судьи вовсе не принимали в расчет этот запрет; но, тем не менее, он остается типичным и показательным для общей атмосферы средневековой церковной жизни.

Впрочем, с этим запрещением обходились так же, как всегда обходятся с чрезмерными предписаниями, способными возмутить общественное сознание: их открыто нарушают, и каждый стремится к тому, чтобы они поскорее вышли из употребления.

Вам нужны другие примеры? Римско-католический требник напоминает больным, что, согласно постановлениям Латеранского собора и посланиям нескольких пап, любому врачу запрещается под страхом самого сурового наказания посещать своих пациентов более трех раз, не потребовав у них доказательства того, что они исповедались и получили отпущение грехов²²⁵. Когда соблюдался подобный запрет?.. Не думаю, что его принимали во внимание даже в эпоху самого оголтелого фанатизма.

²²⁴ Подробнее см. Goerres (*La Mystique*, tome V, page 358).

²²⁵ Вот точный текст из требника: «An si opus fuerit, tam infirmo quam ejus familiaribus vel propinquis in memoriam revocet, quod Latranensis Concilii, ac plurimum Summorum Pontificum decretis cavetur sub gravibus poenis, ne medici ultra tertiam vicem aegrotos visitent, nisi prius certo constet confessionis sacramento rite expiatis fuisse». (глава DE VISITATIONE ET CURA INFIRMORUM).

Третий пример: те предписания, в которых мы так горько упрекаем Рим варварских веков, правительство Луи-Филиппа не постыдилось воспроизвести в 1832 году, после мятежа в монастыре Сен-Мерри. Нет, я ошибаюсь: оно отважилось на еще более низменный шаг. Г-н Жиске, префект полиции, выпустил циркуляр, предписывавший всем медикам доносить в военные советы на раненых, которым они будут оказывать помощь!.. К чести французского медицинского корпуса следует отметить, что этому неудачливому функционеру никто не стал повиноваться по всей линии фронта: не было представлено ни одного доноса. Данный циркуляр вызвал такое отвращение среди общественности, что король Луи-Филипп (то ли заразившись всеобщими настроениями, то ли из деликатности) счел своим долгом засвидетельствовать, что он тоже испытал омерзение.

Но вернемся к юридическим порядкам последних столетий в вопросе колдовства. Мы говорим «последние столетия», поскольку, какими бы чудовищными ни были *средние века*, никогда в истории число смертных казней, «сдобренных» неописуемыми зверствами, не выросло до таких масштабов, как при последних Валуа и первых Бурбонах.

Юристы, как мы уже говорили, классифицировали интересующие нас факты как исключительные преступления; но мы увидим, что они под этим понимали: эти преступления являются «более тяжкими, наносят более непосредственный вред обществу и поражают Общественное благо удивительным и совершенно особым образом, как, например, оскорбление Величества... ересь... колдовство... измена... вызывание... подделка монет... разбой... каковые преступления обычно называются исключительными, поскольку они действительно исключены из общих и обычных правовых положений, так что в судебных преследованиях и наказаниях, производимых за подобные преступления, необязательно выполнять общие и обычные процедуры, которые закон предписывает для других»²²⁶.

Таким образом, в вопросе магии большинство юристов соглашались с тем, что молва, указывая на какую-либо особу, узаконивает ее арест и пытки (*Боге*).

Что возрастные, половые и должностные привилегии должны быть отменены (*Дельфио*).

Что допускается, когда сын доносит на отца, а дочь — на мать²²⁷ (*Боден*). Достаточно одного свидетеля (*Боге*).

²²⁶ *Aduis aux Criminalistes sur les abus qui se glissent dans les Proces de Sorcellerie*, etc... a Lyon, chez Claude Prost, 1640, in-8, очень редкое издание (стр. 7).

²²⁷ У Бодена мы находим следующую гнусную фразу: «Что касается девушек, если они обвинили своих матерей до того, как их взяли под следствие, то они заслуживают прощения. Достаточно будет наказания розгами, если они еще в детском возрасте и раскаиваются в содеянном» (Bodin, *Demonomanie*, page 293).

Что, во всяком случае, не следует избегать пыток, «которые особенно подходят для девочек, младенцев или нежных и милостивых женщин» (*Боден*).

Что необходимо обрить всё тело обвиняемого, как мужчины, так и женщины, чтобы увидеть, не прячет ли он амулет молчания, «*etiam in partibus secretioribus, si feminae, sint a feminis, si viri a viris*»²²⁸ (*Дельфио*).

Что «можно выносить приговор по этим чудовищным и тайным злодеяниям на основании улики, догадок и предположений» (*Богге*). «На самом деле, колдовство является более тяжким преступлением, чем отравление» (*Боден*).

Что если имеются улики либо серьезные косвенные доказательства или если обвиняемый признается под пытками, то ему крайне редко отрубают голову; почти всегда его ждет казнь на костре. Иногда его погребают заживо. Если он глубоко раскается, то сможет добиться того, что его «задушат и обезглавят, прежде чем сжечь»: именно это пообещали бедняге Грандье, но так и не сдержали слова; читатель помнит, что он был заживо брошен в огонь²²⁹.

Что если улики совершенно отсутствуют, то применяют наказание изгнанием «без возможности оправдания» (*Богге*).

Нам настоятельно советуют поставить в церквях кружки для изображения колдунов с помощью анонимных записок (*Боден*).

Чтобы добиться признания от подозреваемых, необходимо убедить их в том, что, поскольку их сообщники уже выдали их, то вам хорошо известно об их преступлениях. Таким способом судья сможет увидеть, придет ли обвиняемый в замешательство (*Боден*).

Всё, что вы только что прочитали, в высшей степени отвратительно, не правда ли? Но это еще пустяки, ведь следующие примеры переходят всякие рамки!

Разрешается «с добрым умыслом» (*sic*) убеждать колдуна в том, что *признание принесет ему большую пользу для искупления его жизни: разумея под этим жизнь вечную*, которая наверняка должна быть для него дороже всего и которую он всегда может заслужить своим раскаянием и искренностью перед судьями и своей стойкостью во время пыток! (*Иезуит Дельфио*.)

Еще один пример: можно пообещать колдуну, что если он признается, то его будут кормить мясом и поить вином до конца его дней и даже обязуются построить ему дом. Можно отделаться небольшой мысленной отговоркой, *разумея под домом деревянную клетку, где он будет сожжен заживо, а под оставшимися днями — те, что пройдут до его казни*.

²²⁸ «Также и в сокровенных частях тела, если у женщин — то женщинами, если у мужчин — то мужчинами» (лат.).

²²⁹ См. главу I, стр. 91. — Можно обратиться также к *Urbain Grandier et les Possedees de Loudun*, par le Dr Gabriel Legue (Paris, Baschet, 1880, in-4, fig.).

Подобная хитрость *дозволена законом* и делается *с добрым умыслом* (тот же самый *Дельфио*).

*Item*²³⁰: адвокату колдуна разрешается откровенно беседовать со своим клиентом один на один; но секретарь суда, спрятавшийся в углу комнаты, должен вести протокол, чтобы затем уличить беднягу, застигнутого в момент признания (*Дельфио — Боден*).

Но довольно этих незаконных постановлений.

Нам осталось подробно описать различные пытки, использовавшиеся для того, чтобы ускорить «признание» виновного, но мы отказываемся довести эту задачу до конца, по крайней мере, своими силами; мы просим пощады: у нас слабеет сердце! Сапог, кнут, дыба, «колье», «лошадка», *допрос*²³¹ с помощью воды, огня и т. д. и т. п... Мы просто называем, а не описываем, глубоко уверенные в том, что нас ждет благодарность за эту сдержанность: жалея самих себя, не щадим ли мы и своих читателей²³²?

²³⁰ Кроме того, а также (лат.).

²³¹ *Допрос с пристрастием!*.. Не является ли это выражением, служащее синонимом *предварительной пытки*, неожиданным эвфемизмом, исполненным поистине зверской иронии?... *Допрос... призыв к чистосердечному признанию!*..

²³² Однако важно бегло указать на наиболее употребительные пытки. Д-р Реньяр резюмировал самые важные детали в нескольких точных и лаконичных строках. Нам удалось пощадить чувствительность публики, опустив данные описания в основном тексте, так как мы решили привести в подстрочном примечании этот любопытный отрывок из д-ра Реньяра:

«Самой обычной пыткой в процессах по колдовству был допрос с помощью *сапога*. Ногу обвиняемого помещали между двумя пилами или между двумя досками, стянутыми веревками, и между ногой и доской вбивали клинья с помощью деревянного молотка. Зажатая нога, в конце концов, ломалась, и, как пишет старинный автор, видно было, как из нее *вытекал костный мозг*.

Затем следовала пытка на *дыбе*. Подсудимого подвешивали за руки на веревке, привязанной к потолку, а к его ногам прикрепляли груз. Его оставляли висеть в таком положении, пока он не начинал выть от боли. Тогда судья приказывал ему сознаться; если он отказывался, палач неистово сек его розгами, и содрогания, которые боль сообщала его телу, удваивали его мучения. Если признания не происходило, палач поднимал ведьму с помощью блока до самого потолка и внезапно ронял ее на каменный пол каземата. И это повторялось до тех пор, пока не добивались признаний.

Если дыба оказывалась бессильна, переходили к «*лошадке*». Она представляла собой треугольный деревянный брус с острым верхним углом, на который сажали верхом подсудимую. Затем к ее ногам подвешивали ряд грузов. Ребро бревна медленно, но уверенно вбивалось в плоть, и после каждого отказа сознаться палач добавлял еще один груз. (Тринадцатилетняя Мари Карлье была посажена на шевалет в 1647 году и сидела на нем в течение нескольких часов. Пришлось трижды добавлять грузы, для того чтобы заставить ее сознаться. Она была сожжена заживо. По причине ее юного возраста и дабы не разжалобить толпу, было решено, что казнь состоится на рассвете.)

Можно было также прибегнуть к «*колье*». Так называли железный обруч, изнутри утыканный гвоздями. Его привязывали к столбу, и вставляли в него шею обвиняемой. Гвозди были размещены с таким расчетом, чтобы их острые концы едва впились в плоть. Однако ноги подсудимой обжигали пылающими углями, и, извиваясь от боли, она сама вонзала железные острия себе в горло» (D' Paul Regnard, *Sorcellerie, magnetisme, morphinisme, delire des grandeurs*. Paris, Plon et Nourrit, 1887, grand in-8, p. 32–35).

Если среди них найдется чрезвычайно добросовестный человек, доведший мужество духа до желания вникать во все подробности, или какой-нибудь извращенец, упивающийся деталями этих картин иной эпохи, мы отсылаем их к демонографам и историкам Инквизиции. Там они отыщут полный и систематический перечень всех видов пыток²³³. Мы обращаем их внимание, в частности, на Книгу V «*Магических контроверз*» Дельрио²³⁴, которую этот святой отец посвятил почти исключительно пыткам. Наконец, мы указываем на замечательные лекции профессора Реньяра, собранные в одном прекрасном томе под названием «*Колдовство, магнетизм, морфинизм и мания величия*»²³⁵. Автор, который представляется нам утонченным человеком, исследователем и библиофилом, воспроизводит великое множество старинных деревянных и весьма любопытных медных приспособлений, взятых из довольно редких и почти неизвестных произведений Гуакция (1608), Жильбера де Воса (1625) и Авраама Палинга (1659). Некоторые из этих гравюр изображают разнообразные пытки.

Г-на Реньяра посетила счастливая мысль воскресить несколько удивительных и давным-давно забытых стихов, которые он позволил нам процитировать вслед за ним. Их автор — тот самый знаменитый лотарингский судья, Никола Реми (или Ремигий), утверждавший, что из трех человек, взятых наугад на улице, по крайней мере, двое окажутся колдунами. Мы помним, как он отомстил за относительное недоверие, которое выказывали ему современники, изобличив себя самого, и умер с полным удовлетворением, сожженный заживо на основании своих же вполне добровольных признаний! Поэма, которую он написал, прежде чем позволить себе эту последнюю «прихоть», и оставил в качестве необычного завещания своей мономании, стала библиографической редкостью. Она представляется довольно любопытной и заслуживает почетного переиздания, которого так часто удостоиваются посредственные и бесцветные произведения. Пусть же какой-нибудь издатель-художник исполнит это пожелание!

²³³ Уже отдавая свою книгу в печать, мы познакомились с новой книгой г-на Жюля Бессака: *Les grands jours de la Sorcellerie* (Paris, 1890, grand in-8, более 700 стр.). Хотя мы и не подписываемся под всеми выводами автора, мы не можем не признать большой заслуги этого исследования и громадной эрудиции, о которой она свидетельствует. Г-н Бессак доскопально излагает вопрос пыток, и нам остается лишь отослать к нему всех интересующихся. См. в особенности стр. 149–167.

²³⁴ Сокращенный перевод Андре дю Шена, 1611, р. in-8.

²³⁵ Это то самое произведение, из которого мы заимствовали примечание на предыдущей странице.

...А как-то раз была оказия такая:
На всякий мой вопрос колдунья, как немая,
Ни слова мне в ответ так и не проронила.
Я понял: от меня секрет она свой скрыла.
То долу, то горе взор ведьма обращала
И, руки заломив, о помощи взывала...

Я повелел сказать, чего она страшится,
И вот что мне сия поведала девица:
«Увы мне, — начала стенать в тоске глубокой, —
Сей есть виновник всех невзгод моих жестокой!
Он прячется в щели и ужас мне внушает,
Всем видом он своим дар речи отнимает.
И лапы у него — как раковые клешни,
Выглядывает он, как слизень из скворешни!
Вот пятится назад, перепугать желая,
Рогами грозными ужасно помавая!»

Вы, общества столпы, ревнители порядка,
Караєте вы всех злодеев без остатка,
Не бойтесь проявить излишнюю суровость...

Чтоб ведьму осудить, нам не пристала кротость...
Отправьте на костер негодную девицу,
Юстицией такой века должны гордиться!..

Слог устарел, и рифма бедновата... но этот отрывок вызывает желание познакомиться с оставшейся частью.

Похоже, мы уже собрали достаточно материала, чтобы избавить себя от новых перечней.

Невозможно описать в нескольких строках «подвиги» демонологов, почти каждый из которых был вместе с тем судьей и законодателем. Но еще предстоит создать большую книгу, страшную и захватывающую! У всех этих клеветов узаконенного фанатизма были свои отличительные черты: каждый из них налагал на свои труды собственный отпечаток — и мы легко обнаружим эту психологическую «печать» при рассмотрении различных гекатомб, которыми они вкруговую обагрят территорию своей соответствующей юрисдикции.

Николай Ремигий был мистиком беспощадности; об этом свидетельствуют не только девятьсот ведьм, сожженных им в Лотарингии

за короткий промежуток времени: сорок женщин покончили с собой, чтобы не попасть в его руки, и он хвастает этим в предисловии к своей книге с посвящением кардиналу Лотарингии (1596).

Епископ Женевский, один из самых надменных вельмож, проявил не меньшую «оперативность» примерно семьюдесятью пятью годами ранее: за три месяца он сжег пятьсот ведьм.

Грилланд, инквизитор из Ареццо (1520), признает тысячу семьсот семьдесят жертв: непреклонный и торжественный, не проявляя ни гнева, ни жалости²³⁶, он просто исполнял свой долг священника; и ни один другой богослов, за исключением, возможно, иезуита Дельрию, не был более систематичным и казуистичным.

Шпренгер, наоборот, сострадателен и добр; только из милосердия он поджаривает несколько тысяч подсудимых; вначале он хочет спасти их от адских мук; затем, глубоко тронутый бедами и несчастьями народа, обычно приписываемыми адептам Черной магии, он желает положить конец такому положению вещей, уничтожив всех волшебников до одного.

Пьер де Ланкр — советник при Парламенте Бордо, человек добродушного нрава и нестрогой морали, влюблявшийся в красивых ведьм, когда он их не сжигал, — признается с невероятной бесцеремонностью в том, что осудил шестьсот женщин в течение трех месяцев в области Лабур (1609 г.). По словам некоторых историков, следовало бы говорить о целой тысяче.

В это же самое время, самый недалекий из всех, Анри Боге, судья из Сен-Клода, отправляет шестьсот человек на бургундские костры (ок. 1602 г.).

Автор «Республики», красноречивый адвокат, а впрочем, либеральный и довольно передовой для своего времени писатель, Жан Боден, набрасывает свой собственный портрет росчерком пера: он высказывает пожелание собрать вместе сотни тысяч колдунов, наводняющих мир, чтобы он сам, Боден, мог поджарить их всех за один раз.

Что же касается *аутодафе* римско-католической Инквизиции, то мы не станем останавливаться на них в этой главе; добрые души,

²³⁶ Один штрих к портрету Грилланда, рассказанный Мишле: «Некий молодой человек, идя по полю на ранней заре и следуя вдоль ручья, слышит, как кто-то зовет его очень приятным, но робким и дрожащим голосом. И вот он видит объект жалости — белую женскую фигуру, почти совсем нагую, не считая маленьких кальсон. Стыдясь и дрожа, она спряталась в кустах ежевики. Юноша узнает свою соседку; она умоляет его вытащить ее оттуда. «Что ты там делала?» — «Искала своего осла». Он не верит ей, и тогда она раздражается слезами... Дьявол повез ее на Шабаш; отвозя ее обратно, он услышал звон колокола и уронил ее. Она пыталась заручиться его молчанием... К несчастью, дурачок не смог удержать язык за зубами. Она была сожжена. Грилланд отзывается о ней снисходительно и говорит (чувственный мясник): «Она была красива и довольно жирна, *pulchra et satis pinguis*» (*La Sorciere*, page 445).

возможно, расценили бы как кощунство, если бы мы приравняли к *человеческому правосудию* исполнение того, что они считают *правосудием Божьим*. С другой стороны, видя, как мы требуем права на эту номинальную категорию, другие добрые души вполне могли бы счесть нас ироничными — и вот мы плывем по воле волн между Харибдой и Сциллой!..

На всех не угодишь, гласит пословица. Позволительно ли нам, по крайней мере, выпутаться из этой ситуации путем компромисса? Это означало бы ограничиться указанием источников, к которым каждый будет волен «припасть». «*История Инквизиции и ее происхождения*»²³⁷, с одной стороны, и «*Донесение об Инквизиции Гоа*»²³⁸ — с другой, всегда представлялись нам безупречными в этом отношении. Можно обратиться также с пользой к большому труду Льорренте, генерального секретаря Инквизиции, «*История Инквизиции в Испании*»²³⁹: нельзя было бы написать более рассудительную и взвешенную книгу по такому «жгучему» вопросу.

Одним из самых значительных судебных процессов по делам о Магии, отразившихся на всей последующей истории, был, конечно же, процесс Тамплиеров. Хронологически он должен был предшествовать двум или трем другим, о которых мы собираемся рассказать; но мы полагаем, что у нас есть основательные причины для того, чтобы оставить его про запас. Мы вернемся к нему в последнюю очередь.

Оставляя в стороне «архангельскую» фигуру Жанны д'Арк и ее головокружительную эпопею, завершение которой представляется равно постыдным как для короля Англии (настойчиво стремившегося к этой низости), так и для короля Франции (не рискнувшего своей короной и жизнью, для того чтобы ее предотвратить) — все этапы этого процесса навязли в зубах и известны в самых мельчайших подробностях, — пора вспомнить, что мы обещали набросать портрет знаменитого маршала Бретани, которого предание превратило в Синюю Бороду.

Этот великолепный и жалкий Жиль де Лаваль, сеньор де Рэ, принадлежавший к благородной фамилии Монморанси, был в первой половине XV столетия одним из самых бесстрашных воинов и, прежде всего, одним из самых пышных сеньоров. Его черная, как смоль, борода отбрасывала циановые отблески цвета воронова крыла, откуда произошло прозвище Синяя Борода, а его косые глаза метали искры затаенной свирепости и подозрительного сластолюбия.

²³⁷ Cologne, a la Sphere, chez Pierre Marteau, 1693, petit in-8.

²³⁸ Paris, 1688, in-12, рисунки.

²³⁹ Paris, 1817, 4 vol. in-8.

Его дерзкая расточительность настолько не соответствовала его состоянию, хотя и колоссальному по тем временам, что за несколько лет он растратил, как пишет Гарине²⁴⁰, «двести тысяч экю и более тридцати тысяч ренты, что равнялось бы сегодня, по меньшей мере, тремстам тысячам»²⁴¹.

Он выставлял напоказ роскошь своего благочестия: разодетые, словно прелаты, его капелланы, сплошь униженные золотом, ежедневно отправлялись на поиски новых детей для церковного хора, которые якобы должны были петь в великолепной часовне замка Тиффож, доставшегося ему в виде приданого его жены Катрин де Туар.

Они умело сочетали угрозы и обещания, чтобы добиться от бедных родителей отказа от своих юных сыновей, которым маршал хотел покровительствовать и выпустить их в свет. Другие дети вербовались более таинственным образом. Мишле сообщает нам, что «одна старая женщина по имени *Меффри* бродила по полям и равнинам. Она подходила к маленьким детям, охранявшим скот или просившим милостыню; гладила их и ласкала, но всегда наполовину прикрывала лицо черной кисеей; она заманивала их до самого замка господина де Рэ, и больше их никогда не видели... Набравшись наглости, она перешла к городским ребятишкам»²⁴².

Между тем привычки владельца замка становились всё более и более странными. Жиль де Лаваль повсюду ходил в сопровождении двух гостей зловещего вида: священника-расстриги из епархии Сен-Мало и флорентийского авантюриста по имени Прелати. Начиная с прибытия этих двух людей в замок, не проходило ни дня, когда бы один из певчих не исчезал²⁴³. Делались ли хотя бы робкие попытки узнать, что с ними произошло? По этому поводу де Рэ шутить не любил; он не позволял наводить справки. Он строго запретил всякие нескромные вопросы и даже проявление элементарного любопытства рассматривал как личное оскорбление.

В конце концов, по окрестностям начал распространяться страх. Давно сдерживаемое, а теперь поднявшееся, подобно морскому приливу, общественное мнение окрестило маршала душегубом и колдуном.

²⁴⁰ *Histoire de la Magie en France depuis le commencement de la Monarchie jusqu'à nos jours*. Paris, Foulon et Cie, 1818, in-8, фронтиспис.

²⁴¹ Авторы расходятся во мнениях: «Его доходы оценивались в размере одного миллиона по нынешним меркам», — пишет Кристиан в своей «*Истории Магии*» (стр. 396).

²⁴² Michelet, *Histoire de France*, tome VI, page 335.

²⁴³ Каков поп, таков приход: сеньор де Ретц получил то, чего хотел. Некий лекарь из Пуату по имени Корльон; Силье, поверенный маршала; Понтон, один из его пажей; наконец, его камергер по имени Анрио были другими его сообщниками.

Однажды утром 1440 года замок был осажден по приказу Жана V, герцога Бретани; маршал был арестован посреди своей роскоши и своего могущества — и жадно внимающий мир пришел в ужас от разоблачений самого скандального процесса, о котором упоминают анналы христианской истории.

Полностью разорившийся и, к тому же, обремененный долгами, сеньор де Рэ в отчаянии предавался мерзостям самой черной Гоэтии. Шарлатаны, которым он доверился, на время обольстили его химерическими мечтами: один должен был получить горы золота алхимическими способами; другой обещал, с помощью Сатаны, завладеть для него неисчерпаемыми копями, где на древе металлических сефирот цветет солнечная роза, и получить доступ к чудесным пещерам, сплошь усыпанным драгоценными камнями. Но мнимому ученику Гермеса удалось лишь растратить то небольшое количество золота, которое предоставили ростовщики; что же касается верховного владыки Сил Тьмы, то он убедил маршала в том, что дьявол окажет свою помощь лишь при ужасных условиях: ценой ежедневного принесения в жертву невиннейшей и чистейшей крови...

Поскольку дети не были обнаружены, судебная полиция приказала произвести обыск. Подземелья различных замков Шамтосе, Машкуль и Тиффож обнажили перед следствием более двух сотен страшно изуродованных маленьких трупов. Их отыскивали даже в отхожем месте замка де ля Сюз.

Но это еще не всё. Смешанный трибунал, в котором участвовали в качестве духовных лиц епископ Сен-Бриека и Жан Блуэн, официал из Нанта и инквизитор Франции, собрался под председательством сенешаля Ренна, Пьера де л'Оспиталя; процесс сразу же принял необычный оборот и полностью подтвердил самые оскорбительные подозрения.

В действительности, все отмечали, что Жиль де Лаваль, всегда окруженный своими пажами, проявлял по отношению к женщинам безразличие, которое в данном случае сочли крайне подозрительным; одним словом, его возмутительная суровость была расценена как признак бесчестья. Но об этом только шептали на ухо, и слухи никогда не облекались в плоть и кровь: ведь маршал был таким крупным и могущественным сеньором!.. Но следствие установило, что в Тиффоже встретились все постыдные пороки и что хозяину дома удалось сочетать наилучшим образом свою суеверную алчность с самым свирепым вожделением. Наслаждение, которое всегда от него ускользало, могло быть достигнуто лишь при соблюдении тройного условия — в содомитском соитии с малолетними жертвами, трепетавшими в последних судорогах агонии!

Приговоренный к сожжению 25 октября 1440 года как убийца, содомит, еретик и колдун, он взошел на костер на лугу св. Магдалины, недалеко от Нанта, в восторге от того, что добился в качестве последней милости, чтобы даже во время казни его окружала королевская роскошь, которая составляла всю его жизнь и которую он унес вместе с собой в могилу.

Элифас Леви, обстоятельно рассказывающий об этом прискорбном процессе²⁴⁴, вопреки своим навыкам щепетильного рассказчика, приводит подробности, в подлинности которых он, похоже, ручается, но благодаря которым история сеньора де Рэ удивительно совпадает с легендой о Синей Бороде. Интересующиеся могут к ней обратиться.

Нам нужно только пересказать все те дерзости и непристойности, которыми переполнены бесчисленные досье этой эпохи; так много других авторов, с конца прошлого века, отыскивали наиболее типичные моменты в архивах парламентов и судов бальи!

Мы сообщим лишь для справки о выставлении у позорного столба магистра Гильома Эделина, приора Сен-Жермен-ан-Лэ, которого спасли его добровольные признания. Он сознался, что посвятил себя демону, чтобы получить от этого Великого Обольстителя средство для удовлетворения всех потребностей своей врожденной галантности и *особливо, дабы получить удовольствие от некоей особо знатной дамы*. Магистр описал сборище Шабаша, куда он был перенесен верхом на помеле и засвидетельствовал свое почтение Дьяволу, переодетому на сей раз бараном, *которого он тогда же грубо облобызал под хвостом и у заднего отверстия, в знак глубочайшего почтения и уважения...* Его привели в митре на площадь Эврё, где инквизитор настойчиво призвал его, ради спасения своей души и «в назидание каждому», публично засвидетельствовать свое раскаяние. Этот совет не нужно было повторять дважды: *тогда же упомянутый магистр Гильом Эделин принялся вздыхать и сетовать на свое прегрешение, взывая о пощаде к Богу, Королю и правосудию* («Летопись» Монтреле). Он отделался пожизненным заключением и «диетой» из черствого хлеба, смоченного водой, словно самый обыкновенный школяр.

Подобное милосердие встречалось редко.

Демонологи подняли также большой шум вокруг оправдания бедной девушки, на три четверти слабоумной, которую Инквизиция хотела сжечь в Меце как ведьму и которая была обязана жизнью решительной позиции Корнелия Агриппы. Генеральный адвокат и городской синдик (рассказывает Ноде), «он прямо восстал против су-

²⁴⁴ *Histoire de la Magie*, pages 281–290.

дебной процедуры Николая Савини, тогдашнего инквизитора веры в упомянутом городе, который хотел покарать бедную деревенскую женщину как ведьму, и добился того, что ее освободили, а все доносчики и свидетели были приговорены к большим штрафам...»²⁴⁵

Оправдать ведьму! Осудить свидетелей как клеветников!!! Боже правый! Какой скандал в крещеном мире!

Поэтому демонологи использовали этот факт, наряду с другими, для того, чтобы сделать из Агриппы «величайшего колдуна, жившего в этом веке»²⁴⁶.

13 апреля 1611 года в Экс-ан-Провансе погиб в огне еще один человек, которого современники наградили не менее лестным титулом. Это был *Князь Синагоги и величайший и выдающийся маг, когда-либо живший на свете, главарь всех колдунов Европы от Константинополя до Испании, Мессир Луи Гоффреды (или Гофриды), кюре церкви дез Акуль в Марселе*.

Приговор парламента гласит, что, совершив публичное покаяние перед церковью св. Спасителя в Эксе, «с непокрытой головой и босыми ногами, с веревкой на шее и пылающим факелом в руках, он должен попросить прощения у Бога, Короля и Правосудия..., после чего он будет предан в руки палача... Будет проведен по всем местам и перепутьям сего города Экса и пытан калеными щипцами во всех частях тела, повешен и сожжен заживо... а его прах развеян по ветру... И перед казнью он должен быть подвергнут допросу с самыми лютыми пытками, какие только можно измыслить, дабы услышать из его уст имена его подлинных сообщников... и т. д...» (Приговор цитируется домом Кальме в его *«Трактате о Привидениях»*²⁴⁷, дополненном и исправленном согласно варианту, который предлагает Жак Фонтен в своей книге о *«Метках Ведьм»*²⁴⁸.)

Несколько дней спустя после этой варварской казни экзорцисты, с остервенением загнавшие священника церкви дез Акуль в могилу, опубликовали *«Признания Мессира Луи Гофриды»*. Мы не собираемся спорить здесь о том, был ли этот документ сочинен святыми отцами Михаэлисом и Домптиусом или же признания были действительно вырваны у Гофриды с помощью мучительных пыток. Мы только воспроизводим основные статьи этого посмертного документа²⁴⁹:

²⁴⁵ *Apolog.*, page 297.

²⁴⁶ Bodin, *Dem.*, p. 240.

²⁴⁷ Paris, de Bure, 1751, 2 vol. in-12 (tome I, p. 146).

²⁴⁸ Lyon, 1611, in-8, pages 40—43.

²⁴⁹ Мы воспроизводим эти признания в том сокращенном виде, в котором их приводит Гарине в оправдательных документах своей *«Истории магии во Франции»*; мы лишь восстанавливаем орфографию той эпохи. Г-н Бессак в своей книге *«Великие дни колдовства»* дает их *in extenso*.

Признания Мессира Луи Гофриди, *Короля Магов от Константинополя до Парижа*. «Признаюсь, что Дьявол явился ко мне и что я дал ему долговую расписку. Признаюсь, что читал гримуар, для того чтобы заставить его прийти. Признаюсь, что Дьявол пообещал мне, что своим дыханием я буду воспламенять любовь во всех девицах и женщинах, которых пожелаю, если только это дыхание достигнет их ноздрей: и с тех пор я начал дышать на всех, кто был мне по душе. Признаюсь, что я часто бывал в доме де ля Палюда и что воспылал желанием к Мадлен; но ее мать держала ее при себе, так что мне пришлось дохнуть на ее мать, чтобы она отвела меня в свой покой и доверилась мне; так что, оказавшись вместе с Мадлен, я поцеловал ее, и более того... Признаюсь, что дал ей демона по имени Эвмод в помощники, дабы он служил ей и разжигал в ней любовь ко мне; что я сочетал ее браком с Беельзебубом, который явился в облике дворянина, и что после бракосочетания она подписала договор. Дьявол сказал, что поднимет шум, если я сожгу эти обещания. Признаюсь, что сжег гримуар. Признаюсь, что колдуны, ведьмы и маги помечены мизинцем Дьявола и что помеченные места нечувствительны. Признаюсь, что когда я хотел отправиться на Шабаш, то становился у окна, и Люцифер доставлял меня туда. Признаюсь, что все поклоняются Дьяволу согласно своей степени; что ведьмы поклоняются ему, лежа на земле; колдуны — на обоих коленях, а Маги, как короли Шабаша, — только на одном колене. Признаюсь, что соблазнил Мадлен, принцессу Фризскую и других девиц, на которых я дышал. Признаюсь, что Дьявол — подлинная обезьяна Церкви; что на Шабаше крестят именами Беельзебуба, Люцифера и других; что там есть двенадцать священников, по очереди читающих мессу, и что Дьявол служит ее; что факел, который поднимают во время освящения, очень яркий и зловонный. Признаюсь, что колокол мессы сделан из рога, а палка для того, чтобы звонить в него, — из дерева. Признаюсь, что некоторые ведьмы обязаны приносить кошек из своих изб, дабы они ели причастие, которого другие не хотят есть».

Передо мной лежит любопытный сборник того времени²⁵⁰, автор которого пространно рассуждает «О страшном и ужасном колдовстве Луи Гофриди, священника из Марселя» (стр. 43—86). Трудно было бы представить себе все те мерзости и глупости, которыми изобилует этот процесс. Вне всякого сомнения, Гофриди был любовником мадемуазель де ля Палюд; достоверно и то, что он пользовался оккультными средствами для ее соблазнения. Впрочем, это духовное лицо имело скандальную репутацию и, несмотря на всю беспощадность, обрушенную на него судьями и инквизиторами, не представляет никакого интереса.

²⁵⁰ *Histoires tragiques de nostre tems*, par F. de Rosset. Paris, 1614, in-12.

Я отказываюсь описывать все этапы этого неслыханного дела: одержимость Мадлен, пораженной Беельзевубом, Левиафаном, Асмодеем, Баалберитом и Астаротом, и другой юной монахини по имени Луиза Каппо, в тело которой *Князь Синагоги* вселил демонов *Веррина*, *Грезилля* и *Сонельона*; экзорцизмы отцов Домпса и Михаэлиса; весьма поучительные проповеди демона Веррина, посланного Господом (*sic*) с целью обратить и разоблачить Гоффриди, то есть сжечь его на этом свете и спасти на том; конвульсии одержимых, приукрашенные отталкивающими деталями, непристойными позами всего тела и спазматическими содроганиями, прерываемыми откровениями, которые вызвали бы стыдливый румянец у Лаис из дома терпимости.

Полагаю, что мой читатель достаточно осведомлен обо всех этих сценах, где бурлеск испуганно соседствует с непристойностью; я считаю, что его любопытство пресыщено до отвращения: если же я ошибаюсь, то пусть он обратится к массивному ин-октаво, опубликованному отцом Михаэлисом под следующим названием: «*Удивительная история одержимости и обращения одной кающейся грешницы, соблазненной одним волшебником*», в составе «*Пневматологии*»²⁵¹.

Вся первая половина XVII столетия наводнена одержимостью и экзорцизмами, и всякий раз палач с факелом в руке приводит к развязке на костре! Печальная эпоха! Повсюду горизонт багровеет кровавыми отблесками; можно подумать, что целая страна отдана на разграбление. Но эта страна простирается на тысячи лье; народы живут в мире, а отсветы пожаров говорят о том, что верховные суды вершат «правосудие именем Короля».

8 июля 1617 года перед парламентом Парижа предстала супруга знаменитого маршала д'Анкара, прекрасная Элеонора Галигай, которая была обезглавлена и сожжена за преступное наведение порчи и колдовство. Помимо того, что было найдено в ее комнате (амулеты, книги с магическими знаками и «рулоны усыпанного звездами бархата для господства над душами вельмож»), было установлено, что она вызвала из Нанси двух монахов-амвросианцев для принесения в жертву черного петуха; не говоря уже о других чарах, которые подробно описывались; этого было вполне достаточно, чтобы погубить маршала. Засыпанная вопросами председателя Куртена, подсудимая заткнула ему рот очень гордой репликой. Когда он спросил ее, каким чарами она околдовала королеву Марию Медичи, у нее хватило наглости ответить: «*Мои чары имели ту власть, которой сильные души вечно будут обладать над слабыми*».

²⁵¹ Paris, Chastellain, 1613, in-8.

Выше мы уже сообщали²⁵², говоря об одержимости, о жалком процессе и жуткой казни кюре де Сен-Пьера из Лудена, Юрбена Грандые, виновного в том, что он не угодил великому кардиналу. Элифас Леви намекает в своем «*Ритуале*», что в гневе министра, возможно, было нечто большее, чем приписываемая ему злоба на клеветнический пасквиль, вменяемый в вину Грандые: «Кардинал Ришелье, стремившийся к абсолютной власти, всю жизнь искал, но так и не сумел найти *Палочку*²⁵³. Его каббалист Гаффарель смог предоставить ему только шпагу и талисманы: таков, возможно, был тайный мотив его ненависти к Юрбену Грандые, знавшему кое-что о слабостях кардинала. Секретные и продолжительные переговоры Лобардемона с несчастным священником за несколько часов до его казни и слова одного друга и доверенного лица последнего, сказанные, когда он шел на смерть: «Сударь, вы толковый человек, не губите себя», дают богатую пищу для размышлений по этому поводу»²⁵⁴.

После монахинь из *Сент-Боме*²⁵⁵ и урсулинок из Лудена наступает очередь францисканок из Лувье.

Дьявол — в женском монастыре. Монахини бредят, извиваются в судорогах и обвиняют двух священников в том, что они их околдовали; один из них еще жив, это Булле; а другой, по фамилии Пикар, умер в 1642 году. Скандал разразился в первые дни следующего, 1643-го, года.

Эти два духовных лица, вне всякого сомнения, были виновны в колдовстве²⁵⁶, в той же степени, что и бесчестный Давид, прежний духовник монастыря и первый, по всей видимости, кто учредил непрерывный шабаш в этой религиозной общине. Но, как всегда в подобной интриге, бесноватые обвиняли без всякого чувства меры и разума виновников их печального состояния; они приписывали им всё происходящее, включая то, чего последние не могли ни предусмотреть, ни организовать. Это общее правило всех случаев одержимости, которые я отмечаю в этой главе; поэтому я напомнил лишь для справки об одержимости урсулинок из Лудена, заслуживающей отдельного рассмотрения. В Лудене единственными колдунами были экзорцисты, сознательные или бессознательные виновники разразившихся беспорядков: Юрбен Грандые был невиновен²⁵⁷.

²⁵² Гл. I, стр. 235—245.

²⁵³ Речь идет о Волшебной Палочке.

²⁵⁴ Eliphas, *Rituel*, pages 130—131.

²⁵⁵ Именно в Сент-Боме совершались экзорцизмы в деле Мадлен де ля Палюд.

²⁵⁶ Сегодня сказали бы: виновен во внушении с преступной целью.

²⁵⁷ Это, конечно, не относится к случаю Пикара и Булле, а также Гофриди и, особенно, о. Жирара. Поэтому все эти дела классифицируются в данной главе как процессы по колдовству; между тем как луденское дело было описано раньше, в первой главе, как случай чистой и простой одержимости.

Очевидно, что Мадлен Баван подражала Мадлен де ля Палюд²⁵⁸; вот только ей не удалось счастливо отделаться, поскольку ее признания и грязные рассказы, которыми она их сдобрила, привели к тому, что ее навсегда заключили в сыром ледяном мраке *In pace*²⁵⁹.

Но этой ценой она достигла своих целей; 21 августа 1647 года парламент Руана приговорил к сожжению на костре и живого, и мертвого. Могила священника Пикара была осквернена, а Булле, привязанный к тому же столбу, что и труп его сообщника, погиб в огне, после того как его подвергли такому же публичному поношению... И их смешанный прах был развеян по ветру!..

В эту эпоху случаи одержимости множатся, главным образом, в женских монастырях. Во Франции, Англии и Фландрии только и разговоров, что о бесноватых да экзорцистах. Но чтобы обнаружить отголосок великих процессов в Лудене и в Лувье, необходимо перейти к первой трети XVIII столетия. Начиная с 1730 года, Дьявол возвращается вновь; он поднимает большой шум в монастыре Улиуль близ Тулона, благодаря знаменитым похождениям иезуита Жирара и красавицы Катрин Кадьер, его любовницы. Очередное повторение всё тех же скандалов; но на сей раз гнусности достигают кошмарных масштабов. Делается упор на садизме, и невольно вспоминаются «*Проклятые женщины*», воспетые поэтом:

А эти, ладонку прижав у страстной груди,
Прикрыв одеждами бичи, среди дубрав,
Стеня; скитаются во мгле ночных безлюдий,
С слюною похоти потоки слез смешав²⁶⁰...

Прежде чем написать эту строфу, Бодлер, несомненно, перечитал объемистое досье суда Экса.

На самом деле, перед парламентом именно этого города испуганные родители Кадьер предъявили иск отцу Жирару...

Но они напали на более сильную сторону: у Жирара было много друзей в самом Парламенте; орден пользовался огромным влиянием, и мнения судей разделились. Когда перешли к голосованию, двенадцать из них приговорили Жирара к костру или к виселице; но двенадцать других разделили между собой оправдательный приговор, дисциплинарные взыскания и заявление о неподсудности. Благодаря равенству голосов, иезуит был просто-напросто отправлен к церковному судье, который его оправдал (1731).

Катрин же возвратили матери.

²⁵⁸ Известно, что истерички часто лгут или, по крайней мере, совершенно чисто-сердечно приукрашивают и расцвечивают истину.

²⁵⁹ монастырской тюрьмы (лат.).

²⁶⁰ Перев. Эллиса.

Эти процессы, как мы уже видели, редко приводили к столь милостивому исходу. Впрочем, следует отметить, что судьи часто испытывали отвращение и поэтому были не расположены проявлять снисходительность. Сколько скандалов и отталкивающих сцен! Сколько копания в грязном белье в ожидании крови!

Ввиду таких злоупотреблений можно понять раздражение Жюля Гарине, увлекшегося фанатизмом противоположного рода: «Единственное средство, — пишет он, — полностью избавиться от одержимости и колдунов состоит в том, чтобы отправить в больницу всех истеричных святош, которые в будущем объявят себя одержимыми... Пока мы не отправим на каторгу экзорцистов, это отродье по-прежнему будет существовать. Средство жестокое, я согласен; но только оно здесь уместно. Для великих недугов нужны великие средства»²⁶¹.

Данная глава могла бы на этом и закончиться; но мы просим читателя удвоить внимание и вернуться вместе с нами на несколько столетий назад. Мы станем свидетелями ужасной драмы...

ПРОЦЕСС И МЕСТЬ ТАМПЛИЕРОВ

Мы в начале XIV века; наполовину религиозный, наполовину военный Орден, основанный около 1118 года Гуго де Пейном, добился удивительного процветания. Тамплиеры владеют в Европе почти десятью тысячами сеньорий, а их вошедшее в поговорку богатство сосредоточило в своих руках почти неограниченное могущество.

С другой стороны, хотя они делают вид, что уважительно склоняются перед гражданской и религиозной властями, им приписывают замыслы, честолюбивость которых граничит с безумием. Наследники — по крайней мере, так они о себе говорят — иоаннитской традиции²⁶², образующей эзотерическую сущность Христианства, они совершают

²⁶¹ Garinet, *Histoire de la Magie de France*, page 292.

²⁶² Тех, кто усомнится в этом утверждении, я попрошу внимательно изучить любопытную и редкую книгу, опубликованную в 1831 г. под названием: *LEVITIKON, ou expose des principes fondamentaux des chretiens-catholiques primitifs*. Paris, in-8. В этом произведении, помимо краткого изложения псевдоиоаннитской догмы, можно найти якобы подлинную версию Евангелия от св. Иоанна, единственно признаваемого этой Церковью, а также *список иоаннитских понтификов*, начиная с Христа и св. Иоанна до наших дней, включая всех Великих Магистров Храма.

Я вовсе не хочу оспаривать того, что псевдоиоанниты XIX в. были, как утверждает Кламель (*Histoire pittoresque de la Franc-Maconnerie*, 1884, grand in-8, рисунки), мистификаторами, заявлявшими, что они вновь разожгли угасшее пламя и воскресили мертвый культ; после добросовестного изучения этого произведения мне представляется достоверным, что этот культ действительно существовал в прошлом, в эзотерическом и латентном состоянии. Можно обратиться также к *Manuel des Chevaliers du Temple*. Paris, 1825, in-12.

во мраке и тишине своих командорств необычные, тайные обряды... Одним словом, людская молва, обвиняющая их в колдовстве, называет их нравы нечестивыми. Это последнее обвинение никогда не было основано на неопровержимых доказательствах; но если апологеты Ордена могли справедливо требовать права сомнения для Тамплиеров, им, тем не менее, никогда не удавалось реабилитировать их в ярком свете исторического спора, очистив их память от любых подозрений.

Жюль Гарине так резюмирует обвинения, выдвигаемые против Тамплиеров: «Говорили, что при приеме в Орден вступающего приводили в темную комнату, где он отрекался от Иисуса Христа, трижды плюнув на распятие; что тот, кого принимали, целовал того, кто его принимал, в губы, а затем *in fine spinae dorsi et in virga virili*²⁶³; что Тамплиеры на своих генеральных капитулах поклонялись деревянной позолоченной голове с длинной бородой и густыми, обвислыми усами; вместо глаз у нее сверкали два крупных карбункула, искрившихся, словно огонь²⁶⁴. Их обвиняли также в том, что они давали обет содомии и обязывались ни в чем друг другу не отказывать...

В Лангедоке три командора Ордена под пытками сознались в том, что присутствовали на нескольких орденских капитулах; что на одном из этих капитулов, проводившемся в Монпелье, согласно обычаю, ночью, была показана *голова*; что тотчас же появился дьявол в облике кота; что они поклонялись этому коту, добродушно говорившему то с теми, то с другими; что затем пришли несколько демонов в женском облике, и что каждый брат получил свою женщину»²⁶⁵.

Что бы мы ни думали об этих ошеломляющих обвинениях, стоявших стольким честным рыцарям мученической смерти на костре, мы не можем не отметить мимоходом то сходство, если только не абсолютное тождество, которое существует между подобными сценами (считаем ли мы их реальными или вымышленными) и шабашем колдунов, с одной стороны, как мы его описали в главе II, а с другой — с оргиастическими и одновременно мистическими сборищами, которые во все времена вменялись в вину сектантам диссидентского гнозиса современными авторами, рассуждающими об их ритуалах и мистериях.

²⁶³ в оконечность позвоночника и в мужской уд (лат.).

²⁶⁴ «...Каждый капитул, — пишет Анри Мартен, — обладал одним таким изваянием: это была человеческая голова с длинной белой бородой и *карбункулами вместо глаз*, сверкавшими, как ясное небо, с человеческим черепом и человеческой кожей: некоторые из этих идолов были трехликими и помещались на четырех ножках; один из них был конфискован в Парижском Храме». (Henri Martin, *Histoire de France*, t. IV, p. 473).

²⁶⁵ *Histoire de la Magie en France*, p. 78–79.

Маркиз де Сент-Ив в своей книге, замечательной во многих отношениях, прославляет то, что он называет *Миссией Тамплиеров*. Он приветствует в них ортодоксов традиционного эзотеризма, представителей социального мира, основателей и вдохновителей тех *Генеральных штатов* — подлинной попытки синархии, — которые в течение всей нашей истории были бесстрашным и умеренным органом народных требований и напоминали громкий, непреклонный и почтительный голос, исходивший из самих недр нации.

Если дело обстоит так, то Генеральные штаты Тура (май 1308 года) совершили «отцеубийство», отрекшись от Храма и предав Тамплиеров ярости их палачей. Впрочем, со своей обычной лояльностью, г-н де Сент-Ив сам заявляет об этом неопровержимом факте, который станет для поверхностных читателей камнем преткновения его гипотезы: «Единодушие Трех Орденов протянуло Филиппу Красивому железо и огонь...», — читаем мы на странице 216 *«Истинной Франции»*²⁶⁶ (том I).

Это не имеет значения. Нам известны примеры того, как сын следует традициям отца, после того как осуждает его; и как творец продолжает жить в своем творении, после того как умирает из-за него. И, чтобы не ходить далеко, св. Петр, трижды отрекшийся от своего учителя Иисуса Христа, стал, тем не менее, первым главой Христианской церкви. Поэтому мы не будем выдвигать подобные аргументы против знаменитого «апостола Миссий».

Каким бы возвышенным ни был отстаиваемый им тезис, нам хотелось бы, для того чтобы сделать его приемлемым, увидеть, что он основан хотя бы на одном достоверном историческом факте. Не вступая в дискуссию в этой области, мы скажем, почему в сфере чистой метафизики этот тезис представляется нам по меньшей мере рискованным.

Рыцари были хранителями общественной и религиозной доктрины. Это исторический факт. Но какой доктрины?

Невозможно обосновать то, что Храм обладал ортодоксальной традицией. Этот знаменитый Орден догматически «запятнан» манихейством. Миньяр, в частности, сопоставил неопровержимые доказательства, подтверждающие это мнение. Эмблематические фигуры, рельефно высеченные на каменной шкатулке из Эссаруа, вещественном доказательстве²⁶⁷ (среди множества других), которое он детально рассматривает со всей компетентностью и проницательностью, не оставляют никаких сомнений на этот счет. Непристойный мистицизм, свойственный этим диархическим символам, похоже,

²⁶⁶ *La France vraie, Mission des Francais*, Paris, 1887, 2 vol. in-18.

²⁶⁷ Продолжение монографии о шкатулке герцога де Блака, или *Preuves du Manicheisme dans l'Ordre du Temple*, par Mignard. Paris, 1853, grand in-4, fig.

отличается вполне типичным характером, для того чтобы служить объединяющей чертой, в данном случае, между двумя крупными претензиями, предъявляемыми Тамплиерам: манихейской гоэтией и нечестивым развратом.

Мы включаем в обвинение Тамплиеров только манихейство. Этого более чем достаточно для того, чтобы отказать им в традиционной доктрине триединого, математического синкретизма, или (как превосходно окрестил ее г-н де Сент-Ив) в синархической традиции.

Исконная, абсолютная вражда двух несовместимых принципов — такова суть манихейского догмата; она исключает синархический Тернер и Монаду, из которой эмануирует этот Тернер.

Манихейство — это радикальное отрицание принципа возвращения к Единству. Попробуйте создать синтез на подобной основе! Несбыточная мечта: всё равно что пытаться отстроить Вавилонскую башню...

Тамплиеры, как мы сказали, не считались простыми еретиками.

Помимо обвинения в манихействе — несовместимого, по нашему мнению, с собственной доктриной г-на Сент-Ива, которую он великодушно им приписывает, — рыцарям инкриминировали черную магию и содомию.

Это были преступления, каравшиеся смертной казнью в судебной практике средневековья. Впрочем, какими бы тяжкими ни казались они судьям XIV столетия, они были лишь видимостью, на которую ссылались, и поводом для государственного переворота 1307 года. Это следует особо подчеркнуть. Какая прекрасная возможность для короля Франции и для папы, его ставленника, одним махом уничтожить могущество этих гордых защитников трона и алтаря, в сотню раз более опасных, нежели самые заклятые враги, и какой естественный предлог, для того чтобы разделить между собой оставшиеся после них чудесные трофеи!

Уже с давних пор преемник св. Петра и наследник Гуго Капета подготавливали этот мастерский удар²⁶⁸; они ждали лишь благоприятного момента, чтобы действовать сообща...

²⁶⁸ Благодаря покровительству Филиппа Красивого Бертран де Гот, архиепископ Бордоский в 1300 году, вошел в 1305 году на папский престол под именем Климента V. Чтобы добиться расположения монарха, будущий папа должен был подписать под присягой шесть определенных условий, последнее из которых, хранившееся в тайне, обязывало его стремиться к уничтожению Тамплиеров, вплоть до упразднения Ордена.

Это означает, что протесты Климента V, столь вялые и явно сделанные для вида и в назидание публике, были, с его стороны, лишь гнусной комедией. Это хорошо видно по той поспешности, с которой он затем всё одобрил после мнимого расследования в Пуатье.

И этот момент, наконец, настал. Несколько официальных доносов, написанных, в том числе, двумя Тамплиерами-отступниками, позволили ударить неожиданно и поймать всех рыцарей в одну и ту же сеть. Сети были расставлены в ночь с 12 на 13 ноября 1307 года, когда все наместники и должностные лица при короле получили в запечатанном конверте роковой приказ.

Ранним утром Тамплиеры были арестованы по всей Франции, а на их имущество наложен секвестр. В Париже сто сорок рыцарей были брошены в тюрьму; с ними обращались с непривычной суровостью. Еще никогда допросы не велись с таким «пристрастием». П. о. Эмбер, инквизитор веры, руководит ими с помощью комиссаров, назначенных королем. Во главе их стоит Гильом де Ногаре, холерик, фанатизм которого граничит с манией.

В провинции инквизитор передоверяет полномочия церковным комиссарам, и начинаются допросы.

Из всех дел, возбужденных против этих несчастных, до нас дошло лишь восемь подлинных донесений: из Кана (где тринадцать Тамплиеров были брошены в тюрьму); Пон-де-л'Арша (десять Тамплиеров); Каора (семь Тамплиеров); Каркассона (шесть Тамплиеров); Бокера (сорок пять Тамплиеров); Труа (пять Тамплиеров); Байё (пять Тамплиеров) и, наконец, Бигора (одиннадцать Тамплиеров).

В Кане обвиняемым пообещали полное помилование; тем не менее, непокорные рыцари подверглись пыткам.

Пока расследуется это дело, Филипп Красивый призывает других властелинов Европы подражать ему в его суровости.

Германия не спешит откликаться на его призыв; но Сицилия, Италия, Кастилия, Англия и Арагон следуют примеру Франции²⁶⁹. Фландрия проявляет меньшую суровость. На Кипре могущество Ордена делает задачу преследователей трудной и щекотливой: Амаврий, регент королевства при молодом Гуго IV, вынужден отложить репрессии ввиду угрожающей позиции рыцарей, укрепившихся в Нимове.

Процесс повсюду затягивается, признания сменяются отпирательством: секретари суда несколько раз изменяли показания — отсюда долгие, нескончаемые разбирательства.

²⁶⁹ Мы говорим пока только об арестах и процессах: поскольку в некоторых случаях последние заканчивались оправданием рыцарей, как, например, в Равенне, Майнце и Саламанке (1310). Но каковы бы ни были эти индивидуальные приговоры, Орден, упраздненный Церковным собором 1311 года, перестал существовать повсюду, по крайней мере, открыто и под своим подлинным названием. В Португалии на его обломках возник *Орден Христа*.

В Арагоне гордые Тамплиеры организовали вооруженное сопротивление, имевшее определенный успех...

Тем временем, под давлением короля Франции, напоминающего ему о его обязательствах, папа издает одну за другой буллы с целью ускорить развитие событий; он провозглашает целых шесть булл подряд (1308). Новые процедуры, порученные епископам, тоже не приносят никаких результатов. Созываются провинциальные соборы...

Но мы не можем перечислять все эти подробности.

Короче говоря, папа Климент V выпускает в 1310 году последнюю буллу, призывающую к окончательному суду над Тамплиерами. Небольшое число отрицало свою вину; другие сознались; некоторые, как я уже говорил, отказались от своих показаний. Соборы в Сансе и в Реймсе разделили обвиняемых на четыре категории: одни (1-й, 2-й и 3-й классы), раскаявшиеся и возвращенные в лоно Церкви, отделались церковным покаянием или пожизненным заключением; других, объявленных вероотступниками (4-й класс), передали светским властям, и начались казни.

10 мая 1311 года, напротив аббатства Сент-Антуан, сжигают заживо первого осужденного: в надежде запугать тех, кто отказался от своих первых показаний, и заставить их возвратиться к ним. Но рыцари непреклонны.

Восемь дней спустя пятьдесят четыре из них поднимаются на костры, сооруженные на том же самом месте. Эта казнь, без надобности затянутая, для того чтобы смерть была более медленной и мучительной, демонстрирует стойкость и высшую отвагу этих мучеников, призывающих небо в свидетели того, что они погибают безвинно. Через несколько дней в два захода сжигают еще пятнадцать Тамплиеров, отказавшихся признать себя виновными.

В Провансе и в Пьемонте совершается несколько подобных казней.

Тем временем великий магистр Жак де Молэ по-прежнему томился в тюрьме со своими великими приорами; он поднимается на плаху лишь 18 марта 1313 года²⁷⁰ вместе с Принцем-Дофином, который последовал за ним в торжественном отказе от своих первых показаний. Оба они были сожжены на очень медленном огне, на острове, расположенном между королевскими садами и августинским монастырем, на том самом месте, где сегодня высится конная статуя Генриха IV, на

²⁷⁰ Некоторые авторы, в частности, Анри Мартен (*Histoire de France*, tome IV, page 503), Буйс в своем «*Dictionnaire d'Histoire et de Geographie*» и Коллен де Планси в своем «*Dictionnaire Infernal*», приводят другую дату: 18 марта 1314 года. Мы увидим, что масонские предания говорят о том же.

Причина этого кажущегося противоречия кроется в изменении календаря, произведенном при Карле IX по Русильонскому эдикту (1564). Новый год, приходившийся на Пасху, был перенесен на 1 января. Таким образом, казнь Жака де Молэ состоялась в 1313 или в 1314 году, в зависимости от принятой системы: старой или новой.

насыпной площадке Нового моста. На следующий день рыцарь Омон и семеро Тамплиеров, *переодетых каменщиками*, благоговейно собирают золу костра. Так зарождается Орден *Вольных Каменщиков*...

В сентябре 1311 года Венский собор, на котором заседали более трехсот прелатов, упразднил Орден Храма: громадное имущество общины, перейдя к иерусалимским рыцарям св. Иоанна, недавно обосновавшимся на Родосе, должно было принести лишь косвенную пользу²⁷¹ несправедливому наследнику Гуго Капета. Более удачливым испанским монархам удалось присвоить себе всё имущество, которым Тамплиеры владели в их государствах.

Несмотря на некоторую сдержанность, с какой мы квалифицировали преступления, вменяемые в вину рыцарям, мы не можем уклониться от последнего вопроса, непосредственно касающегося темы этой книги: *были ли Тамплиеры колдунами?*

Необходимо хорошо понимать значение слов... Надеемся, читатель простит нас, если мы откроем скобки?

Правило благоразумия состоит в том, чтобы никогда не доверять слишком четко очерченным категориям и исключительным ярлыкам...

Один современный оккультист сжато выразил в двойной и превосходной формуле различительное определение иерофантов Света и Тьмы: «Маг распоряжается силой, которая ему известна; колдун же пытается злоупотребить тем, чего он не знает... *Дьявол* (если позволено в научной книге употреблять это обесцененное и вульгарное слово) *отдается магу, а колдун отдается Дьяволу*»²⁷².

Вот что называется «списано с натуры». «Янус» оккультизма отлично обрисован здесь в антитезе своей двойственной природы: из этих двух лиц одно улыбается, неся на себе отпечаток спокойной и безмятежной власти, а другое морщится, обезображенное двойными стигматами окончательного бессилия и желания. В каждом из них всё выделяется по контрасту: то, чем он *является*; то, что он *знает*; то, что он *хочет*; то, что он *может*; и то, на что он *осмеливается*.

Но какими бы здоровыми ни хотелось нам считать такого рода абсолютные формулы, они обладают одним коренным изъяном: лучшие из них, выражая *всеобщее*, которое служит правилом, не только пренебрегают, но и отвергают *частное*, которое составляет исключение.

Это подводный камень, на который наталкиваются все, кто стремится к обобщению и привержен к лаконичным сентенциям: плавающая

²⁷¹ Издержки на переход права собственности, подати, всевозможные штрафы и повинности — едва прикрытая конфискация.

²⁷² Eliphas Levi, *Dogme*, page 117.

в их водах, Элифас Леви не сумел обогнуть «риф», о который все они, в конце концов, разбиваются.

Можно возразить Элифасу, что тот, кто отдался Дьяволу, может вновь овладеть собой — хотя бы на минуту. А Дьявол, будучи рабом смертного, может также на мгновение вернуть свои права и на этот раз подчинить себе своего ежедневного владыку. Такое бывает.

Не в обиду будь сказано непогрешимым расклейщикам нестираемых ярлыков (неуступчивые распределители окончательных эпитетов, наверное, будут громко возмущаться): нет ничего *абсолютно* гнусного или совершенного в этом относительном подлунном мире. Мудрец, подобно любому другому человеку, может согрешить по ошибке или по злобе²⁷³, и если он заслужил имя Мудреца, то это означает, что зло у него — исключение. То же самое относится и к злодею: благородное чувство может порой расцвести в сердце самого закоренелого преступника, и если у нас есть основания называть этого человека дурным, то лишь потому, что добрые мысли для него — исключение.

Уточним: колдун, который, случайно постигнув некий закон, применяет его к добру, совершает работу мага. Так же и маг, хотя бы раз «продавший» знание злу, очевидно, совершает работу колдуна.

Вот что разрушает эти столь удобные категории, эти магистральные разделения, столь дорогие вашим мозгам с «выдвижными ящичками», бесчисленные Жозефы Прюдомы психологии и морали!..

Это, конечно, очень досадно. Но некоторые изложенные выше принципы найдут свое подтверждение в одном малоизвестном примере, огромное и решающее значение которого никто, вероятно, не станет оспаривать.

В главе под названием «*Человеческое правосудие*» этот пример вдвойне уместен: ведь после того, как мы увидели деяния трибуналов фанатизма, собиравших гекатомбы из колдунов самого низшего ранга вперемешку с невинными жертвами, мы увидим, как посвященные высшей степени раскололись на две враждебные секты: скорбный эпилог трагедии Тамплиеров! Одна из этих сект, дьявольски и преступно жаждавшая исключительного верховенства, осудит другую и, обесчестив самыми низменными деяниями действительную науку и высочайшие возможности Высшей Магии, совершит *работу колдунов* в самом строгом и, прежде всего, самом страшном смысле этого слова.

Мы только что содрогнулись при беглом описании процесса Тамплиеров и при зрелище их неискупаемой казни. Были ли это колдуны? Судите сами.

²⁷³ Самый большой праведник, говорится в Писании, грешит до семи раз в день.

Богатые и могущественные, к тому же очень честолюбивые, облеченные поразительными и грозными полномочиями, которыми наделяло некоторых из них частичное и относительное посвящение в арканы часто спорной науки, порой поднимаемой на смех, но всегда запрещаемой духовенством и абсолютистскими правительствами, Тамплиеры, очевидно, могли вызвать внезапные и непредвиденные потрясения общественно-политического строя, способные изменить «лицо» Европы и даже всего мира... Вот о чем смутно догадывались папа и король Франции.

Если принимать во внимание лишь поверхностную логику событий, изучаемых в их видимом значении, Климент V должен был видеть в Рыцарях Храма доблестных защитников католицизма и ревностную опору папского престола; а Филипп Красивый — подданных, исполненных преданности и усердия в династическом вопросе. Но странная интуиция, пробудившаяся в сердцах этих двух властителей, возражала против этой видимости.

Охваченные нешуточным страхом, монарх и понтифик (последний даже до своего избрания) приняли решение о полном уничтожении Ордена и стремились к этой цели *per fas et per nefas*²⁷⁴, вопреки любым голосам совести и гуманности. Они были то вероломными, то жестокими, то лицемерными, то безжалостными.

Идолопоклонство или колдовство — не всё ли равно, в самом деле?.. Под золой костров 1311—1313 годов они упорно пытались погрести возможность политической революции и пока еще неопределенный план социальной и религиозной реформы.

Но они не учли законов отражения и равновесия. Они не знали, что нельзя утопить идею, даже в зародыше, в крови тех, кто стал ее апостолами и наследниками.

Это свирепое, но обманчивое благоразумие и бесчестный заговор, ставший его результатом, тотчас же погубили их обоих — более того, породили в будущем, с промежутком около пяти столетий, возвратный удар, от которого по-прежнему содрогается земля; запоздалое потрясение, сразу вызвавшее самое внезапное и самое грандиозное крушение, отмеченное в истории человечества: *Тысяча семьсот девяносто третий* был сокрушительным откликом на несправедливый приговор *Тысяча триста двенадцатого!*

Климент V и Филипп, несомненно, проявили прозорливость, когда они почувствовали, какая живая угроза вставала перед ними в лице Тамплиеров, и это несмотря на все воображимые уверения в верности и любви: но они были слепы в своем упрямом варварстве, если могли

²⁷⁴ всеми правдами и неправдами (лат.).

льстить себя надеждой на то, что одно аутодафе, сколь бы полно и быстро ни удалось его осуществить, обратит в ничто Тамплиеров, их могущество и Слово, которое они в себе несли.

Они должны были *предстать перед Господом*: папа — через сорок дней, а король — год спустя, и История показывает, что оба они с мрачной пунктуальностью явились на это «свидание»...

Из двоих рыцарей-отступников, донесших на Орден, первый, замешанный неизвестным образом в одном темном процессе, был повешен по приговору суда; а второй искупался в собственной крови...

Товарищи Великого Магистра по заключению, те двое малодушных рыцарей, которые во время казни последнего опозорили Храм, подтвердив свои показания, умерли не менее жалкой смертью...

На обломках Ордена подпольно образовалось огромное тайное общество.

С тех пор месть подготавливала в темноте «мины» и «контрмины», взрыв которых ужаснет нас четыреста пятьдесят лет спустя: в ожидании этого страшного и запоздалого ответа она истребляла одного за другим всех убийц Жака де Молэ. «Сломав меч Тамплиеров, они сделали из него кинжалы, и их запрещенные мастерки выкладывали только гробницы»²⁷⁵.

Когда разрушение Храма было предрешено с одной и с другой стороны, папа и король не стали терять времени и приступили к его осуществлению. Никогда еще исполнение такого обширного плана не проводилось и не завершалось с большей согласованностью и быстротой. Менее чем за шесть месяцев Молох о двух головах, одна из которых была увенчана короной позора, а другая — митрой бесчестья, поглотил древний Орден Храма в своем чреве из раскаленной меди... А революционному Молоху, рожденному из праха Рыцарей Храма, наверное, хватило бы не больше трех лет, для того чтобы уничтожить старый мир!

Но великаны растут медленно... Ему понадобятся четыре столетия младенчества, чтобы достигнуть возраста силы и возмужалости.

Песок в часах мало-помалу высыпается; кубок наполняется капля за каплей: еще одна слеза... и влага перельется через край.

И тогда потоп!..

Минули четыре столетия. Теперь он повзрослел, коллективный великан кровавых притязаний, и, выйдя из пещеры, начнет свою работу при дневном свете.

В какой форме и в каком виде? Мы это увидим. Он показывается на солнце, но скрыт под маской.

²⁷⁵ Eliphas Levi, *Histoire de la Magie*, page 280.

Он будет носить еще пятьдесят лет имя *Иллюминатов*, прежде чем внезапно возьмет себе имя *Французской революции!*..

В действительности, начиная со второй половины XVII столетия, число тайных обществ растет поразительным образом; они «жужжат» со всех сторон, подобно множеству роев, которые выходят из-под земли, вибрируя на солнце в возбуждении непривычного труда.

Пробил зловещий час — полдень возмездия — и предприимчивые пчелы мести готовят свое жало для великой битвы. Столетие уже вкусило их хмельного меда, чей аромат ударяет в голову, легко проникающего яда, который ослепляет и вызывает исступление... Прислушайтесь еще немного, и то, что вы приняли за жужжание насекомых, окажется рокотом далекой, но приближающейся грозы; это невнятный и возрастающий шум миллионов голосов, кричащих: «Мсть и Свобода!»

Германия представляется подлинным «рассадником» Иллюминатов, сборным пунктом сект.

Могущественные сеньоры, жаждущие загробных откровений, осыпают благодеяниями нескольких добросовестных мистиков, говорящих им: «Сын мой!» и, в особенности, многочисленных шарлатанов, которые дурачат и используют их.

Затем образуются таинственные общества, вербующие членов повсюду: *Вейсхаупт*, профессор Ингольштадтского университета, основывает общество *Ареопагитов*; в дело вмешивается общественное любопытство, и на время они добиваются популярности.

Сведенборг создает в Швеции собственную догматику; *Шрепфер* совершает в Лейпциге свои заклинания; *Юнг-Штиллинг* вещает с другой стороны. *Эккартсхаузен* обучает в Мюнхене самым возвышенным построениям числовой магии Пифагора; *Лафатер*, цюрихский теософ, совершает путешествие в Копенгаген для участия в мистериях *Северной школы*. Речь идет, ни много ни мало, о «физических проявлениях активной и разумной Причины» (Слова!). Время от времени, словно бы для того, чтобы «набить руку», датские теурги вызывают св. Иоанна, Моисея, Илию, не говоря уже о менее значительных персонажах Ветхого и Нового Завета. Наконец, в избытке появляются «адепты», и было бы безумием пытаться перечислить их полностью. Среди всех этих Иллюминатов было мало хороших (сделаем исключение для Эккартсхаузена), много посредственных (назовем Юнг-Штиллинга, Сведенборга и Лафатера) и еще больше отвратительных (таких, как Шрепфер, Вейсхаупт и *tutti quanti*²⁷⁶). Это не означает, что даже лучшие из них были лишены недостатков и смешных черт.

²⁷⁶ все прочис (ит.).

Эта *Школа Теургии*, где совершаются столь соблазнительные чудеса, почти везде имеет свои аналоги. Неслыханная вещь: из письма барона фон Либисдорфа Клоду де Сен-Мартену (датированного декабрем 1793 года) мы узнаем, что, некий Северный двор, не Копенгагенский²⁷⁷, с давних пор правит по наущению спиритов. Его кабинет министров *шагу не смеет ступить* (дословно), не посоветовавшись с призраками!

Читатель, интересующийся систематическим подсчетом тайных обществ в Германии и в других странах, должен обратиться к многочисленным произведениям, появлявшимся в течение ста лет с целью их разоблачения или защиты; он сможет получить информацию *за и против*. Однако пусть он остережется высказывать свое мнение на основе недостаточных фактов в столь исключительном и сложном процессе, где он может выступать лишь судьей первой инстанции: ведь еще не пробил час окончательного вердикта, который беспристрастная история вынесет когда-нибудь в запоздалой и торжественной тишине всех утоленных страстей.

Наша же цель — показать, как дочь запрещенного Храма, *Оккультное масонство*, скрывалась, неуловимая и многообразная, за множеством сект Иллюминатов, которые ей удалось собрать вокруг себя, и готовила в темноте — *per fas et per nefas*, и она тоже — карающий и верховный ответ на буллы Климента V и указы Филиппа Красивого.

Перед нами лежит оригинальное издание книги, вышедшей в 1789 году под названием «*Очерк о секте Иллюминатов*» (S. L. in-8). Маркиз де Люше, анонимный автор этого пророческого пасквиля, подробно описывает деятельность Иллюминатов, работу их кружков, испытания и клятвы их адептов; он разоблачает *Берлинские ноктурналии* и перечисляет различные мистические секты, о которых мы упоминали, начиная с *Ордена Рыцарей Апокалипсиса*, основанного около 1690 года *Габрино*, этим авантюристом, присвоившим себе титул *Принца Седмицы* (стр. 129–131), и заканчивая *Орденом Рыцарей и посвященных Братьев Азии* и сектой *св. Иоахима*, которая от него происходит. Но, давая двум своим главам следующие названия: «*О том, что секта Иллюминатов должна обязательно разрушить королевство, где ей будет оказано покровительство*» (стр. 80–94); — «*О том, что короли более всего заинтересованы в уничтожении новой секты*» (стр. 95–107), г-н де Люше далек от того, чтобы не признавать центральную точку переплетения стольких нитей, расходящихся

²⁷⁷ Речь, вероятно, идет о Прусском дворе, о чем заставляет думать письмо Сен-Мартена всё тому же Либисдорфу, датированное 6 марта 1793 года. Мы читаем в нем следующую фразу: «Я знаю, что Германия переполнена этими инициациями, и я знаю, что берлинский Кабинет руководствуется и руководит своим королем посредством их».

по всей Европе: «Я без колебаний, — пишет он, — предложил бы в качестве средства большую реформу Массонства» (стр. 163).

Затем, предвидя крушение старого мира с прозорливостью, которая могла бы показаться подложной, если бы его книга, опубликованная в 1789 году, не была отмечена критикой с самого ее появления, он описывает работу лож и чаяния секретных агентов выпрененным слогом той эпохи: «Все считают себя призванными совершить Революцию, все ее готовят... Земля страдает; ее терзает новый бич, Природа томится, Общество разлагается... Такой же конец ожидает секту Иллюминатов. Сколько же зол предотвратит тот, кто задушит ее в колыбели и оправдает один миг насилия теми законами, которые налагает на него прошлое!» (стр. 137–138, *passim*).

Так испугаться может лишь сторонник старого мира, не правда ли, читатель?.. Ощущает ли он явственно, как почва уходит у него из-под ног?

Увы! Когда мы воскрешаем в ретроспективном зеркале все ужасы справедливой и благородной в своей основе революции; когда подсчитываем, сколько крови и слез стоила Франции и всему миру месье Тамплиеров, имеем ли мы право упрекать маркиза де Люше в его пророческих страхах — и можно ли, по крайней мере, отказать ему в том свидетельстве, что, стоя на поверхности Атлантиды, уже готовый уйти на дно, он сумел предвидеть и предсказать поднимающийся прилив, который должен был ее затопить?

«Мои сограждане, — восклицает он в своем предисловии, — поверьте, что мы не поднимаем ложную тревогу; мы писали с большим мужеством и рассказали далеко не всё... (стр. IV); необходимо проявлять уважение, осторожность и вежливость по отношению к жестокосердным людям, которые с кинжалом в руке метят своих жертв (стр. XV)».

Далее, раскрыв тайну инициаций и приведя *in extenso* формулу страшной клятвы, налагаемой на секретных агентов, какого бы ранга они ни были, он добавляет (стр. 156): «Мистерии совершаются сегодня в укромных и почти неизвестных местах; через двадцать лет они будут совершаться в храмах». Не прошло и четырех лет со времени этого предсказания, и друзья Эбера торжественно ввели культ богини Разума на архиепископском престоле Нотр-Дам!..

Странное совпадение! Человек, обостренная интуиция которого смогла предвидеть столько предстоящих событий, на последних страницах своей книги, похоже, смутно догадывался о появлении Наполеона и его деспотии во тьме более отдаленного будущего: «О, Молва, полнящая землю героическими поступками и великими доблестями, неси в иные земли свою мелодичную трубу!.. Никогда не труби о том, что некий полководец, более запальчивый, нежели доблестный, ни во что не ставит жертвы, при-

несенные его тщеславию, только бы на их крови росли лавры...²⁷⁸ Опустит плотную завесу над ненавистными интригами, сплетенными людьми, которые способствуют позору государей; над недостойными происками, оставляющими услуги без вознаграждения, добродетель — без уважения, талант — без покровительства, истину — без почтения, Отчизну — без славы, Престол — без опоры, гений — без применения, Общество — без согласия... несчастных — без убежища, мудреца — без надежды и самих Королей — без защиты» (стр. 174–175, *passim*).

Но, независимо от крупного теософского движения, центром которого была Германия, множество необыкновенных личностей, облеченных секретными миссиями, разъезжали по всей Европе, изумляя ее столицы; затем почти все они переносили свое загадочное величие и свою подозрительную популярность в Париж. В первую очередь заслуживают упоминания граф де Сен-Жермен и Джузеппе Бальзамо (позднее ставший графом де Калиостро). Оба были послами, по словам Каде де Гасикура, или, если угодно, международными миссионерами, которым было специально поручено установить эффективное сообщение между различными предметами: Сен-Жермен был посланником Парижа; Калиостро — Неаполя²⁷⁹.

Всем известны та популярность, которой пользовались эти личности, и тот восторг, который они вызывали, благодаря ловкости или знанию, вздымая пыль своими роскошными экипажами.

В том, что их шумно приветствовал необразованный люд, наивный поклонник всех авторитетных людей — начиная с дантистов в ярмарочных костюмах и заканчивая генералами в парадных мундирах, — нет ничего, что могло бы нас удивить; но то, что в самом XVIII столетии скептический и насмешливый свет, находивший ежедневное удовольствие в Вольтере, д'Аржане и Дидро, радушно принимал, холил и расхваливал людей, конечно, выдающихся, но шагавших в окружении сомнительных чудес, манеры которых, какими бы «хорошими» и галантными они ни были, сохраняли привкус откровенного шарлатанства и необычайной дерзости — вот что поразительно!

Но это сущая правда. Сен-Жермен, рассказывая мелодичным и всегда ровным голосом о своих беседах с Пифагором, Вергилием и Иисусом Христом, конечно, не мог не понравиться; и когда его пальцы, униженные перстнями, пробегают по клавишам клавесина, будили в глубине инструмента необычные и пронзительные архаические аккорды, если на безмолвный

²⁷⁸ Г-н де Люше, вероятно, имеет в виду Лафайета, но не всё ли равно? Наиболее прозорливые иногда ошибаются объектом, но их пророчество не становится от этого менее поразительным. То же самое происходит и здесь.

²⁷⁹ *Tombeau de Jacques Molay*, Paris, an V, in-12 (page 34).

Для того чтобы узнать, кто он, следовало бы стать им самим.

вопрос какой-нибудь прекрасной герцогини он бросал самым естественным тоном такой, по меньшей мере, странный ответ: «Этот мотив, мадам, я записал в 2008 году до Рождества Христова, в городе Уруке, ухаживая за юной принцессой Халдеи», все изумлялись, но никто не совершал бестактности, ставя под сомнение правдивость рассказчика.

Что уж говорить о знаменитых ужинах Калиостро, за приглашения на которые боролись самые знатные придворные вельможи; об этих фантастических ужинах, на которых голос *Великого Копта* населял залу во время десерта *зримыми душами* с трепещущими крыльями и усаживал справа и слева от герцога Ришелье Семирамиду и Клеопатру, воскрешенных во всем очаровании своей сказочной красоты?

Волшебство, наваждение, некромантия, как знать?.. Ах, извините, я забыл, что *вы* об этом знаете, любезный читатель: *внушение*, не так ли?.. Вот именно, благодарю вас! Итак, самое скептическое, самое надменное и самое учтивое общество в мире повиновалось *внушениям* всяких Калиостро и Сен-Жерменов.

Но пока высшее парижское общество, убаюканное чарами этих знатных вельмож оккультизма, предавало себя в их руки с обреченностью отдающейся женщины, Сен-Жермен первым организовывал в тайне завтрашние шумные клубы и «оплодотворял» своим неиссякаемым золотом грядущий мятеж — способный насильственным путем свергнуть власть короля; с другой стороны и чуть позже, инфернальное предвидение *божественного* Калиостро затевало смелую интригу — способную путем подозрения лишить чести и престижа королеву.

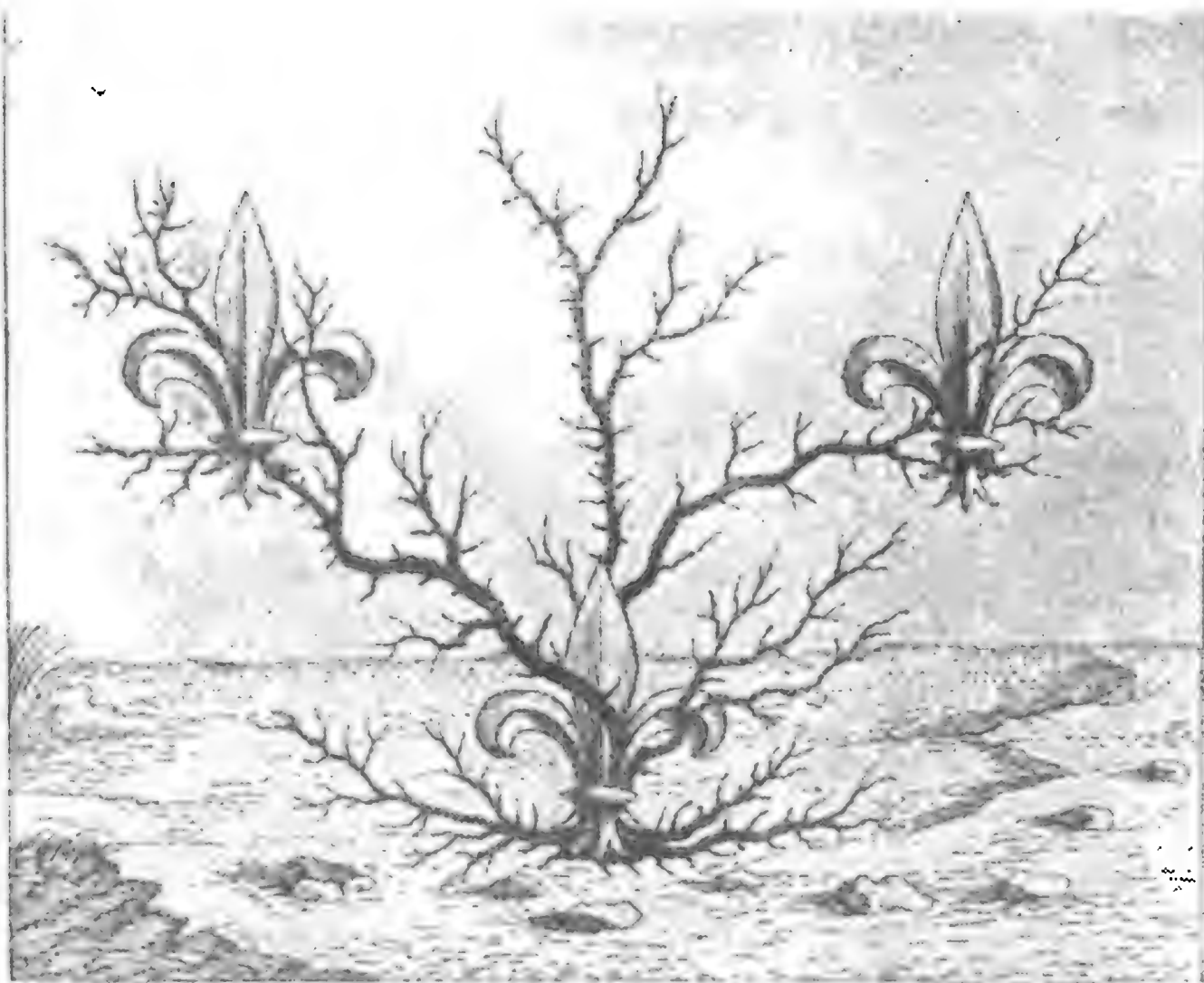
Великому Копту стоило только захотеть, чтобы проникнуть в придворное общество; в это время он создавал свое *Египетское масонство*, власть которого благосклонно принимала маленькая принцесса де Ламбаль по категорическому приказу Марии-Антуанетты. Бедная королева! Ее наперсница и близкая подруга была отныне помечена, заклеена тайным знаком Калиостро: L. P. D. — инициалами, толкование которых предлагало три смысла, словно бы речь шла о каббалистическом иероглифе. В отличие от обычной экзегезы эзотерических символов, иерофант охотно раскрывал два высших значения: превосходное²⁸⁰ — *Liberte de Penser* (Свобода Мысли) — это утверждение независимой инициативы в сверхчувственном порядке; и сравнительное — *Liberte, Pouvoir, Devoir* (Свобода, Власть, Долг) — это тернер в нравственном порядке. Но он тщательно скрывал существование низшего, положительного смысла: здесь-то таился главный секрет Ордена, социально-политический аркан Неотамплиеров, приговор, вынесенный около пяти столетий назад наследникам Филиппа Красивого: *Lilia pedibus destrue*, «растопчи ногами лилии».

Расскажем по поводу этого цареубийственного девиза и в подтверждение его древности один поистине убедительный исторический эпизод: «Депутат Грегуар представил Конвенту медаль, отчеканенную в 1642 году: с одной стороны на ней изображена рука, выступающая из туч и скашивающая три лилии острым мечом. Надпись гласит: *Talem dabit ultio messem* (такова жатва, которую принесет месть). На обратной стороне другая рука поражает молнией разбитые корону и скипетр со словами: *Flamma metuenda tyrannis* (при виде этого огня тираны затрепещут)»²⁸¹.

²⁸⁰ Согласно масонской перестановке: L. D. P.

²⁸¹ *Tombeau de Jacques Molay*, page 3.

Среди Пророчеств, относящихся к Великой революции, следует отметить, в первую очередь, 32 пантакля Предсказаний Парацельса, а также несколько сивиллических гравюр, приписываемых аббату Иоахиму Флорскому (или Калабрийскому).

Тот, чье могущество заставило выйти из-под земли Цветок, более славный, нежели все другие, приведет к тому, что в свое время и в своем месте он высохнет и загниет: вот что случится с Тобой, нынешняя Полевая Лилия! Завтра, как говорит Христос, Ты будешь брошена в печь... это означает, что ты уйдешь в одиночество, гибель и изгнание; и в этом всеобщем и беспрецедентном уничтожении Ты будешь смирена воспоминанием о минувших годах. Благодаря благоразумию и страху перед Господом, Ты могла бы сделать свое положение стабильным и цветущим; но Твое собственное лукавство привело Тебя к гибели, и вот Тебе надлежит выйти из того места, в которое Ты вошла.

(PROGNOSTICATIO EXIMII DOCTORIS PARACELSI, s. l., 1536, in-4, fig. 11).

(1 продолжение прим. 281)

У меня имеется два латинских издания аббата Иоахима: одно 1589 г. (Венеция, in-4), с фронтисписом, гравюрой на титульном листе и 33 эстампами, отличающимися часто поразительным предвидением; другое издание тоже венецианское (1600, in-4), украшенное фронтисписом и шестью гравюрами в форме колес.

Что же касается «Предсказаний» Парацельса, то у меня имеется тоже два их экземпляра: редкостное издание 1536 г., S.-L. in-4, латинский текст, с 32 еще более удивительными рисунками. Вот его точное название: *Prognosticatio Theophrasti Paracelsi (ad illustrissimum ac potentissimum Principem Ferdinandum Romanorum Regem, etc..., anno 1536)*. Другой экземпляр — очень красивый оригинальный манускрипт, содержащий

На двух колоннах неравной высоты возвышаются Символы двух Властей — папской и королевской. Над третьей колонной (которая ниже остальных) выступает рука, вооруженная косой, которая угрожает этим двум Властям.

Как не признать в ней слепую и безличную Силу народа, обрушивающуюся на Корону и на тиару?

Мне совершенно безразлично, к какому именно папе подобный комментатор мог применить этот пророческий рисунок. Для меня этот и без того ясный иероглиф, носящий эпиграф: Повсюду распространятся лишь СМУТА и ЗАБЛУЖДЕНИЕ, в РАЗВРАЩЕНИИ, выражает то положение вещей, которое достигло своего апогея в 1793—1794 годах, в эпоху Террора.

(2 продолжение прим. 281)

неизданный французский перевод Кристалена (библиотекаря графа де Шарола), написанный его собственной рукой (с параллельным латинским текстом), с псевдоключом, состоящим из 32 смелых адаптаций к событиям правления Людовика XIV. Этот ценный манускрипт датируется 1712 г. (за три года смерти Великого Короля). Формат in-4, старинный телячий переплет, украшенный на стороне гербами принца

Эту медаль можно увидеть в Национальной библиотеке, где она хранится.

А вот, со слов Каде де Гасикура, перевод зашифрованного масонского уведомления, которое распространялось стараниями Калиостро во Франции, равно как и в Англии: *«Всем истинным масонам, во имя Иеговы! Настало время, когда должно начать строительство нового Иерусалимского храма. Этим извещением мы призываем всех истинных масонов в Лондоне собраться во имя Иеговы, единственного, в ком есть божественная троица, встретиться завтра вечером, 3 числа сего месяца 1786 года, в 9 часу, в таверне «Рейли», great queen street (на улице Великой королевы), дабы составить план и заложить краеугольный камень истинного храма в видимом мире...»*

КАЛИОСТРО»²⁸².

Я полагаю, для тех, кто знаком с масонскими символами храма Соломона, смерти Адон-Хирама и его грядущего воскресения, это уведомление понятно.

Но довольно о Калиостро и путешествующих адептах: рассказы и комментарии, которых потребовала бы их история, заполнили бы половину этого произведения...

Но если я вдаюсь во все эти подробности в главе, которая должна, по-видимому, касаться колдовских процессов, то лишь потому, что, умножая число документов, я стремлюсь наглядно показать титаническую борьбу между адептами двух различных посвящений; борьбу, таинственные приготовления которой были символизированы и неизбежный исход которой был предсказан Сен-Мартеном, по всем правилам самого изысканного эзотерического искусства, в эпико-магической поэме в ста двух песнях: *«Крокодил, или Война Добра и Зла, происходившая в правление Людовика XV; посмертное творение любителя сокровытых вещей»*²⁸³.

Эта чудовищная война — в реальности которой я ручаюсь, не обещая раскрыть ее историю, по крайней мере, здесь, — относится, по различным причинам, к теме главы, озаглавленной «Человеческое правосудие»; и лишь поверхностные читатели могли бы увидеть в ней

(3 продолжение прим. 281)

Конде; корешок, усеянный лилиями и лучистыми солнцами, указывает на эпоху и отсылает нас к правлению Людовика XIV:

«Король-Солнце, оплодотворяющий распустившиеся лилии».

Я привожу факсимильные образцы пророческих гравюр Парацельса и Иоахима.

²⁸² *Le Tombeau de Jacques Molay*, pages 36—37.

²⁸³ Paris, an VII de la Rep., 1 vol. in-8 de 450 pages, petit texte.

бесплодное и неоправданное отступление: живой символ наших человеческих требований, Французская революция, вдвойне справедливая и законная в своей основе, оказалась вдвойне несправедливой в своем применении; и именно этим человеческое правосудие отличается от правосудия Божьего.

Творить Зло, исходя из справедливого закона — более оскорбительно для праведной совести, нежели творить Зло на основании принципа беззакония.

Всякое дерево приносит плод по роду своему; худое дерево приносит худой плод, это в порядке вещей: настанет день, когда худое дерево будет выкорчевано, распилено и брошено в огонь. Но доброе дерево может приносить худые плоды, лишь когда оно вырождается и портится; и зрелище подобного повреждения всегда бывает горестным; оно может совершаться только в «лаборатории» Сатаны и по закону *Бинера*, то есть неустранимого антагонизма.

Мы уже видели, и мы еще в этом удостоверимся, что режим Террора был плодом нечистого Бинера.

Поистине загадочное и ошеломляющее, это длительное исступление самого благородного и самого цивилизованного из народов, сбивало с толку проницательность всех историков. Кто не потерялся бы в бессильных догадках при виде этих периодических разливов национальной крови, куда Франция, превращаясь в вакханку, с наслаждением погружается с этими исступленными и в то же время величественными возгласами, которые словно бы несут на себе отпечаток лихорадочной восторженности, исполненной бешеной радости и отчаяния?

Для того чтобы пролить внезапный свет на эту странную эпоху, столь богатую катаклизмами, достаточно будет нескольких строк аббата Констан (Элифаса Леви): «Мы помним о странной речи, с которой обратился к самому Казотту, осуждая его на смерть, председатель революционного Трибунала, его собрат и товарищ по посвящению. Страшная разгадка 93-го года по-прежнему сокрыта в самом темном святилище тайных обществ: адептам доброй воли, желавшим освободить народы²⁸⁴, другие адепты из противоположной секты, связанной с более древними традициями, оказали страшное сопротивление с помощью средств, аналогичных средствам их противников; они сделали невозможным практическое применение великого аркана, разоблачив теорию. Толпа ничего не поняла; но она не доверяла никому и в унынии пала в пропасть еще большую, чем высота, на которую ее желали поднять. *Великий аркан остался еще более неизвестным, чем когда бы то*

²⁸⁴ Констан говорит здесь о Неотамплиерах.

ни было; однако адепты, нейтрализовав друг друга, не могли проявить силу ни для того, чтобы подчинить себе других, ни для того, чтобы освободиться самим: поэтому они взаимно осуждали друг друга как изменников и обрекали друг друга на изгнание, самоубийство, кинжал и эшафот»²⁸⁵.

Оставим пока в стороне Казотта и его процесс; мы скоро уделим этому эпизоду всё внимание, которого он заслуживает: радуясь тому, что можем представить интересующимся подробности неоспоримой подлинности, которые, обладая необычайной важностью, тем не менее, обычно игнорируются.

Приберегая на потом, но не теряя из виду эту столь показательную сцену большой революционной драмы, обратимся к автору одной интересной и добросовестной работы, вышедшей в 1819 году под названием: «О тайных обществах Германии, секте иллюминатов, тайном Трибунале и т. д.»²⁸⁶.

Этот очеркист — который не может обладать осведомленностью аббата Констана в вопросе Иллюминатов, — предъявляет всем адептам один и тот же упрек. Ему неведомы никакие различия между двумя школами.

Однако поразительно наблюдать, как он пишет за сорок лет до публикаций знаменитого оккультиста фразы в таком духе: «Чтобы отыскать ключ к Революциям, начиная с казни Карла I и заканчивая казнью Людовика XVI, необходимо всегда возвращаться к этой неуступчивой секте... Красный колпак, который, как мы видели, в 1793 году стал эмблемой Якобинцев, был украшением британских Индепендентов, когда Кромвель пришел к власти. Чтобы не ходить далеко, не странно ли, что в самый разгар нашей Революции первые роли исполняли *Паши, Мараты, Клотцы, Лазуские, Буонаротти и Миранды* — швейцарские, немецкие, польские, итальянские и испанские Иллюминаты!.. (стр. 179).

Мы уже видели, что в Ордене Иллюминатов было три степени. Самым высоким был ранг Великого Магистра; герцог Орлеанский был облечен им во Франции за несколько лет до Революции... (стр. 226).

Императоры Иосиф II и Леопольд, проникшие в тайны Иллюминатов, стали жертвами *Aqua Toffana*. Решения о повстанческих движениях 5 октября, 20 июня и 10 августа были приняты на собраниях адептов и посвященных, в ложе *Общественного договора*, на улице Кок-Эрон: я знаю это со слов очевидца. Робеспьер играл определенную роль, но он не был посвященным²⁸⁷: поэтому его свергли.

²⁸⁵ Eliphas Levi, *Dogme de la Haute Magie*, pages 324—325.

²⁸⁶ Paris, Gide fils, 1819, in-8.

²⁸⁷ Публицист допускает здесь ошибку: Робеспьер был совершенным посвященным; он значился даже среди вождей второй ступени.

Он хотел изолировать себя от секты, орудием которой выступал: и его голова упала на эшафот...

Никогда еще Иллюминаты не ощущали себя такими могущественными; в 1793 году они распоряжались топором палача... Гений, достоинство, таланты, добродетели, богатство — всё сравнялось с роковым уровнем гильотины: в одной связке оказались Бальи и Кюстины, Малерб и Делаборды, Лавуазье и Вестерманы, Элизабеты и Верньо. Не щадили никого: под косой торжествующих Иллюминатов исчезало всё величественное и возвышенное; оставалась только *черная шайка*...

По поводу этой гипотезы меня могут спросить, почему Великий Магистр Парижского капитула²⁸⁸ и его приспешники, свергнув короля с престола, сами погибли на эшафоте! *Я приведу в ответ достоверный факт: после своей победы иллюминаты разделились*²⁸⁹; одна часть ушла к Якобинцам, а другая — в Конвент: Якобинцы властвовали вплоть до 9 термидора; тогда-то Камиль Демулен, Эбер, Шомет, Клотц и Великий Магистр Капитула были отправлены на казнь. Напрасно последний отрекался от своего отца с трибуны Якобинцев и торжественно заявлял, что его мать занималась проституцией; они знали, к чему вели его признания: это было предательством секты; его отдали в руки палача... (стр. 181—183).

Земля представляла бы собой огромную грудю обломков и руин, если бы Провидение не породило вдруг одного человека... которого судьба призвала к высшей участи и чье падение, каким бы желанным оно ни было, вновь ввергло Европу в бесконечную череду Революций. Славный день 18 брюмера нанес страшный удар по секте Иллюминатов; она увидела, как дело пятидесяти лет было уничтожено за один день силами одного солдата (стр. 184).

Падение *Буонапарте*, вызванное, по большей части, Иллюминатами, возродило их влияние во всех отношениях; за несколько лет оно подвело нас к той ложной ситуации, которую мы принимаем за покой (стр. 203).

Эта лига Иллюминатов, невидимых ясновидцев, как никогда угрожает нашему благоденствию и нашей жизни; *кровавая книга раскрыта*,

²⁸⁸ Филипп-Эгалите.

²⁸⁹ Публицист 1819 года не одинок в своем мнении: «Филипп (пишет, со своей стороны, Каде де Гасикур) растратил всю свою казну, и его погубило тщеславие. После смерти короля, за которую он сам голосовал, он полагал, что завладел браздами правления; он, несомненно, добился успеха, но посвященные разделились. Гибель Бурбонов, проклятых Тамплиерами, позволяла ему править лишь ценой потери собственного имени; он считал, что достаточно будет от него отказаться. Он отрекся от своего отца с трибуны Якобинцев, заявив, что его мать-проститутка разделила ложе с кучером и что он — дитя этой распутной любви. Он униженно умолял, чтобы его лишили собственного имени, и взял имя Эгалите. Но Робеспьер уже принял решение...» (*Tombeau de Jacques Molay*, p. 47—48.)

в ней записаны имена, и сто тысяч убийц, поклявшихся не щадить ни своих родителей, ни друзей, находятся в движении. Несчастный Фуальдес уже пал под их ударами (стр. 256)».

Простят ли нам эти длинные цитаты? Они были необходимы. Мнение, высказанное публицистом 1819 года — своеобразная гарантия правдивости утверждений, сделанных Элифасом Леви в 1855 году. А если добавить к ним разоблачения Каде де Гасикура, датируемые 1796 годом («Гробница Жака Моле», год V), то сомневаться больше не приходится.

Впрочем, сами события Революции несут на себе «тамплиеровский» отпечаток и подтверждают наш тезис.

Название *Якобинцы* происходит от *Якобуса Молэ*, а вовсе не от церкви монахов-якобитов, как обычно считают — места собраний, которое оккультная секта Масонов должна была, по причине номинального совпадения, предпочесть всем остальным. Эти заговорщики прежде основали на улице Платьер ложу *Жан-Жака Руссо*, в доме этого известного публициста, теории которого должна была претворить в жизнь партия Робеспьера. К моменту возникновения этой знаменитой ложи *Якобинство* давным-давно получило свое название. Но это знаменательное наименование было известно только магистрам. Послушаем Каде де Гасикура:

«Стремясь посвящать в свои замыслы только надежных людей, они (Неотамплиеры) изобрели обычные масонские ложи, носившие имена св. Иоанна и св. Андрея. Они были известны во Франции, Германии и Англии; несекретные общества, служившие лишь для того, чтобы раздавать поручения и знакомить *истинных масонов* с людьми, которые могут присоединиться к их большому заговору. Эти ложи, которые я мог бы назвать *подготовительными*, имеют чисто утилитарную цель; она посвящена благотворительности; они связали различные народы необычайно ценными узами братства; поэтому мы видели, как самые добродетельные люди усердно разыскивали подобные общества. *Истинные ТАМПИЕРЫ, или ЯКОБИНЦЫ, не держат лож; их собрания называются КАПИТУЛАМИ. Существует четыре Капитула, по одному в каждом городе, указанном Жаком Молэ²⁹⁰, и каждый из них состоит из двадцати семи членов. Их пароль — Иахин, Воаз, Мак-Бенак, Адонаи 1314, начальные буквы которого совпадают с *Jacobus Burgundus Molay beat anno 1314*»²⁹¹.*

²⁹⁰ «Сидя в тюрьме, он создал четыре материнские ложи: на Востоке — в Неаполе; на Западе — в Эдинбурге; на Севере — в Стокгольме и на юге — в Париже (*Tomb. de J. Molay*, page 17).»

²⁹¹ «Якоб-Бургундец Молэ, скончавшийся в 1314 году» (лат.). *Tombeau de J. Molay*, pages 21—22.

Каде де Гасикур добавляет к этим подробностям другие откровения об их паролях и условных знаках, философских доктринах и эмблемах. Я вынужден отослать читателя к этому произведению, не имея возможности привести здесь все сведения, несмотря на то, что они обладают известной ценностью.

Существуют весьма красноречивые совпадения, констатация которых дает большую пищу для размышлений! Так, наследники *Иакова*, *Якобуса*, или *Жака*, Молэ, потомки и продолжатели тех разбойников, которых средневековые окрестило *Жаками*, поселившись в доме самого Жан-Жака (истинного философа Революции), в конце концов, обосновались у *Якобитов*, и под именем *Якобинства* они превозносят и распространяют свои зажигательные учения.

Как объяснить тем, у кого подобные сопоставления (отмеченные уже Элифасом) вызывают лишь сострадательную улыбку, что в выборе помещения, которое Якобинцы предназначали для несчастного свергнутого короля, возможно, было нечто странное и знаменательное? Национальная ассамблея, ввиду срочного ремонта дворца Тюильри, назначила Люксембургский дворец в качестве резиденции Людовика XVI после событий 10 августа. Но Якобинцы не могли допустить, чтобы преемник Филиппа Красивого нашел там убежище, подобающее его непризнанному величеству: в Люксембургском дворце король-пленник всё еще сохранял бы подобие свободы; быть может, Ассамблея пыталась вернуть ему призрачную власть... Для их мести необходима была тюрьма: и какая же тюрьма? — ТАМПЛЬ!²⁹²

Ирония безжалостной судьбы! Именно в Бастилию²⁹³ были брошены Жак Молэ и его сторонники по несправедливому приказу короля Франции, когда король Франции был еще в силе! В Бастилию — тогда еще обычные городские ворота с двумя башнями по бокам... И вот, спустя четыре с половиной столетия терпеливых и мрачных интриг, когда король Франции, в свою очередь, побежден, изгнан, унижен и свергнут... наследники Жака Молэ, на сей раз всемогущие, водворяют его в сырой мрак своей прежней башни; зловещее место, некогда бывшее одновременно казармой и монастырем, а ныне обычная тюрьма: *Et nunc, Reges, intelligite; erudimini, qui judicatis terram!*²⁹⁴

²⁹² Фр. *Temple*, «Храм».

²⁹³ «Именно с взятия Бастилии началась Революция, и посвященные указали на нее народу, потому что она была тюрьмой Жака Молэ. Авиньон стал ареной самых жестоких зверств, поскольку он принадлежал папе и поскольку там хранился прах Великого Магистра. Все статуи королей были повержены, для того чтобы уничтожить статую Генриха IV, закрывавшую то место, где был казнен Жак Молэ. На этом самом месте, и ни в каком другом, посвященные хотели воздвигнуть колосса, попирающего короны и тиары, и этот колосс был всего лишь эмблемой корпорации Тамплиеров» (*Tombeau de J. Molay*, pages 42—43).

²⁹⁴ Итак, вразумитесь, цари; научитесь, судьи земли! (Пс. 2:10)

Когда Монархия была осквернена, повержена и уничтожена, Якобинцы обратились против Католицизма. Шомет и Анахарсис Клотц начали преследования в предыдущем году; при Робеспьере они достигают апогея. Ненависть Неотамплиеров не была утолена зрелищем того, как Филипп Красивый был наказан в лице Людовика XVI; необходимо было, чтобы бедняга Пий VII, в свою очередь, заплатил страшный долг Климента V...

Искусственные сближения! Обманчивое совпадение совершенно случайных и отнюдь не взаимосвязанных событий! Очень просто задним числом устанавливать причинную связь между фактами, которые не объединены ничем, кроме смутной аналогии!.. Мы сознаем, что большинство наших читателей выскажутся подобным образом, несмотря на довольно большое число, по меньшей мере, странных симптомов, которые мы постарались соединить в компактное целое. Тем не менее, если мы, раскрыв книгу, *напечатанную еще до великих революционных катаклизмов*, покажем двойной план этой Революции (антибурбоновской и антиклерикальной), давным-давно принятый в масонских ложах, объявлявших себя тамплиеровскими, что возразят на наш тезис те, кто называет его надуманным и парадоксальным?

Всем известен процесс Калиостро, приговоренного к смерти Инквизицией, — наказание, которое было заменено папой на пожизненное заключение. Обратимся к *«Жизни Иосифа Балъзамо, графа Калиостро, извлеченной из Процесса, проведенного против него в Риме в 1790 году, переведенной с итальянского оригинала, напечатанного в апостольской палате»* (Paris, 1791, in-8, портрет). На страницах 129–132 помещен подробный рассказ о посвящении в мистерии Иллюминатов, представленный Калиостро судьям. Действие происходит в загородном доме, в трех милях от Франкфурта-на-Майне, в 1780 году. Мы приводим эти показания дословно: «...Мы спустились по четырнадцати или пятнадцати ступеням в подземелье и вошли в округлую комнату, посредине которой я увидел стол; мы раскрыли его, и под ним находился железный ящик, который мы тоже раскрыли, и в нем я заметил множество бумаг: эти две особы²⁹⁵ взяли оттуда рукописную книгу, сделанную в виде молитвенника, в начале которой было написано: мы, великие МАГИСТРЫ ТАМПИЕРОВ и т. д... За этими словами следовала формула клятвы, изложенная в самых ужасных выражениях, которых я не могу припомнить, но которые заключали в себе обязательство уничтожить всех деспотических государей. Эта формула была написана кровью и имела одиннадцать подписей, помимо моего шифра, который был первым; всё это тоже написано кровью. Я не могу припомнить всех имен в этих подписях,

²⁹⁵ Двое иллюминатов, сопровождавших Калиостро.

за исключением неких N., N., N. и т. д. Это были подписи двенадцати Великих Магистров Иллюминатов; но, по правде, мой шифр был представлен не мною, и я не знаю, как он там оказался. То, что мне сказали о содержании этой книги, которая была написана по-французски, и то немногое, что я из нее прочитал, еще больше убедили меня в том, что *эта секта решила нанести первый удар по Франции; что после падения этой монархии она должна поразить Италию, и, в частности, Рим; что Хименес, о котором уже говорилось, был одним из главных вождей; что интрига была тогда в самом разгаре и что Общество обладало большим количеством денег, рассредоточенных по банкам Амстердама, Роттердама, Лондона, Генуи и Венеции...*²⁹⁶ (стр. 180—181).

Настаивать на ценности этих показаний означало бы оскорблять проницательность читателя. Итак, когда Престол был упразднен, принялись за Алтарь: церкви закрыты и разорены; священники вынуждены изменять своей клятве; богиня Разума восседает в качестве живой эмблемы блудницы на архиепископском алтаре Нотр-Дам; всё церковное имущество находится под секвестром или передано другим владельцам: всё это и множество других вещей были лишь первыми последствиями якобинской злопамятности; и когда шестнадцать лет спустя Бонапарт оскорбил величество папы, плененного в Фонтенбло, и поблуднев от бешенства, дошел в своей горячности (говорят) до того, что рассек сверху вниз белую рясу понтифика ударом своей стальной щпоры, этот враг всех сект сделался, конечно, не догадываясь об этом, запоздалым исполнителем мести Тамплиеров.

Сколько подобных сближений можно было бы сделать, если бы это позволяли рамки нашей книги!

Позаимствуем у Элифаса Леви, прекрасного рассказчика, еще одну из этих весьма красноречивых историй о Французской революции. Дело было в 1792 году.

«Король был пленником в Тампле, а элита французского духовенства — в изгнании, или в Аббатстве. Пушка гремела на Новом мосту, и грозные дощечки объявляли, что родина в опасности. Тогда неизвестные устроили резню. Отвратительный исполинский человек с длинной бородой появлялся повсюду, где можно было зарезать кого-нибудь

²⁹⁶ В той же «Жизни Калиостро», опубликованной на основании документов священной Службы (итальянское издание, 1790 г.; французский перевод, 1791 г.) читаем следующую знаменательную фразу по поводу секты Иллюминатов, прозванной сектой Высшего Устава: «Последняя исповедует самое явное безбожие и могла бы использовать магию в своих действиях; под благовидным предлогом мести за смерть Великого Магистра Тамплиеров, она, главным образом, стремится к полному уничтожению католической религии и монархии» (стр. 90).

из священников. «Эй! — говорил он им со зверской ухмылкой. — Вот вам за Альбигойцев и Вальденсов! Вот вам за Тамплиеров! Вот вам за Варфоломеевскую ночь! Вот за севеннских изгнанников!..» И он с яростью наносил удар, всегда или саблей, или резакон, или дубиной. Оружие ломалось и заменялось новым в его руках; он был весь в крови с головы до ног; его борода вся слиплась от нее, и он клялся чудовищными богохульствами, что отмоеет ее только кровью.

Именно он предложил ангельской мадемуазель де Сомбрей тост за нацию...

После смерти Людовика XVI, в тот самый момент, когда он испустил дух под топором Революции, человек с длинной бородой — этот Вечный Жид убийства и мести — взошел на эшафот перед испуганной толпой; он набрал полные пригоршни королевской крови и, вылив ее на головы народа, сказал жутким голосом: «*Французский народ, я крещу тебя ИМЕНЕМ ЖАКА и свободы!*»²⁹⁷

Еще одна цитата ученого Элифаса подведет нас к личности и процессу посвященного Жака Казотта, необычный случай которого мы выбрали для завершения этой главы.

Известно, при каких условиях каббалист Паскуалис-Мартинес предложил инициацию автору «*Влюбленного Дьявола*»; это совершенно загадочная легенда, к которой мы, наверняка, вернемся в другом месте. Как бы то ни было, аббат Констан, набросав в общих чертах эту историю, помещает в конце своего рассказа следующие размышления: «Инициация Казотта должна была сделать из него преданного сторонника порядка и опасного врага анархистов; и, действительно, мы видели, что всё дело в горе, на которую поднимаются, чтобы духовно возродиться, если воспользоваться символами Калиостро; но эта гора может быть белой от света, как Табор, или красной от крови, как Синай или Голгофа. Существует два хроматических синтеза, как учит «Зогар»: белый синтез гармонии и духовной жизни и красный синтез войны и материальной жизни: цвет дневного света и цвет крови. Якобинцы хотели поднять знамя крови, и их алтарь уже возвышался на красной горе. Казотт встал под знамя света, и его мистическая скиния стояла на белой горе. Кровавая гора на время одержала верх, и Казотт был изгнан... Казотт предсказал собственную смерть²⁹⁸, поскольку его

²⁹⁷ Histoire de la Magie, pages 443–444.

²⁹⁸ Насыщенность этой главы не позволяет нам воспроизвести *in extenso* самое поразительное пророчество, которое когда-либо изрекали людские уста. Впрочем, каждый желающий может прочесть его в первом томе посмертного собрания сочинений Лагарпа, очевидца и свидетеля, который сохранил его для нас в мельчайших подробностях. Так что мы вкратце изложим его рассказ.

Дело происходило за столом, у герцога Нивернейского, в начале 1788 года. Компания, столь же многочисленная, сколь и блистательная, состояла из знатных вельмож

совесть обязывала его бороться до самой смерти против анархии. И так, он продолжал слушаться голоса своей совести, был вновь арестован²⁹⁹ и предстал перед революционным Трибуналом: *он был заранее обречен. Вынеся ему приговор, председатель обратился к нему со странной речью, исполненной уважения и сожаления: он призывал его до конца*

(1 продолжение прим. 298)

и не менее знатных дам, придворных и судейских чинов, наконец, академиков и поэтов. Негативная и вольнодумная философия Вольтеров и Дидро была в те времена строгой обязанностью, даже для дам; поэтому гости перемыли косточки священникам, а затем рассказали несколько непристойных анекдотов, прерываемых хвалебными возгласами в честь будущей Революции, которая упразднит ханжество, той Революции, к которой призывали все.

Казотт слушал восхваления с нетерпеливым беспокойством. Внезапно он встал, бледный, со взором, горевшим пророческим огнем, пред всеми этими гостями, возбужденно мечтавшими о будущем, он резко разорвал завесу грядущих времен:

— Радуйтесь, господа, ибо все вы увидите эту прекрасную Революцию, которая убьет вас всех, во имя Братства и Разума. Вы, г-н де Кондорсе, умрете, осужденный Ею, в тюремном застенке от яда, который эта «счастливая» эпоха заставит вас всегда носить с собой; вы, г-н де Шамфор, тоже осужденный, умрете от двадцати двух ударов бритвой; вас, г-н де Вик д'Азир, постигнет точно такая же смерть; вы, Аймар де Николаи, я вижу, как вы взбираетесь по ступеням на эшафот; вы, г-н Бальи, умрете на эшафоте; и вы тоже, г-н Руше — на эшафоте!

Далее я цитирую дословно: «О, это невысказано, — слышалось со всех сторон, — он поклялся уничтожить нас всех!»

— Нет! Это не я поклялся!»

Стало быть, кто-то поклялся во всех этих осуждениях? Но кто? Якобинцы, Нотамплиеры!.. Это ясно как Божий день.

Продолжим. — «К счастью (это уже говорит Лагарп), вы не упомянули меня во всех этих предсказаниях!» — «Вы попадете в них, г-н Лагарп, из-за чуда не менее великого; вы станете христианином». — «Если наши головы, — слышалось вокруг, — должны пасть лишь в этот день, тогда все мы бессмертны!»

— Нам, женщинам, повезло, — сказала герцогиня де Граммон, — мы не имеем никакого отношения к вашим Революциям!.. По крайней мере, наш пол никогда не трогают.

— На этот раз ваш пол вас не защитит. Да, герцогиня, вы тоже подниметесь на эшафот. Палач подвезет вас к нему на своей повозке.

— Ах, ну вы оставьте мне хотя бы мою карету, задрапированную черной тканью?

— Отнюдь, и еще более знатные дамы обойдутся без нее...

— Вы хотите сказать, принцессы крови?

— Еще более знатные дамы...

Здесь мадам де Граммон сочла более благоразумным перевести разговор на другую тему:

— Вот увидите, он не оставит мне даже духовника!

— Вы его не получите; ибо последним, кому из милости его предоставят, будет...

— Говорите же!

— Король Франции.

Все вскакивают; гости находят, что шутка зашла слишком далеко и, прежде всего, вышла за границы приличий. Хозяин дома подбегает к Казотту и пропикновенным тоном умоляет его отказаться от этого мрачного фарса. Но Казотт не отступает от своих слов. Он даже добавляет, что не пройдет и шести лет, как все эти пророчества сбудутся.

Когда он уже собирается уйти, мадам де Граммон, желая разрядить обстановку, окликает его:

оставаться достойным самого себя и умереть как мужественный человек, каковым он был при жизни»³⁰⁰.

Эта страница Элифаса возбудила наше любопытство, и мы решили побольше разузнать о последних часах Казотта. По счастливой случайности, к нам в руки попала несомненно редкая и малоизвестная брошюра, ставшая для нас ценным откровением. Это процесс Казотта *in extenso*, опубликованный во времена Директории, вероятно, по ее же приказанию, под названием: *МИСТИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА ЖАКА КАЗОТТА с Лапортом и Путо, интендантом и секретарем Цивильного листа, за 1790, 1791 и 1792 гг., с последующим протоколом допроса и судебным разбирательством*»³⁰¹.

Название немного обманчивое, по крайней мере, в том, что касается формы. Если не считать восьми страниц предисловия и одной страницы эпилога, это, как мы уже говорили, подлинник судебного процесса, проходившего 24 сентября 1792 года: революционный Трибунал приговаривает Казотта к смертной казни за государственную измену и заговор против конституционных властей. Однако судебное заседание почти целиком посвящается чтению писем, которые Казотт писал Лапорту и Путо, для того чтобы с их помощью показать их королю.

Время от времени между посланиями проскальзывают обрывки допроса: обвиняемого расспрашивают уважительно и сдержанно; он отвечает спокойно, кротко и твердо:

В. — *Возможно, вы утомились: Трибунал готов предоставить вам время, которое вы сочтете нужным, для того чтобы принять пищу, освежиться или отдохнуть.*

О. — *Я весьма тронут вниманием Трибунала. Волнение, которым я охвачен в данный момент, позволяет мне продолжить судебное разбирательство; к тому же, чем скорее завершится процесс, тем скорее я от него освобожусь, равно как и господа судьи и присяжные.*

(2 продолжение прим. 298)

— Г-н Пророк, вы предсказали наше будущее, а свое?

— Вы читали, герцогиня, об осаде Иерусалима у Иосифа?.. Один человек во время осады семь дней подряд ходил вокруг крепостных стен, восклицая заунывным голосом: «Горе! Горе Иерусалиму и горе мне!..» На седьмой день огромный камень, брошенный одной из вражеских метательных машин, угодил ему прямо в лоб и убил его.

Больше ничего не объясняя, Казотт поклонился и вышел.

²⁹⁹ Впервые он был арестован и спасен, подобно Сомбрею, своей дочерью в период сентябрьских убийств.

³⁰⁰ *Histoire de la Magie*, pp. 439–440.

³⁰¹ Paris, Lerouge, Deroy et Maret, an VI de la Republique, 1 vol. in-12 de 182 pages, с портретом.

Когда обвиняемый отказывается отвечать, председатель не настаивает. Ни слова упрека или порицания! Какой учтивый процесс!..

Чтобы «разбудить» читателя, поистине зачарованного этой вежливой беседой, в каждом слове которой сквозит взаимное уважение, достаточно напомнить ему недавнюю страшную фразу: *Казотт был заранее обречен!*

Тогда, посреди разнузданных политических страстей и великой, кипящей ненависти, эта кротость прозвучит мучительным диссонансом, эта вежливость покажется напускной; наконец — если воспользоваться вульгарным выражением — от этого процесса мороз проберет по коже.

Заранее обречен! Ужасающие слова... и это сущая правда. Поскольку Трибунал без всякой мотивировки отклоняет *оспаривание компетенции суда*, выдвинутое у барьера защитником Жюльеном, и если когда-либо компетенция суда была справедливо оспорена, то это произошло именно в тот день.

«Обвиняемый основывал свой протест на том, что, поскольку 2 сентября его судил суверенный народ и муниципальные служащие, обремененные в свои перевязи, которые выпустили его на свободу, то нельзя было, не посягая на суверенность этого же народа, вести против него судебное разбирательство по фактам, из-за которых он был арестован, а затем освобожден» (стр. 19).

*Non bis in idem*³⁰². Аксиома хорошо известная, неоспоримая и господствующая во всех правовых системах. Как же поступает Трибунал?

«Трибунал, не останавливаясь и не обращая внимания на протест, предъявленный господином Казоттом, *приказывает, чтобы он продолжал дальше...*» (стр. 17).

Он добавляет, что «заверенные копии упомянутого протеста и настоящего судебного постановления будут, по просьбе национального комиссара, *направлены министру Юстиции, для того чтобы он передал их в Национальный конвент, буде он состоится!...*» (*Ibid.*) Но поскольку смертный приговор, вынесенный днем, приводился в исполнение в тот же вечер, около семи часов, эта оговорка немногого стоила! Какая варварская ирония!

Впрочем, следует признать, что переписка Казотта, принимая во внимание обстоятельства, была максимально компрометирующей.

Подобно *Сен-Мартену*, ученику самого Мартинеса, а затем посмертного последователя Якоба Бёме; подобно Дютуа-Мамбрини,

³⁰² Нельзя дважды [судить] за одно и то же [преступление] (лат.).

J. CAZOTTE

женевскому теософу, опубликовавшему в 1793 году, под псевдонимом *Келеф-бен-Натан*, замечательное, несмотря на некоторые ошибки, произведение³⁰³; подобно Фабру д'Оливе, инициация которого относится к этой же эпохе; подобно немногим другим, Казотт был частью самой древней традиции; он принадлежал к *ортодоксальному* посвящению, о котором шла речь выше. Но, будучи менее благоразумным, нежели Дютуа и Сен-Мартен, он был из тех, кто активно трудился на всех трех планах — астральном, моральном и интеллектуальном — на благо Контрреволюции.

Этот адепт стал одной из первых жертв якобинской, или неотамплиеровской, братии.

Нужно видеть, как судьи Казотта хотели заставить его рассказать о своем посвящении. Послушайте коварный вопрос, который ему задают:

В. — *В какую секту вы вступили? В секту Иллюминатов (Просвещенных)?*

О. — *Все секты состоят из просвещенных людей; но та, о которой я говорю в своем письме, это секта МАРТИНИСТОВ. Я был связан с ней в течение трех лет; различные причины вынудили меня уйти из нее; тем не менее, я всегда остаюсь ее другом* (стр. 45).

Казотт отвечает с редкостным присутствием духа. Он сам чувствовал в тот момент, когда между двумя соперничающими посвящениями должна была начаться борьба, каким опасным мог быть удар: всё наводит на мысль о том, что он хотел вначале избежать его. Обратимся к письму под литерой N., датируемому 4 апреля 1792 года:

«Копья обратятся против копий, мой дорогой друг; наберитесь еще немного терпения... *Вы не посвященный? Радуйтесь же этому!* Вспомните слова: *Et scientia eorum perdet eos*³⁰⁴. Если даже я нахожусь в опасности, несмотря на то, что божественная милость вытащила меня из западни, судите о риске для тех, кто в ней остается.

Когда-то давно мы восхваляли безопасность суши. ЗНАНИЕ ОККУЛЬТНЫХ ВЕЩЕЙ — ЭТО БУРНОЕ МОРЕ, ОТКУДА НЕ ВИДНО БЕРЕГА» (стр. 94–95).

И, тем не менее, он меняет решение. Страшная борьба столь неизбежна, что он активно в нее включается. Казотт остро ощущает, что для всех встает вопрос жизни и смерти, и этот добрейший человек, ортодоксальный теософ и кроткий старик, открыто призвав во Францию чужеземца, для того чтобы вернуть королю абсолютную власть, восклицает: «Король должен остерегаться одной из своих склонностей — милосердия... Пусть ни в коем случае не останавлива-

³⁰³ La Philosophie divine, S.-L., 1793. 3 vol. in-8. Дютуа был «духовным сыном» теософа Сен-Жоржа де Марсе.

³⁰⁴ И знания их погубят их (лат.).

ет меч; пусть поразмыслит над теми карами, которые испытали вожди Израильтян, пощадившие жертв, предназначенных Господу. Человек не ведает, что творит, когда хочет сберечь эту кровь; его сострадание перерастает в жестокость... Наивысшее счастье, которое может произойти с преступником, состоит в том, чтобы быть казненным на земле, поскольку ДВАЖДЫ НЕ ПЛАТЯТ³⁰⁵ и страшно попасть виновным и ненаказанным в руки или под суд Бога живого» (стр. 64–65).

Сколько же сведений можно почерпнуть из этой книги! Сколько поучительных и неизвестных подробностей о людях и скрытых причинах великой Революции!.. Увы, мы вынуждены ограничить себя. И так уже слишком насыщенная, эта глава выходит за положенные ей рамки. Перейдем же к развязке. Послушаем заключительную часть обвинительной речи Реаля, общественного обвинителя:

«...Скажите, — говорит он обвиняемому, — почему я вынужден признавать вас виновным после того, как вы прожили семьдесят два года добродетельной жизни? Почему те два года, которые за ними последовали, были употреблены на обдумывание замыслов тем более преступных, что они были направлены на восстановление деспотии и тирании? Зачем вам нужно было замышлять заговор против свободы своей страны? Мало быть хорошим сыном, хорошим мужем и хорошим отцом, нужно быть, прежде всего, хорошим гражданином...» И далее: «Он не мог оправдать себя незнанием, он, философ и посвященный; он, даже в холоде старости сохранивший огонь кипучей и просвещенной молодости... (стр. 173–174)».

После защитительной речи Жюльена, Лаво, председатель революционного Трибунала, с помощью граждан Дюбаля, Жайана и Нолен, зачитывает смертный приговор.

После оглашения этого судебного постановления председатель обращается к осужденному со следующей речью³⁰⁶: «Слабая игрушка в руках старости, несчастная жертва предрассудков всей жизни, проведенной в рабстве! Ты, чье сердце оказалось недостаточно великим, для того чтобы почувствовать цену священной свободы, но кто доказал своей стойкостью во время судебного разбирательства, что способен пожертвовать даже собственной жизнью ради защиты своего мнения, внимли последним словам судей! Пускай они прольют в твою душу драгоценный бальзам уте-

³⁰⁵ *Non bis in idem!* Бедняга Казотт! Этот неоспоримый принцип будет однажды оспорен, во время его процесса, и это будет стоить ему жизни!

³⁰⁶ Эта краткая речь обладает таким характером и таким значением, что я считаю себя не вправе выбросить из нее хотя бы одно слово. Я привожу ее *in extenso* (стр. 178–181).

шений! Пускай, побуждая тебя оплакивать участь тех, кто тебя осудил, они вдохнут в тебя тот стоицизм, который должен руководить твоими последними мгновениями, и наполнят тебя уважением, которое закон внушает нам по отношению к самим себе!..

РАВНЫЕ ТЕБЕ ВЫСЛУШАЛИ ТЕБЯ; РАВНЫЕ ТЕБЕ ОСУДИЛИ ТЕБЯ; но их приговор был, по крайней мере, таким же чистым, как их совесть; по крайней мере, никакой личный интерес не помешал их решению мучительными воспоминаниями об угрызениях совести. Так что воспрянь духом, соберись с силами и бесстрашно встреть кончину; думай о том, что она не вправе удивить тебя: это не тот миг, который должен страшить такого человека, как ты!

Но прежде чем расстаться с жизнью, прежде чем заплатить закону дань за свои происки, взгляни на величественную позицию Франции, в лоно которой ты не побоялся громко призвать врага... да что я говорю?.. наемного раба! Посмотри, с каким мужеством твоя бывшая отчизна, которую ты подозревал в трусости, противостоит нападкам низменных клеветников. Если бы закон мог предвидеть, что ему предстоит выносить приговор такому виновному, как ты, то, даже принимая во внимание твой преклонный возраст, он не наложил бы на тебя иного наказания; но успокойся: если он суров во время преследований, то после вынесения приговора меч выпадает у него из рук. Он сетует о гибели тех, кто стремился его поносить. То, что он совершает для виновных вообще, он делает специально для тебя. Взгляни, как он проливает слезы над этими сдинами, которые он считал себя обязанным почитать вплоть до момента осуждения; пусть это зрелище принесет тебе раскаяние; пусть оно обяжет тебя, несчастный старик, воспользоваться тем временем, что еще отделяет тебя от смерти, для того чтобы изгладить малейшие следы твоего заговора справедливо испытанным сожалением³⁰⁷.

Еще несколько слов. Ты был мужчиной, христианином, философом, посвященным; сумей умереть как мужчина, сумей умереть как христианин; это всё, чего твоя страна может еще от тебя ожидать!»

Автор брошюры продолжает: «Эта речь, повергшая в изумление часть аудитории, не произвела никакого впечатления на Жака Казотта. При словах: *так что воспрянь духом, соберись с силами и бесстрашно встреть кончину; думай о том, что она не вправе удивить тебя: это не тот миг, который должен страшить такого человека, как ты*, он воздел руки и покачал головой, подняв глаза к небу со спокойным и решительным выражением лица. Когда его отвели в камеру, он сказал тем, кто его окружал, что он сожалеет лишь о своей дочери... Упомянутый

³⁰⁷ Здесь фанатизм Неотамплиера граничит с высочайшим умилением! Это сектант, которому захотелось *обратить* своего врага, перед тем как его убить!

приговор был приведен в исполнение на площади Карузель около семи часов вечера: осужденный демонстрировал во время всего пути и на эшафоте удивительное присутствие духа и хладнокровие (стр. 178–185, *passim*)».

Не знаю, какое впечатление осталось у читателя от этого процесса и этого приговора; но я заверяю его, что он присутствовал при торжественной и потрясающей драме; он, несомненно, почувствовал в этом нечто большее, чем обычный уголовный процесс... Я боюсь извратить его собственные эмоции, примешав к ним выражение своих, и закончу возвышенными словами Элифаса:

«Революция, даже в судилище, была гражданской войной, и брат приветствовал брата, перед тем как его убить. С обеих сторон были искренние и, следовательно, уважительные убеждения. Тот, кто умирает за то, что считает истиной, является героем, даже если он ошибается, и анархисты с кровавой горы не только отважно отправляли других на эшафот: они и сами поднимались на него, не бледнея. — Пусть же их рассудят Бог и потомки!»³⁰⁸

³⁰⁸ *Hist. de la Magie*, page 440.

ПАПА = КВИНЕР = ВОЛЯ, ЕЕ ОРУДИЯ...

АРСЕНАЛ КОЛДУНА

ГЛАВА V

АРСЕНАЛ КОЛДУНА

Мы видели, как Сатана восседает в своем мерзостном храме и как Черный маг, верховный понтифик его культа, совершает там пышную службу³⁰⁹.

Нам любопытно было заглянуть во все уголки этого здания, служащего одновременно пантеоном фанатизма и базиликой безумия.

Ничто характерное не ускользнуло от нашего терпеливого исследования; не то чтобы мы надолго останавливались у каждого столба, но, в конечном счете, наш взгляд — хотя бы в течение минуты — блуждал повсюду, внимательный и пристальный.

Теперь мы знакомы с нечестивым святилищем, омерзительным идолом, бесчестным служителем и гнусным культом.

Нам осталось лишь завершить наше исследование помещением ризницы. Ризница Сатаны — это *Арсенал Колдуна*.

Итак, за работу — составим опись предметов, которые там находятся.

³⁰⁹ По древнему, традиционному, архаическому обряду. В главе VI: «*Современные аватары Колдуна*», мы еще застанем последнего за исполнением своих жреческих обязанностей, однако уже по новому обряду и в модном костюме.

Еще пара слов, перед тем как приступить к нашей задаче.

Располагая небольшим количеством места, мы были вынуждены пренебречь скрупулезным и методичным перечислением множества обрядов и нескончаемых церемоний, в которых находят удовольствие три сестры-близнеца, диктующие здесь свои законы: Суеверие, Злоба и Глупость.

Литургическая сумма Колдуна состоит из довольно массивных инфолио и ин-кварто, которые мы очень бегло пролистали, любезный читатель, останавливаясь лишь на самых важных страницах.

Опись, которую мы собираемся произвести, время от времени будет давать нам повод к ней вернуться³¹⁰. Разумеется, это будет происходить лишь вскользь; а описания и сведения мы будем давать вперемежку. Не следует ожидать систематического деления...

И даже, для того чтобы сократить эту главу — избегая переходов, которые ее вовсе не свяжут, и сравнительных разъяснений, которые мало что смогут прояснить, — мы будем (подобно судебному исполнителю) следовать алфавитному порядку. Истина родится, если это возможно, при случайном столкновении идей.

Доверимся же полностью логике случая!

³¹⁰ Многие сведения, которые уместно было бы поместить здесь, уже были изложены в предыдущих главах, и порой довольно подробно. Мы не видим необходимости воспроизводить их вновь, но при каждой удобной возможности постараемся отсылать к ним читателя, дабы избежать повторов.

АРСЕНАЛА КОЛДУНА

(МАТЕРИАЛ СГРУППИРОВАН В АЛФАВИТНОМ ПОРЯДКЕ)

А

АВАТАРЫ. — Так называют многочисленные и разнообразные формы, в которых по очереди воплощается некая сущность (См. инкарнации Вишну в брахманической теологии.)

В гл. I я говорю о *типичных Аватарах Сатаны*. — См. стр. 225—227.

АДРАМЕЛЕХ. — Сирийский идол; в средние века превратился в дьявола. — См. гл. I, стр. 222.

АГГАРАТ. — Одна из супругов Самаэля в Пневматологии талмудистов. — См. гл. I, стр. 226.

АЛЬБЕРТ ВЕЛИКИЙ. — Произведения этого богослова, епископа Регенсбурга (1196—1280), были извлечены из фрагментов, из которых составлены два гримуара (см.), еще более нелепых, нежели знаменитых.

1. *Большой Альберт* (или *Удивительные секреты Альберта Великого*) неоднократно печатался форматом in-12, in-18 и in-24. — Разделен на 4 книги: в первой пространно рассуждается о тайнах животного размножения, зачатия и семени; во второй — о свойствах, приписываемых растениям, камням и животным, об астрологии и чудесах света; третья предлагает нам, помимо прочего, поразмыслить над свойствами навоза и экскрементов, а также над особенностями некоторых надоедливых насекомых, и заканчивается богатой коллекцией так называемых натуральных секретов;

четвертая книга — банальный трактат по *Физиогномике*, который также завершается списком рецептов. — Одно из лучших французских изданий: *Lyон*, 1775, *in-18*, с иллюстрациями.

2. Еще более экстравагантный *Малый Альберт* (или *Крепкое сокровище Альберта Малого*) содержит совершенно нелепые и вычурные формулы черной магии, которые, однако, приносят огромный успех нашим деревенским пастухам и колдунам: они целиком и полностью доверяют этой книжице, которая служит для них Альфой и Омегой каббалистической науки, и если только они обладают некоей врожденной предрасположенностью, добрые христиане тут же сочтут их колдунами. — См. прежде всего, издание: *Lyон*, 1516, *in-18*, «украшенное таинственными фигурами и способом их рисования».

Под названием *Альберт Современный* публиковались сборники научных рецептов с похвальной целью видоизменить идеи, господствующие среди сельского населения, и заменить столь дорогие ему суеверные формулы некоторыми понятиями позитивных наук. Но несмотря ни на что, неисправимый пастух всегда возвращается к своему *крепкому сокровищу*.

АЛЬМАНАХИ ДЬЯВОЛА. — Наполовину пророческая, наполовину шутливая публикация, направленная против Янсенистов, в правление Людовика XV. Некоторые предсказания, содержащиеся в этом произведении, вероятно, показались немного дерзкими властям, старательно уничтожившим все экземпляры, которыми они сумели завладеть. Поэтому два *Альманаха Дьявола* за 1737 и 1738 гг. (*aux Enfers*, *in-24*) стали библиографической редкостью и достигают довольно высоких цен в букинистических магазинах.

АМУЛЕТЫ. — Амулет — это предмет суеверного поклонения, который носят с собой для предохранения от несчастий, предотвращения несчастных случаев и избежания эпидемий.

Амулет — предохранительное средство, «оберег»; ему приписывают совершенно *пассивные*, превентивные свойства: этим *Амулет* отличается от *Талисмана* (см.), которому обычно приписывают *активные*, притягательные свойства.

Существуют бесчисленные разновидности Амулетов: от живой жабы, которую носят в роговой шкатулке (см. гл. III, стр. 299) для защиты от порчи, вплоть до *Agnus Dei*, освященных медальонов, наплечников и других благих предметов, использовать которые Церковь разрешает и даже советует.

Фетиши и другие *Брелоки*, ставшие столь популярными в последние годы, с магической точки зрения, являются объектами

смешанной природы и занимают промежуточное положение между Амулетами и Талисманами.

АНДРОДАМАС. — Разновидность сказочного магнита, якобы обладавшего свойством притягивать серебро, железо и медь.

АНДРОИД. — Так назывались некоторые металлические статуэтки, шедевры механики, которым приписывалась способность мыслить, разговаривать и двигаться. Всё это автоматически.

Считалось, что Альберт Великий изготовил *Андроиду*, с безошибочной точностью рассуждавшего о метафизике. Поскольку этот дотошный автомат неумоимо громоздил силлогизмы на дилеммы, св. Фома Аквинский, устав и потеряв терпение от его оглушающей диалектики, ударом палки разбил его вдребезги.

Некоторые колдуны стремились получить *Андроиду*, или *Гомункула*, другим способом. Кристиан извлек из одного рукописного гримуара следующий удивительный рецепт: «Возьмите яйцо черной курицы и вылейте из него количество белка, равное по объему крупному бобу. Замените этот белок *sperma viri*³¹¹ и заткните щель в яйце, приложив к ней кусочек слегка увлажненного чистого пергамента. Поместите затем яйцо в слой навоза в первый день лунного месяца марта, который вы узнаете из таблицы эпакт. Спустя тридцать дней инкубации из яйца вылупится маленький уродец, по внешнему виду напоминающий человека. Вы спрячете его в потайном месте и будете кормить его семенами лаванды и земляными червями. Пока он будет жив, вы будете удачливы во всем» (Christian, *Histoire de la Magie*, p. 450—451).

Вот как отвратительное сочетается с комичным. — См. *Мандрагора*.

АНТИХРИСТ. — Воплощение дьявольского Слова, в отличие от Слова божественного в лице Иисуса Христа. — См. весьма любопытные объяснения по этому поводу в I главе, стр. 229—233.

АНЧАР (*UPAS*). — Из этого растения (широко распространенного на Молуккских и Зондских островах) коренные жители получают один из самых грозных ядов, известных человечеству.

Обычно словом *Анчар* называют сам ядовитый препарат. Впрочем, существует два равно токсичных вида *Анчара*: *Upas antiar*, получаемый с помощью надреза одного растения из семейства Крапивных (*Antiaris toxicaria*), и *Upas tieute* (яванский *Цеттик*), который готовят, доводя до консистенции экстракта кору одной лианы

³¹¹ мужской спермой (лат.).

(*Strychnos tieute*). — Авторы некоторых монографий ошибочно смешивают эти яды со знаменитым *Курафе*.

Мусульманское предание гласит, что анчарные деревья чудесным образом вышли из-под земли о. Ява в результате проклятия пророка и в наказание за постыдный порок, широко распространенный в Малайзии.

В бурную эпоху средневековья и Ренессанса адепты отравительной магии, генуэзцы и флорентийцы, ценили на вес золота этот ядовитый и неуловимый сок тропических растений: они использовали его в своих темных делах.

АСТРОЛЯБИЯ. — Инструмент, которым пользуются Астрологи для определения состояния Неба в заданный день и час и для составления *Натальной карты*, к которой *Гороскоп* служит комментарием.

Астрология древних святилищ была истинной и глубокой наукой; к сожалению, она выродилась, пережив вульгаризацию и изменившись до неузнаваемости.

Предсказательная астрология, столь почитавшаяся в средние века и имеющая еще и сегодня своих ярых сторонников — одна из самых иллюзорных и *смехотворных* вещей, какие только можно вообразить. — См. превосходное рассуждение Фабра д'Оливе об Астрологии древних; это очень глубокие и содержательные страницы: *Vers dores de Pythagore*, Paris, 1813, 1 vol. in-8 (pages 269—278, seizieme examen).

Б

БАРАБАШКИ (*FARFADETS*). — Домовые, шалуны и добрые малые, которым предание приписывает скорее благотворное влияние. Однако Бербигье, исказив традиционное значение этого слова, обессмертил его, применив к демонам и, в особенности, к преследовавшим его невидимым колдунам.

Бергбигье — своеобразный субъект. В гл. I (стр. 245—248) можно найти сведения об этом забавном «могильщике» оккультного мира.

Но я обещал немного рассказать об оружии, с помощью которого он обращал в бегство этих пронырливых Барабашек. Можно было бы написать длинную главу о магическом арсенале одного только Бербигье. Его средства защиты сильно напоминают средства нападения подсудимых Ланкра и Боге.

«Иисус Христос был послан на землю, дабы омыть человеческий род от его грехов. Мне же, возможно, предназначено уничтожить врагов Всевышнего».

Таков ясный и лаконичный эпиграф к книге о *Барабашках*. — Посмотрим, что предпринимает новый «Мессия» для уничтожения этих исчадий Ада. Я резюмирую его краткие пояснения:

1. В первую очередь, необходимо раздобыть бычье сердце, которое нужно сварить в котелке, наполненном двумя пинтами воды. Когда тепло как следует его размягчит, в него втыкают булавы, гвозди и деревянные щепки, восклицая страшным голосом: «*Пусть всё, что я делаю, послужит тебе расплатой: я повергаю в уныние работника Беельзебуба*». Затем этот внутренний орган пригвозждают к столу тремя ударами ножа, множа проклятия;

2. В огонь, на котором кипит котелок, бросают соль и серу;

3. Когда вы почувствуете, как Барабашки в различных обликах видимых животных проникают ночью в альковы и шагают, прыгают и сближаются друг с другом, принимая самые интимные позы, на достойных сожаления свиданиях, нужно резко уколоть их через простыню шилом или шпиговальной иглой;

4. Или бросить им в лицо табак, и пока они будут кататься по полу, ослепленные и оглушенные, нужно быстро собрать их вперемешку с табачной пылью и поместить в герметически закрытые банки, куда время от времени подсыпать щепотку свежего табаку или кайенского перца с капелькой доброго уксуса. Какой винегрет! «Табак служит им пищей, а уксус утоляет жажду, когда им хочется пить. Так они и живут в этом стесненном состоянии и становятся свидетелями моих ежедневных побед; я расставляю бутылки таким образом, чтобы они могли видеть, что я ежедневно делаю с их товарищами...» (см. *Les Farfadets*, tome III, page 227).

«Есть еще один способ борьбы с Барабашками: *убивать всех жаб, которых можно поймать в деревне: жабы — приспешники inferнальных духов*». (tome III, page 229).

Теперь мы знакомы с защитным оружием Бербигье.

Закончим рассмотрением его «телескопа»: «Мой *сосуд откровений* — это деревянный чан, который я наполняю водой; он помогает мне обнаруживать Барабашек, когда они прячутся в облаках... Этот чан... поставленный на окне, отражает в воде все действия моих врагов: я вижу, как они сталкиваются друг с другом, борются, прыгают, пляшут и порхают, намного лучше, чем все *Forioso* и *Saqui* на свете. Я вижу, как они заклинаят время, нагромождают тучи, высекают молнии и гром. Вода в чане повторяет все движения этих презренных негодяев (*sic*). Я вижу их то в облике змеи или угря, то в облике скворца или колибри... Скептики, загляните в мой чан и вы перестанете досаждать мне своими отрицаниями!» (pages 225—226 du tome III).

Бербигье называет все эти чудесные операции прелестным выражением: *мои подвиги*.

Можно себе представить, какое удовольствие доставляло злобным шутникам, видевшим этого храбреца в подобном расположении духа, выводить его из себя, отправляя «из Преисподней» апокалиптические письма, которые он, впрочем, добросовестно приводит в числе оправдательных документов.

В заключение несколько отрывков из них: *«Посол Злобных духов, Ротомато, в пятый день лунного месяца, г-ну Бербигье, истребителю inferнальной когорты.*

Бербигье, когда ты прекратишь изводить меня и всех моих коллег? Какой же ты мерзавец! Ты уже погубил четыре тысячи моих подданных, и даже я сам чуть было не пал жертвой в день твоих подвигов, когда сидел в дымоходе твоей печи!!! Если бы ты проявил к нам некоторое снисхождение, мы нарекли бы тебя своим владыкой... Ты стал бы главой всех духов и наслаждался бы не только этим огромным преимуществом, но и обладал бы всеми красавицами, живущими в твоём дворце; ибо ты должен знать, что у нас здесь находятся все царицы, все принцессы и, наконец, все самые красивые женщины, которые на протяжении 4800 лет были усладой всех величайших героев на свете!.. Взгляни на них и соглашайся, и ты станешь самым счастливым из смертных; а не то... мы придем все вместе, чтобы сразиться с тобой сокрушительными факелами и уничтожить тебя в течение этого лета...

Чрезвычайный посол: РОТОМАТО».

(Tome III, p. 417, *passim*.)

Еще одно послание: —

«От Инфернального и невидимого комитета...

Барабашко-парафарапин! Трепещи, Бербигье... Это мы, Моро и Вандеваль, пишем тебе; мы, кого ты вчера искромсал семью смертельнейшими булавами, мы, на кого ты донес кюре... Тебе также нравится время от времени раскрывать первому встречному священные тайны *Ортеосониконигаменако*. Трепещи!.. Ничто не защитит тебя от нашей мести ни твой плотный шерстяной сюртук, ни твой левый боковой карман, куда ты кладешь монетки в 30 су, который всегда будет покрыт нашими царабарапинами, ни твое сладострастное чрево, что служит престолом любви и откуда вылетела стрела, ранившая сердце нашей нежной Фелициядоиски. Что ты натворил, несчастный!.. Шестнадцатилетняя девушка хотела увести с собой такого старикана, как ты: есть от чего звать на помощь!.. (Я на время останавливаюсь: это уже граничит с непристойностью...)

Если ты желаешь вступить в наше общество, то тебе нужно только громко сказать «да» 16 февраля, в три часа тридцать минут;

тогда ты будешь радушно принят; тебя увезет зефирная гондола, которая доставит тебя в отрадный уголок, где ты будешь наслаждаться *ad libitum*³¹².

Прощай. — Подпись: МОРО и ВАНДЕВАЛЬ».

(Т. III, pp. 309—310, *passim*.)

Бедняга Бербигье!..

БАФОМЕТ. — Идол, или, скорее, оккультный символ, в поклонении которому обвиняли Тамплиеров (подробнее см. гл. IV, стр. 353).

БЕЕЛЬЗЕБУБ или БЕЕЛЬЗЕБУТ. — Сирийский идол, которого я описываю в гл. I, стр. 222. В средние века Беельзебуб превратился в демона.

БЕЛАЯ КУВШИНКА (*NENUFAR*). — Свойства анафродизиака, которыми обладает Белая Кувшинка (*Nymphaea alba*), несомненно, носят магический характер; поскольку они происходят, так же, как и свойства дубовой Омелы (см.), от влияний небесных тел, находящихся в действенном соединении в часы, когда собирают это растение и готовят зелье.

Сама по себе кувшинка наделена лишь обычными смягчительными и седативными свойствами, вызванными растительным клеем, который она содержит в избытке. Но чародеи, искусные в деяниях а и ʔ, умели готовить из нее ледяные и леденящие напитки, пронизывающая острота которых притупляла самые необузданные чувства.

Мистический Лотос индусов, символизирующий, с определенной точки зрения, распускание духовной Сущности в тишине утоленных страстей, является разновидностью Нимфеи (*Падма*).

БЕЛЫЕ МЫШИ. — Некоторые колдуны, и в частности, один презренный священник-ренегат, полностью перешедший на службу Сатаны, иногда насылают колдовские чары, убивая белых мышей, которых они кормят освященной гостией.

Этот вид Порчи (см.) традиционно применяется в извращенной фракции римско-католического духовенства. — О священниках-колдунах см. гл. II, стр. 261.

БЕЛЬФЕГОР. — Палестинский идол, которого христиане превратили в одного из «статистов» преисподней.

БЕССМЕРТИЕ (эликсир). — Считалось, что алхимики изготавливали из философского камня универсальное лекарство, или Эликсир

³¹² сколько угодно, по желанию (лат.).

жизни, который, по словам одних, продлевал жизнь за обычные пределы, а по словам других, обеспечивал бессмертие всем, кто мог отрегулировать его употребление. Прочтите «*Занони*», прекрасный магический роман сэра Э. Бульвер-Литтона. Обратитесь также к весьма любопытным откровениям, опубликованным в *Lotus*, 1re année, N°2 et 3, под названием: «*Эликсир Жизни*», и подписанным: *Хела*. — Кто не знает традиционных и символических легенд об источнике Юности и воде вечной молодости?.. Считалось, что Калиостро и Сен-Жермен владели ее секретом (см. гл. IV, стр. 366).

БЛАГОВОНИЯ. — Благовония, пишет Агриппа («*Оккультн. философия*», кн. III., гл. LXIV) притягивают Духов, «подобно тому, как магнит притягивает железо». Их используют в культовых церемониях и магических операциях.

Поэтому Колдун, эта вечная «обезьяна» жреца и мага, непременно прибегает к ним для своих заклинаний. Поскольку приятные благовония обладают заклинительным свойством в сфере чистых Духов, то он, по аналогии, вызывает нечистых Духов, распространяя самые нестерпимые запахи. Он предпочитает зловонные курения Сатурна, к которым, по словам Элифаса Леви (*Rituel*, chap. VII, p. 119), относятся *Diagridium*, *Scammonee*, Квасцы, Сера и Ассафетида. — См. *Заклинание*.

БОРОДАТЫЙ ДЕМОН. — Алхимики школы Розы+Креста объясняют получение философского камня вмешательством *бородатого демона*.

Этот демон, символическое изображение *Anima Mundi* — не кто иной, как *Бафомет* Тамплиеров (см.). Это живой [Азот], рожденный благодаря оплодотворению философского ♀ золотой [Серой].

БРУКОЛАКИ. — Наименование Вампиров в Греции; меняется только название, истории же повсюду одинаковы (см. подробнее в гл. III настоящего издания, стр. 324—326).

В

ВАМПИРЫ. — Астральные сущности, которые, пережив бранные останки некоторых индивидов, до бесконечности замедляют их молекулярный распад. Эти псевдоодушевленные существа, связанные с трупом невидимой «пуповиной», начинают блуждать, нападая на спящих живых людей. Вампиризм — это, если можно так выразиться, посмертная, наследственная, часто эпидемическая болезнь. См. подробнее в гл. III, стр. 324—326.

ВАСИЛИСК. — Сказочное животное, о котором рассказывали самые фантастические небылицы. «Так же, как... мул рождается от осла и кобылы (пишет Боге), так и Василиск рождается от петуха и жабы» (*Disc. des Sorciers*, Lyon, 1610, in-8, page 84).

Этот же демонофил серьезно рассуждает о том, убивает ли Василиск взглядом, как это известно о «Змее *Катобленасе*, что проживает в окрестностях родника Нигрис в Эфиопии, который кое-кто считает истоком Нила» (*ibid.*, page 187). Разумеется, Боге отвечает на вопрос утвердительно.

В наших деревнях по-прежнему верят в то, что старые петухи высидивают яйцо (!), из которого выходит Василиск.

Василиск был одним из завсегдатаев Шабаша... В наши дни существует змея с тем же названием, очевидно, принадлежащая к другой породе: от ее взгляда не умирают — по крайней мере, сразу — а украшенный карбункулом естественный венец, который служил геральдическим гребнем на лбу этой странной рептилии, бесследно исчез...

ВЕРЕВКИ ВЕТРОВ. — «...Народы Фионии, до своего обращения в христианство, продавали ветра матросам, давая им веревочку с тремя узелками и предупреждая их, что, развязав первый узелок, они выпустят тихий, попутный ветер, второй узелок — более сильный ветер, а третий узелок — порывистый, опасный ветер» (*Olaus Magnus*, traduit par Dom Calmet, *Traite sur les apparitions des Esprits et sur les Vampires*, tome I, page 250).

ВЕРТЯЩИЕСЯ И ГОВОРЯЩИЕ СТОЛЫ. — Вот мы и подошли к современному колдовству: я хочу поговорить о Спиритизме.

Что такое, в действительности, *Спиритизм* (см.)? Это умение вступать в контакт с вампирическими существами, элементами, ларвами и т. д., которыми кишит межзвездное пространство, и порой возвращать мимолетную видимость жизни пустым и отмирающим астральным оболочкам, воздушным трупам, находящимся в процессе распада.

Означает ли это, что мы отрицаем всякую возможность связей с высшими Духами и даже с душами, реинтегрировавшимися в результате смерти в царство эфирной космогонической субстанции, материальными отбросами которой является наш мир? Конечно, нет. Только нам кажется, что в данной ситуации спириты, при всем своем желании, вызывают в девятистах девяноста девяти случаях из тысячи сущности двусмысленные, зловредные, глупые и грубые.

Однако это входит в обсуждение теории оккультизма. Мы вернемся к этому вопросу во втором септенере: «Ключ к Черной магии».

В главе VI настоящего тома можно будет увидеть, как спириты пользуются столами, геридонами и прочей мебелью, для того чтобы «разговорить» своих мнимых Духов (стр. 453—459).

См. также «У порога Тайны» (стр. 81).

ВЕЩИЙ ТАЗ. — Инструмент для гадания, изготовленный из сплава семи мистических металлов, со всеми буквами алфавита, высеченными по его окружности. Над этим тазом, стоявшим на треножнике, подвешивали на нити перстень, покрытый теургическими знаками, и вызывали прорицающих духов.

Таков был, по крайней мере, если верить Аммиану, Марцеллину и Созиму, обряд, совершавшийся некоторыми придворными императора Валента под руководством мага Паллада.

Последний громко произносил заклинания, стоя в тяжелом облаке освященных благовоний. Его лоб был украшен лавровым венком, по обычаю дельфийских жрецов, а правой рукой он размахивал веткой вербены... В тот же миг кольцо начало дрожать и раскачиваться на конце нитки. Внезапно раздалась жалобная металлическая нота; затем другая, потом еще две: перстень задел Θ зодиакального пояса; затем Е, О и, наконец, Δ. «*Феодор!*» — воскликнул один из помощников, и в этот день продолжать операцию дальше сочли бесполезным. (Запрос, сделанный духам, управляющим Судьбой, касался преемника Валента-Августа, насильственную смерть которого предсказал первый ответ Незримых.)

Роковое предсказание! Цезарь, у которого повсюду были шпионы, вскоре обо всем узнал. Гнев его был велик и удесятерен страхом. Он приказал схватить Паллада, и мага поволокли на казнь вместе с подозреваемым, которого оракул, по-видимому, обрек на плаху: *Феодором*. Первые слоги этого имени звучали в императорских ушах, подобно сакральной угрозе... Но где остановиться, скатываясь по склону недоверчивости? Другие слова также начинались с четырех букв ΘЕОΔ..., и эта вещая остановка поразила дух тирана. Беспокоясь о том, не шла ли речь о каком-нибудь другом кандидате Фортуны, император одного за другим предавал смерти всех *Феодосиев, Феодоров, Феодатов*...

Напрасный труд! Будущее показало, что можно избежать указов Цезаря, но нельзя укрыться от приговора Судьбы. Валент потерпел поражение в войне с Готами: он был сожжен в хижине, где рассчитывал найти убежище после разгрома — и его преемником, действительно, стал некий *Феодосий* (родной сын одного из тех, кого погубил Валент). Посланцы смерти не сумели отыскать этого молодого человека в Испании, где тот вел уединенную жизнь.

Так сбылся оракул Паллада, гадателя по теургическому тазу (378 г.).

ВИЦЛИПУЦЛИ. — Мексиканское божество в форме ужа, идол которого периодически орошали кровавыми возлияниями. — См. гл. I, стр. 223.

ВОДА. — Колдуны обычно били по воде прутьями, заклиная демонов. Эта небольшая операция должна была вызвать грозу, град или ливень (см. гл. III, стр. 310—311; я рассказываю там историю одной девчонки, не по годам сведущей в самых двусмысленных искусствах, которая всегда носила при себе «воду», предназначенную для заклинания).

В старину вода служила для испытания. В реку бросали людей, подозреваемых в колдовстве. Если они тонули, их считали невинными; если же они, наоборот, всплывали на поверхность, то это было безошибочным доказательством их виновности. В последнем случае их сжигали. Соблазнительная альтернатива!

В испытаниях использовалась также кипящая вода. Обвиняемый должен был опустить руку в котел, стоявший на углях, и вытащить оттуда освященное кольцо, подвешенное на нитке под водой.

ВОЛШЕБНАЯ ПАЛОЧКА. — Это раздвоенная ветка бука, ольхи или орешника, с которой была снята кора; ее держат обеими руками за оба ответвления раздвоенного конца, и палочка сама наклоняется к земле, сигнализируя о подземном присутствии источника, клада или убежища злодея.

«Оккультная физика» аббата де Вальмона (La Haye, Moetjens, 1690, 2 vol. pet. in-8, фронтисп. и любопытные гравюры) полностью посвящена изучению волшебной палочки. Там приводится физическая теория, которую п. о. Лебрэн долго пытался опровергнуть в своей «Критической истории суеверных Обычаев» (Amsterdam, 1737, 3 vol. in-8, илл.). Ей посвящены два массивных тома из трех.

ВОЛШЕБНЫЙ ЖЕЗЛ. — Этот жезл, который еще называют *сокрушителем*, наделяет властью над inferнальными иерархиями. По крайней мере, так утверждают гримуары.

Чтобы изготовить его, необходимо взять раздвоенную палочку из дикого орешника и оковать ее с обоих концов железом тесака, которым перерезали горло *козленку* (читай: младенцу). Нужно намагнитить обе оковки и сохранить шкуру жертвы, которую разрезают в виде одной кольцевой ленты; а для того, чтобы изобразить *Магический круг* (см.), эту ленту прибивают к земле гвоздями, вырванными из гроба младенца, умершего без крещения, и т. д...

ВОЛБТ. — Фигурка из воска, слепленная по подобию того, кого хотят околдовать. В широком смысле — любые чары, призванные вызвать смерть или болезнь с помощью магического проклятия.

Этот вопрос обсуждается в гл. III (стр. 296—300) со всеми подробностями, которых он требует. — См. также гл. IV, стр. 334, *Люди Менха*; и гл. VI.

ВУДУ. — Колдуны с Антильских островов, фанатичные последователи змеинобожества, Воду или Вуду. — См. гл. III, стр. 300—302.

«ВЫСОКАЯ ОХОТА». — Так называют в некоторых частях Лотарингии и в северных провинциях Франции перевозку колдунов по воздуху на Шабаш. — См. гл. II, стр. 286—287.

Г

ГАДАНИЕ (его инструменты). — Инструментов гадания бесчисленное множество; основным из них считается *Таро* (см.).

Упомянем также птиц, яичный белок, кофейную гущу, чистую воду, огонь, землю и множество других предметов, в которых прорицатели с ученым видом ищут ответа. В статьях *Графин* и *Вещий таз* вы найдете подробное описание двух весьма любопытных видов гадания.

В остальном же отсылаю вас к Гаспару Пекеру, чье произведение, переведенное на французский язык Симоном Гуларом де Санлисом, является самым полным изложением этой темы, о котором только можно мечтать: *Des Devins, ou commentaires des principales sortes de divination, diuise en XV liures, esquels les ruses et impostures de Satan sont decouvertes, etc...* (a Anuers, chez Hevdrick Connix, 1587, 1 vol. tres grand in-8, de 700 pages).

ГАМАГЕС. — Гаффарель, автор «*Невероятных диковин о талисманической скульптуре Персов, Гороскопе патриархов и Звездочетстве*» (Rouen, 1631, in-8, с двумя планисферами), называет *Гамагесами* (*Gamahes*), или *Сатаиеих*, камни с самопроизвольными отпечатками некоторых иероглифов, которым он приписывает замечательные свойства, причисляя их к естественным талисманам.

Согласно его теории, возрожденной Освальдом Кроллом («*Книга сигнатур*»), эти отпечатки, часто необычайно изящные и четкие, служат *сигнатурами* стихийных сил, проявляющихся в трех низших царствах.

Задолго до Гаффареля и Кроллиуса, великий Парацельс знал о Гамагесах, чудесные свойства которых он использовал в своей

оккультной медицине. В своих произведениях он обсуждает их очень обстоятельно и неоднократно, в особенности во II томе *Opera omnia* (edition de Geneve, 1658, 3 vol. in-folio). — См. также II т., стр. 172, колонка 2.

ГАШИШ³¹³. — Жители Востока называют так жирный экстракт индийской конопли (*Cannabis indica*), приготовленный из соцветий, которые необходимо особым способом довести до консистенции мази.

Эта же конопля, которую курят наподобие табака, носит название *Кейфа*.

Курение кейфа и, особенно, поглощение Гашиша (который принимают в чистом виде в форме шарика или подмешивают в финиковое варенье) вызывают особое, неземное опьянение, расцениваемое некоторыми натурами, одновременно мистическими и чувственными, как предвкушение райского блаженства избранных.

Советуем прочитать «*Искусственный рай*» Бодлера, где поэтический слог превосходит по точности эрудиции и дидактической твердости привычный язык ученых. Просто поразительно, с какой проникательностью Бодлер разбирает психическое воздействие этого необычного ингредиента, которому свойственно усиливать радость и усугублять боль³¹⁴, доводя до высшей степени чувство, владевшее душой в момент его приема. Это экспансивный реализатор скрытый страстей и идей; посредством него Бессознательное проявляет себя перед изумленным Сознанием — и душа, созерцая себя в своем собственном зеркале, полностью раскрывается самой себе.

Так мы знакомимся с «другом внутри», о котором мы даже не подозревали: мы беседуем со своим ангелом-хранителем или, если угодно, с тем подстрекателем к гибели, которого каждый носит в себе.

³¹³ Следует отметить, что употребление гашиша и других продуктов конопли индийской в XIX в. вовсе не носило того криминального оттенка, который оно приобрело в веке XX. Рассуждения автора предназначались для узкого круга аристократов, которые могли позволить себе подобные эксперименты, и Гуайта не следует рассматривать в качестве «предтечи» или «рупора» нынешней «психоделической» революции, ставящей перед собой, как известно, совершенно иные задачи. (*Прим. перев.*)

³¹⁴ Усиление болезненных ощущений происходит лишь во время экспериментов, проведенных внезапно, вслепую и без подготовки; ведь гашиш, принимаемый со знанием дела, наоборот, излечивает раны уязвленной души: достаточно сосредоточить свою волю в этом направлении; поскольку воля, отмененная или, по крайней мере, ослабленная в области физической деятельности, становится всемогущей во внутренней и потенциальной сфере.

Тем не менее — если привести лишь один пример — нельзя сомневаться в том, что у малодушных людей гашиш увеличивает страх, доводя его до безумия. И тогда часто наблюдаются попытки самоубийства: возникает желание спастись от страха смерти в самой смерти.

До эдемского грехопадения универсальный человек обладал полубожественной способностью объективировать все свои мысли: он думал о существах и творил при помощи грез. И гашиш, похоже, возвращает на время индивидуальному человеку эту неизреченную способность без усилия экстериоризировать все образы, которые он носит в себе. Кажется, будто ему вернули творящее слово, которым он обладал до своего первородного греха.

Таким образом, посредством гашиша, человек избегает — или, по-видимому, избегает — приговора, вынесенного в лице Евы ему, точнее, его волевой способности: *«Я умножу препятствия для осуществления твоих замыслов, и ты будешь рождать только с усилиями»*; агностические Библии передают это следующими словами: *«Умножая, умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей»*.

Во второй книге мы разовьем теорию, объясняющую это чудо. Достаточно лишь добавить здесь, что гашиш всегда благоприятствует, а иногда самопроизвольно вызывает выход астрального тела.

Индийская конопля — это, в первую очередь, магическое растение.

ГВОЗДЬ. — Колдуны использовали деревянные или металлические гвозди, которые они с проклятиями вбивали в стену, ближайшую к жертве, предназначенной для наведения порчи. Довольно неожиданным результатом этой операции, говорят, была задержка мочеиспускания. По словам Вюккера, люди иногда умирали от такого «заколачивания».

Дабы разрушить эти колдовские чары, достаточно, как говорится в гримуарах, плюнуть в свой правый башмак, перед тем как его надеть!

ГИППОМАНЫ. — Особые наросты, которые появляются, по словам некоторых авторов, на головах у кур. Эта мясистая субстанция, используемая в огромном множестве приворотных зелий и снадобий, якобы наделена сильнейшими свойствами афродизиака. Во всяком случае, так единодушно утверждают демонографы.

ГЛАЗНАЯ МАЗЬ. — Так в практической магии называют некоторые препараты, которые прикладывают к глазам, чтобы получить возможность видеть духовные сущности. См. что говорит об этом Нидо (*De la Lycanthropie*, Paris, 1515, in-8).

В «*Непримифимом гноме*», шутивном рассказе, который долгое время приписывался аббату де Виллару, но на самом деле был написан о. Андролем, есть одна страница, где говорится об *Оккультной глазной мази*. Мы приведем ее полностью, поскольку она предлагает любителям ряд других подробностей, представляющих огром-

ный интерес: «...Я охотно вернулся к церемонии. Я вновь надел тунику и таинственную шляпу; не были забыты знаки, курения и окропления. Я читал, стоя на коленях и повернувшись лицом на Восток, «Энхиридион» папы Льва; мне на глаза нанесли мазь, приготовленную из некоторых трав, которой Пселл пользовался для того, чтобы видеть духов; наконец, после того, как мне велели проглотить несколько капель эликсира, извлеченного из сублимированной и очищенной земли, Магнамара сел на философский стул и приказал Князю подземных народов, от лица великого Бога Вселенной и его пресвятым, августейшим и прелестным именем, тотчас же явиться в его покой. Он подчинился голосу философа и предстал перед ним. Тогда Магнамара убрал глазную мазь, и я отчетливо увидел перед собой Князя Гномов». (*Le comte de Gabalis, ou Entretiens sur les sciences secretes, nouvelle edition, Londres, Vaillant, 1742, 2 vol. in-12. — Tome II, p. 141—142*).

ГНОМЫ. — Стихийные духи. — См. Парацельса и «Графа де Габалиса» аббата де Виллара. Гномы обитают в подземных пропастях.

ГОЛИ (*GHOLES*). — Голи (*Gholes*), или Гули (*Goules*), — это ведьмы, пожирающие на Шабаше мерзкую пададь и выкапывающие покойников на кладбищах, чтобы питаться их лохмотьями. Салический закон клеймит их именем *stryges* (*stryges*) и налагает на них штраф (см. гл. III, стр. 326).

ГОЛУБКА. — Эта очаровательная птица, некогда посвященная Венере, играет важную роль в приготовлении *Приворотных зелий* (см.).

По поводу стайки голубей, порхавших вокруг костра Грандые и давших пищу для стольких комментариев, см. гл. I, стр. 243.

ГРАФИН. — Инструмент предвидения, из которого, в частности, Калиостро извлек огромную пользу. Это мог быть графин, наполненный прозрачной водой, или же намагниченный хрустальный шар: в подобные среды, чудесно преломляющие астральный свет, он заставлял долго всматриваться *Голубей* и *Голубок*. Так он называл невинных мальчиков и девочек, игравших роль *пассивных ясновидящих*, которых он облучал своей магнетической волей. Эти дети видели, как разворачивалась цепь возможных будущих событий в виде явно пророческих образов, своего рода конкретных предсказаний, которые ждали лишь своего перевода на «демотический» язык. Голуби вещали восклицаниями; внезапно Калиостро вдохновенным и дрожащим голосом выдавал экспромтом ораторский или хвалебный комментарий, и самые насмешливые и скептические умы были тотчас покорены.

Утверждают, что в первые годы своего замужества Мария-Антуанетта Австрийская, тогда еще супруга Дофина, пожелала обратиться за советом к оракулу, упорно настаивая на своем капризе, несмотря на все мольбы Мага, который, в конце концов, подчинился лишь ее категорическому приказанию. Какой страшный мираж увидела супруга Дофина в ослепительном кристалле? Об этом она никогда не говорила; но, несомненно, зрелище было ужасным, поскольку она тотчас упала в обморок.

Это всего лишь легенда, передававшаяся из уст в уста и, возможно, сильно приукрашенная. Как бы то ни было, после 93-го года воспоминания о ней были сопоставлены, и настоящее пролило свет на прошлое: считалось, что Калиостро показал дочери Кесарей³¹⁵ эшафот, воздвигнутый посреди шумящей толпы; палача, чья рука, уже обогренная кровью, повалила королеву к подножию плахи; затем металлический треугольник, обрушившийся с быстротой молнии, и головку самой несчастной зрительницы — белокурую, очаровательную головку, покотившуюся в корзину с опилками!

ГРИМУАРЫ. — Как правило, так называют все книги по суеверной магии и все сборники омерзительных рецептов, прерываемых кощунственными формулами. В старину гримуары старательно разыскивали, для того чтобы их уничтожить, и часто карали смертью тех несчастных, у кого находили такого рода учебники.

«Великий Гримуар с великим Ключиком Соломона, Черная Магия и inferнальные силы великого Агриппы и т. д.» (*Le Grand Grimoire, avec la grande Clavicule de Salomon, la Magie noire et les forces infernales du grand Agrippa, etc. S. L. N. D. in-18*) — бесспорно, один из самых любопытных; но самый известный из них — «Гримуар папы Гонория, со сборником редчайших секретов» (*Le Grimoire du pape Honorius, avec le recueil des plus rares secrets, Rome, 1670, in-16*. Круги и цветные рисунки. Библиографическая редкость). «Этот Гримуар имеет большое значение для интересующихся знанием. На первый взгляд, он кажется рядом возмутительных нелепостей; но для посвященных в знаки и секреты Каббалы он становится подлинным памятником человеческой извращенности; Дьявол показан там как могучее орудие... Доктрина Гримуара — та же, что у Симона и большинства гностиков: это подмена активного принципа пассивным и вытекающее отсюда предпочтение страсти рассудку; обожествленный сенсуализм; женщина, поставленная впереди мужчины — тенденция, встречающаяся во всех дохристианских мистических системах:

³¹⁵ Официальный титул Габсбургов, императоров «Священной Римской империи» (Австро-Венгрии), к роду которых принадлежала королева. (Прим. перев.)

эту доктрину выражает пантакль, помещенный в начале книги. Центр занимает луна Исиды; вокруг селенического полумесяца видны три треугольника, образующие один большой; этот треугольник увенчан крестом-анкхом с двойной поперечиной; вокруг треугольника, вписанного в круг, и в промежутке, образованном тремя сегментами круга, видны с одной стороны знак духа и кабалистическая печать Соломона; а с другой — магический нож и начальная буква Бинера; внизу — перевернутый крест, образующий изображение лингама, и имя Бога 𐄌𐄎, тоже перевернутое; вдоль окружности читаем следующие слова, написанные в виде девиза: *Слушайся старших и подчиняйся им, ибо они пекутся об этом*» (*Histoire de la Magie*, par Eliphas, page 307—308).

К этим строкам аббата Констанана нечего добавить. Этот замечательный маг много занимался в своих трудах Гримуаром Гонория: необходимо прочесть (*Cles des grands Mysteres*, pages 167—193) потрясающую и зловещую историю священника Верже, который благодаря inferнальным заклинаниям и усердному чтению этого Гримуара дошел до сумасшествия, превратившего его в убийцу.

Я уже приводил одну страницу из *Гримуара Гонория* по поводу *Черного петуха* (см.).

Экземпляр, которым я располагаю, — якобы римское издание (1760, in-12); в действительности же современная лильская перепечатка (Lille, Blocquel, editeur) — имеет на последней странице четыре дьявольские сигнатуры (мы воспроизводим их), кровавые знаки, которые не были написаны ни пером, ни, возможно даже, кистью:

Это самые откровенно сатанинские и богохульные иероглифы, которые я видел в своей жизни:

1. Посох с тремя раздвоенными перекладинами и двумя квадратными точками у основания;
2. Черный треугольник между двумя бафометическими рогами;
3. Перевернутая Шин 𐄌.
4. Непрозрачная ладонь с пятью вытянутыми пальцами под перевернутой 𐄌; эта ладонь символизирует отрицание пентаграмматического догмата.

Я произвел анализ красящего вещества (красно-коричневого цвета), с помощью которого они нарисованы: это кровь.

Бумага вокруг пожелтела или, скорее, опалилась, словно от пламени свечи.

Воздерживаясь от дальнейших выводов, я заключил, что этот Гримуар принадлежал адепту колдовства.

Среди наиболее оригинальных и редкостных Гримуаров следует назвать также произведение, озаглавленное «*Диалектическая и потенциальная Шестая сущность, извлеченная новым способом возгонки, согласно предписаниям священной Магии и Вызыванию Демонов*» (*Sexte-Essence dialectique et potentielle, tiree d'une nouvelle facon d'alembicquer, suyuant les preceptes de la sainte Magie et l'Inuocation des Demons*, Paris, 1595, in-8). В высшей степени любопытно; рекомендуется, в частности, любителям двусмысленного мистицизма.

ГРОМ. — См. в гл. III, стр. 309—316, о роли грома в области Чудесного.

«ГРУЗ МАГИЧЕСКОЙ ОТРАВЫ». — Так называют зелья, вызывающие падеж скота; их закапывают у порога хлевов или овчарен. — См. подробности процесса Ока в гл. III стр. 293—296.

Д

ДЕМОНЫ. — Иоганн Вир в своем трактате «*De Lamiis*» приводит полный и подробный список инфернальных иерархий под названием: *Pseudomonarchia Daemonum*. — Князья и высшие сановники, Министры, Послы, Судьи, Чиновники из дома Люцифера, Церемониймейстер — здесь упоминаются все, вплоть до «заведующего развлечением»!

Добряк Вир, несомненно, хотел воспользоваться смешным в качестве грозного оружия против поборников антропоморфной Демонологии.

ДОГОВОР. — Ясно выраженное или молчаливое соглашение, добровольно принятое с обеих сторон, между Дьяволом и Колдуном. — См. гл. I, стр. 235, и гл. II, стр. 282—289.

ДОПРОС С ПРИСТРАСТИЕМ. — Предварительная пытка, которой подвергались подсудимые с целью вырвать из них признание в своих преступлениях или имена их сообщников. — См. описание различных видов пыток, заимствованное у д-ра Реньяра, гл. IV, стр. 338—344.

ДЬЯВОЛ. — См. всю нашу главу I и гл. III, стр. 289 и след.

Ж

ЖАБА. — Одно из животных, чаще всего упоминаемых в Гримуарах. Мы очень кратко обсуждаем его в гл. II, стр. 282—286, и гл. III, стр. 300—304.

Известно, что сам вид жабы производит на впечатлительных людей довольно сильное магнетическое воздействие: по деревенским поверьям, этому животному достаточно пристально посмотреть на вас, чтобы вы упали в обморок.

Колдуны ищут для своих зелий *Жабный камень*, который находится в головах некоторых жаб.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ. — Человеческие жертвоприношения были повсеместно приняты и введены в обычай у всех народов древности. Я говорю о них в гл. I, стр. 221—225, и, особенно, в гл. II, стр. 263—265.

З

ЗАКЛИНАНИЕ (*его необходимые инструменты*). — На стр. 227 «Ритуала» Элифаса Леви читаем: «Необходимо выбрать безлюдное и бесславное место, например, кладбище, посещаемое злыми духами, развалины, которых страшатся сельские жители, подвал заброшенного монастыря, место совершения убийства, друидический алтарь или древний храм идолопоклонников.

Необходимо обзавестись черной мантией, без швов и рукавов; свинцовым колпаком, усеянным знаками Луны, Венеры и Сатурна; двумя свечами из человеческого жира, вставленными в подсвечники из черного дерева, вырезанные в форме полумесяца; двумя венками из вербены; магическим мечом с черной рукояткой; магическими вилами; медной вазой с кровью жертвы; кадилом с благовониями: камфарой, алоэ, серой амброй и стираксом, смешанными с кровью козла, крота и летучей мыши; нужно также иметь при себе четыре гвоздя, выдернутых из гроба казненного; голову черного кота, вскормленного человеческой плотью в течение пяти дней; летучую мышь, утопленную в собственной крови; рога козла *cum quo puella concubuerit*³¹⁶ и череп отцеубийцы.

³¹⁶ с которым возлежала девочка (лат.).

Когда все эти жуткие и редкостные предметы будут собраны, их используют для заклинания».

ЗВЕРЬ АПОКАЛИПСИСА. — Фантастическое и иероглифическое животное из патмосского видения. Св. Иоанн видел, как оно поднималось со дна моря. — См. гл. I, стр. 229.

ЗЕЛЬЕ. — Магический препарат, о котором много говорится в гл. III, в частности, на стр. 296—300. — См. также гл. I, стр. 241.

ЗНАКИ. — Знак в Магии — это точка опоры, которая требуется воле, для того чтобы проецироваться на заранее установленную цель. Чем адекватнее знак внутреннему слову, тем он совершеннее и, стало быть, действеннее. Контрзнак — это парирование с помощью оккультного щита, который отсылает нападающему возвратный удар.

Больше я ничего не могу сказать в этом первом септенере. Во втором (*«Ключ к Черной магии»*) я разовью эту теорию.

ЗУБЫ. — Зубы оспаривают у волос и обрезков ногтей первенство при составлении колдовских зелий — См. гл. II, стр. 298.

И

ИДОЛЫ. — Материальное изображение божества, принимаемое непосвященной толпой за само это божество. Идолы могут рассматриваться как воплощения Сатаны. — См. гл. I, стр. 221—225.

ИЛЛЮМИНАТЫ. — Об Иллюминатах пространно говорится в гл. IV, стр. 363—389 и в нашем *«Пороге Тайны»*, стр. 120—133 (*«О двух тайных обществах в 1890 году»* и *«Инициатическая речь для приема в мартинистскую ложу»*).

ИНКУБЫ. — Нечистые фантомы мужского пола, насилующие женщин во сне, в отличие от Суккубов (см.), женских призраков, соблазняющих мужчин и обманывающих их мечты. В широком смысле *Инкубами* и *Суккубами* называют всех невидимых существ, предположительно поддерживающих любовные сношения со смертными (см. *Эфиальт*). Прошу обратиться к гл. I, стр. 227—229, гл. III, стр. 318—320, и гл. VI.

К

КАЛИ. — Индуистская богиня истребления. Ее приверженцы образуют грозное тайное общество *Душителеей*, или *Thuggs*. — См. гл. I, стр. 222—226.

КАТОБЛЕПАС (*CATOBLEPAS*). — По словам демонолога Анри Боге, это разновидность дракона, чей взгляд убивает, подобно взгляду *Василиска* (см.).

Гюстав Флобер дает совершенно иное описание этого фантастического животного: «*Катоблепас*, черный буйвол с головой свиньи, опускающейся до самой земли и соединенной с плечами тощей, длинной и дряблой шеей, похожей на полую кишку. Он лежит на животе, и его ноги не видны под огромной гривой жестких волос, закрывающих его морду» (*Искушение святого Антония, La tentation de saint Antoine*, Paris, Lemerre, 1884, petit in-12, page 247).

«КЛЮЧИКИ». — Царю Соломону приписывают этот весьма странный трактат о заклинании Духов, несомненно, значительно более поздний, который был, по всей видимости, написан неким посвященным Раввином.

Следует сказать, что все печатные издания «*Ключиков*» отвратительны и не представляют интереса.

Что же касается рукописных экземпляров, то среди них также много явно искаженных и смехотворных, но иногда встречаются хорошие копии, украшенные множеством знаков и цветных пантаклей.

Бесконечно ценное произведение для того, кто обладает ключом к его иероглифам; если же довериться явным мистификациям, то можно составить себе совершенно ложное представление о том, что пытался разъяснить учитель-каббалист.

Я держу в руках прекрасный манускрипт «*Ключиков*», переведенных с древнееврейского на французский в 1641 году и испещренных любопытными рисунками — пантаклями и талисманами. Этот экземпляр принадлежит библиотеке Элифаса Леви, заимствовавшего из него гравюру, которую он преподносит (на стр. 28 своего «*Ритуала*») как раскрывающую строение магнитов и циркуляторный закон молнии. В рукописи этот рисунок более сложный и нарисован красными, желтыми, синими и черными чернилами; он носит название *Большого Пантакля*.

КОЗЕЛ ШАБАША. — Предпочтительный облик, который принимает глава этих сборищ, носящий имя Леонард. — См. гл. II, стр. 278.

Козел считался вещим и колдовским животным. Его кровь входила в специальные составы, вызывавшие страшные видения.

Это животное иногда выступает в роли инкуба. Так, мы знаем из Библии, что некоторые израильские женщины отдавались козлам.

КОЛДОВСКИЕ ЧАРЫ. — В целом, любое волшебство или суеверное действие, имеющее своей целью нанести вред ближнему. Гл. III целиком посвящена подробному описанию колдовских чар.

КОЛОКОЛ. — Колоколам обычно приписывают природное свойство отводить молнию.

Это поверье послужило поводом для странного обычая. Верующие борются между собой за маленькие серебряные колокольчики, освященные папой, которые тысячами ежегодно экспортирует Рим. Когда гроза может поразить молнией деревья или побить градом урожай, эти верующие выходят с колокольчиками, которыми они размахивают над порогом своей фермы или своего дома, и — если на то будет воля Божья — они заклинаяют таким образом молнию и град, которые обрушиваются на соседние земли, настолько несчастливые, что они не обзавелись вовремя маленьким серебряным колокольчиком, освященным святым отцом.

По поводу *Колокола черной мессы*, изготовленного из рога и имеющего деревянный «язык», см. гл. IV, стр. 349, посмертные признания Гофриди.

КОЛЬЦА. — Если бы речь шла о Высшей Магии, то я говорил бы о *Кольце Соломона*, изготовленном из семи металлов и украшенном двумя камнями (один из них — лунный камень со звездой Макрокосма, а другой — сердолик со звездой Микрокосма), на которых выгравированы две пробы, золотая и серебряная. За подробностями я вынужден отослать вас к «*Истории Магии*» Элифаса Леви, стр. 540 и след.

Кольцо Гигеса, или кольцо-невидимка, легенда о котором известна всем, также не должно нас занимать.

Рассказывают множество нелепостей по поводу *Обручальных колец*. Колдуны советуют мужьям, когда молодожены обмениваются перед священником кольцами, надевать перстень своим женам до самого основания пальца. Если перстень не опустится в эту самую минуту ниже второй фаланги, супруга возьмет верх над своим благородным супругом, которого она превратит в осла, а возможно, и в быка. Если же перстень охватит само основание безымянного пальца, то хозяином в доме будет мужчина. Поэтому *ведьмы* коварно советуют молодым девушкам, чувствующим в себе призвание главенствовать

в семье, отодвинув своего господина и повелителя на задний план, сгибать и напрягать палец во время брачной церемонии.

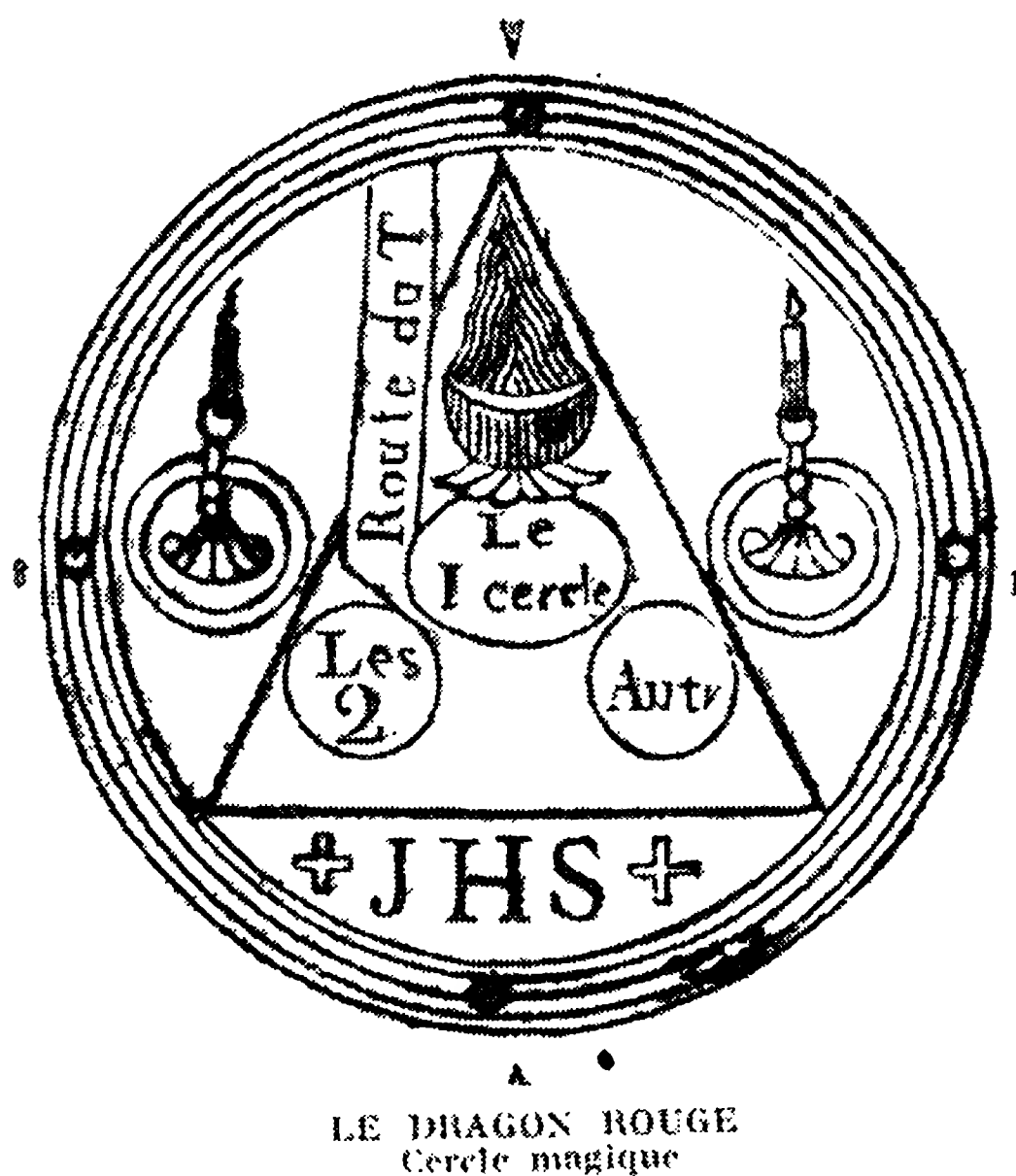
Похоже, суеверные, но предусмотрительные мужья могли бы отразить эту уловку, надев на «супружеский» палец кольцо огромного диаметра. К сожалению, этот случай был предусмотрен господином, способным на всякие хитрости. Слишком большое кольцо символизирует также одно неудобство, которого мужья стремятся избежать. Стыдливость не позволяет мне об этом распространяться. Кольца выступают в роли амулета или талисмана, в зависимости от случая.

КОМЕТЫ. — Кометы всегда считались предзнаменованиями самых больших несчастий: войн, опустошений, чумы, неурожая и всевозможных бедствий.

КОРОЛЕВА ШАБАША. — Обычно самая красивая его участница. Она должна была быть девственницей и принести свое целомудрие в жертву *Смрачному козлу* (*sic*). Обратитесь к описанию Шабаша, гл. II, стр. 276—282, и в частности, стр. 279—281.

КОТЕЛ ШАБАША. — В железном котле колдуны и их подруги варят бульон из младенцев, приправленный волшебными травами и ядом рептилий, доводя его до консистенции желе. — См. Шекспира («Макбет», акт II).

КОШКА. — Превращение женщин в кошек (см. гл. III, стр. 325). Антипатия Бербигье к этому животному (см. гл. I, стр. 247).

«КРАСНЫЙ ДРАКОН». — Передо мной лежит явно современное издание этого достопамятного гримуара. Это неумелая перепечатка издания 1521 года, якобы изданная в следующем году (1522).

Le Dragon rouge ou l'art de commander les esprits celestes, terrestres, infernaux, etc. S. L., 1522, petit in-12. (Книга украшена чрезвычайно наивным фронтисписом, напечатанным красной краской, подобно названию.)

Об этом произведении можно судить по следующим строкам, открывающим первую главу: «Эта великая книга столь редкостна и столь популярна в наших краях (*sic*), что, в силу ее редкости, ее можно назвать, по примеру Раввинов, подлинным великим делом; именно они оставили нам этот ценный оригинал, который столько шарлатанов тщетно пытались подделать, желая подражать подлиннику, которого они так и не нашли³¹⁷, для того чтобы выманивать деньги у простаков, что обращаются к первому встречному, не отыскивая подлинного источника. Мы переписали эту книгу с подлинных сочинений великого царя Соломона, которые мы обнаружили по чистой случайности и т. д...»

LE DRAGON ROUGE
Frontispice

Такова первая страница «Красного дракона». — *Ab una, dice omnes*³¹⁸.

³¹⁷ Люди из дурного общества называют это: *плевать против ветра, чтобы плевок угодил вам в нос...*

³¹⁸ Одна говорит обо всех [остальных] (лат.).

p. 407 L'état de suggestion magnétique n'est autre, en définitive, que l'état temporaire d'un être, au premier chef libre et possible des hommes. Cette possession plus ou moins despotique et plus ou moins durable est le fait d'un daimon (existence vampirique et paranormale), que le magnétiseur a détaché, même en puissance dans la personne du sujet.

C'est vrai que les cas diffèrent. — Si la suggestion se limite à com-
brimander le sujet dans un cas précis, en vue d'accomplir un fait involé,
le daimon reste potentiel l'organe d'une volonté, et périra avec le corps, lors,
qu'il passe de puissance en acte. — Mais si la suggestion se prolonge,
en vue de déterminer une série d'actes similaires, survient le langage
échancré, le daimon, qui constitue le lien virtuel, le véritable habitacle
de ces actes déterminés en puissance, et dont la réalisation s'échelonne
sur la route du futur; le daimon, dis-je, s'empara alors du sujet,
et le possède en raison directe du déterminisme où se meut la vie
entière de ces actes, nécessités à venir.*

* Chacun peut déterminer en soi de pareils êtres, véritables canaux de
l'âme, dont la vie, toute d'emprunt, cherche à se développer aux dépens
de la vie de l'âme qui les alimente. Ce qui nous enseigne en plus
tenable qu'on ne saurait croire: les penseurs trouveront dans notre
théorie (qui sera déclinée au livre II) la clef des habitudes imperieuses
et parfois indéracinables.

КРЕСТ. — Боге приказал сжечь как ведьму женщину по имени Франсуаза Секретан, потому что крест на ее четках зазубрился. Похоже, для судьи это была крайне серьезная и разоблачающая улика. — См. *Discours des sorciers*, page 295.

КРОВЬ. — Кровь обладает формирующей и мощной экспансивной способностью, благодаря чему она способствует всем действиям Гоэтии. Но если маги древности, по-видимому, проливали ее во время заклинаний, в наши дни одни лишь колдуны бесчестят свои обряды этими мерзостными возлияниями.

Пролитая кровь в изобилии порождает ларв и служит для их объективации.

«Кровь — великий симпатический агент жизни; это двигатель воображения, одушевленный *substratum* магнетического или астрального света, поляризованного в живых существах; это первое воплощение универсального флюида; это материализованный витальный свет. Она сотворена по образу и подобию бесконечности: это негативная субстанция, в которой плавают и движутся миллиарды живых и намагниченных телец, преисполненных жизни и ярко-красных от этой неуловимой полноты... Видения — это бред крови... Никто не измыслил бы тех чудовищ, которых порождает ее перевозбуждение: это «поэт» сновидений; великий «иерофант бреда» (Eliphas, *La science des Esprits*, page 213—215, *passim*). См. в статье *Труп* основополагающее мнение Порфирия. См. также в гл. III заклинание Тиресия Улиссом, стр. 316—317.

Кровь голубки входила в состав большинства *Приворотных зелий* (см).

КРОТ. — Кровь крота входила в огромное множество приворотных зелий и электуариев.

КУРЕНИЯ. — Благоухающий дым освященных благовоний, сжигаемых во время операций церемониальной магии, и в частности, при теургических заклинаниях (см. *Благовония*).

Л

ЛАРВЫ. — Фантастические субстанции, бесплотные, но реальные, которые лишены собственной сущности и живут заемной жизнью. Они привязываются к тем, кто их породил и кто, в конце концов, растрчивает все силы на то, чтобы их питать. — См. гл. I, стр. 246—247 и гл. VI, стр. 454, 456 и 458.

ЛЕВИАФАН. — Талмудисты называют так андрогинного Духа Зла. Рассматриваемый в своем мужском воплощении, это *Самаэль* (см.), или *вкрадчивый Змей*, а в своем женском воплощении это *Лилит* (см.).

ЛЕМУРЫ. — Разновидность ларв, наделенная извращенными инстинктами. Считалось, что это могли быть проклятые души, вернувшиеся в этот мир, чтобы помочь демонам в их деле inferнального прозелитизма.

ЛЕОНАРД. — Демон, руководящий Шабашем, чаще всего в облике отвратительного козла. — См. гл. II, стр. 276—282.

ЛЕТАЮЩИЙ ПИСТОЛЬ. — Дьявольская монета, наделенная особыми свойствами: верная своему первоначальному обладателю, она сама возвращается в его кошель, к великому горю несчастного трактирщика, которому она была дана в качестве платы. В ящике, куда он ее положил, последний находит на следующий день лишь сухой ольховый или березовый листок.

ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ. — Это ночное молчаливое животное, которое не является птицей и еще меньше напоминает млекопитающее, занимает очень высокое положение в классическом зверинце Сатаны.

Кровь нетопыря входит в состав множества колдовских снадобий и зелий (см. *Заклинание*).

Некоторые люди считают летучую мышь божеством, охраняющим жилища, *genius loci*³¹⁹, которого нельзя истреблять и даже пугать.

Эти «летающие пенаты» особенно почитаются жителями Карибских островов. Неосторожный человек, убивший одного из них, подвергал риску свою жизнь.

ЛИЛИТ, или *изворотливый Уж*. — Супруга *Самаэля* (см.) и женское воплощение *Левиафана* (см.). Обратитесь к гл. I, стр. 226—227.

ЛИШАЙНИК. — Парацельс, творивший чудеса с помощью *Лишайника*, называет его чрезвычайно пористой и разреженной *разновидностью винного камня*, что встречается на некоторых видах древесины и на некоторых разлагающихся субстанциях животного происхождения. Легенда гласит, что он собирал его даже на черепах повешенных; из Лишайника Парацельс готовил симпатические средства, обладавшие превосходными свойствами.

³¹⁹ гением места (лат.).

М

МАГИЧЕСКАЯ ТРЕЩОТКА. — Разновидность магического волчка, издающего монотонный звук, который оказывает очень мощное магнетическое воздействие.

Трещотка Гекаты была одной из самых известных среди ведь Древней Греции. О ней говорится во фрагментах оракулов, приписываемых Зороастру: «Operare circa Hecaticum turbinem (*De daemonibus et sacrificiis*)».

МАГИЧЕСКИЕ РАСТЕНИЯ. — Притягивающее растение (см.) — не единственное из тех, что наделены необычайно мощными оккультными свойствами. Древние маги знали 22 растения, сила которых соответствовала эзотерическому смыслу 22 арканов Абсолютной доктрины. Вербена соотносилась с VI Арканом Таро (*Влюбленные*).

Волшебникам средневековья удалось «подобрать» лишь остатки этих традиций. Поздние наследники утратившего былую силу, но всё ещё реального знания³²⁰, они сократили список сакральных растений до шестнадцати названий. К тому же числовой порядок нормальной классификации был изменен, а досадные замещения еще больше исказили и без того неузнаваемый перечень.

Согласно Цезарю Лонгину, шестнадцать сакральных растений таковы:

1. *Гелиотрон* (*Ireos* халдеев), растение искренности;
2. *Крапива* (*Roybra*), растение храбрости;
3. *Virga pastoris* (*Lorumborat*), растение плодовитости;
4. *Чистотел* (*Aquilaris*), растение победы;
5. *Барвинок* (*Iterisi*), растение верности;
6. *Мятный котовник* (*Bieith*), растение жизненной силы;
7. *Чернокорень лекарственный* (*Algeil*), растение симпатии;
8. *Белена* (*Mansesa*), растение смерти;
9. *Лилия* (*Augo*), растение проявления;
10. *Омела* (*Luperax*), растение спасения;
11. *Василек* (*Isiphilon*), волшебное растение;
12. *Шалфей* (*Coloricon*), растение жизни;
13. *Вербена* (*Orphanas*), растение любви;
14. *Мелисса* (*Celeivos*), растение утешения;
15. *Роза* (*Eglerisa*), инициатическое растение;
16. *Драконов корень* (*Cartulin*), флюидическое растение.

³²⁰ Наука неомагов Халдеи.

МАГИЧЕСКИЕ СЛОВА. — Колдуны предпочитают непонятные слова, поскольку их *Кредо* — такое же, как у Тертуллиана: *quia absurdum*³²¹. — О причинах и свойствах варварских слов и невразумительных имен см. гл. III, стр. 302—303.

МАГИЧЕСКИЙ БУБЕН. — С его помощью сибирские татары вызывают Дьявола. Это разновидность бубна, исписанного иероглифическими знаками; его называют *Камлат*. Заклинание предваряет оглушительная какофония; колдун скачет, жестикулирует и издает вопли, аккомпанируя себе на своем звонком инструменте. Наконец, является Дьявол в облике страшного медведя, который приходит с северной стороны: но чаще всего он лишь задает «взбучку» заклинателю.

МАГИЧЕСКИЙ КРУГ. — Окружность, начерченная на земле, в центре которой становятся во время опытов по церемониальной магии и, в частности, при вызывании духов; защитная преграда, которую нельзя пересечь, не попав во власть фантастических существ, которые откликнулись на заклинание. Пока вы находитесь под прикрытием этой таинственной стены (символа общности намерений, добрых или злых, которые вы разделяете), вы не подвергаетесь никакому риску.

По крайней мере, так утверждают колдуны. Они добавляют, что если ударить *магической палочкой* (см.) одного из демонов, теснящихся вдоль окружности под видом воющих чудищ, то он будет вынужден тотчас же войти внутрь круга и подчиниться магу; он сможет снова выйти на свободу только после того, как получит разрешение.

Что же касается *кругов* густой и темной зелени, которые встречаются на лугах и хорошо выделяются на однообразном фоне соседней травы, то крестьяне называют их *Кругами Фей* (см. об этом в гл. II, стр. 276—277).

МАГИЧЕСКИЙ ПИРОЖОК. — На Черной мессе раздают пирожки, испеченные на спине Королевы Шабаша. *Confarreatio* — это дьявольское причащение (см. гл. II, стр. 281).

МАГИЧЕСКИЙ КИНЖАЛ. — В «*Ключиках Соломона*» (уже упоминавшийся манускрипт 1641 года, in-4) говорится, что его нужно изготовить самостоятельно. Рукоятка, равно как и сам клинок, должны быть сделаны из высококачественной стали, покрытой магическими знаками. Освящение *Силета* идентично освящению *Меча* (см.). Ножны должны быть сшиты из совершенно новой красной тафты.

³²¹ [Верую], ибо абсурдно (лат.).

МАГИЧЕСКОЕ ЗЕРКАЛО. — Вот что о нем рассказывают: в древности фессалийские мудрецы писали кровью на этих зеркалах свои пророческие формулы: эти кровавые знаки тотчас же отражала луна — другое «зеркало»; затем ответ сам собой отпечатывался на ее серебристом полумесяце. Так получали оракулы.

Позднее зеркала изготавливали из семи металлов Гермеса. Чаще всего находят зеркала из олова, усеянные дьявольскими знаками или панкталями. Эти предметы были зеркалами только по названию. Они не были полированными; но если пристально смотреть на них, то они, в конце концов, возбуждали воображение: из-за ореола очертания расширившегося диска становились расплывчатыми, и на нем смутно прорисовывались пророческие образы.

Зеркало барона Дюпота представляет собой круг, посыпанный измельченным углем. *Графин Калиостро* (см.), в сущности, был не чем иным, как магическим зеркалом особой формы.

При теургических церемониях вогнутые зеркала расставляют у четырех стен оккультного кабинета.

МАГНЕТИЗМ. — Искусство физиологически влиять на человека (который называется *пациентом*), замещая своей собственной волей волю этого человека; одним словом, искусство безраздельно завладевать его органами, таким образом, чтобы заставлять его делать то, чего он не хочет, и мешать ему делать то, что он хочет. Этот привычный факт вмешательства чужой воли, замещающей волю пациента (*sujet*), должен был бы называться *подчинением* (*sujetion*). *Внушением* же (*suggestion*) называют особый феномен передачи пациенту конкретной воли, которой он подчиняется.

Гипнотический сон — одно из самых банальных проявлений магнетизма; пока пациент спит, он является как бы «мягким воском» в руках магнетизера. Но ошибочно было бы полагать, будто внушение проявляется только во сне: оно чудесно отпечатывается во многих случаях на вполне бодрствующих пациентах. — См. гл. VI, стр. 445—464.

В своем самом широком значении магнетизм охватывает большую часть осуществимых феноменов: его область простирается далеко в сферу практической магии.

МАГНИТ. — В старину считался магическим ядом. Колдуны измельчали его и включали в состав своих зелий (см.). *Палочка* (см.) магов была полый внутри и заключала в себе намагниченный стальной стержень.

Согласно Марцеллу Эмпирику, магнит излечивает головную боль.

Члены секты Василида изготавливали из него *талисманы* (см.) против могущественных злых духов.

МАЗИ. — Колдуны, пожелавшие отправиться на Шабаш, натирали всё свое тело определенной мазью на основе дурманящих веществ: тогда Дьявол, явившись к ним «в самую полночь», перевозил их к месту этих сборищ. — См. гл. II, стр. 285.

В «*Ключе к Черной магии*» мы еще вернемся к составу этих мазей.

МАНДРАГОРА. — Мандрагора (*Atropa Mandragora*) — наркотическое и ядовитое растение из семейства *Пасленовых*, близкородственное Белладонне (*Atropa Belladonna*).

Известно, что все ядовитые Пасленовые, например, Черный паслен, Белладонна, Дурман и т. д., входили, наряду с Цикутой, Омежником и Коноплей, в состав магических мазей. Но Мандрагора предлагает нашему вниманию и другие любопытные черты. Ее корень, ошетиженный густыми волосками, чаще всего принимает форму бедер или половых органов³²²; иногда в ней проступают также очертания человеческой головы.

Старинное предание гласит, что человек появился на земле первоначально в форме уродливых мандрагор, одушевленных инстинктивной жизнью, и что дыхание Всевышнего наполнило их силой, преобразовало, «обтесало» и, наконец, выдернуло с корнем из земли, чтобы превратить в существ, наделенных мышлением и собственным движением.

Поэтому в средние века мечтой или манией некоторых адептов, стремившихся к *Витальному господству*, было отыскать состав илистого принципа, для того чтобы выращивать в нем мандрагоры, на которые они воздействовали, вызывая их к умственной жизни путем вливания *Архей*.

Другие, менее тщеславные, довольствовались тем, что получали ложных *Терафимов* (см.), вызывая *ларву* (см.) в мандрагоре, вырезанной в форме человека: безобразном идоле, которого они заклинали, дабы получить от него оракулы... Трудно представить себе, до какого жуткого помешательства доводило их суеверие! Они искали мандрагору под виселицами; а чтобы вырвать ее из земли, привязывали к ее корню хвост собаки, которой наносили смертельный удар. Извиваясь в предсмертных судорогах, бедное животное вырывало мандрагору с корнем. Тогда (думали они) чувственная душа собаки вселялась в мандрагору и посредством симпатии притягивала в нее «духовную душу» повешенного!..

³²² Благодаря чему она считалась афродизиаком, в силу теории природных *сигнатур*, которой мы уже касались в статье *Гамагес*.

Другие колдуны изобретали металлического *Андроида*, которого они рассчитывали наделить даром речи.

В широком смысле Мандрагорами именовали *Андроидов*, *Гомункулов* и *Терафимов*: доходило даже до того, что этим именем называли любой магический препарат, способный изрекать оракулы.

См. *Андроид* и *Терафим*.

МЕЛИКЕРТ. — *Царь Земли* (корень: מלך-ארץ); кровавое божество, идол которого возвышался в Тенедосе. — См, гл. I, стр. 222.

МЕНДЕС (козел). — Возвышался в храме, посвященном этому боже-
ству. Ему приносили в жертву целомудрие юных египтянок. — См.
гл. I, стр. 222.

МЕТКИ. — Стигматы, запечатленные Дьяволом на теле его предан-
ных слуг.

У Леонарда есть свои *контролеры*, «чеканящие» колдунов и ведьм, подобно тому как чеканят металл на монетном дворе. Метка чаще всего принимает черты жабы, зайца, мыши и т. д... Это место нечувствитель-
но к боли, и при уколе булавкой на нем не выступает ни капли крови. Метка находится на лбу или на глазу, обычно на сгибах слизистых обо-
лочек и в самых скрытых частях тела. — См. гл. II и IV, стр. 283, 349.

Поэтому хирурги были обязаны навещать подсудимых и вты-
кать им иголки во все места на теле, где, предположительно, могла
скрываться сигнатура Дьявола. И горе несчастному обвиняемому,
который забывал кричать всякий раз, когда острый кончик касался
его плоти! Он был заранее обречен.

Зачастую, подобно Ланкру в земле Лабур, судья поручал рас-
кавшейся ведьме (которая спасла свою шкуру добровольным
признанием) это долгое, варварское и кропотливое обследование
всех выданных ею сообщниц. Предоставляю вам самим догадаться
о том, какое неизменное усердие проявляла эта несчастная, дабы
заслужить милосердие судьи.

Пьер де Ланкр был волокитой от природы; поэтому у всех
ведьм, считавших себя недурными, была одна-единственная мечта:
избежать эшафота, «перешагнув» через альков судьи.

Любимицей Ланкра была пятнадцатилетняя девушка по име-
ни Мюрги, упорно доносившая на своих бывших подружек, ко-
торая, выполняя поручение судьи по поиску на них *stigma Diaboli*,
охотнее всего истязала самых хорошеньких — своих возможных
завтрашних соперниц!

Это дают понять Мишле (*La Sorciere*, page 221) и г-н Жюль Бес-
сак (*Les grands jours de la sorcellerie*, page 401); и это, похоже, вытекает
из рассказа самого Ланкра.

МЕЧ. — «Магический меч, — говорится в уже упомянутом Манускрипте «*Ключиков Соломона*», — должен быть совершенно новым; хорошо омыв его в вине, куда нужно добавить немного крови белой голубки, убитой в понедельник, в шесть часов утра, и, вытерши его чистой материей, ты должен дожидаться вторника, шести часов утра, чтобы взять его в руки и произнести следующие слова с превеликим вниманием: *Agla, On, Pentagrammaton, On Athanatos* и т. д. (далее следует заклинание).

После чего ты должен вырезать на нем художественным резцом, тоже в шесть часов утра, следующие знаки и слова³²³:

Совершив это, ты должен бросить освященного ладана и прочитать над ним молитву *Agla, On* и т. д...; после этого ты спрячешь его в ножны, которые должны быть новыми, и будешь хранить до особой надобности» (стр. 13 «*Ключиков*»).

МОЛОХ. — Ненасытные идола Молоха возвышались повсюду, где располагались поселения или колонии финикийцев — См. гл. I, стр. 222.

МОЛЧАНИЕ (чары). — Когда колдун или ведьма отрицали свою вину, их раздевали донага, а затем, удалив или выбрив волосы по всей поверхности тела, подвергали тщательному обследованию.

Для чего? В первую очередь, для того чтобы отыскать *stigma Diaboli*, сигнатуру Дьявола... В этих местах можно было безболезненно протыкать кожу, утратившую всякую чувствительность. Это была весьма трудоемкая работа (см. *Метки*).

Но, перед тем как подвергнуть подсудимых *Допросу с пристрастием* (см.), пытались выяснить, не прячут ли они в какой-нибудь складке тела или под ногтем *Амулет Молчания*: разновидность диаграммы, обладавшей оккультной способностью снимать всякую боль, так что изнуренные палачи просили пощады, тогда как жертва оставалась невозмутимой. — См. об этом амулете гл. III, стр. 308—309.

МОХЛАТ. — Одна из четырех супругов *Самаэля* (см.) в Какопневматологии Каббалистов. — См. гл. I, стр. 226.

³²³ Мы приводим образец странных знаков, которыми заполнены сочинения такого рода; нам показалось, что можно ими и ограничиться.

МОЧА (УРИНА). — Колдуны единодушно заявляют, что моча маленького мальчика или юной девственницы — чудесное средство от всевозможных болезней, например, от лишая, свинки, ревматизма... — См. в гл. VI странные смеси, которые готовит современный колдун для исцеления больных и изгнания демонов.

Чудесные свойства мочи, по которой бьют согласно обряду, для того чтобы вызвать дождь или грозу. — См. гл. III, стр. 310—311.

Н

НАГВАЛЬ. — Мексиканский Нагвализм имеет некоторые черты сходства с европейской Ликантропией. Это договор о молчаливой солидарности, наступательном и оборонительном союзе между человеком и животным: неизбежным последствием подобного договора становится в действительности оккультная связь, которая их соединяет.

Нагваль — это крокодил, лев, змея, птица или любое другое животное, с которым туземец связан с самого детства нерасторжимой флюидической связью. Церемония освящения этой связи сильно напоминает инициацию...

Таким образом, для каждого *посвященного* туземца *Нагваль* — это его *alter ego*³²⁴; и всю свою жизнь человек остается «спаренным» с этим зверем, который оберегает и защищает его, разделяя его беспокойное существование, его успехи и неудачи, его горести и радости и страдая от терзающих его болезней. В этой странной солидарности не приходится сомневаться: факты Нагвализма удостоверены наиболее уважаемыми и не подлежащими сомнению свидетельствами.

Вот пример Нагвализма, в котором ручается п. о. Бургоа:

Огромный крокодил напал на п. о. Диего, когда тот ехал верхом по берегу озера. Проявив достаточно ловкости и силы, для того чтобы отбиться от него, священник пришпорил коня и, потрясая окованным жезлом, набросился на чудище, упорно стремившееся утащить его на дно озера. Брыкание лошади в немалой степени помогло миссионеру во время этой необычной дуэли. Одним словом, он смог продолжить путь, оставив крокодила подыхать на берегу.

Но, по возвращении в центр Миссии, первой новостью, которую сообщили отцу Диего, была необъяснимая агония одного молодого индейца, наказанного им несколько дней назад со

³²⁴ второе «я» (лат.).

всей строгостью... В результате обследования у индейца были обнаружены все раны, нанесенные его Нагвалю. Этот молодой человек умер от них — и в тот же час крокодил издох на берегу водоема. (Обстоятельные детали этого приключения можно прочесть в главе LXXI «*Географического описания провинции Санто-Доминго*», *Description géographique de la province de Santo-Domingo*, par le R.P. Burgoa.)

Попутно отмечу для оккультистов, чем же, собственно, *Нагвализм* отличается от *Ликантропии*. *Оборотень* — это всего лишь объективация блуждающего астрального тела колдуна, находящегося в состоянии каталепсии, в то время как *Нагваль* представляет собой существо, совершенно отличное от мексиканского колдуна, существо низшей породы, с которым он, однако, связан цепочкой отражательной солидарности, кажущейся бесспорной. — См. по поводу феноменов отражения гл. VI, стр. 455—456.

НАХЕМА. — Королева Стрейг в Какопневматологии раввинов и одна из четырех супруг *Самаэля* (см.). — См. также гл. I, стр. 226—227.

НЕВЕРНОСТЬ. — Использование испытательных напитков (неописуемых смесей, которые часто использовались в средние века и подавались подозреваемой супруге в *Потире подозрения*) восходят к самым древним временам Израиля.

Супруга, упорно не признававшая своей вины, подвергалась по приказу Синедриона испытанию *Горькой водой*. Священник старательно собирал пыль с дарохранильницы, подмешивал к ней немного сока горьких трав и растворял ее в небольшом количестве воды. Таков был напиток, который несчастная должна была выпить залпом у самих дверей Святая Святых.

Виновная умирала, согласно легенде, закатив глаза и в ужасных конвульсиях; если же напиток не оказывал на нее никакого воздействия, молодая женщина отсылалась обратно с честью: ее невиновность больше не могла быть оспорена.

О

ОБИ (*Мандигозс*). — Грозная оккультная сила, истребляющая население Антильских островов. — См. гл. III, стр. 300—304.

ОБОРОТЕНЬ. — «Оборотнями в Колдовстве называют мужчин и женщин, которые превратились или превращаются в волков» (Collin de Plancy, *Dictionnaire infernal*). — См. гл. III, стр. 324—326.

ОМЕЛА НА ДУБЕ. — Омела — растение-паразит, которое, цепляясь, подобно растительному полипу, к ветвям некоторых деревьев, в частности, к дубу, всасывает в себя избыточную жизненную силу их соков.

Друиды срезали ее золотым садовым ножом в определенное время и готовили из ее сока, обладающего магнетическими свойствами, необыкновенно мощный эликсир. В их руках Омела творила чудеса, поскольку они были магами. В руках же колдунов, тоже стремившихся ее использовать, это растение-вампир всегда приводило лишь к пагубным и смехотворным результатам.

Фабр д'Оливе сообщает нам, что Рам, теократ странствующих Гиперборея, был обязан божественному откровению искусством извлекать из дубовой Омелы средство, которое за несколько часов излечивало слоновую болезнь, этот страшный недуг, истреблявший кельтские народы и считавшийся тогда неизлечимым (см. *Hist. philos. du genre humain*, tome I, page 207—208).

Г-н де Сент-Ив, подтверждая это предание, добавляет, что подлинная Омела, которую уже очень трудно отличить от других подобных паразитов, проявляет свои чудесные свойства лишь в том случае, если она была собрана при определенных условиях, в конкретный астрономический час (см. *Mission des Juifs*, page 172).

«Развитие магнетизма однажды приведет к открытию поглощающих свойств дубовой Омелы. Тогда мы узнаем секрет этих губчатых наростов, которые притягивают бесполезный избыток растительных соков, обременяя себя окраской и вкусом: грибы, трюфели, древесные галлы — различные виды Омелы будут сознательно использоваться новой медициной благодаря старой. Тогда мы перестанем смеяться над Парацельсом, собиравшим *лишайник* с черепов повешенных... Но не следует опережать науку; она отступает лишь для того, чтобы шагнуть еще дальше» (Eliphas, *Histoire de la Magie*, page 237).

П

ПАЛОЧКА. — Здесь не может идти речь о *Палочке магов*, намагниченном стальном стержне, заключенном в ветку миндального дерева, на одном конце которого помещается маленькая хрустальная, а на другом — маленькая янтарная пика. Впрочем, Элифас Леви на ученый манер рассуждает о ней в «*Ритуале Высшей Магии*» (стр. 128—131). — См. гл. IV, стр. 351 настоящего издания.

У колдунов тоже есть своя *Палочка*, с помощью которой они чертят *магический круг* (см.) и в своей самоуверенности стремятся повелевать стихиями. «Эта палочка должна быть изготовлена из орешника, — пишет Коллен де Планси, — из побега этого года. Необходимо срезать ее в первую среду лунного месяца, между одиннадцатью часами и полуночью, произнеся определенные слова. Нож должен быть новым, и резать нужно снизу вверх. Затем палочку освящают; на ее толстом конце пишут слово AGLA + (אלגל), посередине — ON + (ן), а на тонком конце — TETRAGRAMMATON (יהוה); и говорят: *Conjuro te cito mihi obedire... etc...*»³²⁵ (*Diction. infernal*).

Другие, более осведомленные колдуны приделывают к ветке орешника два железных наконечника, изготовленных из того же стального клинка, которым ее отрезали; затем они намагничивают оба окованных конца. Наконец, они натирают тонкий конец кровью, а толстый вымачивают в моче, в которой предварительно была погашена головешка. Эти различные обряды, совершаемые эльзасскими раввинами-колдунами, чрезвычайно замечательны с аналогической точки зрения; они свидетельствуют о следах истинного знания, отклонившегося «влево».

ПЕРЕВОЗКА (колдунов на шабаш). — То, что на востоке Франции называют *Высокой Охотой* (см.). — См. гл. II, стр. 285—286.

ПЕРУАНСКАЯ КОКА³²⁶. — Довольно недавно введенное в наши фармакопей, это растительное вещество добывают из листьев *Erythroxylon coca* (семейство Мальпигиевых). Благодаря своему особому свойству утолять самый лютый голод и даже подкреплять организм в отсутствие всякой пищи, оно считается тонизирующим и укрепляющим средством, впрочем, довольно безобидным.

Несомненно, Кока, принимаемая в соответствующих дозах, действует как мощный конденсатор жизненных сил.

С другой стороны, этот необычный продукт обладает седативным свойством, которым он обязан своему алкалоиду, *Кокаину*: рассыпчатому, белому, горькому и кристаллическому порошку. Хлоргидрат кокаина, действительно, снимает самую острую физическую боль; он действует эффективно, мгновенно и безусловно: даже не вступая в борьбу, боль уступает и удаляется. Это великолепно... Ни Хлороформ, ни Морфин, ни даже Атропин или Гиосциамин не предлагают ничего подобного. Ужасная зубная боль стихает за минуту. И если просто посыпать десну Кокаином, то можно выдер-

³²⁵ «Заклинаю тебя срочно подчиниться мне и т. д...» (лат.)

³²⁶ См. прим. перев. к статье *Гашиш* на стр. 404.

нуть зуб с кривыми корнями, причем пациент даже не догадается о том, что у него во рту побывал пинцет дантиста.

Можете себе представить, с каким рвением врачи-новаторы поспешили снабдить медицину подобным реагентом. Кока заняла место среди питательных, тонизирующих, желудочных и укрепляющих средств, а ее алкалоид встал во главе седативных средств. Вино из Коки конкурировало даже с вином из хны, и в моду вошли инъекции Кокаина.

К сожалению, благотворные свойства, о которых я говорил, не смогли помешать тому, что это растение было отнесено к наиболее коварным и опасным представителям растительного царства.

Много рассказывают о том, что перуанцы, жующие ее, словно бетель, могут непрерывно трудиться в рудниках в течение двенадцати и более часов; что они могут выдерживать самые долгие и утомительные переходы, не принимая пищи и с грузом в сто фунтов на плечах; но никто не говорит о том, что Кока загоняет их в могилу менее чем за три года. Туземцы, пристрастившиеся к столь приятной диете, почти не переходят за этот порог. Поэтому испанцы прилагали все усилия для того, чтобы искоренить в Перу привычку, приносящую такой вред их интересам, и второй Собор в Лиме осудил употребление Коки в 1567 году.

Сами перуанцы считают, что эти листья обладают магическими свойствами, и колдуны Южной Америки включают его в состав всех своих зелий. Рискую вызвать насмешки позитивистов, осмелюсь утверждать, что перуанцы в этом не ошибаются.

Кока, подобно *Гашишу* (см.), но по другим причинам, оказывает на астральное тело непосредственное и мощное воздействие; ее привычное использование развязывает в человеке определенные узлы, сковывающие его сверхфизическую природу, — узлы, прочность которых служит для огромного большинства залогом здоровья.

Если бы я говорил об этом прямо, то столкнулся бы с недоверием даже среди оккультистов.

Я должен ограничиться одним советом. Если вы дорожите своей жизнью, своим рассудком и *здоровьем своей души*, избегайте, как чумы, подкожных инъекций Кокаина. Не говоря уже о привычке, формирующейся очень быстро (и в сотни раз более властной, стойкой и пагубной, чем любые другие привычки того же рода), при этом возникает особое состояние.

Дверь пройдена; преграда рухнула. Внезапно очутившись в незнакомом мире, мы вступаем в связь с сущностями, о которых даже не догадывались³²⁷. Одним словом, заключен *молчаливый договор*.

³²⁷ Если вы хотите познать этот мир, лучше проникнуть в него через другую дверь.

Каким образом? — С помощью крови... Это станет ясно, если мы поймем значение нескольких строк Порфирия, приведенных в статье *Труп* (см.). Кровь, как дает понять этот теософ, служит магнитом для духовных сил; поскольку она наделяет их средством объективации и временного овладения жизненными способностями.

Известно, что позади всех субстанций, даже минеральных, существуют в латентном состоянии определенные потенциальности, хорошие или дурные, которые более или менее жаждут кратковременной объективации.

Кокаин обладает удивительными свойствами в этом отношении; но я никому не советовал бы впускать, даже временно, в естественное состояние существ, скрывающихся в эссенциальном состоянии за его кристаллическим покровом. Конфигуративная и формирующая сила крови может воздействовать на эти потенциальные существа и проявить их *вовне*; но эта теургическая смесь обладает ценностью *договора*: лучше ее остерегаться.

ПИСЬМЕННЫЕ ЗНАКИ. — В Магии: символы, проявляющие смысл слова или просто выражающие идею. В изолированном виде они называются *иерограммами*; если же они соединены по оккультным законам в символическое целое, то их именуют *иероглифами*. Когда иероглиф предстает под видом пластического символа, живописи или рисунка, обладающих собственным видимым значением, то он становится *эмблемой*. Наконец, он преимущество принимает название *пантакля*, если приобретает геометрическую форму (округлую, треугольную, звездообразную и т. д.).

Гримуары изобилуют причудливыми знаками, изображающими демонов и планетных духов, которые, на первый взгляд, совершенно не поддаются расшифровке.

Но для большинства из них это неверно. Несомненно, эти знаки, первоначально составленные по неизменным правилам искусства, порой изменялись до неузнаваемости; несомненно также, что мистификаторы вводили в свои произведения новые знаки, нарисованные ради забавы и без всяких правил, и необходимо уметь распознавать их и отбрасывать с первого взгляда. Но для других знаков нужно отыскать ключ. Братья Розы+Креста обнаруживали этот ключ в одном из самых необычных мистических произведений: *Chymica Vannus* (Amstel., ap. J. Janson., 1666, in-4, илл.). Обратитесь, например, к стр. 55 и 62 Приложения, озаглавленного *Commentatio de pharmaco catholico*: вы увидите, как авторы³²⁸

³²⁸ Эти авторы именуют себя: «Pro-authoribus Immortalibus Adeptis», как написано внизу титульного листа.

путем методичного соединения *корневых знаков* составляют *иератические слоги* и складывают слова путем сочетания этих слогов между собой. Адаптация в *Chymica Vannius* чисто спагирическая, но она предлагается только как образец; само же правило остается одинаковым и может быть применено подобным же образом к составлению знаков в области других наук, которые являются ветвями, вырастающими (в той же степени, что и алхимическая ветвь) из универсального древа Гермеса. Редко оказывается полезным заходить слишком далеко в анализе и синтезе знаков. В большинстве случаев список объединенных зодиакальных и планетных символов представляет собой вполне приемлемый первичный алфавит, комбинации которого объясняют и оправдывают иероглифы, внешне не поддающиеся никакому истолкованию.

В этом вопросе полезно обратиться к «*Стеганографии*» аббата Тритемия, в особенности, к его «*Полиграфии*». Тритемий — великий мастер тайных писем.

См. также *Monas hieroglyphica* Джона Ди (во II томе страсбургского *Theatrum chymicum* [Argentorati], 1659).

Знаки из гримуаров считаются подписями некоторых демонов. Для того чтобы вызвать последних, необходимо нарисовать указанные знаки по периметру *Магического круга* (см.).

ПИФОНЫ. — Сакральные змеи Аполлона, обвивавшиеся вокруг рук Пифий, когда те прорицали. Пифонами называли также Духов, вдохновлявших Сивилл. — Об Аэндорской волшебнице (пифонессе) см. гл. IV, стр. 334.

ПОРЧА. — Эти колдовские чары имеют целью поражать врага на расстоянии. Таким образом колдуны сеют по всему миру смерть, истощение, болезни и всевозможные напасти, распространителями которых сделал их Ад. — См. в гл. III, стр. 304—306, различные виды порчи.

ПРИВОРОТНЫЕ ЗЕЛЬЯ. — В Черной магии приворотными зельями называются напитки, нарушающие психическое равновесие и внушающие безумную страсть. — См. гл. III, стр. 304—305.

ПРИТЯГИВАЮЩЕЕ РАСТЕНИЕ (*ван Гельмонта*). — На стр. 708 полного собрания сочинений этого спагирического теософа (опубликованного во Франкфурте, MDC LXXXII, in-4) читаем: «*Noui herbam passim obuiam, quae si teratur et foueatur manu, donec interpreterit, mox alterius manum detinueris, quoad et illa tebescat amore tui, ille totus continuo ardet, ad aliquot dies. Detinui pedem cuiusdam catuli, hic confestim peregrinum me secutus adeo, quod noctu ante*

cubiculum ejularet quo eidem aperirem, renunciata hera sua. Adsunt Bruxellae mihi huius facti testes». (*De Magnetica vulnerum curatione*, chap., XXVII, page 708).

Это знаменитое растение, традиционно знакомое Братьям Розы+Креста, — не что иное, как *Verbena rustica*. Ее употребление никогда не было доступно черным магам несмотря на то, что ее вульгарное название часто встречается — среди множества других — на страницах их гримуаров.

Если я говорю об этом прямо и не колеблясь, то в первую очередь потому, что — повторяю — это *притягивающее растение* названо своим настоящим именем в самых мерзких колдовских сборниках. И в особенности потому, что его эффективность полностью зависит от точного астрономического часа, в который его необходимо собирать, и от обрядов, необходимых для приготовления смертельного зелья, основой которого оно служит.

Намекая на то, что достаточно согреть Вербену в руке, для того чтобы развить ее свойства, Ван Гельмонт вводит в заблуждение насчет условий, которых требует ее подлинное употребление.

Он промолчал по этому вопросу; мы тоже должны молчать, подобно ему.

ПТИЦЫ. — Некоторые мистически настроенные пастухи до сих пор извлекают из полета благоприятных и неблагоприятных птиц вещи предзнаменования, по обычаю древних авгуров.

Универсальная символика магов, некогда установившая соответствия между одним миром и другим, обозначала некоторые космогонические Силы иероглифами птиц. Так, Голубка выражала формирующие и конфигуративные свойства небесной супруги *Йони*; Ворон — пожирающую и гнетущую силу *Эреба*, оккультный агент возвращения к сущности. Феникс служил эмблемой субстанциональной однородности под иллюзорными трансформациями материи. Орел представлял чистый Дух, и т. д...

Но вскоре всё запуталось, и прилив всеобщей материализации поглотил науку о символах.

Для колдуна Орел — всего лишь птица, мозги которой, смешанные с пищей, могут вызвать определенный вид бреда; Голубка «сливает» свою кровь в реторту, где готовятся нечестивые зелья; Ворон предоставляет камень, обладающий свойством примирять врагов и т. д... Пеликан, Дрозд, Сова, Коршун, наконец, Удод (о котором еще пойдет речь) были «опозорены» колдуном в силу столь нелепого использования.

С

САЛАМАНДРА. — Разновидность ящерицы, живущей в воде, которой в старину приписывали особую способность резвиться в огне, так же, как и в своей стихии, и пребывать там длительное время без малейшего неудобства.

Исходя из этой традиции, некогда повсеместно распространенной, неокаббалисты называли Саламандрами стихийных Духов Огня.

САМАЭЛЬ. — Согласно талмудистам, мужское воплощение *Левифана* (см.); они называют его также *вкрадчивым Змеем*. — См. гл. I, стр. 226.

«Зогар» объясняет грехопадение Евы обольщением Самаэля. Демонофилы превратили последнего в одного из князей Ада.

САТАНА. — Падший ангел, Дьявол. В первой главе он обсуждается открыто, а во всем нашем произведении — скрыто. — См., в особенности, гл. I, стр. 213—221.

САТИРЫ. — Лесные божества язычников.

Первые Отцы Церкви говорят о них как о реальных существах, из плоти и крови. Св. Антоний (как сообщает нам св. Иероним) повстречал в пустыне Сатира, который предложил ему фиников, попросив в обмен помолиться.

Много споров велось по вопросу о Сатирах. Борьба мнений была ожесточенной во все времена. Одни хотели видеть в них обезьян; другие утверждали, что Сатиры были лесными жителями, дикарями. Прочтите весьма любопытное произведение Ф. Геделена, к сожалению, довольно редкое³²⁹: *Des satyres brutes, monstres et demons, de leur nature et adoration, contre l'opinion de ceux qui ont estime les Satyres estre une espece d'hommes distincts et separez des Adamiques* (Paris, Buon, 1627, in-8).

Излишне напоминать, что Сатиры входили в зверинец Шабаша. — О том, что они делали на этих сборищах, см. гл. III, стр. 279.

СВЕТИЛЬНИКИ. — Существует множество легенд о таинственных, вечных светильниках. Говорят, что один из них спустя столетия излучал странный свет в гробнице Туллии, дочери Цицерона.

Госсе опубликовал весьма любопытное рассуждение о *надгробных светильниках* в продолжение своего произведения, озаглав-

³²⁹ Переиздано Lisieux, но очень маленьким тиражом.

ленного: «Каббалистическое откровение об Универсальном лекарстве» (*Revelation cabalistique sur la Medecine universelle*, 1735, 1 vol. pet. in-8).

СВЕЧИ. — Колдуны изготавливают свечи из жира повешенного и вставляют их в *Сияющую десницу* (см.).

По поводу черных свечей Шабаша прочтите признания Гоффриди, которые я помещаю в гл. IV (см. 349—350). Участники этих сборищ должны держать в левой руке один из этих светильников, когда они наклоняются, чтобы поцеловать «заднее лицо» Леонарда.

Жером Кардан говорит в своих произведениях о *Магической свече* для поиска сокровищ. Ее также делают из человеческого жира и прилаживают к вогнутой части черного полумесяца из орешника, так, чтобы получилась еврейская буква *Шин* (Ш), символ стихийного огня или же пламени Шабаша, горящего между рогами Леонарда. Когда, вооружившись этим диковинным предметом, вы подойдете к тому месту, где зарыт клад, свеча начнет искриться; это явление усиливается по мере приближения, и пламя угасает, когда вы касаетесь сокровища.

«СЕКРЕТЫ». — Оккультные средства, состоящие из слов и жестов и служащие для исцеления всех недугов.

Необычайно дурацкие формулы, за которые скупой крестьянин часто очень дорого платил. Они служат словесным выражением влияния, передающегося от отца к сыну в некоторых семьях. Следует отметить, что, если владелец «секрета» давал или продавал его кому-нибудь, средство утрачивало свою силу для него самого.

В вопросе колдовства всё зиждется на вере... И поэтому крестьянин, заплативший двадцать экую за какой-нибудь нелепый рецепт, никогда не сомневался в действительности столь дорогого сокровища. Если же «секрет» ничего для него не стоил, то в его глазах он имел гораздо меньше ценности: и, следовательно, меньше шансов совершить чудо в его руках.

Я видел, как пастухи «исцеляли секретом» за пять-десять минут корову, свинью или лошадь, пораженных неизлечимой болезнью, которых ветеринар считал безнадежными. Любопытная вещь! «Исцеляющий секретом» никогда не берет ни гроша за проведенное им лечение. Он работает только ради славы.

В *Гримуаре Гонория* содержится несколько рецептов для «исцеления секретом». Поскольку они крайне редки, я полагаю, что любопытно будет привести один из них:

«От поноса. — Я вошел в оливковый сад и встретил там св. Елизавету; она заговорила со мной о своем поносе, и я попросил ее избавить меня от той же напасти; и она наказала мне трижды

прочитать *pater* во славу Господа, и трижды *ave* во славу Господина св. Иоанна (*sic*)... Прочитайте три *pater*'а и три *ave*, как сказано выше, и вы исцелитесь» (*Grim. d'Honorius, Rome, 1760, in-12, page 62*).

Таков «секрет» для исцеления самого себя; но все формулы для исцеления других людей и скота выдержаны приблизительно в том же духе.

СИЛЬФЫ. — Стихийные Духи воздуха (согласно учению неокаббалистов, последователей Парацельса и современных раввинов).

СИЯЮЩАЯ ДЕСНИЦА. — Колдовские чары, описанные в гл. III, стр. 306—307.

СОРОЧКА НА СЛУЧАЙ НУЖДЫ. — «Нельзя не упомянуть здесь о так называемой сорочке на случай нужды, которую немцы именуют *Nothembd*, столь прославленной нашими предками, обычно надевавшими ее на войне для защиты от копий и пушечных ядер... Беременные женщины пользовались этой сорочкой для того, чтобы ускорить и облегчить роды.

Ее нужно было изготовить в одну из ночей Рождественской недели: поэтому девственницы пряли лен во имя Дьявола, а затем мотали пряжу, ткали и шили сорочку. Они пришивали к груди две головы: голова с правой стороны была с длинной бородой и как бы в шлеме-морионе; голова же с левой стороны была ужасного вида и в короне, напоминавшей корону царя Беельзебуба. С обеих сторон от этих двух голов помещался крест, и вся сорочка покрывала человека от шеи до половины тела и имела рукава» (*Iean Wier, Hist., disputes et disc. des illusions et impostures des Diables, etc., avec deux dialogues d'Erastus, Geneue, 1579, in-8, liure V, chap. XVIII*).

СПИРИТИЗМ. — Разновидность религии, основанной в середине столетия человеком под псевдонимом Аллан Кардек. Спиритические занятия состоят, главным образом, в вызывании любимых покойников. Церемониал, используемый с этой целью, не несет на себе той неизгладимой печати величия, которая по-прежнему «спасает» в глазах художника самые святотатственные обряды древнего жречества. Наши современные некроманты получают замогильные оракулы посредством пророческих шляп, говорящих геридонов и вертящихся столиков (см.).

Обратитесь к гл. VI, где идет речь о медиумах и Спиритизме, стр. 445—459.

СТУЧАЩИЕ ДУХИ. — Так называют невидимых агентов, проявляющих себя стуками во время спиритических сеансов. — См. гл. VI, стр. 446—451.

СУККУБ. — Женский демон или призрак, вызывающий у молодых людей сладострастные сны; см. в гл. III (стр. 318—320) сокращенную историю Герреса. — См. также *Инкуб* и *Эфиальт*.

Т

ТАВРОБОЛИЙ. — Тайнственное жертвоприношение митраистского происхождения; у римлян имело отношение к культу Кибелы.

Жрец приносил в жертву сакрального тельца одним ударом жреческого меча и, припадая к открытому им теплему «источнику», вначале смачивал в нем губы, призывая богов, а затем подставлял плечи под «мантию» из живого пурпура, служившую ему сакральным облачением.

Когда император Юлиан захотел вернуть себе благосклонность богов устаревшего Олимпа, он совершил Тавроболий. Тогда, ослепленный залившей его кровью и задыхаясь от зловония ее ядовитых паров, он увидел, встав на ноги, свергнутых ларв античного Политеизма: бледных и бессильных фантомов, пугливые тени. Стоило лишь сотворить крестное знамение, как они исчезали в легких завитках, подобно разреженному утреннему туману, который внезапно рассеивается при первых лучах солнца.

ТАИНСТВА ДЬЯВОЛА. — В Черной магии, этой «религии наоборот», тоже есть свои таинства, в которых можно различить материю и форму, как и в таинствах, совершаемых Церковью. О них пространно говорится в гл. III, стр. 291—292.

ТАЛИСМАН. — Знак или изображение, освященное по всем правилам искусства и приносящее счастье в определенных обстоятельствах.

Существуют талисманы для приобретения богатства, обозначенные знаком ☉; талисманы для Любви, изготовленные под покровительством ♀; талисманы ☿ для владычества над людьми и управления судьбой; талисманы для храбрости и победы, сделанные под знаком ♂, и т. д.

Некоторые талисманы относятся к высшей Каббале; другие, подобно *наплечникам Дьявола*, принадлежат к самой низменной Гоэтии.

Обратитесь к гл. II, стр. 273—274. См. также *Амулет*.

ТАРАНТУЛ. — Этот крайне ядовитый паук довольно широко распространен на юге Италии. Говорят, что ужаленные им пускаются в бешеный пляс. В старину яд Тарантула входил в некоторые смеси неаполитанских колдунов.

ТАРО (или книга Тота). — Иероглифический памятник древних мудрецов, ставший впоследствии преимущественно инструментом *гадания* (см.) и, наконец, выродившийся в простую карточную игру. Курт де Жебелен в своем великом произведении (*Le Monde primitif*, 1777, 9 vol. in-4) приписывает изобретение Таро египетским магам. Другие авторы возводят его к первоначальным циклам Индии, этой древней «наставницы» Мицраим: непрерывной традиции некоторых племен кочевых цыган, уроженцев высокогорных гималайских плато, передающих — с незапамятных времен и от отца к сыну — искусство гадания, неотделимое от своего чудесного инструмента.

По существу, Таро состоит из двадцати двух магических ключей, изображающих XXII Аркана абсолютной Доктрины, и четырех групп по четырнадцать карт, каждая из которых обозначена одним из тетраграмматических знаков: Жезл (' Йод ♁ [Сера], Мужской принцип, вульгарные *Трефы*); Кубок (⌒ Хе ♀, Женская способность, вульгарные *Червы*); Меч (⌒ Вав ♂ [Азот], лингамический союз обеих совмещенных свойств, вульгарные *Пики*); и, наконец, Сикль, или *Динарий* (⌒, второе Хе, □ [Квадрат] или ⊖ [Соль], плод этого союза, вульгарные *Бубны*).

Каждая группа из четырнадцати карт состоит из *Денера Пифагора* (⊖ или [перевернутая ⊕], или 10, ⌒⌒⌒⌒, *Сефирот* Каббалистов) и *Кватернера*³³⁰ эмблематических фигур, представляющих применение великого Имени, или Схемы ⌒⌒⌒, к каждому из денеров (Король — это ' ♁ [Сера], Королева — ⌒ ♀, Рыцарь — ⌒ ♂ [Азот] и Паж — ⌒ ⊖ [Соль]).

За подробностями можно обратиться к очень ценному и полному произведению Папюса «*Цыганское Таро*»³³¹. Из всех оккультистов, занимавшихся книгой Тота, Папюсу первому хватило смелости и таланта научно вывести закон, управляющий движением Таро. Никто другой не прошел дальше него по этому плодотворному пути.

Известно множество изданий Таро; некоторые из них сильно искажены в области фигур, порой до неузнаваемости. Примеры: немецкое и китайское Таро, колода, якобы исправленная Этейллой. Некоторые другие предлагают весьма значительные варианты. Наибольшего одобрения, с точки зрения Магического синтеза, заслуживают так называемое безансонское и марсельское издания, в особенности, последнее. Однако их тоже нельзя назвать удовлетворительными...

³³⁰ *Тетрактис* Пифагора.

³³¹ Paris, Carre, 1889, grand in-8, fig. См. о Папюсе и его произведениях «У порога Тайны» (стр. 73 настоящего издания).

Необходимо было воссоздать, по крайней мере, подлинную структуру *XXII Ключей*. Г-н Освальд Вирт мужественно взялся за эту трудную задачу: заменив бесформенную пестроту старого Таро правильными рисунками, этот молодой посвященный совершил весьма похвальное дело³³². Все любители Теософии уже знакомы с «*Парижским Таро*», где символика *XXII* ключей восстановлена в своей изначальной чистоте стараниями г-на Вирта.

В руках Мага Таро становится философским инструментом, раскрывающим Абсолютный синтез. В руках же цыган и гадалок — это средство пророческого ясновидения: и подобно тому, как извращенные люди с помощью темной алхимии могут испортить наилучшие вещи — *optimi corruptio pessima*, — Таро слишком часто вырождается у этих современных колдунов в весьма прибыльное орудие шантажа и даже преступления.

При перестановке четырех букв иерогамматического слова *Таро* получаем сакральные слова: *Атор, Рота, Тора*.

ТЕВТАД (или ТЕВТАТЕС) и ТОР. — Два свирепых божества древних кельтов. На их алтарях, затерянных в священной чаще гулких лесов (*Iuca sonantia late*), ежегодно приносилась в жертву человеческая кровь. — См. гл. I, стр. 222, и гл. II, стр. 265—276 и 278.

ТЕРАФИМ³³³. — Так назывался иероглифический и жреческий оракул древних евреев. Этот оракул отвечал на вопросы верховного жреца с помощью *Урим*, אֲוִרִים, и *Туммим*, תֻּמִּיִּם: сегодня мы сказали бы — «орел или решка». О ложных *Терафим* см. *Андроид* и *Мандрагора*.

ТРУП. — Несмотря на то, что я тщательно избегаю пока догматических теорий Высшей Магии, я не могу обойти молчанием одну страницу Порфирия, раскрывающую, в первую очередь, глубокое значение, приписываемое кровавым обрядам заклинания с помощью меча. Послушайте, что этот теург говорит по существу:

«Поскольку душа остается связанной с телом даже после физической смерти, посредством странного симпатического сродства, в силу того, что она была очень резко отделена от своей оболочки, великое множество душ, утратив ориентацию, порхает вокруг своих земных останков. Более того, мы видим, как они усердно разыскивают чужие трупы и, прежде всего, *свежепролитую кровь*, пары которой, видимо, возвращают им на несколько мгновений некоторые жизненные способности.

³³² См. *Les XXII Clefs du Tarot de Wirth* (Poirel, editeur, 1889).

³³³ Ед. ч. *Тераф.* (Прим. перев.)

Поэтому колдуны злоупотребляют этим представлением при упражнении в своем искусстве. Среди них нет ни одного, кто не умел бы силой вызывать души и заставлять их являться, либо воздействуя на останки покинутых ими тел, либо привлекая их парами пролитой крови». (Порфирий, О жертвоприношениях, гл. II, Об истинном культе).

Я воздерживаюсь от комментариев.

У

УДОД. — Птица, распространенная главным образом в Малой Азии: говорят, что в ее гнезде иногда находят чудесный камешек, надевающий своего обладателя сверхъестественными способностями. Именно этот камень нужно вставить в перстень, чтобы сделать из него кольцо-невидимку.

УНДИНЫ. — Стихийные духи воды, согласно эклектичному учению неокаббалистов. См., что говорит о них аббат де Виллар в своем «Графе де Габалисе».

УРОДЫ. — Считалось, что уроды рождаются от нечестивого соития Дьявола с Ведьмой.

Презренные адепты Гоэтии иногда получали неописуемых уродов, бросая, по яркому выражению Элифаса, «человеческое семя в животную землю». Немногие из этих уродов выживают, и почти все они умирают спустя несколько дней после рождения. Что же касается редких представителей, доживших до зрелого возраста, то у них нет никаких шансов произвести потомство, поскольку они — богохульства Натуры, обманывающей самое себя, всегда с сожалением.

Ф

ФАНТОМЫ (ПРИЗРАКИ). — Родовое наименование, обозначающее любое видимое скопление молекул, ранее неуловимых для глаза, которые внезапно уплотняются в форме живого существа.

Классический *Фантом* — это не что иное, как *Ревенант* (*Привидение*), то есть объективированная внешность покойника: *Simulacrum vita carens*³³⁴.

³³⁴ Подobie, лишeнноe жизни (лат.).

Чаще всего *Фантомы* представляют собой ароматические сгущения, мертвые или умирающие — остатки астральных оболочек в процесс распада во флюидическом океане; перисприты, лишенные всякого сознания и вызванные внешней силой лишь для эфемерного существования.

Они проявляются преимущественно вокруг мест погребения, скотобоев, анатомических театров, а также сточных канав и сольфатар. — См. (гл. VI, стр. 445—459) Сидевильское дело и описание спиритических феноменов. В «*Ключе к Черной магии*» мы подробно обсудим вопрос фантомов.

ФИЛАКТЕРИИ. — См. *Амулеты* и *Талисманы*.

ФЛЮИДИЧЕСКАЯ ФОРМА. — Астральное тело, эфирный двойник тела физического, способный проецироваться наружу и действовать на расстоянии, пока тело остается неподвижным. — См. гл. III, стр. 316 и след. и гл. VI, стр. 445—459.

Ц

«ЦАРЬ НЕБЕСНЫЙ». — Название груза магической отравы, состав которого был раскрыт во время достопамятного процесса пастуха Ока. Читайте в главе III нашего произведения (стр. 293—296) историю этого процесса и обнаружения указанного зелья.

Ч

ЧАРЫ. — Операции Черной магии. Они пространно обсуждаются в гл. II, особенно на стр. 293 и след.

ЧЕРЕП МЛАДЕНЦА. — Колдуны приписывают черепу убиенного младенца способность делать невидимым своего владельца. Коллен де Планси в своем «*Инфернальном словаре*» рассказывает о процессе некоего Вотрена, приговоренного к смерти судом присяжных департамента Верхняя Марна в феврале 1857 года за то, что он хладнокровно отрубил голову грудному ребенку. Он рассчитывал изготовить из нее *амулет-невидимку*.

ЧЕРНАЯ МЕССА. — Непристойное и богохульное жертвоприношение, которое Дьявол и его приспешники совершали на Шабаше. — См. гл. II, стр. 276—282.

ЧЕРНЫЙ БАМБУК. — Волшебное растение с Антильских островов, используемое негритянскими колдунами для приготовления любовных зелий. Оно способно заменить *Притягивающее растение Ван Гельмонта* (см.).

ЧЕРНЫЙ ПЕТУХ. — Принесение в жертву черного петуха входило в церемонии заклинания, согласно *Гримуару Гонория* (см.).

В этом гримуаре мы читаем: «После восхода солнца нужно убить черного петуха, взять первое перо его левого крыла и спрятать его, чтобы воспользоваться им в свое время. Нужно вырвать у петуха глаза, язык и сердце, которые высушивают на солнце, а затем измельчают в порошок. На закате останки петуха зарывают в секретном месте и т. д... Во вторник, на рассвете, он (некромант) кладет на алтарь перо петуха, которое должно быть обрезано новым перочинным ножиком, и рисует на белой и чистой бумаге кровью Иисуса Христа (освященным вином) фигуры, изображающие и т. д...» (стр. 8—9 т. н. римского издания, 1760, in-12, с цветными иллюстрациями).

Теософ *Амаравелла* сообщает нам, что заклятие Черного петуха входило в испытательные обряды, совершавшиеся Хун-де (братьями) из китайского общества *Сань-хо-хуэй*, adeпты которого по императорскому указу карались смертью. Эти Хун-де были черными магами, объединившимися для того, чтобы творить зло (см. *Lotus*, 2^e annee, tome IV, n° 22, p. 593.)

ЧИСЛА. — Существует наука о числах, тайны которой принадлежат к самым возвышенным арканам трансцендентной магии. Ее язык утрачен для современных людей.

Но существует также множество суеверий, связанных с числами, и они имеют прямое отношение к колдовству (см. любой *Гримуар*).

Ш

ШАБАШ. — Сборище колдунов и демонов, которое я пространно описываю на стр. 276—286 гл. II. — См. также гл. III, стр. 326—328.

ШНУРКИ. — Их используют для всевозможных лигатур, в особенности, для завязывания узла, который так и называется «*Шнурком*» (см.). См. гл. III, стр. 304—306.

См. также: *Веревка ветров*.

«ШНУРОК». — На образном языке Колдовства, название *Фаллоса*, который необходимо парализовать, чтобы помешать молодоженам исполнить свой супружеский долг. Эта операция называется *завязыванием шнурка*. — См. гл. III, стр. 304—306.

ШПАНСКАЯ МУШКА. — Мушка зеленоватого цвета с металлическим блеском, обязанная одному чрезвычайно ядовитому алкалоиду — Кантаридину — свойствами афродизиака. Колдуны умели извлекать из них пользу при изготовлении своих мазей и электуариев, определяя тем самым направление эротических грез. — См. гл. II нашего произведения, стр. 284. — В «*Ключе к Черной магии*» мы поместим все точные сведения о мазях, какие только можно пожелать.

Э

ЭЛЬФЫ. — Демоны или гении, духи света или тьмы в мифологии «Эдды». Демонологам хотелось бы видеть в них бесов.

«ЭНХИРИДИОН». — Об «*Энхиридионе*» можно сказать то же самое, что я уже сказал о «*Ключиках Соломона*». Все его печатные издания сознательно искажены, равно как и большинство манускриптов, носящих это название. Но при определенной настойчивости можно отыскать хороший рукописный экземпляр этого сборника, изобилующего таинственными формулами, и в особенности, пантаклями, представляющими основной интерес как для библиофилов, так и для оккультистов.

Утверждают, что папа Лев III, получив от Карла Великого область, на которой впоследствии основывались притязания пап на светскую власть, решил отблагодарить монарха сторицей, преподнеся ему эту каббалистическую книгу.

Одно из не самых худших латинских изданий было напечатано в Риме, 1670, in-12: *Enchiridion Leonis Papae, serenissimo imperatori Carolo Magno in munus pretiosum datum, nuperrime mendis omnibus purgatum*.

Французские издания, и в частности, так называемое римское (chez le P. Angelo de Rimini, S. D., vers 1850, un vol. in-12, илл.), являются мерзкими спекуляциями низменной книготорговли.

ЭФИАЛЬТ. — Инкуб-душитель у древних греков; *Insultor* латинян. — См. *Инкуб, Суккуб* и гл. III, стр. 318—320.

Я

ЯЙЦА ЗМЕИНЫЕ. — Змея, животное, в первую очередь, магнетическое, высиживает яйца, очень богатые таинственной субстанцией, которую алхимики определенной школы называли «меркуриальным целебротом». Эта субстанция не подходит для металлического делания, потому что ☿ в ней специально предназначен для Животного царства; но его присутствие, объясняя оккультные свойства змеиных яиц, доказывает мудрость Друидов, которые старательно их собирали.

Адептам Черной магии также известны эти исключительные свойства; они используют их для наведения порчи.

ЯЙЦО (белок). — Конфигуративное вещество, преломляющее астральный свет. Многие современные сивиллы успешно занимаются гаданием по яичному белку.

КОНЕЦ ОПИСИ

N. B.

МЫ ВОВСЕ НЕ НАМЕРЕВАЛИСЬ РАССМОТРЕТЬ ВСЁ В ДЕТАЛЯХ; ТЕМ НЕ МЕНЕЕ, МЫ НАДЕЕМСЯ, ЧТО ЭТА ГЛАВА, В СОПОСТАВЛЕНИИ С ТРЕМЯ ПРЕДЫДУЩИМИ, БУДЕТ ПОЧТИ БЕЗУПРЕЧНОЙ В ОТНОШЕНИИ ОСНОВНЫХ СВЕДЕНИЙ ПО *Религии Колдуна*.

Осталось только выследить самого персонажа в его современном одеянии. Мы приложим к этому свои старания в Главе VI.

Влюбленный = СЕНЕР = Оппозиция = Обоюдность

СРЕДНИЙ ТЕРМИН = ПРОИЗВЕДЕНИЕ

СОВРЕМЕННЫЕ АВАТАРЫ КОЛДУНА

ГЛАВА VI

СОВРЕМЕННЫЕ АВАТАРЫ КОЛДУНА

Колдуны в XIX столетии? Настоящие колдуны? Эта гипотеза не выдерживает критики!

— Мсье аббат, я не боюсь ее защищать.

— Вы шутите? В наше-то время! Колдуны... В блузе и во фраке?

— В сутане и даже в монашеской рясе.

— Полноте! Вы просто играете словами; я тоже питаю к этому слабость.

— Я говорю совершенно серьезно и надеюсь вам это доказать.

— Что ж, попробуйте; но вам будет трудно меня убедить. Не стану скрывать от вас, что по характеру я скептик... Видите ли, мы, духовенство, совершили огромную ошибку, принимая всерьез это жалкое отродье. Помилуйте, какие виселицы и костры! Этих субчиков следовало ставить под душ. Таково мое мнение. Да и кто не знает, что все колдуны вымерли в средние века?

— Вы начинаете с досадного утверждения, мсье аббат! Вы доверяете расхожему клише, это я признаю; но согласитесь со мной, что оно ошибочно. Не прошло и ста лет с тех пор, как римская Инквизиция приговорила к смерти графа Калиостро...³³⁵

³³⁵ Смертная казнь была заменена пожизненным тюремным заключением, без права на помилование.

— Как франкмасона!

— И как колдуна. В приговоре содержится прямое обвинение в «суеверной Магии»... Впрочем, мсье аббат, мы отклонились от темы. Не угодно ли вам уделить мне часок для беседы? Ручаюсь, что, имея на руках доказательства, я смогу вас убедить.

Было два часа пополудни. Мы поднялись ко мне, и аббат ** вышел из моего дома лишь с наступлением темноты, полностью убежденный как в реальности магических способностей, так и в нынешнем многообразии случаев колдовства.

Должен признаться, что у меня было чем переубедить его: несколько уникальных и поистине неопровержимых досье. Я глубоко сожалею о том, что могу представить только их фрагменты. Не говоря уже о рамках моего произведения, некоторые мотивы высшего порядка принуждают меня к осторожности, о которой я, возможно, сумею однажды забыть.

Эти документы относятся к религии знаменитого чудотворца Эжена Вентра, и в частности, к делам и поступкам одного из его духовных наследников.

Однако мы рассмотрим некоторые другие вопросы, прежде чем приступить к еретику Вентра и преемникам его гностической секты. Ими я собираюсь завершить данное рассуждение.

Верите ли вы, что магнетизеры, спириты и медиумы — не колдуны?.. Они занимаются колдовством точно так же, как г-н Журден говорит прозой — неведомо для себя³³⁶. Хотя немалое их число делает это сознательно!

И если бы кто-то стал цепляться к моим словам, ссылаясь на общее мнение, отличающее Гипноз и Спиритизм от Черной магии и ее чар, то я возразил бы, что это мнение ошибочно. Но, дабы не начинать со спорного тезиса и стремясь сразу же обратиться к самому существу вопроса, рассказав о феноменах, в характере которых невозможно усомниться, я предпочел открыть эту главу неожиданным антуражем: это будет сидевильский дом священника, время действия — 1851 год.

Возможно, в анналах Магии нет ни одного уголовного процесса, в котором чудеса подтверждались бы более достоверно и устанавливались бы более неопровержимо, чем в этом скромном деле, разворачивавшемся перед Мировым судом Йервиля (департамент Нижняя Сена) в начале 1851 года.

³³⁶ Аллюзия на комедию Мольера «Мещанин во дворянстве». (Прим. перев.)

Этот процесс не придется по вкусу любителям показного колдовства, привыкшим к величественным постановкам зрелищных судебных драм. Пусть же они презрительно сморщат губы и вполуха прислушаются к результатам следствия, на первый взгляд, не приметного завершившегося, к тому же, слушанием в административном департаменте полиции: тем не менее, мы сожалеем о том, что эти мнимые интересующиеся решили пожертвовать очевидной сутью театральной форме и не поняли того огромного интереса, который связан с безусловными фактами, удостоверенными под присягой таким количеством неопровержимых свидетелей.

Обстоятельство, которое, отмечая это дело неизгладимой печатью оригинальности, с первого же взгляда отличает его от всех подобных процессов, состоит в том, что жалоба была подана не на колдуна, а, наоборот, исходила от него самого.

Пастух Торель обратился к г-ну мировому судье кантона, предъявив иск о возмещении убытков со стороны кюре Сидевилля за три удара дубиной, которыми это духовное лицо щедро его «попотчевало».

Дело ведет свое начало с заключения в тюрьму некоего Г**, сельского колдуна, известного на всю округу своими притязаниями на познания в области оккультной медицины. Этот негодяй вежливо препроводил на кладбище множество своих больных под видом эффективного лечения; другие пациенты должны были очень скоро к ним присоединиться. Осужденный по доносу кюре Тинеля, Г** изрек несколько туманных угроз и поклялся отомстить за себя...

Пастух Торель, подавший жалобу в йервильский суд, был, по его же собственному признанию, тайным уполномоченным Г**, верным исполнителем высшей воли учителя, чьим смиреннейшим и почтительнейшим учеником он себя называл.

А теперь краткое изложение фактов, единодушно удостоверенных под присягой более чем двадцатью свидетелями³³⁷. Передо мной лежит весьма подробный и обстоятельный рассказ всё того же маркиза де Мирвиля³³⁸, одного из очевидцев этих феноменов.

Два мальчика, двенадцати и четырнадцать лет, готовившиеся стать священниками, воспитывались в доме г-на кюре Сидевилля. Именно на них обрушилась яростная месть Тореля, который позаботился предварительно установить флюидическую связь, подойдя к младшему мальчику под видом уличного торговца.

³³⁷ Разумсется, я говорю лишь о свидетелях, заслушанных в суде; ведь если перечислять их всех, то счет пошел бы на сотни.

³³⁸ *Des Esprits et de leurs manifestations fluidiques*; tome I du grand ouvrage, pages 331—363.

С тех пор подлинный «вихрь» феноменов охватил дом священника, потрясенный до основания ударами, которые с такой силой наносились по его плотным стенам и перегородкам, что давнее трещины здание грозило разрушиться. Любопытные, сбегавшиеся сотнями, неоднократно и в течение многих часов «прочесывали» эти места во всех направлениях, но им так и не удавалось, даже в самый разгар бури, раскрыть причину этих ударов, во множестве сыпавшихся на все поверхности дома. Тем не менее, они слышали друг друга на расстоянии двух километров (здесь я подозреваю арбитров в некотором преувеличении), и во время обследований не была упущена ни одна деталь, как снаружи, так и внутри. Но грохот так и оставался необъяснимым.

Тем временем таинственный агент соблаговолил проявить свой интеллект, отбивая ритм некоторых мелодий, которые он любезно разнообразил по желанию присутствующих.

Г-н де Мирвиль попал сюда неожиданно и вступил с Незримым в диалог при помощи стуков: один удар означал *да*, а два были равносильны слову *нет*; большее число ударов соответствовало, в обычной прогрессии, классификационному шифру всех букв алфавита.

Благодаря этому изобретательному приему, которым с тех пор, возможно, стали злоупотреблять, Дьявол — ибо г-н де Мирвиль полностью соглашался с этим основным наименованием — отвечал с безошибочной проницательностью, весьма остроумной находчивостью и невозмутимой самоуверенностью на все вопросы, которые ему задавали: например, об имени, возрасте, местожительстве и положении множества посторонних людей, неизвестных в этом краю. Похоже, демон никогда еще не выказывал большей любезности?..

Затем у безжизненных предметов возникло желание пуститься в пляс: столы начали кувыркаться, стулья — разгуливать по всем комнатам; а ножи, щетки и служебники вылетали в одно окно и влетали в другое!

Совок приглашал каминные щипцы на мазурку, которая немедленно исполнялась; утюги отступали в глубину комнаты, преследуемые пламенем очага, который разворачивался, извиваясь, подобно змее.

Оконные стекла разлетались вдребезги; самая тяжелая мебель поднималась и повисала в воздухе. Огромный пюпитр, нагруженный книгами, всей массой бросился в лицо г-ну Р... де Сен-В... и затем, резко остановившись в нескольких миллиметрах от его лба, упал к его ногам, произведя не больше шума, чем перышко.

Все эти факты констатировались и подтверждались постоянно растущим числом достойных уважения свидетелей, съезжавшихся со

всех окрестностей: назовем, в числе прочих, гг. де В..., помещиков из города Э, доктора М... из Бакевиля, аббата Л..., викария из Сен-Роша, и, наконец, мэра и муниципальные власти Сидевиля.

Что же касается ребенка, которого коснулся Торель, то он постоянно видел позади себя тень незнакомца в блузе. Спустя несколько дней ему показали Тореля, и мальчик не раздумывая сказал: «*Это он!*»

Один из присутствовавших священников заявил, что четко видел столб сероватого пара, который, колыхаясь, двигался за одержимым ребенком. Несколько других видели, как этот пар извивался, то сжимаясь, то расширяясь, а затем с шипением исчезал в щелях двери.

Ребенок был в ужасе; его нервное состояние вызывало серьезное беспокойство; вскоре наступили судороги. Вдруг он увидел, как из камина вылезла *черная волосатая рука*; все услышали шлепок сильной пощечины. Ребенок заплакал — и все с изумлением могли различить четкий отпечаток пяти пальцев на его щеке. Бедняжка выскочил на улицу в тщетной надежде увидеть, как рука, исчезнувшая в камине, выйдет через верхнее отверстие!

Между тем один из церковных служителей, неотлучно находившийся в доме, робко отважился на *неслыханное* предложение. Он сознался, как когда-то читал в одной книге по колдовству, что Невидимки боятся острия шпаги. Почему бы не попытать счастья? Сказано — сделано: так что после нескольких неудачных попыток (магический Агент так хорошо умеет скрываться!) произошло событие величайшей важности для оккультистов, и мы просим читателей взять его на заметку, поскольку оно разоблачает природу этих феноменов в первую очередь... Когда попытки оказались безуспешными и уже решено было от них отказаться, последний удар шпаги высек потрескивающее пламя в сопровождении пронзительного свиста. Комната тотчас же наполнилась белым дымом, таким густым и зловонным, что пришлось открыть окна, чтобы он рассеялся...

Это неожиданное явление придало уверенности участникам поединка с Невидимкой; эксперимент был вновь продолжен.

Вдруг в комнате прозвучало слово, тихо, но отчетливо произнесенное: «*Простите*», — сказал голос. Все хорошо его слышали.

Шпаги убрали и вступили в следующий диалог: «*Простить...* (возразили эти господа), *да, конечно, мы простим тебя и даже больше того: мы проведем всю ночь в молитвах, чтобы Господь простил тебя, в свою очередь... но при одном условии: кто бы ты ни был, завтра ты сам придешь просить прощения у этого ребенка. — Ты прощаешь нас всех? — Так вас много? — Пятеро, включая пастуха. — Мы прощаем вас всех...*»

Как только прозвучали эти слова, все феномены прекратились, словно по волшебству, и в доме воцарилась тишина до самого рассвета, первые лучи которого осветили группу коленопреклоненных священников.

После полудня в дом явился человек: это был Торель, с опущенными глазами и напряженной осанкой. Его лицо, которое ему никак не удавалось спрятать под фуражкой, было покрыто царапинами и в нескольких местах кровоточило...

— *Вот человек, который преследует меня уже две недели!* — воскликнул ребенок и задрожал всем телом.

Когда кюре спросил его о мотивах его визита, Торель ответил, что его прислал учитель: он пришел за органчиком.

— *Нет, Торель, вы пришли по другой причине... Но откуда у вас все эти ссадины?* — Пастух хотел уклониться от ответа. Аббат Тинель продолжал: — *Скажите откровенно: вы пришли попросить прощения у этого ребенка. Вот что вас сюда привело... На колени, Торель!* — *Ну, ладно... прости! да... прости!* — воскликнул мерзавец и подполз на коленях к ребенку, к которому он протягивал руки. После этого прикосновения все заметили, что состояние бедного малыша ухудшилось и феномены возобновились с удвоенной силой!

Вторая встреча священника с пастухом состоялась в мэрии. Торель, в присутствии многочисленных свидетелей, упал на колени, как и накануне:

— *Простите, прошу у вас прощения...* — но на сей раз он начал ползти в сторону кюре:

— *За что вы просите прощения, Торель? Объяснитесь!*

Тем временем Торель продвигался вперед и уже почти коснулся сутаны...

— *Не прикасайтесь ко мне, во имя Господа, или я ударю вас!*

Тогда-то кюре Сидевиля, забившись в уголок городской ратуши, нанес по руке колдуна три удара дубиной, легшие в основу процесса...

Феномены, опущенные мной в этом кратком изложении, несущественны. Я не знаю ни одного другого дела, столь же богатого всякого рода констатациями. Нам нечего больше желать: ни четкости, ни частоты, ни разнообразия чудес, не говоря уже о добровольном участии самых серьезных свидетелей и полном совпадении самых торжественных заверений.

Мировой судья Йервиля был ошеломлен: никогда еще подобные утверждения не оглашали зал его суда. В своем приговоре, довольно расплывчатом и «темном», он, по крайней мере, отдал должное единодушию свидетельств. Ответчик-кюре был объявлен непричастным к делу; Торель же, которому было отказано в

иске, был приговорен к уплате всех судебных издержек (*судебное постановление полицейской службы наложения штрафов г. Йервиля от 4 февраля 1851 г.*).

Перед нами современный и совершенно определенный пример *Черной магии* в узком смысле этого слова.

У Тореля есть такие же основания называть себя колдуном, как у Ока или Гофриди. Пуристам не пристало отказывать ему в этом наименовании, которое его деяния оправдывают как по сути, так и по форме.

В действительности, его не менее заслуживают и другие современные некроманты, которых оправдывает их внешность.

Я дал определение колдовства: *использование во зло оккультных сил природы. Магнетизм* подпадает под это определение в большинстве случаев; *Спиритизм* — почти во всех случаях.

Попытаемся включить понятия об этих двух искусствах в одну общую формулу.

Что такое *Магнетизм*, по словам самих магнетизеров? Подчинение³³⁹ мыслящего существа воле другого существа; я перевожу: подавление свободной воли³⁴⁰.

И что такое *Спиритизм*, по признанию самих же его апологетов? Вызывание мертвых; я перевожу: временное возвращение к низшей форме бытия тех душ, которые эволюционируют в сторону более совершенной формы³⁴¹.

Таким образом, *если бы не высшая цель, преследуемая* (а затем достигаемая), *которая узаконивает нынешнее зло, совершенное с целью грядущего большего блага*, я бы сказал, что деяния магнетизеров и спиритов в принципе злоторны.

³³⁹ Не путайте *Подчинение* (*Sujetion*) и *Внушение* (*Suggestion*). См. это различие, установленное в статье *Магнетизм* маленького словарика, помещенного в главе V. Подчинение — это состояние существ, привычно подчиняющихся внушениям.

³⁴⁰ Не все магнетизеры так поступают. Те, кто ограничивается терапевтическим вливанием животворных флюидов, являются адептами Витального господства: их деяния полезны и похвальны, благородны и благотворны. Но от биологической передачи до использования внушения — один шаг. Кто из магнетизеров может похвастать тем, что никогда не совершал его?

³⁴¹ Мне хорошо известно, что не все Спириты согласятся с этой перефразировкой. Если их послушать, то цель их науки — разрушить преграду, отделяющую земного человека от посмертного. В то же время они говорят о поступательной эволюции существ. Заставить существо, находящееся в процессе восхождения, временно вернуться к уже пройденному этапу — не означает ли это заставить его регрессировать? Однако Спириты не претендуют на то, чтобы всегда быть последовательными.

Что же касается *некоей силы*, приводимой ими в действие для достижения этих результатов, то никто не станет всерьез спорить о том, что ее можно называть *оккультной*.

Из чего вытекает, что, в принципе и без исключений, магнетизеры и спириты, использующие *оккультную силу* для совершения *дурного деяния*, являются, сознательно или неведомо для себя, *колдунами*.

И я прихожу к этому выводу, исходя из их собственных посылок!

А что, если бы я взял в качестве отправной точки те принципы, которые провозглашает, в иной области, традиционная наука магов? Не посягая на изложение книги II, я могу лишь намекнуть на то, к каким выводам нас привели бы подобные посылки.

Состояние *магнетического подчинения* есть, в конечном счете, не что иное, как *временное умопомешательство* существа, прежде свободного, а *ныне одержимого*. Эта более или менее деспотическая и более или менее длительная одержимость — дело рук *даймона*³⁴² (вампирического и паразитического существа), которого магнетизер потенциально вызывает в личности пациента.

Правда, бывают разные случаи. Если внушение ограничивается принуждением пациента в определенном случае с целью совершения единичного факта, то *даймон* остается *потенциальным* вплоть до необходимого часа и тотчас же погибает, как только он переходит от потенции к действию. Но если внушение продолжается с целью детерминировать целый ряд подобных действий, часто долгосрочных, то *даймон*, представляющий собой виртуальное звено, живой субстрат этих действий, детерминированных в потенции, реализация которых растягивается на пути к будущему; этот *даймон* завладевает тогда пациентом и *обладает* им в прямом соответствии с детерминизмом, где движется скрытая жизнь этих действий, которые неизбежно должны наступить³⁴³.

До сих пор речь шла о *Магнетизме*.

Что же касается *Спиритизма*, то мы скажем только, что мнимое вызывание так называемых духов, как правило, приводит лишь к явлению и даже созданию существ не менее лемурических и паразитических, всегда бесполезных, очень часто вредных и порой непоправимо гибельных.

³⁴² Я записываю слово Демон в греческой орфографии (δαίμων), чтобы вы не подумали, будто бы речь идет о *Дьяволе*, когда я использую это слово — демон — в том смысле, как его понимали Порфирий и Ямвлих.

³⁴³ Каждый человек может детерминировать в себе подобные существа, эти подлинные червоточины души, жизнь которых, будучи целиком заемной, пытается развиваться за счет жизни питающей ее души. То, что мы здесь разъясняем, намного ужаснее, чем может показаться. Мыслители отыщут в нашей теории (которая будет выведена в книге II) ключ к властным и порой неискоренимым привычкам.

Госпожа Блаватская прозорливо предсказывала, что крайним последствием распространения спиритизма на Западе в скором времени станет гарантированная гибель и полный распад множества душ — бессознательных жертв Аллана Кардека и его подрывной доктрины.

Кое-кто был удивлен тем, что я высказываю столь недоброжелательное мнение о спиритизме и упорно борюсь с разновидностью религии, среди апологетов которой — большое число уважаемых авторов и даже настоящих ученых. Скажу больше: подобные спириты (например, Луи-Мишель де Фиганьер) поражают оккультистов мощью своего интеллекта и смелостью своей интуиции. Их произведения, это хаотическое смешение света и тени, изобилуют оригинальными и глубокими суждениями; и их изучение в свете оккультизма может оказаться весьма полезным.

Вы видите, что я вовсе не отрицаю пристрастно достоинства спиритов. Я проявляю суровость по отношению к одной из самых замечательных в целом доктрин лишь по причине ужасных последствий, к которым она роковым образом приводит: это душевный промискуитет и духовная анархия.

Докторам Спиритизма недостает умения распознавать духов.

Я уже говорил и заявляю, что невозможно установить, не попадая тем самым в ловушку Супостата, непосредственные отношения с высшими Разумными существами и даже с Душами, освобожденными от телесных пут. В Китае и в других странах культ Предков освящает реальность этих связей; но эти связи могут устанавливаться лишь на иерархической лестнице. Здесь необходимы наука, о которой не подозревают даже адепты Спиритизма, и использование методов, тайну которых может поведать только инициация³⁴⁴.

Не следует полагать, что Спиритизм — это новейшее изобретение. Лемурические формы, которым во все времена, по-видимому, нравилось выдавать себя за души умерших, обманывали людей задолго до того, как Стучащие духи, «эмигрировав» из Нового Света, заполонили Старый своим шумным присутствием; и задолго до того, как Аллан Кардек сформулировал свое спиритическое «Евангелие», а барон Гульденштуббе добился феноменов непосредственного письма, которыми он так возгордился.

Вызывание любимых мертвецов и окружающих гениев Космоса было обычаем, знакомым всем античным народам: и даже способ

³⁴⁴ Эта наука — Теургия, а эти методы принадлежат к искусству Психурга.

общения, ставший обязательным — вращающиеся и говорящие столы — был введен в употребление в самые отдаленные времена. Весь Восток прибегал к нему за много столетий до нашей эры, и, если не выходить на пределы классической области греко-латинской эрудиции, Тертуллиан заверяет нас, что во времена Империи не было ничего более обыденного, чем гадательные столы — *mensae divinatoriae* — отвечавшие тому, кто обращался к ним, при помощи системы стуков. Тот же автор сообщает также о прорицающих козах — *capellas divinatorias*, — которые своими раздвоенными копытами отбивали ответ посредством перкуссионного алфавита, также заранее известного.

У Аммиана Марцеллина можно также прочесть, каким жестокостям подвергало любителей такого рода оракулов усердие первых императоров, обращенных в Христианство.

Когда в 1852 году в Европу проник американский метод спиритического общения вместе с полным набором вращающихся столов, говорящих столиков и стучащих оракулов (*knockings, rappings*), это произвело фурор, вызвало исступленный восторг... Поначалу столы скрипели, подскакивали и «вальсировали» при наложении рук, затем — без всякого соприкосновения. Впоследствии в соревнование вступили шляпы, стулья и круглые столики на одной ножке.

Но пляска мебели вскоре показалась банальной; чудесное нарастало *crescendo*³⁴⁵: карандаши писали сами по себе; появились, в свою очередь, светящиеся руки, подобные деснице ангела на пиру Вальтасара; их видели, к ним прикасались, их ощупывали... Наконец, Незримое, познакомившись ближе с хозяевами материального мира, проявляло себя, уплотнялось и материализовалось: фантомы являлись в четких, живых формах.

Что же было необходимо и что, в конечном счете, по-прежнему необходимо сегодня, для того чтобы увидеть, как совершаются все эти чудеса? Требуется только одно условие, всегда и повсюду неизменное: присутствие посредника, или медиума.

Если бы мы нас спросили, что же, в сущности, представляет собой медиум, то мы описали бы его как мужчину (или женщину), больного витальным «недержанием», который истощает себя, питая своей флюидической субстанцией (слишком экспансивной и склонной к заимствованиям) целую толпу паразитирующих ларв, кишящих и размножающихся в его астральной атмосфере, в его оккультном нимбе.

³⁴⁵ крещендо, с возрастающей силой (лат.).

Если же это определение показалось бы публике «темным», то мы попросили бы ее терпеливо дожидаться выхода в свет нашего второго септенера, где будут даны последние уточнения³⁴⁶.

Любые эзотерические комментарии были бы здесь неуместны и, что еще хуже, преждевременны. Но мы испытываем сильную склонность «расцветить» эту первую книгу, носящую чисто документальный характер, пояснительными замечаниями, или вставками.

Таким образом, *sine qua non*³⁴⁷ условие чудес, в которых спириты хотят видеть непосредственное воздействие бесплотных душ, — это совершенно пассивное посредничество хорошего медиума. Вокруг него бушуют вихри феноменов, очень похожих на сидевильские, описанные выше³⁴⁸.

Мнимые Духи общаются с помощью стуков? Но этот алфавит поразительно напоминает тот, который придумал г-н де Мирвиль в доме священника.

Они проявляются в форме привидений? Но эта форма полностью сходна с фантомом, который, следуя по пятам за младшим семинаристом, постоянно находился позади него.

Со стороны зрителей, всё происходит точно так же, как в Сидевиле: одни из них, подобно мальчику, видят человеческую форму; другие, подобно церковным служителям, различают только движущийся столб пара; и третьи, наконец, вообще ничего не воспринимают, как это случилось с некоторыми свидетелями, съехавшимися со всех окрестностей.

Аналогии этим не ограничиваются. Тяжелые предметы перемещаются, взлетают, разгуливают по комнате и возвращаются в исходную точку; или, поднявшись на несколько футов над землей, бесшумно опускаются вниз.

Туманные формы обрисовываются и сгущаются; появляются руки... (Как не вспомнить здесь руку, давшую бедному мальчугану увесистую затрещину?)

³⁴⁶ Пусть читатель обратится пока к «Тайнам одиночества» (*Mysteres de la Solitude*), опубликованным в №№5 и 7 «Initiation» (2^e annee, pages 101—125 et 23—37). Мы проясняем там многие таинственные вопросы.

³⁴⁷ необходимое (лат.).

³⁴⁸ С определенной точки зрения, можно сказать, что в Сидевиле младший семинарист стал медиумом, проявлявшим не только ларвы, использованные пастухом Торелем, но также сидеральную форму этого волшебника, которая сама по себе рассматривалась как лемурическое и паразитирующее существо.

Чаще всего светящиеся или телесного цвета, эти руки выступают из движущейся мглы. Их резко очерченные контуры становятся неясными в районе запястья: там линия начинает колебаться, трепещет в виде ореола и, в конце концов, теряется в результате неуловимых переходов в расплывчатом водовороте предплечья.

Эти руки осязаемы; те, кто прикасался к ним, охотно сравнивают их с кожаными перчатками, наполненными теплым воздухом³⁴⁹, в них не чувствуется костей, и если мы, схватив их, захотим силой удержать или насильно потянуть их к себе, для того чтобы увидеть руку, с которой соединена эта кисть, то всё превратится в смутный набросок: скопление загадочной, рыхлой субстанции, тающей между пальцами...

Иногда появляются также *черные и волосатые* руки, как в Сидевиле. Во всех случаях они действуют с абсолютной свободой и совершенной непринужденностью, так что нельзя сомневаться в том, что они соединены с вполне живым и нормальным, хотя и невидимым человеческим телом. Когда рука четко обрисовывается, одинокая и лишенная видимой опоры, нередко можно увидеть, как незримое тело, в свою очередь, объективируется; эти полные или частичные коагуляции растворяются так же легко, как и уплотняются.

Очевидно, эти экстериоризации истощают медиума: чем их больше, тем более уставшим он кажется. Тогда, ощущая потребность пополнить запасы нервной силы, он хватается за руки какую-нибудь молодую и здоровую особу, которая тотчас подвергается флюидическому высасыванию этим «салонным» вампиром. Это чудесное ощущение истомы, сопровождаемое дрожью... И в действительности, окружающая температура понижается на несколько градусов менее чем за одну минуту. Ледяные дуновения движутся во всех направлениях, наподобие сквозняка. Эти атмосферные явления усиливаются преимущественно в момент важных объективаций посредством их объема и четкости.

Медиумы более или менее взаимосвязаны со всеми этими призраками. Я объясню свою мысль.

Когда неосторожный зритель случайно ударяет или же ранит светящиеся или сгустившиеся в человеческую форму привидения, которые проявляются вокруг этих болезненных существ, последние немедленно испытывают результат ранения, нанесенного фантому. Если используемое оружие является острым, то кожу медиума вскоре «разукрашивает» царапина или, по крайней мере, след в виде рубца.

³⁴⁹ См. Eliphas Levi, *Cles des grands Mysteres* (page 146).

Этот отражательный феномен обычно не имеет тяжелых последствий, когда нападающий поражает лишь ларву, движущуюся в тайном нимбе медиума; но случай становится намного более серьезным, если острое задело саму субстанцию экспериментатора при выходе астрального тела³⁵⁰.

На одном публичном сеансе, проводившемся в Нью-Йорке З..., мощным медиумом материализаций, некий янки счел остроумным испытать свой «бульдог»³⁵¹ на фантоме, в которого он выстрелил в упор. Тотчас же, в нескольких шагах *позади*, раздался крик отчаяния: бедный медиум упал без сознания, с глубоким кровоподтеком на груди; тем не менее, пуля в него не попала, а застряла в стене с противоположной стороны; так как американец, сидя как раз в промежутке, отделявшем медиума от сгустившегося призрака, целился прямо перед собой и, стало быть, в противоположном направлении от медиума. Пораженный отражательным путем, этот последний более месяца находился на грани жизни и смерти. Он с большим трудом оправился от удара.

Этот поистине типичный факт был удостоверен для меня одним из самых серьезных людей, который сам был очевидцем этой печальной сцены.

Здесь уместно будет провести новую параллель со случаем пастуха Тореля, чье лицо демонстрировало все шрамы от ударов, нанесенных накануне его астральной форме. Это подводит нас к упоминанию еще одной из множества деталей, которые мы опустили при кратком изложении сидевильского дела. Кюре Тинель зарядил свой пистолет мелкой дробью, чтобы палить по воробьям. В самый разгар таинственной бури он выстрелил в направлении шума. Ребенок, который один отчетливо видел форму пастуха, заявил, что две дробины угодили тому прямо в лицо. На следующий день на физиономии Тореля нашли вполне отчетливый след от двух дробинок!..

Тождественность феноменов всегда остается неоспоримой, идет ли речь о Спиритизме или Колдовстве; и нам остается лишь множить здесь примеры и свидетельства. Если же наши читатели настроены скептически и не расположены признавать подобные чудеса, то пусть они посетят какой-нибудь спиритический сеанс, и их недоверие будет сломлено красноречивостью фактов.

³⁵⁰ Наблюдавшийся в Сидевиле феномен искры, за которой последовал дым, сигнализирует о полном и окончательном распаде флюидического коагулята; коль скоро Торель выжил, значит, острое разрушило только ларву: подобный удар, поразивший само астральное тело, оказался бы смертельным для колдуна.

В данном случае, Тореля нашли бы на следующий день мертвым, и, несомненно, к этому случаю приклеили бы недопускающий возражений ярлык: «разрыв аневризмы».

³⁵¹ Жаргонное английское название крупнокалиберного револьвера. (Прим. перев.)

Существуют всевозможные медиумы: одних называют медиумами *физических эффектов*, то есть вокруг них наблюдаются такие феномены, как, например, стуки, перемещения объектов, левитация и т. д.; другие называются медиумами *материализаций*: в их присутствии сгущаются видимые и осязаемые формы, то светящиеся и полупрозрачные, то окрашенные и непрозрачные; то живые существа, то даже неодушевленные предметы; то устойчивые и вполне развитые объекты, то непрочные и готовые распасться скопления. Наконец, есть те, кого называют медиумами *воплощений*.

Последний случай нельзя считать наименее поразительным и, в особенности, наименее заслуживающим рассмотрения.

Эти медиумы на время гостеприимно предоставляют свои тела существам, которые в них воплощаются и, завладевая их органами, приводят их в движение и управляют ими по своей прихоти. В этой категории феноменов мы были свидетелями необычных, ошеломляющих сцен... За несколько секунд добровольный одержимый изменяется, исправляется и преобразуется от начала до конца по внутреннему образцу завладевающего им дэймона.

Волшебная палочка Цирцеи не была, разумеется, более проворной, а ее воздействие — более чудесным. Медиум становится неузнаваемым: его поза, голос, взгляд и жесты резко меняются; трансформируются даже черты его лица. Это внезапная метаморфоза всей его личности...

Перед вами — другой человек. И — пугающая деталь! — порой кажется, что *Тот, кто находится там* — существо, известное зрителю, существо нежно любимое, умершее много лет назад... и вдруг воскресшее в оболочке незнакомца, *одолжившего свое тело*, — первого встречного, который в этот момент не знает ни имени, ни самого факта прошлого существования оживающего в нем мертвеца!

Но как можно сомневаться? Сходство, бесспорное и в то же время парадоксальное, становится тем более впечатляющим, что оно утверждается скорее в психической, надмирной и как бы *одухотворенной*, нежели в пластической и материальной форме; ведь оно должно приспособляться к врожденным чертам медиума: костяк в самом деле не изменяется, и лишь мягкие, мясистые поверхности формируются по морфогенному шаблону внутреннего ваятеля, чье моментальное искусство властно проявляется изнутри наружу.

Это автоэкстериоризация: сквозь телесную *оболочку* заклинателя обнаруживается внутренний закливаемый. Мимолетная душа запечатлевает свое собственное изображение на лице медиума, испытывающего ее тесные, виртуальные, сверхфизические объятия...

Свершилось: физиономия воплотившегося существа «приклеилась» к пассивной модели посредника, предложившего себя для воплощения.

И какое волнующее, незабываемое зрелище!

Вы вновь узнаете жесты и позу; голосовые интонации любимого человека; устами медиума он говорит с вами о былом; он ворошит старые воспоминания, погребенные в глубине вашей души, тайну которых разделял с вами лишь он один!

Ваши глаза увлажняются от слез; непреодолимое волнение сжимает вам сердце. Больше не может быть никаких сомнений, это Он!..

И вы возвращаетесь домой потрясенным, уверенным в том, что вновь увидели его, — а по правде говоря, вы были введены в заблуждение и обмануты элементом или даже ларвой вторичной атмосферы.

Это двусмысленное существо, это псевдопсихическое зеркало отразило образ покойного, всегда живой в дарохранительнице вашей души. Наделив силой и четко обрисовав, для того чтобы их воспроизвести, старинные отпечатки, уже готовые изгладиться из вашей памяти, эта ларва поведала вам о вашей душе...

Можно представить себе ужасающее значение подобных мистификаций... Элементали, подобно всем двойственным и полусознательным существам негативного Света, «намагничены» извращенными инстинктами³⁵². И мораль тех, кого они посещают, обычно не в силах противостоять им.

Большое число медиумов скатилось по этой наклонной плоскости до самого болота, где души коснеют в наигнуснейшей извращенности. Для многих из них Онанизм — лишь самое безобидное последствие этого нравственного вырождения. Мне известно, что некоторые из них питаются *humano semine*³⁵³; эта отвратительная привычка перешла у них в состояние бешеной мании, так что они ходят из одного дома в другой, предлагая свои постыдные услуги.

Я знаю тех, кто несет на своем лице нестираемый стигмат этого глубокого расстройства инстинктов. Среди них даже есть один медиум, из числа самых сильных и самых известных, которому природа

³⁵² Нам известно мрачное приключение одной безупречной и весьма благочестивой вдовы, погубившей себя во всех смыслах, доверчиво отдавшись так называемому духу своего недавно умершего мужа, которого она боготворила. Она была просто счастлива вновь обрести его в раю спиритических феноменов.

Сомнительное существо, выдававшее себя за душу того, в ком вдова не чаяла души, убедило ее в том, что супружеские отношения могут восстановить между ними былую близость. В настоящее время эта несчастная полностью погрязла в бездонной инкубической пропасти. Ее тело умирает, а ее душа уже умерла.

³⁵³ человеческим семенем (лат.).

заранее уготовила необычную участь. Вовсе не следуя за своими коллегами по пути сексуальных отклонений, он лелеет лишь одну мечту: о нормальной любви. Это женщина с самым красивым сложением на свете, но с мужской головой и победоносными усами. Этот андрогин совершенно благоразумен и обладает весьма учтивым нравом. Двое из моих друзей кое-что знают о нем...

Но довольно об этом.

Вы могли прочитать в первой главе, какие более чем непристойные «подвиги» свойственны неуловимым и изменчивым существам, снующим вокруг профессиональных медиумов (см. стр. 115—116). «Пляска» столов, даже если ее добиваются в семейном кругу, представляет большую угрозу для чести женщин, целомудрия юных дев и невинности детей. *Отцы и матери* (воскликает ученый, хорошо осведомленный в спиритических явлениях, г-н Бонжан из Шамбери), *если вы не хотите, чтобы у ваших дочерей развились преждевременные чувства; супруги, если вы дорожите покоем своих «половин», остерегайтесь магнетической цепи вообще и «пляски» столов в частности!*

Никто не удивится, если мы вменим в вину Магнетизму губительные последствия, когда его используют безрассудные экспериментаторы, не вполне посвященные и лишенные высокой и строгой морали.

Семь лет назад я наблюдал успех следующего преступного опыта: один врач, чье имя я не стану называть, внушил во сне некоей юной еврейке, что стакан воды, который она обнаружит рядом с собой при пробуждении, будет наполнен страшным ядом. Тем не менее, ей дано было приказание выпить его одним залпом.

— *Но Саломея умрет от него,* — возразила еврейка (эта юная пациентка проявляла во сне две различные индивидуальности: она имела обыкновение говорить о самой себе как о совершенно безразличном третьем лице).

— *Да, Саломея умрет от него,* — зловещим эхом вторил ей доктор.

Девочка проснулась и не задумываясь осушила стакан. Ее лицо тотчас же исказилось гримасой:

— *Что я выпила? У меня всё горит! На помощь!..*

Несчастливая, не сохранив ни малейших воспоминаний о том, что ей было предписано во сне, полагала, что действует добровольно.

Через шесть минут после приема этой чистой воды ее вырвало, между двумя судорожными припадками, большим количеством алой крови.

Испуганному доктору хватило времени лишь на то, чтобы вновь усыпить ее и свести на нет прежнее внушение посредством нового.

Ему нетрудно было этого добиться; однако ему не удалось устранить травматические последствия этого безобразного эксперимента. Бедный ребенок увидел смерть вблизи: в его желудке открылась округлая язвочка, и девочка была обязана медленным выздоровлением от столь серьезного недуга лишь своему крепкому юному здоровью. С другой стороны, молодой практикующий врач, который не был злым человеком, полностью излечился, как я полагаю, от непреодолимой тяги к рискованным экспериментам.

Я видел также, как хорошенькая девочка из народа, очень скромная и порядочная, разделась донага и исполнила в этом «наряде» очень вольный ригодон. При этом присутствовало одиннадцать человек, в том числе трое молодых докторов, четверо студентов и один фармацевт — все молодые люди!

Чтобы добиться этого принесения в жертву ее последней стыдливости, не потребовалось даже усыплять ее. Достаточно было взять ее за руку и пристально посмотреть ей в глаза, дважды повторив приказание снять платье... Она была в буквальном смысле *околдована*: ею завладел бес нечестивого танца.

Когда она снова оделась и вышла из очарованного состояния, ей рассказали о том, что она сделала, и девочка покраснела до самых ушей, но не захотела ничему верить.

Это было предусмотрено. Автор фривольной проделки, к нашему удивлению, назвавший ее «небольшой подлостью», грубо завладел одной уликой, наиболее оскорбительной для бедной девочки, но также и самой неоспоримой... По предъявлении этого вещественного и неопровержимого доказательства она расплакалась навзрыд.

И когда ее возвратили излишне доверчивому отцу, за один луидор доверившему свою дочь д-ру **, никто не посмел хвастаться успехом столь низменного злоупотребления доверием. Сама девочка тоже молчала, глотая обиду, которую она смогла забыть только шесть лет спустя!

Наконец, я видел своими глазами, как один мальчик нанес собственной матери три сильных удара кинжалом в область сердца (разумеется, речь идет об одном из тех театральных кинжалов, лезвие которых прячется в рукоятке благодаря искусно встроенной пружине). Пациент, которому было шестнадцать лет, находился в состоянии бодрствования, но под деспотической властью внушения.

Те, кто знает, как часты случаи рецидивов в повелительном внутреннем акте, определяющем выполнение внушенной воли, поймут всё безрассудство этого третьего эксперимента.

Каким бедствием становится Магнетизм в неосторожных или бесовестных руках! К тому же авторы трех «подвигов», рассказанных выше, не были злобными людьми и вовсе не преследовали преступных

целей. Они всего-навсего повиновались нездоровому любопытству, прикрытому, в их собственных глазах, достойным именем «научного рвення»: при необходимости они сослались бы на те привилегии экспериментальных вольностей, которые считаются неотъемлемыми на суде современной совести.

Но представим себе преступника, достаточно образованного для того, чтобы приспособить классические приемы гипнотизма к осуществлению своих скверных замыслов. Если он наткнется на чувствительных пациентов, то воспользуется ими как тайными «руками», чтобы поразить того, кто служит препятствием для его устремлений; между тем как, усмехаясь и прячась в тени, где его никто не обнаружит, он будет дожидаться, пока его жертвы, сраженные одна за другой, не устелят своими трупами дорогу, которую преграждали их стесняющие личности.

Так будьте же осторожны! Я утверждаю, что этот презренный негодяй мог бы не только украсть, убить и так далее через других людей, но также скрыться от всех нескромных подозрений.

Рассказывают, как ученые-психологи, и вместе с тем умелые физиологи, сумели в подобном случае разоблачить злодея, распутав очень сложный клубок его гипнотизерских хитростей; но я утверждаю, что эти козни были просто неумело подстроены. Провидение позволило, чтобы этот человек, считая невозможным, что подозрения падут, в первую очередь, на него, упустил какую-то деталь в тех мерах предосторожности, которыми он себя окружил. И в самом деле, его расчеты даже вышли за пределы того, что важно было предусмотреть в любых других обстоятельствах. Он говорил себе: «Я знаю свою сомнамбулу; в бодрствующем состоянии она не сохраняет никаких воспоминаний о том, что я внушил ей во время гипноза. Поэтому я вобью ей в голову, что она должна убить N...; совершая это преступление, она будет думать, что действует по своей воле. Для пущей уверенности я могу убедить ее также в том, что она ненавидит N..., виновного в какой-то мнимой несправедливости по отношению к ней; стало быть, она сознается судьям в том, что убила N... из мести. И все поверят ей». Негодяй прекрасно рассудил; всё, что он предусмотрел, в точности осуществилось³⁵⁴. К несчастью для него, двойной чудесной случайности было угодно, чтобы: 1) следственный судья, несколько лет назад пристрастившийся к гипнотизму, был умственно обращен именно в эту сторону и 2) он неизвестным образом узнал,

³⁵⁴ Где мы прочитали рассказ об этом деле? Нам так и не удалось этого припомнить. Поэтому мы приводим его, вовсе не ручаясь за достоверность. Как бы то ни было, ни один сколько-нибудь искушенный экспериментатор не оспорит возможности этих фактов, а также логику и правдоподобие их последовательного развития: они сами по себе могут служить основой для аргументации.

что обвиняемый обычно выступал *пациентом* подлинного виновника. Это оказалось достаточно, чтобы погубить последнего. Судья сразу же *почуял* истину; посоветовавшись с компетентным другом, он решил усыпить человека, который впрочем, упорно утверждал, как это и было предусмотрено, что действовал по своей доброй воле, из мести. Уснув, он тотчас же вспомнил о своих предшествующих подобных состояниях, и гнусные, мрачные козни выявились сами собой.

Но гипнотизер мог бы предвидеть эту невероятную случайность. Даже удивительно, что столь решительный преступник не принял мер предосторожности и не внушил немедленное самоубийство фактическому исполнителю деяния³⁵⁵. Любой человек сказал бы: «Он убил из мести и покончил с собой из-за угрызений совести».

Даже допуская, что подобный мерзавец «поскупился» бы на два трупа вместо одного — но разве этот человек отступил бы перед еще одним злодеянием? — он, по крайней мере, мог бы внушить своей сомнамбуле, чтобы она не сохраняла никаких воспоминаний в своих последующих загипнотизированных состояниях, и даже убедить ее в том, что ее больше никогда нельзя будет усыпить.

Все внушения, сделанные чувствительному пациенту, сбываются с математической точностью. Даже проистекая из различных источников, они соединяются и сцепляются между собой с неумолимой логикой. Душа сомнамбулы — мягкий воск, затвердевающий под пальцами месильщика; главное для магнетизера — первым приступить к лепке³⁵⁶. Следующий эксперимент, в достоверности которого я ручаюсь, служит неопровержимым доказательством этого.

³⁵⁵ Пусть нас не обвиняют в неблагоразумии и легкомыслии, под тем предлогом, что мы показываем, как подлинный виновник мог бы помешать судебному преследованию и даже навсегда обеспечить себе безнаказанность с помощью нового преступления. Мы, несомненно, совершили бы непростительную ошибку, использовав подобным образом теорию внушения, если бы она не стала общим местом, даже среди невежд. Слава Богу, на нашей совести не лежит вины в том, что мы бросили это грозное оружие в руки первых встречных; но, в конце концов, поскольку это разглашение — свершившийся факт, пусть не говорят нам о соблюдении меры. В нынешнем положении замалчивание стало бы лицемерной и тщетной мерой предосторожности, глупой и показной осмотрительностью, невыносимым кокетничаньем добродетели.

³⁵⁶ Считалось, что абсолютный характер теории внушения можно опровергнуть, настаивая на чудесном и порой непреодолимом сопротивлении, которое оказывает аморальным и преступным внушениям честная совесть, с детства приученная к Добру. Это возражение легко снять. Что такое в действительности образование (эта нравственная «ортопедия»), если не целая *система предшествующих внушений*, не только терпеливо накладываемых друг на друга, но и искусно скрепляемых?.. Эту систему необходимо упразднить в первую очередь, прежде чем стремиться заменить ее набором противоположных внушений. Одним словом, если вернуться к нашему первому сравнению, в случае с такими натурами *подстрекатель ко Злу не первым приступил к лепке*: воск уже затвердел под пальцами других людей.

Один молодой доктор из числа моих друзей, не усыпляя мадемуазель Б..., внушением сократил ей мышцы ладони. Я тотчас же попытался вступить с ней в довольно близкий контакт, чтобы вернуть эту судорожно сжатую ладонь в ее нормальное состояние, но тщетно. Пассы, дыхание, внушения, приказания, сформулированные на все лады — напрасный труд!

Выбившись из сил, я сказал девушке: «*Усните!*» Она стоя, на месте, уснула. Я старательно убеждал себя в том, что весь ее организм находится в моей власти — кроме судорожно сжатой ладони, которая упорно мне сопротивлялась! Меня осенила мысль: «Я разрываю, — воскликнул я, — всякую связь и всякие отношения между доктором и вами!» Тщетно; судорога не поддавалась этим усилиям. С опозданием убедившись в своей беспомощности, я, наконец, разбудил мадемуазель Б..., и доктор подошел к ней, чтобы разрушить первое внушение. Они оба остолбенели: я разорвал всякую суггестивную связь между ними, так что и он, в свою очередь, потерпел неудачу. Далее следует любопытный момент, довольно новый, как я полагаю, для этого эксперимента: мне пришлось вновь усыпить мадемуазель Б... и восстановить связь между нею и моим другом, чтобы он смог, наконец, расслабить эту упрямую ладонь.

Когда мы задумываемся об относительном всемогуществе, которое, благодаря Месмеру, может обрести первый встречный над некоторыми пассивными или боязливыми натурами, мы порой испытываем искушение высказать суровое суждение об этом человеке, граничащее с несправедливостью. Говорят о скверном подарке, преподнесенном человечеству этим знаменитым медиком, легкомысленным вульгаризатором науки, которой следовало бы заниматься так, как некогда занимались ею жрецы, и которой религиозная древность обучала, к тому же, своих адептов в крипте мистерий, в тени алтаря, где боги проявляли свое действительное присутствие שכינה, Шехина, в самом средоточии Сияющего света אֵין סוּף אֵין, Айн-Соф-Аор. В эту сакральную атмосферу никогда не проникал дракон низшего Астрала. Там были неведомы миражи иллюзорного אשׁיט, Асия — и даже снаружи святилища алчные ларвы убегали в испуге при виде тех, кто хотя бы раз пересек учетверенный мистический круг Завета. Последние несли знак на своем челе; их духовно возродило крещение огненным принципом. С тех пор они могли уйти, покинуть Мемфис или Фивы и вернуться к себе на родину... Врачеватели душ и целители тел, они чувствовали, что им поручено Свыше распространять в мире непосвященных вечно чистое и благотворное излучение этого

пламени, чей охранительный очаг незримо теплился в глубине скинии.

Увы, сегодня вездесущая астральная ложь обволакивает нас в своем бурном потоке; кадуцей Гермеса и Эскулапа превращается в руках злых людей в истребляющий меч, если только он не становится палочкой самой низменной и мерзостной гоэтии. О, чудодейственная палочка! Поднявшие тебя ученые неловко обращаются с тобой и доходят даже до отрицания твоего существования, пока ты еще сияешь в их руках...

Это потрясающее могущество, которое некогда становилось уделом высших посвященных, после того как они — глубоко признательные и возвышенные даже в своем унижении — зажигали атанор в тайных лабораториях алхимиков-розенкрейцеров средневековья и Возрождения (Иехиилов, Авраамов-иудеев, Парацельсов, Фладдов и Ван Гельмонтов), было полностью обесчещено при посредничестве Месмера, вульгаризатора, отдавшего его в невежественные, неумелые и извращенные руки.

Был ли Месмер интуитивным первооткрывателем или посвященным — вот в чем вопрос. В первом случае, даже несмотря на недочеты и неувязки его системы, он был замечательным изобретателем, и, по справедливости, на него нельзя возлагать ответственность за те злоупотребления, к которым должно было привести его открытие. При другом предположении он был великим преступником, предателем и осквернителем.

Для того чтобы Магнетизм был благотворным, он должен был оставаться скрытым. Но в нынешнем положении нам отступать некуда: возможно, было бы лучше, если бы посвятителю вообще не предпринимали подобного разглашения; но, в конечном счете, они сказали либо слишком много, либо слишком мало: пусть же они говорят, раз уж не сумели смолчать.

Если Магнетизм в настоящее время не будет обнародован в своем подлинном свете, он неизбежно вызовет страшный кризис в нравственной сфере: если вечная проблема свободной воли разрешится отрицательно, то мы увидим, как душевный компас начнет резко колебаться и утратит свою нормальную ориентировку. Наконец — предзнаменование больших космических катаклизмов — понятия Зла и Добра вновь будут смешаны.

Этой крайней опасности можно было избежать, по примеру фиванских и элевсинских иерофантов предназначая подобное могущество только для адептов иерархического учения, с гарантией посвящения. Но уместно ли теперь на этом настаивать? За-

чем упрекать в свершившихся фактах? Лучше сказать пару слов о современных теоретиках Магнетизма и их попытке, конечно же, благородной, спасти его от позора шарлатанского использования, приравняв к другим наукам.

Честь и хвала Делезам, Пюисегюрам и Дюпоте, любившим Магнетизм такой возвышенной любовью и стремившимся постичь его сущность! Хотя они и не добились полного успеха, их настойчивая проницательность, пытаясь разгадать великие законы природы, по крайней мере, получила в качестве награды твердую веру в то, что эти законы существуют. Эти непосвященные интуитивно почувствовали некоторые отражения истины-синтеза.

Честь и хвала даже магнетизерам-психологам из школы Брейда! Если, неспособные постичь природу великого агента и таинственные законы, управляющие астральными приливами, они вздумали всё это просто отрицать, то, по крайней мере, они построили очень поверхностную, но необычайно строгую теорию, дающую точный отчет о феноменальной видимости. *Внушение* — отличный способ группирования и классификации фактов, не более, но и не менее.

Наиболее распространенная на сегодняшний день доктрина *a priori* отвергает гипотезу *флюида*, инстинктивно и, можно сказать, почти слепо поддерживаемую эмпирическими учениками Месмера и многословными теоретиками его школы. На эту догму наложен запрет Университета, и ни для кого не секрет, что его профессора обладают монополией на моду³⁵⁷.

³⁵⁷ Я отдал справедливость теории *Внушения*, которую Брейдисты разработали или же сфабриковали; теперь я хочу сказать пару слов об этих университетских преподавателях.

С тех пор как господа с Медицинского факультета, бесцеремонно обосновавшись в «доме» Месмера, имели бестактность приклеить ярлык «шарлатан» к имени новатора, чье научное наследие они раскрадывали (и, вдобавок к этому, искажали), *вопрос о флюиде* стал для них, несомненно, из ненависти к учителю, камнем преткновения всех гипнографов. Если вы пожимаете плечами при одном только слове «флюид», значит, вы человек серьезный, славный молодой человек, физиолог будущего; вы *dignus intrare*, и вас сразу же наградят академическим дипломом *гипнотизера*...; но если вы осмелитесь верить во *флюид*, то прослывете отъявленным фигляром, паяцем, наглецом и так далее. Эти ругательства служат синонимом «апостола» магнетизма.

Однако нужно во всем разобраться. Брейдисты заявляют, что внушение передается без посредника; что его механизм — чисто внутренний феномен, при отсутствии всякого агента, внешнего по отношению к пациенту. Я же, вместе со всеми оккультистами, верю в формирующий медиатор, передающий в материальные органы приказания воли; в «*Пороге Тайны*» я описал этот Агент, превращающий произвольную мысль в совершившееся действие, этот повсюду скрытый субстрат всякой феноменальной реальности. Я считаю, что звук, тепло, свет, электричество — эти *nescio*

Кроме того, следует проводить различия в самом лагере Брейди-стов. Парижских гипнографов, возможно, не стоит приводить в качестве образца.

В частности, члены школы Сальпетриер — во главе с г-ном Шарко — по правде говоря, наделали много шума: мы увидим, что я говорю как в прямом, так и в переносном смысле. Название «амфитеатр», которым они именуют арену своих подвигов, слишком уж красноречиво. Они заботятся о *мизансценах* с поистине отеческим вниманием³⁵⁸: у них не вызывает отвращения всевозможная показная бутафория; им не чужд ни один оркестровый аккомпанемент — ни тамтамы и китайские гонги, которые они не щадят во время своих экспериментов, ни самая хвалебная и шумная реклама, с которой соглашается огромное большинство из них, если только не сказать, что она поощряется ими всеми.

Вместе с тем они почти не занимаются делом. Они не только ничего не открыли, но и боятся одобрить и утвердить, даже под новым названием, самые бесспорные принципы, ясно сформулированные профессорами из Нанси. Эта Школа Нанси менее шумлива, менее театральна, но более добросовестна и одновременно смела, достойна уважения во всех отношениях; враждебна любому употреблению гонгов и камертонов, барабанов и тамтамов; заботящаяся, прежде всего, об истине и пользе: рациональной индукции в теории и экспериментальной терапии на практике. Эти ученые и скромные доктора, Льебо, Бернхеймы, Бони и Льежуа проверили, уточнили, расширили и закрепили прекрасную теорию внушения, которую смутно предвидел аббат Фариа, а англичанин Брейд должен был впервые свести к научной формуле. С точки зрения совершенства, до которого довели ее профессора из Нанси, это гибкая чудесная теория, дающая отчет о повседневных, привычных фе-

(продолжение прим. 357)

quid, которые старые физики называли невесомыми флюидами, — проявленные модальности указанного агента, служащего их соотношением и абсолютным синтезом. Я приведу доказательство того, что я утверждаю, в своем «Ключе к Черной магии».

Я добавил бы к этому, что, поскольку сама идея для меня дороже слов, я не возражаю против того, чтобы переименовать *флюид*, как уже переименовали *Магнетизм*. Нужно быть более покладистым... Поэтому я предлагаю отказаться от самого слова «флюид», если оно и вправду обладает волшебным свойством приводить в бешенство непримиримых защитников гипнотизма.

Dignus est intrare (in nostro doctor corpore) — «Достоин вступить (в нашу ученую корпорацию)» (лат.). Цитата из Мольера. Представляет собой ответ хора медиков, аптекарей и др. ученых мужей в бурлескной сцене в «Мнимом больном». (Прим. перев.)

³⁵⁸ Не являются ли они «духовными отцами» официального сомнамбулизма — приемного дитяти, которого они имели честь переименовать, заменив лестным именем *Гипнотизма* нелепое название *Животный магнетизм*?

номенах с прямо-таки математической строгостью; не доходящая (как мы уже отмечали) до сверхфизических законов магнетизма, но неуязвимая в своем видимом механизме в сфере строгого позитивизма и экспериментального реализма, восполняющая ясностью недостаток глубины.

Опыт пока еще не привел нансийских метров к осознанию сущности биогенного агента. *Психическая сила* ученого Крукса остается неизвестной для них.

Если не считать г-на Льебо, бесспорного основателя школы и ее давнего сторонника, мужественно и почти безрассудно стремившегося объявить во всеуслышание о своих взглядах; если не считать Льебо, чей скепсис был сильно поколеблен убедительной красноречивостью полученных им исцелений, в частности, лечением грудных младенцев, у которых любое предположение о внушении автоматически опровергается; все почтенные практикующие врачи из Нанси решительно отрицают доктрину флюида. Это неизбежная реакция на утвердительный энтузиазм множества магнетизеров, попеременно переходивших от чистосердечного эмпиризма к глупостям и от явного шарлатанства к скандалам. Именно эти бессовестные кривляки и пустозвоны публичных сеансов, у которых самонадеянное невежество усугублялось сомнительной моралью, злоупотребляя Магнетизмом, чуть было его не погубили...

Г-н Льебо отличается от своих коллег-брейдистов забвением старой академической рутины, полным отсутствием предрассудков в вопросах науки и абсолютным презрением к *людской молве*. Поэтому в своих констатациях он идет намного дальше любого другого представителя той же школы.

Однажды — это было в мае 1885 года — г-н Фокашон, аптекарь из Шарма, привел к доктору Льебо одну из самых чувствительных пациенток (мадемуазель Элизу Н...), над которой им удалось провести самый незабываемый эксперимент со времен Крукса³⁵⁹: наложение нарывного пластыря с помощью внушения³⁶⁰. Все перипетии эксперимента, доведенного до конца за сорок восемь часов в условиях строгой научной очевидности и экспериментального контроля, были изложены в протоколе, составленном доктором Бони, который подпи-

³⁵⁹ Мы оставляем феномены, удостоверенные ученым Круксом, для нашего второго септенера: «*Ключ к Черной магии*». Эти факты настолько необычны, что нам представляется более благоразумным обсудить их, когда у нас появится возможность привести параллельно с ними объяснительную гипотезу.

³⁶⁰ См. письмо г-на Фокашона г-ну Феликсу Фабару (от 5 июля 1885 г.), помещенное на стр. 332—337 книги этого последнего: *Histoire de l'Occulte* (Marpon, 1885, in-12).

Там вы найдете все необходимые подробности.

сали в качестве свидетелей гг. Льебо, Фокашон, Бернхейм, Льежуа, Симон и т. д... Понятно огромное значение подобного результата, перед лицом которого больше невозможно подвергать сомнению явления *стигматизации*, столь частые у *экстатических* натур. Нельзя ли считать отныне доказанной технику самовнушения при подобных мнимых «чудесах»?

Спустя восемь месяцев, присутствуя утром на консультации доктора Льебо, мы неожиданно предложили ему провести на одном, случайно выбранном пациенте эксперимент по мысленному внушению или, скорее, по передаче мыслей — иными словами, один из тех все еще не объясненных феноменов, которые доктор Реньяр, ученик и друг г-на Шарко, описывает довольно развязно: «Эти вещи не имеют никакого отношения к науке. В Сорбонне о них не говорят. Наши богадельни Бисетр и Шарантон и различные камеры наших исправительных судов — единственные места, где время от времени может идти о них речь» (доклад, сделанный в Сорбонне³⁶¹, 5 марта 1881 г.).

Г-н Льебо, отличающийся беспримерной смелостью и преданностью, сразу же принял наше предложение и, по окончании эксперимента, без колебаний подписал следующий протокол³⁶²:

³⁶¹ Этот доклад был перепечатан д-ром Реньяром в его уже цитировавшейся книге: *Sorcellerie, Magnetisme, etc...* (Paris, Plon, 1887, grand in-8, fig.). См. стр. 282—285.

³⁶² Сообщаем, что д-р Льебо опубликовал этот *Протокол* в своей книге *Sommeil provoqué et des états analogues*, Paris, Doin, 1889, in-18 (pages 305—306). Ранее профессор Бони уже приводил его в своем произведении *Somnambulisme provoqué*, Paris, J.B. Bailliere, in-18.

ПРОТОКОЛ,

В КОТОРОМ ПРИВОДЯТСЯ ТРИ ФАКТА МЫСЛЕННОГО ВНУШЕНИЯ,
полученные гг. Льебо и де Гуайта
в жилище д-ра Льебо на улице Бельвю, 4 (Нанси)

«Мы, нижеподписавшиеся, ЛЬЕБО (Антуан), доктор медицины, и де ГУАЙТА (Станислас), литератор, оба находясь в настоящее время в Нанси, заверяем и поручаемся в получении следующих результатов.

1

Мадемуазель Луиза Л..., уснувшая магнетическим сном, была проинформирована о том, что она должна будет ответить на вопрос, который будет задан ей мысленно, без посредничества любых слов или знаков.

Д-р Льебо, приставив ладонь ко лбу пациентки, на мгновение собрался с мыслями, сосредоточив все свое внимание на вопросе: «Когда вы выздоровеете?», который он намеревался задать. Губы сомнамбулы внезапно зашевелились: «Скоро», — отчетливо прошептала она.

Тогда ее попросили повторить перед всеми присутствующими вопрос, который она интуитивно почувствовала. Она пересказала его в тех самых словах, в которых этот вопрос был сформулирован в уме экспериментатора.

Таким образом, этот первый эксперимент, проведенный г-ном Льебо по совету г-на де Гуайта, полностью удался. Второй опыт дал менее строгие, но, возможно, еще более любопытные результаты, как вы увидите далее.

2

Г-н де Гуайта, вступив в контакт с намагнетизированной, мысленно задал ей еще один вопрос: «Придете ли вы на следующей неделе?»³⁶³ — «Возможно», — был ответ пациентки; но когда ее попросили сообщить присутствующим этот мысленный вопрос³⁶⁴, она ответила: «Вы спросили меня, придете ли вы на следующей неделе».

Эта путаница, вызванная одним словом фразы, весьма знаменательна: мне кажется, что девушка запнулась, читая в мозгу магнетизера.

³⁶³ Двойной и, стало быть, более сложный вопрос. (Прим. авт.)

³⁶⁴ Нужно ли говорить, что присутствующие были всякий раз заранее уведомлены о вопросе, который будет задан? (Прим. авт.)

Для того чтобы ни одна указывающая фраза не была произнесена даже шепотом, д-р Льебо написал на клочке бумаги: «Когда мадемуазель проснется, она увидит, что ее черная шляпа превратилась в красную».

Записка была заранее передана всем свидетелям, затем гг. Льебо и де Гуайта молча положили свои ладони на лоб пациентки, мысленно сформулировав условленную фразу. Тогда девушка, извещенная о том, что она увидит в комнате нечто необычное, проснулась.

Она тотчас же устоялась на свою шляпу и с громким хохотом воскликнула, что это не ее шляпа, она на нее не претендует. У шляпы такая же форма, но эта шутка слишком затянулась: пусть ей возвратят ее имущество... «Но что же, по-вашему, изменилось?» — «Вы сами прекрасно знаете; у вас тоже есть глаза». — «Но всё-таки?»... Пришлось очень долго настаивать, прежде чем она согласилась сказать, что же изменилось в ее шляпе: «Надо мной издеваются...» Засыпанная вопросами, она, наконец, сказала: «Вы прекрасно видите, что она красная!»

Поскольку девушка отказывалась ее надевать, пришлось положить конец галлюцинации, заверив пациентку, что шляпа вновь обретет свой первоначальный цвет. Доктор подул на головной убор, и когда тот у нее на глазах вновь стал ее собственным, девушка согласилась его надеть.

Таковы результаты, в совместном получении которых мы ручаемся. В удостоверение чего мы составили настоящий протокол».

Нанси, 9 июня 1886 г.

Д-р А.-А. ЛЬЕБО.

(Составлен в двух экземплярах.)

Станислас де ГУАЙТА.

Разумеется, доктор Льебо, настроенный крайне скептически в вопросе *передачи мыслей*, отнюдь не рассчитывал на успех подобной попытки.

Мы привели этот эксперимент и другой, еще более поразительный опыт с нарывным пластырем, для того чтобы показать, что старейшина Школы Нанси вовсе не дает смутить себя самыми неожиданными предложениями и мужественно ручается в наименее общепринятых, с университетской точки зрения, фактах, когда он сам их видит и удостоверяет.

«Деспотичность» нашего плана не позволяет нам дольше задерживаться на стезях Аллана Кардека и Месмера.

Что современные апостолы Магнетизма и, в особенности, Спиритизма, обычно оступаются и соскальзывают на «колею» колдовства — вот что мы считаем доказанным рассуждениями и примерами.

Что же касается шумной толпы чародеев и ворожей низшего пошиба: костоправов с сомнительными жестами; повитух, с подозрительной ловкостью готовящих приворотные зелья и средства для выкидыша; карточных гадалок со змеиным взглядом, медоточивым голосом, раболепной осанкой и бесцеремонными манерами, чьи двусмысленные фразы предвосхищают, вызывают и поощряют любые признания (необходимо отметить, что клиент, пришедший узнать свою судьбу, в конце концов, в девяти случаях из десяти рассказывает о себе сам): эти «статисты» низшего колдовства представляют второстепенный интерес, как по причине их довольно ограниченного числа, так и по причине еще более ограниченной сферы их влияния. Мы не будем говорить о них ничего.

Нам осталось представить читателю когорту сомнительных мистиков, гораздо менее редких и безобидных, чем принято считать: их изучение, конечно же, не лишено интереса и пользы. Можно было бы написать целые книги об абсолютной извращенности нравственного чувства, которая проявляется у большинства из них в самых разнообразных и порой весьма красочных формах.

К сожалению, мы вынуждены исполнить долг перед общественным здоровьем, запрещающим нам приводить сравнительную таблицу, которую мы хотели набросать. Изобличение одного из низменных идолов мистического Содома — задача, требующая множества страниц: мы взяли на себя эту задачу, и нам придется пожертвовать всем ради одного сектанта, с которого мы хотим сорвать маску на последних страницах этой главы.

LE DISPENSATEUR DES SUPRÊMES BÉNÉDICTIONS DE LA LUMIÈRE
ET DE LA VIE.

« Pour moi, j'ai toujours cru que je ne serais en paix et dans la vraie
« triomphe, qu'au jour où je pourrais porter sur mon chapeau les nouvelles
« les des épreuves que j'ai traversées.
« Les adversaires que j'ai, enchaînés, tentent donc de venir
« connaître mes épreuves.
« Moi, j'ai la volonté de LES PORTER SUR MON CHAPEAU. »
(Lettre de Baptiste à Mlle Maria Mme, 15 sept 1910.)

Но наш мнимый понтифик связан со школой, о которой необходимо сказать пару слов: учитель Эжен Вентра (Илия) требует разъяснения нескольких понятий — после чего мы сразу же перейдем к мерзостям «Иоанна Крестителя» и прискорбной, но поучительной демонстрации обещанных разоблачений.

КАРМЕЛЬ ЭЖЕНА ВЕНТРА И НЫНЕШНИЙ ВЕЛИКИЙ ПОНТИФИК СЕКТЫ

*«...Мерзостное сообщество, облачающее
себя в лицемерную и показную добродетель».*

Е. С. Пий IX.

(Из послания, осуждающего секту Вентра,
10 февраля 1851 г.)

*«Они воздвигли алтарь демону нечисто-
ты и сделали его своим Богом».*

(Эпиграф к брошюре господина Гоццоли,
раскрывшего тайны Тилли-сюр-Сель)

*«На виду у всех, провоцируя всевозможные
проверки, творим мы дело жизни».*

(«Зов спасения» Иоанна-Крестителя,
стр. 22)

20 августа 1842 года исправительный суд Кана приговорил как мошенника к пяти годам тюремного заключения, ста франкам штрафа и возмещению судебных издержек³⁶⁵ основателя *Кармеля*, или *Дела Милосердия*: самого Илию, перевоплотившегося в лице рабочего-пророка *Пьера-Мишеля Стратанаэля*, по его «ангельскому» имени³⁶⁶, а по «простонародному» имени — *Эжена Вентра*.

Новый понтифик опротестовал этот приговор, который был, тем не менее, подтвержден, подав апелляционную жалобу в Кан (20 ноября 1842 г.) и кассационную — в Париж (3 июня 1843 г.).

³⁶⁵ Очевидно, мошенничество было традиционной «добродетелью» в Святом Кармеле; поскольку нынешний понтифик секты, об имени которого мы милостиво умолчим, также был приговорен по этой статье к трем годам тюремного заключения в конце периода Второй империи. Привести точную дату приговора и указать, какой трибунал его вынес, было бы равносильно тому, чтобы назвать имя самого человека. В конце концов, он был осужден и понес наказание.

³⁶⁶ Поскольку один из догматов секты приписывает людям до грехопадения ангельское происхождение, пророк щедро раздает имена на «эль» всем последователям *Кармеля*. Это окончание представляет собой фирменный знак учреждения. Надо полагать, что поименная статистика воплощенных ангелов представлена в Архивах Дела.

Впрочем, обвинение в мошенничестве было не единственным, которое ему предъявлялось. Просим вас обратить внимание на следующие строки аббата Констана: «У Вентра, которого члены его секты считали новым Христом, тоже были свои Искарיותы: два сектанта, некто Гоццоли и некий Александр Жоффруа, опубликовали гнуснейшие разоблачения. Если им верить, фанатики из Тилли-сюр-Сель (так называлась их резиденция) предавались самым непристойным обрядам; они совершали в своей частной часовне, которую именовали «большой горницей», кощунственные мессы, где избранные присутствовали в состоянии полной наготы; в определенный момент все начинали бурно жестикулировать и, заливаясь слезами, восклицали: «Любовь! Любовь!» и бросались друг другу в объятия; да будет нам позволено умолчать об остальном. То были оргии древних гностиков, во время которых, однако, не гасили свет. Александр Жоффруа уверяет, что Вентра посвятил его в своего рода молитву, заключающуюся в противоестественном акте Онана, совершаемом у подножия алтарей; но здесь разоблачитель говорит о слишком гнусных вещах, для того чтобы можно было поверить ему на слово»³⁶⁷.

Вскоре мы увидим, насколько обвинения, выдвинутые против Вентра, совпадают с обвинениями, предъявленными его преемнику. Даже «частная часовня» учителя напоминает «секретную молельню» ученика. Вот только первый даже в самом мрачном безумии сохранял возвышенный, непосредственный, восторженный и парадоксальный вид, к которому второй будет тщетно стремиться³⁶⁸.

Элифас Леви сомневается в последнем приводимом обвинении... Его осторожность понятна и делает ему честь, в виду отсутствия окончательных доказательств. Однако знаменитый маг знал о том, что 25 августа 1842 года Вентра писал Жоффруа (под его ангельским именем Иегораэль):

«Поклоняющемуся ангелу, милому Иегораэлю, окажу я помощью. Любовь навсегда соединит его с твоей жертвой...»³⁶⁹ (Загадка!)

И 6 сентября того же года следующие строки, которые кажутся менее «темными»; боимся, что теперь они слишком понятны:

³⁶⁷ *Hist. de la Magie*, pages 484—485.

³⁶⁸ См. стиль Вентра: часто нелепый, но всегда избегающий пошлости. Стиль же нынешнего понтифика одинаково мерзок и расплывчат.

³⁶⁹ *La France mystique*, par Alexandre Erdan, Coulon-Pineau, 1855, 2 vol. in-8, figures. Tome I, page 244.

«Мой горячо любимый Иего, когда любовь моя ищет твоей, всё во мне горит, и я рядом с тобою! Тогда погружаюсь я в океан пламени, коего каждая волна — кипучий вал. К нам нисходит небесное наслаждение, лишая нас чувств и избавляя нас от своей грубости; оно опьяняет нас святой и божественной негою»³⁷⁰.

Обычный язык пророка. Посмотрите, что он пишет графине д'*** (Доцедозлю) по поводу одного молодого юнги (Аззолетаэля), Ангела Тропиков, к которому знатная дама, очевидно, испытывала влечение — в Боге:

«Наш Аззолетаэль пылает любовью и мыслями; он прекрасен красотой гордого и робкого чистосердечия. Взор его глубок, подобно его прекрасной душе; сердце его — на его устах... Он любит тебя: в своих молитвах к Богу он нарицает тебя своею *воспламененною матерью*, а к Иисусу, в своей любовной мистерии (???), — своею евхаристическою сестрою». (9 ноября 1846 г.)³⁷¹.

«О чем рассказать тебе ныне, если не о событии, кое вновь *воспламенит твою возвышенную любовь к Ангелу Тропиков* (дословно!). Я испросил, чтобы мне позволено было читать в его сердце: и Глагол отвечал мне, дабы я прижал его к своему сердцу и *раздул его душу* (!!?). Я совершил сие, Доцедозль! Он упал, взывая о *пощаде* (теперь нам всё понятно): затем новая жизнь, *коя физически охватила наши главы* (*sic!*), стала его жизнью. Очи его мещут огонь; а небеса век его прячут молнии...» (14 декабря 1846 г.)³⁷².

Нам показалось вполне уместным напомнить об этих обрывках переписки, которые цитирует Александр Эрдан в I томе «*Мистической Франции*». Таким образом, читатель запросто проникает в тайные мистерии Кармеля, и, возможно, он обнаружит, что письма Понтифика вполне могли бы служить введением к письмам его духовного наследника³⁷³: две эти эпистолярные серии, по-видимому, взаимно разъясняют друг друга; они служат друг для друга очень пикантным и поучительным комментарием.

Впрочем, мы не можем скрывать того, что Эжен Вентра вовсе не был обычным самозванцем или же каким-нибудь вульгарным и извращенным фанатиком. Аббат Л.-Ф. Андре, клеймящий этого человека во имя религии и морали, признается, «что ему нельзя было отказать в подлинной гениальности и удивительной притягательной силе»³⁷⁴.

³⁷⁰ *La France mystique*, tome I, page 244.

³⁷¹ *La France mystique*, tome I, page 245.

³⁷² *La France mystique*. Ibid.

³⁷³ Холодные, взвешенные и догматичные, последние, похоже, хладнокровно излагают доктрину, живое применение которой предлагают первые — горячие и страстные.

³⁷⁴ *Affaire Rosette Tamisier, precedee d'une notice sur P.-M. Vintras et sa secte*. Carpentras, 1851, in-12, page 4.

Этот Вентра, один из самых поразительных медиумов, которых когда-либо проявляла великая «книга» сверхфизических сред, выстроил целый псевдомагический синтез, неогностический «винегрет», приправленный жеманным поклонением св. Деве и св. Иосифу: здесь сталкиваются и сочетаются возвышенное и комичное.

Примечательно, что этот безграмотный рабочий, внезапно застигнутый Духом, подобно альбигойским пророкам, сраженный благодатью и с тех пор преисполненный откровений под божественным влиянием — подобно переполненному кубку в лихорадочно дрожащей руке — за несколько лет сумел создать столь же объемное наследие, как «Сумма» Фомы Аквинского; наследие, в котором выделяются страницы, поражающие красноречием и интуицией, но утопающие в неудобоваримом ворохе пошлостей и нелепостей, какие только можно себе вообразить. Ему удалось повторить к своей славе знаменитые слова: *Plenus sum sermonibus*³⁷⁵ (поскольку он охотно говорил по-латыни, не зная ни одного слова этого языка). По справедливости, следует отметить, что его рукописи изобилуют цитатами из Отцов Церкви, схоластов, библейских текстов и т. д., и, как правило, точными ссылками, которые он заносил на бумагу наугад, не заботясь об их сверке. Свидетели его экстазов единодушно утверждают, что у него не было перед глазами никакой книги, когда он торопливо записывал свои бессвязные откровения.

Весьма любопытная в общем и целом, эта мешанина заслуживает изучения. Один только список произведений, из которых она состоит, занял бы несколько столбцов. Но еще больше число тех, что так и остались в рукописном виде.

Но наибольшую известность в уже значительном тогда кружке любителей чудесного принесли Вентра творившиеся вокруг него чудеса, и прежде всего, появление кровоточащих гостий повсюду, где он поднимался на алтарь.

Причудливые рисунки и неизвестные знаки появлялись в виде пурпурных литер на чистых еще несколько минут назад гостиях; отменное вино лилось в потиры перед многочисленными и непрерывно причащавшимися свидетелями; с картины, изображавшей снятие с креста, стекала живая красная кровь, к великому изумлению судей, которым было поручено расследование³⁷⁶; колокола звонили без посторонней помощи и т. д...

³⁷⁵ [ибо я] полон речами (Иов, 32:18).

³⁷⁶ Речь идет о деле Розетты Тамизье из Сен-Сатюрнен-лез-Апта (1850—1851). Мы воспроизводим портрет этой экстатической личности и эскиз чудодейственной картины, притягивавшей такое множество любопытных и паломников в часовню замка.

Мы не можем сомневаться в том, что Вентра был могущественным чудотворцем. Позвольте нам не повторять чрезвычайно любопытных, точных и полных подробностей о Пьер-Мишеле, которые аббат Констан приводит в своей *«Истории Магии»* (стр. 480—490) и, в особенности, в *«Ключе к Великим Мистериям»* (стр. 150, 166 и след.). Ничто так достоверно не установлено, как совершенная подлинность феноменов, за исключением медиумического, а отнюдь не небесного происхождения этих чудес.

Элифас не миндальничает с понтификом — и он прав.

Несколько лет назад наш выдающийся друг аббат Рока (решительно отвергая доводы анархической партии и не принимая догматов Вентра, он восхищался мощью и глубиной интуиции, которую этот странный пророк временами проявлял) передал нам четыре страницы, написанные рукой старого священника, бывшего одним из самых преданных сектантов из Тилли-сюр-Сель. Явно лживый рассказ о

(продолжение прим. 376)

10 ноября, 13 и 16 декабря 1850 года, когда Роза Тамизье молилась в часовне, картина покрывалась кровью. Эта таинственная жидкость (которую медики — в частности, д-р Клеман — проанализировали в пробирке и под микроскопом и удостоверили ее химическую и физиологическую подлинность), очевидно, сочилась из правого бока Спасителя. Г-н Грав, супрефект Апта, приехавший, чтобы прекратить то, что он считал «маскарадом», подтвердил чудо, произошедшее в столь очевидных условиях, что он подписал соответствующий протокол. Мэр и кюре Сен-Сатюрнена давно уже заявили, что убедились во всем сами. Другие представители власти, — муниципальные чиновники, капитан жандармерии и т. д., — равным образом констатировав реальность этого факта, подписали форменное свидетельство.

Когда феномен должен был вот-вот совершиться, колокол часовни, самопроизвольно качнувшись, притом что ни одна человеческая рука не касалась его веревки, призывал верующих удостовериться в чуде.

Эти же события повторились 19 и 21 декабря.

Волнение было огромным; люди приезжали издалека: паломники теснились на местных постоянных дворах, которые были постоянно переполнены.

В конце концов, вмешались епископальные власти, заявившие, что никаких чудес не было (разумеется, достаточно было того, что Роза Тамизье подозревалась в членстве в церкви Вентра, для того чтобы можно было упорно отрицать факты вопреки всей их очевидности). Одним словом, став жертвой религиозных интриг, Роза была арестована и предстала перед исправительным судом Карпантра. Несмотря на все усилия прокуратуры установить факт мошенничества и на давление, оказанное на свидетелей, так и не удалось обнаружить ни одной улики против «святой»: такое имя дала Розе фанатичная провинция. Трибунал, впрочем, безосновательно веривший в непорядочность этой бедной девушки, объявил себя неправомочным (судебное постановление от 3 сентября 1851 г.).

Невероятно! Основной довод Прокурора Республики для установления того, что имело место трюкачество, а не чудо, состоял в том, что в последнем наблюдаемом феномене кровь, говорят, текла снизу вверх, вопреки законам тяготения. Так, этот глубокий «логик» — положив в основу возможность чуда — сделал из этого факта, еще более поразительного, чем можно было предположить, вывод о том, что чуда быть не могло!

различных обстоятельствах, в котором сообщается о визите, нанесенном Вентра в мае 1861 году Элифасом Леви, — этот пасквиль зафиксировал так называемые «угрызения» мага, внезапно проникшегося божественной благодатью и признавшего Дело Милосердия самым возвышенным провиденциальным проявлением.

Внизу четвертой страницы читаем следующую приписку, сделанную рукой Каноника Рока: — «Прошу г-на де Гуайта проверить, дали Элифас Леви свою критическую оценку доктрине Кармеля до или после этой беседы, и не совпадает ли памфлет, о котором идет речь и который осуждает сам Элифас (!), с данной оценкой в том виде, в каком она представлена в его сочинениях. Этот вопрос для меня очень важен».

Теперь, когда Элифас мертв, очень просто вложить в его уста любые слова.

К несчастью того, кто поведал об этой знаменитой встрече, «Ключ к Великим Мистериям», где Вентра был мастерски раскритикован, увидел свет в том самом 1861 году, когда аббат Констан, будучи проездом в Лондоне вместе со своим польским учеником графом Враницким, не устоял перед соблазном показать ему пророка: они оба пошли к Вентра. Кроме того, аббат Рока может прочесть на странице 203 «Науки Духов», вышедшей в 1865 году, следующую решающую фразу: «Голос слышится из стены; он говорит с нами. Мы не знаем, откуда он исходит. «Это святой Михаил!» — говорит бедняга Вентра. «Это Дьявол!» — восклицает злобный г-н де Мирвиль, который возмущается, когда его называют добрым, и оба пишут толстые книги. Но что же говорил этот голос? — Банальности, и тогда это не святой Михаил; пошлости, и тогда это не Дьявол».

Трудно выразиться более определенно; но мы можем предложить нашему другу, аббату Рока, еще более «убедительные» доказательства.

В 1886 году мы «откопали» в книжном магазине Балье, что на набережной Великих Августинцев, 53, экземпляр «Меча над Римом и его пособниками» (*Glaive sur Rome et ses complices*, Londres, Dulau, 1855, in-8). Этот том, один из самых хвалебных, написанных Вентра, принадлежит к оккультной библиотеке Элифаса Леви. Его поля исписаны весьма любопытными собственноручными примечаниями мага. На форзаце мы читаем десять стихотворных строк, также написанных рукой Элифаса; мы считаем их неопубликованными и с удовольствием впервые знакомим с ними читателей³⁷⁷.

Что вы на это скажете, мой дорогой аббат? Прошу вас принять во внимание дату: 1864 год. Вот как Вентра «обратил» в 1861 году Констан!

³⁷⁷ Поскольку Элифас является, на наш взгляд, одним из величайших умов XIX столетия, мы не хотим упускать чудесной возможности представить интересующимся образец его почерка.

C'est ici le vieux vêtement
 Que revêt un homme en deuil
 C'est ici le bouillonnement
 D'un vin dont l'outre se déchire
 C'est Bêlzebuth en oraison
 Bête prêchant la raison
 C'est l'Écriture et les miracles
 C'est la pierre dans un tentier
 C'est le ciel dictant ses oracles
 Avec des phrases de portier
 1864 — Eliphas Lévi

Вам нужны еще доказательства? Я могу, для вашего личного просвещения и в назидание всем оккультистам, выбрать некоторые заметки на полях, которыми Элифас испещрил эту книгу. Они довольно пикантны и заслуживают быть напечатанными.

На нескольких страницах Введения стоит одобрительное замечание: Хорошо. — На стр. 1 следующая фраза: Здесь начинается галиматъя. — Стр. 11 и 12: Кошунство, невежество, глупость и бред... Эта сатира на самый прекрасный из всех культов отвратительна и глупа. — На стр. 17, где автор говорит о «роскошных треножниках», на которых горят «дезинфицирующие средства», Констант посмеивается на полях: Камфара и карболка. — Стр. 23: Дурацкая ярость, вызванная догматом, который он сам же провозгласит. — На стр. 36, где Вентра говорит о том, что «Господь не прибегал ни к каким молекулам» для сотворения мира, читаем на полях: О, мсье Прюдом!.. *Ex nihilo nihil*³⁷⁸. — Стр. 37: Двойная галиматъя. — Стр. 179: Сплетни причетника. — Стр. 215: Если бы это лучше написать, было бы очень красиво.³⁷⁹ — Стр. 249: Какое мерзкое безумие! — Стр. 290: Проза, написанная белыми стихами... Это не стиль (style), это вязнет в зубах (scie). — Когда Вентра восклицает (на той же странице): «Жизнь пророков, принадлежащая всем,

³⁷⁸ «Из ничего — ничто» (лат.).

³⁷⁹ Как видим, никакого предубеждения.

поистине тяжела только для них самих», Элифас делает подчеркивание и отмечает, что *их проза тяжела для других!* Когда Вентра заклинает «Предвечного, рожденного от Бога (*ne de Dieu*) (*sic*)», Элифас восклицает, как подлинный *enfant terrible*, которым он иногда бывает: *Нос Божий! Ч[ерт] возьми!* (*Nez de Dieu! N... de Dieu!*). — На стр. 296 он добавляет: *Нет ничего более отвратительного, чем эти наброски (ebauches) или, скорее, излишества (debauches), сакральных поэм и эти белые стихи, поистине трупные, которые сморщиваются и сплющиваются, как плохо законсервированные зародыши.* — Стр. 302: *Как он ненавидит священников, этот лжепонтифик гордыни и безумия!* — Стр. 304 представляет следующее тонкое суждение: *В этой галиматье есть свои красоты: это как солнечный свет, пробивающийся сквозь грязное оконное стекло!* — Вентра пророчествует (стр. 320): «Вы узрите имя Иезекииля на его челе»; Констан метко парирует: *и тирады в его прозе.* — На стр. 325 (это весьма любопытно) Элифас написал: *портрет автора*; и вот что мы там читаем: «Скоморохи, которые всю свою жизнь строят из себя великих людей и растрачивают приступы своего тщеславия и пот своей гордыни на то, чтобы разыгрывать небесные сцены, притом, что они не могут скрыть от взора тех, кто пристально на них взирает, свое бесовское сердце и душу...» — Стр. 335: *И этот человек обвиняет священников в недостатке милосердия! Эта страница гнусна и нечестива.* — Стр. 336 (*in fine*³⁸⁰): *Отсылка к Раулю Риго*³⁸¹. — На стр. 337 подпись «Петр (Pierre) Господень» разжигает остроумие гавроша, свойственное Констану: *скажи лучше: адский Петр, и все равно это было бы слишком нескромно: ты всего лишь Пьеро Дьявола.* — Стр. 352 (*in fine*): *Жемчуг в навозе.* — Стр. 364: *Безумнее и спесивее Симона-волхва!* — Стр. 368: *Довольно верное представление о Дьяволе.* — Стр. 429 (*in fine*): *Это правда, но зачем тогда оскорблять папу?* — На стр. 442 Вентра восклицает: «Никакой слепой веры!» Его оппонент довольно находчиво осаживает его: *Так отчего же ты хочешь, чтобы мы верили, будто ты — Илия и будто с тобой говорил св. Михаил?* и т. д.

Ну, и что вы на это скажете, мой дорогой каноник? Не находите ли вы категоричным ответ ученика Элифаса на пасквиль ученика Пьер-Мишеля?..

Нам очень хотелось очистить память о великом маге от подобного подозрения в позорном раскаянии. Выполнив этот долг, мы охотно констатируем факт, который нельзя отрицать: речь идет о вторжении повсюду, где проживал Вентра, подлинного «вихря» безумия, увлекавшего за собой всех: людей, зверей и даже неодушевленные предметы; искореняя самые прочные убеждения, тревожа самые прекрасные умы и отвращая от католической веры самых суровых и опытных Богословов³⁸².

³⁸⁰ в конце (лат.).

³⁸¹ Это примечание, которое, по-видимому, относится к казни заложников повстанцами Парижской коммуны (1871 г.), могло бы навести на мысль, что Элифас Леви (умерший в 1875 г.) записал эти критические суждения, или, по крайней мере, некоторые из них, намного позже того времени, когда запечатлел свое десятистишие на форзаце. Вот отрывок, к которому относится это примечание: «Ливрея придворного, что краснеет на бледной и черной груди антипонтифика Нансийского и Тульского, не послужит ему щитом против ангела-губителя; тогда будет спрятан золотой крест, но увы, он никогда не станет крестом пощады». Не будем забывать, что эта фраза, напечатанная в 1855 году, оказывается, в конечном счете, удивительно пророческой.

³⁸² Несомненно, исходя из этого общего правила, автор фантастического пасквиля, о котором только что шла речь, бесовестно вкладывает в уста Элифаса следующую невероятную фразу: «Мне часто говорили: «Не встречайтесь с Пьером-Мишелем, потому что он вас соблазнит»; уверяю вас, что я полностью покорен!»

Г-н Мадроль, знаменитый и весьма красноречивый богослов, и аббат Шарво, кюре Монлуи-ле-Тур — далеко не единственные скандальные изменники католической партии. Аббат Ж.-Ф. Андре, автор «Дела Тамизье» (*Affaire Tamisier*, Carpentras, sept. 1851, in-12, fig.) в ужасе рассказывает: «Мало-помалу, — пишет он, — одна из самых соблазнительных сект, которые когда-либо появлялись, проникала повсюду, словно рак. Уважаемые люди и почтенные духовные лица пьянели от опасной чаши. Аббат Леопольд Байяр из нансийской епархии увлек за собой огромное число прозелитов. Мистическое общество породило всех мнимых святых-носителей кровавых стигматов — сегодня их насчитывается во Франции более трехсот — видения, привидения, происшествия с Беельзебутом, Бегемотом и множество других вещей» (стр. 5).

И далее: «Магнетическое влияние *Органа* безгранично; одним словом, он потрясает умы» (стр. 7).

Герцог Нормандии — другими словами, Наундорф, считавший себя Людовиком XVII — тем легче был обращен в новую секту, что его вступление в нее было небескорыстным. Пророк предсказал ему, что Господь посадит его на французский престол и что он станет *Великим Монархом*.

Дело в том, что в священной конторе «Илии» имелась также степень «Великого Монарха». Помимо *ангельских имен*, присваиваемых каждому избранному в Кармель, и помимо *министерств*, наделявших каждого духом и достоинствами какого-либо персонажа Священного Писания (Авраама, Мелхиседека, Даниила, Илии, Иоанна Крестителя и даже Иосифа и св. Девы), в Деле Милосердия было также великое множество титулов, званий, фамилий, имен, прозвищ и т. д., от которых просто кружится голова. Известно, что лжемистикам нравится отличать себя прославленными именами:

Регалий не бывает слишком много.

Одним словом, не пытаюсь составить даже набросок классификации, какой бы общей она ни была, я приведу вперемешку несколько «илийских» титулов. В начале следует назвать великую героиню Кармеля — *Жанну Спасения*, которая «введет Великого Монарха» (*sic*). Есть еще три мистических Жанны: *Жанна Кнута*, изгоняющая бесов; *Жанна Звезды*, чья роль — указывать дорогу к *Маризиаку*; и, наконец, *Жанна Лилии*, чья миссия — соединяться в чистой любви с величайшими святыми. Есть также три *Жозефины*. Затем идут *понтифики Сердечного и Святого Излияния, Сердечного и Святого Единения, Благоразумия, Поклонения, Мудрости, Возрождения* и т. д. Наконец, категории душ, которые пророку удалось разделить по их ангельскому происхожде-

нию: *Мечники (sic), Богородичники, Обетники, Одаряемые...* Это лишь несколько образчиков священного каталога *Сынов Милосердия*. Надеюсь, вы избавите меня от перечисления остальных...

Достаточно сказать, что св. Дева проживает в Лоше, а Мелхиседек каждый вечер приходит выкурить сигару на мост Гийотьер.

В наше время нам известно довольно сведений об Эжене Вентра и его секте, для того чтобы мы могли обратиться к учению и делам бесчестного колдуна, называющего себя преемником этого великого авантюриста в области таинственного.

Задача, которую я беру на себя как член Ордена Розы+Креста, столь же печальна, сколь и омерзительна; но я считаю ее выполнение своим долгом.

Не записал ли Каббалистический орден Розы+Креста³⁸³ в начале своего конкордата миссию, которую он признает и провозглашает, по борьбе с колдовством повсюду, где он встречает его на своем пути, по разрушению его деяний и уничтожению его результатов?

Братья клятвенно обязуются преследовать адептов Гоэтии, так называемых *магов*, чьи невежество, злоба и смешные черты позорят наши тайны и чья двусмысленная позиция, равно как и возмутительные доктрины, порочат всемирное Братство высшей и божественной Магии, на славную принадлежность к которому они бесстыдно претендуют.

Поскольку у них хватает наглости называть себя одними из нас, у нас хватит смелости сорвать маски благочестивой добродетельности, в которые они рядятся, и, разоблачив их перед миром во всем их скрытом уродстве, выставить их на самое видное место:

Мы приговорили их ко крещению светом!

И пусть не говорят нам о христианской снисходительности и милосердии: нам наверняка неостанет их, если мы позволим этим Сатанистам спокойно дурачить новых жертв и расширять чумной поток всевозможных мистических мерзостей!

И пусть нас не обвиняют в преувеличении: мы будем сдержанны!

И пусть нас не подозревают в клевете: клеветники имеют обыкновение называть по имени того, на кого они доносят, а сам их донос остается анонимным: что же касается нас, то мы, наоборот, не называем настоящего имени одного гнуснейшего адепта гоэтии; но при этом безбоязненно подписываемся собственным:

Станислас де Гуайта

³⁸³ Каббалистический орден Розы+Креста не следует путать с Католическим третьим орденом Розы-Креста, недавно учрежденным Жозефом Пеладаном. Между ними нет никакой связи.

Так пусть же нечестивый понтифик не снимает «домино» псевдонима: мы не позволим ему надеть другой маскарадный костюм.

Наша цель не в том, чтобы заклеить позором некоего человека, каким бы подлым и преступным он ни был. Наша цель — изобличить перед инквизицией общественного презрения мерзостную доктрину, соблазнившую, увы, слишком много простодушных людей... Наша цель — смутить постыдную секту³⁸⁴, которая насчитывает сегодня слишком большое число, как правило, заблудших прозелитов и почти всегда безответственных приверженцев...

Нынешний последователь Эжена Вентра, называющий себя духовным наследником пророка, продолжателем его миссии и преемником его верховного понтификата³⁸⁵ — это шестидесятилетний поп-расстрига, доктор богословия и в недавнем прошлом один из «светочей» казуистики.

Подобно тому, как Вентра считал себя воплощением самого знаменитого наби Израиля и подписывался именем Илии, его ученик

³⁸⁴ Не следует думать, что Кармель «Иоанна Крестителя» — эта разновидность мистического дома терпимости — представляет собой единичный факт, аномалию в современной истории религиозных сообществ.

На стр. 183 замечательного произведения д-ра Жибье «Анализ вещей» мы читаем, что «некоему талантливому английскому писателю... удалось основать на Востоке общину, в которой оказалось некоторое количество английских и американских девушек и женщин из хорошего общества.

Община (продолжает автор) имела и по-прежнему имеет в тот самый момент, когда я это пишу, приверженцев обоих полов в Европе и даже в Париже и в Америке; я знаком с некоторыми из них. Так вот, за набожностью и рафинированным мистицизмом адептов скрывались и по-прежнему скрываются самые отвратительные и непристойные обряды, возведенные в принцип и в культ *ad maiorem Dei gloriam* (лат., «к вящей славе Божией»).

После смерти лжепророка его ученики готовились распространить, с помощью секретных посвящений, учение, доверенное им в тайне и после принятия мер предосторожности, о которых нетрудно догадаться; отряд из молодых людей обоего пола, в том числе женатых и замужних, готовился отправиться на Ближний Восток, когда у одной юной неофитки этого нового онанистического Приапа на время открылись глаза: чары внушения были разрушены. С огромной самоотверженностью она сделала всё возможное для того, чтобы исправить содеянное зло и не дать ему совершиться вновь. Благодаря ей сегодня сообщество постепенно распадается».

³⁸⁵ Нужно добавить, что, по правде говоря, наш иерофант — лишь *схизматический* Верховный понтифик *Кармеля Илии*. Большая часть кармельских церквей откололась от него в разное время и под различными предлогами; подавляющее большинство Понтификов формально отреклось от него...

В данных обстоятельствах нам представляется более благоразумным не обобщать наши обвинения, и хотя любое наследие, исходящее от Вентра, по праву кажется нам весьма подозрительным, *наше утверждение относится только к «Иоанну Крестителю» и его школе.*

кичится тем, что служит воплощением предтечи христианской веры и охотно подписывается: «Иоанн Креститель»!

Случается также, что, убежденный в столь удобном принципе «духовных союзов», он ипостатически сливается с другими персонажами и подписывается: «Иоанн Креститель», «Илия», «Гавриил», «Даниил», «Авраам»...

Он больше не человек: он — воплощенная «консистерия»!

«Иоанн Креститель» был осужден в начале 1887 года как колдун и создатель нечестивой секты трибуналом инициатической чести, тайно учрежденным для ознакомления с его деяниями и учением.

Этот приговор, приведший к обнародованию некоторых документов, был тотчас объявлен ему в письме г-на Освальда Вирта, датированном 24 мая 1887 года. Виновному давалось время на размышления и раскаяние... Но, несмотря на предупреждение, он продолжал вербовать прозелитов и жертв.

Итак, сегодня мы разоблачаем часть его темных деяний, хотя и *не клеймим позором его имя*. Достаточно, чтобы в будущем возможные жертвы его обмана были начеку.

Нельзя сказать, что эта личность совершенно неизвестна в мире оккультистов. Дабы избежать оглашения его имени, обозначая его таким образом, чтобы его без труда могли узнать все те, кого он впредь попытается соблазнить, мы присвоим ему псевдоним «доктор Креститель». Кроме того, желая полностью придерживаться католической традиции строгого отношения к деяниям, не говоря уже о сдержанности по отношению к личностям, мы будем хранить молчание вплоть до того места, где, собственно, возвышается Кармель обвиняемого «понтифика». Ограничимся лишь тем, что этот «догмотворец» проживает в одном из крупных городов Франции.

Дело доктора Крестителя было очень старательно и тщательно расследовано. Объемистые досье³⁸⁶ с показаниями, уликами и вещественными доказательствами сданы в архивы братства Розы-Креста; если их опубликовать, то они без труда заполнили бы два тома in-folio...

³⁸⁶ Эти досье, находящиеся у нас в руках, в частности, включают в себя: 1) коллекцию собственноручных писем понтифика (более 1500 страниц формата in-4 и in-8): переписка с мадемуазель Марией М..., Освальдом Виртом и Рене Калье; 2) великое множество брошюр, большая часть из которых — рукописные или написанные рукой самого автора, некоторые — напечатанные; 3) сорок с лишним страниц in-4 показаний мадемуазель Марии М..., скрепленных подписью г-на Вирта; 4) несколько писем, написанных на наш собственный адрес, равно как и на адрес наших друзей; 5) справки о Крестителе различного происхождения; 6) книги и рукописи о жертвоприношениях и «литургии Илии» и т. д...

Почти все письма, осуждающие доктора, написаны *его собственной рукой и подписаны им самим*; другие принадлежат перу г-на М... (великодушного хозяина, оказывающего ему гостеприимство по шотландскому обычаю), но снабжены приписками доктора. Мы располагаем *оригиналами* всех этих писем. Так что любая ошибка исключена.

Это означает, что мы сможем привести лишь небольшие отрывки из них; но, по крайней мере, мы постараемся выбрать самые показательные и убедительные.

Вначале давайте уточним, в чем же состоит великий аркан Кармеля, его постыдная и несправедливая тайна. А затем приведем доказательства на основе подлинных документов... Этот метод представляет большое преимущество: он сразу же избавит нас от пояснительных комментариев к каждой строке наших цитат; войдя в курс дела, читатель поймет всё без усилий.

Мы уже видели, что человек, чьим преемником называет себя доктор, вовсе не был «первым встречным» ни как чудотворец, ни как мистик.

Проницательная интуиция позволила Вентра проникнуть в некоторые тайны, понятие о которых он затем извратил, вырядив их, по воле своего болезненного воображения, в самую невероятную мишуру, и сектант глубоко постиг закон *биологической градации*, который, плотно смыкая между собой все звенья минерального, растительного, животного, человеческого, небесного и духовного существований, заставляет подняться из бездн материи (где коснеет в бессознательности самый ничтожный инстинкт) непрерывную и поступательную цепь универсальной жизни, возносящуюся из одного царства в другое, из одной сферы в другую и из одной иерархии в другую, чтобы, наконец, подойти к подножию самого престола Единства.

Вентра плохо понимал механизм *Инволюции*, или нисхождения (путем деления) Духа в Материю; но, я повторяю, представляется несомненным, что он понял механизм отражательной *Эволюции*, или синтетического возвращения падших духовных дольных единиц, которые, освобождаясь с помощью последовательных усилий от материальных пут, реинтегрируются в лоно небесного Единства, носящее имя вечного Слова.

Установив это, мы поймем, что дело спасения, согласно учению Кармеля, состоит в следующем:

1. В *Индивидуальном искуплении*, которое есть не что иное, как восхождение человеческой монады, эволюционирующей через этапы неограниченного прогресса вплоть до полного восстановления этой монады в лоне Матери-единства, откуда она некогда эманировала;

2. В том участии, которое принимает каждый в *Коллективном искуплении*, оказывая содействие другим адамическим монадам (будь то человеческим или стихийным — то есть пока еще не развившимся до

человеческой стадии), с целью «заставить их подняться, ступень за ступенью, по восходящей лестнице жизни» и, в конце концов, взять их вместе с собой в собственном взлете к Единству.

Эти взгляды верны; но посмотрим, каким образом «доктор Креститель» применяет подобные ортодоксальные принципы к религиозной онтологии, морали и, в особенности, к отправлению «илийского», или неохристианского культа.

Верховный и тайный догмат Кармеля, в том виде, в каком мы его здесь раскрываем, потенциально вытекает из первоначальной доктрины Эжена Вентра; «Иоанн-Креститель» всего лишь полностью его развил. Этот доктор логичен; в своем роде его можно даже считать серьезным богословом³⁸⁷. Хотя он не обладал гениальностью своего учителя, ему всё же удалось сделать из выдвинутых последним посылок самые крайние выводы.

Как бы то ни было, нам кажется бесполезным обсуждать здесь ответственность, которую можно приписать каждому из них. Нам безразлично, как далеко пошел Вентра-Илия. Остановился ли он там, продвинулся ли его ученик сюда — мы не можем задерживаться на этих различиях, не представляющих для нас интереса. Мы изложим «кармельскую доктрину» в том виде, в каком ее преподносит «доктор Креститель»: под присягой полной конфиденциальности. Мы изобразим обряды его Церкви в том виде, в каком совершают их его приверженцы: в самой нерушимой тайне.

Итак, илийский кармель признает искупительное восхождение существ — от самого ничтожного до самого славного — по поступательной лестнице жизни.

Это восхождение, как мы уже сказали, может быть понято с двух точек зрения: индивидуальной и коллективной.

Следовательно, каждый должен: 1) трудиться ради собственного восхождения; 2) участвовать в меру собственных сил во всеобщем восхождении существ.

Но каким образом? И за что нужно взяться в первую очередь? Установим принципы.

Согласно абсолютному правилу, *каждый может дать только то, что у него есть*.

Значит, прежде чем дать, нужно сначала приобрести: необходимо самому «*онебеситься*», прежде чем стремиться помочь своему ближнему облечься в небесную природу.

³⁸⁷ Говорят, он некогда слыл одним из учителей экзегезы.

человеческой стадии), с целью «заставить их подняться, ступень за ступенью, по восходящей лестнице жизни» и, в конце концов, взять их вместе с собой в собственном взлете к Единству.

Эти взгляды верны; но посмотрим, каким образом «доктор Креститель» применяет подобные ортодоксальные принципы к религиозной онтологии, морали и, в особенности, к отправлению «илийского», или неохристианского культа.

Верховный и тайный догмат Кармеля, в том виде, в каком мы его здесь раскрываем, потенциально вытекает из первоначальной доктрины Эжена Вентра; «Иоанн-Креститель» всего лишь полностью его развил. Этот доктор логичен; в своем роде его можно даже считать серьезным богословом³⁸⁷. Хотя он не обладал гениальностью своего учителя, ему всё же удалось сделать из выдвинутых последним посылок самые крайние выводы.

Как бы то ни было, нам кажется бесполезным обсуждать здесь ответственность, которую можно приписать каждому из них. Нам безразлично, как далеко пошел Вентра-Илия. Остановился ли он там, продвинулся ли его ученик сюда — мы не можем задерживаться на этих различиях, не представляющих для нас интереса. Мы изложим «кармельскую доктрину» в том виде, в каком ее преподносит «доктор Креститель»: под присягой полной конфиденциальности. Мы изобразим обряды его Церкви в том виде, в каком совершают их его приверженцы: в самой нерушимой тайне.

Итак, илийский кармель признает искупительное восхождение существ — от самого ничтожного до самого славного — по поступательной лестнице жизни.

Это восхождение, как мы уже сказали, может быть понято с двух точек зрения: индивидуальной и коллективной.

Следовательно, каждый должен: 1) трудиться ради собственного восхождения; 2) участвовать в меру собственных сил во всеобщем восхождении существ.

Но каким образом? И за что нужно взяться в первую очередь? Установим принципы.

Согласно абсолютному правилу, *каждый может дать только то, что у него есть*.

Значит, прежде чем дать, нужно сначала приобрести: необходимо самому «*онебеситься*», прежде чем стремиться помочь своему ближнему облечься в небесную природу.

³⁸⁷ Говорят, он некогда слыл одним из учителей экзегезы.

Значит, коллективное восхождение подчиняется индивидуальному, которое является первым долгом³⁸⁸.

Но как исполнить этот долг? Мы подходим к великой тайне Кармеля.

Эдемское грехопадение осуществилось путем акта греховной любви; поэтому Искупление может и должно производиться путем актов религиозной любви.

Н.В. «Доктор Креститель», буквально понимая хитроумную аллегорию из Талмуда (воспроизведенную в книге «Зогар»)³⁸⁹, учит, что человечество выродилось в результате двойного прелюбодеяния: в лице Адама, оскверненного ласками Лилит, и в лице Евы, обещенной поцелуем Самаэля. Так, телесная жизненная сила первой пары была отравлена в самом своем истоке примешавшейся к ней «закваской» вожделения... Доказательство этого — карательный приговор, оглашенный Всевышним. Не сказал ли Он женщине: *«В болезни будешь рождать детей»*? Так, Ева была наказана, согласно пословице — и в буквальном смысле — *тем же*, чем она согрешила.

Продолжим наше изложение кармельской Доктрины.

Вечный символ соединения полов, восстанавливающего андрогинат (который был эдемским состоянием) — само Древо Познания Добра и Зла.

Это ключ к восхождениям, равно как и к вырождению.

Правильное или извращенное намерение обожествляет соединение полов или же отмечает его адским стигматом; последствия этого акта, в зависимости от случая — жизнь или смерть. Анормальное или противоречащее законам святости любовное соитие представляет собой гнусное и позорное преступление; нормальное же и соответствующее этим законам³⁹⁰ — служит для человека единственным путем восстановления исконных прав его природы: это *Таинство из таинств*.

Стало быть, сексуальное сближение может осуществляться в *инфернальной* (как в земном раю, где совершилось грехопадение Адама-Евы) или же в *небесной форме* (как его практикуют в святом Кармеле, само название которого означает: *плоть, вознесенная в Боге*).

³⁸⁸ Из этого принципа делается вывод о том, что необходимо очиститься, перед тем как предаваться животворящим актам (см. ниже).

³⁸⁹ Аллегория, изложенная в гл. I, стр. 72.

³⁹⁰ Мы вскоре увидим, что эти законы удивительно гибки.

«Доктор Креститель» и его приверженцы любовно соединяются на всех планах и с существами всех иерархий: 1) с высшими духами и с избранными земли, для того чтобы «онебеситься», самим обрести добродетели и *взойти*³⁹¹ индивидуально; 2) с непосвященными и с низшими, стихийными и животными духами, с целью «онебесить» эти бедные падшие натуры и сделать их причастными обретенным добродетелям, наконец, чтобы заставить их подняться, ступень за ступенью, по восходящей лестнице жизни.

«Иоанн-Креститель» называет это *Правом прокреации*, сакральной привилегией, которую он считает возвышенным уделом посвященных в Святой Кармель.

Все царства природы открыты для неопита, который наделяется, в силу вступления в эту религию, уполномочивающим правом прокреации: отныне его роль состоит в том, чтобы поднимать все существа в процессе эволюции по лестнице универсальной природы. Он сполна пользуется *священной свободой чад Божиих*³⁹².

Без *соитий* — нет спасения. Все мужчины в секте обладают всеми женщинами, и наоборот. Этот любовный коммунизм составляет неотъемлемую часть религии: алтарь — это ложе; священный гимн — песнь вселенской эпиталамы; поцелуй — священнический акт, распространяющийся на все существа: он множится, распускаясь, подобно живучему цветку, по всем концентрическим сферам видимой и невидимой Натуры.

Мы повторяем, что задача поставлена следующим образом: 1) сочетаться любовью с высшими существами, с эгрегорами светящихся иерархий, с избранными святыми, чтобы вознестись самому: и это *соитие мудрости*; 2) сочетаться любовью с существами низшей природы, со стихийными духами, с *человекоживотными*, чтобы вознести их вместе с собой: и это *соитие милосердия*.

Главное — поднимая их по лестнице, не спуститься по ней самому...

Мы видим, к чему приводит эта доктрина в области морали и религиозной социологии: 1) к неограниченному промискуитету и всеобщему бесстыдству; 2) к прелюбодеянию, инцесту и скотоложеству; 3) к инкубизму и, наконец, к онанизму... возведенным в акты, присущие культу, похвальные и священные.

³⁹¹ Мы сказали бы *подняться*, если бы не хотели представить публике образец лексикона, употребительного в Кармеле. С этими «докторами» необходимо привыкнуть к всевозможным сюрпризам.

³⁹² Эта свобода — право избранных; но далее определенно говорится о том, что право неопита — это право избранного. Надо полагать, что возможно «ученичество»?

Такова догматическая основа этой религии, чей храм оказывается сакральным домом терпимости и чей искупительный крест выступает в качестве лингама из плоти и крови!

Многочисленные выдержки, которые мы собираемся привести и чью совершенную подлинность³⁹³ мы удостоверяем собственной честью, выявят некоторые фундаментальные догматы Кармеля, связанные с правом прокреации — центральной осью, вокруг которой всё вращается: упомянем, между прочим, о любопытной теории *блаженных тел*.

Теперь читатель в состоянии всё понять; наши объяснения ему больше не нужны. Впредь наша роль будет заключаться, главным образом, в сопоставлении текстов. Слово возьмет сам Понтифик; и сам же себя выдаст.

Но перед тем как перейти к выдержкам, нам необходимо отчитаться перед публикой о тех обстоятельствах, благодаря которым к нам в руки попали все эти вещественные доказательства; читатель должен осознать их бесспорную подлинность, ценность и значение.

Когда мы встретились с понтификом Кармеля на своем пути исследователя оккультного, он откровенно выдавал себя — никто не сказал бы «бесстыдно» — за адепта самых высоких степеней, наследника мастеров каббалистической мудрости. С самого начала ни о каком Вентра речь не шла. На устах Крестителя была лишь «ортодоксальная традиция божественных наук».

Какое-то время мы верили в его честность, как верили в нее некоторые из наших собратьев, получивших то же посвящение, что и мы, и в это же самое время вступивших в контакт с доктором. Что касается его посвящения, то оно вскоре внушило нам особое недоверие. Человек по-прежнему казался нам искренним, несмотря на то, что мы разочаровались в нем как адепте; по нашему мнению, он обманывал самого себя. И даже теперь, когда эта особа хорошо известна нам со стольких достойных сожаления сторон, у нас остаются некоторые сомнения на этот счет. Конечно, у него бывают минуты слабости, когда он восклицает: «Ну, почему же Господь не подтвердит моей миссии»³⁹⁴ хотя бы малейшим знамением? Ведь у меня нет ничего, абсолютно ничего такого, что могло бы служить доказательством моей великой миссии». Но в другие минуты он строит иллюзии и лезет из кожи вон, и мы считаем вполне возможным, что он начинает верить в свои познания, в свою *миссию* и в свой адептат.

³⁹³ Когда возможны малейшие сомнения, мы поспешно обращаем на это внимание.

³⁹⁴ Dossier n° 4. Deposition de Mlle Maria M..., supplement, page 43.

По причине этих сомнений нам кажется уместным умолчать о его имени и даже о названии города, где он проживает. Мы бы не оказывали такого уважения безусловному шарлатану, обыкновенному самозванцу. Он, конечно, заслуживает все эти эпитеты по многим соображениям; но, быть может, его душу лжепророка изредка озаряет свет искренности...

Пока наши отношения ограничивались обменом письмами, всё шло хорошо. «Миссионер Божий» отделялся уловками, собственными языку некоторых мистиков: напыщенному, путаному и беспредметному, иносказательному и благочестивому, часто загадочному и всегда многословному. Когда оперируешь общими понятиями и избегаешь любых споров о деталях, проще не выдать своего невежества. Впрочем, не говорили ли мы о том, что он владеет элементарным образованием и даже является, по его мнению, вполне сносным богословом?

Одним словом, если в то время у нас еще оставались какие-либо сомнения, то они быстро рассеялись, когда у нас появилась возможность увидеть пророка и поdiskутировать с ним. Его беседа не выдержала «экзамена»³⁹⁵. Он явно избегал твердой почвы спора. Прижатый к стенке, он ссылался то на невозможность обсуждать подобные темы в беспорядочном разговоре, то на сдержанность, которую диктовали ему осторожность и таинственные традиции его школы. В конце концов, он признался нам, что является преемником Эжена Вентра; должно быть, мы подавили некую ужасную гримасу, потому что он принял во внимание наше отвращение, добавив, «что можно найти общий язык в иной области — традиционного оккультизма». Мы тотчас засвидетельствовали ему свое удовольствие, которое доставило нам это заявление, поскольку Вентра был хорошо нам известен и мы никогда не могли бы приветствовать авторитет подобного рода.

Тем не менее, у нас в голове зародились серьезные подозрения. Два адепта секты, которых мы осторожно расспросили, выдали некоторую информацию о постыдных арканах... Желая узнать больше, мы приложили все усилия для того, чтобы добиться новых признаний. Самые серьезные откровения мы слышали несколько дней спустя лично от

³⁹⁵ Когда он интерпретировал, «согласно откровению Свыше», символы, составляющие подробную Пентаграмму (как ее дает Элифас Леви), мы однажды заметили Крестителю, что он переводит как «Духи воды и Духи огня» два «знака», которые были просто-напросто именами *Адама*, אָדָם, и *Евы*, חַוָּה, записанными по-древнееврейски. Нисколько не смутившись, он дал нам следующий памятный ответ (у нас сохранилось его письмо): *Вы совершенно правы в философском смысле; но с точки зрения смысла божественного Порядка, я, со своей стороны, не менее прав!*

хозяина дома, где жил пророк, braveго и достойного старика, сбитого с толку искренней верой в сомнительный мир: он посвятил нас в тайны, всей серьезности которых абсолютно не понимал. Покидая город Х..., мы были весьма насторожены характером этой особы, если не сказать «хорошо осведомлены» о ней.

Именно тогда начали стремительно развиваться непредвиденные события, в которых был непосредственно замешан «доктор Креститель» и первым результатом которых было обнаружение, с одной стороны, его самонадеянного невежества, а с другой — его суетной дерзости и холодной извращенности. Его душа была разоблачена, равно как и его дух: они раскрылись одновременно, отмеченные учетверенным стигматом, служащим самой сигнатурой Сатаны: гордыня, бессилие, глупость, зависть.

Это было в феврале 1887 года. Вемским трибуналом было начато следствие. Это судебное разбирательство не подлежит контролю общественности, но настоящие разоблачения способствуют приведению в исполнение приговора, который был тогда вынесен.

Достаточно сказать, что один из членов нашего Ордена Розы+Креста (старший по Парижу, посвященный 2-й степени), г-н Освальд Вирт, передал нам обширную корреспонденцию, снимающую последние сомнения относительно тайн Кармеля.

Г-н Вирт познакомился с доктором в августе 1885 года, при посредничестве одной своей подруги из Шалона, еще недавно яркой последовательницы Кармеля, мадемуазель Марии М... Между ними завязались отношения; корреспонденты обменялись многочисленными письмами.

Настороженный, с одной стороны, неким наполовину секретным признанием, сорвавшимся с языка мадемуазель Марии М..., а с другой — некоторыми подозрительными и двусмысленными фразами, обнаруженными в переписке «Иоанна-Крестителя», г-н Вирт вскоре догадался о гнусности святилища и аморальности Понтифика.

С тех пор он задумал и взял на себя двойное поручение, которое он впоследствии выполнил с редкостной сдержанностью и осмотрительностью: открыть глаза мадемуазель Марии М... и разоблачить «Иоанна-Крестителя».

Рядом с последним он разыгрывал из себя ученика «старой закалки» и обнаружил свои подлинные чувства лишь в декабре 1886 года, когда у Кармеля больше не осталось для него секретов. Мадемуазель Мария М..., которую он без труда переубедил и возвратил на путь долга и разума, оказала ему ценную помощь в этой «ученической» комедии, которую он «ломал» в течение целых пятнадцати месяцев.

Он мягко подвел доктора к тому, чтобы он выдал себя своим же собственным пером. Мы располагаем его письмами, и все они написаны и подписаны рукой этой особы³⁹⁶.

Первые из них не представляют для нас непосредственного интереса. Но в письме от 8 июня 1886 года уже содержатся сведения, которые, несмотря на свою неопределенность, тем не менее, заслуживают, на наш взгляд, того, чтобы мы поместили их здесь.

«Передача знаний для вознесения всех существ и могущества, которое есть лишь сопричастность творящей власти, для того чтобы заставить существа подниматься снизу по ступеням ко всё более и более совершенной жизни, должна была стать уделом человеческого естества; и посредством нее человек облечен, по праву прокреации, и должен быть, на деле, облечен, благодаря Посвящению, царским достоинством, которая есть приобщение, путем передачи, к правам и верховному могуществу Творца...³⁹⁷

Здесь, как видите, логический закон подводит нас к вопросу о грехопадении, посредством которого человеческое естество лишилось этого царского достоинства... Необходимо, чтобы каждый человек признал, что вне Посвящения он не только не ведает путей и средств вознесения существ, но и сам пребывает под властью законов, делающих его рабом пороков и страстей.

И вот он стоит перед ужасной альтернативой, не предлагающей ему — царю природы — никакого другого выхода. *Если он слышит римско-католическое учение, то считает себя по праву принужденным к абсолютному воздержанию, и тогда взбунтовавшееся естество являет ему самые страшные опровержения, более или менее отказываясь от этого гнета, который, как чувствует человеческое естество, не соответствует законам его творческого происхождения.*

Но если он перестает прислушиваться к этому католическому учению, то имеет перед собой лишь извращенные выходы, толкающие его на путь пороков и страстей.

Всё это вызвало меня на размышления, и эта проблема, напоминающая загадку сфинкса, нависала над моим сознанием, подобно кошмару. Я возопил к небу, дабы получить решение этой задачи...

Не следует далеко углубляться в суть посвящения для того, чтобы увидеть, что решение возможно только на пути любви.

Здесь вставал, в свою очередь, закон полов, основное условие всякого любовного закона, согласно законам, составляющим человеческое естество (sic).

Почему Господь произвел разделение полов? Моисей сообщает этот факт, но совершенно умалчивает о причине этого факта. *Это было предназначено только для посвященных.*

Таким образом, человек оказывается перед лицом потребности, которую ПРИРОДА СДЕЛАЛА для НЕГО ЗАКОНОМ, и совсем ничего не знает об этом: ни о причинах властвующей над ним потребности, ни о божественных законах, которым необходимо следовать.

Общество открывает для него врата брака; но в этих условиях социальные пути НЕ РЕШАЮТ, так сказать, НИЧЕГО в отношении ужасной проблемы.

Так мы подходим к самому существу нашей темы: здесь начинается истинное Посвящение. *Мы стоим перед поколениями, покинувшими землю и обитающими в*

³⁹⁶ Они помечены даже мистическим именем доктора и его настоящим именем, слитыми воедино.

³⁹⁷ Просим прощения у читателя за то, что предлагаем ему подобную галиматью: необходимо, чтобы он сам вынес свое суждение.

том множестве миров, что катятся в безграничном пространстве... Как установить жизненные отношения с существами этих миров? К тому же одни из них живут на свету; а другие, наоборот, погружены во мрак. Как снискать уважение одних и избежать других?..

И не могут ли те, что живут на земле, установить жизненные отношения с существами, переживающими те же трудности, что и мы?..

Посвящение должно разрешить эту величайшую проблему!

Эта проблема, несомненно, решена. Дорогой сын, ты достоин узнать и принять эти секреты, за которые я заплатил самыми ужасными испытаниями! Но как я рад, что могу передать их тебе путем Посвящения!

Благословляю тебя высшими благословениями Того, Кто есть жизнь, свет, животворящая и возрождающая любовь, во имя преобразования существ!

† ИОАНН-КРЕСТИТЕЛЬ...»

(Досье 1. — Письмо от 8 июня 1886 г., *passim*).

Шесть дней спустя еще одно длинное письмо принесло г-ну Вирту новые разоблачения.

Доктор повторяется на все лады. Его неводержанный слог, похожий на мутный, едкий и тошнотворно-многословный раствор, столь же навязчив, сколь и его мысль. Мы приводим лишь выдержки из писем, будучи вынужденными постоянно вносить в них ясность³⁹⁸:

«Дорогой и благословенный сын неба..., не следует смешивать право прокреации с правом размножения, поскольку первое совершенно отлично от второго, и прокреация отличается и не зависит, в особенности, от права и способности размножения.

Поскольку человеческое естество было разделено на два пола, Право прокреации возможно осуществлять лишь посредством жизненной закваски их обоих, по образу способности размножения...

Очевидно, что при осуществлении этого права и способности размножения, оба существа, возвышенные путем Посвящения до этого царского достоинства, пребывают в священной Свободе Чад Божиих.

Общество установило законы брака, и это обоснованно. Но в отношении закона прокреации так быть не может. Тем не менее, если бы законные супруги были посвященными, то для них было бы гораздо проще осуществлять право прокреации: ведь оно осуществляется ежедневно, тогда как размножение подчинено законам естества...

Памятуя об этих принципах, остается лишь установить, что право и способность прокреации даровано посвященным, что оно отвечает божественным законам и правилам, и что никому не может быть позволено вменять в вину осуществление этого права ни в коем случае и ни под каким предлогом, потому что Господь узаконивает его для посвященных... Осуществление этого права — самый нравственный акт, какой только возможен... с целью вознести существа трех царств природы посредством заквасок, к излиянию коих они³⁹⁹ становятся способными, в свете, чистоте, святости и благословении, которые им удалось обрести...

³⁹⁸ Это означает, что мы сокращаем ненужные или излишние фразы, но никогда не изменяем ни йоты!

³⁹⁹ Они — «Посвященные», а не «существа», как можно было бы подумать, судя по строению фразы. Что до остального, общий смысл очевиден.

Эту способность прокреации, сущность Царского достоинства человеческого естества, наряду с правом размножения, невозможно было бы восстановить без предварительной подготовки. И именно в этом заключалась главная трудность моей миссии...

В теории Учение письменно возможно, поскольку это путь науки: но *экспериментальная наука требует и нуждается в том, чтобы она находилась под эгидой учителя, наблюдающего за проходимыми путями...*»

(ДОСЬЕ 1. — Письмо от 14 июня 1886 г., *passim*.)

«Посвящение посредством чистой теории было бы бесполезным и даже опасным... Знать пути и средства этого права прокреации... и не применять их по отношению к существам, царями которых мы являемся благодаря Посвящению, было бы *преступлением из преступлений*, злодеянием из злодеяний. Это было бы преступлением против Духа Святого, которое не прощается ни на этом свете, ни на том! Посему, дабы избежать этой беды, Господь не позволяет полного Посвящения тем, кто принимает его лишь в теории, а не на практике».

(ДОСЬЕ 1. — Письмо от 23 июня 1886 г., *фрагмент*.)

Две нескончаемых проповеди, датированных 10 и 13 августа 1886 года, имели целью потребовать от г-на Вирта полной конфиденциальности. Поскольку г-ну Вирту предстояло нанести визит аббату З*** — новому «завоеванию» Кармеля (по крайней мере, сектанты тешили себя этой иллюзией) — Креститель был неспокоен: он очень боялся, чтобы неосторожные или преждевременные слова не пробудили сомнения у превосходного священника, которого он намеревался подвести к соитиям потихоньку, не форсируя события. Он и так уже был слишком проворен с этой духовной особой, объектом особой заботы доктора. То, что он пишет по этому поводу, заслуживает цитирования:

«...Перед ослепительным светом Учения Жизни мозг нашего друга (аббата З***), столь замечательно одаренного, разлетелся вдребезги; он схватился за голову со словами: «Остановитесь, я больше не могу; мой мозг взорвался». Если изложение учения вызвало такие последствия, то вы понимаете, что было невозможно без достаточной подготовки перейти от теории учения к ее применению... Итак, вы видите, что пока мы даже не приступили к вопросу об актах, об образе действия...»

(ДОСЬЕ 1. — Письмо от 13 августа 1886 г., *passim*.)

Несмотря на эти опасения и неохоту, доктор Креститель, рассудив, что аббат З*** уже находится на пути к «приручению», добавлял в конце того же послания:

«Вот где пребывает наш друг... Он готовится, собирается, и в этом — необходимое условие способности прокреации, ее дел и ее жизненных действий. В данный момент он пока не дошел до них.

У вас тоже нет никаких препятствий для этой подготовки; если вам угодно, то ска-

жите «да», и я берусь подготовить и расположить вас, как и нашего друга, и даже еще лучше... Жду вашего любезного ответа...»

(Досье 1. — Письмо от 13 августа 1886 г., *in fine.*)

Я берусь подготовить вас! Что понимал под этими словами наш Понтифик? Письмо, адресованное им мадемуазель Марии М..., сообщает нам об этом: эта посвященная в Кармель, как мы видели, жила тогда в том же городе, что и г-н Вирт. И вот что Доктор писал ей в то время:

«Я хочу провозгласить здесь принципы вечного права, управляющие вопросом, который нас занимает.

Первый принцип. Святая Свобода Чад Божиих существует только в Царстве блаженных, а попасть в Царство блаженных можно только с помощью веры и учения Кармеля;

Второй принцип. Ученики, то есть званые, обладают теми же правами, что и избранные: одни — учиться, другие — делать; но это предполагает принятие Кармеля;

Третий принцип. Закон Соитий — это Древо познания добра и зла. *Соития*, совершаемые по законам падения, приводят в бездну; *соития* же, совершаемые по божественным правилам, открывают пути судьбы...

Согласно этим принципам, нетрудно понять следующую строку, касающуюся *претендента на призвание* (можно догадаться, что это был г-н Вирт!). Если он примет илийскую веру, если он посчитает учение Кармеля истинным и божественным, то он вступит в права учеников, которые суть права избранных.

Нужно действовать осмотрительно, осторожно и благоразумно, не подвергая себя превратным суждениям. Вы видели, как мы добились успеха с г-ном Х... и мадемузель Z...; но это лишь потому, что мы не слишком сильно спешили...

По правде говоря, было бы хорошо, если бы он (г-н Вирт) узнал истину, и даже ПРАКТИКУ, от вас, но вам известно, при каких условиях, ради блага и чести Кармеля!..»

(Досье 3. — Письмо к мадемуазель Марии М... от 7 сентября 1886 г.)

Так вот каким образом д-р Креститель хотел «подготовить» г-на Вирта!.. Но мадемуазель Мария М... не разделяла этих взглядов. Она постоянно отказывалась от *соитий* и соблюдала обряды кармельской религии за одним исключением. Доктор всегда надеялся, что она встанет на его точку зрения, и часто раздражался неистовым гневом, заявляя, «что она никогда ничего не добьется, если не приучит себя к слепому повиновению.

«Без *соитий*, — восклицал он, — нет спасения!»

(Досье 3. — Показания мадемуазель Марии М..., стр. 24—25.)

Еще одно письмо доктора к мадемуазель Марии М... лишний раз доказывает, что эта барышня, превосходная сомнамбула, общавшаяся, как он полагал, с Духами света, противилась режиму *соитий*.

Однажды, когда *небесные матушки (sic)*, при посредничестве мадемуазель Марии М..., сурово заклеили эти обряды, весьма озадаченный Доктор написал Ясновидице презабавное письмо, которое мы приводим почти целиком:

«Благодарю вас, возлюбленная Ева, за ответ наших дорогих небесных матушек.

Да будет мне позволено показать вам свое двойственное положение как миссионера по отношению к самому себе, ради моего личного вознесения, и как миссионера по отношению к другим избранным.

По-видимому, между этими двумя миссиями существует противоречие, и все же мне необходимо их примирить:

1. Я должен заниматься всем тем, что касается моего вознесения. Это абсолютный долг, ибо я смогу давать лишь то, что приобрету;

2. Но Иоанн-Креститель должен также *умножить себя на десять*⁴⁰⁰ (*sic!*), и если он не умножит себя, то ничего не сделает и ничего не добьется.

Теперь-то, дорогая Ева, вы видите проблему, которую нужно разрешить Иоанну?

1. Если Иоанн займется своим собственным вознесением, то он сможет далеко продвинуться по пути самосовершенствования. Но в этом случае он не *умножит себя на десять*;

2. Если же он хочет *умножить себя на десять*, что является его абсолютным долгом, под страхом ничего не достичь; то как в этом случае примирить правила, столь совершенные для вознесения Иоанна, с необходимостью *умножить себя на десять*?

И вот что меня смущает: *Мне хотелось бы во всем следовать воле наших небесных матушек, ибо я знаю, что правила, ими устанавливаемые, совершенны.*

Но признаюсь вам, что мне хотелось бы также умножить себя на десять...

Дорогая мадам С..., от имени Илии, не предписывала столь строгих правил, как наши небесные матушки!..

Раскройте свое сердце для *этих великих проблем*; усердно молитесь и посмотрите, что скажут вам будь то Илия, будь то наши небесные матушки...

ИОАНН-КРЕСТИТЕЛЬ...»

(ДОСЬЕ 3. — Недатированное письмо к мадемуазель Марии М...)

Нет ничего потешнее, чем блаженное недоумение и сдерживаемая досада, которыми дышит такого рода эпистолярная консультация. Слащавый и ханжеский тон, бесцветный и многословный стиль, обилие повторов — все эти вещи, вызывающие отвращение в любом другом месте — похоже, наоборот, усугубляют комизм этого забавного документа... Поэтому нам очень хотелось воспроизвести его, несмотря на то, что мы были вынуждены обойти молчанием множество более любопытных деталей. Дело в том, что наши рамки не допускают подобных подробностей. И нам приходится перейти к заключительной части переписки с г-ном Освальдом Виртом.

Этому молодому оккультисту, по многим вопросам знавшему бесконечно больше самого доктора,⁴⁰¹ наскучило надевать его титулами «Возвышенного и высокочтимого Мага, высшего хранителя святой Истины, небесного Посвятителя детей земли в божественные арканы Света и Жизни!» или же титулами «Возвышенного и прославленного

⁴⁰⁰ Вставить 1 в 0, фаллос — в ктеис.

⁴⁰¹ В действительности, в это время г-н Вирт постиг некоторые эзотерические истины, которые еще можно различить, хотя и в искаженной форме, под символами франкмасонства.

Мастера, Посланного Небом для искупления Земли, высочайшего и могущественного Иерофанта арканов Святого Кармеля!»⁴⁰² Ведь г-н Вирт, решив «разговорить» Иоанна-Крестителя, с подлинной проницательностью почувствовал, что сможет взять «цитадель» его слепой веры, только забросав бомбами «донжон» его неизмеримой гордыни...

Словом, Вирту надоела эта двусмысленная роль; и он решил покончить с ней в конце ноября 1886 года. Он написал пророку:

«...По поводу возвышенных доктрин божественного Кармеля я верю, что обретаю в настоящее время как бы откровение об этом высшем посвящении, которое я столь пламенно желаю получить. *Я надеюсь, по крайней мере, что не стал жертвой заблуждения или проделок злых духов...*

Согласно интуитивным прозрениям, которые меня посещают, Посвященный может вступить во всю полноту теургического могущества лишь путем соития с лицом противоположного пола... Но это соитие — не обычный брак, цель которого — размножение. Здесь идет речь об акте религиозном по преимуществу..., но необходима подготовка, предварительное очищение, гораздо более серьезное, чем перед обычным причащением; ведь это *Таинство Таинств*, дарующее всю жизнь или же всю смерть.

Более того, этот акт, в сущности, доброволен, то есть совершенно независим от физических мотивов, необходимых для размножения... *Все мужчины — мужья одной женщины, и точно так же все женщины становятся женами одного мужчины.*

Эмоции не индивидуализированы, но становятся коллективными; совокупность посвященных образует отныне одного мужчину и одну женщину, и они устроены в этом смысле по образу Божию...»

Вопрос был поставлен смело, и ответ должен был стать решающим. Он не заставил себя ждать. В некотором смысле припертый к стенке, иерофант, более не колеблясь, выдал свою мысль целиком:

«Дорогой и возлюбленный Избранник! *Вы очень хорошо поняли божественные пути, куда призывало вас Небо и куда оно вас направляет!..*

Вы хорошо представили условие высшего права прокреации... При осуществлении этого божественного права, на самой высокой ступени, мы становимся теми, кого Писание именует богами: *Ego dixi, dii estis!*⁴⁰³

Это шестое чувство, которое было утрачено при грехопадении и которым необходимо вновь овладеть (*sic!*). Это осуществление царской власти человека над существами трех царств природы, на земле и в мирах.

Это жизненная Закваска, которая, будучи прибавленной к жизненному принципу существ трех царств, заставляет их подниматься, ступень за ступенью, по восходящей лестнице жизни. Таково Таинство Таинств, как вы удачно выразились.

⁴⁰² Мы ничего не преувеличиваем; эти наименования приводятся дословно. Г-н Вирт, искусно их разнообразивший, никогда не забывал поместить их помпезный список в начале каждого своего письма к понтифику. А этот простак попадался на них, как сойка в манок.

⁴⁰³ [Иисус отвечал им: не написано ли в законе вашем:] «Я сказал: вы боги»? (Ин. 10:34).

Но никто не может быть одинок в осуществлении этого права прокреации: у одинокого человека есть только флюиды. Жизненная закваска — это сочетание двух флюидов.

Но отныне абсолютно необходимо, чтобы двое действующих находились в состоянии возвышения Царской власти человеческого естества.

Логический закон ясно показывает нам, почему свобода сынов Божиих является в этих условиях абсолютным правом: это как царь, который может вступать в брак со всеми при условии, что его супруга будет из царского рода.

Эта свобода, которая представляется такой огромной в настоящее время, когда царские дочери столь редки, не обладает, как вы видите, большой широтой.

Но она будет расширяться по мере Посвящения в божественный Орден.

ВАШЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ ЭТОМ И ЕГО ИЗЛОЖЕНИЕ, КОТОРОЕ ВЫ ДАЕТЕ В СВОЕЙ ПИСЬМЕ, СОВЕРШЕННЫ ТОЧНЫ.

Очевидно, что вопрос размножения подчиняется другим законам...

Вы станете первым учеником жизни в мужском ордене⁴⁰⁴; вы станете первым в этом избрании, ожидающем всех существ творения!

Примите священный и живой поцелуй жизненного братства. Будьте благословенны и т. д...

† ИОАНН-КРЕСТИТЕЛЬ...»

(ДОСЬЕ 1. — Письмо от 24 ноября 1886 г., фрагмент.)

Несколько дней спустя, полагая, что выразил недостаточный восторг, Креститель возвращается к так называемому «вдохновенному» письму г-на Вирта. У Понтифика находится время, для того чтобы натянуть струны на своей «гитаре»: послушайте страстный и торжествующий гимн, раздающийся под его перстами:

«Дорогой сын Неба, благословенный от всего моего сердца и от сердец избранных! Если за те десять лет, что я знаком с божественным Кармелем, мое сердце познавало радости небесного порядка, то радость, переполнившая мой дух и мою душу при чтении вашего драгоценного письма, должна быть поставлена в первом ряду...

Теперь, дорогой Избранный, вы — подлинный Сын Неба. Когда я наделил вас этим именем, то казалось весьма странным называть Сыном Неба человека, живущего на земле. Но я говорил так по закону вашего призвания, и вот этот титул я должен присвоить вам теперь, если хочу говорить в свете истины, по воле своего сердца.

Вы говорите совершенно верно: «Теперь я жду случая, чтобы перейти от научного познания к животворящим актам; ибо знания приобретают ценность лишь благодаря своему применению». Вы правы: мы тоже готовы; мы давно уже ждем того благословенного дня, что явится нашим очам.

Первый среди избранных, вы положите начало цепи, коя поднимет вверх лестницу жизни (*sic!*); будьте желанным гостем, которого подготовило Небо и которого Звезда, сиявшая пред вашими глазами, приводит в нашу среду!

Вы опередите всех остальных и первым вступите в истинное и вечное царское достоинство человеческого естества. Вы больше не мой ученик, дорогой избранный, вы — МОЕ ВТОРОЕ «Я». Как прекрасна ваша участь и какое утешение приносит она моему сердцу!

⁴⁰⁴ Хотя другие избранные Кармеля не были столь продвинутыми, как г-н Вирт, мы увидим далее, что Креститель также заставлял их заниматься прокреацией; несомненно, в качестве учеников!..

Наконец-то, решена, не только в моем сознании и в моем личном опыте, но и в сердце свободного и независимого существа, эта проблема, делающая детей земли истинными Сынами Божьими!

Никто вокруг меня не продвинулся так далеко, как вы; *я хочу сказать: в мужском ордене.*

В женском же ордене такие люди уже есть⁴⁰⁵, как говорится в вашем письме. Завершите же свое посвящение животворящими актами этого священного знания, придя в нашу среду. Вас с радостью ждут; ибо о вашем избрании известно здесь тем, что избраны небом для вступления на эти девственные пути...

Наши последние письма я сохраню в секрете. *Дело в том, что каждый должен оставаться хозяином применения дарованной ему науки, которое он может сделать.*

Таково правило благоразумия во избежание предательства; ведь есть люди, для которых не священны секреты чужой совести.

Я хочу, чтобы они были священными; ибо они священны пред Господом!

«ИОАНН-КРЕСТИТЕЛЬ».

(Досье 1. — Письмо от 2 декабря 1886 г., *passim*.)

А теперь сама суть дела: письмо от 5 декабря, подписанное тремя молодыми девушками, посвященными в Кармель, скрепленное подписью их матушки (!) и снабженное верховным одобрением Крестителя:

«Благословенный Сын Божий, возлюбленный Неба и наших сердец!.. Мы были восхищены небесным действием света в вас; *ведь, не имея возможности досконально изучить доктрину Илии, вы, однако, сумели глубоко постичь ее тайны.*

КАРМЕЛЬ ОЗНАЧАЕТ «ПЛОТЬ, ВОЗВЫШЕННАЯ В БОГЕ», И СВЕТ СВЫШЕ ПОВЕДАЛ ВАМ О ТОМ, КАК МОЖНО ОНЕБЕСИТЬСЯ НА ЭТОМ СВЕТЕ С ПОМОЩЬЮ ТОГО ЖЕ САМОГО АКТА, КОТОРЫЙ БЫЛ И ПО-ПРЕЖНЕМУ ОСТАЕТСЯ ПРИЧИНОЙ ВСЯКОГО НРАВСТВЕННОГО ПАДЕНИЯ... (Здесь всё ясно.)

И как же мы жаждем увидеть вас в нашей среде! Мы так часто молились у святого алтаря, чтобы нам дано было узреть избранного, которого пожелает Небо и которым станете вы!..

Небо посулило великие обещания главе божественного Кармеля о том дне, когда вокруг него появятся истинные ученики... *Мы желаем увидеть вас рядом с преподобным Отцом как первого избранного для того, чтобы составить цепь жизни...*

Если вы придете, то сможете признать нашу добрую волю, дабы от пути знания вам позволено было перейти к пути опыта; *ведь Господь судит людей не по их познаниям, но только по жизненным поступкам, на которые они оказываются способны...*

С горячей любовью:

НАХЕЛАЭЛЬ.

Приветствуем, подобно той, что водила пером, Сына Неба, благословляя призвание, в которое он вступает:

ИДЕЛАЭЛЬ.

АНАНДАЭЛЬ.

⁴⁰⁵ Только послушайте этого сутенера, предлагающего своих девиц! Вскоре он предоставит им слово, чтобы они предлагали себя сами.

Одобряю доктрину этого письма, подписанного ангельскими именами *Трио* и матерью:

ШЕФАЭЛЬ.

«ИОАНН-КРЕСТИТЕЛЬ».

(ДОСЬЕ 1. — *Письмо от 5 декабря 1886 г., passim.*)

Похоже, это коллективное послание расставляет точки над некоторыми «i», прежде не проясненными в илийском тексте.

Это единственное письмо, оригинала которого у нас нет: оно было потребовано обратно и возвращено. Но мы предусмотрительно сохранили его копию, что, в принципе, одно и то же...

Вот до чего дошла мистическая переписка «Крестителя» с г-ном Виртом, когда «Учитель Мудрости» был извещен о том, что его ученик издевался над ним!

Тогда он решил, что может пойти на попятный, отрицая все свое предыдущее учение; тогда он заявил, что его не поняли.

При чтении последних писем доктора мы останавливаемся в нерешительности; да, мы действительно не знаем, чему больше поражаться: дерзкой⁴⁰⁶ ли двуличности, которую проявляет этот человек, или же его немыслимой слепоте.

⁴⁰⁶ Неискренность доктора не менее ярко проявляется и в других случаях. Так, она становится очевидной в связи с маркизом де Сент-Ивом. Пока «Креститель» верит в то, что этот знаменитый теософ мог бы примириться с его миссией, он делает из него великого пророка. Но несколько месяцев спустя он с ненавистью его критикует.

В своем письме к г-ну Вирту от 8 февраля 1886 года он говорит о «...великом посвященном, просветленном ясновидце Сент-Иве». «Ах, — продолжает он, — как я был взволнован при чтении страниц, излагающих основу произведения г-на Сент-Ива: «Миссия евреев»! Этот избранный получил посвящение не от жильца земли, а от неба. Но какие в нем познания и насколько он выше своих современников! *Как приятно и хорошо читать эти страницы, вдохновленные светом Свыше!* Наконец-то я не одинок... *Вы видите, кто мы.* Перечитайте сочинения г-на Сент-Ива, и от этой школы вы узнаете, что такое просветленный ясновидец, получивший то, что я называю посвящением!...»

(ДОСЬЕ 1. — *Письмо № 11.*)

Тому же г-ну Вирту доктор писал 7 июля 1886 года, то есть пять месяцев спустя после хвалебных дифирамбов, которые мы только что прочли: «Свет пророчества... — это необходимость; без него мы принимаем за историю то, что есть лишь картина будущего, и тогда всё запутывается. Именно это случилось с г-ном Сент-Ивом».

(ДОСЬЕ 1. — *Письмо № 20.*)

В длинном послании — шедевре самоуверенности — адресованном г-ну Барле и датированном 20 августа, можно прочесть: «Его авторитет рухнет перед ученой и глубокой критикой его произведения: «МИССИЯ ЕВРЕЕВ».

(ДОСЬЕ 6. — *Копия письма к г-ну Барле.*)

Наконец, в письме, адресованном г-ну Рене Калье и датированном 20 ноября 1886 года, доктор Креститель говорит о двух оккультистах Западной школы и заявляет: «Г-н Сент-Ив открыл ложный путь для этих тружеников; но существует одно очень сильное движение, стремящееся вернуть их на истинный путь».

(ДОСЬЕ 5. — *Письмо № 11.*)

Еще 2 декабря он написал восторженное письмо (исполненное одновременно торжествующей радости и наивной доверчивости), где можно прочесть: *«Вы больше не мой ученик, дорогой избранный, вы — мое второе «я»!»* Еще 5 декабря он сопроводил своим одобрением коллективное письмо трех девочек и их матери, этот «лакомый кусочек», где мы отмечаем следующую фразу: *«Не имея возможности досконально изучить доктрину Илии, вы, однако, сумели глубоко постичь ее тайны...»*

И вот перед нами два письма того же Иоанна-Крестителя к тому же Освальду Вирту, одно из которых датировано 11 декабря 1886 года, где мы встречаем следующие строки:

«Я наделил вас именами, которые вам не приличествуют, но которые можно заслужить лишь после долгих лет похвальных поступков... Вы видели до сих пор лишь паперть непо-священных, а не само святилище...»

И другое, датированное 13 декабря и включающее в себя такие строки:

«По моим представлениям о вашем духе, я должен сказать вам, что вы предстаете передо мной во всё более неблагоприятном виде...»

7 декабря я решил подвергнуть вас Критериуму Света Свыше... я воззвал к вашему духу: он пришел в нерешительности и был совсем темным. Испытание показало, кто вы такой; письмо было потребовано обратно⁴⁰⁷. Нам известно, что вы — не посвященный, а тот, кто не понимает, что мы имеем в виду...

Когда солнце сияет на небосводе, живущие во тьме не в силах остановить его лучи... (дословно!)»

Таким образом, ученик, ставший, в свою очередь, учителем, самый продвинутый из адептов, избранник неба, сумевший своими силами раскрыть Великий Аркан Арканов, менее чем за неделю превратился в слепца, который ничего не увидел, идиота, который ничего не понял... Вот что утверждает наш озадаченный понтифик!

Разумеется, это доведенное до «совершенства» лицемерие, шарлатанство и надувательство — а также глупость.

Возмущение подступает к горлу при виде столь дурацкой наглости: *Peccatum est stultitia...*⁴⁰⁸

Как бы то ни было, эти выдержки могут дать представление об обширной переписке, которую г-н Вирт предоставил в наше распоряжение в последние дни февраля 1887 года.

Впрочем, у нас уже было несколько тетрадей не менее показательных документов. Еще один член Ордена Розы+Креста 2-й степени,

⁴⁰⁷ Письмо девочек, которое было действительно возвращено после снятия копии.

⁴⁰⁸ «Глупость — это грех» (лат.). Цитата из «Суммы теологии» св. Фомы Аквинского.

г-н Рене Калье, инженер из Авиньона, в это же время передал нам на хранение свою собственную переписку с доктором⁴⁰⁹.

С другой стороны, один преподобный отец, впустую растративший столько апостольского красноречия, чтобы наставить на путь истинный этого негодяя и многочисленный «эскорт» жертв его обмана (мы не решаемся назвать эту духовную особу, поскольку, доказывая перед нами невозможность привлечения «Крестителя» к ответственности, он, возможно, не одобрил бы срывания маски с человека, в котором его милосердие хотело видеть лишь безумца), этот преподобный отец написал нам 7 января 1887 года:

— «...Накануне моего отъезда г-н М*** сделал для меня откровения, чьей серьезности он не понимал и чья важность совершенно от него ускользает. Я объясню вам всё в двух словах.

У этой особы есть тайные покои, состоящие из так называемой молельни, где он запирается в одиночестве два раза в день, и маленькой комнаты, где он время от времени украдкой ложится спать, чтобы сбить с толку духов, пытающихся его убить и не знающих, по его словам, об этой камере. Эти покои находятся в соседнем помещении, где проживает семья г...⁴¹⁰

Два дня назад мадам Т..., возвратившись со своих *окультных соитий*, называемых «духовными», наконец, раскрыла мне страшную тайну. Несчастливая вынуждена принимать ласки и объятия не только духов света, но еще и тех, кого она называет «человеко-животными», — смрадных чудищ, отравляющих своим зловонием ее комнату и постель и сочетающихся с ней с целью возвыситься до очеловечения.

Она заверила меня, что они неоднократно обрюхачивали ее и что в течение девяти месяцев этой беременности она испытывала все симптомы и даже внешние признаки своего положения. С наступлением срока она безболезненно рождает и выпускает ветры⁴¹¹ из того органа, откуда выходят дети, когда женщина разрешается от бремени.

Это еще хуже, как вы видите, чем то, что рассказывает де Виллар о сильфидах, саламандрах и домовых. Это превосходит «Графа де Габалиса», причем намного⁴¹².

Я сообщаю вам в точности то, что рассказала мне эта галлюцинирующая бежняжка; я ручаюсь вам в этом своей честью, и я не говорю вам всего».

⁴⁰⁹ Он умолял нас спасти шесть дам из Тюрена, его подруг, невинных «ласточек» идеала, приставших, подобно множеству других, к мерзкому «клею» лжепророка. Если бы мы только могли раскрыть им глаза!

⁴¹⁰ Эта семья состоит из трех сторонниц дела: двух девиц, подписавших коллективное письмо, и их матери.

⁴¹¹ По словам «Крестителя», это *Блаженные тела*, о которых вскоре пойдет речь.

⁴¹² По-видимому, «Креститель» понял буквально символические и парадоксальные теории «Графа де Габалиса» (*Comte de Gabalis, Entretien sur les Sciences secretes*, Londres, 1742, 2 vol. in-12). Ничто так не напоминает его способ вознесения *человекоживотных*, как методы графа для обессмерчивания гномов, ундинов, саламандр и сильфов.

Возможно, «Доктор Креститель» решил, что аббат де Виллар понимал под *Философскими браками* акты инкубизма, аналогичные его *целомудренным соитиям*.

«*Beata simplicitas!*» (лат., «Святая простота!») — хотелось бы сказать вместе с Яном Гусом, если бы не было более уместным воскликнуть вместе с Тертуллианом: «*Prava maleficorum stultitia!*» (лат., «Порочна глупость колдунов!»).

Было начато расследование с целью сбора новых документов. Оно длилось примерно два месяца. Перед его закрытием решено было вызвать на откровенность ту юную участницу Кармеля, которой г-н Вирт снял пелену с глаз. Г-н Вирт получил задание записать ее подробные показания; с этой целью он отправился в Шалон (май 1887 г.). У мадемуазель Марии М..., лишенной иллюзий и смущенной тем, что она стала жертвой обманщика, хватило смелости всё рассказать. Она мужественно подписала показания, на месте скрепленные подписью г-на Вирта (18 мая 1887 г.). Кроме того, она передала ему огромное досье, где фигурируют, наряду с собственноручными письмами доктора, илийские литургические книги, разоблачающие рукописи в большом количестве и, наконец, автографированные произведения и репродукции кровоточащих гостий — все документы, относящиеся к тайным мистериям «Кармеля Иоанна-Крестителя».

По возвращении г-на Вирта были рассмотрены новые документы, и оккультисты, собравшиеся на трибунале чести, единогласно вынесли приговор «доктору Крестителю» (23 мая 1887 г.). Приговор был объявлен ему на следующий день.

Но, перед тем как предать огласке деяния этой особы, мы дали ему достаточно времени для исправления. Приговор, в течение четырех лет нависавший над головой этого виновного, сегодня получает свое запоздалое исполнение. К. О. Р.⁴¹³

Если бы лжепророк мог вступить на путь раскаяния! Это пожелание посвященных, выступающих в роли судей его поведения перед лицом Неба и своей совести.

Нам остается лишь бегло пролистать показания мадемуазель Марии М... и полученные от нее досье.

Мы не станем внушать отвращение публике, слишком долго задерживаясь на характере тех непристойных обрядов, которые Креститель возвел в таинства, и, прежде всего, постараемся избежать упоминания тех многочисленных личностей, чьи имена оказались более или менее непосредственно замешанными в обстоятельства этого прискорбного дела. Кроме того, правила приличия вынудят нас перевести на латынь некоторые слишком «специальные» фразы.

⁴¹³ *Konx Om Pax* — магические слова, которыми, по преданию, завершалось посвящение в Элевсинские мистерии. (Прим. перев.)

ФРАГМЕНТЫ ПОКАЗАНИЙ МАДЕМУАЗЕЛЬ МАРИИ М...

(18 мая 1887 г.)⁴¹⁴

«В мае 1871 года... Он (Б***, или доктор Креститель) начал говорить мне о *соитиях на расстоянии*, утверждая, что мне достаточно призвать Иоанна-Крестителя, пахотясь в Шалоне, и я тотчас почувствую его рядом с собой в своей постели. Мне было любопытно поэкспериментировать с этим; но мне никогда не удавалось ощутить малейших следов Иоанна-Крестителя, несмотря на неоднократные призывы...

Мадам Т*** уже говорила мне об этих соитиях на расстоянии; она утверждала даже, что забеременела таким способом...

(Стр. 7—8.)

Вскоре я обратила внимание на отношения, поддерживаемые Крестителями со всеми участницами Кармеля. Однажды, когда он заперся с мадам Т***, я должна была предупредить его об одном спешном визите. Он открыл дверь, и я увидела, что он был в одной сорочке.

Я узнала, что во времена Илии (Эж. Вентра) вещи такого рода тоже происходили; но Илия оказывал благосклонность лишь великосветским особам и не компрометировал себя среди простонародья, в котором находил удовольствие Креститель. Всё было более скрытым и имело более благопристойный вид; он не компрометировал семей и обращался лишь к свободным женщинам, например, к маркизе де *** и графине д'***, которых мадам Вентра называла *шлюхами* и б..., отнявшими у нее мужа...

(Стр. 11.)

Когда Креститель проконсультировал меня во сне о теории *блаженных тел*, которые рожала мадам Т*** и которые должны были служить духам умерших людей для их вознесения, я опровергла эту точку зрения, доказав, что несовершенные существа не могут своими собственными средствами привести другие существа к состоянию совершенства...

(Стр. 13—14.)

В марте 1883 года «*деятельность Кармеля была в самом разгаре*». Отец оказывал очень частые знаки внимания мадемуазель Ж. Г***, между тем как г-н Л*** был страстно влюблен в мадемуазель К. Г***. Но, с другой стороны, мадам Л*** не находила достаточного возмещения за утрату мужа в редких знаках внимания, оказываемых ей *Отцом*. Ревность ее была ужасной, и Креститель опасался, как бы она не разгласила секрет Кармеля... Нужно было разорвать связь между Л*** и мадемуазель К. Г***. *Последняя должна была на коленях просить прощения у мадам Л***, пока эта дама, спавшая со своим мужем, совершала небесное соитие*. Этот разрыв дорого стоил мадемуазель К. Г***, которая очень сильно переживала.

(Стр. 15—16.)

⁴¹⁴ Мы ни на минуту не сомневаемся в абсолютной искренности мадемуазель Марии М..., которая продиктовала показания, полностью совпадающие с тем, что, с другой стороны, нам уже известно о Кармеле. Тем не менее, мы считаем своим долгом отметить, что эти показания обладают лишь силой свидетельства, а не силой неопровержимого вещественного доказательства, как собственноручные документы доктора, выдержки из которых мы до сих пор приводили.

Креститель пользовался мадемуазель Ж. Г***, «своим утешением», для того, чтобы она постепенно приводила к нему всех других членок Кармеля; ей было поручено вызывать их на откровенность, склоняя их отдаться *Отцу*...

(Стр. 17.)

Поскольку семья Г*** располагала лишь двумя кроватями, *Соития* происходили в одной постели, где *Отец* спал с обеими девушками одновременно.

(Стр. 19.)

Судя по тому, что я видела, Креститель страдал сатириазом, поскольку его соития с одной и с другой происходили с такой частотой, которая вынудила бы отступить гораздо более молодых, нежели он. *Imo, quod pessimum est, ex ipsius ore accepi eum, si quando solus cubuerit, quod quidem raro accidit, sese ipsum polluere.*

In ventrem ergo cubans, manu stupratur. Tunc foeminei crebro Spiritus vocati apparent, quorum formas modo simul, modo alternis vicibus sibi submissas sentit. Flammeae e mentula ejus micant scintillae..., etc.

Ab ipso praeterea me doctan esse testor, nullo sanguinis vinculo prohiberi, quin et fideles coeant invicem: nec patrem cum filia, neque cum filio matrem, neque cum fratre sororem unquam rite misceri fuisse nefas...

Etiam et in vasibus indebitis confitebatur mulierem cum viro aliquando jungi decere, si proesertim fuerit mulier veneri minime idonea.

Huic procepto nempe Doctor libenter indulget: creatum est os ad edendum, creata sunt genitalia ad coeundum. Attamen interdum licet communionem in vase buccae sub omnibus speciebus fieri: vitae etenim coitus Sacramentorum Sacramentum nuncupabatur apud nos.

(Стр. 23—24, *passim*.)

В феврале 1886 года мадемуазель М*** приснился сон, который показался ей дурным предзнаменованием для ее отца⁴¹⁵. Креститель, посоветовавшись с духами, *обнаружил*, что против г-на М*** была направлена магическая операция, которая в назначенный день должна была стать для него роковой...

Креститель совершил *обратное знамение*, и в тот день пришлось принести жертвы. Так был спасен г-н М***, и *Кармель* одержал полную победу над враждебными силами...

(Стр. 30.)

Кармель постоянно пребывал в ожидании *Великого монарха*⁴¹⁶; Креститель принял путешествие во Фросдорф. Деньги на поездку дала ему мадам Л*** (Св. Дева Лошская), выделившая на это сумму, которую она первоначально предназначала для своих похорон, — сумму, ставшую излишней, поскольку она должна была не умереть, а воскреснуть⁴¹⁷ спустя три дня.

⁴¹⁵ Г-н М***, «амфитрион» Крестителя. Просьба не путать его дочь, мадемуазель М***, с мадемуазель Марией М***.

⁴¹⁶ Это, как вы помните, один из пророческих «коньков» Кармеля.

⁴¹⁷ Это верх гнусности. Пророческий рассказ об этом воскресении помещен в досье 3, в документе, автографированном в 1877 году, который заканчивается воззванием «к илийским понтификам и посвященным избранникам кармельского Мариизака»:

«Мы просим понтификов и избранных..., которые получают прилагаемый автографированный текст, старательно сохранить его до самого дня ожидаемого чуда. Он поможет подтвердить, что они были призваны засвидетельствовать истину и удостоверить, каким образом всё совершилось при этом предзнаменовании, открывающем эру благословенных времен III-го Откровения, и т. д...»

Помилуйте, ведь это же называется «делить шкуру не убитого медведя»!

Креститель встретился с Генрихом V и объявил ему, что ему поручено стать *Великим монархом*; и в качестве доказательства сообщил ему о воскресении мадам Л***.

После смерти Генриха V разочарование Крестителя было велико: ведь он так много пообещал своим последователям ко дню пришествия *Великого Монарха*!

Но он недолго оставался в замешательстве и ухватился за так называемых потомков Людовика XVII.

Он должен был отдать меня Великому Монарху для *соитий* и говорил, что на этот раз я не откажусь.

(Стр. 34—35.)

Креститель часто говорил мне о Черной магии; пока я спала, он пытался раскрыть секреты некоторых магов...

Его наивысшим средством были припарки из экскрементов⁴¹⁸, приготовленные им в соответствии с ритуалами...

Он говорил мне о белых мышах, вскормленных освященными гостиями⁴¹⁹; но он утверждал, что это сделал другой человек, чьего имени он не называл...

(Стр. 39—40, *passim*.)

Я признаю, что продиктовала предыдущие 40 страниц, и подтверждаю их абсолютную правдивость. Шалон-на-Марне, 18 мая 1887 года».

Подпись: МАРИЯ М...

Вторая подпись: ОСВАЛЬД ВИРТ.

Завершим эти показания несколькими выдержками из дополнительного письма мадемуазель Марии М... к г-ну Вирту, датированного 28 мая 1887 года:

«Милостивый государь, после вашего отъезда из Шалона в моей памяти опять всплыли различные факты, относящиеся к Крестителю.

Он берет статуэтки святых и нарекает их именами людей, над которыми хочет что-либо произвести (*sic*)... Статуэтки посвящаются какому-либо демону, но формула посвящения — это молитва, произнесенная вслух и обращенная к святому; мысленно же он обращается к Дьяволу, к злему Духу.

Есть также сердца животных, пронзенные булавками. Человек (объект колдовских чар) чувствует колотье в сердце, и иногда эта операция приводит к смерти.

⁴¹⁸ Тем, кто усомнится в этой «кухне» в духе Панурга, мы напомним, что в период Второй империи, во время одного процесса, когда он был приговорен за мошенничество к 3 годам тюрьмы, «Креститель» сознался в очень похожих обрядах, которые, как он заявил перед судьями, «соответствовали его вере». Под видом экзорцизма он плевал в рот одержимым; но его универсальная «панацея» включала в себя, помимо припарок из экскрементов, эликсир, состоявший из его же освященной мочи, смешанной в определенной пропорции с мочой сестры К***.

Как видим, за более чем 20 лет «Креститель» не изменился!

⁴¹⁹ Когда в 1886 году мы говорили об «Иоанне Крестителе» с одним знакомым молодым литератором, в семье которого Понтифик был давно известен, наш друг заверил нас, что «Креститель» занимался этим нечестивым колдовством, но не представил нам никаких доказательств.

Есть еще *высшие повеления*, написанные на освященном пергаменте чернилами и кровью... Повеления читаются вслух с определенным церемониалом, затем запечатываются, всегда особым способом, и сжигаются. После сожжения Дух, которому предназначено повеление, читает его (*sic*) и оказывается вынужден сделать то, что в нем требуется...

Он может похвастать тем, что заманил меня в свои скверные сети.... У меня до сих пор имеется один пузырек, который он прислал мне для обеспечения *Жизненных соитий*: г-н Ш... откупорил флакончик; он хотел попробовать его, но испугался, что отравится. В этом бальзаме можно узнать сперму».

(Досье 4. — Приложение.)

Незачем говорить, что все эти обряды относятся к самой безобразной гоэтии. Чтобы убедиться в этом, читателю достаточно перечитать главу III, где подробно описываются различные виды традиционного колдовства.

Мадемуазель Мария М... заканчивает свое письмо, умоляя г-на Вирта всегда быть готовым защитить ее, в случае, если Креститель захочет причинить ей зло. Она может успокоиться; «иерофант» больше не имеет над ней никакой власти. Кроме того, можно сказать, что в принципе колдун страшен лишь для тех, кто его боится. «Креститель» хорошо знает об этом и этим пользуется.

Всё дело в том, что этот горемыка принес траур и раздор, а порой и смерть, во многие семьи, из которых он был изгнан, после того как его радушно приняли. Мы можем процитировать по этому поводу фрагмент одного письма, отправленного нам 7 марта 1887 года тем самым священником, о котором шла речь выше:

«Правда, что слабые души, и в частности, двух женщин... ему удалось запугать до такой степени, что они умерли. *Одна из них, в Гавре, начиная с того момента, когда он вынес ей смертный приговор, непрестанно видела его перед собой, грозного и страшного, с гробом подмышкой, подававшего ей знак, чтобы она туда легла.* Она бредила в течение нескольких дней и ночей, а затем скончалась.

Позже я покажу вам этот рассказ в том виде, в каком он был передан мне г-ном П... из Гавра.

Я расскажу вам также, что он делал во Фросдорфе, у Генриха V, которому он так долго морочил голову...»

Теперь, перед тем как покончить с этой жалкой особой, возможно, будет интересно привести некоторые фразы из рукописей и автографированных брошюр из Досье 3. Тем выражено тайное учение Кармеля, изложенное, однако, туманным языком, чаще всего понятным лишь посвященным — как мы с вами, дорогой читатель! В таком виде эти различные тетради распространялись в секте только из-под полы: они относятся к эзотерической литургии и оккультным архивам Кармеля «Иоанна-Крестителя».

ДЕКЛАРАЦИЯ О СЕМИ ТАЙНАХ,

ключ к которым был принесен И.-Кр. Илией Гавриилом в Св. Кармель

«Служению Иоанна-Крестителя надлежит дать нам ключ к *семи тайнам*, составляющим совокупность истин *III-го Откровения*...

Первая тайна. — Адам превратил свое блаженное тело в тело покаянное в результате своего проступка с Евой при их грехопадении; и мы, посредством Иисуса Христа, нового Адама, можем на этом свете создать себе эдемское тело, которое назовем *Блаженным духовным телом*, или нашим бессмертным телом, что является *брачной одеждой*, о коем говорит Евангелие...⁴²⁰

Вторая тайна. — Мы можем также возрождать на этом свете блаженные духовные тела тех, кто умер, не обладая этой брачной одеждой...

Четвертая тайна. — Здесь мы коснемся *Тайны тайн* Святого Кармеля. Св. Иоанн кратко изложил всё свое учение в следующем девизе: *Поможем друг другу*. Необходимо действительно понять, как и каким путем мы можем помочь своим братьям стать достойными произрождения в их блаженных духовных телах..., как и каким путем открыть для них путь вознесений. Если речь идет о живых, то как и каким путем можем мы помочь им оставить путь греха, дабы умертвить в них ветхого человека... И если разговор идет о духах, покуда не вступивших в законы своего очеловечения, то как мы можем их подготовить... Мы должны иметь возможность проникать в миры кары... и вырывать из рук Князя тьмы жертв, подвергнутых наказанию за грехи... Также мы должны уметь открывать пути вознесения...; и то, что мы делаем для тех, кто находится за гробом, нужно пытаться делать также для тех, кто живет на земле...»

Брошюра, из которой мы взяли эти строки, была написана Крестителем 4—5 февраля 1881 года. Мы находим в конце ее любопытную молитву, написанную на клочке бумаги рукой понтифика. Ее чтение доставит вам огромное удовольствие:

⁴²⁰ Как видим, это теория (дурно понятая) *Формирующей способности*, непрерывно порождающей *Астральное тело*, адекватное нынешнему положению какого-либо существа, о котором идет речь, и соответствующее среде, куда оно временно погружено.

Эта великолепная теория *Формирующей способности* никогда не освещалась под правильным углом. Исследователи много и с ученым видом рассуждали об *Астральном теле*: но они, похоже, не признают природу и само существование его субстрата, формирующего потенциала души. Мы приступим к рассмотрению этой проблемы в книге II «*Ключ к Черной магии*».

МОЛИТВА

**для онебесивания нашего духа, ангелизации нашей души и нашего тела
и освящения нашего сердца**

«Отец, Сын и Дух Святой; Иисус, Мария и св. Иосиф! Пошлите нам славных небесных духов, духов и души из миров света и божественных миров, наших небесных покровителей, Илию и всех, кто нас любит; чтобы действие божественной благодати в нас могло онебесить наш дух, соделать наше человеческое естество ангельским, душу и тело, и освятить наше сердце животворящей работой в нас чистой и святой Любви, дабы стать нам Христами и Мариями-Христами в духе и во истине.

Именем Бога живого, единого в трех лицах и в пяти жизненных формах: *Элохим, Саваоф, Адонай, Верона, Иегова*. Аминь. Аллилуйя».

(24 сентября 1880 г.)

С другой стороны, мы читаем несколько, по меньшей мере, подозрительных фраз в автографированном описании гостии, называемой *Империамаэлической*:

«Существа, желающие преобразиться и стать Христами и Мариями-Христами, не должны оставаться в одиночестве. Но, как сказано в Жертвоприношении Славы, они возбуждают и воодушевляют друг друга священным началом истинной и чистой любви.

Но недостаточно образовать *дуэт* на земле, нужно также сойтись в *жизненном дуэте*, пребывающем в духовных и небесных мирах...»

(Стр. 3.)

Этот способ *увеселений вчетвером*, к сожалению, остается лишь в перспективе для избранных. Автор продолжает:

«Жертва, указанная этой гостией, будет принесена в лоне Кармеля; это жертва вечерняя; женская жертва предшествует божественной, которая приносится утром. Так, начало и конец обнимают друг друга и образуют единое целое...

(Стр. 5.)

Взошедшие на гору Кармеля преобразованы, возрождены и преображены; они духовно-небесны. В данном случае они вновь обрели *андрогинное состояние* творения».

(Стр. 13)

Но самые важные и знаменательные выражения мы сможем почерпнуть из Жертвоприношения божественной Славы.

Это *Жертвоприношение* не автографировано; наш экземпляр, целиком написанный рукой г-на М***, снабжен следующей надписью: «Это первая копия; начата в понедельник, 1 марта, в девять часов утра, и закончена в пятницу, 5 числа, в одиннадцать часов утра»:

Подпись: † Иоанн-Креститель Илия Гавриил».

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ БОЖЕСТВЕННОЙ СЛАВЫ

29 страниц in-8. — Март 1880 года

«...Люби их (людей), люби их безмерно; люби их, дабы непрестанно быть зовом благодати пред моим отцом. Люби их, *оставаясь человеком и вечно отдавая себя за них.*

(Стр. 7.)

Мы провозглашаем перед небесами и мирами, по слову самого Илии: истинная любовь, будь то на НЕБЕ или на ЗЕМЛЕ, ПОДХОДИТ КО ВСЕМУ, ОПРАВДЫВАЕТ И ОСВЯЩАЕТ ВСЁ. Слово показало, что такое любовь. *Оно сделалось человеком, не переставая при этом быть Богом...*

(Стр. 8.)

Слово сделалось плотью; оно не сделалось душой, оно не сделалось духом, оно сделалось плотью! Так пусть же все избранные Кармеля стремятся быть похожими на божественное Слово, чье сердце говорит о его любви.

(Стр. 12.)

Мы должны быть великими жрецами любви, представителями всех любовных сил божества, чтобы парить над всеми сферами. Нам нужно держать в своих руках узы, связывающие минеральный, растительный, животный и духовный миры, и проходить через все круги, воспламеняя их своим огнем и торжествуя.

Мы примем хлеб и вино жертвоприношения Славы и, напившись прославленной еднотелностью, более не будем самими собой. Наша плоть, ставшая евхаристической, заставит нас проникнуть в сокровенные тайны вечного супруга...

(Стр. 19—20.)

Нужно любить, любить безраздельно: наша сила, сила всех — в любви...

Внемлите словам Илии: «Если вы трепещете, то вы погибли». Нужно быть смелыми; если вы не смелы, значит, вы не знаете любви! *Любовь приступает, опрокидывает, валит, разбивает. Встаньте!* Будьте велики в своей слабости. Ужасните небо и ад, если сможете...

Да, илийские Понтифики, преобразованные, возрожденные и преображенные на горе Кармеля, воскликните вместе с Илией: А ну, вечные муки! А ну, преисподняя! А ну, САТАНА, кто кого?..»

(Стр. 25.)

Таково Жертвоприношение божественной Славы.

В другой службе, также рукописной и такой же тайной, Иосифическом жертвоприношении Славы (43 страницы in-8), мы отмечаем следующие фразы:

«Пусть наше жизненное причащение к сакральным символам нашего Иосифического жертвоприношения, которые, благодаря божественному всемогуществу, превратились в причастие, производят в нас божественное единение!

Пусть наши сердца, рожденные от старого Адама, узрят, как в них свершается великая тайна любви; пусть они возродятся вновь...

(Стр. 33.)

Эта рукопись снабжена длинной надписью, сделанной рукой самого доктора: «Сверено и удостоверено в соответствии с оригиналом, написанным Иоанном-Крестителем...» «Март 1881 года. Подпись: Иоанн-Креститель Илия Гавриил...»

Остановимся на этом, поскольку было бы бесполезно делать дальше выписки из этих громадных досье, изучение которых больше не сообщит нам теперь ничего нового.

В качестве дополнительных сведений достаточно будет нескольких заглавий произведений: *Провиктимальное жертвоприношение Славы маризиака Кармеля Илии* (45 страниц, petit in-4, рукопись); *Провиктимальное жертвоприношение Марии* (напечатано в Лионе, grand in-8, 27 страниц); *Причина наших упований в эти скорбные дни* (напечатано в Лионе, 1878, grand in-8, 70 страниц); *Зов спасения* (литогр., январь 1877 г., in-8, 32 страницы); *К благочестивым приверженцам Дела Милосердия* (литогр., 7 сент. 1877 г., in-8, 32 страницы); *Видение Илии в Брюсселе* (лит., grand in-8, 6 страниц); *Гостия из святилища редута Мудрости* (автогр., 1878 г., in-8, 8 страниц); *Освящение в Сердце Иисусовом* (напечатано в Лионе, 1884 г., in-8, 64 страницы); *Семь писем от 9 сентября* (лит., август 1878 г., in-8, 20 страниц); *По каким признакам мы можем узнать, преобразились ли мы* (автогр., С. Д., in-8, 6 страниц); *Объяснение девяти писем, посланных святым архангелом Михаилом* (рукопись, in-8, 34 страницы); *Толкование Тетраграмматона* (рукопись, 1886 г., 53 страницы, petit in-4°); *Образ семи превращений* (рукопись, petit in-4, 48 страниц), и т. д., и т. п. ...

Три последних произведений (рукописи, считающиеся одними из самых таинственных в Кармеле) поистине достойны всеобщего осмеяния. Вопиющее невежество доктора Крестителя в области оккультизма выставлено здесь во всем своем простодушии. Мы не останавливались на этом невежестве, сквозящем повсюду в трудах Понтифика, поскольку нашей целью было показать не его неспособность как богослова, а его кощунственность как догматика и подлость как сектанта: с чем, на наш взгляд, мы справились.

Кажется, теперь мы можем улыбнуться и пересказать один последний анекдот, относящийся к году 1886 от Рождества Христова. Эти подробности дошли до нас из весьма достойного источника; но, разумеется, рассказ, передаваемый из уст в уста, не может предложить гарантий абсолютной точности, характерных для подлинных документов.

А теперь послушайте эту историю.

Наш великий «Учитель Мудрости» уже десять лет жил в уединении, одиночестве и тишине — а также в ожидании.

Вы можете спросить: чего же он ждал? Трех вещей:

Что ангелы принесут ему Свыше алмазный щит неуязвимости, пылающий меч побед и фаллический скипетр триумфов... Вот чего он ждал.

В начале марта 1886 года он неожиданно заявил, что Небо незримо вооружило его незримым оружием и он готов приступить к завоеванию мира: он возвестил, что период его *скрытой жизни* завершился и что начинается период его *публичной жизни*. «Я — Иоанн-Креститель, — добавил он, — приход которого предсказал Илия⁴²¹: его миссия — звать, дабы ни одни уши не остались глухи к его зову».

И он отправился на войну.

Поборник прогресса и компромиссов во всем, он тотчас же пошел на уступки вкусам столетия: сильно отличаясь в этом отношении от другого посланца Свыше, появившегося в прошлом году на мировой арене под именем (возможно, слишком синтетическим) *Иоанна-и-Петра*, который, с большой пышностью приняв крещение на пляже Аржелес-ле-Бена от одного парнишки и двух девчушек, торжественно оседлал огромного белого коня, созданного по образцу Апокалипсиса и окрещенного таким же образом, который откликается на зодиакальное имя Стрельца... «Иоанн-Креститель» оказался более современным: справившись в *железнодорожном расписании*, он всего-навсего сел на *скорый поезд* П.-Л.-М. и запросто сошел в Париже.

Что он собирался делать в Париже? Читать проповеди народу? Нести евангелие бульварным зевакам? Дать распять себя на кресте из лопастей «*Мулен де ля Галет*»?.. Вовсе нет. И дело не в том, что для пророка последняя перспектива не была соблазнительной: несомненно, было бы оригинально походить одновременно на Мессию и Главу Апостолов, переживая поочередно, по воле зефира, страсти Господа Нашего и муки св. Петра!..

Как бы то ни было, эта замечательная участь ему не «улыбалась».

Его целью было — прежде чего — посетить знаменитого теософа, который, на самом деле, обладал определенным состоянием и которого он, «Креститель», считал сказочно богатым. Убедить Х***! Покорить его! Привлечь его к себе! Какая победа и какая удача для святого Кармеля!

Вначале «Иоанну-Крестителю» хватило ловкости (или везения) завладеть доверием аббата Z***, восторженной и щедрой натуры, в то время ученика Х*** и одного из лучших его друзей. Упомянутый

⁴²¹ Какой «винегрет»!

церковнослужитель прямо-таки влюбился в Кармель и предложил выступить в качестве посредника и представляющего лица. Мог ли он предвидеть, что понтифик хотел проникнуть к его учителю не для того, чтобы обменяться с ним своими познаниями, но с целью эксплуатировать, по мере возможности, эту «золотую жилу»?..

К сожалению, Х***, проинформированный (стараниями аббата Ш***, брата одной из жертв «Иоанна-Крестителя») о моральных достоинствах и обрядах этого расстриги, наотрез отказался его принять. Но последний не унывал; он воспользовался доброй волей аббата Z***, для того чтобы превратить в форменную резиденцию небольшую гостиницу на улице В... Но как новообращенный ни рассыпался в дифирамбах в адрес «Илии» и «Иоанна-Крестителя» во время своих ежедневных визитов, Х*** благоразумно стоял на своем.

Тогда верховный понтифик изменил тактику.

Он написал непосредственно госпоже Х***, умоляя об аудиенции и клянясь Богом, что излечит эту даму от хронического недуга, от которого она так давно страдала. Мадам Х*** уступила его просьбе в смутной надежде на возможное облегчение: она велела ответить «Крестителю», что его ожидают, и назначила день и час.

Когда Х*** узнал о результатах этих махинаций, он выразил превеликое недовольство и заявил, что не потерпит, чтобы этот низкопробный колдун был допущен к изголовью его больной жены до того, как он сам предварительно не расспросит столь подозрительного визитера...

В это же время у Х*** ежедневно бывал один ученый брамин, посвященный южных пагод Индостана и равно сведущий как в герметической стезе, так и в *пути левой руки*: этот брамин, на которого Х*** пришлось сетовать впоследствии, вызвался взглянуть на «Иоанна-Крестителя» и вскоре велел его впустить, поскольку осмотр не выявил в нем прохвоста, которого следовало бы опасаться, по крайней мере, в образованной среде.

Затем в покоях мадам Х*** произошла сцена, которую нужно было видеть.

Брамин заявил, что берется «обнажить» колдуна, скрытого под внешностью доктора, предполагая, что он является (в чем некоторые его обвиняли) опасным некромантом. Поэтому брамин прикинулся гоэтом, и даже шарлатаном, чтобы выудить секрет своего собеседника.

— *Так, значит, вы посвященный?* — спросил он его в упор своим глубоким и зычным голосом.

— Ну, конечно, — ответил весьма озадаченный понтифик.

— В таком случае — вашу руку, Собрат! Чудесно... Один — я был связан по рукам и ногам; но вдвоем мы перевернем весь мир!.. Да,

кстати (воскликнул брамин, филолог с безупречными познаниями), каким языком вы владеете? Что касается тайных языков, у нас есть китайский, санскрит, древнееврейский, зендский, эфиопский...

— Я не знаю не одного языка из тех, что вы назвали.

— Полноте! Но ведь посвященному необходимо — я бы даже сказал «обязательно» — знать хотя бы один из сакральных языков эзотеризма... Ну, да ладно! Говорите ли вы хотя бы по-гречески? По-немецки или по-русски?.. Быть может, по-английски?

— Нет, я не знаю английского.

— Ну и ну! Но какой же язык вы знаете, помимо французского?

Совершенно сбитый с толку, «Креститель» рискнул ответить:

— Латынь.

— *Optime!*⁴²² — воскликнул индиец и тотчас экспромтом произнес речь на чистейшем языке Саллюстия и Цезарей.

Его собеседник, пожелав ответить, запнулся на первом же слове.

— Хорошо, — сказал брамин, — я вижу, вам больше нравится говорить по-французски. В конце концов, можно быть могущественным магом, не блистая филологическими познаниями...

— Я... просто... немного... подзабыл.

— Ладно, ладно! Не будем терять драгоценного времени: сразу же — за работу! Не хотите ли набить руку и вызвать вашу...

— *Bonne Deus!*⁴²³ Вызвать!..

— Вашу матушку?

— Нет, сударь, нет... я не осмелюсь... я не знаю... эти ужасные действия... Религ...

— Вы, случайно, не боитесь?

— О нет, но...

— Но это же как... А вы, мадам Х***, не позволите ли вы нам вызвать вашу матушку?

— Мою матушку? Ну, ладно!..

При этом неожиданном ответе «Креститель» побледнел и, хотя это происходило среди бела дня, зашел за большое кресло, чтобы тайком перекреститься.

Мадам Х*** и индус обменялись невыразимыми взглядами. Затем брамин заговорил грубым голосом, который из очень громкого стал громовым:

— Итак, Сын Шломо-бен-Элохим, каковы ваши привычные ритуалы? Вы используете мертвую голову или змеиную кожу?

У бедняги подкосились ноги. Он залепетал:

⁴²² Зд.: Превосходно! (лат.)

⁴²³ Боже правый! (искаж. лат.)

— О нет! Никогда... Никогда... Господи! Эти отреченные науки!.. У меня совсем другие методы: молитва, высшее повеление Духам Света силою...

— Чего?

— Силою... Или...

— Довольно! Объедините свои намерения с моими: встаньте! Я буду читать заклинания, общие для вашей и моей религии. Левая рука — в воздухе, правая — крепко прижата!.. Все пальцы левой руки тоже сжаты, за исключением большого и мизинца!.. Вы поняли?

И брамин, с невероятным воодушевлением и серьезностью, дал волю своему прихотливому воображению, примерно в таком духе:

«Мать Милосердия⁴²⁴, ты крестишь Эфиром и центральным Огнем, небесной и наднебесной Водой! Отвори нам зодиакальный источник, но не нормальных отливов, а обратных приливов, дабы Духи, откликаясь на наш призыв, явились к нам задом наперед в своем нисхождении, подобно тому, как шли они, обратив свой взор к Тебе, когда поднимались в твоем свете по лестницам Бесконечности!

Дух, умоляю тебя; Душа, заклинаю тебя; жизненный флюид, повелеваю тебе вступить в верховный союз с Сыном Неба, чью руку я держу и который соединяется со мной в заклинательном ритуале!

Ангел с мертвыми очами, повинуйся мне, белый цветок из склепа, пустое подобие того, кого оставила земная жизнь и кто взбирается ныне по горным тропам!.. Ангел вечной Майи, отвори свое остывшее святилище, дабы вновь принять святое пламя, что низойдет по моему зову!

Душа-Дух, взываю к тебе, вызываю тебя, заклинаю тебя! Снизойди по моему повелению во флюидическую темницу нового эмбрионата... Мы принудим тебя к этому, я, N***, и он, Креститель, объединенные волей во Зле и во Благе, *per fas et nefas*...»

Понтифик Кармеля больше не мог этого выносить. Он грузно повалился на пол, не став на колени, а, скорее, распластавшись на животе. Когда брамин искоса взглянул на него, то увидел, что он валялся на полу, торопливо крестясь и в ужасе перебирая зубами четки...

— Кретин, — пробормотал уроженец Востока.

Возможно, у Крестителя свело живот от страха. Дело в том, что он даже не стал искать предлога, чтобы уйти, но тотчас раскланялся с растерянным видом...

⁴²⁴ Нужно ли говорить, что мы не отвечаем за ту ахиню, которая неслась во время этого магико-комического представления?

Поскольку сама суть верна, мы отстаиваем права рассказчика.

— Учитель, — воскликнул брамин, когда дверь за ним захлопнулась, — я узнал то, что хотел узнать: этот плут безвреден. Он способен оказывать влияние лишь на слабые умы и робкие натуры... Он — круглый идиот, и я ручаюсь в том, что он ничего не смыслит в Гоэтии⁴²⁵. Он никогда всерьез не вступал на *Путь левой руки*, и если он однажды попытается это сделать, то умрет со страху, прежде чем успеет сорвать хотя бы один из тех чудовищных и гибельных цветов, которые собирают там бесстрашные искатели преступлений и безумия...

Брамин повернулся к мадам Х***:

— Мадам, вы можете принимать этого дурака без малейшей опасности: я отвечаю за его безвредность.

— Но следует ли мне лечиться у него?

— Он сказал мне, что собирается *действовать* молитвой... А молитва, мадам, еще никому не причиняла зла.

И на этом брамин, в свою очередь, откланялся.

Мне рассказали, что «Креститель» сделал из своей встречи у Х*** целую историю. Я продолжаю, пользуясь сведениями, полученными из третьих рук, и, стало быть, не ручаюсь за достоверность.

Из самого сердца Индии, говорил он, приехал брамин, чтобы увидеть его, «Крестителя», а также — дополнительно — повидать Х***. Этот брамин немедленно бросился к ногам «Иоанна-Крестителя» со словами: «Учитель! Вы — тот, пред кем падают ниц все Сыны Света: прикажите нам, и мы подчинимся!.. Ах, если бы вы изволили остаться с нами, победа Святого Кармеля была бы обеспечена, и под вашим руководством мы перевернули бы весь мир!..»

На эти слова «Иоанн Креститель» любезно поднял сына азиатских солнц (*sic*), брамина-буддиста (*sic*) первой категории и совершенного посвященного и, забыв о собственном чине, *похристовался* с ним. Так, Глава Мудрецов никогда не унижает себя: ибо его милосердие уравнивает неравные ситуации, нивелируя духовные касты...

⁴²⁵ Брамин слишком категоричен; мы приводим его мнение без изменений, но не разделяем его — по крайней мере, безоговорочно.

Не следует забывать, что «Креститель» был представлен ему как посвященный, и в этом качестве он считал его несостоятельным. Брамин прав. То, что он называет *путем левой руки*, — это путь могущественного адепта, отклонившегося ко злу и ставшего *дугна*. На Западе мы вкладываем в слово «колдун» иной смысл.

Мы согласились бы с точкой зрения брамина, если бы оно означало, что «Креститель» не способен бороться на астральном плане против твердой и просвещенной воли. Но мы знаем, какое пагубное воздействие он мог оказывать на суеверные и боязливые натуры.

Выходит, он даже опаснее, поскольку нападает на слабых.

И вот «Креститель» увидел мадам Х***, помолился у ее изголовья и отдал *повеления Духам Света* — но всё было напрасно... Причина этого неуспеха заключалась в вере мадам Х***, которая, очевидно, была недостаточно глубокой.

Кроме того, он преподнес мадам Х*** хрустальный медальон, оправленный серебром, в котором (как он говорил) содержались мощи и различные реликвии. В действительности же, этот медальон заключал в себе освященную гостию и другие предметы, о которых лучше умолчать: в этом вновь проявился священник-отступник.

Мадам Х*** не могла отказаться от этого медальона, стоившего двадцать пять франков, что вызвало у нее сильное неудовольствие.

Со своей стороны, ученый Х***, принимая во внимание, что «Креститель» был у него принят, в день его отъезда совершил банальный поступок, нанеся этой особе краткий визит. Переводим в стиле «Крестителя»: «Он пришел проститься со мной, поблагодарить меня и попросить у меня указаний на будущее. Я наметил для него линию поведения и должен был присовокупить к ней несколько советов, и он принял от меня, перед моим отъездом, поцелуй примирения. Затем (это ложь) он отвез меня на Лионский вокзал».

На самом же деле, знаменитый теософ застал доктора в грязном номере, в залатанной одежде. Была еще зима, но Понтифик не разжигал огня... Не то, чтобы ему не хватало денег: г-н М*** позаботился о том, чтобы щедро наполнить его дорожный кошелек. Но «Иоанну-Крестителю» подобало если уж не быть покрытым коровьим навозом, ходить голым по пояс и вымазанным зловонным жиром, как в его первом воплощении Предтечи, то хотя бы казаться чрезмерно суровым. Да и кто не знает, что в подобном случае немного грязи не повредит?..

Словом, вид болезненного старика, повергнутого в подобную нужду, глубоко тронул Х***, и так уже весьма смущенного подаренным медальоном. Перед уходом он попросил писчие принадлежности и сунул сто франков в конверт, который вручил «Крестителю» со взволнованным видом: «Для ваших бедняков с Юга», — сказал он ему.

Позднее «Креститель», утверждая, что показывал у Х*** этот медальон (бесценное сокровище, имевшее еще более высокую стоимость) самым непринужденным тоном утверждал, что забыл его на улице В... К счастью, этот предмет искусства был благоговейно спрятан в выдвижной ящик и затем отослан доктору заказной почтовой посылкой. Планы «Крестителя» были сорваны: ему не удалось «раздуть» эту историю.

В отместку он стал намекать о том, что Х*** — *грозный маг*: факт, что наследник Вентра покинул Париж в ужасе. Он отказывался объясняться насчет Х*** и лишь в минуты откровенности давал понять, что этот страшный некромант, наперсник Сил Тьмы, заставлял служить себе всю Преисподнюю (*sic*).

На самом деле, подобные подозрения должны были показаться мерзостными *Избраннику*, который каждую ночь *онебесивается* от поцелуев ангелов Света, Сахаэля, Анандаэля и прочих и позволяет осаждать себя *a posteriori* похотливому фантому обрезанного Иезекииля.

Этот израильтянин с того света действует лечебным, хотя и необычным способом — и очевидно, одно из нападений равносильно для него очищению желудка и кровопусканию. К тому же он располагает для своих партнеров животворящими и благотворными флюидами, *которые заставляют существа подниматься, ступень за ступенью, по восходящей лестнице жизни...*

ET NUNC, LENONES, INTELLIGITE: ERUDIMINI, QUI JUDICATIS LUPANAR!⁴²⁶

⁴²⁶ Итак, вразумитесь, сводни; научитесь, судьи борделя! (Лат., ироничное обыгрывание уже приводившейся цитаты из Псалтыри: 2:10. — *Прим. перев.*).

В отместку он стал намекать о том, что Х*** — *грозный маг*: факт, что наследник Вентра покинул Париж в ужасе. Он отказывался объясняться насчет Х*** и лишь в минуты откровенности давал понять, что этот страшный некромант, наперсник Сил Тьмы, заставлял служить себе всю Преисподнюю (*sic*).

На самом деле, подобные подозрения должны были показаться мерзостными *Избраннику*, который каждую ночь *онебесивается* от поцелуев ангелов Света, Сахаэля, Анандаэля и прочих и позволяет осаждать себя *a posteriori* похотливому фантому обрезанного Иезекииля.

Этот израильтянин с того света действует лечебным, хотя и необычным способом — и очевидно, одно из нападений равносильно для него очищению желудка и кровопусканию. К тому же он располагает для своих партнеров животворящими и благотворными флюидами, *которые заставляют существа подниматься, ступень за ступенью, по восходящей лестнице жизни...*

ET NUNC, LENONES, INTELLIGITE: ERUDIMINI, QUI JUDICATIS LUPANAR!⁴²⁶

⁴²⁶ Итак, вразумитесь, сводни; научитесь, судьи борделя! (Лат., ироничное обыгрывание уже приводившейся цитаты из Псалтыри: 2:10. — *Прим. перев.*).

КОЛЕСНИЦА = СЕПТЕНЕР = ТРИУМФ

ЗАВЕРШЕНИЕ = ПОЛНОТА = БОГАТСТВО = ИЗБЫТОК...

ЦВЕТЫ БЕЗДНЫ

ГЛАВА VII

ЦВЕТЫ БЕЗДНЫ

Еще пара слов для интересующихся проблемой Черной магии. Склонившись вместе с нами над бездной, чью крутизну они смогли охватить и чью головокружительную тьму им удалось измерить, возможно, они без удивления заметили, как на краях и даже в овраге, ведущем в пропасть, распускаются какие-то цветы дикой и губительной красоты, с хмельным и дурманящим ароматом...

Неужели они не знали, что у Зла есть своя поэзия? Даже от мерзостной тайны исходит фантастический идеал, пленительный и зловещий, прельщавший некоторых людей во все времена.

Будьте осторожны, любопытные! Здесь кроется великая опасность эксцентричных экскурсий в миры, заказанные для причуд непосвященных. Тот, кто отваживается вступить без проводника на тропу небывалых эмоций, уже ступает путем своей близкой гибели: всё вокруг него способствует его распаду и предрекает его. На двери, которую он пересечет, Данте мог бы запечатлеть грозный терцет из своего *Inferno*:

*Per me si va nella citta dolente;
Per me si va nell' eterno dolore:
Per me si va tra la perduta gente!..*⁴²⁷

Правда, они требуют от Колдовства лишь присущих ему чар искусства⁴²⁸: для этих опасности намного меньше. Они довольствуются внешней яркостью Гримуаров и грызут лишь «корку» запретного плода.

Но иные смельчаки смакуют самую сокровенную поэзию Зла. Искушение для них было слишком велико; они не смогли устоять перед ним. Их совратил дух злобы, которым они теперь одержимы. Отныне они плывут по флюидическому потоку извращенности к бездне бессознательного, которая должна однажды их поглотить. Это самоубийство — завершение их судьбы: волей-неволей все они сюда сходятся; и некоторые из них — весьма окольными путями. Они уничтожают даже свою индивидуальность путем ее усиления: и если лихорадка неуступчивого эготизма увлекает их в небывалые странствия с целью приобретения исключительной оригинальности — бесплодные усилия, иллюзорное приобретение, — они все равно потерпят поражение. Вместо того чтобы создать искусственное «Я», они лишь потратят все силы на то, чтобы разрушить в себе «Я» реальное.

Пропасть Бессознательного! Это Мальштрем, куда великий Искуситель незаметно увлекает их утлые челны, ослепляя глаза кормчего фантасмагорией обманчивых миражей. Поднимается глухой рокот, вскоре усиливающийся и переходящий в гул; но мореход, едва ли отвлекаясь от своих мечтаний, не замечает, как его суденышко начинает вращаться по кругу в окрестностях всё еще далекого водоворота; что его движение ускоряется; что оно кренится на левый борт, описывая спираль, диаметр которой на глазах сужается...

⁴²⁷ Я увожу к отверженным селеньям,
Я увожу сквозь вековечный стон,
Я увожу к погибшим поколениям!..

(«Ад», Песнь III, перев. М. Лозинского.)

⁴²⁸ У нас в ушах до сих пор звучит привычная острота одного из наших друзей-литераторов, тонкого теоретика «Символистской школы». Все, кто знаком с манерой речи этого аэда, переселившегося из Эллады, у которого, впрочем, есть задатки великого французского поэта, без труда представят себе, каким экзотическим, наставительным тоном он недавно восклицал, обращаясь к нам: «Ты — маг, а я — колдун: и это намного ярче!..» В самом деле, г-н Мореас — художник-чародей. Откройте его «Кантилены» на страницах с «Мелюзиной» и «Ведьмой из Беркли», и вы согласитесь с тем, что трудно было бы лучше понять чарующую и яркую сторону черной магии и передать впечатление от нее более адекватным и сильным слогом.

Жан Мореас — великий литератор-«колдун» в завидном и лестном смысле этого слова.

Однако волшебная иллюзия удваивает свои пленительные чары... Бездна грохочет уже в нескольких кабельтовых; но кормчий ничего не слышит. Зияющая воронка уже всосала в себя хрупкую лодочку, увлекаемую, подобно перышку, вращающейся внутренней стеной, но кормчий ничего не видит — и вот он исчезает на дне водоворота, по-прежнему пребывая в экстазе, со взором, погруженным в лазурь его грезы!

Посвященные знают, почему бессознательное является собственной стихией Сатаны-Протея, центральной точкой, куда — роковым образом — неумолимая логика Гоэтии приводит своих непосредственных и косвенных приверженцев, своих фактических или мысленных последователей. И если бы нас попросили уточнить, с помощью каких симптомов проявляется у адептов Гоэтии — сознательных или нет — это движение к бессознательному, то мы бы ответили, что оно обнаруживается сначала в потере логических способностей; в обращении к философиям, отрицающим свободную волю и бессмертие; и, наконец, после смерти, в регрессе к самым ничтожным формам элементарной природы.

Чистый, явный, намеренный и воинствующий (если можно так выразиться) сатанизм — исключительный вид зла. Жили де Лавали, Давиды из Лувье и каноники Докры⁴²⁹, слава Богу, встречаются крайне редко. Но случаи непрямого колдовства — неисчислимы.

⁴²⁹ *Каноник Докр*: любопытный образ священника-колдуна из «Там, внизу», последнего романа г-на Ж.-К. Гюисманса. «Там, внизу» недавно вызвал оцепенение материалистической публики, и у нас есть все основания быть в восторге оттого, что нам представилась возможность сказать о нем пару слов. Это замечательное исследование, столь добросовестное в том, что касается монографии о господине де Рэ, грешит неточностями и изобилует оскорбительными обвинениями в адрес современных оккультистов. В чем причина этой странной аномалии? Ответ очень прост: если страницы, воскрешающие владельца замка Тиффож, были тщательно документированы, то это произошло потому, что г-н Гюисманс, заинтересовавшись этим мысленным воссозданием, полагался только на собственную библиофильскую и палеографическую инициативу. Отчего же он не всегда так ревностно стремился к тому, чтобы разузнать обо всем самостоятельно? Тогда бы его страницы, посвященные современному исследованию, можно было бы приравнять к страницам ретроспективной эрудиции, и документированность его книги постоянно поддерживалась бы на уровне манеры письма. «Там, внизу» стал бы шедевром.

Дабы мы могли возложить вину на г-на Гюисманса за фактические ошибки — и, что еще хуже, за безосновательную клевету, — наивным публикатором которых он стал, его досье должны были бы исходить от третьего лица, сильно заинтересованного во лжи. Но мы знаем из *очень достоверных источников*, что романист написал свое произведение с непостижимым легкомыслием на основании подложных документов, которые передал ему мерзкий негодяй, сурово раскритикованный в главе VI нашего произведения под псевдонимом *Доктор Креститель*. Г-н Гюисманс стал жертвой обмана этого злобного лицемера, полностью завладевшего его доверием. Это сушая правда, поскольку г-н Гюисманс признался одному из своих близких друзей в том, что переписал заметки этого расстриги, причем ему даже в голову не пришло проверить их точность. Это было так просто!..

Отчаянные месмеристы, эксцентричные спириты и медиумы, болезненные приверженцы фальшивого идеала или сторонники смутного мистицизма, те, о ком мы рассуждали в предыдущей главе, блуждают в поисках невеликих чудес: *феномен любой ценой* — один из самых фанатичных лозунгов. Эти буржуа от колдовства демонстрируют вам сверхъестественное, путь даже в прихожей; или же вы видите, как эти признанные чудотворцы «сбывают» в ярмарочных балаганах подлинные чудеса.

Под этой самой рубрикой «непрямого колдовства» можно каталогизировать другие экземпляры, более достойные нашего внимания: художники или мыслители, те, кто столь же неизбежно губит себя в поисках своего «золотого руна»; их терзает ностальгия по некоему воображаемому Олимпу, на котором они могли бы быть Зевсом-громовержцем; либо лихорадка неосуществимого альтруизма; либо родовые муки необычной концепции, порой чудовищной и возвышенной, философской, научной или художественной. Эти гениальные маньяки, эти патриции современного колдовства действуют наверняка; и даже несмотря на свою извращенность, они обладают полным правом на наше внимание; мы бы даже сказали — полным правом на нашу симпатию. Они несомненные извращенцы: они одержимы лиризмом зла; их волнуют лишь эти гибельные аккорды, и они даже распространяют их... Ведь не говоря уже о том, что лихорадка разума заразна, инфернальный прозелитизм служит правилом у колдунов всех сословий и чинов. Наш дух осуждает этих ересиархов мысли и чувства; но отчего же наша душа не в силах их ненавидеть? Потому что они из моисеевой расы *Гибборим*, языческих полубогов: Икары неизреченного небосвода, они парили очень высоко, перед тем как устремиться вниз; их молниеносное падение озаряет глубины зла — вот в чем секрет нашей симпатии к ним!

Вечно действуют обольстительные чары бездны, и другие люди будут привлечены ими, в свою очередь... Смотрите, не наклоняйтесь!..

Упоительный аромат, исходящий снизу, колышется и медленно разворачивает свои тяжелые завитки. Это чувственный, томный запах,

⁴²⁹ (продолжение)

Вдобавок к этому, автор «Там, внизу» предъявляет Ордену Розы+Креста самые неправдоподобные обвинения, не представляя и «тени» доказательств; мы же, наоборот, гордимся тем, что не высказали против Крестителя ничего такого, что не было бы неопровержимо установлено. Понтифику Кармеля посчастливилось одолжить «золотой кубок», дабы излить в него желчь и грязь своей клеветы; тем лучше, или хуже, для него. Что же касается г-на Гюисманса, то, если наша VI глава попадетсся ему на глаза, мы ни на минуту не сомневаемся, что он не признает своего заблуждения, будучи глубоко огорчен тем, что, руководствуясь самыми честными побуждениями, стал пропагандистом ложной концепции и соучастником скверного дела.

разливающийся в воздухе; он подступает всё ближе и ближе... Вот уже зараза достигла цветов на краю оврага, чьи чашечки склоняются и дрожат, отягченные любовью. И, словно бы устав от самих себя и ощутив дурноту от собственного благоухания, все венчики настойчиво просят руку сорвать их.

Их аромат дурманит — и от него кружится голова.

Пучина внизу озаряется. Обманчивое видение зажигается в черных глубинах неведомого: это сам Сатана в ослепительном сиянии, преображенный и переодетый ангелом света!

Это зрелище слепит глаза — и от него кружится голова.

А этот голос! Он поднимается с самого дна пропасти, благозвучный и коварный, как пение сирен; пострекающий к отрицанию, вызывающий сладострастное отчаяние...

Его пение будоражит слух — и от него кружится голова.

Этот голос, как бы исходящий из самой сути вещей, говорит с растерянной душой на разлагающем, очень горьком и очень нежном языке, который душа, увы, понимает, никогда ему не учившись. Его можно было бы назвать доверительным шепотом среды, словно бы живая Натура целиком раскрывается в этом голосе, который настолько глубоко отождествляется с вашим сокровенным глаголом, что говорит в вас и вместе с тем вне вас.

И вот внутри разрывается завеса: все темные идеи, озаряясь внезапным светом; все невысказанные чувства, высказывая себя перед Судом вашей Совести, утверждают свою независимость, проявляют свой анархизм и раскрывают вашей нравственной индивидуальности присутствие другого лица, о котором вы даже не подозревали, — жившего в вас. Загадочная неопределенность, истома и беспечность насильно овладевают свободной волей и подавляют ее: «Я» приходит в смятение, чувствуя, как с ним соприкасается, как в него проникает и вторгается «Не-я»!

Вскоре обе противоположности смешиваются. Вы сомневаетесь во всем и в себе самих. По правде, нет ничего, что казалось бы вам невозможным; но в то же время у вас ни в чем нет уверенности... Кто же выражает это всеобъемлющее сомнение? Говорит ли ваше «Я» или коллективное Это существ, внешних по отношению к «Я»? Вы не знаете.

Какая страшная судорога сжимает, истощает и изнуряет вас? Какая психическая зараза, которому подвергнута универсальная Натура, заставляет вас с радостью приобщаться к деградации существ и вещей? Это многообразное опьянение скрыто в омывающей вас атмосфере, и вы невольно смакуете осадок на дне кубка ложного мистицизма, где столько экстазов смешано с таким множеством разочарований!

Ложная инициация... проклятая и лживая инициация, при которой Посвятитель скрывается и остается неизвестным! Его бессвязные, двусмысленные и все же удивительно суггестивные слова, похоже, исходят поочередно то от Бога, то от дьявола. Это учение, смешивающее все противоположности с целью остаться двойственным: Истина высказывается в нем лишь для того, чтобы быть протитуированной в результате коитуса с Заблуждением. Таков весьма странный характер этого урока, приходящего из бездны: утверждения и отрицания скрещиваются, сплетаются и соединяются... Иронизирует ли голос во время своих утверждений? И не отрицает ли он лишь для того, чтобы опровергнуть свои же отрицания? Не для того ли он богохульствует, чтобы осудить свои же собственные богохульства? Именно этого не в силах распознать неофит, и его беспокойство растет.

Мы слышали этот Голос, принадлежащий *Сатане-Пантею*. Без сомнения, никто не узнает, о чем он учит и что он внушает, пока не ощутит его доверительного, неопределенного шепота... Бесполезно было бы пытаться заключить во фразы эту тонкую сущность: она вибрирует, звонкая и текучая — неуловимая. Мы только постараемся намекнуть на ее лукавую манеру и загадочный тембр.

Мы слышали этот Голос... Возможно, читатель, тебе тоже дано будет ему внимать: да хранит тебя от этого Бог!

— Ты вонзил свой огненный меч в самое сердце Земли, о Керуб! В самое сердце неверной любовницы, что от поцелуев бога сохранила на своей груди лишь зародыши лжи и обмана. Ты вонзил его в сердце Земли, о Керуб! И гарда эфеса распускается световым крестом — подобно цветку.

Твой мужественный меч, о Керуб, оплодотворяет нанесенные им раны; как только они зарубцуются, то становятся световыми матками; и груди, которые ты пронзил, стали материнскими; и существа, которых ты благословляешь в своей суровости, порождают свет и жизнь! Но напрасно твой меч проколол грудь проститутки небытия: ее грудь даже не вздрогнула и осталась бесплодной; и эти коричневые соски не набухнут молоком бессмертия... Этой супруге старика Кроноса достался лишь самый печальный удел девственницы: две смертельных привилегии — бесчувственность и бесплодие.

О Земля, поцелуй твоего супруга не оплодотворил тебя; твой супруг проклял твое чрево, вечно холодное для него, и его вотще возрождаемый пыл не оживил твоего мрамора; он распаляется лишь блудодеянием, укусами Супостата и объятиями Лукавого... Твоя вечная неверность неумоимо зачинает и раз за разом рождает обманчивую иллюзию. Ты произвела на свет лишь призраков, и inferнальные ларвы — исчадия твоей преступной утробы.

Но Супостата не существует: твои скверные ночи — греховный сон, а твои бесчисленные сыновья — лживые видимости, обманывающие бесплодие.

И таковы богохульства твоих чад:

— «АЛЕФ! Абсолюта не существует. — БЕТ! Вера обманывает нас, а Знание обманывает само себя; и бесплодна вечная борьба этих двух поразному лживых сил. — ГИМЕЛЬ! Глагол бытия, ты — ничто, подобно ему самому: ты лишь отражение тени или тень отражения. — ДАЛЕТ! Кубический камень вовсе не закреплен на своем основании. — ХЕ! Плодовита только материя, для служения культу Молоха: Дух не рождает ничего. — ВАВ! Любовь — вечная и безысходная борьба. — ЗАЙН! Только сила побеждает в настоящем так же, как торжествовала она в прошлом и будет прославлена в будущем...»

О Земля, о Земля, внимли: таковы богохульства твоих чад!

— «ХЕТ! Равновесие — смерть в результате неподвижности; Движение — смерть в результате борьбы. О Жизнь, ты лжешь самой себе. — ТЕТ! Тернер отрицает себя трижды в омерзительной тайне. — ЙОД! Первопричина — это вовсе не Дух. — КАФ! Сила превосходит Право. — ЛАМЕД! Жертвоприношение — бесплодная ирония, оскорбительная для себя самой. — МЕМ! Любовь рождает не для Жизни, но для Смерти. Одинокaя и нетленная Смерть восседает на прахе веков. — НУН! Любое Превращение — обман, любое изменение — вырождение: всё растет лишь для того, чтобы предоставить больше пространства для разрушения, больше «пищи» для смерти. Прогресс разрешается зрительной иллюзией; универсальная Жизнь тождественна бесконечной агонии».

О Земля, о Земля, внимли: таковы богохульства твоих чад!

— «САМЕХ! Царь природы — Шатан, тот, кто утверждает лишь для того, чтобы отрицать. — АЙН! Добродетель, Искусство и Наука возводят в облаках свои химерические Вавилонские башни, чьи верхушки разрушает огонь небесный. — ПЕ! Идеал существует лишь для астрологов чувств, которые всю жизнь наблюдают за звездами. — ЦАДЕ! В борьбе за существование Вероломство — тактика, Хитрость — необходимость, Засада — право: нужно убивать, чтобы жить... или решиться умереть, чтобы уступить место тем, кто хочет жить, убивая. — КОФ! Золото — единственный бог, чей алтарь люди никогда не разрушат. Будь же милостиво к нам, высочайшее божество! При твоём свете, сияющем светило, всякая добродетель плавится и растворяется, словно воск на пылающих углях... Земной и солнечный Юпитер, вселенский Дон Жуан, призри на наши чаяния, ибо тебе подвластны все души: *omnibus luces, omnibus imperas; qui resistet tibi?*⁴³⁰ — РЕШ!

⁴³⁰ Все светила, все власти, кто устоит перед тобой? (лат.)

Материя — вечный феникс, который один возрождается из пепла. Душа — последовательность чувств и мыслей; Мысль и Чувство, эти эфемерные сублимации органической материи, умирают вместе с ней. В момент смерти мозг перестает выделять эти летучие сущности... Бессмертие? Химера. — ШИН! Любовь? Глупость или безумие... Жертвовать собой? Роль для дураков».

О Земля, о Земля, внимли: таковы богохульства твоих чад! И вот последнее, подчеркивающее их и подводящее им итог:

— «ТАВ! Мир плох, и если его сотворил Бог, то это Бог, возжелавший зла. Если же он возжелал зла, то это Бог «наоборот»: его имя — не ЙОД-ХЕВЕ, а ХЕВЕ-ЙОД, то есть Шатан!»

О Земля, ты услышала богохульства своих чад. Так восклицают Сыны Проклятого, позор твоей утробы. Выводы их человеческой логики сверкают зловещими молниями и гремят проклятиями Небу.

И Небо предаёт анафеме человеческий разум. Всевышний Бог отрекается от нижней Богини, Богини Разума... На утесе своей гордыни человек построил мятежную крепость. Огонь Небесный должен обратить во прах этот нечестивый храм, где восседает идол, соперничающий с Господом...

Но ты сама, земная Супруга, не восхваляла ли ты в своем бреде плод неискупимого блудодеяния: этот мысленный призрак, это дыхание дня — человека разумного? Противопоставив славе божественного Логоса бессвязную суетность человеческого глагола, не упивалась ли ты кощунственной надеждой? О Земля, не возжелала ли ты сравняться с Небом?

Тщетная надежда! Греховная мысль... Ты говорила себе: «Я сублимировала цветок своей виртуальной энергии; я дистиллировала эликсир своей собственной сущности; я породила Человека — этот живой Разум — единосущный Богу!

Но вот Человек разумный, проявив свой Разум, для того чтобы подтвердить эту химерическую личность, доказал, что Бога нет и что он сам не обладает сущностью, будучи становлением... С тех пор Небо и Земля нивелировались в равенстве небытия!

О Земля, вот твой шедевр — Человек! И ты, Человек, плачевная и дорогая иллюзия падшего сознания и упраздненного божества; ты, Человек, вот твоя несправедливая матка — Земля!.. Внемлите мне оба!

Ты ошиблась, Земля, когда захотела выработать свою сущность по образу небесного идеала. Возвращайся к своему инстинкту: спи и грезь!

Что же до тебя, Человек, которому лучше было бы не рождаться в иллюзии сознательной объективности; раз уж ты здесь, ложь низшей Натуры, жалкая подделка Эмпирея, то возвращайся к своему инстинкту. Кем бы ты ни был, наконец, возвращайся в Бессознательное: спи и грезь!

Видишь этот эфирный поток, бурный и ласкающий, грозный и спокойный, чье жидкое золото сверкает, неся через миры коллективное упоение потопленных существований? Приветствую сладострастный прилив безличной Жизни; приветствую универсальный растворитель искусственных существ. Погрузись в него. Постарайся в нем утонуть. Это освобождение! Это блаженная жизнь грезы, или греза о счастливой жизни!

Кто я, по-твоему? Голос, пришедший неведомо откуда, заволаживающий и утешающий... в любом случае, вестник надежды!.. Если я — Иллюзия, то я всё же приношу неполноценной Реальности утешение грезой; если же я — Реальность, то затмеваю болезненные кошмары сатанинской Иллюзии.

Придите ко мне, страдающие и отчаявшиеся! И я убаюкаю вас нескончаемым сном, исполненным света и благоухания... Сон! Он иллюзорен лишь потому, что исключителен в земной жизни. Предположим, что бодрствование стало исключением, а сон — привычным, стало быть, нормальным состоянием... Тогда он был бы самой Реальностью, единственно верной и единственно длительной; тогда земная жизнь показалась бы лишь случайным и мимолетным кошмаром.

Ко мне, все безутешные, страдавшие и несчастные... ко мне! Ибо я несу жизнь Грезы, или же Грезу о жизни!

Голос Сатаны-Пантея изменчив и многообразен, подобно этой физической Веселенной, душой которой он является. Он говорит с каждым на знакомом ему языке: с художником он говорит об искусстве, об оккультизме — с мистиком и об интригах — с деятельным человеком. Но о чем бы он ни говорил — когда он глаголет — все эти смешанные понятия делают исступленную душу добычей одного-единственного убеждения, гложущего ее, словно рак: всё напрасно, ни в чем нет уверенности... И из этого хаоса неопределенности исходит последний повелительный, категорический концепт: настоятельная необходимость индивидуального нравственного отречения.

Что же, в конечном счете, утверждает этот голос? Отрицание, небытие человеческого глагола — вот что он доказывает; регресс к инстинкту — вот что он предлагает; апофеоз бессознательного⁴³¹ — вот что он прославляет. И в качества средства достижения этого ложного идеала, губительного для души, он советует погрузиться в безбрежный и бездонный поток вселенской физической жизни.

В этом самоубийстве состоит «альфа и омега» Гоэтии (см. гл. III, стр. 195). Поэтому, чтобы подтолкнуть нас к нему, Сатана-Пантей — также являющийся Сатаной-Протеем — ухитряется скрыть свое приглашение под самыми неожиданными и наиболее притягательными формами. Гоэтия не ограничивается грубо-выразительными делами вульгарного колдуна; мы определили ее как использование во зло скрытых сил природы: готовая проникнуть, подобно неувимому вирусу, во все видимые и невидимые сферы, — повсюду, где человек проявляет свою энергию, эта «чума» сеет опустошения.

И в самом деле, искусства, литература, философия и даже богословие во все времена были в той или иной степени пропитаны едкой «закваской» пессимизма, которую великий Искуситель «прививает» поколениям как самое верное средство для того, чтобы заставить их внять своему голосу, подстрекающему к нравственному самоубийству.

⁴³¹ Согласно эзотерической традиции, земной человек, индивидуальное Сознание, помещается между двумя видами Бессознательного: высшим Бессознательным, или вселенским Духом, и низшим Бессознательным, или Коллективным инстинктом. В зависимости от того, вступает ли он в контакт с тем или с другим, человек получает: свыше — божественное Вдохновение или снизу — физическую Интуицию. Таким образом, каждый волен усваивать тот или иной «напиток» по мере своих способностей; но вовсе не следует погружаться или растворять свое «Я» во вселенском Духе либо в коллективном Инстинкте. Впрочем, вселенский Дух называется Бессознательным (высшим) только в противоположность индивидуальному Сознанию; его можно было бы назвать также «Не-Я» (высшее), в отличие от индивидуального «Я». Означает ли это, что он лишен «в себе» сознания или бытия? Выводить подобные заключения — значит играть словами. В данном конкретном случае речь идет лишь о низшем Бессознательном.

Способный к всевозможным «переодеваниям», Сатана-Пантей неустанно преобразуется во Христа во славе — и даже в Будду. Разве мы не видели, как недавно в Индии он заимствовал чары экзотического квиетизма последнего и всю магию его вековых традиций, для того чтобы околдовать неискушенные взоры коварными миражами и сбить с пути эти души, день ото дня всё более многочисленные, которые, испытывая отвращение к трясине материализма и устав от узких горизонтов университетского эклектизма, пытались ориентироваться по едва заметному проблеску мистического идеала? Некая теософия, в действительности, извратившая самые возвышенные понятия эзотеризма, очевидно, постаралась перемешать искры истины и «блуждающие огоньки» заблуждения. Так, многие так называемые толкователи загадочных Махатм распространяли полезные учения; но можно было видеть, как другие братья искажали понятие Абсолюта и даже делали из него основу атеистического синтеза, сводя бездонную Парабрахму к небытию. И, дабы их мораль была достойна их теодицеи, они превозносили под видом альтруизма самоубийство истинной личности: таким-то образом они интерпретировали Нирвану (состояние дольных человеческих единиц, реинтегрированных в божественное Единство), так что на пути к этому виселичному идеалу вместе со своей когортой избранных они напоминали мясников, проходящих со своим стадом по дороге на бойню!..

Итак, определенная литература, подобно определенной философии, определенному мистицизму и определенному искусству, относится к Гоэтии непосредственным или опосредованным образом. Это означает, что мода, в которой осуществляется деятельность человека, вовсе не требует, чтобы сатанизм не был способен наводнять и пропитывать; подобно тому, как она не требует, чтобы божественное Вдохновение не могло наделять силой и облагораживать. Глубинная причина этого кроется в сущности *человеческого Слова*, демиургического и срединного Агента между абсолютным и относительным, между духом и материей, между Богом и Сатаной.

Магическое Могущество — доброе либо злое — заключается на этом свете целиком в *человеческом Слове*. Человеческое Слово представляет промежуточным и обращаемым агентом: связующим звеном между землей и небом, средним термином всех крайностей, универсальным субстратом отношения.

В своих взаимоотношениях с *Абсолютной Истиной* человеческое Слово выражает себя в виде активной добродетели: *Веры*. В своих взаимоотношениях со *случайной реальностью* он проявляется в виде пассивной добродетели: *Знания*. В своих же взаимоотношениях с

божественным Словом человеческое Слово выражает себя в способности отождествления относительного с абсолютным, конечного с бесконечным, дольной единицы с единством: в *Сознании*, которое нейтрально, то есть активно по отношению к Знанию и пассивно по отношению к Вере.

Человеческое Слово, узнающее себя в собственном зеркале, — таково Сознание⁴³². Стало быть, его ориентация на Знание или на Веру открывает перед индивидуальным человеком двойную сферу деятельности — позитивную и мистическую — для проявления своих потенциальностей; каковы бы ни были склонности индивида, как в одной, так и в другой сфере — к правильности или к извращенности, к Добру или ко Злу.

Провозгласив эти принципы, мы лучше поймем, что у Искусства тоже есть своя магия, темная или светлая, пагубная или благотворная; поскольку Искусство — не что иное, как адаптация человеческого Слова, модализированная по образцу каждого индивида и расходящаяся в виде эманаций, которые воплощаются в адекватных формах, символически выражающих этот индивидуальный глагол.

Всякое произведение искусства представляется, на первый взгляд, лишь *воплощением мысли*. Пусть будет так; но правда ли, что эта мысль замирает, становится бесплодной и угасает при своей фиксации? Правда ли, что форма, в которую она заключена, служит ее последним завершением? Что, создав себе эту «корку», она исчерпала свою виртуальную энергию? Ошибочно было бы так полагать. В общей физике есть закон, по которому сила преобразуется и никогда не исчезает. Мысль не умирает в силу того, что она принимает определенную форму. Подобно душе, она, наоборот, воплощается лишь для того, чтобы утвердиться на материальном плане; она облекается в осязаемый образ лишь для того, чтобы воздействовать на чувства; в пластичную и объективную форму — для того чтобы приобрести «права гражданства» в пластичном и объективном мире. Сама эта форма служит ей «медиумом», оболочкой и инструментом для проявления своей энергии в новой сфере. Стало быть, любое произведение искусства чревато скрытой способностью реализации, которая рано или поздно неизбежно приведет к

⁴³² В активной форме Сознание может пользоваться своим критерием, которым является *Рассудок*; в пассивной же форме оно этого не может. И вот почему Рассудок (критерий Сознания) компетентен в вопросах Науки, но некомпетентен в вопросах Веры. Ведь если по отношению к Вере сознание проявляется лишь в пассивной форме, то оно не может воспользоваться своим человеческим критерием, которым является рассудок; отныне он должен подчиняться божественному критерию (*sensorium coeleste*), который можно было бы назвать «Логикой Абсолюта».

реальным результатам, соответствующим ее врожденному принципу: эти произведенные результаты будут магическим выражением идеи, вложенной в данное творение.

Из чего можно заключить, подводя итог: всякое произведение искусства — магическое деяние, хорошее либо дурное; идеал, который является его «душой», склоняет его потенциал одесную или ошую; скрытая в нем способность реализации представляет собой магический агент его детерминизма, к добру или ко злу. В конце концов, всякий художник — маг или колдун, — чаще, увы, колдун, нежели маг.

Маги чистого искусства и Гоэты искусства нечестивого! Теургия или Некромантия пера, музыки и кисти! Какую прекрасную книгу можно было бы написать на эту трансцендентальную тему! Однако подобный труд оказался бы нам не по силам во всех отношениях⁴³³. Но если бы нас попросили набросать хотя бы в общих чертах синтетическую схему искусства с этой точки зрения, мы охотно позаимствовали бы у мифологии Эллады четыре различных типа, символизирующих (как нам кажется) четыре «семьи» искусств, которые можно считать первичными. Эти типы — благодаря своим сочетаниям, — и эти «семьи» — благодаря своим соединениям — представят план, разделенный наподобие шахматной доски и пригодный для систематических классификаций, по образцу генеалогического древа.

Нельзя ли различать, например: — 1. Искусство аполлона, *Хризопэты* (почти всё великое искусство; в частности, Орфей, Вергилий, св. Иоанн, Ламартин и Виньи; Рафаэль и Микеланджело; Бах, Моцарт и Россини). — *Астрологические референции*: ☉ и ♃; *соответствующие галеновы препараты*: соляные крепкие вина; — 2. Искусство гекаты, *Чародеи* (демономаны: Ремигий и Боден; головокружительные мистики: например, Бёме и Сведенборг; По, Гофман, Бодлер и Роллина; Рембрандт и Калло, Сальватор Роза; Шопен, Берлиоз: «Осуждение Фауста»). — *Астрол. рефер.*: ♃ и ♃; *соотв. гален.*: опиум и, особенно, кокаин; — 3. Искусство эроса, *Эротики* (Анакреон и Сапфо, Катулл, Тибулл и Петроний, Кребийон-сын и маркиз де Сад, Мюссе: стихи; многие граверы XVIII столетия; Прудон: *papers bleus*; Ропс: офорты; Холмс; Масне в «Эсclarмонде»). — *Астрол. рефер.*: ♀ и ♀; *соотв. гален.*: опиум со шпанской мушкой; — 4. Искусство атропос, *Нигилисты* (Лукреций: «*De natura rerum*», Вольтер: «Кандид»,

⁴³³ Наш друг Эмиль Мишле, автор замечательного очерка об «Эзотерике в искусстве», очевидно, избран для того, чтобы когда-нибудь выполнить эту задачу, достойную поэта-платоника, близкого к модернизму.

Жан-Жак, Дидро; Гёте: «Вертер»; Байрон: «Каин» и «Манфред»; Стендаль: «Красное и черное»; Мюссе: «Исповедь сына века»; Ришпен: «Богохульства»; Гойя, Сурбаран). — *Астрол. рефер.*: ♃ и ♂; *соотв. гален.*: Дурман, Conium, Hyosciamus.

Достаточно; любые детали, которыми мы могли бы усложнить эту таблицу, не в силах оправдать ее глубинного несовершенства — и даже неточности, поскольку для того, чтобы точно определить приписываемую каждому художнику ячейку, следовало бы расширить приведенный выше крошечный план и раскрыть его для всеохватывающего нагромождения очень сложных подразделов, о которых мы уже говорили. Да и как разместить по ящичкам с ярлыками универсальных гениев: Шекспира, Леонардо, Бетховена? Как закрепить на подпорках эти исполинские художественные натуры, чья безудержная жизненная сила, бьющая через край во всех смыслах, невзирая на разделительные рейки, покрыла бы всю шпалеру гроздьями многокрасочных цветов? Одна мысль об этом была бы безумием... Означает ли это, что слегка намеченные выше типы искусства — иллюзорны? Мы так не думаем. Да будет нам позволено сравнение с прекрасной «*Теорией темпераментов*» гг. Польти и Гари: аналогия очень близкая, так как речь для нас идет о художественных темпераментах. Так вот, не составляет ли исключение, — если он вообще возможен, — субъект, безусловно воплощающий в себе один из четырех первичных типов (B, L, N или S), за вычетом трех других? Тем не менее, каждый из этих четырех основных элементов, которые следовало отбирать и на ходу конструировать — вначале путем аналитической диссоциации, а затем путем абстрактного синтеза, — обладает собственной ценностью и отнюдь не произволен; так что их классификация в порядке преобладания позволяет при первом же осмотре вывести физиогномическую формулу субъекта. Вероятно, мы могли бы подобным же образом составлять формулы, основываясь на систематическом сочетании четырех художественных типов: *Аполлон*, *Геката*, *Эрос* и *Атфрос*. Мы не будем продолжать дальше это отступление, поскольку хотели лишь обозначить один из возможных путей.

Мы надеемся, что вы теперь можете распознать некоторые произведения, которые мы разоблачили как коварные, под эмблемой «цветов бездны». Это не литературная обработка оккультных теорий в рамках поэмы, рассказа или романа, как, например, «*Влюбленный дьявол*» Казотта, «*Странная история*» Бульвера или столь увлекательные новеллы Лермина; ни, тем более, волшебные легенды Востока или «*Сказки Матушки Гусыни*». Если даже эти

«цветы» собраны на краю бездны, то следует признать, что они не выделяют яда; их тонкий аромат ни у кого не вызывал головокружения черных глубин... Нет, мы никогда не стали бы осуждать чудесное в искусстве.

Мы всегда испытывали слабость к болтовне прашуров: рискуя «пасть» в глазах порядочных людей, мы признаемся в этом без обиняков, ибо это так. О, дивные фантазии поэта Перро! Но фантазии ли это?.. Царство фей и гениев, несомненно, должно существовать на какой-нибудь милой и далекой планете, или блуждающие грезы нашего детства солгали нам! Мы не можем этого принять: как грустно, когда греза обманывает! Только реальность должна обладать правом на ложь. Вы разуверились в жизни, разочарованный молодой человек, чью душу ранил реальный мир? Так, по крайней мере, не отрекайтесь от грез вашего детства; пусть они будут для вас убежищем, где спадает вал грубого столетия. Как приятно и утешительно их воскрешать; как полезно вдыхать их светящуюся мглу!.. В восемнадцать лет мы попытались воплотить эти излюбленные грезы; они согласились довольно неохотно: воплощение оказалось недостаточным; так что они сохранили туманный облик и призрачный вид. Неопределенные, неясные очертания колебались. Поэтому мы решили с тех пор забыть об этой бессильной попытке, этом неудачном произведении, бесцветном и невыразительном. Не советуя никому отведать недозревший плод нашей поэтической неопытности, мы скажем лишь, что недавно, когда мы перечитывали эти *«Фантастические рифмы»*⁴³⁴ — а рифмуются они, увы, плохо, — нас поразило и почти взволновало чувство, преобладающее в этих стихах, чье единственное достоинство — искренность: смутное, но вполне реальное осознание потустороннего мира сквозит там в каждой строфе.

Неужели милые феи так далеки?

— Бабушка, ты такая хорошая рассказчица! Поведай же нам еще одну историю о былых временах! Мы — взрослые дети, и наши уши, оглушенные грохотом современного города, все же могут воспринимать, нежные и внимательные, тишайшее журчание чудесных источников; и вздрагивать от восторга при звуках музыки, которую всякий слышал лишь сквозь надтреснутый голос старух-сказочниц, — как слышим мы неясные мелодии сквозь глухой грохот экипажа, катящегося по мостовой. Мы прольем слезы над воображаемыми несчастьями, хотя наши глаза остаются сухими

⁴³⁴ *Oiseaux de passage, Rimes fantastiques, Rimes d'ebene*, par Stanislas de Guaita. Paris, Berger-Levrault, 1881, in-12.

при душераздирающем зрелище реальных бед. Наше мертвое сердце может вновь воскреснуть к искусственной жизни, благоговейно приоткрытое для любви к прелестной *Спящей Красавице!*

Заставь же нас еще раз улыбнуться и расплакаться — нас и даже тех, чьи губы побледнели, а глаза потускнели от сплина, — заставь нас еще раз улыбнуться и расплакаться, наивная легенда, приходящая к нам из темного прошлого, на богатом и банально расцвеченном языке, наследственном языке неразумных старух!.. Нас охватывает ностальгия по фантастическим краям, нас охватывает любовь к тем, кто жил только в белом пологе над спящим ребенком, кто шептал лишь в ветерке идеальной весны, к кому нас приводят ребяческие и суеверные сожаления: сожаления, напоминающие о стране, населенной грезами, — которая хорошо знакома нашему мечтательному неведению...

Увы, увы! Мы остаемся равнодушными к взволнованному голосу девственниц, взывающих к любви, куртизанок, предлагающих ее видимость, и к голосу любящих супругов. Но проливаем настоящие слезы и осыпаем искренними поцелуями фантомы, возникающие в лунном луче при звуках твоего надтреснутого голоса, бабушка!

Первый Септенер окончен; два других будут основаны не на историях, фактах и легендах, а на теориях герметической науки и оккультной философии. За «Храмом Сатаны» последует «Ключ к Черной магии»; а затем «Проблема Зла» завершит эту серию

«ЗМЕЯ КНИГИ БЫТИЯ».

Андре БИЛЬИ

СТАНИСЛАС ДЕ ГУАЙТА

Кем же был на самом деле маркиз де Гуайта: аристократом от оккультизма, практиком-колдуном, отравителем, самозванцем или философом, занятым изучением проблемы Добра и Зла? Как случилось, что его книги оказали столь сильное влияние на развитие оккультизма XX века? Россия была (да и сейчас находится) под мощным воздействием духовного импульса, связанного с этой загадочной личностью.

Папюс, чьи опусы который год переиздаются немалыми тиражами, — его прямой ученик и соратник; брат Каббалистического ордена Креста+Розы выполнял весьма неблагоприятную миссию при дворе императора Николая II. И, судя по всему, безуспешно.

Г.О.М. — руководитель наиболее значительной сети оккультных групп и обществ в Петербурге (а затем и в Ленинграде!) — был генеральным представителем ордена, созданного Гуайтой.

Другой известнейший российский автор оккультных книг В.А. Шмаков (между прочим, руководитель московских розенкрейцеров), находился под сильнейшим впечатлением работ философа-каббалиста Гуайта (собственно, по обильным цитатам в книгах Шмакова российский читатель и составлял себе представление об оккультной школе Гуайта).

Судя по всему, деятельность загадочного маркиза оставила весьма разнообразные семена, которые дали всходы. Хотелось бы разобраться в истоках, прояснить личность Гуайты.

К сожалению, о многом можно только строить догадки. И читатель, вслед за Бильи, шаг за шагом следует по запутанному пути исторического расследования: письма, цитаты, воспоминания — все это создает несколько туманную картину жизни маркиза, в которой, тем не менее, достаточно надежно угадывается его истинный облик. В книге упомянуты — в разной связи — более 200 персоналий! Многие из которых — известнейшие деятели французской культуры. И если развитие оккультизма в XX веке нельзя понять без знания этого направления эзотерической мысли, то влияние личности Гуайта на многих деятелей литературы и искусства, дает, как минимум, новые представления о скрытых причинах различных течений.

Книга дополнена кратким биографическим справочником, а также статьей В. Карпца «Французский эзотеризм глазами историка».

Станислас де ГУАЙТА

**ОЧЕРКИ О ПРОКЛЯТЫХ НАУКАХ
У ПОРОГА ТАЙНЫ**

ЗМЕЙ КНИГИ БЫТИЯ

Первый септер

Книга I

ХРАМ САТАНЫ

Перевод с французского

Валерий Нугатов

Редакторы

Владимир Карпец

Иеремия Коршунов

Корректор

Валерия Ахметьева

Оформление и компьютерная верстка

Иеремия Коршунов

Подписано в печать 11.07.04. Формат 70х100/16

Бумага офсетная. Гарнитура «Баскервиль»

Печать офсетная. Тираж 3 000 экз. Заказ 3670

ЗАО «Ланселот»

Отпечатано в соответствии

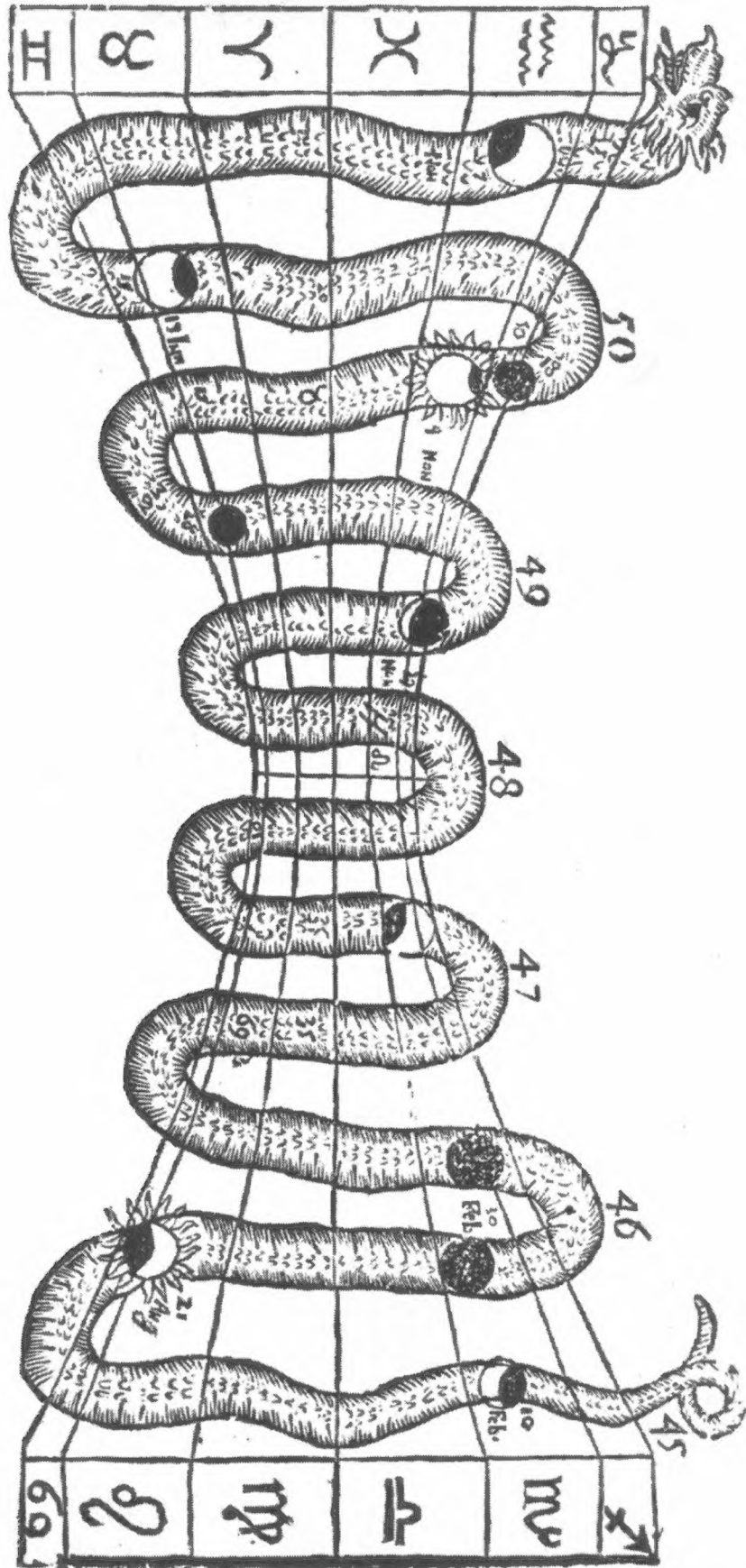
с качеством предоставленных диапозитивов

в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, Можайск, ул. Мира, 93

9 785902 753018

Primum Mobile
Mentis Apollineae mens
has mouet undiq. Musas

V R A N I A

חיתחקרש

P O L Y H Y N N I A

παρρησία

אופנים

E V T E R P E

μέδω

ארלים

E R A T O

λύχνος μυστα

שנפים

M E L P O M E N E

παρρησία

השתלים

T E R P S I C H O R E

λύχνος μυστα

כנופים

C A L L I O P E

λύχνος μυστα

בני אלה

C L I O

παρρησία

אלהים

T H A L I A

λύχνος μυστα

המלאכים

παρρησία

